

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (55)

ОРЕЛ – 2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 5 (55)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Чельшова И.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Пастернак Е.Л., Уман А.И.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2013. – №5(55). – 336 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95

Орловский государственный университет

Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.5
No.55**

OREL – 2013

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.5 - No.55

Editorial Board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Belevitina T.M. (responsible editor), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Alekseev A.P., Zaichenkova M. S., Ivanov A.E., Izotov V.P., Isayeva N.I., Kapustin A.Ya., Kolesnikova A.F. Lvova S.I., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Oskotskaya E.R., Pakhar L.I., Piven V. F., Repin O. A., Sedov E.N., Seryogina T.V., Ter-Minasova S.G., Tyrtysnikov E.E., Uman A.I., Shabanov N. K.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Belevitina T.M. (responsible editor), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Antonova M.V., Aronova S.A., Bakhvalova T.V., Gella T.N., Izotov V.P., Kryuchkova T.B., Litvin F.A., Markovicheva E.V., Minakov S.T., Mikhachenko V.Y., Mikheicheva E.A., Nazarova G.F., Nikiforov V. A., Nikiforov V. A., Novikov S.N., Obraztsov P.I., Chelysheva I.I., Rimshina T.A., Selyutin V.D., Seryogina T.V., Tyurikova G.N., Pasternak E.L., Uman A.I.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBES HPE «Orel State University». – 2013. – №5(55) –336 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBES HPE “Orel State University”

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Team of authors, 2013

© Orel State University, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.В. Борискин АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИИ 50-60-х ГОДОВ XIX ВЕКА	11
Е.С. Матвеева ОРЛОВСКИЙ ОТДЕЛ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	15
К.Ф. Махмудов ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 50-60 ГОДАХ XX ВЕКА	20
О.А. Чернов ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.В. ЧАРЫКОВА	24

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Бельский ЭЛЕМЕНТЫ И ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ	28
В.А. Горбов АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ТЕРРИТОРИЙ	32
В.А. Ларионов РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ	35
Н.В. Невейкина ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ	42
Г.М. Самостроенко, В.А. Колыбелкина РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ХОЛДИНГОВЫХ СТРУКТУРАХ	46
Е.В. Сибирская, Л.В. Овешникова СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИИ ПРОЦЕССА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	51
Д.А. Синяков О МОБИЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ	56
Т.И. Ставцева, Е.А. Белоусова, Т.Э. Логвинова К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ВЫШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО МАССОВИЗАЦИИ	59
А.А. Устенко МОТИВАЦИЯ КАК СИСТЕМА РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА	64
Е.А. Хованская, Е.Ф. Дудина, А.В. Тришкин «START-UP», ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	68

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Н.Д. Есипова ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ: ЛИЧНОСТНЫЙ ОТВЕТ	72
И.В. Желтикова ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ОБРАЗ	75
В.В. Ким ОБРАЗОВАНИЕ И ФАНАТИЗМ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ	81
П.П. Мартинкус ПРОИЗВОДСТВО ВОООБРАЖАЕМОГО РАЗЛИЧИЯ	86
Н.В. Рожкова УНИВЕРСАЛИЯ ИГРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕРМАНА ГЕССЕ	93
В.Л. Сикирин ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВА НЕНАСИЛИЯ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ	98
М.А. Федоров АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНА «ЯЗЫК»	102

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.В. Алешина ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВОТВОРЧЕСТВА (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ НОВООБРАЗОВАНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА)	107
М.И. Бельская К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЖАНРОВ РОМАНА И РУССКОЙ ПОВЕСТИ КОНЦА XVII–НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ	110
К.О. Бологова «ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ» Н.В. ГОГОЛЯ И «УКРАИНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ» Г.Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ	115
С.А. Бубнов ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА НА СТРАНИЦАХ ПРОЛЕТКУЛЬТОВСКИХ ЖУРНАЛОВ В 1918-1919 гг.	122
И.В. Вакорина К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕНОМЕНА «МАТЕРИНСТВО» У АФРОАМЕРИКАНЦЕВ	125
Е.А. Михеичева ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И САША ЧЕРНЫЙ. К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ	129
С.А. Приходько РЕЧЕВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ТРУДЕ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»	134
Н.В. Романова ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	141
Е.В. Сидорова ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ	145
Г.А. Сосунова МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ	150
М.В. Теляковская СПОРНЫЕ СЛУЧАИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ	155

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.А. Герасина О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГЛАВЫ 15 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	161
А.А. Гнеушева АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ «ПОКОЛЕНИЙ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	165
Н.Ю. Давыдова ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ В 1917-1928 гг.	168
Е.В. Демидова БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	171
Д.А. Мальбин ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ВЛАДЕНИЯ	174
Е.В. Марковичева ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ	177
А.В. Меркулова РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ КАК ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	181
Е.Н. Михайлова, И.В. Михайлов АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В СФЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ	184
В.А. Никифоров, М.А. Соболева, А.В. Тришкин ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЕЙ СЛОЖНОСТРУКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОРМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОВОГО ТОРГОВОГО ОБОРОТА	187
Ю.Р. Орлова ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	189
А.В. Погodin ПРАВО, ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ	194
М.В. Ситников О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АДВОКАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	198
О.Р. Чудинов ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ	201

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.И. Алдошина, С.В. Воронков МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УНИВЕРСИТЕТА	206
А.Н. Бакуров РЕАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДИНАМИЧЕСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ	215
Е.И. Гамова ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ ОРИЕНТИРОВКИ С УРОВНЕМ ОРГАНИЗОВАННОСТИ ГРУППЫ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	218
Ю.В. Гришина ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ПРАКТИКИ	223
Е.Ф. Дудина, Е.Н. Пузанкова, Е.А. Хованская, М.А. Соболева ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК БАЗА РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ОГУ	229
Ю.В. Дулепова ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА-ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	235
Е.В. Дьякова ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ И НАВЫКОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	239
Н.А. Идрисова ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В ПЕДАГОГИКЕ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ	242
Н.А. Ильина, О.В. Опрятнова, Е.В. Кузнецова ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВУЗА	246
И.Р. Левина, Е.В. Марковичева ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»	251
С.В. Макеева К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА	253
В.С. Петров ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА	257
Е.Н. Пузанкова СФОРМИРОВАННОСТЬ ОБРАЗНОГО СТРОЯ РЕЧИ И ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ 5-11 КЛАССОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ	260
Е.А. Санкова АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ	263
Т.И. Смагина КОНТЕКСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БАКАЛАВРА-БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	270
Л.А. Сысоева, А.С. Носкова СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ	274
М.Н. Уварова, Т.А. Павлова ИНТЕРНЕТ-ТЕСТИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА	277

Е.А. Хованская, Т.И. Ератова

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРИОКСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО МНОГОПРОФИЛЬНОГО БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА
 ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 281

Л.А. Ходякова, И.К. Геро

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ КАК МЕТОД АКТИВИЗАЦИИ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ЖИВОПИСИ И МУЗЫКИ 286

И.Е. Шемякина

САМООБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ КУРСАНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
 ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ 293

Д. В. Шепетько

РОЛЬ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В ПРИНЯТИИ ЭФФЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ 298

М.В. Якушев

КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ: О ЦЕЛЯХ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ 301

17.00.00 – ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

В.Н. Бубенцов

ОСОБЕННОСТИ ПЛЕНЭРНОЙ ЖИВОПИСИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (АРКТИКА И МУРМАНСКИЙ РЕГИОН) XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ 308

Н.В. Егулова

ДИЗАЙН КАК ВИД ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 312

Л.А. Кузнецова

САМОБЫТНОСТЬ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ 315

Н.И. Радвил

Тьюторство в непрерывном дизайн-образовании 318

Е.А. Чертыковцева

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНЫХ
 ПРОГРАММ ДЛЯ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ 322

Н.Е. Шилова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА «ЦЕРКОВНО-ХОРОВОЕ ПЕНИЕ» 326

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Е.А. Михеичева

К 80-ЛЕТИЮ ПРИСУЖДЕНИЯ И.А. БУНИНУ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ 331

Т.Н. Гелла

ГРАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – «ПУШКИН ИСТОРИИ» 332

М.А. Кирсанов

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 ПО ПРОБЛЕМАМ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ 332

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ 333

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ 334

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ 335

CONTENTS

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

<i>V.V. Boriskin</i> ENGLISH NATIONAL CHARACTER THROUGH THE PRISM OF THE PUBLIC OPINION OF RUSSIA OF THE 50S-60S OF THE 19-TH CENTURY.....	11
<i>E.S. Matveeva</i> OREL BRANCH OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY IN THE SECOND HALF OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURY.....	15
<i>K.F. Mahmouds</i> PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN AZERBAIJAN IN 50-60S OF XX CENTURY.....	20
<i>O.A. Chernov</i> ART LITERATURE IN N.V. CHARYKOV'S LIFE AND WORK.....	24

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

<i>A.A. Belskiy</i> ELEMENTS AND INSTITUTIONS OF THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM.....	28
<i>V.A. Gorbov</i> THE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT AREAS.....	32
<i>V.A. Larionov</i> THE DEVELOPMENT OF THE HOSPITALITY INDUSTRY IN THE CONTEXT OF THE WORLD MARKET OF HOTEL SERVICES'S TRANSNATIONALIZATION.....	35
<i>N.V. Neveykina</i> TIPOLOGIZATION OF REGIONS.....	42
<i>G.M. Samostroenko, V.A. Kolybelkina</i> THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SYSTEMS IN HOLDING STRUCTURES.....	46
<i>E.V. Sibirskaya, L.V. Oveshnikova</i> THE CONTENTS AND FUNCTIONS OF STRATEGIC PLANNING INFRASTRUCTURE SECURITY ENTERPRISE.....	51
<i>D.A. Sinyakov</i> ON THE MOBILIZATION OF INVESTMENT IN THE AGRICULTURAL SECTOR.....	56
<i>T.I. Stavtseva, E.A. Belousova, T.E. Logvinova</i> ON THE QUESTION OF THE SOCIAL IMPORTANCE OF MASS HIGHER EDUCATION.....	59
<i>A.A. Ustenko</i> MOTIVATION AS A SYSTEM OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF LABOUR EFFICIENCY.....	64
<i>E.A. Khovanskaya, E.F. Dudina, A.V. Trishkin</i> «START-UP», OR INFORMATION AND LEGAL SUPPORT OF SMALL BUSINESS.....	68

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>N.D. Yesipova</i> EXISTENTIAL QUESTIONS: THE PERSONAL RESPONSE.....	72
<i>I.V. Zheltikova</i> THE IMAGE OF THE FUTURE AS AN IMAGE.....	75
<i>V.V. Kim</i> EDUCATION AND FANATICISM: POINT OF CONTACT.....	81
<i>P.P. Martinkus</i> THE PRODUCTION OF IMAGINARY DISTINCTION.....	86
<i>N.V. Rozhkova</i> UNIVERSAL OF GAME AS PART OF HERMANN HESSE'S WORLDVIEW.....	93
<i>V.L. Sikirin</i> POTENTIAL AND PERSPECTIVE OF NONVIOLENCE AS A SPECIAL FORM OF PUBLIC PRACTICE.....	98
<i>M.A. Fedorov</i> RESEARCH ASPECTS AS A WAY TO OVERCOME THE EXCESSIVE NUMBER OF DEFINITIONS OF «LANGUAGE».....	102

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>L.V. Aleoshina</i> LINGUISTIC WORLD IMAGE THROUGH THE PRISM OF WORD CREATION (FROM EXPERIENCE IN WORKING ON THE DICTIONARY OF NEOLOGISMS BY N.S. LESKOV).....	107
<i>M.I. Belskaya</i> ON THE QUESTION OF INTERACTION BETWEEN THE GENRES OF NOVEL AND RUSSIAN NARRATIVE IN THE LATE XVII – EARLY XVIII CENTURIES.....	110
<i>K.O. Bologova</i> «THE STORY OF HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH IVAN NIKIFOROVICH» BY N.V. GOGOL AND «THE UKRAINIAN DIPLOMATS» BY G.F. KVITKA-OSNOVYANENKO: SIMILARITIES AND DIFFERENCES.....	115
<i>S.A. Bubnov</i> THE INTERPRETATION OF S.A. YESENIN'S POETRY IN PROLETKULT MAGAZINES IN 1918-1919.....	122
<i>I.V. Vakorina</i> TO THE QUESTION ABOUT CULTURAL HISTORICAL FEATURES OF THE PHENOMENON «MOTHERHOOD» AT THE AFRO-AMERICANS.....	125
<i>E.A. Mikheicheva</i> LEONID ANDREEV AND SASHA CHORNY. CREATIVE CONTACTS PROBLEM.....	129
<i>S.A. Prihodko</i> SPEECH BORROWING IN V.I. LENIN'S MONOGRAPH «MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM».....	134
<i>N.V. Romanova</i> THE DYNAMICS OF EMOTIONAL INTERJECTIONS IN GERMAN LANGUAGE.....	141
<i>Y.V. Sidorova</i> USING A MULTIMODAL TEXT FOR STUDYING EMOTIONAL SPEECH.....	145
<i>G.A. Sosunova</i> METAPHOR IN FRENCH PROFESSIONAL CUSTOMS LITERATURE: METALINGUISTIC FUNCTION, CLASSIFICATION.....	150
<i>M.B. Telyakovskaya</i> CONTROVERSIAL CASES ISOLATED BY CAUSAL CONJUNCTIONS.....	155

12.00.00 – SCIENCE OF LAW

Y.A. Gerasina

ABOUT THE NECESSITY OF PERFECTION OF THE PROVISIONS OF CHAPTER 15 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION. 161

A.A. Gneusheva

THE ANALYSIS OF THE UNIVERSAL CONVENTIONS PROVIDING THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF «GENERATIONS» OF HUMAN RIGHTS 165

N.Yu. Davidova

LEGAL REGULATION OF RUSSIAN COPYRIGHT IN 1917-1928. 168

E.V. Demidova

HOMELESSNESS AND NEGLECT IN THE RUSSIAN FEDERATION 171

D.A. Malbin

THE DEFINITION AND STRUCTURE OF POSSESSION. 174

E.V. Markovicheva

MAIN AREAS OF CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEDURE WITH REGARD OF JUVENILE OFFENDERS 177

A.V. Merkulova

THE REAL PROPERTY MARKET AS THE ECONOMIC AND LEGAL CATEGORY 181

E.N. Mikhailova, I.V. Mikhaylov

THE ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN EXACTING ALIMONY PAYMENTS 184

V.A. Nikiforov, M.A. Soboleva, A.V. Trishkin

PRECONDITIONS OF CREATION OF THE SPECIALIZED ORGANIZATIONS, SLOZHNOSTRUKTURNY COMPLEXES OF NORMS ENGAGED IN SYSTEMATIZATION
LEGAL REGULATION OF A WORLD TRADE TURNOVER 187

Yu.R. Orlova

INCREASE OF EFFICIENCY OF PURPOSE OF PUNISHMENT AND COERCIVE MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE AS ONE
OF PRIORITY PROBLEMS OF FORMING CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN STATE CONCERNING MINORS 189

A.V. Pogodin

LAW, LAW REALIZATION AND MORALS 194

M.V. Sitnikov

ON THE INTERACTION OF ADVOCACY AND PUBLIC ORGANIZATIONS FOR THE PROTECTION
OF THE RIGHTS OF CITIZENS IN CORRECTIONAL FACILITIES (ON MATERIALS OF OREL REGION) 198

O.R. Chudinov

LEGAL EDUCATION IN ENGINEERING-TECHNICAL UNIVERSITY 201

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES

M.I. Aldoshina, S.V. Voronkov

THE MODEL OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION IN UNIVERSITY EDUCATIONAL PROCESS 206

A.N. Bakourov

THE IMPLEMENTATION OF DIDACTIC FUNCTIONS OF DYNAMIC COMPUTER MODELS 215

E.I. Gamova

THE INTERCOMMUNICATION OF TYPES OF ORIENTATION WITH EFFECTIVENESS OF JOINT ACTIVITY AND LEVEL OF ORGANIZATION GROUP 218

Yu.V. Grishina

TECHNOLOGY OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' PREPAREDNESS TO
PROFESSIONAL SOCIAL-PEDAGOGICAL CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF PRACTICE 223

E.F. Dudina, E.N. Puzankova, E.A. Khovanskaya, M.A. Soboleva

OREL STATE UNIVERSITY AS A BASE FOR SCIENTIFIC STUDENTS' COMMUNITY OSU 229

Y.V. Dulepova

FORMATION OF GENERAL CULTURAL COMPETENCES OF A MODERN SPECIALIST-GRADUATE
OF THE TECHNICAL UNIVERSITY ON THE LESSONS OF A FOREIGN LANGUAGE 235

E.V. Dyakova

STUDY OF THE PROBLEM OF SELF-AWARENESS AND SELF-PRESENTATION SKILLS OF YOUNGER TEENAGERS WITH MENTAL RETARDATION. 239

N.A. Idrisova

THE DETERMINATION OF THE CONCEPT OF "HEALTHY LIFESTYLE" IN TEACHING CONTENT-ANALYTIC METHOD. 242

N.A. Ilyina, O.V. Opryatova, E.V. Kuznetsova

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF THE UNIVERSITY 246

I.R. Levina, E.V. Markovicheva

ORGANIZATION OF RESEARCH STUDY PRACTICE OF STUDENTS OF MASTER'S COURSES IN DIRECTION «JURISPRUDENCE» 251

S.V. Makeeva

TO THE QUESTION OF FORMATION OF STUDENTS SOCIAL COMPETENCE IN AGRICULTURAL UNIVERSITIES 253

V.S. Petrov

PEDAGOGICAL MODELING OF THE FORMATION OF SOCIAL AND EDUCATIONAL COMPETENCE OF MILITARY UNIVERSITY STUDENTS. 257

E.N. Puzankova

FORMATION OF THE FIGURATIVE SYSTEM OF SPEECH AND FIGURATIVE THINKING OF PUPILS OF 5 - 11 CLASSES
OF COMPREHENSIVE SCHOOL ON THE BASIS OF WORK WITH THE ART TEXT 260

E.A. Sankova

THE ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE EXPERIMENTAL WORK FOR FORMING THE STUDENTS CARTOGRAPHIC COMPETENCE BY MEANS
OF THE PROFESSIONAL CENTERED TEACHING TECHNOLOGY. 263

T.I. Smagina

CONTEXT-OPERATING TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL READINESS OF A BACHELOR – A FUTURE TEACHER
FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNG SCHOOL-CHILDREN A FOREIGN LANGUAGE 270

L.A. Sysoeva, A.C. Noskova

MODERN PROBLEMS OF FORMATION OF PHYSICAL-HEALTH-IMPROVING TECHNOLOGY FOR ADULTS. 274

M.N. Uvarova, T.A. Pavlova

INTERNET TESTING AS MEANS OF PREPARATION OF THE EXPERT 277

E.A. Khovanskaya, T.I. Eratova

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT PRIORSKO REGIONAL DEVELOPMENT
MULTI-SERVICE BUSINESS INCUBATOR ORLOVSKI GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITA 281

L.A. Hodyakova, I.K. Gero	
EDUCATIONAL PROJECT AS METHOD OF ACTIVIZATION OF TYPES THE SPEECH ACTIVITY OF PUPILS BY MEANS OF PAINTING AND MUSIC.....	286
I.E. Shemyakina	
SELF – EDUCATION IS A BASE OF DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY OF CADETS IN MODERN CONDITIONS OF SOCIAL PEDAGOGICAL CHANGES OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGHER MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTION.....	293
D. V. Shepetko	
THE ROLE OF THE SYSTEM ANALYSIS IN EFFECTIVE ADMINISTRATIVE DECISION-MAKING.....	298
M.V. Jakushev	
COMPETENCES AND COMPETENCE: ABOUT THE GOALS AND CONTINUITY OF MODERN EDUCATION	301
17.00.00 – ART CRITICISM	
V.N. Bubentsov	
PECULIARITIES OF THE OPEN AIR PAINTING ON THE NORTH OF RUSSIA (THE ARCTIC AND MURMANSK REGION) XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES.....	308
N.V. Egupova	
DESIGN AS A TYPE OF PROJECT-ARTISTIC ACTIVITY	312
L.A. Kuznetsova	
THE IDENTITY OF FOLK CRAFTS	315
N.I. Radvil	
TUITION IN THE CONTINUOUS DESIGN EDUCATION.....	318
E.A. Chertykovtseva	
PECULIARITIES OF PLANNING STUDY OF ART MATERIAL WHILE WORKING OUT THE PROGRAMS FOR BACHELORS OF GRAPHIC ARTS FACULTIES IN HIGHER EDUCATIONAL INDITUTIONS.....	322
N.E. Shilova	
EDUCATIONAL PROGRAM «CHURCH-CHORAL SINGING»	326

УДК 94(47).081

UDC 94(47).081

В.В. БОРИСКИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: vbor81@yandex.ru

V.V. BORISKIN

candidate of historical sciences, associate professor of political science, public and municipal administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: vbor81@yandex.ru

АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИИ 50-60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

ENGLISH NATIONAL CHARACTER THROUGH THE PRISM OF THE PUBLIC OPINION OF RUSSIA OF THE 50S-60S OF THE 19-TH CENTURY

Данная статья посвящена проблемам восприятия Англии и англичан в российском обществе 1850-1860-х годов. Предпринимается попытка осветить малоизученный аспект общественного мнения России этого периода.

Ключевые слова: викторианская Англия, общественное мнение России, восприятие русскими Запада.

The article is devoted to the problems of perception of England and the English in the Russian society of the 1850s-1860s. The attempt is made to illustrate poorly studied aspect of the public opinion of Russia during this period.

Keywords: Victorian England, public opinion of Russia, perception of West by Russians.

История России на редкость богата межнациональными и межгосударственными связями. На протяжении последних четырёх с половиной столетий в их ряду одно из ключевых мест занимали контакты с Англией («Туманным Альбионом», как её образно именовали россияне). Особый период составили 50-60-е гг. XIX в. В это время отношения двух государств приобрели сложный, подчас драматический, но одновременно и насыщенный яркими событиями характер. С одной стороны, наблюдалось плодотворное сотрудничество русских и англичан в экономической, научно-технической, культурной сферах. С другой – резко обострилось их соперничество на международной арене, что выразилось как в прямых военных столкновениях в ходе Крымской войны (1853-1856 гг.), так и в длительном дипломатическом и экономическом противостоянии в Афганистане, Персии и Средней Азии. Перечисленные аспекты российско-английских связей подробно и разносторонне исследованы отечественными и зарубежными историками.

В то же время проблема восприятия Англии и англичан в российском обществе XIX в. не нашла достаточно полного освещения в научной литературе. Вместе с тем доказано, что имиджологические аспекты всегда играли – и продолжают играть – немаловажную роль как в межкультурной коммуникации, так и в международных отношениях. Бесспорно, устойчивые национальные образы и стереотипы в значительной степени определяли специфику российско-английских связей в рассматриваемый период.

Необходимость постановки данной проблемы определяется, в том числе, задачами оптимизации со-

временного диалога между двумя государствами, нейтрализации препятствий, встающих на этом пути. Ещё в начале 1990-х гг. историк А.Б. Соколов подметил, что «представления наших людей об Англии и англичанах находятся на том же уровне, что и в первой половине XIX в. По страницам разных изданий продолжают кочевать утверждения о чопорности, прирождённом консерватизме англичан, их склонности к меланхолии...» [20, с. 280-281]. Очевидно, что данные стереотипы восприятия имеют широкое распространение и сегодня, выступая существенным тормозом в процессе построения конструктивных межгосударственных отношений. На наш взгляд, конкретно-историческим исследованиям особенностей формирования представлений об Англии и англичанах в российском обществе вполне по силам выявить истоки и механизмы образования этнических стереотипов и тем самым поспособствовать их разоблачению, а в перспективе – и преодолению. В свою очередь, изучение и пропаганда исторических примеров позитивного взаимопроникновения двух культур приведут к улучшению взаимопонимания на современном этапе, помогут выработке прочных основ толерантного общения в будущем.

Без преувеличения можно отметить, что ключевым элементом образа Англии и англичан в российском общественном мнении XIX в. выступали представления об английском национальном характере. Они несли важную познавательную, прогностическую функцию – давали возможность проникнуть в глубинные мотивы поведения партнёра/соперника, предсказать и во многом предопределить перспективы российско-английского взаимодействия. В то же время именно на

этом пути современника подстерегали самые «опасные» ловушки. Если представления россиян об английской политике, экономике, социальной жизни, мире досуга во многом основывались на наблюдениях объективно существовавших и проверяемых опытным путём явлений, то здесь они ступали на зыбкую почву этнической психологии. В результате, в силу умозрительности интерпретаций, именно представления о национальном характере англичан были в наибольшей степени подвержены стереотипизации, т.е. наделению устойчивыми, схематичными и эмоционально окрашенными чертами.

Своеобразие восприятия обнаруживалось уже в самых общих высказываниях русских на данную тему. Корреспондент журнала «Современник» писал, что «англичанин везде один и тот же, он везде исключителен» [19, с. 2]. Публицист Н.А. Жеребцов отмечал, что англичане «отличаются от прочих европейцев какою-то резкою особенностью...». И далее: «Англичанина, отдельно взятого, можно отличить от ста разноплеменников» [10, с. 4]. Данная точка зрения была широко распространена в общественном мнении России середины XIX в.

Пытаясь выяснить, какое содержание вкладывали современники в понятие пресловутой английской «исключительности», мы обнаруживаем набор диаметрально противоположных оценок. Сами россияне отсутствие единодушия в своих взглядах оправдывали «противоречивостью», будто бы изначально присущей английской нации. Так, ещё В.Г. Белинский подчёркивал наличие у англичан «всевозможных противоречий нравственных» [2, с. 616]. Позднее автор журнала «Отечественные записки» утверждал, что «англичанин состоит из противоречий» [14, с. 138]. Об этом же, только более детально, писал Б.Н. Чичерин: «Англия – страна всякого рода контрастов: утончённости и грубости, независимости и подобострастия, высоких нравственных стремлений и самого узкого эгоизма, широкого образования и поразительного скудоумия. И все эти контрасты связываются только тем, что они выросли из одной почвы» [26, с. 114]. Причём в 1850-1860-е гг. подобные мнения были отнюдь не единичными. Более того, стереотип «противоречивости» накладывал существенный отпечаток на оценку и других черт английского национального характера.

Например, россияне искренне уважали в представителях английского народа такие качества, как свободолюбие, независимость. А.И. Герцен полагал, что «свобода и религия уважения к лицу» – основополагающие свойства английского общества [6, с. 7]. «Отечественные записки» считали, что «англичанин не упускает из виду своей любимой и человеческой идеи – идеи личной неприкосновенности» [17, с. 108]. В то же время, согласно другим наблюдателям, в англичанах эти качества органично уживались с не менее ревностным уважением общественных авторитетов и традиций. На это указывал публицист В.П. Боткин: «Англичанин, столь свободный в своих политических мнениях, добровольно подчиняется строгой общественной дисциплине, укоренившемуся обычаю и установившимся

нормам жизни. Нет народа в Европе, у которого они возводились бы в такой неприкосновенный закон» [3, с. 286]. И.А. Гончаров даже на лице англичанина «читал» не только «выражение глубокого уважения к самому себе», но «благоговения к толпе, к обществу» [7, с. 37, 44].

Исследователи не видят в подобном сочетании черт характера ничего противоречивого, объясняя его господствовавшим в викторианском обществе «духом компромисса», или «консенсусным сознанием» [24, с. 56]. Он находил воплощение в традициях толерантного мышления и поведения, которые доминировали не только в политической и экономической сферах, но и в отношениях между различными социальными группами, личностью и социумом в целом. Однако российскому обществу середины XIX в., далёкому от подобных традиций, было трудно понять и принять эти особенности английской психологии. На помощь приходил уже успевший укорениться в сознании стереотип «противоречивости».

Похожая ситуация складывалась с восприятием в России интеллектуальных способностей англичан. С одной стороны, русских традиционно восхищали научно-технические достижения Англии, ярко свидетельствовавшие о высоком умственном потенциале нации. Пресса с уважением писала о «проницательном и изобретательном уме англичан», об их преимуществах «в деле положительных открытий науки и знания» [11, с. 26; 8, с. 3]. Одновременно эти похвалы сочетались с представлениями об англичанах как об умственно ограниченном народе. О «нерасторопности ума» англичан неоднократно говорил Герцен [4, с. 299]. Даже англофил А.С. Хомяков признавал, что «англичане выказывают невежество на счёт многих вещей» [25, с. 236]. Некоторые соотечественники пытались логически объяснить подобное противоречие. Так, Гончаров полагал: данное впечатление возникает потому, что англичане привержены узкой профессиональной специализации. «Много встречается людей, которые с первого взгляда покажутся ограниченными, а они только специальные, – писал он. – Между тем под этою ограниченностью кроется всегда сильный ум» [7, с. 45].

Немало споров в России вызывали нравственные качества англичан. Несомненно, русские приветствовали позитивные проявления английского этикета и морали в целом. Публицист М.И. Зарудный из своего путешествия вынес впечатление, что «англичане всегда и везде приличны и вежливы» [12, с. 16]. «Отечественные записки» восхищались их «нравственной красотой» [17, с. 108]. Среди ярчайших проявлений нравственных качеств англичан особо выделялась филантропия. «На этом поле Англия сделала наиболее успехов», – отмечал «Русский вестник» [18, с. 446]. Журнал не раз отдавал свои страницы пропаганде «дела человеколюбия», подробно освещая организацию приютов для бездомных, обществ взаимопомощи и пр. И вместе с тем в российском общественном мнении встречались суждения совершенно иного плана. Те же «Отечественные записки» утверждали, что в Англии «нравственность

низших и промышленных классов падает заметно, но и аристократия и достаточные классы не могут похвастаться лучшими нравами» [16, с. 48]. Публицист М.Л. Михайлов увидел на лондонских улицах повсеместные «несообщительность и грубость» [13, с. 358]. Сомнению подвергалась даже искренность филантропических деяний. Ф.М. Достоевский сообщал о богатом Лондоне, который «презрительно подаёт организованную милостыню... Бедность, страдание его не тревожат нисколько» [9, с. 421-422]. И.С. Аксаков сомневался в самих принципах, положенных в основу филантропии в Англии, в результате чего «благотворительность перестаёт быть личным нравственным актом и низводится на степень каких-то общественных отправок, подчинённых бездушному механизму» [1, с. 160].

Как показали исторические исследования, эгоизм и грубость действительно органично уживались в викторианском обществе с высокими проявлениями вежливости и человеколюбия [22, с. 9-10; 27, р. 176]. Чаще всего в основе нравственных качеств англичан лежали незыблемый принцип уважения личной независимости и житейский прагматизм. На наш взгляд, из современников наиболее близко к пониманию этого подошёл Гончаров. «Англичане учтивы до чувства гуманности, – сообщал он, – но учтивы настолько, насколько в этом действительно стоит надобность. Они ответят на дельный вопрос, сообщат вам сведение, в котором нуждаетесь, укажут дорогу, но не будут довольны, если вы к ним обратитесь просто так, поговорить» [7, с. 44].

Особо стоит отметить специфику восприятия русскими современниками английской честности. Исторически честность относилась к наиболее устойчивым чертам национального характера англичан. И.С. Тургенев в письме к Герцену заявлял, что англичанин – «человек честный» [21, с. 178]. Это признавал и его корреспондент [5, с. 248]. А вот «Отечественные записки», наоборот, сообщали: «Честность даром – эта мысль не вмещается в голову англичанина. Прочтите в романах Диккенса: у него честные люди только в низших сословиях; прочтите Теккерея и вы увидите настоящую жизнь Англии, составленную из одних обманов, лицемерства и насмешек надо всем... Сама Англия не верит уже Англии» [15, с. 153].

В последнем высказывании легко обнаружить один из источников подобных взглядов – образы английской

художественной литературы, многие из которых приобрили в России XIX в. нарицательный характер. Нельзя не заметить, что не все русские читатели учитывали специфику данных произведений, призванных разоблачать и изобличать наиболее негативные черты в человеке и обществе. На самом деле, наличие широкого спектра отрицательных образов на страницах романов «великих викторианцев» совершенно не означало, что данные черты являлись национальными или присущими большинству представителей описываемых социальных кругов. Это верно подметил «Русский вестник»: начитавшись романов Диккенса, «мы везде хотим непременно видеть ложь. В Англии этого вовсе нет; только тот говорит прямо и резко о своих недостатках, кто сознаёт свои достоинства» [18, с. 447].

* * *

Таким образом, пройдя сквозь призму российского общественного мнения 50-60-х гг. XIX в., английский национальный характер «приобрёл» противоречивые, зачастую гротескные формы, в которых свободолобие органично уживалось с приверженностью строгим общественным традициям, изобретательный ум – с ограниченностью, толерантность – с грубостью, высокая нравственность – с эгоизмом, честность – с лицемерием. В самом этом факте нет ничего удивительного. Многоаспектность формировавшегося образа определялась многими причинами: и сложностью объекта, и спецификой источников, и условиями восприятия, и психологическими особенностями воспринимающих. Несомненно, все универсальные человеческие черты были присущи и английскому характеру. Своеобразие могло заключаться лишь в специфике их иерархии. К тому же, именно в рассматриваемый период в Англии происходило становление сложного этического комплекса – «викторианской системы ценностей», для которой, действительно, была характерна определённая, во многом временная, противоречивость [23, с. 154]. Однако, как правило, данные моменты не брались в расчёт наблюдателями из России, в большинстве своём воспринимавшими сложный духовный объект на уровне обыденного сознания. В итоге – неоднозначность представлений сводилась к «противоречивости» как стержневой черте национального характера, порождая и закрепляя один из наиболее устойчивых стереотипов восприятия Англии и англичан.

Библиографический список

1. Аксаков И.С. Отчего так нелегко живётся в России? М., 2002.
2. Белинский В.Г. Статьи и рецензии 1842-1843 гг. // Полн. собр. соч. в 15-ти т. Т. 6. М., 1955.
3. Боткин В.П. Две недели в Лондоне // Соч. в 3-х т. Т. 1. СПб., 1890. С. 284-318.
4. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 4-5 // Соч. в 4-х т. Т. 2. М., 1988.
5. Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 6-8 // Соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1988.
6. Герцен А.И. Из письма к М.К. Рейхель, 4 янв. 1853 г. // Собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. – М., 1961.
7. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М., 1985.
8. День. 1864. № 18.
9. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Собр. соч. в 15-ти т. Т. 4. Л., 1989. С. 388-451.
10. Жеребцов Н.А. Хозяйственные заметки об Англии и Шотландии. Ч. 1. СПб.; М., 1862.
11. Журнал землевладельцев. 1859. Т. 6. № 21.
12. Зарудный М.И. Общественный быт Англии. СПб., 1865.

13. Михайлов М.Л. Лондонские заметки // Собр. соч. в 3-х т. Т. 3. М., 1958. С. 306-368.
14. Отечественные записки. 1855. Т. 99. № 4. Отд. 7.
15. Отечественные записки. 1856. Т. 104. № 2. Отд. 6.
16. Отечественные записки. 1856. Т. 109. № 11. Отд. 6.
17. Отечественные записки. 1857. Т. 111. № 3-4. Отд. 4.
18. Русский вестник. 1858. Т. 14.
19. Современник. 1847. Т. 6. № 11. Отд. 4.
20. Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI-XVIII вв. Ярославль, 1992.
21. Тургенев И.С. Из письма к А.И. Герцену, 29 окт. 1856 г. // Переписка. В 2-х т. Т. 1. М., 1986.
22. Узнардов И.М. Викторианская эпоха // Викторианцы. Столпы британской политики XIX века. Ростов н/Д., 1996. С. 5-18.
23. Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 1999. № 1. С. 152-169.
24. Фадеева Л.А. «Профессиональный класс» в английской социальной истории XIX в. // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 43-65.
25. Хомяков А.С. Письмо об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона...». Русские писатели об Англии. 1646-1945. М., 2001. С. 215-238.
26. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Путешествие за границу. М., 1932.
27. Altick R. Victorian people and ideas. London, 1974.

References

1. Aksakov I.S. Why not easy to live in Russia? Moscow, 2002.
 2. Belinsky V.G. Articles and reviews. 1842-1843 // Complete works in 15 volumes. Vol. 6. М., 1955.
 3. Botkin V.P. Two weeks in London // Works in 3 volumes. Vol. 1. Saint-Petersburg, 1890. Pp. 284-318.
 4. Herzen A.I. Past and thoughts. Parts 4-5 // Works in 4 volumes. Vol. 2. М., 1988.
 5. Herzen A.I. Past and thoughts. Parts 6-8 // Works in 4 volumes. Vol. 3. М., 1988.
 6. Herzen A.I. From a letter to M.K. Reichel // Collected works in 30 volumes. Vol. 25. М., 1961.
 7. Goncharov I.A. Frigate «Pallada». М., 1985.
 8. The day. 1864. № 18.
 9. Dostoevsky F.M. Winter notes on summer impressions // Collected works in 15 volumes. Vol. 4. Leningrad, 1989. P. 388-451.
 10. Zhrebtcov N.A. Economic notes about England and Scotland. Part 1. SPb.; М., 1862.
 11. The magazine of landowners. 1859. Vol. 6. № 21.
 12. Zarudny M.I. Public life of England. SPb., 1865.
 13. Mikhailov M.L. London notes // Collected works in 3 volumes. Vol. 3. М., 1958. Pp. 306-368.
 14. Otechestvennye Zapiski. 1855. Vol. 99. № 4. Dep. 7.
 15. Otechestvennye Zapiski. 1856. Vol. 104. № 2. Dep. 6.
 16. Otechestvennye Zapiski. 1856. Vol. 109. № 11. Dep. 6.
 17. Otechestvennye Zapiski. 1857. Vol. 111. № 3-4. Dep. 4.
 18. Russkiy Vestnik. 1858. Vol. 14.
 19. Sovremennik. 1847. Vol. 6. № 11. Dep. 4.
 20. Sokolov A.B. Towards each other: Russia and England in the 16th-18th centuries. Yaroslavl, 1992.
 21. Turgenev I.S. From a letter to A.I. Herzen // Correspondence in 2 volumes. Vol. 1. М., 1986.
 22. Uzarnodov I.M. The Victorian age // The Victorians. The pillars of the British policy of the 19th century. Rostov-on-Don, 1996. Pp. 5-18.
 23. Fadeeva L.A. The image of the Victorian age in the collective memory of Englishmen // Dialogue with time. Almanac of intellectual history. М., 1999. № 1. Pp. 152-169.
 24. Fadeeva L.A. «Professional grade» in English social history of the 19th century // New and modern history. 1998. № 4. P. 43-65.
 25. Khomyakov A.S. The letter about England // «Leaving the misty shore of Albion...». Russian writers about England. 1646-1945. М., 2001. Pp. 215-238.
 26. Chicherin B.N. The memories. The foreign travel. М., 1932.
 27. Altick R. Victorian people and ideas. London, 1974.
-
-

Е.С. МАТВЕЕВА

старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
E-mail: evgmatveeva@bk.ru

E.S. MATVEEVA

senior lecturer, Department of theory and history of State
and law, Russian Academy of national economy and public
administration
E-mail: evgmatveeva@bk.ru

**ОРЛОВСКИЙ ОТДЕЛ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО
ОБЩЕСТВА ВО II ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**OREL BRANCH OF THE IMPERIAL ORTHODOX PALESTINE SOCIETY
IN THE SECOND HALF OF XIX-BEGINNING OF XX CENTURY**

В статье рассмотрены религиозно-политические вопросы, связанные с появлением Императорского Православного Палестинского Общества в России. Определена цель, задачи и источники финансирования в деятельности данного общества на примере его Орловского отдела. Выявлены некоторые аспекты во взаимодействии светской и духовной власти в России на материалах Орловской губернии.

Ключевые слова: паломничество, светская власть, духовная власть, благотворительность, Императорское Православное Палестинское общество.

The article deals with the religious and political issues surrounding the emergence of the Imperial Orthodox Palestine society in Russia. The objective, tasks and funding sources in this society on the example of its Orel Division are defined. Some aspects of the work of secular and spiritual power in Russia on the materials of the Orel province are revealed.

Keywords: pilgrimage, secular power, spiritual power, charity, the Imperial Orthodox Palestine society.

В современный период в России всё более возрастает интерес к истории русского паломничества как уникального общественно-духовного института, который помогал в формировании правового сознания в обществе¹, ценностных ориентаций населения и получал достаточно значимую государственную поддержку и покровительство².

Впервые упоминание о паломниках в Святую Землю относится к 1022 году³, и с этого времени почти непрерывно тянулись русские люди на поклонение к Животворящему Гробу Господню и другим святыням. В XIX веке в связи с обострившейся религиозной и политической ситуацией в стране образовывался определённый духовно-нравственный вакуум, который стремились заполнить наши соотечественники, посетив также Святую Землю. Например, современник Н.В. Гоголь первоначально воспринимал паломничество как верный способ духовно очиститься, избавиться от многочисленных пороков. В письме Н.В. Гоголя к В.А. Жуковскому (14 (26) июня 1842 г. Берлин) он говорит: «...я поеду к Гробу Господню... Чище горного снега

и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существования...»⁴. Каждому, от простого богомольца до пытливого учёного, «посещение и изучение Святой Земли давало столько, сколько тот мог в себе вместить»⁵.

Также в XIX веке достаточно стремительно увеличивалось и число различных сект, отходников от Русской Православной Церкви, и поэтому при официальной поддержке Правительствующего Сената и Святейшего Синода стали возникать различные религиозно-просветительские и миссионерские организации. Эти организации уже в начале XIX века стали поднимать вопрос об открытии в Иерусалиме представительства Русской Православной Церкви в связи с возникшими сложностями, которые испытывали паломники из России. Инициатором выступал настоятель московского Иерусалимского подворья архимандрит Арсений, который, обращаясь к Императору Александру I, в 1816 году отмечал, что: «...в Иерусалиме никто столько не терпит бедности и нужды в пище и одежде и в самом убежище, как поклонники русские»⁶. Но в силу опреде-

1 Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России. Ученые записки Орловского государственного университета, 2013. №1 (51). С. 90-96.

2 Якушев М. Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820-1838 годах. Свободная мысль. 2011. №1 (1620). С. 173-185.

3 Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. Т. XI. Вып. 1. С. 129-145; Вып. 2. С. 146-153.

4 Цит. по: Дараган В. Съезжу в Иерусалим.... Помолюсь, да укрепится душа моя и соберутся силы. Наука и религия. 2010. № 1. Январь. С. 15-18.

5 Хитрово В.Н. Палестина и Синай / В.Н. Хитрово. СПб.: 1876. С.1

6 Каптерев Н. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815-1844). Православный Палестинский Сборник, Т. 15, вып. 1 (продолжение). СПб. 1898. С. 657.

лённых политических обстоятельств достаточно медленно укреплялись традиции русского паломничества на Святой Земле, трудно преодолевались дипломатические и консульские переговоры, и поэтому только к февралю 1847 года император Николай I утвердил основание *Русской Духовной Миссии в Иерусалиме* (Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Jerusalem). Параллельно создавались и работали *Палестинский комитет* (1859 год) и сменившая его *Палестинская Комиссия* (1864 год).

До середины XIX века не было точных сведений о числе паломников, но с момента появления Русских подворий в Иерусалиме появляются и достаточно точные сведения о их числе⁷:

Год	Число паломников	Год	Число паломников
1865	896	1883	2145
1866	1098	1884	2831
1867	1004	1885	2673
1868	1509	1886	2538
1869	2035	1887	2588
1870	1293	1888	3666
1871	1759	1889	3817
1872	1832	1890	1817
1873	1575	1891	350
1874	1772	1892	2815
1875	1079	1893	3590
1876	710	1894	4164
1877	35	1895	4852
1878	228	1896	3946
1879	1569	1897	2852
1880	2009	1898	3406
1881	2001	1899	6128
1882	2447		

В течение 34 лет территорию Русских подворий в Иерусалиме посетили около 75 596 русских паломников, но их общее число было несколько больше, так как некоторые останавливались в греческих монастырях⁸. Повышение числа паломников шло постепенно и скачкообразно, это было связано и с социально-экономической, и с политической ситуацией в России и за рубежом. Например, паломников было меньше во время Турецкой войны, во время эпидемий холеры, неурожайных лет и т.д. Некоторые исследователи связывают общее увеличение числа паломников с возрастанием народонаселения России, но бесспорно признают, что в этот период происходит: упрощение

передвижения в Святую Землю, а также дешевизна и комфорт помещений на месте. Эти изменения в условиях переезда и проживания паломников можно связать с работой дипломатических миссий, с деятельностью Русского общества Пароходства и торговли, а также с деятельностью одной из старейших в России международной благотворительной, научной и гуманитарной организации – *Императорским Православным Палестинским Обществом* (ИППО)⁹.

Православное Палестинское общество и проект его Устава были утверждены Указом императора Александра III от 8 мая 1882 года. Уставными задачами его являлись содействие православному паломничеству на Святую Землю, научное палестиноведение, востоковедение и гуманитарное сотрудничество с народами Ближнего Востока. Председателем и учредителем данного общества с 1882 по 1905 год стал, «согласно своему волеизъявлению», Великий Князь Сергей Александрович¹⁰. Также учредителями общества были: Великий Князь Михаил Николаевич, Б.П. Мансуров, А.А. Олесницкий, М.Н. Островский, Т.И. Филиппов, В.Н. Хитрово, Н.Ф. Гейден, А.Н. Мицкевич, С.Д. Шере-метьев, С.Д. Хитрово, Е.Е. Путятин, Н.А. Снегосорев и др.¹¹

21 мая 1882 года в Петербурге состоялось торжественное открытие «Православного Палестинского Общества», которое приурочили к празднованию Святых Равноапостольных Константина и Елены, образовавших первые христианские храмы в Святой Земле и обретших Животворящий Крест Господень. Поэтому 21 мая 1882 года считается днём основания Палестинского Общества¹².

Первоначальное название было «Православное Палестинское Общество», хотя в первых проектах Устава упоминалось «Восточное Общество» или «Общество для изучения Православного Востока», но эти названия были несколько общими и не отражали реального региона в предполагаемой деятельности. Основатели вскоре обратились к европейской научной практике и к опыту стран, которые уже имели исследовательские учреждения в данном направлении: немецкий – «Deutsch Palastina Verein», британский – «Palestine Investigation Fund» и другие. Так возникло аналогичное русское название – Палестинское Общество, в связи с исторической и географической привязанностью к данному этносу и цивилизации. С 1889 года в названии общества появляется почётное дополнение «Императорское», но не в силу каких-либо имперских амбиций или колониальных замыслов, а в силу того, что все наиболее важные и имеющие общенациональ-

7 Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. Т. XI. Вып. 2. С. 55.

8 Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т.2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. Составление, подготовка текста и комментарии Н.Н. Лисового. Ответственный редактор Л.В. Мельникова. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2011. С. 271.

9 Официальный сайт Императорского Православного общества / История// <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/o-nazvanii-obschestva.html>

10 Определение Святейшего Синода № 954 от 14 мая - 4 июня 1882 года // Орловские Епархиальные Ведомости. № 25 от 1 августа 1882 года. С. 927-928.

11 Императорское Православное общество и его отделы // Орловские Епархиальные Ведомости. № 15-16 от 18 августа 1899 года. С. 580.

12 Официальный сайт Императорского Православного общества / История// <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/o-nazvanii-obschestva.html>

ное, культурное значение учреждения и организации именовались Императорскими. При этом организация называлась Обществом, что подчёркивало его не узкоспецифический церковно-конфессиональный, неправительственный и негосударственный характер.

12 июня 1882 года Высочайше был утвержден особый знак, которым награждались почетные, действительные и члены-сотрудники Императорского Православного Палестинского Общества. Первоначально в Совет общества входили: Вице-Председатель (Н.Н. Селифонтов), Помощник Председателя (М.П. Степанов), небольшое количество членов Общества, Председатели отделений по издательству (Д.Ф. Кобеко), по пособиям паломникам (М.П. Соловьев) и по поддержанию Православия (Н.М. Аничкин). Казначеем был И.В. Рукавишников, секретарём канцелярии Общества – В.Н. Хитрово¹³.

Общество являлось представителем Православной России на Святой Земле. С момента образования по благословлению Святейшего Синода обществу было разрешено производить во всех церквях империи денежный сбор для Православных Иерусалима и Святой Земли. Этот сбор являлся единственным крупным источником денежных поступлений на нужды этого общества и поэтому от успеха этого сбора зависел и успех деятельности общества, которой был направлен на облегчение странствования русских людей, идущих на поклонение Гробу Господню, к Святыням Востока, а также восстановлению и укреплению Православной веры Христовой среди населения Святой Земли (потомков первых христиан)¹⁴.

Для облегчения русским паломникам пути в Иерусалим и другие места Святой Земли Палестинское общество старалось по возможности удешевить расходы по проезду. Во второй половине XIX века были построены подворья в Иерусалиме и Назарете на 1200 паломников, где за незначительную плату (13 копеек в день) паломники могли пользоваться помещением и продовольствием. Но к началу XX века и эти подворья стали тесными, так например, число паломников из России ко дню Святой Пасхи достигало уже более 6000 тысяч человек¹⁵. Потом стали не удовлетворять этому числу и хозяйственные учреждения: хлебопекарня, столовая, прачечная, баня. Общество содержало также и больницу, где окружали заботами каждого богомольца, который заболел или утомлялся от непосильного, но добровольно взятого на себя поста. Первоначально больница соответствовала потребностям времени, но с увеличением числа паломников и больница требовала соответствующего расширения и приспособления. Для паломников общество устраивало беседы о Святых местах, снаряжало караваны для посещения Хеврона, Иордана и Назарета и т.д. При обществе были

всегда проводники, которые сопровождали и охраняли паломников¹⁶.

Палестинское общество также по мере своих сил оказывало содействие коренным православным обитателям Святой Земли в борьбе с врагами Православия. Общество восстанавливало храмы, строило школы для подрастающего поколения, открывало бесплатные лечебницы, что несколько ободрило местное православное население и заметно ослабило успехи инославных миссионеров. Постоянно печатались статьи, была выпущена брошюра «Святая Земля и Россия», в которых раскрывались «высоко-христианские задачи» Палестинского общества. Указывались и затруднения, которые оно испытывало от отсутствия материальных средств для успешной борьбы с латинянами и протестантами, которые обладали громадными средствами и стремились к искоренению Православной веры среди жителей Святой Земли.

Общество самостоятельно печатало книги и брошюры для ознакомления с прошлым и настоящим Святой Земли. Эти книги были рекомендованы Училищным Советом Святейшего Синода для библиотек церковно-приходских школ, приходских попечительств и прихожан¹⁷.

Общество призывало о помощи, упоминая, что если вовремя не прийти на помощь, то Православная Церковь в Святой Земле может остаться без храмов и без паствы, без святынь там, где Церковь начала своё существование со времён Апостолов и где целый ряд веков она одна безраздельно владела и своим полным историческим достоянием, и всеми Святыми местами. Помощь и защиту Имперское Православное Палестинское общество просило у Российской державы, которая издавна заботилась о меньших своих братьях по вере.

Для удобства распространения сведений о целях ИППО, для привлечения новых членов, а также для выполнения определенных поручений и сбора пожертвований создавались Отделы в Обществе¹⁸. Отделы открывались по усмотрению Совета Общества и с согласия местного Начальства. Если на территории губернии или епархии находилось не менее 10 членов Общества, то им разрешали открыть Отдел, который и осуществлял свою деятельность на данной местности.

С открытием *Орловского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества* связано имя Преосвященного Никанора, в миру Никифор Тимофеевич Каменский, который с января 1899 года был переведён в Орловскую и Севскую епархию из Смоленской и Доргобужской епархии¹⁹. На прежнем ме-

16 Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1901 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 6.

17 Обращение Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1901 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 7.

18 Императорское Православное общество и его отделы // Орловские Епархиальные Ведомости. № 15-16 от 18 августа 1899 года. С. 583.

19 См.: Преосвященный Никанор, епископ Орловский и Севский // Орловские Епархиальные Ведомости. № 4-5 от 31 января

13 Императорское Православное общество и его отделы // Орловские Епархиальные Ведомости. № 15-16 от 18 августа 1899 года. С. 580.

14 Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1905 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 11.

15 Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. Т. XI. Вып. 2. С. 55.

сте Никанор был Председателем Смоленского Отдела. Совет Палестинского Общества высоко ценил и лично Никанора, и его достижения²⁰. Поэтому с переходом на другую кафедру со стороны руководства ИППО проследовали и предложения о продолжении его деятельности.

26 января 1899 года Его Императорское Высочество князь Сергей Александрович в рескрипте за №86 выражал благодарность за предыдущую работу, а также предлагал, чтобы в городе Орле был учреждён местный Отдел Палестинского общества. Для этого он обратился в призывом и предложил предварительно всем, сочувствующим целям и деятельности ИППО, вступать в члены её Орловского отела²¹. По §23 Устава ИППО, все действительные члены должны вносить ежегодно в кассу Общества не менее 25 рублей серебром. Этот ежегодный взнос можно было заменить единовременным – 500 рублей серебром, а по §23 Устава ИППО члены сотрудники вносили ежегодно в кассу Общества не менее 10 рублей серебром, или единовременно – 200 рублей серебром. С заявлениями необходимо было обращаться к самому Епископу Орловскому и Севскому Никанору, с указанием имени и адреса заявителя²².

Никанор достаточно искренне относился к делу Палестинского Общества, он глубоко понимал важность задач и целей Русского Православия на Востоке и поэтому содействовал возникновению местного отдела²³. Он неоднократно обращался лично и через печатные издания (Орловские Епархиальные Ведомости) с Архипастырскими воззваниями к людям, сочувствующим делу Палестинского Общества. Общество отправляло в Орловскую Духовную Консисторию отношения от ИППО с различными: воззваниями о вступлении в Общество; объявлениями; собеседованиями; правилами для производства сбора в день Входа в Иерусалим²⁴ и т.д. Одни из первых откликнулись на воззвание Никанора представители светской власти Начальник Орловской губернии, находящийся в звании камергера Двора Его Императорского Величества,

1899 года. С. 143-152; Орловские Епархиальные Ведомости. № 8 от 21 февраля 1899 года. С. 270-279; Последние дни пребывания Преосвященного Никанора в Смоленске, его прощание с Смоленскую паствой и отъезд в Орел // Орловские Епархиальные Ведомости. № 13 от 28 марта 1899 года. С. 488-507; Орловские Епархиальные Ведомости. № 14 от 4 апреля 1899 года. С. 526-537; Смоленские Епархиальные Ведомости. 1896. №4; Смоленские Епархиальные Ведомости. 1898. №21; Церковные Ведомости. 1899. №2.

20 Протоирей А.Миловидов Открытие Орловского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Орловские Епархиальные Ведомости. № 23 от 13 июня 1899 года. С. 884.

21 Извещение От Его Преосвященства, Преосвященнейшего Никанора, Орловского и Севского // Орловские Епархиальные Ведомости. № 10 от 7 марта 1899 года. С. 345-346.

22 Извещение От Его Преосвященства, Преосвященнейшего Никанора, Орловского и Севского // Орловские Епархиальные Ведомости. № 11 от 14 марта 1899 года. С. 381-382.

23 Протоирей А.Миловидов Открытие Орловского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Орловские Епархиальные Ведомости. № 23 от 13 июня 1899 года. С. 885.

24 Например: Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1901 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 6-7; Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1905 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 11 и др.

Александр Николаевич Трубников; управляющий Орловским Отделением Государственного банка Виктор Антонович Арцимович и др. Общественность на своих примерах понимала трудность приобретения паломнической книжки, поэтому охотно присоединялась к данному Обществу. Известный в городе Орле Ф.Ф. Похвалинский, отмечал что: «...я охотно присоединяюсь к организации русского паломничества, которое уже прославилось на весь христианский мир ... своими постройками в Палестине...»²⁵.

Таким образом, благодаря успешной предварительной работе набралось достаточное количество лиц (более 10 человек), что соответствовало §98 Устава ИППО об открытии местных Отделов. Поэтому Никанор обратился в Совет Общества, а уже 2 мая 1899 года в городе Орле было торжественное открытие местного Отдела Императорского Православного Палестинского Общества и высланы предметы, необходимые для его работы. Мероприятие проходило в зале дома Орловского Дворянства, которое было предоставлено в распоряжение Губернским Предводителем Дворянства М.А. Стаховичем. По Уставу ИППО, с момента утверждения Отдела Общества необходимо было выбрать из своей среды сроком на 3 года: Председателя, его Товарища, Казначея (и кандидата для его замещения, в случае его преждевременного отстранения)²⁶. В связи с этим Председателем Орловского Отдела Императорского Православного общества путём выборов стал Преосвященный Владыка Никанор, Епископ Орловский и Севский. Товарищем Председателя стал Начальник Орловской губернии, находящийся в звании камергера Двора Его Императорского Величества, Александр Николаевич Трубников. Казначеем избрали из Орловского кафедрального Собора кафедрального протоирея Михаила Васильевича Смирнова, а кандидатом к нему ключаря Орловского кафедрального Собора, священника Матвея Ивановича Крылова. Делопроизводителем стал законоучитель Орловской классической гимназии протоирей Андрей Иванович Миловидов. После выборов ещё раз был провозглашен и роздан текст устава, составлен журнал с указанием должностных лиц, а также ряда членов и сотрудников, которые и были в копии отправлены в Совет Общества для утверждения²⁷.

Необходимо отметить, что к 20 мая 1899 года Орловский Отдел насчитывал уже более 200 человек, внесших более 3000 рублей. Списки постоянно пополнялись новыми фамилиями из совершенно разных категории лиц, которые оказались участными в этом деле – и само духовенство, и интеллигенция, и представители различных государственных учреждений, военные,

25 Протоирей А.Миловидов Открытие Орловского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Орловские Епархиальные Ведомости. № 23 от 13 июня 1899 года. С. 886- 887.

26 Императорское Православное Палестинское Общество и его отделы // Орловские Епархиальные Ведомости. № 15-16 от 18 августа 1899 года. С. 584.

27 Список членов Орловского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Орловские Епархиальные Ведомости. № 23 от 13 июня 1899 года. С. 889-898.

купцы, мещане и крестьяне²⁸. Таким образом, с этого периода начинает активную работу Орловский Отдел ИППО.

ИППО ежегодно препровождало в Орловскую Духовную Консисторию отношения с различными: воззваниями; объявлениями; собеседованиями; надписями для кружек и блюдец; правилами для производства сбора в день Входа в Иерусалим²⁹ и т.д. Присланные в Консисторию пакеты необходимо было разослать Благочинным епархии для раздачи: причтам в каждую приходскую церковь; настоятелям и настоятельницам монастырей «...для точного и неперменного исполнения, согласно правил, установленных для производства данного сбора...»³⁰. Они должны были приложить «... все заботы о возможном более успешном сборе, с предупреждением, что всякое уменьшение сбора будет принято, как небрежение о важном деле...»³¹: а) воззвание необходимо было заблаговременно объявить по приходам через выставление его на наружных дверях храмов; б) на чтениях в школах, на внебогослужебных собеседованиях объяснить прихожанам о цели и важности сбора; в) в день сбора также сделать поучение или беседу о важности сбора; г) сам сбор проводить согласно составленным правилам.

28 Священник Жарков М. Деятельность ИППО в Орле. Вера отцов. № 1 (89) 2008. С. 8-9.

29 Например: Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1901 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 6-7; Обращение Совета Императорского Православного Палестинского общества к Орловской епархии от 1905 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 11 и др.

30 Распоряжение Епархиального начальства // Орловские Епархиальные Ведомости. № 1-2 от 10 января 1899 года. С. 2-4.

31 Распоряжение Епархиального начальства // Орловские Епархиальные Ведомости. № 4-5 от 31 января 1899 года. С. 106.

Таким образом, во II половине XIX–начале XX века в России в связи с осложнившейся религиозно-политической ситуацией и увеличением числа различных сект, отходников от Русской Православной Церкви при официальной поддержке Правительствующего Сената и Святейшего Синода возникали различные религиозно-просветительские и миссионерские организации. Деятельность этих организаций осуществлялась как на государственном, так и на местном уровне. Одной из старейших в России международной благотворительной, научной и гуманитарной организацией было *Императорское Православное Палестинское Общество*. Открытие местных отделов Палестинского Общества вызвано было насущными потребностями времени и вполне отвечало положению Русского Православия во II половине XIX века и вообще русского дела на Востоке, что и способствовало удовлетворению истинных благочестивых стремлений русского народа к паломничеству в Святую Землю.

Преосвященный Владыка Никанор, Епископ Орловский и Севский, был Председателем Орловского отдела ИППО, он достаточно искренне относился к своему делу, глубоко понимал важность задач и целей Русского Православия на Востоке и поэтому содействовал возникновению Орловского Отдела ИППО, который был открыт 2 мая 1899 года. Деятельность Орловского Отдела была достаточно широка, направлена и на улучшение финансового положения ИППО, и на увеличение информации о проблемах Палестины среди населения. Деятельность Общества проходила в тесной взаимосвязи представителей светской власти, что благоприятно сказывалось на религиозно-просветительской работе в Орловской губернии.

Библиографический список

1. Материалы Государственного Архива Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 83. Л. 11, и др.
2. Орловские Епархиальные Ведомости за 1882, 1898, 1899 года.
3. Смоленские Епархиальные Ведомости за 1896, 1898, 1899 года.
4. Дараган В. Съезду в Иерусалим.... Помолось, да укрепится душа моя и соберутся силы / В. Дараган // Наука и религия. 2010. № 1. Январь. С. 15-18.
5. Каптерев Н. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815-1844). Православный Палестинский Сборник, Т. 15, вып. 1 (продолжение) / Н. Каптерев. СПб. 1898. – 670с.
6. Матвеева Е.С. Особенности формирования и развития религиозного правового сознания в России. Ученые записки Орловского государственного университета, 2013. №1 (51). С. 90-96.
7. Священник Жарков М. Деятельность ИППО в Орле. Вера отцов. № 1 (89) 2008. С. 8-9.
8. Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1901. Т. XI. Вып. 1. С. 129-145; Вып. 2. С. 146-153.
9. Хитрово В.Н. Палестина и Синай.. СПб.: 1876. 120с.
10. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т.2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю / Составление, подготовка текста и комментарии Н.Н. Лисового / Ответственный редактор Л.В. Мельникова. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2011. 350с.
11. Якушев М. Из истории русского паломничества. Консульство в Яффе и русские паломники в 1820-1838 годах. Журнал свободная мысль. 2011. №1 (1620). С. 173-185.
12. Официальный сайт Императорского Православного общества / История// <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/o-nazvanii-obshchestva.html>

References

1. Materials of the State Archive Orel Region. Vol. 220. Inventory. 1. 83. P. 5-11, etc.
2. Orel Diocesan Sheets for 1882, 1898, 1899.
3. Smolensk Diocesan Sheets for 1896, 1898, 1899.

4. *Daragan V.* I will go to Jerusalem My soul will pray and will become stronger and strengths/Century of Daragan//Science and religion. 2010 . №. 1. January. Pp. 15-18.
5. *Kapterev N.* The intercourses of the Jerusalem patriarchs with the Russian government current century (1815-1844). Orthodox Palestinian Collection, T. 15, Rel. 1 (continuation). SPb. 1898 . 670p.
6. *Matveeva E.S.* The peculiarities of formation and development of religious legal consciousness in Russia. Scientific notes of Orel State University, 2013. No 1 (51). Pp. 90-96.
7. Priest Zharkov M. IPPO activity in Orel//Belief of fathers. No. 1 (89) 2008. Pp. 8-9.
8. *Hitrovo V.N.* From where are the Russian pilgrims going to the Holy Land //Messages of Imperial Orthodox Palestinian society. 1901 . T. XI. Rel. 1. Pp 129-145; Rel. 2 . Pp. 146-153.
9. *Hitrovo V.H.* Palestine and Sinai. SPb. : 1876 . 120p.
10. *Hitrovo V.N.* Collected works and letters. Vol. 2. Articles about the Holy Land. From history of the Russian Spiritual Mission in Jerusalem. From history of the Russian pilgrimage in Holy Land / Drawing up, preparation of the text and H.H. comments Lisovogo / Editor-in-chief L.V. Melnikova. M: IPPO; SPb. : "Oleg Abyshko's publishing house". 2011 . 350p.
11. *Yakushev M.* From history of the Russian pilgrimage. Consulate in Jaffa and the Russian pilgrims in 1820-1838 Yakushev//the Magazine Free thought. 2011. №. 1 (1620). Pp. 173-185.
12. Official site Imperial Orthodox society / History// <http://www.ippo.ru/istoriya-ippo/o-nazvanii-obschestva.html>

УДК 94

UDC 94

К.Ф. МАХМУДОВ

K.F. MAHMOUDS

диссертант кафедры истории и философии Ленкоранского государственного университета (Азербайджан)
E-mail: kolesnikovat@mail.ru

post-graduate student of the chair of History and philosophy, Lenkoran state university (Azerbaijan)
E-mail: kolesnikovat@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 50-60 ГОДАХ XX ВЕКА

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF EDUCATION IN AZERBAIJAN IN 50-60S OF XX CENTURY

В статье исследуются этапы развития образования в Азербайджане в 50-60 годах XX века. В эти годы Советское государство старалось укрепить нравственные устои своего политического и экономического влияния в Азербайджане. Школа была важной ступенью в подготовке работоспособных исполнительных кадров, владеющих необходимыми умениями и навыками.

В результате исследования автор статьи пришёл к выводу о том, что несмотря на использование учебных заведений для агитации коммунистических идей в этот период были достигнуты большие успехи в развитии просвещения.

Ключевые слова: просвещение, образование, развитие образования.

The article examines the stages of the development of education in Azerbaijan in the 50-60s of the twentieth century. During these years, the Soviet government tried to strengthen the moral foundations of its political and economic influence in Azerbaijan. The school was an important step in preparing the efficient executive personnel possessing the necessary skills and abilities.

In the research I have come to the conclusion that, despite of the use of educational institutions for propaganda of communist ideas in this period there, the major advances in the development of education were achieved.

Keywords: enlighten, education, development of education.

Всякая культурно-нравственная деятельность, в том числе просвещение и наука в бывшем Советском Союзе, служило государственным интересам. Советское государство старалось укрепить нравственные устои своего политического и экономического могущества в Азербайджане. Основная цель этой политики заключалась в том, чтобы люди поверили в устройство самого справедливого общества, в коммунистическую партию и как благо принимали советский образ жизни. Обеспечением официальной монополии вымышленных

догм коммунистической идеологии над всеми формами общественной мысли было самым верным способом в этом деле [5, с. 413]. Школа была важной ступенью в подготовке работоспособных исполнительных кадров, владеющих необходимыми умениями и навыками.

После второй Мировой войны был проведен ряд мероприятий для укрепления материально-технической базы объектов народного просвещения, обеспечения школ педагогическими кадрами и улучшения учебно-воспитательной работы. В августе 1946-го года на

III съезде учителей Азербайджана были определены новые задачи, соответствующие требованиям времени, которые предстояло решить народному просвещению. В 1949 году перешли к всеобщему семилетнему образованию [4, с. 162-163].

Несмотря на сильный нажим господствующей идеологии, особое внимание государства на развитие просвещения благоприятно повлияло на развитие этой сферы в Азербайджане. Но в системе образования существовали серьезные проблемы и недостатки. Еще с 20-х годов XX века из школьных программ были изъяты темы, пропагандирующие национальные ценности азербайджанского народа. С 30-х годов государство усилило контроль над просвещением, особенно преподаванием таких предметов, как история, география и литература. Для этой цели 16 мая 1934 году было принято специальное решение СНК СССР и ЦК ВКП (б) [5, с. 301].

Процесс обновления, охвативший советское общество после смерти Сталина, не обошел стороной и Азербайджан. Новое советское руководство пыталось повести страну по пути либеральных реформ. Чувствовались изменения к лучшему в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни страны. В середине 50-х годов расширились права союзных республик. Некоторые особенности союзных республик, их языковая и культурная специфика в определенных случаях стали учитываться. Однако во многих случаях свобода носила декларативный характер [2, с. 613]. В пятидесятых годах в развитии просвещения в Азербайджане произошли серьезные сдвиги и начался новый этап в системе образования. Государственные органы особое внимание уделяли проблемам просвещения и часто на собраниях обсуждались вопросы, связанные с народным просвещением [3, с. 48]. В городах и районах республики было построено много новых школ. В 1957-ом году в некоторых районах были сданы школы, построенные Министерством Просвещения Азербайджана [9, л. 97]. В 50-ых годах строительством школ наряду с Министерством Просвещения занимались: Министерство нефтяной промышленности, Министерство сельского хозяйства, Исполнительный Совет города Баку, Совет Народного Хозяйства [10, л. 32].

Несмотря на достигнутые успехи, были отмечены определенные недостатки в органах народного просвещения республики. В 50-х годах не выполнялся общий план, часть учеников, особенно девушки, оставляли школу. В строительстве школ тоже были недостатки. План строительства и сдачи школ в эксплуатацию выполнялся не полностью, часть средств, выделенных для этой цели, оставались неиспользованными [7, с. 79-80]. В 1957-ом году вместо запланированных 37 школ для 14,5 тысячи школьников были сданы 16 школ, рассчитанных на 6,2 тысяч учеников [2, с. 453]. В школах, особенно в сельских районах, претворение в жизнь политехнического образования было неудовлетворительно [7, с. 80].

ЦК КП Азербайджана 1-го июля 1958-го года принял постановление «О ликвидации трехсменного обучения в школах Баку» [7, л. 57]. В это время в Азербайджане были открыты многочисленные семилетние и десятилетние музыкальные школы [3, с. 80]. Республиканское

руководство, ссылаясь на расширение прав местных органов, предприняло несколько шагов в системе образования с учетом местных условий. В первую очередь сочли целесообразным, учитывая климатические особенности Азербайджана, начинать занятия в школах не 1 сентября, как по всей стране, а 15 сентября. В связи с тем, что время начала занятий в школах Советского Союза было утверждено постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935-го года, первый секретарь КП Азербайджана И. Мустафаев и председатель Совета Министров Азербайджана С. Рагимов 22 апреля 1957 года совместно обратились в ЦК КПСС и Совет Министров СССР с письмом [2, с.382-383]. Но, к сожалению, Центр не дал положительного ответа на предложение республиканских руководителей. Только после приобретения независимости начало занятий в учебных заведениях Азербайджана было изменено.

Невзирая на существование объективных и субъективных проблем, в том числе рожденных из советских реалий, республиканское руководство прикладывало все усилия для развития образования. Первый секретарь ЦК АКП Имам Мустафаев, выступая на XXI съезде Азербайджанской Коммунистической Партии, затронул проблемы науки и просвещения. Он особо подчеркнул среди главных недостатков, существующих в этой сфере, нехватку учебников и учебных пособий по некоторым предметам на азербайджанском языке. Для устранения этой проблемы необходимо напечатать учебные пособия и учебники на азербайджанском языке, увеличить часы, выделенные на преподавание истории Азербайджана. Нужно добиться повышения качества учебно-воспитательной работы в средних и высших учебных заведениях, улучшить процесс производственной практики студентов, уделить особое внимание и принять серьезные меры в этом направлении [3, с. 48-49]. Были выявлены серьезные недостатки в создании стабильных школьных учебников [7, с.80].

Бюро ЦК КП Азербайджана 1 июля 1958 года приняло расширенное, из 7 пунктов, постановление «О преподавании истории Азербайджана в школах и вузах Азербайджанской ССР». Бюро поручило Министерству просвещения Азербайджанской ССР ввести со второй половины 1958/1959 учебного года преподавание истории Азербайджана в IX-X классах как самостоятельный предмет. Объединенному издательству ЦК КПА поручалось издать программу курса истории Азербайджана на азербайджанском и русском языках к 1 ноября 1958 года. Ввиду того, что по настоянию руководства республики Министерство Высшего Образования СССР разрешило восстановить кафедру по истории Азербайджана в Азгосуниверситете, постановление обязывало Министерство Просвещения Азербайджанской ССР восстановить указанную кафедру в Азербайджанском государственном педагогическом институте и преподавание истории Азербайджана педагогических вузах республики [2, с. 501-502].

Большое внимание уделялось и политехническому образованию. При школах были созданы учебные мастерские. В этом деле важную роль сыграли в городах,

особенно в Баку, Сумгаите и Кировабаде (Гянджа), промышленные предприятия, а в деревнях совхозы и МТС. При сельских и некоторых городских школах были созданы опытно-производственные участки; в сельских школах, колхозах и совхозах создавались производственные бригады учеников. Был принят ряд мер для улучшения политехнического обучения в общеобразовательных школах. В 1956-1958-х годах в семидесяти школах Азербайджана практиковалось производственное образование. В сельских школах ученические бригады были созданы по образцу опыта Ставропольского края. Ученики VIII-X классов знакомились с основами сельскохозяйственного производства и механизации, обучались трудовым навыкам, изучали различные способы выращивания сельскохозяйственных культур.

В подготовке учеников к труду и повышении их специализации в производстве важную роль сыграл закон об укреплении связи школы с производством, принятый в 1958 году Верховным Советом Азербайджанской ССР [4, с. 164]. На основе закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятого в декабре 1958 года Верховным Советом СССР, с 1959 года начался переход к восьмилетней общеобразовательной системе [5, с. 413]. С сентября 1959 года в Азербайджане семилетние школы превратились в восьмилетние, а десятилетние – в одиннадцатилетние с производственным обучением. Началась перестройка в учебно-воспитательной работе. Особое внимание уделялось обучению школьников практическим трудовым навыкам и самостоятельности [4, с.164]. Но для этого не существовало ни материальной базы, ни преподавательских кадров. Да и сами профессии, как правило, были связаны не с перспективными отраслями науки и техники, а с рутинным, технически отсталым производством. С целью приближения к производству студенты технических вузов должны были работать часть учебного времени токарями, слесарями и т. п. [6, с. 290].

Таким образом, некоторые волонтаристические решения, в том числе в области просвещения, присущие хрущевскому руководству, не дали ожидаемых результатов и были изменены после смены руководства СССР. Партийные органы через свои первичные организации и с помощью общественных организаций контролировали учебные заведения. Комсомольские организации оказывали помощь в проведении мероприятий воспитательного характера среди учеников. Ученики младшего возраста были вовлечены в пионерские организации [4, с. 165].

В 1959 году первый секретарь АКП И. Мустафаев был отстранен от должности за проявления национализма. Под давлением Центра были признаны ошибочными принятие закона о государственном языке, обязательное обучение азербайджанскому языку в русских школах республики, отход от канонических форм описания истории и культуры Азербайджана [2, с. 617]. В принятом 1959-ом году «Законе о просвещении» были сделаны поправки, которые открыли широкие возможности для учебы на русском языке. Ведение

делопроизводства в государственных учреждениях на русском языке, отсутствие перспективы в продвижении в должности незнающих русского языка кадров породило у людей стремление получить образование на русском языке. Значительно увеличилось число русских школ, особенно в городах. В русскоязычных школах преподаванию азербайджанского языка уделялось мало часов, и во многих местах преподавание этого предмета носило формальный характер [5, с. 387, 413].

Содержание учебного процесса в школах соответствовало идеологическим целям существующего режима. Большое внимание уделялось преподаванию общественных наук. С 1963/1964-го учебного года в средних школах стали преподавать «Обществоведение», в высших учебных заведениях особое внимание уделялось преподаванию «Научного коммунизма», «Истории КПСС», «Марксистской философии» и «Политической экономики». В школах изображали советское общество без пороков и антагонизмов. Недостаточно серьезно относились к преподаванию «Истории Азербайджана». Этот предмет преподавался на основе сфальсифицированных программ и учебников [5, с. 414].

Начинаясь с середины 50-х годов паспортизация сельского населения страны дала толчок миграционным процессам. В результате увеличилось городское население страны. К тому же приток местного населения изменил и национальный состав столиц некоторых союзных республик, в том числе столицу Азербайджана город Баку. Увеличение доли местного населения в столице вкупе со значительным ростом уровня просвещения сопровождалось переходом большей части ответственности за управление республикой на плечи местных кадров, и это тревожило Центр. Со второй половины 50-ых годов стало традицией назначать вторыми секретарями ЦК республиканских партий ставленников Центра, естественно, для осуществления контрольных функций [2, с. 611].

В связи с ослаблением экономического развития в СССР заметно усилилось идеологическое давление на советское общество, а несоответствие между реальной жизнью и политическими науками породило в школьниках и студентах, как и всего народа, недоверие к общественным наукам и режиму, пропагандирующему их. Несмотря на все эти недостатки в Азербайджане существовала многопрофильная, многоступенчатая сеть просветительских структур [5, с. 414-415]. В 1966 году был объявлен переход к обязательному всеобщему среднему образованию. Важным событием в системе образования стало создание новой формы школ–интернатов. В 1966 году с переходом к обязательному всеобщему образованию в старших классах было ликвидировано производственное обучение. В связи с этим расширилась сеть профессионально-технических училищ. Если в 1966 году в республике было 46 профессионально-технических училищ, то в 1970 году их число достигло 78 [4, с. 164].

Высшее образование в республике тоже развивалось. В 1945 году был открыт Театральный институт, в 1946 году двухгодичный Институт преподавателей русского

языка, в 1948 году Институт иностранных языков, в 1950 году Политехнический Институт, а в 1951 году был восстановлен прекративший свою деятельность в 1941 году Институт народного хозяйства. На основе двухгодичного Института преподавателей русского языка в 1952 году был образован Институт русского языка и литературы. В 1959 году этот Институт был объединен с Педагогическим институтом иностранных языков [5, с. 414]. Материально-техническая база высших учебных заведений год от года улучшалась, им были возвращены общежития и другие строения, отнятые в годы войны под госпитали и другие нужды. Для медицинского, политехнического и педагогических институтов были построены новые многоэтажные здания. С каждым годом увеличилось число студентов, обучающихся в высших учебных заведениях республики. Сотни студентов-азербайджанцев учились в вузах союзных республик. Для улучшения подготовки специалистов были реорганизованы некоторые вузы республики. Росло число специалистов со средним образованием. Особое внимание уделялось подготовке кадров для таких отраслей, как промышленность, строительство, транспорт и сельское хозяйство [3, с. 166].

Специалисты, подготовленные в вузах республики, сыграли значительную роль в развитии различных направлений науки. Несмотря на идеологическое давление государственных структур, Бакинский государственный университет сыграл большую роль в сохранении и развитии национального языка и культуры, распространении освободительных идей у молодежи. В 60-е годы в азербайджанской исторической науке стали заметны новые веяния, отражающие разнообразие взглядов на прошлое страны. Особенно это проявилось в трактовке событий начала XIX века, известных как присоединение Азербайджана к России. Азербайджанские историки стали отказываться от версии «добровольного присоединения». Соответствующая оценка этого поворотного в истории республики события, сделанные ведущими учеными-историками, такими как З. Бунятов, М. Исмаилов, С. Алияров, привлекли внимание партийного руководства республики [2, с. 629]. Среди учащейся молодежи распространились националистические настроения, инакомыслие и свободомыслие. В начале 60-ых годов в Азербайджанском государственном университете существовала тайная организация студентов, члены которой старались воспитывать молодежь в духе свободы [1, с. 64].

Одним из основных методов внедрения в сознание людей вымышленных догм о «руководящей и направляющей роли» коммунистической партии и ее лидеров, а также социалистической системы, социалистического общества была внешкольная система обучения. После войны для руководства этой системой был создан Комитет по делу культурно-просветительных органов при Совете Министров Азербайджанской ССР, а в 1947 году для этой цели был учреждено «Общество,

распространяющее научные и политические науки». Партийные и комсомольские органы значительно расширили политическую пропаганду. Для подготовки партийных кадров в 1946 году открылась двухлетняя партийная школа при ЦК КП Азербайджана [5, с.416]. Наряду расширением сети культурно-просветительных учреждений их деятельность по-прежнему страдала от формализма и политического иждивенчества [4, с.167].

Однако, несмотря на использование советским режимом учебных заведений для агитации коммунистических идей и сильное давление правящей идеологии на преподавание общественных наук, были достигнуты большие успехи в развитии просвещения. В эти годы в республике были построены и сданы в эксплуатацию 169 школ для 444 тысяч учеников. Если в 1950-1951 учебном году в республике было 4233 школ, то в 1970-1971 учебном году было уже 5115 общеобразовательных школ. В этих школах в конце 40-х годов учились 660 тысяч, а в 60-х годах 1444 тысяч учеников. В 1970 году в общеобразовательных школах учебно-воспитательной деятельностью занимались 73,4 тысяч учителей.

Сеть высших учебных заведений в республике значительно увеличилась, а в 1969 году для рабочих, колхозников и уволенных в запас военнослужащих были открыты подготовительные отделения при вузах. В этот период воспитанием и обучением студентов были заняты свыше 500 академиков и профессоров, 1140 доцентов [4, с.162-166]. В 50-60-х годах в Азербайджане были достигнуты значительные успехи в привлечении учеников к учебе и в развитии материально-технической базы учебных заведений. Несмотря на отрицательное влияние правящей идеологии, особое внимание уделялось составлению учебников, особенно по гуманитарным предметам. В этот период произошли положительные изменения в развитии высшего образования и науки, хотя влияние коммунистической идеологии мешало развитию некоторых, особенно общественных наук. Финансовые средства, выделяемые на развитие науки и просвещения в республике, были намного меньше, чем в развитых союзных республиках. Для проведения исследовательских работ не хватало современного оборудования и аппаратов. Особое внимание уделялось изучению советского периода истории, литературы и искусства, а причины и суть существующих в советском обществе противоречий оставались вне исследований. Все достигнутые успехи приписывались деятельности коммунистической партии.

Хотя этот период носит противоречивый характер, но для просвещения он был периодом развития. Развитие просвещения, наряду с повышением культурного уровня народа, привело, несмотря на запреты коммунистического режима, к повышению общественно-политической активности, национально-му возрождению и росту национального самосознания.

Библиографический список

1. Гаджиев С.Т. Азиз Б.О. Роль БГУ в развитии общественной мысли и национального побуждения // Вестник Бакинского университета, серия гуманитарных наук 2009. №3. С. 58-69.

2. Гасанлы Джамиль. Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954-1959). Москва, Фланта, 2009, 661 с.
3. Зейналов Ибрагим. Социально-экономическое развитие Азербайджана во второй половине XX века. Баку, Азернешр, 2004, 325 с.
4. История Азербайджана в 7-и томах, том VII, Баку, Элм, 2003, 626 с.
5. История Азербайджана в XX веке. Под. ред. Ю.Б.Юсифова и Т.Т.Велиева. Баку, Чашыоглы, 2004, 557 с.
6. Мустафазаде Т. Общая история. в 4-х томах, том IV, Баку, Элм, 416 с
7. Мустафаев И.Д. Отчетный доклад ЦК КП Азербайджана XXII съезду КП Азербайджана. Баку, Объединенное издательство ЦК КП Азербайджана, 1958, 111с.
8. НГА АР, ф. 3034, оп. 1, д. 6, л. 57.
9. НГА АР, ф. 411, оп. 38, д. 37, л. 97.
10. НГА АР, ф. 411, оп. 38, д. 130, л. 32.

References

1. *Hajiyev S.T., Aziz B.O.* The development of the social thought and go of Baku State University awakens national. // the humanities series of news of Baku University, 2009. Vo.3. Pp. 58-69.
2. *Hasanli Jamil.* Khrushchev's Thaw and the National Question in Azerbaijan (1954-1959). Moscow, Flinta, 2009, 661p.
3. *Zeynalov Ibrahim.* Socio-economic development of Azerbaijan in the second period of XX century. Baku, Azerneshr, 2004, 325 p.
4. History of Azerbaijan. In 7 volume, volume VII, Baku, Elm, 2003, 626 p.
5. History of Azerbaijan in XX century. In. reduction Y.B. Yusifov and T.T.Veliyev. Baku, Chasheoglu, 2004, 557 p.
6. *Mustaphazade T.* General history. In 4 volume, volume IV, Baku, Elm, 416 p.
7. *Mustafayev I. D.* The report of the Central Committee to the XXII congress of the Azerbaijan Communist Party, Baku: The united publishing house of the Azerbaijan Communist Party Central Committee, 1958, 111 p.
8. The Azerbaijan Republic NSA: fund 3034, list 1, work 6, sheet 57.
9. The Azerbaijan Republic NSA: fund. 411. list 38, work 37, sheet 97.
10. The Azerbaijan Republic NSA: fund. 411. list 38, work 130, sheet 32.

УДК 94(47).081-75

UDC 94(47).081-75

О.А. ЧЕРНОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии
E-mail: ochernow@gmail.com

O.A. CHERNOV

candidate of historical sciences, associate professor of national history Volga state social and humanitarian academy
E-mail: ochernow@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.В. ЧАРЫКОВА

ART LITERATURE IN N.V. CHARYKOV'S LIFE AND WORK

В статье рассматривается влияние художественной литературы на формирование взглядов Н.В. Чарыкова, а также проявления художественной литературы в дипломатической и научной деятельности Н.В. Чарыкова.

Ключевые слова: Н.В. Чарыков, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.Г. Гарин-Михайловский.

The influence of art literature on N.V. Charykov's views, the manifestation of art literature in N.V. Charykov's diplomatic and scientific activity are considered in the article.

Keywords: N.V. Charykov, A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, N.G. Garin-Mikhailovsky.

Николай Валерьевич Чарыков – крупный российский дипломат и историк¹. Однако, в полной мере, мож-

¹ Подробнее об этом см. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010; он же. Деятельность российского политического агента Н.В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Вып. 1. Т. 8. 2008. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2008. С. 52–56; он же.

Н.В. Чарыков и русско-германские отношения конца XIX века. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 374–377; он же. Деятельность Н.В. Чарыкова на Второй Гаагской конференции мира. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (11). Ч. 2. Тамбов, 2011. С. 204–205; он же. Русско-турецкие отношения в ранней дипломатической и научной деятельности Н.В. Чарыкова // Личность

но сказать, что Н.В. Чарыков был ещё и мыслителем. Творческое наследие Н.В. Чарыкова включает широкий спектр проблем гуманитарной направленности.

Источники позволяют проследить формирование читательского и, в принципе, познавательного интереса Н.В. Чарыкова с детских лет. Применительно к раннему периоду, круг чтения в значительной степени определялся отцом будущего дипломата и учёного – В.И. Чарыковым. Он регулярно снабжал сына той литературой, которая должна была оказывать необходимое воздействие на нравственное и умственное развитие Николая Чарыкова.

Переписка отца и сына Чарыковых свидетельствует о том, что Николай регулярно читал «Русский Архив». Так, прочитав статью об адмирале Нахимове, он заключил: «Характер этого храброго человека мне очень понравился, какой он был храбрый патриот!». В дальнейшем его интерес также привлекли письма князя К.Н. Вяземского и М.М. Сперанского. Прочитал он и статью о М.М. Сперанском, которую одобрил, отметив, что в ней говорится «не только о самом Сперанском, но и дается история его времени, история царствования Екатерины, Павла и Александра» [1, л. 222].

Так, осенью 1868 года Николай сообщал отцу, что «...читал из хрестоматии «Борис Годунов». Эта пьеса Пушкина мне очень понравилась...» [1, л. 194].

За серьезность и любовь к чтению одноклассники даже прозвали Николая «маленьким старичком». Будучи воспитанником «Эдинбургской высшей школы» он прочёл произведения Байрона, Мура, Гуда, Вальтера Скотта и «всего Шекспира», благо, что получил его собрание сочинений в дар за отличную учебу [2, л. 329].

В октябре 1870 года Николай был в театре, где ставили «Ревизор» Гоголя. Перед этим он прочитал это произведение и даже писал сочинение на эту тему. Это помогло ему глубже понять пьесу [2, л. 256].

Применительно к определению приоритета в читательском интересе небезынтересными представляются следующие факты. Когда Н. Чарыков записался в библиотеку Черкасова, он был намерен читать «... Тургенева, Пушкина и других наших классиков» [2, л. 253].

В июне 1871 года Николай Чарыков поступил в Императорский Александровский лицей, который, по его словам, уже не был «царскосельским питомником русской молодёжи, предназначавшимся для служения родине, которым он был в эпоху Пушкина и Горчакова» [5, с. 9]. Тем не менее, обучение в Лицее давало его выпускникам превосходное образование и открывало широкие перспективы.

в истории в эпоху нового и новейшего времени (памяти профессора С.И. Ворошилова). Материалы международной научной конференции. СПб: Издательский Дом С.-Петербургского государственного университета, 2010. С. 322–326; он же. Назначение Н.В. Чарыкова послом России в Турцию: смена курса // Россия и исламский мир: история и перспективы цивилизационного взаимодействия. Международная научно-практическая конференция посвященная 120-летию Карима Хакимова. Сборник статей и материалов. Уфа: Вагант, 2011. С. 240–242; он же. П.А. Столыпин и Н.В. Чарыков в период Боснийского кризиса. // Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина. Материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции. Самара: Самарский университет, 2011. С. 170–175.

Уже будучи лицеистом, Н. Чарыков в качестве награды за успешную учёбу выбрал собрание сочинений И. С. Тургенева [2, л. 788; 6, р. 83]. В пользу того, что выбор был не случаен, говорит позднейшее признание, отражённое в его мемуарах: «Я разделял мнение Гёте, отраженное в «Фаусте», и Тургенева в его «Совете русскому юноше», что «цель жизни в производительном труде» [6, р.89].

А в 1918 году, будучи министром просвещения Крымского правительства, Н.В. Чарыков инициировал в крымских школах празднование столетнего юбилея И.С. Тургенева [7, 8]

Н.В. Чарыков предложил школам следующую программу празднований: «1) панихида по писателю, 2) изложение биографии и характеристика деятельности И.С. Тургенева одним из учащихся, 3) чтение учащимися отрывков из произведений писателя, 4) желательно участие оркестра и хора, где таковые имеются» [7].

Небезынтересным представляется и тот факт, что Н.В. Чарыков был шурином Н.Г. Гарина-Михайловского, женой которого стала Надежда Валерьевна – родная сестра Н.В. Чарыкова [3, л. 53].

Обращался Н.В. Чарыков и к творчеству Л.Н. Толстого. Он утверждал, что лично знал в числе добровольцев отправившихся на помощь Сербии, воевавшей в 1876 году за свою независимость против Турции, известных по роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» Вронского и Каренина [6, р. 94].

Н.В. Чарыков утверждал, что случай этот был «не в военном и бюрократическом обществе Санкт-Петербурга, но за границей, между двумя российскими дипломатами», реальные имена которых он не считал этичным раскрывать, даже спустя годы [6, р. 95].

Он говорил, что познакомился с Вронским в 1881 году, а в последний раз видел его на обеде в посольстве России во Франции в 1889 году [6, р. 95; 12, с. 131]. Этот факт отмечает А.Л. Шемякин, при этом возражая против версии Чарыкова и утверждая, что «Вронским» был погибший в Сербии русский доброволец Николай Раевский [17, с. 7].

Н.В. Чарыков же отмечал, что к моменту их знакомства «герой Толстого стал крепким, седым стариком, и очень суеверным», а Каренин, после достопамятного случая бросил «дипломатическую службу и стал одним из наших хороших провинциальных губернаторов» [6, р. 95].

Он возражал против того, что прототипом для Каренина был К.П. Победоносцев, «реакционный гений Александра III» [6, р. 96]. Хотя реальный Каренин, по мнению Чарыкова, был чем-то похож на Победоносцева [6, р. 96].

Цитата из романа «Война и мир» Л. Н. Толстого «... он... ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит», стала для Н. В. Чарыкова, по его собственному признанию, девизом для деятельности в Бухаре [4, л. 46].

Изучая биографию Павла Менезия, выясняя обстоятельства появления этого и других шотландцев в России, Н.В. Чарыков обнаружил в числе шотланд-

ских переселенцев предка великого русского поэта М.Ю. Лермонтова – Юрия Лермонта. Шотландцы прибыли в Россию в XVII веке, когда, по словам Н.В. Чарыкова, «Россия под знаменем объединявшего её самодержавия, боролась за своё самобытное существование и самостоятельное развитие» [9, с. 3]. Он подмечает в связи с этим также и то, что предки Лермонта и Менезия боролись в своё время под знаменем шотландского короля Малькольма II против узурпатора Макбета.

В 1909 году Н.В. Чарыков опубликовал работу, специально посвященную обстоятельствам дуэли А.С. Пушкина и Дантеса [10]. Для исследования данной темы Н.В. Чарыков предполагал использовать документы архива голландского МИДа. Ещё П.Е. Щеголев, а впоследствии Н.Я. Эйдельман, отмечали, что Н.В. Чарыков пытался познакомиться с содержанием папки «ван Геккерен – Пушкин», в 1905 году представив соответствующий запрос.

Н.В. Чарыков получил уведомление, что в делах министерства нет переписки нидерландского посланника Геккерна и А.С. Пушкина, однако имеются документы, касающиеся дуэли Пушкина, состоящие из «одного официального донесения и двух частных писем посланника барона Геккерна, нидерландскому министру иностранных дел барону Ферстольку» [10, с. 2].

Однако, голландский МИД отказался выдать данные документы, мотивировав это тем, что обнародование этих документов «в настоящее время является нежелательным, так как оно было бы неприятным для проживающих ныне в Голландии и за границей родственников барона ван Геккерена» [13, с. 164–166; 14].

В результате Н.В. Чарыкову оказались доступны только документы из архива российской дипломатической миссии в Гааге. Он полагал, что значение указанных документов состоит в том, что с их помощью «можно несколько дополнить имеющиеся о дуэли сведения» [10, с. 3].

Из этих документов становится ясно, что российский император Николай I отказался удостоить Геккерна прощальной аудиенции, более того – до того послал курьера в Голландию и потребовал от королевы отозвать своего посланника. Чарыков, впрочем, уточняет, что письмо было послано не королеве, а её супругу – принцу Оранскому. То, что письмо содержало требование отзыва, историк доказывает путём сопоставления упомянутой выше депеши Нессельроде от 22 февраля 1837 году со следующей его депешей посланнику Потёмкину от 27 марта того же года.

Путём анализа имеющихся источников Чарыков установил, что особо был обставлен и отзыв российского посланника в Гааге Потёмкина. Последнего отозвали, ссылаясь на якобы необходимую для сохранения здоровья смену климата. Между тем, Потёмкин на здоровье не жаловался. Более того – в более раннем, но частном письме посланника уведомили об отзыве и истинных мотивах последнего. Отзыв его не был вызван, считал Чарыков, и каким-либо столкновением с нидерландским правительством. Он полагал, что в последнем

случае король бы не выражал преемнику Потёмкина барону Мальтицу «совершенно особые чувства благоволения и почтения» в адрес первого [10, с. 7].

К тому же, указывал Чарыков, если бы речь шла о слабом здоровье Потёмкина, король бы об этом непременно осведомился, но этого не произошло [10, с. 7–8].

Таким образом, по мнению Н.В. Чарыкова, болезнь была лишь необходимым предлогом для перемещения Потёмкина. Ибо вскоре через принца Оранского со стороны российского императора последовало требование об отзыве нидерландского посланника барона Геккерна из Санкт-Петербурга, которое и было исполнено нидерландским правительством.

Следующим источником исследования Н.В. Чарыкова стали свидетельства, полученные им от лиц, непосредственно знавших барона Геккерна. Из них следовало, что род Геккернов был знатен, но беден. Сам барон был человеком «выдающегося ума и дипломатических дарований, ...крайним скептиком и не разборчивым на средства дипломатии» [10, с. 8]. Барон, по сведениям Чарыкова, никогда не был женат «и в жизни его... не было романтических приключений» [10, с. 8]. В конечном счёте, Н.В. Чарыков пришёл к заключению, что голландские источники подтверждают, что Дантес не был сыном Геккерна [10, с. 71].

Данные факты, установленные Н.В. Чарыковым, приводит в своей книге, посвящённой А.С. Пушкину, В.В. Вересаев [15].

Н.В. Чарыков завершил свою статью сведениями, добытыми из нидерландской печати. Он выявил четыре заметки, посвящённые смерти Пушкина. Все они проникнуты, по его мнению, чувством «глубокого уважения и почитания» к А.С. Пушкину [10, с. 10].

При этом он отмечал, что пресса стремилась обойти молчанием причину дуэли и, в особенности, имя противника Пушкина [10, с. 11].

Лишь одна газета называла имя Дантеса, но тут же замечала, что он – не голландец. Свою статью Чарыков заключает словами, что связь Дантесов и Геккернов не вполне ясна и что первые никогда в Голландии не проживали.

Эмигрировав после гражданской войны, Н.В. Чарыков поселился в местечке Бебек под Константинополем. Символом неразрывной связи Н.В. Чарыкова с русской культурой был висевший в его доме медальон с изображением великого русского поэта А.С. Пушкина [16, с. 577].

Анализируя на склоне лет исторический путь России, Чарыков также обращался к образам русской художественной литературы. Так, он отмечал, что «целое поколение дворянства и интеллигенции России... растратило жизнь в любовных интригах, бесцельных путешествиях, и романтических поединках, как многие герои Пушкина и Лермонтова...; в небрежной военной службе или в бесполезном потоке слов, как Чацкий Грибоедова или Рудин Тургенева; или, наконец, в такой жизни разложения и недостатка, посреди их рабов, как изображено Некрасовым» [6, р. 49].

Таким образом, отношение Н.В. Чарыкова к ху-

дожественной литературе носит характер сложного взаимодействия. В ряде случаев Н.В. Чарыков был объектом воздействия художественной литературы, которая оказывала определённое влияние на формирование мировоззрения Н.В. Чарыкова. С другой стороны,

Н.В. Чарыков являлся субъектом, подвергая художественную литературу специальному научному анализу. В целом обращение Н.В. Чарыкова к художественной литературе проявлялось во многих аспектах его многогранной деятельности.

Библиографический список

1. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 76.
2. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 77.
3. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 82.
4. ЦГАСО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 25.
5. *Карл Осипович Хис*. СПб., 1902.
6. *Glimpses of high Politics*. London, 1931.
7. Крымский вестник. 1918. № 143 (9423), 23 (16) окт.
8. Крымский вестник. 1918. № 145 (9425), 31 (18) окт.
9. *Чарыков Н. В.* Посольство в Рим и служба в Москве Павла Менезия (1637–1694). СПб., 1906
10. *Чарыков Н.В.* Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии // Пушкин и его современники. Вып. XI. СПб., 1909.
11. *Чарыков Н.В.* Известия о дуэли Пушкина, имеющиеся в Голландии // СПб., 1909
12. *Шемякин А.Л.* В поисках прототипов. Раевские в сочинениях Льва Толстого. // Науковий вісник Ізмаїльського державного гуманітарного університету. Вип. 24
13. *Щеголев П.Е.* Дуэль и смерть Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. XXV–XXVII. Пг., 1916. С. 164–166.
14. *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. Из биографии и творчества. 1826–1837. М., 1987. URL: http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/nye/pushkin/chapt_9.htm. Дата обращения: 29.09.2011
15. *Вересаев В.* Пушкин в жизни. В 2-х т. М.: Советский писатель, 1936. URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0130.shtml Дата обращения: 29.09.2011
16. *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В 2-х кн. М., 1993.
17. *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002.

References

1. TsGASO. T. 143 . Op. 1 . 76.
2. TsGASO. T. 143 . Op. 1 . 77.
3. TsGASO. T. 143 . Op. 1 . 82.
4. TsGASO. T. 143 . Op. 1 . 25.
5. *Charles Osipovich His*. SPb. 1902 .
6. *Glimpses of high Politics*. London, 1931.
7. Crimean messenger. 1918 . No. 143 (9423), 23 (16) of Oct.
8. Crimean messenger. 1918 . No. 145 (9425), 31 (18) of Oct.
9. *Charykov N. V.* Embassy to Rome and service in Moscow Pavel Menezy (1637–1694). SPb. 1906
10. *Charykov N. V.* News about Pushkin's duel available in Holland//Pushkin and his contemporaries. No. XI. SPb. 1909 .
11. *Charykov N. V.* News about Pushkin's duel available in Holland//SPb. 1909
12. *Shemyakin A.L.* In search of prototypes. Rayevsky in Lev Tolstoy compositions. // Naukovy v _snik _zmařlsky majestic guman _tarny uніверситету. VIP. 24
13. *Schegolev P.E.* Duel and Pushkin's death//Pushkin and his contemporaries. Vyp. XXV–XXVII. Пг. 1916 . Page 164-166.
14. *Eidelman N. Ya.* Pushkin. From the biography and creativity. 1826–1837 . M, 1987. URL: http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/nye/pushkin/chapt_9.htm. Address date: 29.09.2011
15. *Veresayev V.* Pushkin in life. In 2, Vol. M: Soviet writer, 1936. URL: http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0130.shtml address Date: 29.09.2011
16. *Mikhaylovsky G.N.* Zapiski. From history of the Russian foreign policy department. 1914–1920 . In 2 books of M, 1993.
17. *Shemyakin A.L.* Death of the graph of Wronski. M, 2002.

ЭЛЕМЕНТЫ И ИНСТИТУТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

ELEMENTS AND INSTITUTIONS OF THE NATIONAL INNOVATION SYSTEM

Анализ подходов к определению национальной инновационной системы показал, что её элементам присущ динамический характер. Автором предложены основные компоненты инновационной инфраструктуры, в рамках которой происходит комплексное взаимодействие экономических, социальных и организационных факторов, определяющих создание инноваций.

Ключевые слова: инновации, инновационная инфраструктура, национальная инновационная система.

The analysis of the approaches to the definition of the national innovation system has shown that the elements of the national innovation systems have a dynamic nature. The author offers the basic elements of the innovation infrastructure whereby the interaction of economic, social and institutional factors determine the innovation activity.

Keywords: innovations, innovation infrastructure, national innovation system.

Неотъемлемым условием обеспечения стабильного и качественного экономического роста является постоянный процесс преобразования научных идей в определенные конкурентоспособные знания и технологии для их дальнейшего внедрения, производства и использования в своей деятельности различными экономическими субъектами. Одним из важнейших направлений государственной экономической политики становится повышение инновационной активности отечественных предприятий путём создания национальной инновационной системы (далее – НИС). Использование научных достижений, внедрение новых производственных технологий являются основой перехода российской экономики на инновационный путь развития.

Несмотря на то, что инновации носят всеобщий характер, охватывая все сферы человеческой деятельности, в настоящее время отсутствует единое толкование данного понятия.

Всевозможные трактовки «инновации» во многом базируются на концепциях, предложенных Й. Шумпетером. В работе «Теория экономического развития» он определил, что форма и содержание развития задаются понятием «осуществление новых комбинаций» в следующих пяти случаях [5, с. 132]:

1. создание нового товара или нового качества товара;
2. использование нового метода (способа) производства, в основе которого необязательно лежит новое научное открытие;
3. освоение нового рынка сбыта, независимо от того, существовал ли этот рынок прежде или нет;
4. получение нового источника сырья или полуфабрикатов, независимо от того, существовал ли он ранее вообще;

5. внедрение новой организационной структуры.

М. Портер отмечает, что «компании добиваются конкурентных преимуществ посредством инноваций. Они подходят к пониманию нововведений в самом широком смысле, используя как новые технологии, так и новые методы работы. Они осваивают новые принципы конкуренции или находят лучшие средства конкурентной борьбы при использовании старых способов. Инновации могут быть заявлены в новом дизайне продукта, в новом процессе производства, в новом подходе к маркетингу или в новой методике повышения квалификации работников. <...> После того как благодаря инновациям компания достигает конкурентного преимущества, она в состоянии его удерживать только с помощью постоянных усовершенствований» [4, с. 215, 217].

Автор придерживается точки зрения П.Н. Машегова, который отмечает, что при определении инновации необходимо использовать симультантный подход. Использование понятия симультантности, то есть «одновременности разновременного», позволяет органично соединить различные определения «инновации» адекватно контексту применения. Исследователь отмечает, что симультантный подход к определению целого ряда понятий в современной экономике можно считать фактически сложившимся. Так, например, в разных странах, и даже в рамках одной страны (различные схемы государственной поддержки в США), используются разные критерии для отнесения хозяйствующих субъектов к категории «малое предприятие». При всем разнообразии подходов существует некий обобщающий термин «субъект малого бизнеса», позволяющий не только понимать, о чем идет речь, но и выявлять характерные особенности функционирования объектов данного класса. Применительно к понятию «инновация» в

рамках симультантного подхода могут быть рассмотрены следующие определения [3, с. 15]:

- инновация в широком смысле (в том числе и в общественной жизни) – некое позитивное изменение, являющееся результатом целенаправленной деятельности конкретных лиц, коллективов, организаций и т.п.;
- инновация в системе государственной поддержки бизнеса – конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности;
- инновация на уровне функционирования относительно обособленных систем (хозяйствующих субъектов, регионов и пр.) – изменение, позволяющее повысить эффективность функционирования системы;
- на уровне личности – результат интеллектуальной деятельности, востребованный обществом, в отличие от научного знания, которое ценно самим фактом своего существования.

Источником *инноваций* выступает *инновационный процесс*.

Инновационный процесс следует рассматривать в трёх аспектах [1, с. 29]:

1. параллельно-последовательное осуществление научно-исследовательской, научно-технической, инновационной, производственной деятельности и маркетинга;
2. временные этапы жизненного цикла нововведения от возникновения идеи до её разработки и распространения;
3. процесс финансирования и инвестирования разработки и распространения нового вида продукции и услуги.

Соответственно, в устоявшемся понимании инновационный процесс представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, начинающийся с поиска и исследования инновационных идей, продолжающийся промышленным производством и диффузией нововведения и заканчивающийся её устареванием. Осуществление инновационного процесса невозможно без инновационной деятельности организаций.

Для того чтобы инновации стали определяющим фактором экономического роста, необходимо сформировать инновационную систему, в которой новые знания воплощаются в готовые востребованные обществом результаты. Именно созданная в рамках государства национальная инновационная система должна объединить усилия субъектов предпринимательства, органов государственной власти и научных организаций в развитии инновационного процесса и внедрении в практическую деятельность его результатов.

Термин «национальная инновационная система» был введён в 1987 г. в исследовании К. Фримена, посвящённом изучению организации инновационных процессов в Японии. Объясняя её технологическое превосходство в 1980-е годы, исследователь идентифицировал специфические компоненты японской НИС и проследил некоторые важные институциональные

и организационные изменения, которые проводились в данной стране с конца XIX века. По Фримену, НИС представляет собой «сеть институтов в государственном и частном секторах, чья деятельность и взаимосвязь способствуют разработке, импорту и проникновению новых технологий» [10, р. 1].

Дальнейшее развитие концепция НИС получила в работах Б. Лундвалла и Р. Нельсона, которые применяют разные подходы к изучению инновационных систем.

В настоящее время различают два основных подхода к определению национальной инновационной системы [6, р. 33]. Условно назовём их как: институциональный («institutional approach») и реляционный («relational approach») подходы.

Институциональный подход исследует отношения между различными государственными институтами, деятельностью частного сектора (особенно предприятий, ориентированных на исследования и разработки), политикой правительства и их влиянием на склонность к инновациям.

Среди представителей данного направления можно выделить исследования Р. Нельсона, С. Меткалфа. Р. Нельсон определил НИС как «ряд учреждений, взаимодействия которых определяют инновационную деятельность национальных фирм» [13, р. 4]. Согласно С. Меткалфу, инновационная система представляет собой «определённый набор четко выраженных институтов, которые совместно или индивидуально способствуют разработке и проникновению новых технологий, определяющих базовую структуру, в рамках которых правительства устанавливают и применяют политику, влияющую на инновационный процесс. Фактически – это система взаимосвязанных институтов, которые создают, хранят и передают знание, навыки и артефакты, определяющие новые технологии» [12, р. 38].

Реляционный подход ориентирован на отношения между бизнесом и социумом, сфокусирован на важности знаний социума, его устремлений, склонностей и пристрастий. Данное направление представлено работами Б. Лундвалла, в которых под инновационной системой понимаются «элементы и отношения, взаимодействующие в производстве, распространении и использовании новых, но экономически эффективных знаний, которые либо расположены, либо берут своё начало в рамках одного государства» [11, р. 2]. Исследователь выделяет узкий и широкий подход к устройству инновационной системы. В узком смысле НИС включает в себя «организации и институты, вовлечённые в поиск и исследование – такие как отделы НИОКР, технологические институты и университеты». В широком смысле инновационная система – это «все элементы и аспекты структуры экономики и институционального устройства, влияющие как на знания, так и на поиск и исследование – производственная, маркетинговая, финансовая системы, представляющие собой подсистему, в которой возникают знания» [11, р. 12]. К. Фримен отмечает, что Б. Лундвалл ввёл более широкий подход к изучению НИС, в котором институты «вплетены в широкую социально-экономическую систему, где государственные и культурные воздействия, так

же как и экономическая политика, помогают определить масштаб проявления, направление и сравнительный успех всей инновационной деятельности» [9, р. 195].

Ч. Эдквист, анализируя подходы к определению национальной инновационной системы, обнаружил, что они имеют понятийную расплывчивость («conceptual diffuseness»). В частности, исследователь обращает внимание на использование понятия «институт», которое у Р. Нельсона, по существу, представляет собой различные виды организаций, тогда как для Б. Лунвалла данный термин преимущественно означает «правила игры». Ч. Эдквист подчёркивает, что исследователи не указывают, что конкретно должно быть включено в национальную инновационную систему. Тем самым, подход к определению НИС должен быть обозначен как концепция, а не теория [7, р. 186].

Ч. Эдквист выделяет следующие особенности концепции НИС [8, р. 15-26]:

1. В центре внимания концепции НИС занимает инновационная деятельность и процесс обучения, так как инновации являются предметом производства новых знаний или объединения уже существующих, а иногда и ранее не существовавших, элементов знаний по-новому.

2. Инновационная система должна восприниматься как целостная междисциплинарная сущность. Целостность подразумевает под собой то, что концепция НИС пытается охватить широкий массив или же все важные определители инновации, такие как организационные, социальные и политические, наравне с экономическими. Междисциплинарная она потому, что имеет дело с явлениями из различных (гуманитарных) дисциплин, таких как экономическая теория, социология, регионоведение, и т.д.

3. Концепция НИС включает в себя множество исторических и эволюционных явлений. Инновационный процесс развивается под воздействием многих факторов и процессов обратной связи и может быть охарактеризован как эволюционный. Инновационные системы, а также их инфраструктура в различных странах могут быть совершенно разными. По этой причине невозможно определить оптимальную или идеальную инновационную систему.

4. Одна из наиболее важных характеристик НИС – нелинейность инновационного процесса. Фирмы, как правило, занимаются инновационной деятельностью не изолированно, а во взаимодействии с другими организациями. На инновационные процессы влияют не только инфраструктурные компоненты системы, но и отношения между ними.

5. Концепция НИС охватывает как продуктовые, так и процессные инновации.

6. Концепция НИС придаёт особое значение роли институтов.

Исследованию понимания и структуры национальной инновационной системы посвящены многочисленные работы отечественных экономистов. В настоящее время ими собраны, систематизированы и проанализированы основные подходы к пониманию и определению сущности НИС.

В контексте институционального подхода инновационную систему рассматривают Н.В. Бекетов, С.Д. Валентей, О.Г. Голиченко, Н.И. Иванова, В.В. Иванов, В.В. Новохатский, В.Н. Фридлянов и другие.

В рамках реляционного подхода можно выделить исследования В.А. Васина, П.Н. Машегова, Л.Э. Миндели, В.Г. Садкова.

Наиболее простая модель, описывающая взаимодействие элементов НИС, показывает, что роль частного сектора заключается в разработке технологий на основе собственных исследований и в рыночном освоении инноваций. Государству отводится роль в содействии производству фундаментального знания (в университетах) и комплекса технологий стратегического (военного) характера, а также в создании инфраструктуры и благоприятных институциональных условий для инновационной деятельности [2, с. 62].

В России начинают создаваться основные элементы инновационной инфраструктуры: технопарки, бизнес-инкубаторы, центры коллективного пользования научным оборудованием, технико-внедренческие особые экономические зоны и другие. Вместе с тем приходится констатировать, что взаимодействие производителя конкурентоспособных знаний и технологий с представителями предпринимательской среды, заинтересованных в коммерциализации результатов инновационных процессов, в настоящее время в РФ не наблюдается.

Национальная инновационная система охватывает определенных участников, при взаимодействии которых происходит процесс преобразования научных идей в определенные конкурентоспособные знания и технологии для дальнейшего их производства, внедрения, освоения и использования в своей деятельности различными экономическими субъектами.

В структуре НИС, на наш взгляд, можно выделить следующие основные компоненты:

1. Научно-технический компонент представляет собой совокупность государственных и частных научных организаций, деятельность которых направлена на генерацию и разработку новых знаний. К таким субъектам, в частности, относятся научные центры, университеты, исследовательские институты, конструкторские бюро, центры коллективного пользования научным оборудованием и т.п.

2. Производственный (материальный) компонент, важной функцией которого является создание на основе нового знания определенного новшества. В данный компонент входят: малые, средние и крупные предприятия, инновационно-технологические центры, технопарки, бизнес-инкубаторы.

3. Сбытовой компонент, отвечающий за внедрение и распространение результатов инновационного процесса, превращающий новшество в инновацию (технико-внедренческие зоны; центры трансфера технологий; лизинговые компании; специализированные/профильные выставки и т.п.).

4. Финансовый компонент, обеспечивающий организации, осуществляющие исследования и разработки, необходимыми финансовыми ресурсами. В

структуре данного компонента можно выделить различные типы фондов (бюджетные, венчурные, инвестиционные), а также другие финансовые институты (банки, страховые организации, фондовый рынок).

5. Кадровый компонент отвечает за обучение, профессиональную подготовку и переподготовку кадров, в том числе для научных и инновационных организаций, и включает учреждения высшего, среднего и профессионального образования.

6. Информационно-аналитический компонент охватывает все компоненты инновационной системы и обеспечивает субъектов инфраструктуры необходимой информацией в целях реализации качественного инновационного процесса. В данный инфраструктурный компонент входят, например, статистические, аналитические, маркетинговые центры, различные виды консалтинговых организаций и т.п.

Перечисленные составляющие образуют целостную систему, в рамках которой происходит комплексное взаимодействие экономических, социальных и организационных факторов, определяющих создание инноваций. Данный процесс не является линейным и характеризуется наличием обратных связей между

его участниками, так как в рамках их взаимодействия происходит обмен различными ресурсами (кадровыми, информационными, финансовыми и другими), позволяющий стимулировать развитие инновационного процесса.

Национальная инновационная система представляет собой динамическую совокупность элементов, значительная часть которых входит в её состав не в силу сущностной атрибутики, а на основе специфики осуществления текущей деятельности. Самопозиционирование и выбор конкурентных стратегий хозяйствующих субъектов способны существенно изменить не только количественные характеристики национальной инновационной системы (доля инновационно-активных предприятий, объёмы инновационной продукции и т.д.), но и способны трансформировать границы инновационной системы, исключая или охватывая хозяйствующие субъекты и сферы деятельности, участие которых в инновационном процессе не является обязательным атрибутом их деятельности (например, лизинговые компании, банки, малые предприятия).

Библиографический список

1. Балдин К.В., Передеряев И.И., Голов Р.С. Инвестиции в инновации. М.: Дашков и К, 2009.
2. Иванова Н. Национальные инновационные системы // Вопросы экономики. 2001. №7. С. 59-70.
3. Машегов П.Н. Инновации: многоуровневый институциональный подход. М.: Машиностроение-1, 2004.
4. Портер М. Конкуренция. М.: Вильямс, 2005.
5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2007.
6. Dodgson M., Gann, D., Salter, A. The Management of Technological Innovation: Strategy and Practice. N.Y., 2008.
7. Edquist C. Systems of innovation: Perspectives and challenges, in Fagerberg, J., Mowery, D. and Nelson R. (eds) The Oxford Handbook of Innovation N.Y., 2006.
8. Edquist C. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. London, 1997.
9. Freeman C. Continental, national and sub-national innovation systems - Complementarity and economic growth // Research Policy, Vol. 31(2), 2002. pp 191-211.
10. Freeman C., Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Frances Pinter, 1987.
11. Lundvall B.-A. National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London, 1992.
12. Metcalfe S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives, in Stoneman, P., ed. Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change. Blackwell, 1995.
13. Nelson R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. N.Y., 1993.

References

1. Baldin K.V., Perederyaev I.I., Golov R.S. Investments in innovations. – Moscow: Dashkov & K, 2009.
2. Ivanova N. National innovation systems // Voprosi Ekonomiki, Vol. 7, 2001. pp. 59-70.
3. Mashegov P.N. Innovations: multi-level institutional approach. – Moscow: Mashinostroenie-1, 2004.
4. Porter M. On Competition. – Moscow: Williams Publishing, 2005.
5. Schumpeter J. The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy. – Moscow: EKSMO, 2007.
6. Dodgson M., Gann, D., Salter, A. The Management of Technological Innovation: Strategy and Practice. N.Y., 2008.
7. Edquist C. Systems of innovation: Perspectives and challenges, in Fagerberg, J., Mowery, D. and Nelson R. (eds) The Oxford Handbook of Innovation N.Y., 2006.
8. Edquist C. Systems of Innovation: Technologies, Institutions and Organizations. London, 1997.
9. Freeman C. Continental, national and sub-national innovation systems - Complementarity and economic growth // Research Policy, Vol. 31(2), 2002. pp 191-211.
10. Freeman C., Technology Policy and Economic Performance: Lessons from Japan. London: Frances Pinter, 1987.
11. Lundvall B.-A. National Systems of Innovation. Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London, 1992.
12. Metcalfe S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspectives, in Stoneman, P., ed. Handbook of the Economics of Innovation and Technological Change. Blackwell, 1995.
13. Nelson R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. N.Y., 1993.

УДК 005:332.1:338.124.4

UDC 005:332.1:338.124.4

В.А. ГОРБОВ

аспирант кафедры менеджмента и управления народным хозяйством Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: vag90@mail.ru

V.A. GORBOV

graduate student of management and economic management Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President RF
E-mail: vag90@mail.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ТЕРРИТОРИЙ

THE ANALYSIS OF THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT AREAS

В статье рассматривается теория анализа антикризисного управления и вопрос эффективности на уровне регионального кризис-менеджмента, затрагиваются концепции антикризисного управления.

Ключевые слова: менеджмент, анализ эффективности, регион, антикризисное управление.

The article deals with the analysis of crisis management and the effectiveness at the level of the regional crisis-management, addressed the concept of crisis management.

Keywords: management, performance analysis, region, crisis management.

В современной литературе ещё не установилось общепризнанное представление о кризисах в развитии социально-экономической системы. Ранее существовала точка зрения, что кризисы являются характерной чертой капиталистического способа производства и отсутствуют при социалистическом. В прошлом имелись даже такие теоретические положения, что при социализме не бывает кризисов, а есть только «трудности роста». Многие годы в нашей стране само понятие «кризис» являлось скорее идеологическим понятием, нежели реальным фактором разработки экономической политики развития.

Вопрос оценки эффективного управления социальным и экономическим ростом в регионе всегда остается в центре внимания регионального менеджмента как с теоретической, так и с практической стороны. Тем не менее, в нынешних условиях кризиса он приобрел особенное значение, так как кризисная обстановка хозяйствования требует формирования действенных и результативных механизмов управления данным региональными сложными подсистемами, которые, в свою очередь, основываются на актуальных достижениях науки и позволяют довольно эффективно разрешать текущие кризисные ситуации и проблемы, связанные с его преодолением, с минимизацией негативных социально-экономических последствий, а также содействованию снижению вероятности появления кризиса в будущем на территориальном уровне. Для предотвращения возникновения кризиса в экономическом и социальном развитии территории применяются системные методы управления регионом в период кризиса, существенным является исследование важных концепций эффективного регионального кризис-менеджмента с целью детальной разработки методики оценки действенной антикризисной политики управления регионом, что позволит в дальнейшем более систематизировано и ком-

плексно приблизиться к разрешению данной проблемы. Существование социально-экономических систем представляет собой циклический процесс, для которого характерна закономерность наступления и разрешения кризисов в различных регионах нашей страны. [1, с. 148]

Современными учёными были сделаны оценка и анализ имеющихся теоретических подходов к анализу антикризисного менеджмента и его общей эффективности в регионах. Всё это позволило выделить несколько разнообразных концепций определения и распределения антикризисного кризис-менеджмента на разных иерархических ступенях. В таблице 1 представлены сущности каждой имеющей концепции, судя по которым получается, что большая часть ученых сосредоточивали свое внимание на разработке концепций эффективности управления, где в качестве объекта является или макроуровень (национальная экономика), или микроуровень (уровень предприятия или организации), оставляя без внимания мезоуровень, то есть регионы государства. Эффективность антикризисного управления на макроуровне (уровне национальной экономики) зависит, прежде всего, от того, на какой стадии цикличности находится социально-экономическое развитие региона, уровня нестабильности региона и эффективности регионального менеджмента. Ведь именно соотношение расходов на социально-экономическое развитие региона и полученных результатов деятельности различных субъектов хозяйствования региона определяет эффективность регионального менеджмента, целеустремленность дотаций, субсидий, субвенций и других видов межбюджетных трансфертов, реализуя таким образом инвестиционную, инновационную, социальную и др. виды региональных политик, а значит и эффективность управления национальной экономикой в целом.

Таблица 1.

Анализ и сущность концепций антикризисного управления

Название концепции	Объект антикризисного менеджмента	Сущность концепции
Целевая концепция эффективности управления	Национальная экономика	Концепция, согласно которой деятельность направлена на достижение определенных целей, а эффективность управления характеризует степень достижения поставленных целей. Определена по этой концепции эффективность управления, имеет специфическое название: широкая эффективность управления или результативность управления.
Системная концепция эффективности управления	Предприятие (организация)	Концепция, согласно которой на результаты деятельности организации влияют как внутренние факторы, так и факторы внешней среды, а эффективность управления характеризует степень адаптации организации к своему внешней среде.
Функциональная концепция эффективности управления	Предприятие (организация)	Концепция, согласно которой управление рассматривается с точки зрения организации труда и функционирования управленческого персонала, а эффективность управления характеризует сопоставления результатов и затрат самой системы управления.
Концепция эффективности управления на основе достижения «баланса интересов»	Предприятие (организация)	Концепция, согласно которой деятельность организации направлена на удовлетворение ожиданий, надежд и потребностей (интересов) всех индивидуумов и групп, которые взаимодействуют в организации и организацией, а эффективность управления характеризует степень достижения баланса интересов всех заинтересованных в деятельности организации индивидуумов и групп. Определение эффективности управления по концепции достижения «баланса интересов» основано на измерении степени удовлетворения потребностей всех групп, заинтересованных в результатах деятельности организации. Главным критерием оценки эффективности управления по этой концепции является достижение баланса интересов всех заинтересованных в результатах деятельности управления групп.
Композиционная концепция эффективности управления	Организация	Концепция, согласно которой эффективность управления определяется степенью влияния управленческого труда на результаты деятельности организации в целом.

С другой стороны, считается, что каждая из рассмотренных концепций не может существовать обособленно друг от друга, поскольку комплексная оценка эффективности регионального антикризисного менеджмента требует:

- С позиции целевой концепции – постановку четких целей и построение «дерева целей» регионального антикризисного менеджмента, реализация которых необходима для оценки уровня их достижения, а затем и эффективности действий органов регионального управления;
- С позиции системной концепции – учет влияния дестабилизирующих факторов, определяющих состояние кризисного социально-экономического развития региона и уровень его безопасности;
- С позиции функциональной концепции – оценку эффективности реализации функций управления региональными органами управления через сопоставление полученных результатов (или достижения целей как в целевой концепции) и затрат на систему управления (региональное управление);
- С позиции концепции достижения «баланса интересов» – учет интересов всех заинтересованных субъектов в социально-экономическом развитии региона

через гармонизацию использования производительных сил региона и удовлетворения потребностей населения, что будет способствовать достижению равновесного социально-экономического развития, и оценку его уровня через призму определения полученных доходов к расходам на социально-экономическое развитие региона;

- С позиции композиционной концепции – оценка влияния действий органов регионального управления на результаты регионального развития через призму сопоставления достигнутых результатов социально-экономического развития, в качестве которых может быть уровень кризисной региона к расходам на региональное управление.[2, с.182]

В связи с этим возникает необходимость в разработке и реализации взвешенной концепции оценки эффективности антикризисного регионального менеджмента, позволяющей учесть постулаты вышеприведенных концепций. В основу авторского видения дефиниции «эффективности антикризисного регионального менеджмента» предлагается положить такие основные критерии, как сопоставление полученных результатов от управления социально-экономическим развитием региона (уровень кризисности региона) к расходам, понесенным на управление (расходы на ре-

гиональное управление), что характеризует степень достижения поставленных целей антикризисного регионального менеджмента, обозначение уравновешенного социально-экономического развития региона через оценку эффективности социально-экономического развития региона путем сопоставления доходов и понесенных расходов на социально-экономическое развитие; характеристику состояния равновесия региона, учет дестабилизирующих факторов влияния на региональный менеджмент путем проведения оценки социальной и экономической безопасности региона; оценку глубины и вида кризиса региона, которую характеризует соотношение динамики уровней социально-экономического развития регионов страны и динамики показателей эффективности их социально-экономического развития, оценку эффективности антикризисного регионального менеджмента, отражающую различные состояния региона: рецессии, оживление, подъем или пик. Инструментом реализации такой концепции является разработка методики анализа и оценки эффективности антикризисного регионального менеджмента.

Представители концепции эффективности управления на основе достижения «баланса интересов» видели основное в обеспечении высокого качества жизни населения, высокого уровня человеческого развития как интегрирующего показателя, характеризующего уровень социально-экономического развития и эффективность антикризисного регионального менеджмента. Однако, исходя из содержания концепции эффективности управления в целом, необходимо обеспечить реализацию такого критерия, как сопоставление доходов, которые получает население региона от осуществления трудовой деятельности, к затратам, которые понесут органы регионального управления на обеспечение высокого уровня качества жизни жителей территории, что характеризует эффективность социального развития региона. Только в этом случае можно будет говорить об эффективности регионального менеджмента, достижении баланса интересов между всеми субъектами региональной социально-экономической системы, поиске альтернативных путей уменьшения расходов и увеличения доходов населения. Только при условии гармоничного сочетания различных социально-экономических процессов и явлений региона можно будет избежать или смягчить кризисные процессы в развитии региона, достичь высокой эффективности регионального менеджмента.

С другой стороны, критерием эффективности регионального менеджмента является получение эффекта как количественного показателя и меры результатив-

ности социально-экономического развития региона, в качестве которого может быть уровень кризисной региона. Обычно качественная оценка среди всех методов оценок отличается субъективизмом, поскольку не позволяет интерпретировать фазу цикличности социально-экономического развития региона и таким образом определить глубину и вид кризиса региона, разработать антикризисную стратегию регионального менеджмента.

Представители функциональной концепции в оценке эффективности антикризисного управления закладывают такой фактор, как сопоставление полученных выгод к затратам. Однако, в меняющихся условиях экономической среды регион как социально-экономическая система будет проходить разные этапы жизненного цикла своего развития, где переход из одного состояния в другое будет определяться дестабилизирующей (стабилизирующей) силой воздействия различных факторов. В связи с этим, уровень социально-экономического развития будет претерпевать существенные изменения, что требует детальной структуризации доходов и расходов, которые понесет регион в связи с такими изменениями, применения различных антикризисных мер, которые и будут определять эффективность антикризисного менеджмента региона. Так, при положительном влиянии одних факторов на социально-экономическое развитие региона другая группа факторов будет иметь нейтрализующее или дестабилизирующее влияние, что приведет к появлению кризисных явлений внутри региона. Поэтому достаточно важным является исследование совокупности разнообразных факторов внутренней и внешней среды с позиции оценки состояния социально-экономической безопасности региона для учета факторов, которые оказывают положительное влияние на региональный менеджмент и избегания дестабилизирующих их действий с другой стороны, что может вызвать появление кризисных явлений в социально-экономической сфере региона.[3, с.115]

Из вышесказанного можно сделать вывод, что наиболее результативным способом оценки действенности антикризисного менеджмента региона будет использование разветвленного и комплексного ряда показателей, характеризующих величину нестабильности экономико-социальной стороны региона с позиции безопасности и равновесия, а также значений, показывающих все затраты, являющиеся субъектами региональной системы в целом. Таким образом, произойдет соотнесение затрат с результатами как критериев для анализа антикризисного менеджмента территорий.

Библиографический список

1. Збинякова Е.А. Повышение финансового обеспечения развития региона на основе совершенствования налогового бюджетной политики. Монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2010. 268с
2. Мазур Л.В. Обоснование методики оценки экономического потенциала регионов России при разработке региональных антикризисных программ. Среднерусский вестник общественных наук 2011. № 1. с. 179-187
3. Гасанов Р.А., Ходачек В.М. Принципы организации антикризисного управления на региональном уровне. Управленческое консультирование. 2010. № 3. с. 111-121

References

1. Zbinyakova EA Increased financial support for development of the region by improving fiscal policy. Monograph. Orel:

Publishing House of the ORAGS, 2010. 268p.

2. Mazur L. Rationale for assessment methodology of the economic potential of Russian regions in the development of regional anti-crisis programs. Srednerussky Bulletin of Social Sciences, 2011. No 1. Pp. 179-187.

3. Hasanov RA, Khodachek VM. The principles of organization of crisis management at the regional level. Management Consulting. 2010. No 3. Pp. 111-121.

УДК 339.7

UDC 339.7

В.А. ЛАРИОНОВ

аспирант кафедры экономической теории Ростовского
государственного экономического университета
E-mail: k.larionova@gmail.com

V.A. LARIONOV

graduate student of chair of economic theory, Rostov state
economic university
E-mail: k.larionova@gmail.com

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ГОСТИНИЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ

THE DEVELOPMENT OF THE HOSPITALITY INDUSTRY IN THE CONTEXT OF THE WORLD MARKET OF HOTEL SERVICES'S TRANSNATIONALIZATION

Современная мировая экономика характеризуется ростом масштабов и темпов процесса транснационализации. Эти процессы оказывают влияние на все сферы мировой экономики, в том числе изменяют институциональную среду функционирования национальных рынков гостиничных услуг. В современных условиях международные гостиничные цепи играют системообразующую роль в формировании национальных гостиничных хозяйств. В данном контексте автором проведен анализ развития российского гостиничного хозяйства по предложенной логической схеме, а также определены приоритеты в развитии государственного регулирования российского рынка гостиничных услуг.

Ключевые слова: глобализация, международные гостиничные цепи, транснационализация, российское гостиничное хозяйство, государственное регулирование рынка гостиничных услуг.

Transnationalization is one of the main characteristics of the World economy. This processes change all spheres of the world economy, including the national markets institutional environment of the hospitality industry. International hotel chains play a system-forming role in developing of national hotel farms. In this context, the author analyzes developing of the Russian hospitality industry. The author proposed a logical framework analysis. As a result, he defined the priorities in the development of state regulation of the Russian hospitality.

Keywords: globalization, international hotel chains, transnationalization, Russian hospitality management, state regulation of the hospitality market.

Современная мировая экономика характеризуется ростом масштабов и темпов процесса транснационализации, представляющего собой нарастание доли трансграничного движения капиталов, труда, технологий, информации в общем объеме их миграции. В условиях активизации процессов транснационализации повышается роль ТНК, международных (межнациональных) компаний и их альянсов, распространяющих экономическое влияние за рамки национальных границ и определяющих тренды как мировой экономики в целом, так и национальных экономик в частности. По данным ЮНКТАД, в 2010 году добавленная стоимость в рамках мирового производства ТНК составила приблизительно 16 трлн. долл. – около четверти глобального ВВП. На зарубежные филиалы ТНК приходилось более 10% глобального ВВП и треть мирового экспорта. [6]

Глобализация мирового рынка услуг сопровождается

его изменением его институциональной структуры, ростом функционального потенциала и его значимости в экономической системе. Исследование экономического развития в этом контексте – это анализ инноваций институтов, тех институциональных нововведений, которые снижают транзакционные издержки и издержки производства, в сравнении с альтернативными институциональными структурами. Это изучение инноваций институтов, которые делали возможными заключение все более сложных сделок, благодаря снижению транзакционных (и производственных) издержек этих обменов.[4]

Международный рынок услуг сформировался как ответ на потребность со стороны все более активно развивающихся транснациональных корпораций (ТНК), действующих по единым или схожим стандартам на межстрановом уровне. Факторами развития междуна-

родного рынка услуг как альтернативы национальным рынкам являются: слабое регулирование; возможность оптимизации налогообложения; сокращение издержек для потребителей услуг – ТНК на различных национальных рынках; интеграция европейского рынка; равенство институциональных условий для всех участников рынка. Эти факторы влияют на логику формирования и развития мирового рынка услуг.

Сближение норм регулирования национальных рынков услуг, гармонизация норм и правил функционирования институциональных структур национальных и международного рынков снизит значение этих факторов.

Международный рынок гостиничных услуг в условиях глобализации мировой экономики развивается нарастающими темпами. По данным аналитиков Rezidor Hotel Group [11], индустрия международного туризма и гостиничного бизнеса восстанавливается от последствий глобального финансового кризиса 2008 года. Об этом свидетельствует рост показателя RevPAR¹ в 2012 году в Европе в среднем на 2%, в США этот показатель составил около 7 %. В сравнении с данными 2009 года RevPAR в Европе вырос в среднем на 21%, но все еще ниже на 13% уровня докризисного 2007 года. Данная тенденция характерна и для рынков Восточной Европы и стран СНГ, в которых рост показателя RevPAR в 2012 году составил около 9%. Этот показатель также увеличился на 9% и в странах Ближнего Востока и Африки.

Национальные гостиничные хозяйства в условиях глобализации оказываются все более интегрированными в многозвенные сети ТНК – международных гостиничных цепей, чье взаимодействие и взаимосвязанность достигают высочайшего уровня (таблица 1).

Процесс транснационализации капитала участников рынка гостиничных услуг является основой формирования современного рыночного пространства. Транснационализация мирового рынка гостиничных услуг представляет собой сложный воспроизводственный процесс, основным механизмом которого является

привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Помимо непосредственного участия в капитале через ПИИ, процесс транснационализации предполагает сочетание различных форм трансграничного перемещения капитала, таких как стратегические международные альянсы, механизм IPO (SPO), соглашения о сотрудничестве, неакционерные формы экспансии.

Д. Норт в своих исследованиях отмечает выполнение роли института распределения риска интегрирующимися структурами – ТНК. [4] Способность интернализировать отношения и связи международного рынка услуг в свою внутрифирменную систему отношений определяет динамичное развитие финансово-промышленных групп и иных интегрированных корпоративных структур. В периоды кризисов именно это качество деятельности ТНК становится основным условием стабилизации и роста экономической деятельности интегрированных компаний.

Проявляя устойчивость в период кризисов, такие компании сами становятся «встроенными стабилизаторами» экономической системы, поддерживая, вместе с тем, устойчивость и рынков, на которых осуществляют деятельность эти компании и их дочерние, структурные подразделения, а также аффилированные с ними субъекты хозяйственной деятельности. Более того, они способны преодолевать негативные последствия ряда финансовых ограничений, институциональных норм, сдерживающих их рост. [1, с.27]

В своих исследованиях Mihir A. Desai, C.Fritz Foley, Kristin J. Forbes [12] подтверждают выводы о различиях во влиянии финансовых ограничений на рост ТНК и локальных фирм. Соисследователи обосновывают, что филиалы американских ТНК, в отличие от локальных фирм, на рынках развивающихся стран готовы преодолевать ограничения, обусловленные национальными нормами, а также вызванные экономическими кризисами.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что роль ТНК на мировом рынке гостиничных услуг

Таблица 1.

Рейтинг международных гостиничных цепей
по данным Международной ассоциации гостиниц и ресторанов
в 2013 году в мире и Европе [7]

Рейтинг крупнейших гостиничных цепей в мире				Рейтинг крупнейших гостиничных цепей в Европе			
№	Наименование	Кол-во отелей	Кол-во номеров	№	Наименование	Кол-во отелей	Кол-во номеров
1	INTERCONTINENTAL	4 602	676 000	1	ACCOR	2 396	258 000
2	HILTON	3 992	652 000	2	BEST WESTERN	1 312	90 600
3	MARRIOTT	3 672	639 000	3	INTERCONTINENTAL	574	89 200
4	WINDHAM	7 342	627 000	4	GROUPE DU LOUVRE	974	70 400
5	CHOICE	6 198	497 000	5	CARLSON REZIDOR	255	51 800
6	ACCOR	3 515	450 000	6	NH HOTELES	347	50 800
7	STARWOOD	1 121	328 000	7	WITHBREAD	641	50 700
8	BEST WESTERN	4 024	312 000	8	HILTON	205	46 600
9	HOME INNS	1 772	214 000	9	MELIA	195	44 700
10	CARLSON REZIDOR	1 077	166 000	10	MARRIOTT	245	44 600

¹ RevPAR (revenue per available room) – показатель, характеризующий эффективность гостиничного бизнеса.

может быть реализована через выполнение роли института распределения риска. Локальные фирмы обладают недостаточными инвестиционными возможностями в период кризиса в отличие от интегрированных структур. При этом доступ филиалов и дочерних структур к инвестиционным ресурсам ТНК снимает эти ограничения. Помимо этого как в периоды кризисов, так и в период восстановления (рецессии), головные компании могут осуществлять инвестиционные вливания в филиалы.

Эти результаты показывают иную, особую роль прямых иностранных инвестиций через механизм интегрированных структур на развивающихся рынках, где ТНК ведут свою экономическую деятельность во время финансовых кризисов, тогда как локальные фирмы более ограничены в возможностях своего роста. Интегрированные международные гостиничные цепи, с одной стороны, являются проводниками глобализационных процессов, с другой – их организация и взаимодействие выступают встроенными стабилизаторами, способными адаптироваться к новым изменениям в процессе глобализации. Таким образом, существующая сетевая структура мирового рынка гостиничных услуг опирается на интегрированные экономические субъекты и интеграционный механизм защиты от нестабильности.

Свойство интегрированных компаний проявлять устойчивость в периоды кризиса и выступать институтом стабилизации в экономике на основе интернационализации отношений проявляется в особенностях посткризисного развития национальных рынков.

Одной из характеристик современного рынка гостиничных услуг является обострение конкуренция как между мировыми игроками отрасли (крупными международными цепями и операторами), так и между отечественными и зарубежными цепями (управляющими компаниями). В такой ситуации повышается роль интеллектуального капитала, который обеспечивает соответствие инфраструктуры предприятия общемировой практике на фоне снижения значения непосредственного участия в капитале.

В условиях глобального финансового кризиса и посткризисной рецессии в наибольшей степени пострадавшими оказались именно локальные компании национальных гостиничных хозяйств. Гостиничные международные цепи оказались способными, в том числе, и за счет использования механизмов перераспределения инвестиционных ресурсов, устоять и сохранить влияние на рынке.

Особенностью деятельности современных транснациональных компаний является повышение доли таких способов экспансии на национальные рынки, как аутсорсинг, франшизинг, управление и другие типы договорных взаимоотношений, с помощью которых ТНК координируют деятельность национальных компаний принимающих стран, не участвуя в их капитале. Эта тенденция характерна особенно для развития сферы услуг в целом и рынка гостиничных услуг в частности. Процессы влияния ТНК на национальные экономики

слабо контролируемые регуляторами, особенно в условиях отсутствия прямого участия в капитале предприятий. Данные обстоятельства актуализируют вопросы изучения интернационализации российского рынка гостиничных услуг, модификацию состава его участников в контексте влияния процесса транснационализации мирового гостиничного хозяйства.

В целях проведения анализа современного состояния российского рыночного хозяйства в контексте влияния процесса транснационализации мирового рынка гостиничных услуг нами будет предложена логическая схема анализа (рисунок 1). Данная логическая схема может быть использована на разных уровнях мирового рынка гостиничных услуг – мировом, национальном, региональном. Анализ на каждом уровне должен вестись в контексте тенденций развития рынка более высокого уровня в условиях процесса глобализации мировой экономики.

В условиях нарастания процессов интернационализации и развития международного туризма, на российском рынке постепенно расширяется и гостиничная база. При этом развитие гостиничной индустрии в России происходит неоднородно, что характерно для развития российской экономики в целом. Рынок гостиничных услуг в России характеризуется концентрацией в столичных регионах в сочетании с активным присутствием глобальных гостиничных цепей.

Наиболее развит сегмент гостиничных услуг в Москве, Санкт-Петербурге и Сочи. По данным Российской гостиничной ассоциации, 70% рынка гостиничных услуг сосредоточено в этих городах. В то же время аналитики отмечают активизацию развития гостиничного хозяйства и в регионах. По прогнозам Всемирной туристской организации, до конца 2020г. Россия войдет в 20 самых посещаемых стран. Упрощение туристских формальностей, значительное расширение круга потенциальных выезжающих туристов, введение политики валютного регулирования – все это вызвало оживление туристской индустрии, создание тысяч организаций и десятков тысяч рабочих мест. Однако развитие этой отрасли в России в настоящее время находится лишь на начальном этапе.[5]

В большинстве своем аналитики сходятся во мнении, что российский гостиничный сектор в целом восстанавливается после экономического кризиса 2008–2009 годов. Основные операционные показатели всех гостиничных сегментов за 2012 год оказались выше, чем планируемые. В Москве, например, загрузка отелей вышла на докризисный уровень, средняя цена за номер в основном стабилизировалась.[7]. Прогнозы развития рынка гостиничной недвижимости также оптимистичны.

В 2012 году в России заметно увеличился приток иностранных инвестиций в сферу гостиничных услуг. Согласно исследованиям компании «Ernst&Young» эта тенденция будет прослеживаться и в 2013 году. Однако на фоне доминирования инвестиций в сферу телекоммуникации (главным образом мобильная телефонная связь) в добывающую и перерабатывающую промыш-

ленность, в банковское дело и электроэнергетику прямые инвестиции в гостиничный бизнес остаются незначительными (таблица 2).

международные гостиничные операторы предпочитают формы интеграции на российском рынке без непосредственного участия в капитале. Распределение

Рис. 1. Логическая схема анализа рынка гостиничных услуг на различных уровнях.

Таблица 2.

Приток ПИИ в Россию, страны СНГ и Грузию в 2011г.
(выборочный анализ в отраслевом разрезе) [3, с.11]

Вид деятельности	Прямые инвестиции России, млрд. долл	Прямые инвестиции других стран СНГ и Грузии, млрд. долл	Прямые инвестиции России, СНГ и Грузии млрд. долл
Телекоммуникации	10,79	0,10	10,89
Добыча сырой нефти и природного газа	6,19	-	6,19
Транспортировка и продажа газа	5,62	0,34	5,96
Производства чугуна, ферросплавов, стали и проката, а также кокса	4,15	0,12	4,27
Банковское дело	3,29	8,87	4,16
Электроэнергетика	3,17	-	3,17
Добыча руд цветных металлов, включая добычу золота	2,54	0,05	2,59
Гостиничный бизнес	0,6	0,76	1,36

Таким образом, несмотря на оптимистические прогнозы аналитиков в отношении развития российского рынка гостиничных услуг и нарастания его объемов²,

номерного фонда среди международных операторов представлено на рисунке 2.

Исследователи гостиничного рынка утверждают, что уже к 2018 году ситуация в индустрии гостеприимства России существенно изменится. Грядущие перемены касаются, прежде всего, международных гостиничных операторов. По мнению аналитиков, в 2018 году среди всех зарубежных отельных цепочек в России Tulip Inn Omega Sochi, Hyatt Regency Sochi, Park Inn Sochi City Centre, Four Seasons Hotel Lion Palace St. Petersburg, Hotel Indigo St-Petersburg Tchaikovsky, Lotte Hotel St. Petersburg, Courtyard by Marriott Hotel Pulkovo, Ibis Stupino, Domina Tomsk, Mercure Tyumen Maxim Center, Domina Inn Hotel Tyumen, Hilton Garden Inn Ulyanovsk, Hyatt Regency Vladivostok Golden Horn, Hyatt Vladivostok Burny, Hampton by Hilton Voronezh, Park Inn Yaroslavl. По сравнению с прошлым годом, общее количество проектов в 2013 году возросло на 26 единиц.

² В 2013 году в России запланировано открытие следующих гостиниц крупных международных брендов: Radisson Hotel Chelyabinsk, Ibis Kaliningrad, Domina Inn Kaliningrad, Hilton Garden Inn Krasnodar, Park Inn Lipetsk, Domina Inn Lipetsk, Radisson Olympiysky Moscow, Four Seasons Hotel Moscow, DoubleTree by Hilton Moscow Leningradsky Riverside, Hilton Garden Inn Moscow New Riga, DoubleTree by Hilton Moscow Vnukovo Airport, Holiday Inn Crocus City, Kempinski Hotel Nikolskaya, Sheraton Moscow Sheremetyevo Airport, Astrum Hotel Schelkovo, Domina Novosibirsk, Days Hotel Pereslavl-Zalessky, Ramada Hotel Pereslavl-Zalessky, Park Inn Petrozavodsk, Mercure Rostov-on-Don, Mercure Sochi University Plaza, Pullman Sochi University Plaza, The Solis Hotel, Solis Suites, Radisson Rosa Khutor, Park Inn Imeretinskaya, Radisson Blu Resort & Congress Hotel Sochi, Swissotel Kamelia Sochi, Swissotel Sochi Gorky Gorod,

на второе место выйдет оператор «Ассор». Корпорация «Rezidor», которая на сегодняшний день считается лидирующей международной гостиничной компанией на российском рынке, в ближайшие годы сохранит свои позиции. А вот сетям «Marriott» и «InterContinental» придется уступить свои «места» корпорации «Ассор».

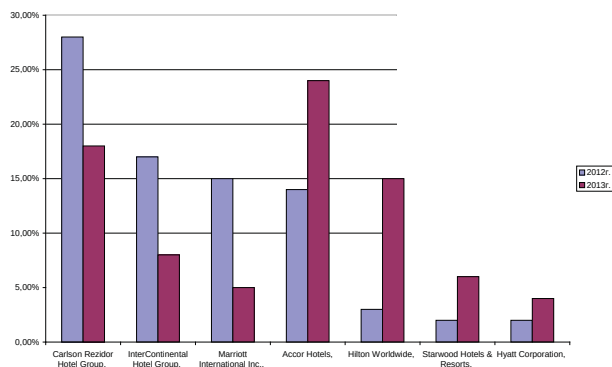

Рис. 2. Изменение доли в общем объеме номерного фонда среди иностранных брендов, в 2012-2013 гг. [10]

По сообщениям kommersant.ru, под управлением международных операторов через шесть лет будет находиться порядка 215-ти российских гостиниц, совокупный номерной фонд которых превысит 46 тысяч номеров. На данный момент крупные зарубежные компании управляют 89 отелями России. Предполагается, что через шесть лет из тройки лидирующих на российском гостиничном рынке международных операторов выйдет американская корпорация «Marriott», которая на данный момент управляет почти тремя с половиной тысячами гостиничных комнат России. Удерживать лидирующие позиции на российском рынке «Marriott» не поможет даже увеличение номерного фонда в полтора раза. Ожидается, что к 2018 году под управлением американского гостиничного оператора будет находиться почти пять с половиной тысяч номеров. Однако доля компании на российском гостиничном рынке уменьшится почти на четыре процента.

Номерной фонд французской гостиничной сети «Ассор», которая в ближайшие шесть лет должна потеснить на российском рынке «InterContinental» и «Marriott», вырастет с 2149 номеров до 7699 номеров. Главным партнером «Ассор» на российском рынке является компания «Russian Hotels Investments», которая строит в России гостиницы бренда Ibis. Гостиничная сеть «Ассор», в отличие от многих других операторов, сейчас ориентируется на развитие в России сетей бюджетных гостиниц, которые создаются довольно быстро. [10]

По данным годовых отчетов международных операторов, реализующих наиболее активно свои проекты на территории России (Accor, Marriott, Rezidor), и проанализировав объемы ПИИ в проекты гостиничного бизнеса в России, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев международные цепи используют стратегию сочетания присутствия как на развитых рынках, так и в странах с развивающейся рыночной экономикой. При этом, на рынках развивающихся стран гостиничные ТНК в основном используют такие формы как аренда, управление, франчайзинг.

Таким образом, актуализируется вопрос формирования благоприятной институциональной среды для привлечения иностранных инвестиций в гостиничный сектор. Среди факторов, сдерживающих активное привлечение иностранных капиталов, можно выделить:

- сохранения негативных эффектов глобального финансового кризиса: в кризисный 2009 г. в РФ загрузка отелей упала на 22,8% по сравнению с 2008 г. [несформированная законодательная база: процесс формирования национальных стандартов управления и функционирования гостиниц находится в начальной стадии и идет по пути адаптации и сближения с международными стандартами;

- нехватка квалифицированного персонала: в настоящее время этот вопрос решается на государственном уровне в контексте подготовки к проведению Зимней Олимпиады в Сочи 2014 году, а также Чемпионата мира по футболу в 2018 году;

- концентрация номерного фонда в крупных городах (Москва, Санкт-Петербург): проблема неравномерности распределения номерного фонда является острой в условиях подготовки к проведению Зимней Олимпиады в Сочи 2014 году, а также Чемпионата мира по футболу в 2018 году.

В условиях роста масштаба операций в процессе глобализации и транснационализации, развитие и инновации российского рынка гостиничных услуг имеют особое значение. В этой связи необходимым является согласование норм и правил (т.е. институтов) различных уровней воздействия (международного, регионального, национального) на российское гостиничное хозяйство. В этом контексте обеспечение прозрачности участников гостиничного бизнеса, внедрение стандартов корпоративного управления и стандартов качества обслуживания также являются институциональными нормами, обеспечивающими гарантии прав потребителей.

Таким образом, логика институционального развития заключается в необходимости придания формального статуса этим нормам, т.е. обязательному в рамках действующих правовых систем, статусу в глобальном масштабе.

Исходя из обозначенных проблемных зон, необходимо отметить, что вопросы формирования эффективной институциональной среды развития гостиничного бизнеса, привлечения иностранных инвестиций в индустрию гостеприимства в целом лежат в зоне интересов государства.

Повышение уровня внешнеэкономического потенциала страны невозможно без развитой инфраструктуры гостиничного бизнеса. При этом основной задачей государства видится формирование институциональной основы для использования частных инвестиций в инфраструктуру гостиничного и туристического комплекса.

Международная практика предполагает формирование нескольких моделей государственного регулирования развития гостиничного бизнеса (Таблица 3).

В России формирование модели государственного

участия в развитии гостиничной инфраструктуры находится на начальной стадии. В контексте подготовки к проведению Зимних олимпийских игр в г. Сочи в 2014 году и Чемпионата мира по футболу в 2018 году задача формирования эффективной модели государственного участия в развитии рынка выходит на первый план.

При этом, с позиции автора наиболее приемлемой для современного этапа развития национального рынка является вторая модель, предполагающая сочетание элементов саморегулирования и участия государства. В настоящее время основным координирующим государственным органом в гостиничном сегменте выступает Федеральное агентство по туризму Министерства культуры Российской Федерации (Ростуризм). В рамках деятельности Ростуризма реализуются:

- Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013 - 2020 годы;
- Федеральная целевая программа «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011 - 2018 годы)» Федеральная целевая программа «Юг России»;
- Региональные целевые программы развития туризма в субъектах РФ;
- Инвестиционные проекты туристско-рекреационной направленности РФ [9]

Создана Рабочая группа по разработке и реализации мер по привлечению средств внебюджетных источников на развитие туристской инфраструктуры, внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации. Анализ результатов деятельности Ростуризма свидетельствует о достаточно фрагментарном подходе к развитию ин-

дустрии гостеприимства. Отсутствие межотраслевого комплексного подхода определено наличием множества проблем и неразвитостью всех элементов индустрии.

Исходя из этого, видятся необходимыми следующие приоритеты государственного участия в развитии национального гостиничного рынка в контексте активизации процессов транснационализации мирового гостиничного хозяйства и нарастания конкуренции:

- образование и подготовка современных кадров с квалификацией международного уровня;
- организация технической помощи в реализации программ и стратегий устойчивого развития гостиничного рынка как обязательного условия активизации въездного туризма и привлечения объемов иностранных инвестиций;
- формирование и адаптация национальных стандартов устойчивого развития индустрии в контексте сохранения окружающей среды, экологической безопасности и т.д. к международной практики регулирования;
- развитие институтов саморегулирования и стимулирование формирования национальных отраслевых стандартов устойчивого развития и содействия профессиональным объединениям в реализации принципов отраслевого самоуправления с учетом положительного опыта развитых стран;
- поддержка внедрения инноваций, направленных на развитие гостиничного хозяйства, через инструменты бюджетного финансирования, представления государственных гарантий, а также в формате государственно-частного партнерства (ГЧП).

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что развитие национального рын-

Таблица 3.

Модели государственного участия в развитии рынка гостиничных услуг

Модель государственного участия	Характеристика модели участия	Особенности применения
<i>Централизованное регулирование рынка</i>	Создается центральный госорган, в функции которого входит регулирование деятельности гостиничного бизнеса, а также жесткий контроль над этой деятельностью	Характерна для стран с бюджетобразующей ролью гостиничной отрасли (Египет, Турция, Тунис и ряд др.); Предполагает реализацию государственных программ финансового стимулирования развития гостиничного бизнеса; На государственном уровне реализуется задача формирования благоприятного имиджа страны или местности на мировом рынке туристских и гостиничных услуг
<i>Саморегулирование в сочетании с централизованной функцией государственного регулирования</i>	Роль государства определяется формированием институциональной среды развития гостиничного бизнеса, разработки правовой базы через создание государственного органа регулирования (координация, контроль за соответствием качества и безопасности услуг международным и национальным стандартам, поддержка инновационной деятельности, налоговое стимулирование и т.п.)	Характерна в первую очередь для стран Европы; основные функции по регулированию и развитию гостиничного рынка переданы на уровень местных властей и саморегулируемым неправительственным организациям.
<i>Саморегулирование</i>	Характеризуется отсутствием централизованной функции регулирования рынка	Характерна для стран, в которых рыночные механизмы настолько развиты, что способны самостоятельно обеспечивать устойчивое развитие туристской индустрии и гостиничного хозяйства (например, США)

ка гостиничных услуг в контексте активной экспансии международных гостиничных цепей представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Современные участники рынка должны обладать большой гибкостью, способностью быстро реагировать на изменение макроэкономической среды. Такой подход определяет приоритетность форм экспансии международных гостиничных цепей на рынок России, не предполагающих непосредственного участия в капитале (аренда, управление, франчайзинг).

Формирование институциональной среды национального гостиничного бизнеса находится на своем начальном этапе и характеризуется фрагментарным участием государства в стимулировании его развития. Наиболее перспективным с позиции современного состояния рынка видится развитие модели участия государства в расширении рынка гостиничных услуг, предполагающей сочетание институтов саморегулирования и государственного регулирования.

Библиографический список

1. Алифанова Е.Н. Институциональное развитие российского фондового рынка в условиях финансовой глобализации: Монография / РГЭУ «РИНХ». Ростов-на-Дону, 2005.
2. Ковальчук А.П. Экономика, предпринимательство и право. 2012. - №4(15). С. 53-62.
3. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ Санкт-Петербург, 2012.
4. Норт Д. Эволюция эффективных рынков в истории. / <http://www.ie.boom.ru/Referat/North5.htm>.
5. Артемова А.Н., Анпилогова В.В. Современные технологии стимулирования развития туризма в России // Российское предпринимательство. 2007. № 9 Вып. 2 (98). С. 169-173. / <http://www.creativeconomy.ru/articles/12113/>
6. Доклад о мировых инвестициях, 2011 год Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД) / <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf>
7. Данные официального сайта Международной ассоциации гостиниц и ресторанов / <http://www.ih-ra.com>
8. Данные аналитиков по компании AZIMUT Hotels по России и СНГ /http://azimuthotels.com/u/publication_file/6/28%2003%20%20SPECPROEKT_Nedvijimost.pdf
9. Данные официального сайта Ростуризма /<http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140245/>
10. Портал про гостиничный бизнес / www.prohotel.ru
11. Annual Report 2012 Rezidor Hotel Group - С. 16 // <http://rezidor.com>
12. Desai Mihir A., Foley C. Fritz, Forbes Kristin J. Financial Constraints and Growth: Multinational and Local Firm Responses to Currency crises. NBER Working Paper No.w10545 Issued in June 204 NBER Program(s)/<http://papers.nber.org/papers/W10545>

References

1. Alifanova E.N. Institutional development of the Russian stock market in the context of financial globalization: monograph/ RSUE (RINH). Rostov-na-Donu, 2005.
2. Kovalchuk A.P. Economy, Business and Law. 2012. № 4 (15). P. 53-62.
3. Monitoring of mutual investments in the UIS. Saint-Petersburg, 2012.
4. North D. Evolution of efficient markets in history. / <http://www.ie.boom.ru/Referat/North5.htm>.
5. Artemova A.N., Anpilogova V.V. Modern technologies encourage the development of tourism in Russia / / Russian Entrepreneurship. 2007. № 9. P.169-173. / <http://www.creativeconomy.ru/articles/12113/>
6. The world investment report, 2011 year of the United Nations Conference on trade and development (UNCTAD)/ <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/investments2011.pdf>
7. The official website of the International Association of hotels and restaurants / <http://www.ih-ra.com>
8. These analysts AZIMUT Hotels Company in Russia and UIS /http://azimuthotels.com/u/publication_file/6/28%2003%20%20SPECPROEKT_Nedvijimost.pdf
9. These official website of the Federal Tourism Agency/<http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140245/>
10. Portal about the hotel business. / www.prohotel.ru
11. Annual Report 2012 Rezidor Hotel Group - С. 16 // <http://rezidor.com>
12. Desai Mihir A., Foley C. Fritz, Forbes Kristin J. Financial Constraints and Growth: Multinational and Local Firm Responses to Currency crises. NBER Working Paper No.w10545 Issued in June 204 NBER Program(s)/<http://papers.nber.org/papers/W10545>.

УДК 353.2

UDC 353.2

Н.В. НЕВЕЙКИНА

кандидат экономических наук, доцент Воронежского
государственного университета
E-mail: nnv10011976@mail.ru

N.V. NEVEYKINA

candidate of Economic Sciences, associate professor
Voronezh state university
E-mail: nnv10011976@mail.ru

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ

TIPOLOGIZATION OF REGIONS

Актуальность исследования типологизации регионов обусловлена все возрастающим интересом к процессу регионального развития. В работе представлен собственный подход к исследованию теоретических основ классификации регионов по различным критериям.

Ключевые слова: региональное управление, регион, классификация регионов.

The relevance of the research of tipologization of regions is caused by escalating interest to the process of regional development. In this work own approach to the research of theoretical bases of the regions' classification on various criteria is presented.

Keywords: regional government, region, classification of regions.

Сегодня один из актуальных вопросов – классификация регионов, определение их видов в зависимости от ряда критериев.

Классификация – 1) распределение по группам, рядам, классам; 2) система, по которой что-нибудь классифицировано [7, с.276].

Вид – 1) подразделение в систематике, входящее в состав высшего раздела – рода; 2) разновидность, тип [7, с.82].

Критерий (от греч. criterion – средство для суждения) – признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило оценки [10, с.654].

В научной литературе наиболее широко распространена классификация регионов по уровню развития. Так, авторы книги «Государственное регулирование рыночной экономики» отмечают, что по уровню социально-экономического развития и по способности обеспечивать это развитие собственными силами выделяются регионы-доноры и регионы-реципиенты (дотируемые регионы). Последние, в свою очередь, делятся на отсталые (слаборазвитые) и депрессивные [3, с.385].

Регионы-доноры мы считаем необходимым также разгруппировать на развитые и развивающиеся для формирования пакета целевых мер по их развитию.

Н. Колосовский справедливо выделяет пять ступеней развития хозяйства экономических районов.

1. Резервные территории со слабым уровнем развития экономики и малым участием в территориальном разделении труда.

2. Районы пионерного экономического развития, где выявлены природные ресурсы, имеются необходимые трудовые ресурсы для их освоения, определена специализация, но использование природных ресурсов производится выборочно в силу мелкоочагового расселения и производства.

3. Районы крупноочагового развития хозяйства характеризуются наличием больших промышленных узлов и транспортных магистралей с примыкающими к ним экономически освоенными территориями.

4. Районы мощных очагов хозяйственного развития имеют в основном сформировавшиеся хозяйственные комплексы, некоторые звенья которых еще строятся или только проектируются.

5. Районы сложившегося комплексного хозяйства отличаются сформировавшейся структурой производства, значительным уровнем использования природных и трудовых ресурсов, четко определившимся местом в территориальном разделении труда, наличием верхних «этажей» развития районного комплекса [13, с.245-248].

Мы считаем данную классификацию достаточно полной и актуальной для эффективного управления развитием региона.

Наряду с классификацией регионов по уровню развития, особое внимание уделяется классификации проблемных регионов.

Е. Коваленко отмечает, что Советом по изучению производительных сил выделяются три главных типа проблемных регионов в современной России, по отношению к которым целесообразно применять особые методы регулирования: отсталые (слаборазвитые); депрессивные; кризисные [4, с.22].

Е. Коваленко добавляет: «С точки зрения региональной экономической политики главными типами проблемных регионов, помимо отсталых (слаборазвитых) и депрессивных, являются также приграничные [4, с.27-28].».

Авторы книги «Региональная экономика» [8, с.67] выделяют такие основные типы проблемных регионов – слаборазвитые, депрессивные, экологически опасные и приграничные. К экологически опасным отно-

сятся регионы, испытывающие последствия различных катастроф.

С переходом к рыночной экономике и либерализацией хозяйственной деятельности регионов произошло их разделение на два типа: регионы-экстраверты и регионы-интроверты.

На наш взгляд, проводить классификацию только лишь проблемных регионов экономически не оправдано, так как внимания требуют не только проблемные территории. Более того, при отсутствии должного внимания непроблемные территории могут перейти в ряд проблемных.

Общим недостатком всех представленных выше подходов является их ориентированность только лишь на один критерий, что значительно суживает совокупность инструментов, необходимых к применению для каждого вида региона.

С проблемой классификации регионов по какому-либо критерию сталкивается большинство исследователей, занимающихся вопросами регионального управления. Рассматривая тот или иной региональный аспект, они вынуждены ранжировать регионы, группируя их. В продолжение однокритериальной классификации приведем еще ряд примеров.

М. Морковкина, принимая во внимание только лишь один отраслевой признак, выделяет три группы регионов по уровню доступности жилья: 1 кластер – регионы с низкой доступностью приобретения жилья; 2 кластер – регионы с относительно высокой ценовой доступностью приобретения жилья (средний уровень доступности жилья); 3 кластер – регионы с относительно высокой доступностью приобретения жилья [6, с.18].

Классификация регионов, основанная на их кластеризации по заданному критерию, предложена О. Кузьминым. Он разгруппирует регионы по уровню конкурентоспособности, выделяя три кластера [5, с.16].

С. Седыкин проводит типологизацию регионов по продолжительности и глубине кризиса (выделены 4 типа) [9, с.11-12].

О. Толстогузов, исследуя периферийные районы, определяет классификацию по степени вовлеченности в мировую экономику:

1. глубинная территория или глубинный (внутренний) регион: экспортный регион с развитым производством (1 тип); регионы с ограниченной открытостью или большей ориентацией на внутренний рынок (2 тип);

2. рубежная, контактная территория или приграничный район: изолированный слабо вовлеченный в мировую экономику (3 тип); с развитой приграничной торговлей и внешнеторговой деятельностью (4 тип); территория с развитыми договорными отношениями приграничного сотрудничества (трансграничный регион) (5 тип) [12].

К таким классификациям прибегают, как правило, при одноотраслевом или однокритериальном анализе и сравнении, и этот подход слишком односторонен и узок применительно к исследованию видов регионов в общепромышленном контексте.

А. Брут-Бруляко проводит типологию регионов на основе таксономического индекса (комплексный индикатор социально-экономического развития региона) [2]. Несмотря на то, что в данном подходе применяется многокомпонентный индикатор, тем не менее, критерий классификации остается один, а не множественный.

Наряду с обозначенными выше также существуют подходы к классификации регионов, основанные на совокупности критериев.

Так, Д. Сэпик отмечает, что при использовании двух ключевых факторов при определении типологии: плотность населения, отражающая пространственный фактор, связанный с вероятностью возникновения урбанистических экономик, и ВРП на душу населения, отражающий экономический потенциал регионов, выделяют: регионы-производственные площадки; регионы-источники увеличения прибыли; регионы-центры знаний [11, с.76].

Наиболее удачный, на наш взгляд, подход к классификации регионов представлен Т. Алексеевой, которая предлагает классифицировать их по целому комплексу признаков:

- территориальный: высший, средний, исходный;
- территориально-экономический: основной экономический, экономический административный, внутриобластной;
- уровень и темпы развития: развивающийся, проблемный, депрессивный;
- отраслевая ориентация: индустриальный, сельскохозяйственный, сырьевой, рекреационный;
- внешнеэкономическая политика: экспортоориентированный, импортозамещающий;
- устойчивость: неустойчивое развитие, сверхустойчивость, глобальная устойчивость, приближенно устойчивое развитие, абсолютно устойчивое развитие [1, с.21-22].

Вместе с тем, данный подход необходимо дополнить двумя критериями:

1. комплексное территориальное (внутрирегиональное) развитие отражает равномерность развития подсистем региона – муниципальных образований:

– равномерное (сглаженное) развитие характеризует регионы, где различие в уровне и качестве жизни населения в различных муниципальных образованиях, входящих в состав региона, минимально;

– неравномерное (полярное) развитие характеризует регионы, где различие в уровне и качестве жизни населения значительное – в одних муниципальных образованиях уровень жизни высокий, в других – низкий;

2. наличие неиспользованного потенциала и ресурсов:

– резервные территории имеют большой резерв для роста – неиспользованный потенциал и ресурсы;

– осваиваемые территории – их потенциал и ресурсы осваиваются либо слабо, либо активно;

– освоенные территории – их потенциал и ресурсы освоены и используются практически полностью.

– При классификации регионов по критерию «отраслевая специализация» необходимо дополнить:

– туристский – регионы, где доминирует туристическая индустрия;

– научный – характеризуется высоким уровнем развития науки и образования в регионе, НИОКР, технополисов и т.д.;

Классификация регионов по уровню и темпам развития должна выглядеть следующим образом:

– развитые – имеют показатели СЭР выше среднероссийского и стабильные (более 100 %) темпы роста по основным показателям за последние 3 года;

– развивающиеся – имеют основные показатели ниже среднероссийских, но высокие (более 100%) темпы развития за последние 3 года;

– депрессивные – имеют показатели выше среднероссийских, но темпы роста менее 100% за последние 3 года;

– отсталые (кризисные) – имеющие наряду с низкими (ниже среднероссийского) показателями СЭР отрицательную динамику (темпы роста менее 100%) по основным показателям СЭР за последние 3 года.

Депрессивные и отсталые мы считаем необходимым объединить в одну группу и назвать проблемными, т.к. именно на них необходимо обратить особое внимание при управлении комплексным территориальным развитием. К этим территориям необходимо применять меры антикризисной направленности. Эта группа регионов (муниципальных образований) требует большего внимания, чем первые две, т.к. даже при самом успешном развитии всегда будут регионы, которые выше и которые ниже среднеобластного значения и это может быть вовсе не критично, если динамика показателей положительна. Следовательно, значительно более пристального внимания требуют регионы, где динамика отрицательная – темпы роста менее 100 %.

Описанная классификация регионов представлена на рисунке 1.

С учетом наших предложений классификация регионов представлена в таблице 1. Считаем, что данная типология регионов может быть принята за основу органами власти субъектов РФ в процессе управления региональным развитием.

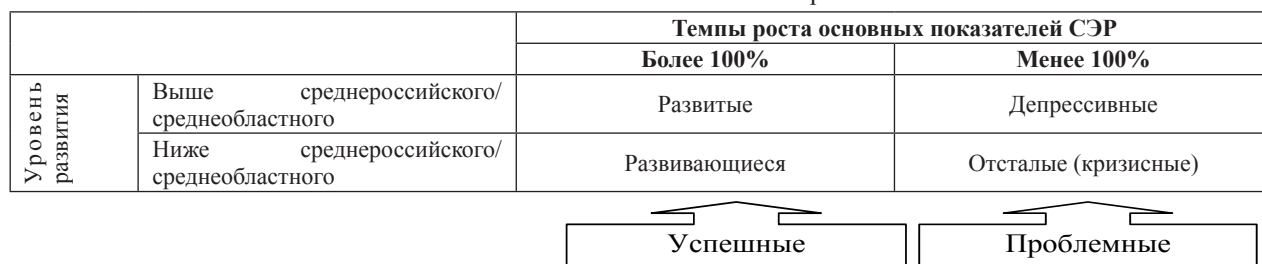

Рис. 1. Классификация регионов.

Таблица 1.

Классификация регионов по различным критериям

Территориально-экономический	Уровень и темпы развития	Отраслевая специализация	Внешнеэкономическая политика	Комплексное территориальное (внутри-региональное) развитие	Наличие неиспользованного потенциала и ресурсов	Устойчивость
2.1 Территориальный: - географический; - административный	3.1 Развитый	4.1 Индустриальный	5.1 Экспортоориентированный	5.1 Равномерный (сглаженный)	Резервные территории (много неиспользованного потенциала)	6.1 Неустойчивое развитие
2.2 Экономический	3.2 Развивающийся	4.2 Сельскохозяйственный	5.2 Импортозамещающий	5.2 Неравномерный (полярный)	Слабо осваиваемые территории	6.2 Устойчивое развитие
2.3 Социально-экономический	3.3 Депрессивный	4.3 Сырьевой			Активно осваиваемые территории	6.3 Абсолютно устойчивое развитие
	3.4 Отсталый (кризисный)	4.4 Рекреационный			Освоенные территории (потенциал используется полностью)	
		4.5 Туристский				
		4.6 Научный				

Библиографический список

1. Алексеева Т.В. Управление устойчивым развитием экономических систем региона. Монография. Орел: Издательство ОРАГС, 2006. С.21-22.
2. Брут-Бруляко А.А. Определение стратегических направлений регионального развития на основе метода типологий: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Иваново, 2012 // Интернет-ресурс: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii/1/a818.php> (дата: 17.02.2013г.)

3. Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник, изд. 3-е, доп. и перераб./ Под общ. ред. В.И. Кушлина. М.: Изд-во РАГС, 2008. С.385.
4. Коваленко Е.Г. Региональная экономика и управление: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2005. С.22, 27-28.
5. Кузьмин О.М. Статистическое исследование конкурентоспособности регионов России: автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Москва, 2011. С.16.
6. Морковкина М.А. Статистический анализ доступности жилья в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / М.А. Морковкина. Москва, 2008. – С.18.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. С.82, 276.
8. Региональная экономика: Учебник / Под ред. В.И. Видяпина и М.В. Степанова. М.:ИНФРА-М, 2005. С.67.
9. Седыкин С.В. региональное антикризисное управление: содержание, принципы организации, инструментарий: автореферат на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Воронеж, 2012. С.11-12.
10. Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, С.654.
11. Сэпик Д. Конкурентоспособность регионов: некоторые аспекты // Доклады РЕЦЭП. М.: Изд_во РЕЦЭП, 2004. № 2. С. 76.
12. Толстогузов О.В. Методология управления экономикой приграничного региона в условиях глобализации: автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук. Санкт-Петербург. 2011. / Интернет-ресурс: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a74.php> (дата: 17.02.2013г.)
13. Экономическая и социальная география: Основы науки: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. С.245-248.

References

1. Alekseeva T.V. Management of a sustainable development of economic systems of the region. Monograph. Orel: ORAGS publishing house, 2006. Pp. 21-22.
2. Brut-Brulyako A.A. Definition of the strategic directions of regional development on the basis of a method a tipologiy: candidate dissertation on Economy. – Ivanovo, 2012//Internet resource: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii/a818.php> (date: 17.02.2013г.)
3. State regulation of market economy: Textbook, , third ed., ext. and rev. /Under general edition of V.I. Kushlin. M: RAGS publishing house, 2008. 385 p
4. Kovalenko E.G. Regional economy and management: Manual. – SPb. : St. Petersburg, 2005. – Pp. 22, 27-28.
5. Kuzmin O.M. Statistical research of competitiveness of regions of Russia: author's abstract, candidate dissertation on of Economic Sciences / M.O. Kuzmin. – Moscow, 2011. –16 p.
6. Morkovkina M.A.Statistical analysis of availability of housing in the Russian Federation: author's abstract, candidate dissertation on of Economic Sciences /M. A.Morkovkina. – Moscow, 2008. –18 p.
7. Ojegov S.I. Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions / the Russian Academy of Sciences. Institute of Russian of a name of V. V. Vinogradov. 4th ed., ext.– M: Azbukovnik, 1999. – Pp. 82, 276..
8. Regional economy: The textbook / Under the editorship of V.I. Vidyapin and M. V. Stepanov. – M. : INFRA-M, 2005. – Page 67.
9. Sedykin S.V. The regional crisis management: contents, principles of the organization, tools: author's abstract, candidate dissertation on of Economic Sciences / S.V. Sedykin. – Voronezh, 2012. – Pp. 11-12..
10. Soviet encyclopedic dictionary/Ed. by A.M.Prokhorov. – 2nd ed. M: The Soviet encyclopedia, - Page 654.
11. Sepik D. Competitiveness of regions: some aspects//RETsEP Reports. – M: RETSEP, 2004. – No. 2. – Page 76.
12. Tolstoguzov O.V. Methodology of management of economy of the border region in the conditions of globalization: the abstract on competition of a scientific degree of the Doctor of Economics / Island V. Tolstoguzov. – St. Petersburg. – 2011. / Интернет resource: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-ekonomika/a74.php> (date: 17.02.2013г.)
13. Economic and social geography: Science bases: Manual for students of higher education institutions. – M: Humanit. prod. center VLADOS, 2003. – Pp. 245-248.

УДК 004.9:336.14:061.1:334.757

UDC 004.9:336.14:061.1:334.757

Г.М. САМОСТРОЕНКО

доктор экономических наук, профессор кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета
E-mail: samostroenko@yandex.ru

В.А. КОЛЫБЕЛКИНА

магистрант Орловского государственного университета
E-mail: vkolybelkina@mail.ru

G.M. SAMOSTROENKO

doctor of Economic Sciences, professor of applied economic disciplines Orel State University
E-mail: samostroenko@yandex.ru

V.A. KOLYBELKINA

magistrate student, Orel State University
E-mail: vkolybelkina@mail.ru

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ХОЛДИНГОВЫХ СТРУКТУРАХ

THE DEVELOPMENT OF INFORMATION SYSTEMS IN HOLDING STRUCTURES

В статье рассматриваются направления развития информационных систем, свойственные для холдинговых структур. Предлагаются мероприятия, направленные на повышение эффективности системы бюджетирования и более полное использование его потенциала в холдинговых структурах.

Ключевые слова: информационные системы, бюджетирование, холдинговые структуры.

The article discusses the direction of the development of information systems, characteristic for holding structures. The measures aimed at improving the efficiency of the budgeting system and better use of its potential in holding structures are suggested.

Keywords: information systems, budgeting, holding structures.

Устойчивое развитие любой из экономических систем во многом зависит от правильной постановки и надежности информационного обеспечения функций планирования, контроля и принятия управленческих решений. Создание методологических основ информационного обеспечения эффективного управления является предметом управленческого учёта, один из методических приёмов которого – система бюджетирования, реализующая функции финансового планирования и контроля, а также связанные с этим аспекты ответственности руководителей организации [1].

Внедрение системы бюджетирования помогает создать целостную и эффективную систему управления в организации, что и предопределяет его значение. Бюджетирование способствует уменьшению нерационального использования средств предприятия благодаря своевременному планированию хозяйственных операций, товарно-материальных и финансовых потоков и контролю за их реальным осуществлением, проведению план-факторного анализа. Главная задача системы бюджетирования заключается в том, чтобы представить всю финансовую информацию в удобной для анализа форме в целях обеспечения своевременного принятия эффективных управленческих решений. Поэтому развитие информационных систем объективно связано с внедрением и совершенствованием бюджетирования. Конкретные подходы к решению данной задачи зависят от специфики функционирования компании. В этом плане особый интерес представляет организация бюджетирования в холдинговых структурах, – одной из

распространённых форм предпринимательских объединений в современной российской экономике.

Холдинги как способ интеграции характерны не только для естественных монополий, стратегических отраслей и крупного бизнеса. В настоящее время средний и даже малый бизнес также представлен созданными на основе системы участия и контроля группами хозяйственных обществ [2]. Холдинговые структуры представляют собой корпорации или компании, контролирующие одну или несколько компаний с помощью их акций, долей, которыми она владеет. Такая форма организации предпринимательской деятельности часто используется для проведения единой политики и осуществления единого контроля за соблюдением общих интересов больших корпораций или ускорения диверсификации [3]. Следует подчеркнуть, что наличие эффективной информационной системы позволяет учитывать также интересы взаимодействующих с холдингом малых предприятий.

Бюджетирование, лежащее в основе информационной системы, определяя основные принципы организации финансового управления холдинговой структурой, обеспечивает прозрачность финансовых потоков, позволяет эффективно ими управлять, что приводит к экономии текущих и инвестиционных расходов, обеспечивает наилучшую координацию этих расходов в их взаимной увязке с доходами корпорации, создает необходимые предпосылки для динамичного роста рыночной стоимости холдинга.

Системы бюджетирования, применяемые в различ-

ных холдинговых структурах, адаптированы под конкретные потребности компаний, входящих в холдинг, имеют много схожих черт и проблем. Один из подходов к диагностике проблем бюджетирования, свойственных для холдинговых структур, рассматривается нами на примере ООО «Нефтегазспецстрой» Госкорпорации по атомной энергии «Росатом» (ГК «Росатом»).

Структура ГК «Росатом» представляет собой многономенклатурную корпорацию, которая имеет несколько направлений развития (ядерный энергетический комплекс, ядерный оружейный комплекс, прикладная и фундаментальная наука, ядерная и радиационная безопасность, атомный ледокольный флот, ядерная медицина и, наконец, композитные материалы), которые в свою очередь подразделяются на дивизионы [4]. Она насчитывает большое количество дочерних компаний разного профиля как в России, так и за рубежом. В её состав входят предприятия и организации, обеспечивающие функционирование ядерного энергетического и ядерного оружейного комплексов – от добычи и обогащения урана и производства ядерного топлива, до строительства объектов ядерной энергетики и эксплуатации атомного ледокольного флота. Кроме того, в систему хозяйственных связей ГК «Росатом» входит значительное число предприятий малого бизнеса, выполняющих важные заказы на поставку товаров и услуг.

С целью формирования необходимой информационной базы для контроля и принятия эффективных управленческих решений в ГК «Росатом» внедрена система бюджетирования с использованием программы «Управление финансами», конфигурации программы 1С, открытой системой, которая позволяет обеспечить связь с системами учета и управленческого планирования.

Компания ООО «Нефтегазспецстрой» вступила в периметр госкорпорации и стала составляющей Машиностроительного дивизиона в 2010 году, управляющая компания дивизиона – ОАО «Атомэнергомаш» [5]. С её вхождением в ГК «Росатом» связаны планы создания в рамках Машиностроительного дивизиона полного цикла оказания соответствующих услуг от проектирования и выпуска энергетического оборудования до его монтажа и полного строительства атомных электростанций. Тем самым планировалось полностью обеспечить компанию ООО «Нефтегазспецстрой» внутригрупповыми заказами.

Исходя из сложной организационной структуры ГК «Росатом», её бюджетная система является многоуровневой. При этом ГК «Росатом» представляет собой ядро системы, головная организация Машиностроительного дивизиона ОАО «Атомэнергомаш» является центром финансовой ответственности (ЦФО) второго уровня, её курируемые дочерние и зависимые общества – ЦФО третьего уровня.

Структурные подразделения предоставляют все бюджеты в вышестоящую управляющую организацию, возглавляющую дивизион, где они консолидируются. На основании отчетности всех дивизионов, входящих в ГК «Росатом», формируется консолидированная от-

четность холдинга. Отдельное внимание уделяется внутригрупповой деятельности. При этом выделяется горизонтальное направление – внутригрупповая деятельность между компаниями, входящими в один дивизион, и вертикальное направление – деление по интересующим отраслям (АЭС (товары/услуги/продукты, предназначенные для объектов атомной энергетики), ТЭС (товары/услуги/продукты, предназначенные для объектов тепловой энергетики), ГНХ (товары/услуги/продукты, предназначенные для объектов нефтегазового комплекса), прочее).

В ГК «Росатом» существует большое количество внутренних регламентов и согласований, которые унифицируют и стандартизируют ведение учёта и документооборота с целью исключить существенные различия между предоставляемыми структурными подразделениями отчётами. При этом управляющая компания может ввести и свои дополнительные отчёты внутри каждого дивизиона, которые необходимы для контроля и анализа.

Система бюджетирования Машиностроительного холдинга состоит из пакета документов БК (бюджетного комитета). Во многом он стандартен и включает БДДС, БДР, бюджет инвестиционной деятельности, бюджет трудовых затрат, портфель заказов. Вместе с тем данная система не исключает дублирования информации, содержащейся в многочисленных периодических отчётах, которые контролируют другие отделы управляющей организации (отдел закупок, отдел продаж, юридическое управление, бухгалтерия). Ежеквартально сдаётся полный пакет документов БК, которые должны сходиться с бухгалтерской отчетностью при «быстром» закрытии. При формировании годовой отчетности ранее сданные отчёты могут корректироваться, так как предоставление официальной бухгалтерской отчетности занимает более продолжительное время.

С одной стороны, систему бюджетирования госкорпорации нельзя назвать «жесткой» системой. Периодически она пересматривается, проводится так называемая дебюрократизация, на основе предоставляемых каждым дочерним или зависимым обществом (ДЗО) пожеланий, вносятся изменения как в сами формы, так и в периодичность сдачи отчетности (хотя одновременно можно наблюдать и обратный процесс – усложнение и введение новых документов).

С другой стороны, структура ГК «Росатом» основательно регламентирована, что не может не сказываться на системе бюджетирования, которая не учитывает все особенности предприятий различного профиля, деятельность которых отличается от главных направлений холдинга или дивизиона. К примеру, при решении многих вопросов относительно деятельности ООО «Нефтегазспецстрой» управляющая компания (Машиностроительный дивизион) применяет коэффициенты, разработанные для машиностроительной отрасли, которые не соответствуют специфике строительного предприятия.

Таким образом, под влиянием факторов внешнего и внутреннего окружения в системе бюджетирования

возникают разнообразные проблемы, снижающие степень использования ее потенциала. Для диагностики проблем информационной системы целесообразно использовать метод SWOT-анализа. Так, проведенный нами количественный SWOT-анализ позволяет сделать вывод о том, что основные проблемы системы бюджетирования обусловлены наличием у неё ряда слабых сторон.

Отсюда следует, что основные направления развития информационной системы компании также связаны с устранением слабых сторон бюджетирования. К числу важнейших относятся такие направления развития информационной системы, как её дебюрократизация; организация эффективной обратной связи в системе бюджетирования; устранение изъянов в организации взаимодействия и обмена информацией между подразделениями компании и холдинга; прекращение порочной практики предоставления заведомо неверной информации; недопущение случаев сокрытия возникающих проблем в надежде исправить их в будущем; создание условий, при которых будет полностью исключено стремление несмотря ни на какие обстоятельства полностью израсходовать средства, предусмотренные в соответствующем бюджете; устранение недостатков информационной системы в части обеспечения задач управленческого учёта.

Актуальность, значение и серьёзный потенциал выделенных выше направлений развития информационной системы наглядно прослеживаются на конкретных примерах деятельности компании ООО «Нефтегазспецстрой».

Так, главной целью включения строительной организации ООО «Нефтегазспецстрой» в Машиностроительный дивизион госкорпорации ГК «Росатом» было создание непрерывной цепочки производства – от проектирования, создания энергетического оборудования до его монтажа и строительства АЭС «под ключ». Но в течение довольно длительного времени компания так и не имеет внутригрупповых заказов, в результате ей приходится затрачивать усилия на поиск сторонних заказов и нерационально расходовать финансовые ресурсы, которые выделяются ГК на поддержание деятельности ООО «Нефтегазспецстрой».

Проблема заключается в том, что контрактация, заключение любых договоров в госкомпании происходит посредством конкурсов, различных процедур закупок, соответствующих утвержденным регламентам, во избежание влияния различных рисков. Но, как ни парадоксально это звучит, компании, входящие в госкорпорацию ГК «Росатом», далеко не всегда соответствуют данным требованиям. В итоге получается, что «дочка» госкорпорации должна искать другие контракты, не всегда отвечающие её специфике, а госконтракт может достаться сторонней организации.

Всё это отрицательно влияет на деятельность компании ООО «Нефтегазспецстрой» и её систему бюджетирования. Во-первых, растёт штат сотрудников коммерческой службы, увеличиваются управленческие расходы, а также сроки согласования новых проектов,

поскольку они не являются внутренними и имеют другую систему согласования.

Во-вторых, специфика строительной компании, такой как ООО «Нефтегазспецстрой», требует больших финансовых затрат для начала любого проекта. Географически реализуемые проекты, как правило, находятся в труднодоступных районах России. Чтобы начать строительство, необходимо возвести строительный городок, закупить и доставить строительную технику, провести мобилизацию основных ресурсов и т.д. Все это производится за счёт средств «материнской» компании. Кредитно-кассовое состояние дочерних компаний строго отслеживается. И почти всегда «дочерняя» компания может получить финансовую поддержку «материнской» для покрытия возникающих кассовых разрывов. Однако, финансируя внешний проект, «материнская» компания нерационально использует свой потенциал: ведь в данном случае ресурсы вообще выведены из госкорпорации. Кроме того, не исключена вероятность того, что компания не окажет вовремя необходимую поддержку какому-либо внутреннему проекту или будет вынуждена обратиться к кредитным ресурсам.

Таким образом, система регламентирования всех процессов имела благую цель, но на деле является фактором, тормозящим развитие. Существует необходимость пересмотра, упрощения всех основных регламентов. Это во многом снизит косвенные управленческие расходы и ускорит процесс принятия решения. Несомненно, что дорогостоящие стратегические проекты должны находиться под постоянным контролем госкорпорации, однако излишне ужесточать его, распространяя подобный регламент на любой проект нецелесообразно.

Внедрение системы бюджетирования на любом предприятии обеспечивает решение задач управления и планирования, контроля, а также повышения инвестиционной привлекательности для внешнего инвестора за счёт «прозрачности» принятия решений. В случае ООО «Нефтегазспецстрой» один из основных аспектов положительного влияния системы бюджетирования не используется. В госкорпорации не поощряется привлечение финансовых средств со стороны, чтобы снизить риск зависимости от внешних источников. Финансирование, привлекаемое от «материнской» компании, дешево, но оно не безгранично.

Отдельного внимания заслуживает информация, отражающая наличие отклонений результатов реализации проекта от утвержденного бизнес-плана. В любом из годовых бизнес-планов ООО «Нефтегазспецстрой» предусмотрены новые проекты, т.к. одним из основных направлений развития компании является наращивание портфеля заказов. Каждый проект может быть уникальным, и все расходы, необходимые для его реализации, утверждаются на специальных комитетах. Большинство контракций в строительной отрасли заключаются на основе закрытых конкурсов, и существует вероятность, что в течение года какой-нибудь из запланированных проектов ООО «Нефтегазспецстрой» не выиграет.

Чтобы не снижать плановую выручку и плановые показатели компании, приходится принимать участие в других конкурсах, законтрактовываться. И хотя годовая выручка и рентабельность компании по сравнению с планом при этом могут меняться незначительно, затраты по отдельным статьям изменятся в обязательном порядке. Поскольку в холдинге существует жёсткий контроль, то при наличии больших отклонений от плана по статьям от компаний требуют предоставления большого количества объяснений, что ведёт к росту управленческих расходов.

Например, в одном из годовых бизнес-планов был утвержден проект с вероятностью контрактации выше 60%, который ООО «Нефтегазспецстрой» планировало на 90% осуществить силами субподрядчика, т.е. при утверждении бизнес-плана по данному проекту основная часть расходов проходила по одной статье «Услуги производственного характера. Основное производство». Привлечения новых сотрудников для реализации данного проекта не требовалось. Участвуя в закрытом конкурсе, ООО «Нефтегазспецстрой» проиграло данный лот, и контракт был заключен с другим генеральным подрядчиком.

Тогда предприятие приняло участие в новом проекте с более высокой рентабельностью и чистой прибылью. Но согласовать новый бюджет оказалось куда более проблематично, т.к. по условиям нового контракта 80% всех строительных работ ООО «Нефтегазспецстрой» должно было выполнить собственными силами. Для этого потребовалось привлечь более сотни новых высококвалифицированных работников с умением работать в условиях Крайнего Севера.

В составленном новом проектном бюджете были учтены и детально расписаны все возможные расходы, многие из которых относились к ранее не затрагиваемым расходным статьям, в том числе «Основное сырье, материалы», «ГСМ», «Транспортные расходы», «Оплата труда», «Обучение, аттестация сотрудников» и прочее. В результате возникли превышения почти по всем статьям утвержденного ранее бизнес-плана и также существенно изменились другие показатели, на основании которых принимается решение о контрактации.

По расчётам, новый проект обеспечивал маржинальную рентабельность в 30 %, что в два раза превышало аналогичный показатель рентабельности проигранного проекта. Несмотря на это осязаемое преимущество, из-за серьёзного несоответствия годовому постатейному бизнес-плану резко возросла длительность процесса принятия решения, и новый проект оказался под угрозой срыва.

Проблемы возникают также в связи с ростом фонда оплаты труда и уровня средней зарплаты рабочих компании в целом. Дело в том, что проекты компания реализует в основном в Сибири, районах Крайнего севера, а по Трудовому кодексу РФ, работающим в данной местности полагаются северные надбавки и районные коэффициенты. Между тем, отдел по управлению персоналом управляющей компании категорически против согласования проектов с превышением уже утверж-

денного в бизнес-плане годового фонда оплаты труда. При этом не принимается во внимание тот факт, что эффективность самого проекта может быть гораздо выше принятой за счёт экономии других затрат. Налицо отсутствие взаимодействия между различными подразделениями одной управляющей компании и нежелание рассмотреть проект в целом, а не отдельно по составляющим.

Важным направлением развития информационной системы является повышение её достоверности. Специфика госкорпорации «Росатом» состоит в том, что её проекты почти всегда являются довольно длительными – более трёх-пяти лет, т.е. в течение срока реализации можно отследить эффективность проекта и окупаемость инвестиций. В строительной же отрасли часто большой проект разбивается на более мелкие лоты со сроком сдачи до года, и затем разыгрывается между подрядчиками по мере необходимости или в соответствии с графиком проведения работ. Возникают сложности в оценке эффективности проекта и окупаемости инвестиций. Компании необходимо законтрактоваться по нескольким лотам.

По внутренним регламентам для контрактации каждого договора необходимо провести корпоративные процедуры и защитить инвестиционный проект. А из-за большого количества договоров, на подготовку к согласованию и защите в управляющей компании каждого из них времени мало. Возникает одна из существенных ошибок: бюджет каждого проекта не рассчитывается детально и индивидуально, а формируется на основе ранее полученных данных.

Одна из слабых сторон бюджетирования – мотивация хозяйствующих субъектов любой ценой израсходовать отведенный бюджет. Между тем опыт показывает, что в процессе реализации уже защищённого бюджета всегда выявляются возможности для экономии или, наоборот, расходы, которые не смогли или не имели возможности предусмотреть. В случае выявления резервов экономии сотрудники зачастую не желают прикладывать лишние усилия для их реализации в силу различных причин: к примеру, из-за опасения, что на следующий проект выделят меньше ресурсов при неизменном плановом задании. Поэтому на основе актуальной информации о выявленных резервах экономии, в организационных структурах, реализующих выявленный резерв, необходимо формировать механизмы мотивации конкретных работников и компаний в целом к выявлению и использованию резервов экономии средств и ресурсов.

В течение года компания заключает большое количество договоров. На практике это приводит к тому, что больше времени приходится уделять плановому бюджету нового проекта (большое количество согласований, документов, вовлеченных сотрудников), а на достигнутый результат выполнения заключенного договора почти не обращают внимания, поскольку на очереди утверждение бюджета на новый договор. Подобная ситуация ведёт к отрыву плановых данных от фактических, а с ростом объёмов и масштабов дея-

тельности компании ООО «Нефтегазспецстрой» этот разрыв только наращивается. Получается, что главной целью сотрудников ООО «Нефтегазспецстрой» является своевременно сданный отчет и выполнение всех регламентных операций, а обеспечение эффективности деятельности самой компании уходит на второй план.

Для повышения эффективности управления необходимо пересмотреть систему бюджетирования в целом с делегированием ряда полномочий непосредственно предприятиям, входящим в госкорпорацию, с одновременным повышением уровня ответственности. Проведение дебиюрократизации, анализа всей отчетности организаций на предмет дублирования позволит снять с предприятий большую дополнительную нагрузку, уменьшить расходы на управленческий аппарат, повысит скорость принятия решений.

Приведенные выше примеры показывают, что в холдинговых структурах реально существуют возможности использования выявленных направлений развития информационных систем на основе совершенствования бюджетирования.

В заключение необходимо отметить, что в мировой практике, наравне с классическим подходом к

организации процесса бюджетирования внедряются системы, ориентированные на результат и/или применяются концепции безбюджетного управления, различные финансовые модели [6, 7]. При этом новые подходы предполагают:

- децентрализацию процессов;
- делегирование полномочий от «материнской» компании к «дочерним»;
- повышение уровня ответственности на местах;
- ориентация на непрерывные улучшения, а не на достижение фиксированных договоренностей;
- контроль адекватности изменениям и трендам, а не над отклонением от плана;
- доступность ресурсов по мере необходимости, а не в результате однократного распределения в рамках годового бюджета.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что даже применение новых подходов к организации процесса бюджетирования не снимает с повестки дня целесообразность максимального использования выявленных направлений развития информационных систем.

Библиографический список

1. *Апчерч А.* Управленческий учет: принципы и практика. М.: Финансы и статистика, 2002.
2. *Авдасьева С.Б.* Российские холдинги: новые эмпирические свидетельства. Вопросы экономики. 2007; №1: С. 98-111.
3. *Шиткина И.С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление. М.: Волтерс Клувер, 2006.
4. Госкорпорация «Росатом» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rosatom.ru/>
5. ООО «Нефтегазспецстрой» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ngss-ltd.ru/neftegazspecstroy/o-nas/>
6. *Кузнецова Т.* Жизнь за рамками бюджетов. Управление компанией. 2006: http://www.cfin.ru/management/finance/budget/budget_adapt.shtml (дата обращения: 20.02.2013).
7. *Николаев И.* Современная альтернатива бюджетированию. Консультант. 2009. 13: <http://www.naloglib.net/013/sovremennaya-alternativa-byudzhetrovaniyu?page=0,3> (дата обращения: 20.02.2013).

References

1. *Upchurch A.* Management Accounting: Principles and Practice / A. Upchurch. - Moscow: Finance and Statistics, 2002. - 952 p.
2. *Avdasheva S.B.* Russian holdings: New Empirical Evidence / S.B. Avdasheva // Problems of Economics. - 2007. - № 1.
3. *Shitkina I.S.* Holdings: legal regulation and corporate governance / I.S. Shitkina. - Moscow: Wolters Kluwer, 2006. - 648 p.
4. State Corporation "Rosatom" [electronic resource] // Access mode: <http://www.rosatom.ru/>
5. LLC "Neftegazspetsstroy" [Electronic resource] // Access mode: <http://www.ngss-ltd.ru/neftegazspecstroy/o-nas/>
6. *Kuznetsova T.* Life on budget // Management company. - 2006. [Electronic resource]. Date: 25.04.2008. - URL: http://www.cfin.ru/management/finance/budget/budget_adapt.shtml (date accessed: 20/02/2013).
7. *Nikolaev I.* Modern alternative budgeting // Consultant. - 2009. - № 13 [electronic resource]. Date: 01.07.2009. - URL: <http://www.naloglib.net/013/sovremennaya-alternativa-byudzhetrovaniyu?Page=0,3> (date accessed: 02/20/2013).

УДК 330.341.4

UDC 330.341.4

Е.В. СИБИРСКАЯ

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры
Орловского государственного университета
E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru

E.V. SIBIRSKAYA

doctor of Economics, professor, department of
Merchandising, service and trade infrastructure Orel state
university
E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru

Л.В. ОВЕШНИКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансового менеджмента Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: lud_proz@mail.ru

L.V. OVESHNIKOVA

candidate of Economic Sciences, associate professor of the
department "Financial management", Financial University
under the Government of the Russian Federation
E-mail: lud_proz@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ И ФУНКЦИИ ПРОЦЕССА СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

THE CONTENTS AND FUNCTIONS OF STRATEGIC PLANNING INFRASTRUCTURE SECURITY ENTERPRISE

Применение стратегического планирования в предпринимательской деятельности приобретает особую актуальность. Авторами проведен литературный обзор, исследован процесс стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности и дано его авторское рассмотрение. Авторы предложили свой взгляд на классификацию функций стратегического планирования, которые позволяют эффективно разрабатывать и реализовывать стратегические планы.

Ключевые слова: стратегическое планирование, функции, содержание, предпринимательская деятельность, инфраструктурное обеспечение.

The use of strategic planning in the business is of particular relevance. The authors conducted a literature review to investigate the process of strategic planning infrastructure support business activity and consideration given to its author. The authors offered their view on the classification of the functions of strategic planning, which can effectively develop and implement strategic plans.

Keywords: strategic planning, function, content, entrepreneurship, infrastructure provision.

Стратегическое планирование представляет собой набор действий и решений, предпринятых руководством, которые ведут к разработке специфических стратегий, предназначенных для того, чтобы помочь организации достичь своих целей. [1].

С середины 60-х годов зарубежные исследователи стали предпринимать попытки формализации процесса стратегического планирования. Однако, как справедливо отмечает Г. Минцберг, который является одним из современных исследователей в области стратегического планирования и управления, все они практически основываются на одной теоретической конструкции, или базовой модели, отличаясь между собой главным образом в деталях, а не в фундаментальных принципах построения [6].

Основной базовой моделью стратегического планирования принято считать модель Гарвардской школы бизнеса (Гарвардской группы), лидером которой по праву считается К. Эндрюс. Эта модель разрабатывалась американскими исследователями в течение достаточно продолжительного периода времени [3]. Г. Минцберг называет эту модель «моделью школы проектирова-

ния», поскольку в ее основе лежит уверенность в том, что формулирование стратегии как процесс опирается на несколько базовых постулатов, которые в своей совокупности обеспечивают «проектирование стратегии» [6].

Слово «стратегия» произошло от греческого stragos – «искусство генерала». Автором исследована обширная интерпретация понятия «стратегия», часть которой представлена в приложении 1, таблице 2.

Стимулами к его появлению были насыщение рынка и замедление роста ряда фирм. В то время причины насыщения и замедления понимались слабо. Однако было ясно, что планировать будущее фирмы на основе экстраполяции прошлых тенденций, как это делается при долгосрочном планировании, стало сложно. Основу стратегического планирования составляет выбор стратегии.

В стратегическом планировании, в сравнении с долгосрочным, пространство функционирования организации становится объемнее, оно включает в себя как ключевые категории внутренней среды, так и внешние составляющие: политические и социальные условия, предпочтения потребителей, стратегии конкурентов и

* Статья подготовлена по результатам госзадания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», регистрационный номер 8.1445.2011 (прикладные исследования)

т.д. Кроме того, долгосрочные цели организации в стратегическом планировании уже не простое отражение условий текущей работы, а результат исследования тенденций внешней и внутренней среды.

Вопросы стратегического планирования имеют широкий спектр исследования. Авторами исследовано большое количество научных взглядов по трактовке данной категории. Содержанию стратегического планирования, разработке и реализации стратегий уделяли внимание многие зарубежные авторы: И. Ансофф, К. Боуэн, Ф. Абраме, А. Вайсман, Б. Карлоф, Ф. Котлер, М. Мескон, Г. Минцберг, Г. Хамел, М. Альберт, Ф. Хедоури, К. Хофер, М. Портер, А.А.Томпсон, А.Дж. Стрикленд, а также отечественные ученые О.С. Виханский, И.Н. Герчикова, А.П. Градов, Н.К.Моисеева, З.П. Румянцева, Р.А. Фатхутдинов. В области методологии стратегического планирования особое место занимают прикладные разработки таких фирм – лидеров консалтингового бизнеса, как BostonConsultingGroup, McKinsey, Artur D. Little.

В соответствии с Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. №536 «Об Основах стратегического планирования в Российской Федерации», «под стратегическим планированием в РФ понимается определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей устойчивого развития РФ и обеспечения национальной безопасности. Стратегическое планирование осуществляется путем разработки концепций, доктрин, стратегий, программ, проектов (планов) устойчивого развития РФ с учетом задач обеспечения национальной безопасности» [9].

Пик популярности формального стратегического планирования пришелся на конец 70-х – начало 80-х гг., когда оно воспринималось как средство решения любых проблем.

Стратегическое планирование принципиально отличается от других видов планирования, имеющих место в процессе управления, таких как оперативное, тактическое и долгосрочное (перспективное) планирование. Причем это отличие заключается не просто в степени детализации плана, целях или выборе горизонта планирования, а, прежде всего, в направлении вектора планирования. Традиционно вектор долгосрочного планирования направлен из прошлого в будущее. Стратегическое планирование предполагает выстраивание вектора анализа и принятия управленческих решений из будущего в настоящее [6].

Термины «стратегический» и «долгосрочный» не тождественны. Главное отличие состоит в трактовке будущего. В системе долгосрочного планирования предполагается, что будущее может быть предсказано путем экстраполяции сложившихся структурных пропорций и тенденций. В системе стратегического планирования идут от будущего к настоящему, заменяя экстраполяцию анализом перспектив организации [6].

Стратегическое планирование должно быть направлено на развитие, достижение более высоких темпов экономического роста на основе поэтапного совершенствования различных производственно-

технических факторов и организационно-управленческих структур с целью обеспечения высокого качества деятельности. Стратегическое планирование актуально во многих областях – в инновационной, инвестиционной, предпринимательской и многих других видах деятельности.

Если говорить о предпринимательской деятельности, то применительно к ней стратегическое планирование является особенно важным. Это можно объяснить тем, что в предпринимательстве все управленческие действия имеют стратегический характер, так как направлены на существенные изменения и предпринимаются в условиях неопределенности. В бизнесе стратегическое планирование помогает построить свои ожидания на перспективу, определить необходимые ресурсы и принять определенные меры, чтобы достигнуть поставленных целей.

Отечественные исследователи современного предпринимательства В.А. Абчук, А.К. Кантарбаева, В.М. Яковлев, Е. Балацкий, А.В. Бусыгин, А. Потапова, Г.Б. Клейнер, М.Г. Лапуста, Т.Ю. Мазурина, И.Н. Герчикова, Г.Я. Гольдштейн, Д.С. Львов, М.З. Ильчикова, М.А. Петрова, В.Р. Веснин, А.О. Блинов, В.Я. Горфинкель, А.А. Крупанин, О.С. Виханский и др. рассматривают вопросы предпринимательства и стратегического планирования применительно к российской экономике.

При этом, исследуя научную литературу, авторы отмечают, что в большинстве случаев процессы предпринимательства и стратегического планирования рассматриваются с отрывом друг от друга. Большинство исследований сосредоточены либо на раскрытии проблем предпринимательства, либо на раскрытии ключевых вопросов стратегического планирования. Этот момент, на наш взгляд, требует доработки, поскольку предпринимательство тесно взаимосвязано со стратегическим планированием.

Экономическую эффективность работы системы можно рассматривать как величину полезности, производимой предпринимательством. Соответственно, эффективность предпринимательской деятельности зависит от наличия и развития составляющих предпринимательской деятельности, к которым, по мнению автора, относятся: субъекты предпринимательства, область деятельности, факторы среды (макро-, мезо-, микро-), инфраструктура предпринимательства.

Инфраструктура – это комплекс отраслей хозяйства, обслуживающих производство. А инфраструктура предпринимательства включает в себя самые разнообразные общественные отношения и институты: строительство дорог, каналов, складов, энергетическое хозяйство, транспорт, связь, образование, информационное обеспечение, науку, здравоохранение, банковскую систему и др. [7].

Инфраструктуру предпринимательства, по мнению автора, можно разделить на следующие компоненты: передающую, поддерживающую, инвестиционную, инновационно-развивающую и организующую. Передающая включает: дороги, связь, различные коммуни-

кации и т.д. Поддерживающая представлена фондами поддержки, ассоциациями предпринимателей, комитетами при администрациях и др. Инвестиционную инфраструктуру составляют банки, кредитные учреждения, инвестиционные фонды. Инновационно-развивающая включает научные организации (технопарки, научно-технологические центры, бизнес-инкубаторы, инновационные центры, финансово-промышленные группы, подразделения НИОКР); образовательные организации (вузы, ссузы), институты инновационного развития (патентные службы, службы рецензирования и аккредитации, сертификация и стандартизация, службы экспертизы, консалтинговые, инжиниринговые компании). Организующая включает различные контролирующие органы, кадровые службы, налоговые инспекции.

Под инфраструктурным обеспечением предпринимательской деятельности авторами понимается совокупность взаимосвязанных факторов и возможностей, сформированная в виде комплексной системы общественных отношений, институтов, структур и объектов, создающих условия для эффективного функционирования предпринимательства.

Под стратегическим планированием инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности авторами понимается управленческий процесс, последовательный и согласованный в пространстве и во времени, определяющий максимально эффективное

использование инфраструктурного обеспечения, в соответствии с направлениями функционирования предпринимательства, обеспечивая его рост и устойчивое развитие.

Содержание логики стратегического планирования раскрывают следующие ее структурные элементы (рис. 1.)

Из рисунка следует, что логика построения процесса стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательства, базирующегося на соответствующих принципах и процедурах, говорит о необходимости обеспечения реализации определенных функций стратегического планирования [8].

Функции стратегического планирования, по мнению авторов, – это конкретные направления деятельности в области стратегического планирования, которые обеспечивают формирование и применение способов и процедур влияния на инфраструктурное обеспечение предпринимательской деятельности.

В научной литературе функции стратегического планирования рассмотрены недостаточно. В основном говорится о функции планирования в составе менеджмента организаций. В своей научной работе В.И. Ляско рассматривает функции планирования как определение предпочтительных направлений и траекторий развития предприятия, постановку целей, распределение ресурсов, т.е. те мероприятия, которые обеспечивают предприятию достижение конкурентных преимуществ [3].

Рис. 1. Структурно-логическая схема стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательства.

Таблица 1.

Функции стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательства

Функции	Характеристика
Целеутверждающая функция	Данная функция призвана обеспечить правильную постановку стратегических целей. Цель стратегического планирования — определить наиболее перспективные направления функционирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности, обеспечивающие ее рост и развитие. Качество стратегического планирования – это качество целеполагания . От того, какие цели будут поставлены, зависит то, какие стратегические направления будут выбраны, и в конечном итоге ожидаемый результат.
Распределительная функция	Деятельность по распределению материальных, финансовых, инвестиционных, трудовых, информационных и других видов ресурсов. Базируется на эффективном потреблении ресурсов, разработке направлений снижения издержек инфраструктурного обеспечения предпринимательства. Поэтому эффективное распределение ресурсов между различными сферами бизнеса, поиск комбинаций их рационального потребления является важной функцией стратегического планирования.
Адаптирующая функция	Адаптацию следует интерпретировать как приспособление предпринимательской деятельности к изменяющимся рыночным условиям хозяйствования. Внешняя среда всегда содержит благоприятные и неблагоприятные условия. Стратегический план заставляет оценивать свои сильные и слабые стороны, возможности и угрозы в окружающей среде. Задача данной функции — приспособить механизм инфраструктурного обеспечения предпринимательства к этим условиям, т.е., воспользоваться преимуществами и предотвратить возможные угрозы. В этом отношении задача стратегического планирования состоит в том, чтобы обеспечить для предпринимательства новые благоприятные возможности посредством создания соответствующего механизма адаптации инфраструктурного обеспечения предпринимательства к внешней среде.
Согласующая функция	Стратегический план стимулирует регулирование и обеспечение координации различных функциональных направлений. Данная функция предполагает согласование функционирования компонентов инфраструктурного обеспечения для достижения целей, предусмотренных стратегическим планом. Стратегии предпринимательства включают сложную систему взаимосвязанных целей и задач. Декомпозиция этих целей и задач предусматривает их деление на более мелкие компоненты и закрепление за соответствующими сферами и исполнителями. Этот процесс происходит не спонтанно, а на плановой основе при стратегическом планировании. Поэтому все компоненты стратегического плана должны быть согласованы по ресурсам, структурным подразделениям, исполнителям и функциональным процессам. Эта увязка обеспечивается системой формирования показателей планирования, а также наличием в инфраструктуре предпринимательства соответствующих координационных подразделений.
Организационная функция	Эта деятельность проявляется в проведении различных организационных преобразований в сфере инфраструктурного обеспечения предпринимательства, которые состоят в перераспределении функций управления, полномочий и ответственности работников аппарата управления; создания системы стимулирования, способствующей достижению цели стратегических планов и т. п. Важно, чтобы эти организационные изменения проводились не как реакция объектов предпринимательства на сложившуюся ситуацию, что характерно для ситуационного управления, а были результатом организационного стратегического предвидения.
Прогнозирующая функция	Это деятельность по определению перспективных направлений развития предпринимательства. Стратегический план задает направления для предпринимательской деятельности и позволяет ей правильно систематизировать и структурировать процессы изучения тенденций и явлений инфраструктурного обеспечения предпринимательства, применение методов и процедур прогнозирования, таких как упорядочение прошлых данных; сглаживание временного ряда; экстраполяция, выделение трендов; расчет прогнозных значений показателей.
Аналитическая функция	Вид деятельности, обеспечивающий применение процедур оценки инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности на основе фиксации полученных результатов, состояния протекания процессов в предпринимательской деятельности, анализа факторов внешней среды, которые воздействуют на инфраструктуру предпринимательства. Важно установить, почему это произошло именно так, что может быть сделано, имеются ли для этого возможности. Данный вид деятельности предназначен для оценки состояния и эффективности потенциала, а также принятия управленческих решений в отношении развития инфраструктурного обеспечения предпринимательства на основе результатов проведенного анализа.
Оптимизационная функция	Это функция стратегического планирования, связанная с выбором стратегических альтернатив. Она определяет альтернативные действия или комбинацию действий, которые можно предпринять в соответствии с поставленными целями, имеющимися ресурсами, возможными затратами и т.д. Выбрав определенную стратегическую альтернативу, необходимо обратиться к конкретной стратегии. Главная цель — выбор стратегической альтернативы, которая максимально повысит долгосрочную эффективность. Для этого необходимо иметь четкую концепцию бизнеса и его будущего. Приверженность какому-либо конкретному выбору зачастую ограничивает будущую стратегию, поэтому решение должно подвергаться тщательному исследованию и оценке. На стратегический выбор влияют разнообразные факторы: риск; знание прошлых стратегий; фактор времени и т.д. При этом выбор оптимального по всем параметрам варианта функционирования является ключевой задачей, поскольку обеспечивает разработку эффективных стратегических направлений развития инфраструктурного обеспечения предпринимательства..

В исследовании И. Ансоффа говорится, что стратегическое планирование включает четыре вида деятельности (функции стратегического планирования). К ним относятся: распределение ресурсов, адаптация к внешней среде, внутренняя координация и регулирование, организационные изменения [1].

Согласно мнению А.Н. Петрова, функции стратегического плана говорят о том, что стратегический план: во-первых, задает направления для деятельности организации; во-вторых, обеспечивает каждому подразделению в организации четкие цели, в-третьих, стимулирует координацию усилий различных функциональных направлений, в-четвертых, заставляет организацию оценивать свои сильные и слабые стороны с точки зрения конкурентов, возможности и угрозы в окружающей среде, в-пятых, определяет альтернативные действия или комбинации действия, которые может предпринять

организация, в-шестых, создает основу для распределения ресурсов, в-седьмых, демонстрирует важность применения процедур оценки деятельности [7, 10].

Основываясь на изучении научной литературы и с учетом собственных исследований, автор предлагает рассматривать следующие функции стратегического планирования инфраструктурного обеспечения предпринимательской деятельности (таблица 1).

Процесс стратегического планирования включает в себя восемь основных функций, выполнение которых делает его структурированным, полноценным и эффективным. Теория стратегического планирования сводится к определенной философии ведения бизнеса, поэтому его конкретный инструментарий во многом зависит от качества выполнения функций стратегического планирования, определяющих его осуществление и реализацию.

Библиографический список

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление. Пер. с англ. / И. Ансофф. М.: Экономика, 1989. 306 с.
2. *Ламанский М.Г.* Инфраструктурное обеспечение предпринимательства / М.Г. Ламанский // Известия ИГЭА. 2009. № 5 (67). С. 124–126.
3. *Ляско В.И.* Стратегическое планирование развития предприятия: Учебное пособие для вузов. М.: Издательство «Экзамен», 2005. 288 с.
4. *Маркетинг. Менеджмент. Анализ, планирование, внедрение, контроль: Учебник / Ф. Котлер.* 9-е международное издание СПб.: Дело. 2000. С. 120–123.
5. *Мескон М.Х.* Основы менеджмента. Пер. с англ. / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. М.: Дело, 2001. 800 с.
6. *Минцберг Г.* Школы стратегий. Стратегическое сафари: экскурсия по джунглям стратегий менеджмента / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Д. Лэмפל. СПб.: Питер, 2000. 336 с.
7. *Петров А.Н.* Стратегическое планирование развития предприятия: учебное пособие. СПб.: Издательство СПбУЭФ, 1997. 221 с.
8. *Сибирская Е.В.* Методология стратегического развития экономической системы региона. Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. № 9. С. 7-16.
9. *Сибирская Е.В.* Система стратегического планирования на региональном уровне. Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг. 2012. Т. 1. С. 7-11.
10. Стратегический менеджмент [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uproizvod.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=98&limit=1&limitstart=2
11. Указ Президента РФ «Об основах стратегического планирования в РФ» от 12 мая 2009 г. №536 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wik>
12. *Шамгунов Р.Н.* Стратегическое планирование или управление что выбрать? [Электронный ресурс]. Корпоративный менеджмент. Режим доступа: <http://www.cfin.ru/management>

References

1. *Ansoff I.* Strategic management. Lane [text] with English. M: Economy, 1989. 306 p.
2. *Lamansky M of.* Infrastructure ensuring business/M of Lamansky//IGEA News. 2009 . No. 5 (67). - Pp 124 126
3. *Lyasko V. I.* Strategic planning of development of the enterprise: Manual for higher education institutions of [Text] / Century. I.Lyasko. M: Ekzamen publishing house, 2005. 288 pages.
4. *Marketing. Management. Analysis, planning, introduction, control: Textbook / F.Kotler.* - the 9th international edition - SPb. : Business. 2000 . Pp120 - 123
5. *Meskon M.H.*Osnoy of management of the lane with English/M. H.Meskon, M. Albert, F.Hedouri. M: Business, 2001. 800 p.
6. *Mintsberg G.* Schools of strategy. Strategic safari: excursion on a jungle of strategy of management / Mintsberg, B. Alstrend, D. Lempel. SPb. : St. Petersburg, 2000. 336 p.
7. *Petrov A.N.* Strategic planning of development of the enterprise. SPb.: Publishing house СПбУЭФ, Publishing house, - 1997. – 221p.
8. *Sibirskaya E.V.* Methodology of strategic development of economic system of the region. Theoretical and applied questions of economy and services sector. 2012 . No. 9. Pp 7-16.
9. *Sibirskaya E.V.* System of strategic planning at regional level. Theoretical and applied questions of economy and services sector. 2012 . Vol. 1 . Pp 7-11.
10. Strategic management [Electronic resource]//access Mode: http://www.uproizvod.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=67&Itemid=98&limit=1&limitstart=2
11. The decree of the President of the Russian Federation «About bases of strategic planning in the Russian Federation» of May 12, 2009 No. 536 [An electronic resource]. Access mode: <http://ru.wikipedia.org/wik>
12. *Shamgunov R. N.* Strategic planning or management what to choose? [Electronic resource].Corporate management. Access mode: <http://www.cfin.ru/management>

УДК 332.1

UDC 332.1

Д.А. СИНЯКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и права Орловского государственного аграрного университета
E-mail: sindmi_1969@mail.ru

D.A. SINYAKOV

candidate of Economic Sciences, Associate Professor of "Economics and Law" Department Orel State Agrarian University
E-mail: sindmi_1969@mail.ru

О МОБИЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ

ON THE MOBILIZATION OF INVESTMENT IN THE AGRICULTURAL SECTOR

В статье рассматриваются роль инвестиционного развития в структуре общественного воспроизводства, приоритетность инвестиционного процесса в современном агропромышленном комплексе. Особо выделяется необходимость ускоренного развития в аграрной сфере соответствующей рыночной инфраструктуры; восстановления и развития прочных хозяйственных связей между всеми субъектами инвестиционного процесса за выполнение взаимных обязательств; формирования новых субъектов инвестиционного процесса с помощью механизма государственной поддержки.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, рыночный механизм распределения инвестиционных ресурсов, общественное воспроизводство, аграрный сектор экономики, рыночная среда, варианты инвестирования, инвестиционная политика государства.

This article considers the role of investment development in the structure of social reproductions, and priority of the modern agro-investment process. We also highlighted the needs of the rapid development in the agricultural sector and market infrastructures, the development of strong economy relations between all invest agents, a new invest agent forming through the state support mechanism.

Keywords: investment process, the market mechanism for allocating investment resources, social reproduction, the agricultural sector of the economy, market environment, investment options, the state investment policy, the market mechanism for allocating investment resources, social reproduction, the agricultural sector of the economy, market environment, investment options, the investment policy of the state.

Аграрный сектор в экономике любой страны занимает особое место. Общее правовое обеспечение приоритета сельского хозяйства, предусмотренное Федеральным законом от 2007 г. «О развитии сельского хозяйства», было конкретизировано соответствующими целевыми проектами и программами.

Приоритетный национальный проект «Развитие АПК», общий объем финансирования которого составил 48 млрд. рублей, включает в себя такие направления, как «Ускоренное развитие животноводства», «Стимулирование развития малых форм хозяйствования», «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов на селе». Вместе с тем, инвестиционные проблемы российской экономики сегодня продолжают стоять так же остро, как и несколько лет назад, несмотря на некоторое улучшение макроэкономических показателей. Ниже приведены данные обследований инвестиционной активности ряда организаций за различные периоды времени.

Очевидно, что наличие инвестиций, их объем, видовой состав, дифференциация по направлениям и формам собственности представляют интерес для государства в целом и являются стратегической основой развития всей экономики страны. Инвестиционный процесс выступает ключевым фактором экономического

развития. По форме – это совокупность экономических отношений, по содержанию – органическая часть воспроизводственного процесса. Такой механизм должен основываться на оптимальном сочетании рычагов и инструментов государственного экономического регулирования, рыночного саморегулирования и широкого делегирования федеральных полномочий региональным и муниципальным органам управления АПК. Речь идет о назревшей необходимости перераспределения функций управления инвестициями между управленческими структурами различных уровней, о переходе к формированию регулируемого государством рыночного механизма распределения инвестиционных ресурсов.

Принципиальная особенность данного механизма распределения инвестиционных ресурсов состоит в том, что они становятся полноценным товаром, а главным связующим звеном между производством и потреблением инвестиционного товара являются рынки экономических ресурсов. Состояние и динамика этих рынков определяются соотношением спроса и предложения товаров, для производства которых они используются.

Рис.1. Распределение организаций по оценке факторов, ограничивающих инвестиционную деятельность.

Это предполагает необходимость ускоренного развития в аграрной сфере соответствующей рыночной инфраструктуры (рынка ценных бумаг, ссудного капитала, лизинга, собственных инвестиционных банков и компаний и т. д.); восстановления и развития прочных хозяйственных связей между всеми субъектами инвестиционного процесса на основе взаимной выгоды и материальной ответственности за выполнение взаимных обязательств; формирования новых субъектов инвестиционного процесса с помощью механизма стимулирования становления и развития цивилизованного предпринимательства.

Роль инвестиционного развития в структуре общественного воспроизводства состоит в направлении добавочного капитала на обновление и улучшение базовых факторов производства – основных фондов и рабочей силы посредством совершенствования техники, технологии и организации труда.

Инвестиции способствуют решению многих проблем российской экономики в целом и сельского хозяйства в частности. От них зависит выход из кризиса, увеличение налогооблагаемой базы, доходной части бюджета, повышение конкурентоспособности российской продукции, ускорение диверсификации экспорта.

Современная ситуация в инвестиционной сфере формировалась под воздействием изменения структуры и источников финансирования инвестиционных расходов; институциональных трансформаций в национальной экономике; колебаний уровня и структуры цен на инвестиционную продукцию, структуры инвестиционного спроса и др.

Одним из направлений повышения эффективности производства в сельскохозяйственных предприятиях различных форм собственности и организационно-

правовых форм является активизация инвестиционной деятельности во всех отраслях агропромышленного комплекса. Это и важнейшее основное условие вывода сельского хозяйства из кризиса, и определяющий фактор его дальнейшего развития.

Требуется не только реформирование общественно-го уклада на селе путем институциональных преобразований, что являлось приоритетом в начальный период аграрной реформы, но и привлечение в аграрный сектор крупномасштабных инвестиций. Остро в них нуждаются практически все сферы и отрасли АПК, будь то сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, фондопроизводящие отрасли или жилищная сфера села. Поэтому создание предпосылок для массового притока инвестиций в аграрный сектор должно стать системным элементом стратегии государственной аграрной политики на современном этапе.

В этой связи, необходимо обеспечить на государственном уровне формирование благоприятной, экономически эквивалентной рыночной среды, в которой экономика становится восприимчивой к инвестициям, а у субъектов хозяйствования появляются и расширяются инвестиционные возможности для обновления основного капитала и его наращивания за счет собственных и привлеченных средств, включая и иностранный капитал. Это в значительной мере может быть достигнуто путем внедрения нового, адекватного рыночной системе экономического механизма хозяйствования, учитывающего специфику сельского хозяйства.

Одной из актуальных проблем АПК на сегодняшний день остается организация эффективного агропромышленного производства, которая в условиях рыночной экономики невозможна без объединения финансовых, материально-технических и трудовых ресурсов участников производственного процесса.

Можно выделить несколько вариантов инвестирования в сельскохозяйственные предприятия и образование агропромышленных формирований. Первый, наиболее распространенный вариант, – привлечение инвесторов через государственные управляющие структуры (областные, краевые, районные администрации) с их финансовым участием в уставном капитале создаваемой агропромышленной интегрированной структуры. Второй вариант инвестирования аграрного сектора – это когда крупные частные компании по своей инициативе приходят в сельское хозяйство и на взаимовыгодных условиях вкладывают свой капитал в развитие сельскохозяйственного производства.

На сегодняшний день сельское хозяйство превратилось в биполярную систему, в которой с одной стороны основная масса сельхозпроизводителей, неспособных развиваться без собственного капитала, а с другой – действуют мощные финансовые структуры. То есть имеет место разделение производства и капитала, и поэтому встает проблема декапитализации агропромышленного производства, в первую очередь сельского хозяйства.

Наличие воспроизводственного кризиса и медленное становление рыночных отношений обуславливает необходимость усиления роли государства в регулиро-

вании инвестиционной деятельности, несмотря на то, что при переходе к рынку роль государства в экономике сужается. Поэтому разработка инвестиционной политики и ее активное проведение должны остаться в качестве приоритетного направления государственного регулирования.

Инвестиционная политика в аграрном секторе должна быть подчинена задачам структурной перестройки экономики и направлена на обеспечение сбалансированного и гармоничного развития всех звеньев комплекса, на обновление производственного потенциала, повышение эффективности его использования на основе внедрения в практику достижений научно-технического прогресса, освоения ресурсосберегающих технологий, модернизации и реконструкции производства. Достижение конкурентоспособности аграрного сектора экономики предполагает решение ряда стратегических задач:

- инновационный прорыв, способствующий осуществлению «зеленой революции» в области аграрных технологий и закладывающий фундамент будущего динамичного развития;
- модернизация инфраструктуры и материально-технической базы аграрного сектора, гарантирующая возможность ведения эффективной производственной деятельности и реализацию социальных программ села;
- возрождение интеграционных и кооперационных связей на постсоветском пространстве на уровне как конкретных предприятий, так и государств, что позволит бывшим союзным республикам использовать преимущества международного разделения труда и бурно протекающих процессов глобализации, а также совместно противостоять их возможным негативным последствиям. В настоящее время российские экспортные поставки на 70% состоят из товаров сырьевой

группы, в то время как, например, доля продукции машиностроения, включая сельскохозяйственное, не превышает 10%.

Чем быстрее и эффективнее будет использована благоприятная конъюнктура мировых цен на энергоносители для модернизации народного хозяйства, перевода его на инновационный, высокотехнологичный путь развития, тем меньше вероятность экономических и политических потрясений и рисков, обусловленных односторонней экспортной ориентацией, выше потенциальный уровень конкурентоспособности всех секторов экономики, включая аграрный.

Необходима не новая аграрная политика, а научно обоснованное приведение проводимой политики в соответствие с реалиями сегодняшнего периода. Нужна тщательно проработанная система финансово-инвестиционных, материально-технических и организационно-управленческих мер и мероприятий, избирательно осуществляемых или поддерживаемых государством особенно по отношению к тем предприятиям и организациям АПК, которые показали свою устойчивость в кризисных ситуациях. Основным условием пропорционального развития агропромышленного комплекса является динамичное развитие процесса инвестирования.

Инвестиции в АПК, кроме того, являются важнейшим стимулом развития хозяйственного комплекса страны в целом в силу высокого мультипликационного эффекта вложений в этот сектор экономики. Поэтому повышение привлекательности сельского хозяйства в отсутствие достаточного участия государства в формировании нормального инвестиционного климата будет оставаться одной из основных проблем, от решения которой зависит конкурентоспособность аграрного сектора России на мировом рынке.

Библиографический список

1. Ашуров И. Национальная система инвестиций как институт обеспечения развития аграрного сектора. Международный сельскохозяйственный журнал. 2008. № 5. С. 13-15.
2. Воронин Б. К вопросу о государственной поддержке аграрного сектора экономики через механизм диверсификации финансовых вложений. Б. А. Воронин, М. В. Сачев // Аграрное и земельное право. 2009. № 2. С. 27-31.
3. Денисов В. Перспективы усиления инвестиционной активности в АПК. / Международный сельскохозяйственный журнал. 2008. № 5. С. 10-13.
4. Захарова О. Основные направления стратегии развития инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве // Международный сельскохозяйственный журнал. 2009. № 1. С. 23-24.
5. ФГСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Graf-iap.htm

References

1. Ashurov I. National System of investments as an institution to ensure the development of the agricultural sector. / International Agricultural Journal. 2008. № 5. Pp. 13-15.
2. Voronin B. On the state support of the agricultural sector through the mechanism of diversification of investments / B.A. Voronin, M.V. Sachev / Agrarian and land law. 2009. № 2. Pp. 27-31.
3. Denisov V. Prospects for strengthening investment activity in agriculture. / International Agricultural Journal. 2008. № 5. Pp. 10-13.
4. Zakharova O. The main directions of development strategy of investment in agriculture // International Agricultural Journal. 2009. № 1. S. 23-24.
5. FGSS. [Electronic resource]. - Mode of access: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Graf-iap.htm

УДК 378:316.66

UDC 378:316.66

Т.И. СТАВЦЕВА

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории экономики факультета экономики и управления Орловского государственного университета

E-mail: stavtseva@orel.ru

Е.А. БЕЛОУСОВА

ассистент кафедры прикладных экономических дисциплин факультета экономики и управления Орловского государственного университета

E-mail: e_a_belousova@mail.ru

Т.Э. ЛОГВИНОВА

ассистент кафедры прикладных экономических дисциплин факультета экономики и управления Орловского государственного университета

E-mail: tanja_logvinova@mail.ru

T.I. STAVTSEVA

doctor of Economic Sciences, professor of the chair "The theory and history of economy" of Economic Faculty, Orel State University

E-mail: stavtseva@orel.ru

E.A. BELOUSOVA

assistant, of the chair of Applied economic disciplines of Economic Faculty, Orel State University

E-mail: e_a_belousova@mail.ru

T.E. LOGVINOVA

assistant, of the chair of Applied economic disciplines of Economic Faculty, Orel State University

E-mail: tanja_logvinova@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО МАССОВИЗАЦИИ

ON THE QUESTION OF THE SOCIAL IMPORTANCE OF MASS HIGHER EDUCATION

В статье предпринята попытка анализа услуги высшего профессионального образования с позиции теории общественных благ и благ, обладающих особыми достоинствами. Делается вывод о нелинейности функции положительных эффектов массового высшего образования относительно вовлекаемых потребителей. Это требует некоторого смещения акцентов в государственном регулировании данной сферы.

Ключевые слова: высшее образование, общественное благо, благо с особыми достоинствами, массовизация высшего образования, внешние эффекты.

The article discusses the problem of higher education from the perspective of the public goods theory and the theory of merit goods. The non-linear function of the mass higher education positive effects (in relation to the involved users) is concluded. This requires a shift in government regulation of this sector.

Keywords: mass higher education, public goods, merit goods, external effects.

На протяжении двух последних десятилетий в России наблюдается устойчивая тенденция массовизации высшего образования. Если в 1990-1991 учебном году в 514 вузах страны обучалось 2824,5 тысяч студентов (190 на 10 тыс. населения), то к 2009-2010 число вузов возросло до 1114, контингент увеличился до 7218,8 (523 на 10 тыс. населения) [9]. Российское государство всемерно поддерживает спрос на услуги высшего профессионального образования. Согласно действующему (до сентября 2013 г.) Закону «Об образовании», государство берет на себя обязательства по бюджетному финансированию обучения не менее 170 студентов на каждые 10 тысяч населения РФ [7]. На практике, как отмечают представители Комитета Государственной Думы по образованию, в России этот норматив превышает вдвое: в 2011 году было профинансировано 240 студенческих мест на 10 тыс. человек. Принятый Закон «Об образовании» предусматривает незначительные изменения: из государственного бюджета будет финансироваться «из расчета не менее чем восемьсот студентов на каждые десять тысяч человек в возрасте от семнадцати до трид-

цати лет, проживающих в Российской Федерации» [8]. С учетом того, что по данным официальной статистики численность молодежи в стране не более 26 млн. человек [19], бюджетных мест в вузах должно быть не менее 2 млн. (сейчас – около 2,7 млн.).

В последнее время нарастает число публикаций, авторы которых обращают внимание на тенденции снижения качественных характеристик предоставляемой услуги высшего образования. При этом чаще всего акцент делается на технических вопросах совершенствования функционирования существующих институтов в сфере образования с особым вниманием к субъекту-производителю образовательных услуг [12].

Однако образование – это особое благо. Качество образовательной услуги обеспечивается за счет системы взаимодействия преподавателя, студента, среды. Если рассматривать коммуникативный процесс передачи знаний и навыков, то имеет значение не только качество источника, состояние коммуникативных каналов, но и особенности приемника знаний и навыков. «Нельзя научить, можно научиться». Необходимость

усилий со стороны обучаемого на фоне существования значимых синтаксических, семантических и прагматических барьеров [15], особенно актуальных в условиях все более массового характера высшего образования в нашей стране, ведет к расхождению предоставляемой услуги по обучению и результата для ее получателя. По нашему мнению, в проблеме качества высшего образования регулирование характеристик потребителя образовательной услуги играет важную роль.

Какие функции должно взять на себя государство в обеспечении услуг высшего образования? Каковы должны быть формы регулирования данной сферы? Что определяет размеры и направления бюджетного финансирования данной сферы?

Данная работа является попыткой рассмотреть эту проблему с позиции экономической науки, с учетом теории общественных благ (public goods) и благ, обладающих особыми достоинствами (merit goods).

Теория общественных благ была заявлена в 1950-е, благодаря работам П. Самуэльсона [13]. Говоря о критериях отнесения благ к категории общественных, в первую очередь отмечают отсутствие конкуренции. Неконкурентность в потреблении общественного блага означает, что его потребление одним субъектом не снижает доступности блага для других, увеличение числа потребителей не снижает полезность, доставляемую каждому.

Другое свойство общественных благ – неисключаемость – предполагает невозможность ограничить доступ потребителей к благу. Имеется в виду, что поставщик блага не в силах обособить свои взаимоотношения с каждым из потребителей в отдельности по причине технической неосуществимости или из-за запретительно высоких издержек предотвращения доступа.

Только блага, которым присущи оба приведенных свойства, относят к категории чистых общественных благ. Блага, не обладающие этими двумя свойствами, – частные. При наличии хотя бы одного признака («несоперничества» или «неисключаемости»), хотя бы в ограниченной степени, блага традиционно называют смешанными [20, с. 42] (квазиобщественными [1, с. 550]).

Если рассматривать услуги высшего профессионального образования в этом ключе, то очевидно отсутствие признака неконкурентности в чистом виде. Несмотря на возможность коллективного доступа к потреблению данной услуги, численность потребителей образовательных услуг (учащихся вуза, например) имеет ограничения со стороны возможностей материально-технической базы, ресурса квалифицированных кадров преподавателей и т.п. Можно сказать, что потребление услуги образования неизбежно (неконкурентно) до определенного предела. Свойство неисключаемости по отношению к данному благу в чистом виде также нельзя признать характерным. Затраты на устранение дополнительных потребителей достаточно низки.

Таким образом, высшее образование с позиции теории общественных благ представляет собой смешанное

(квазиобщественное) благо. Тем не менее, это не предполагает обязательного выведения его из круга особого внимания государства, рассматриваемого в качестве инструмента обеспечения оптимального функционирования экономики в целом, максимизации общественного благосостояния. Современная экономическая теория мейнстрима к причинам необходимости государственного вмешательства в рыночные отношения относит также существование внешних эффектов, естественной монополии, информационной асимметрии [18].

Естественная монополия, отличительными характеристиками производства товаров в рамках которой служат высокие постоянные издержки (при незначительности переменных), связана с производством исключаемых благ, неконкурентных в потреблении [22]. Поэтому отнесение услуг высшего профессионального образования к категории благ, создаваемых в монополистических условиях, чаще всего неправомерно, хотя и возможно для некоторых узких групп их разновидностей.

Однако создание положительных внешних эффектов и информационное несовершенство действительно характерны для исследуемого нами блага. Заметим, что проблема информационного несовершенства рынка услуг высшего образования довольно остра и требует отдельного внимания. В рамках данной работы остановимся на проблеме экстерналий.

Высшее образование несомненно относится к благам, обладающим особыми достоинствами (merit goods) – ярко выраженными положительными внешними эффектами. Оно не только способно удовлетворить индивидуальные потребности отдельного человека (домашнего хозяйства как субъекта экономики), обеспечить рост индивидуального человеческого капитала – что позволяет предоставлять услуги высшего образования с помощью рыночного механизма. Общество высокообразованных людей, экономика с большим числом высококвалифицированных работников должны иметь неоспоримые преимущества [17]. В условиях формирования и развития информационного общества существенно меняются требования к уровню квалификации рабочей силы. Высшее образование в настоящее время чаще всего рассматривается не только как «гарантия возможностей и благосостояния отдельной личности», но и как «двигатель государственного экономического роста» [2].

Если разделять понятия общее высшее и профессиональное высшее образование (в первом случае речь идет о том, что в рамках системы высшего профессионального образования обеспечивается «продвинутое социализация» – навыки к продолжению образования, коммуникативные компетенции, готовность формировать и продвигать гражданскую позицию и т.п.; во втором – профессиональное образование, капитализирующее личность), то высшее образование в части профессиональных компетенций приобретает в нашей стране особую социальную значимость в связи с задачами модернизации общества [16].

Возвращаясь к категории достойного блага, соглас-

но теоретическому подходу, предложенному в конце 1950-х Р. Масгрейвом [21], высокая социальная значимость, масштабные положительные экстерналии не позволяют объему производства и потребления услуг высшего образования достичь оптимального уровня лишь за счет заинтересованности непосредственных потребителей, за счет рыночного взаимодействия.

В этом случае государственное регулирование призвано стимулировать производство и потребление услуг высшего образования: государство обязано обеспечить доступ к высшему образованию вне зависимости от платежеспособности спроса и даже желания потребителей. Это означает, по сути, что государство готово поддерживать смещение услуг высшего образования в сторону категории общественных благ, но при этом определение желаемых объемов соответствующего сектора экономики, масштабов охвата населения высшим образованием становится прерогативой государства.

По нашему мнению, именно в этом ключе и развивается основная полемика по вопросам размеров и форм государственного участия в системе высшего образования. Часть оппонентов объединена общей убежденностью в том, что чем больше людей получают доступ к системе высшего образования, тем лучше. Они обосновывают необходимость массовизации высшего образования эволюцией прогресса, технологий, социальных отношений [4]. Действительно, в условиях информатизации общества требования к рабочей силе существенно возрастают [14]. Получение высшего образования широкими слоями населения может служить предпосылкой роста профессиональной компетентности, культурного уровня работника, ослабления социальной дифференциации [10]. Система высшего образования призвана обеспечить не только существующие потребности рынка труда в квалифицированных специалистах, но и сформировать базу для дальнейших структурных изменений в экономике.

Но есть и противоположная позиция, которую нельзя не признать обоснованной. Государственное регулирование предоставления социально значимого блага вовсе не сводится к безграничному наращиванию его объемов. Определяя желаемые масштабы потребления блага, требуется ответить на ряд вопросов: насколько массовым должен быть охват населения; какие объемы услуг высшего профессионального образования и в каких качественных видах следует считать оптимальным для данного общества в конкретный момент времени; не может ли высшее образование, наряду с положительными экстерналиями, нести и отрицательные? Ведь по сути, речь идет не только о несомненных издержках государства (налогоплательщиков) на финансирование и регулирование системы высшего образования, но и о трансакционных издержках его массовизации, зачастую не учитываемых в полемике.

Противники массовизации высшего образования, не ставя под сомнение социальную значимость последнего, по сути, говорят о перегруженности, о существовании в настоящее время в России избыточного спроса и предложения данного блага относительно потребно-

стей существующей экономической системы. По данным Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, в настоящее время 83% молодых россиян учатся в вузах или уже имеют высшее образование. При этом даже в развитой экономике США рабочие места, требующие такого уровня подготовки, ограничены 40%, в отечественной экономике – 25-30%. [Цит. по 11] Несомненно, доля мест для специалистов с высшим образованием в российской экономике растет, но темпы незначительны.

Отсутствие у большей части выпускников вузов возможности работать по полученной специальности неизбежно ведет к растущей неудовлетворенности своими доходами, своим статусом. Здесь речь идет уже не только о материальных издержках (неэффективных затратах на обучение), но и о социальных проблемах. Тем не менее, абитуриентов и их родителей это мало смущает. По данным Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, в вузы зачисляется около 87% выпускников школ. Кроме того, непосредственно сразу после получения диплома о среднем образовании, студентами вузов становятся также треть выпускников колледжей и 10% выпускников ПТУ [3].

Ценность образования в сознании населения страны исторически сформировалась на фоне социалистических идеалов. В представлении советских граждан высшее образование выступало социальным лифтом, гарантией, как правило, интересной и хорошо оплачиваемой работы. При этом высшее образование, при его бесплатности для населения, не являлось массовым. Государство ограничивало число мест в вузах при наличии серьезного отбора абитуриентов за счет вступительных испытаний (причем многие вузы позволяли себе значительный отрыв вступительных требований от уровня школьных выпускных экзаменов).

В настоящее время высшее образование превратилось для россиян в социальную норму. Это уже не сигнал о конкурентоспособности выпускника на рынке труда, а скорее символ социальной нормальности. Не удивительно, что на этом фоне происходит подмена понятий: потребность в образовательной услуге как способе наделения субъекта особыми характеристиками (образованием) или потребность в образовательной услуге как возможности получения нужного документа, символа социальной нормальности.

Такой подход в значительной степени стимулируется работодателем, который все чаще требует у претендентов на неквалифицированные места наличия диплома о высшем образовании. Да и государство поддерживает спрос на услуги высшего образования, гарантируя финансово бюджетные места в вузах для половины выпускников школ [6].

Массовизация высшего образования ведет к снижению конкуренции между потребителями. Поступление в вуз теперь не требует особого усердия и талантов. В высшие учебные заведения зачастую принимаются не только неспособные, но и нежелающие прилагать необходимые усилия, добывая знания и навыки (хотя очевидно, что менее способному студенту требуется больше времени и упорства для освоения курса). Такие

студенты скорее предпочтут на экзамене «символизировать» наличие полученных знаний за счет списывания и т.п. Отметим, что, глядя на отрицательные примеры, даже способные часто перенимают такое отношение к учебе (мы не рассматриваем вопрос качества преподавания, хотя и здесь тоже есть свои проблемы, включая неблагоприятный отбор).

В результате мы видим, что последствия стимулирования потребления высшего образования как блага не обязательно исключительно положительны. Массовизация высшего образования может приводить и к отрицательным экстерналиям. Можно ли отнести

высшее образование к социально значимым благам? По-видимому, да. Но государственная опека потребления данного особого блага не должна осуществляться в форме стимулирования количественных характеристик спроса.

Акценты государственного регулирования, которые в настоящее время направлены, в основном, на процесс предоставления образовательной услуги (стандарты, аккредитация вузов и т.п.), по-видимому требуется несколько переосмыслить с учетом нелинейности функции положительных эффектов высшего образования относительно вовлекаемых потребителей.

Библиографический список

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. [Электронный ресурс] Пер. с англ., 4-е изд. М.: Дело ЛТД, 1994. 720 с. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/blaug/index.php
2. Джонстоун Б., Шрофф-Мета П. Финансирование и доступность высшего образования: международное сравнительное исследование оплаты обучения и мер финансовой поддержки [Электронный ресурс] / Университетское управление. 2001, № 2 (17). С. 17-32. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/text/18681663/>
3. Кузьминов Я. Дефицитный выпускник, или великий разрыв [Электронный ресурс] / Вестник Европы. 2011, № 31-32. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2011/31/ku10.html>
4. Любимов Л. Что нужно менять в высшем образовании [Электронный ресурс] / Образовательная политика. 2012, № 1 (57). С. 8-10. Режим доступа: <http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2012/09/Lubimov-No.1.2012.pdf>
5. Масгрейв Р. А., Масгрейв П. Б. Государственные финансы: теория и практика / пер. с 5-го англ. изд. [1989]. М.: Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
6. Насыров Е. Прощание со всеобщим бесплатным [Электронный ресурс] / Московские новости. 2012. Режим доступа: http://www.mn.ru/society_edu/20120605/319775981.html
7. Об образовании: [федер. закон: принят Гос. Думой 10.07.1992 № 3266-1]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/edu/#info>
8. Об образовании в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. № 273-ФЗ] / Российская газета, 2012. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
9. Образовательные учреждения высшего профессионального образования [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm
10. Перевозный А.В. Массовое высшее образование: истоки и проблемы организации [Электронный ресурс] / Университетское управление. 2011, № 1. С. 28-33. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/27/1267425588/2011-1-4.pdf>
11. Савицкая Н. Для бакалавра сегодня один путь - в квалифицированные рабочие [Электронный ресурс] / Независимая газета. 2012, № 14. Режим доступа: <http://www.hse.ru/news/1163611/47184697.html>
12. Садков В.Г., Аронов Д.В., Леонова О.В. и др. Системная кодификация образовательного и научно-инновационного законодательства в модернизируемой России / Инновации. 2008, № 5. С. 100–106.
13. Самуэльсон П. Э. Чистая теория общественных расходов [Электронный ресурс] / Вехи экономической мысли. Том 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. Под общ. ред. А. П. Заостровцева. СПб: Экономическая школа. 2004. 568 с. Режим доступа: http://as.seinstitute.ru/Files/veh4-2-10_Samu_p371-376.pdf
14. Ставцева Т.И. Место и роль информационных ресурсов в современной экономике / Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2010. № 3. Часть 1. С. 37- 44.
15. Ставцева Т.И. Обучение как информационно-коммуникативный процесс и барьеры на пути информации / Среднее профессиональное образование. 2006. № 10. С. 24-25.
16. Стенограмма доклада Я.И. Кузьмина в Екатеринбурге от 23 апреля 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://strategy2020.ran.ru/stenograms/20110511/366060951.html>
17. Тамбовцев В. Реформы российского образования и экономическая теория / Вопросы экономики. 2005. № 3. С. 4-19.
18. Тарасевич Л.С., Гальперин В.М., Игнатъев С.М. 50 лекций по микроэкономике. [Электронный ресурс] С-Пб.: Экономическая школа, 2000. Режим доступа: <http://50.economicus.ru/index.php?file=vvedenie&name=987456>
19. Численность и состав населения [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики: сайт. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
20. Якобсон Л.И. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов: монография. М.: Аспект Пресс, 1996. 133 с.
21. Musgrave R.A. (1957) A Multiple Theory of Budget Determination [Электронный ресурс] // Finanzarchiv N. F. 17 (1956/1957). Heft 3. pp. 333-343. Режим доступа: http://www.mohr.de/fileadmin/user_upload/Zeitschriften/musgrave_budget_determination.pdf
22. Stiglitz J., Weis A. Credit rationing in markets with imperfect information [Электронный ресурс] // American Economic Review. Vol. 71. № 3 (Jun., 1981), pp.393-410. Режим доступа: http://www.ucema.edu.ar/u/ac07/Curso_Corto_2009/Bibliografia/Credit_Rationing_in_Markets_with_Imperfect_Information.pdf

References

1. *Blaug M.* Economic thought in retrospect. [electronic resource] Trans. Translated from English. 4th ed. M: Business Ltd, 1994. 720 p. Mode of access: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/blaug/index.php
 2. *Johnstone B., Shroff-Mehta P.* Funding and access to higher education: an international comparative study of tuition and financial support measures [electronic resource] / University Management. 2001, № 2 (17). P. 17-32. Mode of access: <http://ecsocman.hse.ru/text/18681663/>
 3. *Kouzminov J.* Scarce graduate, or a great gap [electronic resource] / Journal Europe. 2011, № 31-32. Mode of access: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2011/31/ku10.html>
 4. *Lyubimov L.* What you need to change in higher education [electronic resource] / Educational Policy. 2012, № 1 (57). P. 8-10. Mode of access: <http://edupolicy.ru/wp-content/uploads/2012/09/Lubimov-No.1.2012.pdf>
 5. *Musgrave R.A., Musgrave P.B.* Public Finance: Theory and Practice / per. from the 5th Eng. ed. [1989]. M: Business Atlas, 2009. 716 p.
 6. *Nasyrov E.* Farewell to universal free [electronic resource] / The Moscow News, 2012. Mode of access: http://www.mn.ru/society_edu/20120605/319775981.html
 7. Education: [the federal. Law: adopted by the State. Duma 10.07.1992, № 3266-1] Access mode: <http://www.consultant.ru/popular/edu/#info>
 8. On Education in the Russian Federation [the federal. Law: adopted by the State. Duma on December 21. 2012, № 273-FZ] / Rossiyskaya Gazeta, 2012. Mode of access: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html>
 9. Educational institutions of higher education [electronic resource] / Federal State Statistics Service's. Mode of access: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/vp-obr1.htm
 10. *Perevoznoye A.V.* Mass higher education: the origins and problems of the organization [electronic resource] / University Management. 2011, № 1. P. 28-33. Mode of access: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/07/27/1267425588/2011-1-4.pdf>
 11. *Savitskaya N.* For Bachelor today one way - in skilled workers [electronic resource] / Independent newspaper. 2012, № 14. Mode of access: <http://www.hse.ru/news/1163611/47184697.html>
 12. *Sadkov V.G., Aronov D.V., Leonova O.V. et al.* Codification system of educational, scientific and innovative legislation modernized Russia / / Innovations. 2008, № 5. P. 100-106.
 13. *Samuelson P. E.* The pure theory of public expenditure [electronic resource] / Milestones of economic thought. Volume 4. Welfare economics and social choice. Ed. A.P. Zastrovtsev. St. Petersburg: The School of Economics, 2004. 568. Mode of access: http://as.seinstitute.ru/Files/veh4-2-10_Samu_p371-376.pdf
 14. *Stavtseva T.I.* Place and role of information resources in modern the economy / Scientists of a note of the Oryol state university. Scientific magazine. 2010. No. 3. Part 1. P.37 - 44.
 15. *Stavtseva T.I.* Education as an information and communication process and barriers to information / Vocational Education. 2006, № 10. P. 24-25.
 16. Transcript of the report J.I. Kuzminova in Yekaterinburg on 23 April 2011. [electronic resource] Mode of access: <http://strategy2020.rian.ru/stenograms/20110511/366060951.html>
 17. *Tambovtsev V.* Reform of Russian education and economic theory / Problems of Economics. 2005, № 3. P. 4-19.
 18. *Tarasevich L.S., Halperin V.M., Ignatiev S.M.* 50 lectures in microeconomics. [electronic resource] Saint-Petersburg.: The School of Economics, 2000. Mode of access: <http://50.economicus.ru/index.php?file=vvedenie&name=987456>
 19. The size and composition of the population [electronic resource] / Federal State Statistics Service's. Mode of access: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
 20. *Jacobson L.I.* Public Economics. Fundamentals of the theory of public finance: a monograph. Moscow: Aspect Press, 1996. 133 p.
 21. *Musgrave R.A.* (1957) A Multiple Theory of Budget Determination [Электронный ресурс] / Finanzarchiv N. F. 17 (1956/1957). Heft 3. pp. 333-343. Режим доступа: http://www.mohr.de/fileadmin/user_upload/Zeitschriften/musgrave_budget_determination.pdf
 22. *Stiglitz J., Weis A.* Credit rationing in markets with imperfect information [Электронный ресурс] // American Economic Review. Vol. 71. № 3 (Jun., 1981), pp. 393-410. Режим доступа: http://www.ucema.edu.ar/u/ac07/Curso_Corto_2009/Bibliografia/Credit_Rationing_in_Markets_with_Imperfect_Information.pdf
-

УДК 330.88

UDC 330.88

А.А. УСТЕНКО

доктор экономических наук, профессор кафедры Финансы и кредит Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ustenko_aa@mail.ru

A.A. USTENKO

Doctor of Economics, Professor of the chair "Finance and Credit" Financial University under the Government of the Russian Federation
E-mail: ustenko_aa@mail.ru

МОТИВАЦИЯ КАК СИСТЕМА РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА

MOTIVATION AS A SYSTEM OF DEVELOPMENT AND IMPROVEMENT OF LABOUR EFFICIENCY

В статье рассматриваются вопросы, связанные с анализом теории мотивации персонала хозяйствующих субъектов в современных условиях. Важнейший аспект мотивации труда персонала выступает как материальный и нематериальный способы стимулирования. В статье мы рассматриваем интеграцию теоретического аспекта с практическим аспектом процесса мотивации труда персонала. Считаем, что для повышения уровня производительности труда материальные стимулы играют важнейшую роль в мотивации персонала.

Ключевые слова: теория мотивации, материальные стимулы, мотив, стимулирование, мотивация труда.

In the article the questions connected with the analysis of the theory of motivation of the personnel of managing subjects in the modern conditions are considered. The most important aspect of motivation of work of the personnel acts as material and non-material ways to stimulation. In the article we consider integration of theoretical aspect with the practical aspect of the process of motivation of work of personnel. We believe that material incentives play the major role in motivating the personnel and thus increase of the labor productivity level.

Keywords: motivation theory, material incentives, motive, stimulation.

Понятие «мотивация» (от греч. *Motif*, от лат. *Moveo* – двигаю) представляет собой внутреннее и внешнее побуждение экономического субъекта к деятельности во имя достижения определенных целей, наличия интереса к такой деятельности и способов ее инициирования, побуждения [3, с.23]. Необходимо добиться, чтобы такое воздействие носило постоянный характер.

Мотивация труда – это система мер, цель которых – создать у работников стимулы к труду и побудить их работать с полной отдачей. Поведение человека определяется множеством мотивов.

Мотивацию нельзя сводить только к стимулированию. В настоящее время стимулирование ориентировано на краткосрочные экономические цели, на достижение определенного результата за установленный период. Такой подход не обеспечивает заинтересованности работников в постоянном повышении квалификации, в самосовершенствовании. В этом случае вряд ли возможно успешно использовать данную систему как важный резерв повышения эффективности повышения производства.

В своей деятельности руководители предприятия должны рассматривать мотивацию как силу, побуждающую к действию. Перед каждым предприятием стоит задача создать такую систему побужденных мотивов поведения работников, которая будет заставлять его (побуждать) поступать определенным образом. Очень важно мотивацию рассматривать как процесс формирования у работников мотивов к деятельности в интересах достижения целей предприятия.

Исследования свидетельствуют, что истинные причины, побуждающие отдавать работе все силы, очень сложны и многогранны. Основными из них являются потребности, интересы, мотивы и стимулы.

Мотивационный процесс предусматривает использование таких понятий, как «потребность» и «вознаграждение».

В основе внутренних побуждений, которые заставляют людей действовать определенным образом, лежат потребности человека (теория американского социолога А. Маслоу).

Задача руководителя – знать людей, наблюдать за ними, чтобы определить, какие активные потребности движут ими и на этой основе более эффективно использовать потенциал работников предприятия.

В условиях рыночной экономики решение вопросов оплаты труда перенесено из компетенции государственных органов власти на уровень предприятий. Заработная плата не утратила свои функции, в том числе стимулирующую, которая выступает одним из условий мотивации труда. В связи с этим для предприятий очень важно иметь четкое представление о направлениях усиления мотиваций, совершенствование процессов стимулирования в деле достижения лучших конечных результатов деятельности предприятия. Сегодня ведется поиск различных эффективных способов управления трудом, обеспечивающих активизацию человеческих факторов. Это одно из основных направлений стабилизации экономического роста в стране.

Потребности человека постоянно меняются, и по-

этому процесс улучшения мотивации бесконечен. В странах с рыночной экономикой разработано много теорий мотивации труда (Д. Мак-Грегор, Д. Мак-Клепанд и др.). Многие предприятия проводят серьезные исследования по этой проблеме. Все они широко используют различные методы мотивации и гуманизации труда. Многие из них связаны с материальным поощрением.

На предприятиях западных стран широкое применение получили так называемые аналитические системы оплаты труда, которые предусматривают дифференциальную оценку в баллах степени сложности выполняемой работы с учетом квалификации работников, условий труда и т.п. При этом постоянная часть заработной платы составляет около 70%. Переменная же часть (1/3 от ее общей величины) в виде премий, различных поощрений выплачивается как награда за повышение качества продукции, рост производительности труда, экономию сырья и материалов.

Для усиления роли оплаты труда в системе мотивации необходимо обеспечить ее непосредственную связь с итогами труда. Каждый работник должен видеть устойчивую связь между получаемым вознаграждением и производительностью труда, величиной своей заработной платы и результатами, достигнутыми предприятием (цехом).

Предприятия используют также различные формы участия работников в распределении прибыли. Большое внимание уделяется формированию кружков качества, участию в работе совместных комиссий администрации и рабочих по вопросам материального поощрения в зависимости от улучшения качества продукции, роста производительности труда и др.

Определенное место в мотивации работников занимает их продвижение по службе путем ротации с учетом личных качеств (на предприятиях США) и стажа работы (в фирмах Японии) [4, с.18].

Многие предприятия удачной формой мотивации считают использование гибких графиков работы, создание самоуправляемых групп и др.

Все эти положения свидетельствуют о необходимости создания на предприятиях механизма мотивации повышения эффективности труда. Речь идет об использовании совокупности методов и приемов воздействия на работников со стороны системы управления предприятия, обеспечения побуждения их к определенному поведению в процессе труда для достижения целей предприятия. Основа этих преобразований – необходимость удовлетворения личных потребностей работников. Улучшение мотиваций включает в себя целый комплекс мер, связанных с материальным стимулированием (совершенствованием оплаты труда, премирования и т.п.), совершенствованием организации труда (улучшение условий труда, проведение ротации, использование гибких графиков и т.п.), улучшением качества рабочей силы (повышение квалификации и т.д.), вовлечением в процесс управления персонала, использованием моральных факторов поощрения. Все это следует учитывать при выборе форм и систем оплаты труда.

Сегодня либеральные теории сменяются консервативными, монетаристские – кейнсианскими и т.д. Все зависит от конкретной ситуации. Сегодня никто из ученых уже не говорит, что, скажем, конкуренция – это хорошо, а монополизация – плохо. Имеет место комбинация этих способов экономического развития.

Конкуренция сегодня резко поменяла свое направление. Это не соперничество производителей товаров и услуг за рынки сбыта, а борьба отраслей и даже государств за потребителя. Что же касается внутриотраслевых отношений, то в этой сфере появляется тенденция к объединению усилий, что дает значительно больший экономический эффект. Вот почему в постоянно изменяющихся рыночных условиях особое и важное место в управлении предприятием занимает *корпоративная культура*.

Известно, что корпоративная культура, включающая организационное поведение людей в организациях (удовлетворенность трудом, мотивация, обучение, трудовой стресс, управленческая роль (власть), творческий рост и т.д.), значительно повышает эффективность управления человеческими ресурсами, являющимися сутью конкурентных преимуществ любой организации.

Для достижения производственных целей руководитель может ориентироваться либо на управление и контроль, если считает подчиненных безответственными, неисполнительными и ленивыми, либо на интеграцию индивидуальных и коллективных целей, если обнаруживает, что его сотрудники склонны к творчеству, самоконтролю и ответственности. Поэтому умение формировать корпоративную культуру и “дух” человеческих отношений в организации является исключительно действенным управленческим рычагом современного руководителя.

В понятие “факторы мотивации” зачастую вкладывается очень узкий смысл – порядок распределения привилегий. Реально же его значение гораздо шире. Ближайшая аналогия, иллюстрирующая основные свойства культуры предприятия, – характер человека [1, с.75]. Характер имеет ряд составляющих, из которых лишь некоторые могут быть использованы для мотивации, к тому же все эти величины трудноизмеримы. Однако как характер имеется у любого человека, так и корпоративная культура реальна для каждого предприятия.

Стремление создать корпоративную культуру, основанное на предпосылке, что “сейчас ее нет, а когда будет – мы приблизимся к мировым стандартам”, подвигает руководителей на изобретение “ритуалов” – неких сценариев поведения, обязательных к исполнению сотрудниками предприятия. Одинаковое вынужденное поведение не способствует ни сплочению персонала (разве что на платформе оппозиции руководителю), ни повышению эффективности бизнес-процессов.

С точки зрения внедрения изменений культура – это в первую очередь традиции предприятия, сложившаяся практика внутрифирменных взаимодействий, местные приоритеты и “святыни”. Изменения, идущие вразрез с корпоративной культурой, трудноосуществимы, тогда

как лежащие в ее русле проходят почти безболезненно. С точки зрения мотивации культура – метод нематериального поощрения полезных для предприятия сценариев поведения сотрудников.

Распределение привилегий и “рангов знатности” – наиболее существенная характеристика корпоративной культуры, отражающая принятую фирмой систему ценностей, влияющая на поведение персонала больше, чем прямая регламентация. Здесь можно выделить два момента:

1. нерационально усиливать привилегиями сложившуюся иерархическую структуру предприятия,
2. и наоборот, полезно выстраивать своего рода противовес естественной дифференциации статуса персонала.

Для разных уровней иерархии предприятия различаются заработные платы, объем ответственности и полномочий сотрудников. Эта часть всегда прозрачна: даже в предприятиях, где конфиденциальность зарплат установлена законодательно и ее нарушение карается увольнением, персоналу известны если не точные суммы каждой выплаты, то их обычный средний уровень. При отсутствии явных перекосов в оплате и распределении полномочий такая дифференциация воспринимается персоналом как естественный порядок вещей, единственный способ организации бизнеса (т.е. проблем с мотивацией не возникает.)

Однако многие руководители стремятся еще более поднять свой статус за счет подчиненных, компенсировать недостаток авторитета пышной атрибутикой. Возникает “крайняя необходимость” в отдельных сейфах, кабинетах, секретарях. Вводится процедура записи на прием, составляются списки “допущенных к телу”. Все это возводится в ранг политики предприятия, и через какое-то время критерии эффективности в оценке реальных достижений сотрудников подменяются критериями принадлежности к должности. Процесс завершен, организация умерла для развития.

К неотъемлемым характеристикам кастовой системы следует отнести низкую мотивацию персонала, неудовлетворительную проходимость информации и как следствие низкую эффективность всего предприятия.

Используемые в качестве противовеса иерархической структуре привилегии и льготы работают на повышение мотивации персонала и увеличения производительности предприятия. Изменяется адресат привилегий: поощряются низовые работники, от которых зависит качество в точках соприкосновения предприятия с рынком. В социалистическом прошлом существовали доски почета, переходящие вымпелы или знамена, медали и широкая реклама “знатных” доярок или механизаторов. Нечто в этом роде, но на более адекватной основе (минус формализм плюс объективная оценка), может ввести и современное коммерческое предприятие. Неплохо зарекомендовали себя такие льготы, как предоставление дополнительного отпуска (обычно не в “пиковый” сезон) и отгулов, свободный график работы, обслуживание транспортом фирмы частных поездок со-

трудников, выше всяких похвал работают неожиданные подарки, даже и небольшие. Стимулирующий эффект достигается при полной ясности для персонала, за какие именно достижения предусмотрена данная привилегия, а дополнительное приращение дает непредоставление тех же льгот руководящему составу предприятия.

В России и в странах СНГ за годы реформ необходимые технические приемы предпринимательства внедрялись достаточно быстро, в то время как получившие мировое признание нормы цивилизованного бизнеса прививаются плохо из-за тотального кризиса доверия к партнеру как нравственно-психологической основы деловых отношений [6, с.7].

Заставить кого-то что-нибудь полюбить или заохотить чем-то заниматься – чрезвычайно сложно. Поэтому многие руководители, осознавая, что не могут так глубоко повлиять на своих подчиненных, оставляют вопрос внутренней мотивации на совести специалистов по найму. Они полагают (впрочем, достаточно справедливо), что эта задача должна решаться на уровне входа в организацию – т.е. надо брать на работу только тех, у кого уже есть эта самая, странная и неуловимая, внутренняя мотивация работать именно в их компании и именно над поставленными задачами.

Тезис этот абсолютно бесспорен. Тем не менее, в долгосрочной перспективе даже самые изощренные многоступенчатые методы отбора кандидатов не решают проблемы внутренней мотивации. Потому что она имеет свойство испаряться: вчера вроде еще была, а сегодня уже нет... А поскольку эта прозрачная субстанция тяжело идентифицируема, особенно в крупных компаниях, где все поставлено на поток, то процесс ее «испарения» зачастую остается незамеченным до тех пор, пока не происходит серьезных срывов в работе, или пока сотрудник внезапно (для компании) не покидает ее.

Особенно остро эта проблема встает при управлении группой сотрудников, которых в науке именуют «интеллектуальными работниками». Для этих самостоятельных, творческих профессионалов наличие собственной внутренней мотивации к работе является одним из ключевых факторов выбора компании и эффективности труда. А сколько сегодня на рынке компаний, в которых эта группа не просто обслуживает производство, а является как раз тем основным ресурсом, за счет которого создается рыночный продукт? Для такой компании демотивация нескольких ключевых фигур практически равна скорому краху.

Итак, особенностью внутренней мотивации является то, что организация практически не способна повлиять на нее в положительную для себя сторону, но зато в отрицательную сторону – способна. Однако на самом деле обычно организация стартует в своих отношениях с работником из чрезвычайно выгодной для себя позиции. Когда сотрудник только приступает к новой работе, чаще всего внутренняя мотивация сильна и может быть основным фактором, определяющим поведение на рабочем месте. Для многих, по крайней мере, для квалифицированных специалистов, новая работа – это новые задачи, новые преграды, которые хочется прео-

долеть, это возможность чему-то научиться. Не только для молодежи, но и для сотрудника с десятилетним опытом работы в данной области любой новый работодатель интересен, т.к. представляет собой уникальный набор задач, которые предстоит научиться решать.

Соответственно, основная задача – это не потерять эту выгодную позицию. Раз организация может повлиять на внутреннюю мотивацию только в отрицательную сторону, необходимо приложить все усилия для минимизации этого влияния, т.е. предотвратить или смягчить возможные факторы демотивации.

На наш взгляд, при выборе системы стимулирования предприятие должно добиваться ее ориентации на обеспечение максимально высокого уровня выполнения работ. Для реализации этого требования необходимо, чтобы уровень квалификации позволял работникам

выполнять работу на самом высоком уровне и создавал у них уверенность в получении за это материального вознаграждения; денежная оплата труда имела определенную ценность и воспринималась как действенный стимул; объем работы колебался в зависимости от уровня ее исполнения, что позволяло бы увязать величину вознаграждения с изменениями в работе; результаты работы поддавались измерению и могли быть объективно оценены; методы оценки были доступными для понимания и носили справедливый характер.

В работе нам хотелось обратить внимание руководителей на этот особый фактор поведения сотрудников – внутреннюю мотивацию, потому что, к сожалению, по наблюдениям, он остается в стороне, что приводит к негативным последствиям, препятствуя эффективной работе сотрудников и стимулируя уход самых ценных из них.

Библиографический список

1. *Аникин В.И.* Индивидуальное и коллективное техническое творчество. М.: Мысль, 1995. С.88.
2. *Бычков Н.В., Стрелкова Л.В.* Методика оценки НИОКР при планировании на предприятии ВПК // Радиопромышленность. 2002.
3. *Зайцев Н.Л.* Экономика промышленных предприятий. // М: Инфра, 2000;
4. *Павлов Я.А.* Трудовой потенциал работника. Вопросы теории и методологии. // Кишинев, 1987;
5. *Фролов П.А.* Резервы предприятий промышленности. // М: Феникс, 1999;
6. Журнал «Экономика и производство» №2/2001г - статья Андрианова В.В., «Корпоративная культура» №2/2004г – статья Андреевой Т., « Почему уходят лучшие: проблема демотивации персонала»;
7. [http://www.mte-eco.ru/www/toim.nsf/tomarch?OpenPage& Start=1&Count=30& Collapse=4.1.](http://www.mte-eco.ru/www/toim.nsf/tomarch?OpenPage& Start=1&Count=30& Collapse=4.1)

References

1. *Anikin V.I.* Individual and collective technical creativity . // M:Mysl', 1995, 88 p.
 2. *Bychkov N.V., Strelkova L.V.* Methods of assessing NIOKOR in planning at the enterprise MIC // Radio industry . - 2002 ;
 3. *Zaitsev N.L.* Economics of industrial enterprises. // M : Infra , 2000;
 4. *Pavlov Ya.A.* Labour potential of an employee. Theory and methodology . // Kishinev, 1987;
 5. *Frolov P.A.* Reserves of industrial enterprises. // M: Feniks, 1999;
 6. The magazine "Economy and production " № 2/2001 - V.V Andrianov, "Corporate Culture" № 2/2004 - Article Andreeva T., "Why the best leave: the problem of demotivating staff" ;
 7. [http://www.mte-eco.ru/www/toim.nsf/tomarch?OpenPage& Start=1&Count=30& Collapse=4.1.](http://www.mte-eco.ru/www/toim.nsf/tomarch?OpenPage& Start=1&Count=30& Collapse=4.1)
-

УДК 334.722:347.412.92

UDC 334.722:347.412.92

Е.А. ХОВАНСКАЯ

старший научный сотрудник, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета

E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

Е.Ф. ДУДИНА

старший научный сотрудник Орловского государственного университета

E-mail: l.dudina-n@yandex.ru

А.В. ТРИШКИН

младший научный сотрудник Орловского государственного университета

E-mail: maksim-leon@mail.ru

E.A. KHOVANSKAYA

senior researcher, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of theory and methods of teaching the Russian language and literature, Orel state University

E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

E.F. DUDINA

senior researcher, Orel state University

E-mail: l.dudina-n@yandex.ru

A.V. TRISHKIN

junior researcher, Orel state University

E-mail: maksim-leon@mail.ru

«START-UP», ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА*

«START-UP», OR INFORMATION AND LEGAL SUPPORT OF SMALL BUSINESS

В статье рассматриваются вопросы создания, функционирования и развития деятельности субъектов малого предпринимательства, его преимущества и недостатки. Деятельность хозяйствующего субъекта регламентируется соответствующими документами и направлена на достижение высоких результатов в данной отрасли экономики, а также удовлетворение потребностей населения в качественных товарах и услугах, создание новых рабочих мест с достойными условиями и оплатой труда.

Ключевые слова: субъекты малого предпринимательства, преимущества и недостатки, нормативно-правовые документы.

The article deals with the creation, operation and development of small business, its advantages and disadvantages. The activities of the entity are governed by the relevant documents and aims to achieve high performance in this sector, as well as the needs of the population in high-quality goods and services, creating jobs with decent working conditions and wages.

Keywords: small businesses, the advantages and disadvantages, legal documents.

Предпринимательская деятельность – это важный и ответственный шаг на пути к созданию, производству новых идей, возможностей, потребностей.

В Федеральном законе от 14.06.1995 №88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» говорится о свободном использовании гражданами своих способностей, имущества для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, не запрещенной законом [1].

Преимущества малого предпринимательства заключаются в следующем: быстрая адаптация к местным условиям хозяйствования, большая независимость действий субъектов малого предпринимательства, гибкость и оперативность в принятии решений; относительно невысокие расходы при осуществлении деятельности, особенно затраты на управление; большая возможность индивидуума реализовать свои идеи, проявить свои способности; более низкая потребность в

первоначальном капитале и способность быстро вводить изменения в продукцию и процесс производства в ответ на требования местных рынков и др. [6].

Собственники малых предприятий обладают высокой личной мотивацией в достижении высоких результатов, что положительно сказывается на деятельности предприятия. Субъекты малого предпринимательства постоянно анализируют информацию об уровне спроса и предложения на уровне регионального рынка товаров и услуг, выполняют заказы конкретных потребителей, дают новые рабочие места для работников, что способствует росту занятости населения в конкретном субъекте Российской Федерации.

Однако статистика гласит, что 90% начинающих малых предприятий, или «стартапов», терпят неудачи еще на начальных этапах развития. Причины неудач могут зависеть от недостаточной проработанности бизнес-плана и ожидаемых результатов, организаторских способностей одного лица или группы лиц, же-

* Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012-2013 годы (номер: 6.5355.2011, прикладные научные исследования)

лающих заниматься бизнесом, увеличения ставок по налогам (страховым медицинским, пенсионным и другим). Таким образом, чтобы начать организацию своего бизнеса, следует максимально четко определить мотивацию предстоящего пути. Общий замысел начинания можно рассматривать как с позиции значимости лично для начинающего предпринимателя, стремления достичь определенных результатов, так и с позиции определения пользы, уникальности, которую потенциальное начинание принесет окружающим.

Современные условия существования начинающих предпринимательских организаций обуславливают объективный характер возникновения определенных недостатков, среди которых выделяются самые существенные:

- некомпетентность;
- несбалансированный опыт (например, опытный инженер, но неопытный коммерсант);
- нехватка опыта в коммерции, финансах, поставках, производстве, управлении в единоличных формах владения и в товариществах;
- неумение налаживать и поддерживать деловые связи и контакты [4, 119].

Субъекты малого предпринимательства характеризуются меньшей устойчивостью и конкурентоспособностью, поэтому нуждаются в государственной поддержке, реализуемой федеральными и региональными программами поддержки и развития малого предпринимательства.

Рынок товаров и услуг достаточно заполнен, однако, важно знать, что действительно нужно людям, чего они хотят, в каком виде стоит подавать им предмет их желаний. Постоянный поиск возникающих общественных потребностей и непрерывное приспособление к ним составляют основу стратегии развития малого предпринимательства

Главная цель начинающего бизнесмена – узнать, каким образом производимый им или его предприятием продукт, услуга будет удовлетворять потребности людей. Для реализации поставленной цели следует пообщаться с уже существующими и активно развивающимися предпринимательскими структурами, изучить и проанализировать материалы средств массовой информации, освещающие лучшие стратегии развития бизнеса, решить вопрос о технике и технологии, с помощью которых будет производиться продукция. Они помогут открыть новые возможности, подскажут нетривиальные маркетинговые идеи и другую информацию, которая поможет организовать деятельность предприятия. Итак, обрести свою предпринимательскую нишу поможет соблюдение ряда условий:

- политические факторы – стабильность политической системы, защита собственности, инвестиций;
- социально-экономические – состояние покупательной способности отдельных слоев общества, на удовлетворение нужд которых будет работать создаваемое предприятие; здесь же следует обратить внимание на возможную конкуренцию, движение инфляционных процессов, состояние финансово-кредитной системы;

- правовые – наличие и состояние законодательной базы предпринимательства [7].

На данной стадии также полезно составить портреты представителей покупательской аудитории: определить возрастные рамки, уровень образования, социальный статус, потребности. Этот шаг станет отправной точкой в доказательстве полезности производимого продукта/услуги на текущий период времени.

Немаловажное значение имеет выбор формы предпринимательства – индивидуальное и коллективное. Выбирая индивидуальную форму, предприниматель в случае неудачи несет полную ответственность по обязательствам предприятия, расплачиваясь своими средствами, своим имуществом.

В коллективной форме собственности предприниматель делит ответственность с партнерами по предприятию. Такой подход позволяет уменьшить риск, привлечь дополнительные ресурсы.

Создание нового предприятия требует определения состава учредителей и разработки учредительных документов: Устав предприятия и Договор о создании и деятельности предприятия с указанием его организационно-правовой формы. «При наличии двух и более учредителей решение о создании общества оформляется протоколом общего собрания его учредителей» [5, 33]. Вместе с тем участники общества решают вопрос о назначении директора и председателя ревизионной комиссии, что также протоколируется в соответствующих документах.

Государственная регистрация юридического лица (коммерческой организации) осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2]. Статус юридического лица организация приобретает только после государственной регистрации и внесения в государственный реестр

Для государственной регистрации в регистрирующий орган (налоговую инспекцию) по месту нахождения предпринимательской организации необходимо представить необходимые документы, после чего в срок не менее 5 рабочих дней происходит процесс завершения новой коммерческой организации.

Органы, осуществляющие регистрацию организаций, обязаны сообщить в территориальный орган Федеральной налоговой службы по месту нахождения о зарегистрированных (незарегистрированных) или ликвидированных (реорганизованных) организациях в течение 10 дней после регистрации (нерегистрации) или ликвидации (реорганизации) организации.

В течение 10 дней со дня государственной регистрации организация должна встать на учет в налоговом органе по месту ее нахождения.

Отказ в государственной регистрации юридического лица допускается в случае: а) непредставления определенных федеральным законом необходимых для государственной регистрации документов; б) представления документов в ненадлежащий регистрирующий орган [4, 86-87].

Нарушение налогоплательщиком срока постановки на учет в налоговом органе, уклонение от постановки на учет влекут взыскание штрафов в установленном размере.

При постановке на учет в налоговом органе выдаются свидетельство и соответствующие справки о постановке на учет, необходимые для открытия расчетного и других счетов в банке.

Далее открывается временный счет в банке, куда в течение 30 дней после регистрации предприятия должно поступить не менее 50% уставного капитала. В итоге предприятие регистрируется по месту своего учреждения в местном органе власти.

Налогоплательщики обязаны в течение 5 дней после даты открытия или закрытия счета в банке сообщить об этом налоговому органу, в котором состоят на учете, в противном случае на них налагается штраф.

После завершения регистрации юридическое лицо получает свидетельство о регистрации, один экземпляр Устава и лист записи в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ) [3].

На заключительном этапе создания нового предприятия его участники полностью вносят свои вклады (не позднее чем через год после регистрации), открывают постоянный расчетный счет в банке, предприятие регистрируется в районной налоговой инспекции, заказывает и получает круглую печать и угловой штамп. С этого момента предприятие функционирует как самостоятельное юридическое лицо.

Для создания предприятия как акционерного общества необходимо иметь учредителей или учредителя, которые обязаны внести вклады (оплатить акции) в порядке, размере и способами, предусмотренными в учредительных документах. Учредители разрабатывают учредительный договор и устав общества, который заверяется нотариусом. В уставе фиксируется вид осуществления вклада участников акционерного общества (денежное или натуральное выражение):

- при денежном вкладе акционер производит эту операцию в форме платежа;
- при натуральном вкладе акционеры вносят в акционерное общество средства или предметы труда или права пользования землей, природными ресурсами, основными фондами, а также авторскими правами, изобретениями, открытиями, патентами.

Общество считается созданным как юридическое лицо с момента его государственной регистрации в установленном федеральными законами порядке (См. выше о порядке регистрации юридического лица).

Следующим шагом является формирование производственной базы. Предприниматель должен приобре-

сти или взять в аренду производственные и складские помещения, станки, оборудование, инструмент, закупить сырье и материалы, полуфабрикаты, комплектующие изделия, сформировать рабочий коллектив. Предприятие заключает сделки с производителями оборудования, поставщиками сырья и материалов, с посредническими фирмами.

Определение ценообразования – не менее важный момент на пути создания малого предприятия. В стремлении сделать свой товар/услугу привлекательной для потребителя, нельзя забывать о необходимости возмещения операционных расходов, что должно быть отражено в цене. Кроме того, цель практически любого бизнеса – получение прибыли, и это еще один фактор определения ценообразования продукта/услуги. Итак, правильное определение цены на товар/услугу складывается из:

1. Финансовых целей, т.е. желания извлечь прибыль на одной идее без учета ее последующего продвижения или организовать бизнес, который будет постоянно развиваться, возможно, и не без потери некоторых убытков.

2. Изучение рынка товаров/услуг. Определение ценообразования зависит от конъюнктуры рынка и запросов потребителей. Анализ необходимой информации – границы роста продаж, уровень консервативности рынка, его скорость – и прогнозирование возможных результатов сделает рынок предсказуемым для предпринимателя.

3. Изучение конкурентов. Рассмотрение цен на продукты/услуги конкурентов – самый распространенный, наглядный и понятный потребителю вид конкуренции. Если предпринимательское предложение не уникально на рынке, то цены должны быть конкурентоспособны.

На следующем этапе рекомендуется фиксировать каждое действие, сопровождающееся информацией о ресурсах, требуемых для его исполнения, т.е. описывать в отдельном журнале, тетради обработку заказов с указанием всех действий, необходимых для завершения процесса.

Таким образом, на современном этапе развития предпринимательского сектора экономики важно определить направление и предмет деятельности хозяйствующего субъекта. Четкая программа ведения бизнеса с учетом действующего законодательства РФ не только позволяет добиться высоких результатов в данной отрасли, но и удовлетворить потребности населения в качественных товарах и услугах, создать новые рабочие места с достойными условиями и оплатой труда.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 14.06.1995 №88-ФЗ (ред. 02.02.1996) «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. Государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] – режим доступа http://www.reg.nalog.ru/gosreg_a/gos_reg/step4/

4. Основы предпринимательства: Курс лекций [Текст] / Гребеник В.В., Шкодинский С.В. М.: МИЭМП, 2006. 190 с.
5. *Хованская Е.А.* Основные механизмы создания бюджетными образовательными учреждениями хозяйственных обществ. [Текст] // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – Орел: Изд-во ОГУ. 2012. №5 (49). С. 31-34
6. http://www.e-college.ru/xbooks/xbook067/book/index/index.html?go=part-007*page.htm
7. http://www.std72.ru/dir/ehkonomika_organizacii/ehkonomika_organizacii_predprijatija/1_3_ehtapy_sozdanija_sobstvennogo_predprijatija/103-1-0-1277

References

1. The Federal Law of 14.06.1995 № 88 -F3 (ed. 02.02.1996) «On State Support of Small Business in the Russian Federation» [electronic resource] // Reference legal system «ConsultantPlus».
 2. The Federal Law of 08.08.2001 № 129- FZ (as amended on 23.07.2013) “On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs” [electronic resource] // Reference legal system “ConsultantPlus”.
 3. The state registration of legal entities and individual entrepreneurs [electronic resource] - access mode http://www.reg.nalog.ru/gosreg_a/gos_reg/step4/
 4. Basics of Business : Lectures [Text] / Grebenik VV, SV Shkodinsky - Moscow: MIEMP 2006 . - 190 p.
 5. *Khovanskaya EA* The main mechanisms for creating budget educational institution of business entities. / Scientific notes of Orel State University. Series “Humanities and social sciences.” - Orel: Publishing House of OSU. - 2012. - № 5 (49). - Pp. 31-34
 6. http://www.e-college.ru/xbooks/xbook067/book/index/index.html?go=part-007*page.htm
 7. http://www.std72.ru/dir/ehkonomika_organizacii/ehkonomika_organizacii_predprijatija/1_3_ehtapy_sozdanija_sobstvennogo_predprijatija/103-1-0-1277
-

УДК 141.32

UDC 141.32

Н.Д. ЕСИПОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии и акмеологии Орловского государственного университета
E-mail: nde971@mail.ru

N.D. YESIPOVA

candidate of pedagogical sciences, associate professor of Social psychology and acmeology, Orel state university
E-mail: nde971@mail.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ: ЛИЧНОСТНЫЙ ОТВЕТ

EXISTENTIAL QUESTIONS: THE PERSONAL RESPONSE

В статье затронут вопрос влияния на качество и полноту жизни человека его личной позиции и установок по отношению к основным экзистенциальным вопросам бытия. Эта проблема рассматривается на примере восприятия неизбежности смерти и ответственности человека за свою жизнь.

Ключевые слова: экзистенция, жизнь, смерть, свобода, ответственность, вина.

In the article by N. Esipova the question of influence on the quality and completeness human's life of his personal positions and attitudes to basic existential questions of life is touched upon. This problem is regarded on the example of the inevitability of death and human responsibility for their lives.

Keywords: existence, life, death, freedom, responsibility, guilt.

Проблема экзистенции занимает одно из ведущих мест в современной философии. Изучение этой проблемы позволяет человеку глубже понять свою сущность, суть подлинного или ложного бытия, определить личную позицию по отношению к основным экзистенциальным вопросам. В большинстве работ по философии определение экзистенциализма дается через обозначение поднимаемых вопросов и тем, таких как: бытие, свобода, выбор, смерть, ответственность, смысл жизни и др. Разные авторы, исследуя эти понятия, выделяют различные пути, ведущие к субъективному ощущению и объективному восприятию подлинности, глубины и насыщенности жизни.

Актуальность и интерес к экзистенциальным вопросам определяется необходимостью нахождения каждым человеком своего пути и ответа на сущностные вопросы бытия в эпоху значительных изменений условий жизни. Стремительное развитие общества, научно-технический прогресс приводят к существенным изменениям условий бытия человека в мире. Для современного общества характерна повышенная кризисная готовность, которая связана с увеличивающимися по количеству и силе экологическими катастрофами, военными действиями, терроризмом, криминальной ситуацией. Кроме того, нестабильность социально-экономической ситуации, резкое изменение уклада жизни практически всех слоев населения, все увеличивающийся темп жизни и ряд других факторов повышают общую тревожность, усиливают переживание одиночества, незащищенности, страха перед будущим. Система существования человеческого сообщества в наши дни основана на стандартизации и технологизации способов деятельности, унификации норм и правил, подавлении индивидуального развития в пользу

стабильности общественного устройства. Это приводит к тому, что человек оказывается не способным укорениться в своих основаниях, он ощущает свою потерянность в мире, экзистенциальный вакуум. Поэтому тенденцией последних десятилетий становится стремление человека быть как все и не быть самим собой, что в значительной степени определяется снижением чувства внутреннего, подлинного бытия. В связи с этим перспективными являются исследования, обращенные к проблематике «экзистирующего индивида», способного находить личностные ответы на основные вопросы бытия, вступать в подлинную коммуникацию, в рамках которой он способен сохранить собственную самость. Также одной из причин актуальности проблемы экзистенции является ее индивидуальная практическая значимость: каждый из нас является уникальным и неповторимым существом, имеющим собственное место в бытии и ответственным за качество своей жизни.

Взгляд на человека в экзистенциальной философии определяется фундаментальным её тезисом, суть которого в том, что человек должен пониматься, исходя не из его сущности, как любой другой вещи мира, а путём постижения его существования.

Бытие человека характеризуется его личным способом разрешения, ответа, сознательными или бессознательными попытками справиться с жесткими фактами жизни, с «данностями существования» [7], которые заданы самим существованием человека как человека.

Среди них наиболее значимыми являются: неизбежность смерти каждого из нас и тех, кого мы любим; свобода сделать нашу жизнь такой, какой мы хотим, и ответственность за результат наших выборов, необходимость принятия экзистенциального одиночества, несмотря на существующие контакты и межличностные

отношения, отсутствие безусловного и самоочевидного смысла жизни.

Экзистенциальные вопросы могут подниматься человеком в моменты глубокого сосредоточения на сути собственного существования, но они остро встают перед человеком в кризисных, пограничных (по Ясперсу) ситуациях. Серьезное заболевание, смерть близких, социальные взрывы разрушают субъективную картину незыблемости мира, его предсказуемости. В результате появляется довольно неприятное осознание того, что очень многое в мире не соответствует нашим представлениям. Глубинный смысл пограничных ситуаций – все может измениться независимо от наших желаний и усилий, нет твердой основы. Чем глубже человек осознает это послание – тем сильнее ощущение бесосновности, зыбкости существования. Как отмечает С. Кьеркегор: при повышении степени сознания, нарастает сила отчаяния: чем больше сознания, тем больше отчаяния [5].

Наиболее очевидная конечная данность – смерть. Знание о том, что в настоящее время ты существуешь, но наступит день, когда перестанешь существовать, наполняет человека сильным страхом и тревогой. Противоречие между осознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить – это центральный экзистенциальный конфликт. Важность его разрешения связана с тем, что наше отношение к смерти существенно влияет на нашу жизнь. Жизнь и смерть существуют одновременно, а не последовательно. Манилий: «Уже рождаясь, мы находимся в процессе умирания; и в начале присутствует конец».

Практически каждый философ, большой мыслитель думал и писал о смерти. Многие приходили к выводу о том, что смерть – неотъемлемая часть жизни, и осознание этого не сужает, а обогащает наше бытие. «Физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его» [7, С. 39].

Однако точку зрения о том, что смерть вносит нечто позитивное в наше существование, принять не так легко. «С позиции конкретного человека смерть является предельным горизонтом индивидуального человеческого бытия, границей личного будущего» [3, С. 64]. Поэтому для большинства людей смерть однозначно представляется как неизбежное зло. Это непринятие смерти есть отрицание человеческой природы, ведущее к сужению существования.

Однако интеграция идеи смерти не является основанием для пессимизма, а стимулом к переходу на аутентичный, онтологический модус бытия. Она служит источником пограничного опыта, способствующего грандиозному сдвигу точки восприятия, увеличивает удовольствие от проживания жизни.

Отношение не только к смерти, но и другим данностям существования определяет экзистенциальную ситуацию человека, то, каким образом он утверждает себя в бытии.

При анализе основных экзистенциальных проблем – неизбежности смерти, отсутствия очевидного смысла жизни, необходимости переживания экзистенциального одиночества, ответственности человека за

свою жизнь – значимо, с какого ракурса производится этот анализ. Точка зрения, характер анализа той или иной проблемы значительно меняет ее восприятие, а восприятие определяет отношение и решение проблемы. В философии и психологии существует большое количество теорий личности, которые характеризуются различной степенью сложности и абстрагирования, а также порой значительно расходятся во взглядах на природу личности и ее взаимодействий с другими людьми. Можно предположить, что каждая отдельная теория охватывает лишь часть спектра такого большого явления, как Человек. Например, психоаналитическая теория дает целостное, всеобъемлющее объяснение особенностям поведения человека, но на основе, как правило, анализа материала из области психопатологии. Соответственно, она существенно помогает в понимании патологических процессов личности. Подобные теории являются линзами, которые одновременно фокусируют и ограничивают обзор. Возможно, они были уникальны и своевременны для той эпохи, в которую были созданы. Поэтому значимо в анализе такой бесконечной функции [1], как человек, ориентироваться и на теории, созданные при анализе «клинически здорового» материала, на современные открытия, позволяющие расширять и углублять взгляд на природу человека, теории, верифицированные здравым смыслом.

При рассмотрении вопросов смерти, жизни, ответственности, вины существуют значительные теоретические расхождения между парадигмами, которые влияют на практику подхода к боли человеческого существования и взаимодействия с ним. Так, значимое отличие экзистенциального подхода от психоаналитического связано с понятием «глубины». По Фрейду, психодинамика порождается развитием. Соответственно, самый глубокий конфликт – самый первый, ранний. С экзистенциальной точки зрения глубоко исследовать – не значит углубляться в прошлое. На глубинном уровне – это значит не на поверхностном, это размышление не о том, каким образом мы стали такими, каковы есть, а о том, что мы есть. Хотя даже в ответе на вопросы смысла жизни, ее конечности, ответственности и др. экзистенциальный подход, как и любой другой, не уникален, не является исключением и не может объяснить все феномены человеческого существования. В экзистенции неизбежно присутствует свобода, а вместе с ней – неопределенность, которую необходимо осознавать.

Существует парадокс: знание теорий личности и закономерностей становления человека позволяет представлять пути, ведущие к полноте бытия или к выбору не-бытия, но не оказывает прямого влияния на качество и насыщенность жизни. Разрешение экзистенциальных проблем – это всегда опыт, личностный ответ на уникальные ситуации, складывающиеся в жизни конкретного человека. Этот ответ сложно взять, повторить, его необходимо найти, «выстрадать». При этом важно именно эмоциональное проживание жизненного опыта со всеми его светлыми и темными сторонами – самого по себе интеллектуального постижения недостаточно. Для установки, ориентированной на бытие, нужен лич-

ный опыт совладания с пограничными ситуациями.

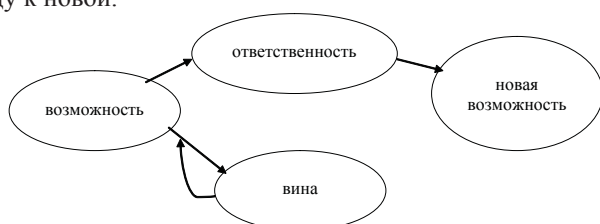
В современном обществе уделяется большое внимание образованию, важность которого определяется ожиданием, что можно получить достаточный объем знаний, чтобы знать, как жить, зачем, как строить отношения, обогащающие и наполняющие смыслом индивидуальное бытие, как справляться с «экзистенциальными данностями».

Но несмотря на обилие образования и сколько бы ни было лет человеку, никто не знает достаточно, чтобы уметь ответить на самые значимые и самые сложные вопросы: как сохранять свою индивидуальность и одновременно быть вместе с другими людьми, как переживать экзистенциальное одиночество, как справляться с чувством вины, как разрешать дилемму, состоящую в том, что самые сильные позитивные изменения в человеке происходят под влиянием любви к другому человеку, но и самые глубокие эмоциональные раны всегда имеют своим источником межличностные отношения.

То, как мы справляемся с неполнотой нашего знания, является ключевым для нашего ощущения полноты жизни. Если человек скрывает от себя, в первую очередь, как много он не знает и притворяется, что имеет разумные и осознаваемые основания для всех своих поступков, решений и действий, тогда он должен отрицать значительную часть реальности и восприятия себя и мира, в котором живет. Тем самым значительно снижается его жизненная сила.

Так, например, в той или иной степени, каждый человек стремится избежать полноты ответственности за свои желания, действия, жизнь. Эта потребность приписывать ответственность за происходящее объективным обстоятельствам связана с тем, что ответственность связана с виной. Эти два понятия близки, но не на уровне причинно-следственных связей. Их взаимоотношения сложнее. Самая близкая аналогия – это противоположные полюса возможности оказывать активное влияние на собственную жизнь. Вина – это «застревание» в негативной ситуации, самобичевание без стремления к изменению. Цель вины – нахождение виноватого и его наказание. Ответственность – это сосредоточение на преобразовании ситуации в более желательном направлении, это деятельность, направленная вперед, стремление изменять и изменяться, чтобы добиваться лучших результатов.

Таким образом, до принятия решения перед человеком встает возможность, которая, в зависимости от выбора и степени зрелости личности, преобразуется в вину или ответственность. Как видно на схеме, «виновность» превращается в замкнутый круг: она не может вернуть прежнюю возможность и препятствует переходу к новой.

В данном случае возможность можно конкретизировать как возможность реализации смысла жизни, возможность бытия в противовес небытию, возможность реализации собственных ценностей, потребностей, в отличие от стереотипных или конформистских действий.

При принятии решения человек редко дает себе отчет – идет ли он в сторону вины или ответственности. Ясным этот вектор становится после совершения действия. В данном случае нельзя бывшее сделать не бывшим [5].

Человек, сосредотачиваясь на вине, теряет контакт с Я-бытием. Даже если человек выбирает внешне правильное решение, он может двигаться в сторону вины, уходя в противоположном направлении от реализации личного смысла данной жизненной ситуации. Постоянная озабоченность виной ослабляет психическую энергию настолько, что человеку не хватает сил на ответственность.

Признавая ответственность, человек утверждает, что играет важную роль в собственной жизни, то есть существует полнокровно. «Если я хочу быть настоящим живым, я должен принять закон о том, что я всегда отвечаю за то, что делаю» [2, С. 120]. Если человек пытается избежать ответственности, это приводит к бессилию и гневу. Можно использовать правила, законы, традиции, мнения других людей, что поможет ориентироваться при принятии решения, но выбор делает сам человек. Если он уклоняется от этой ответственности, то тем самым теряет чувство собственной идентичности и доступ к внутреннему чувству полноты бытия, подлинного переживания собственной жизни.

Однако это принятие авторства собственной жизни только в том случае оказывает существенное влияние на полноту проживания, если осуществляется не только интеллектуально, но и на эмоционально-чувственном и ценностном уровне.

Таким образом, экзистенциальные вопросы могут стать источником мудрости и мужества в результате их осознания, нахождения личного ответа, выбора личной ответственности за свою жизнь и «мужества быть» [6] вопреки существующим ограничениям. Эти «сущностные составляющие человеческого существования необходимы для утверждения себя в качестве полноценного и уникального человеческого бытия в модусе абсолютного бытия» [4, С. 148].

Эти же данности существования могут становиться злыми монстрами, основанием для пессимизма, если тревога отчаяния заставляет прятаться и уходить от ответа на основные жизненные вопросы в сторону небытия.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1972.
2. Бьюдженталь Д. Наука быть живым. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
3. Гусев Д.В., Желтикова И.В. Эсхатология и ожидание будущего в мифологическом мышлении. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» 2010; 1: 62-69.
4. Кононова Е.С. Смысл отчаяния. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» 2010; 3, ч.1: 142 - 148.
5. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993.
6. Тиллих П. Мужество быть. М.: Модерн, 2011.
7. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Римис, 2008.

References

1. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. Moscow: Fiction, 1972.
2. Bugental James. Science is to be alive. Moscow: Class, 2012.
3. Gusev D. V., Zheltikova I. V. Eschatology and the expectation of the future in the mythological thinking. Scientific notes of Orel State University. Series of "Humanities and social sciences" 2010; 1: 62-69.
4. Kononova E. S. The sense of despair. Scientific notes of Orel State University. Series of "Humanities and social sciences" 2010; 3, part 1: 142 - 148.
5. Kierkegaard S. Fear and Trembling. Moscow: Republika, 1993.
6. Tillich Paul. The courage to be. Moscow: Modern, 2011.
7. Yalom I. Existential psychotherapy. Moscow: Rimis, 2008.

УДК 303.832.33

UDC 303.832.33

И.В. ЖЕЛТИКОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета
E-mail: in_g@orel.ru

I.V. ZHELTIKOVA

Candidate of philosophical sciences, associate professor of the department 'Philosophy and culturology', Orel State University
E-mail: in_g@orel.ru

ОБРАЗ БУДУЩЕГО КАК ОБРАЗ

THE IMAGE OF THE FUTURE AS AN IMAGE

В статье анализируется понятие «образ будущего» и его значение для социально-философского исследования. Особое внимание уделяется образному характеру представлений о будущем. Автор сопоставляет свой подход к пониманию природы образа будущего с подходом голландского исследователя Ф.Полака. Автор статьи соглашается с Полаком в том, что образ будущего должен быть понят в первую очередь как образ, однако этот образ определяется как продукт коллективного сознания, а не произведение индивидуальных творцов, как это представляется Полаку. В статье делается вывод о том, что образы будущего запечатлевают возможности, которые есть у конкретного общества на определенный момент времени.

Ключевые слова: образ; образ будущего; Фред Полак; будущее; представления о будущем; социальные ожидания; социальная теория; социальное прогнозирование.

The article analyzes the concept of «the image of the future» and its implications for social and philosophical inquiry. A particular attention is paid to imaginative character of the representations of the future. The author compares her understanding of the essence of the image of the future with the approach of F.Polak, a Dutch researcher. The author agrees with Polak that the image of the future must be firstly understood as an image. However, this image should be defined as the product of collective consciousness, while Polak sees it as the product of individual creators. The author comes to the conclusion that the images of the future imprint the possibilities which a particular society has at a particular period of time.

Keywords: the image; the image of the future; Fred Polak; the future; vision of the future; social expectations; the social sciences; social forecasting.

Будущее – это крайне многозначное понятие. Можно говорить о будущем как о событиях на определенном временном отрезке, следующим за настоящим моментом времени, в этом случае будущее – это то, что еще только произойдет. Можно говорить о будущем как об одном из возможных вариантов развития событий, в этом случае будущее – это то, что может быть. Существует невероятно богатая градация временной удаленности будущего, от ближайшего момента времени, который наступит и пройдет быстрее, чем мы прочитаем эти слова, до предельно отдаленного будущего – смерти нашего Солнца или коллапса Вселенной. Однако в каком бы значении ни употреблялось понятие «будущее», в нем присутствуют указания, во-первых, на событийность, то есть, будущее – это *явления*, которые будут иметь место когда-то, и, во-вторых, на антропологичность, так как понятие «будущее» образуется в настоящем для обозначения того, что только *полагается* как возможное. В центре нашего внимания находится именно это полагание или предположение будущего, не то, что ожидает нас объективно, хотим мы этого или не хотим, думаем ли об этих событиях или не догадываемся, а то, что ожидаем мы субъективно, события, на наступление которых мы надеемся, которых опасаемся, которые считаем возможными.

Когда разговор заходит о свободных фантазиях по поводу будущего, о воображении желательных и нежелательных перспектив, проектах и прожектах, эмоциональных переживаниях, страхах и надеждах, мы обозначаем эти представления как «образ будущего», хотя в принципе можно было бы назвать их картиной или моделью будущего. Случайно ли это название? Правильен ли наш выбор термина?

Возможно, для обозначения представлений о будущем лучше подошло бы слово «картина» – картина будущего? Представления о будущем подобны воображаемой картине, в которой схвачены и запечатлены в своей целостности ожидания. Зарисовки из жизни будущего могут изобиловать деталями, в них будут прорисовываться подробности и нюансы ожидаемой жизни. В то же время картина будущего может изображать будущее лишь несколькими чертами, являя собой набросок или эскиз. В любом случае видение, о котором мы говорим, обладает законченным характером и в этом действительно подобно картине. Такие картины в изображении одних авторов реалистичны, у других – фантастичны или абстрактны, но все они непременно передают целостный облик. Нас интересуют такие представления о будущем, которые не касаются отдельного параметра будущей жизни, но передают совокупность ее черт, как бы демонстрируя созерцание самого будущего, так что «картина будущего» – вполне подходящий термин.

С другой стороны, уместным может оказаться и слово «модель» в словосочетании «модель будущего». В этом варианте подчеркивается, что воображение будущего носит умозрительный характер, т.е. достаточно произвольно по отношению к реальности. Термин «модель» хорошо акцентирует искусственный характер

представлений о будущем. Модель будущего, как любая мыслительная модель, не есть отражение некоего объекта во всей его сложности и многообразии, а есть упрощенное представление этого объекта, есть попытка его интеллектуального освоения. В модели будущего мы имеем дело с мыслительным аналогом социальной реальности, ассоциированным с будущим. Вместе с тем, своеобразный нюанс значения «модель» ставит ненужные нам акценты. Модель – это в любом случае целенаправленно созданная конструкция, нам же важно подчеркнуть то, что ожидания будущего носят спонтанный характер.

В определенной степени привлекательным представляется и слово «контур» – контур будущего. Контур в значении передачи внешних очертаний объекта по отношению к воображению будущего указывает на ключевые моменты будущего. Ожидания, связанные с будущим, как правило, касаются именно решающих моментов предполагаемой жизни, обозначают значимые вехи пути в будущее. Однако словосочетание «контур будущего» как набросок основных тенденций будущего развития оказалось бы несколько уже полагемого значения.

Нам представляется, что выбор все же следует остановить на слове «образ» – образ будущего, его значения наиболее полно отражают те смыслы, которые подразумеваются при обращении к ожиданиям, связанным с будущим. Слово «образ», насчитывая до шести значений, в первую очередь отсылает к внешнему виду какого-либо объекта. Образ – это и внешний вид реального объекта, который можно воспринять, и изображение этого реального объекта, передающее его основные черты, и сами эти черты, делающие объект узнаваемым, отличным от множества других. Слово «образ» указывает на внешние стороны предмета или процесса, несущие о нем информацию; и для нас важно, что «образ» показывает, демонстрирует себя. Говоря об «образе будущего» мы как раз хотим указать на такую демонстративность в представлениях о том, что всех нас ожидает.

Будущее, которого нет в наличии, не может быть отражено или зафиксировано, но оно, вне всякого сомнения, воображаемо, причем воображаемо в нескольких вариантах. Такие варианты видения будущего как бы демонстрируют его возможные очертания. Образ будущего репрезентирует еще не наступившие, но возможные процессы, экспонирует их с различной степенью наглядности. В нем находит закрепление предвидение будущего, как в образе прошлого находит отражение память о прошлом.

Момент наглядности существенен для разговора о будущем. Образ будущего в значительной степени складывается из чувственных образов, которые не есть фиксирование наличествующего бытия, а являют собой запечатление того общего, что имплицитно присутствует в реальности, еще не оформившись. При этом важно, что хотя «образ» нагляден, он не обязательно визуален, его можно представить, и представить не только зрительно. Образ будущего лишь в незначительной степени оче-виден. Как правило, это вербальный образ

– тексты, описывающие будущее, встречаются на поря-
док чаще, нежели живописные полотна. Немаловажной
составляющей этого образа выступает эмоциональная
компонента. Ожидания будущего нередко аффективны,
и его образы окрашены чувством страха или надежды,
тревоги или отчаяния. Именно поэтому нам представ-
ляется уместным, говоря о будущем, использовать сло-
во «образ», а не «картина».

Можно сказать, что в значительной степени сло-
восочетание «образ будущего» утвердилось благода-
ря тем значениям, которые включает слово «образ». Неслучайно в немногочисленных исследованиях пред-
ставлений о будущем, имеющих аналогичный нашему
подход к объекту, комплексные коллективные картины
будущего достаточно устойчиво определяются именно
как «образ будущего». Наиболее известным в этом пла-
не является англоязычный перевод работы голландско-
го ученого Ф.Полака «Будущее истории» (*De toekomst is
verleden tijd*) [7], озаглавленный как «Образ будущего»
(*The Image of the Future*) [2]. «The image of the future» –
это английский эквивалент голландского словосочета-
ния «toekomst beelden», используемого Полаком для
обозначения такого предвосхищения будущего, кото-
рое образуется в настоящем от столкновения прошло-
го и будущего, это предвосхищение – своеобразный
резонанс, отголосок того, что уже прошло, и того, что
только наступит, оформившийся как образ [2, p.20]. В
свою очередь, сам Полак не претендует на первенство
в использовании данного понятия, по крайней мере, в
восьмой главе своей книги он ссылается на тематиче-
ски близкое и более раннее исследование В.Я. Алдерса
«Образы будущего пяти столетий» [5], в котором так-
же фигурирует образ как обозначение футуристических
ожиданий. Упомянутые произведения практически не
известны русскоязычному читателю, возможно, поэ-
тому в отечественном научном и публицистическом
дискурсе закрепилось несколько иное использование
словосочетания «образ будущего», в значении проекта
или перспективной модели, требующей реализации в
будущем¹. Использование словосочетания «образ бу-
дущего» для обозначения проекта дальнейшего развития
страны, как это делается в программах политических и
гражданских объединений, представляется нам неце-
лесообразным, во всяком случае, слово «образ» здесь
утрачивает свои специфические значения и вполне мо-
жет быть заменено словом «проект» или «модель».

Мы настаиваем, что для образа будущего как от-
носительно целостной картины будущего, которая вы-
рабатывается в определенное время в определенном
социуме и является одним из элементов социальной
реальности, существенным моментом является его об-
разность. «Образ», имеется ли в виду внешний вид или
изображение чего-либо, – это всегда совокупность ха-
рактерных черт, целостность, а не набор случайных
штрихов. Представление об объекте формируется бла-

годаря образу именно потому, что сам образ завершен,
несет в себе достаточную для этого информацию. И мы,
говоря о будущем, имеем в виду целостную его картину,
не прогнозы в отдельных областях развития, не проек-
ты каких-то преобразований, а панораму будущего.

Одно из феноменальных оснований образа буду-
щего образует его убедительность. Наиболее отчетливо
эта черта проявляется, когда речь заходит о «художе-
ственном образе». Любой художественный образ мож-
но считать состоявшимся лишь при доверии к нему у
потенциальных респондентов. Заинтересованность,
сопереживание, эмоциональное отношение к произве-
дению искусства возможно только тогда, когда можно
сказать «верю!» художественному образу, лежащему в
его основе. Даже реалистический художественный об-
раз является результатом творческого воображения и
обобщения в большей степени, нежели наблюдения и
прямого отражения, и вместе с тем, ценность любого
образа не в документальности или фантастичности, а
в правдоподобию. Художественный образ должен убеж-
дать зрителя, читателя, слушателя в своей действитель-
ности, бытийственности, жизненности.

Убедительность образа в разговоре об образе бу-
дущего означает, что транслируемая им картина вы-
зывает доверие у современников. Это доверие к образу
будущего не обязательно выражается в принятии ре-
презентируемой им перспективы. По отношению к
конкретному образу будущего только какая-то часть об-
щества будет готова признать в нем собственное виде-
ние будущего, но убедительность образа означает, что
и для оставшейся части современников картины, пере-
даваемые этим образом, будут узнаваемы, не прини-
маемы, отторгаемы, но знакомы. «Да, так может быть»
– вот реакция на образ будущего, означающая его убе-
дительность, и только при ее наличии можно говорить,
что некая совокупность представлений складывается в
образ будущего.

Хороший пример убедительности образа мож-
но встретить в рассказе Е.В. Петровской о проекте
Иофана. В конце 40-х гг. XX века на месте разрушен-
ного Храма Христа Спасителя планировалось постро-
ить Дворец Советов, в качестве окончательного проекта
был утвержден вариант Б.М. Иофана. «Следует иметь
в виду, – пишет Петровская, – что Дворец Советов в
версии Иофана – это многоэтажное здание, увенчан-
ное огромным памятником Ленину. Здание настолько
грандиозно, что высказывались опасения, что в облач-
ные дни статуи вообще не будет видно. Так вот, когда
этот проект был утвержден, на него отреагировал и не-
кий железнодорожный диспетчер. В своем письме в га-
зету «Правда» он подробно описал свой собственный
проект – здание с пятиконечной звездой в основании,
самый верх которого оформлен группой людей, дер-
жащих на своих плечах глобус, увенчанный фигурой
Ленина. Вы понимаете, что сходства между этими про-
ектами мало, если вообще допустимо о нем говорить.
Однако письмо заканчивалось следующими словами:
«Когда я взглянул на этот рисунок [версию Иофана], то
подумал, что осуществлен мой проект»... Между двумя

¹ См. напр. Хазин М. Л. России остро необходим свой «образ
будущего» [Электронный ресурс] // Мультипортал КМ . URL: <http://www.km.ru/node/624481/comments> (дата обращения: 7.03.13); Кара-
Мурза С. Г., Патоков В. В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь
к нему. М.: «Общественный диалог», 2010. 116 с.

проектами пролегал пропаст. Но рабочий узнает свою мечту. Он узнает ее в том, что на уровне изображения не имеет никакого отношения к его фантазиям. Это значит, что есть разделяемое поле ожиданий и что в него уже включены участники этой истории – архитектор и рабочий» [4, с.192-193].

В качестве обратного примера, демонстрирующего отсутствие убедительного образа по отношению к будущему, можно вспомнить судьбу либеральной идеи в России. Начиная с появления на русской почве в XIX веке (а согласно некоторым исследователям, с периода царствования Екатерины II), идея приоритета прав, интересов и свобод каждой личности над целями государства или общества отстаивалась и популяризовалась известнейшими отечественными мыслителями. Г.Р. Державин и Д.А. Гурьев, М.М. Сперанский и В.А. Жуковский, Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин – вот далеко не полный список проводников либеральных идей в среду русского общества. Однако ни один из адептов не смог, или скорее не захотел, предложить убедительный и доходчивый образ воплощения либеральной идеи. «Люди XIX века не довольствуются уже общими фразами и безотчетными верованиями. – Объяснял свое нежелание популяризировать либеральные идеи К.Д. Кавелин, – С неба они сошли на землю; от метафизики они перешли к изучению явлений; от социальных утопий к практическому приложению мысли к жизни...» [3, с. 31]. Соответственно, либеральные ожидания оказывались лишены образа, убедительного для достаточно широкой группы современников. И как следствие, либерализм на русской почве всегда проигрывал не только архетипическим картинам грядущего Царства Божья (как в религиозном, так и атеистическом его варианте), но и маниловским образам строительства Всеславянского или Евразийского Союза, социократии, космического человечества и т.п. В значительной степени неудача либеральной перспективы в российской культуре и политике была обусловлена отсутствием зримого выражения этой идеи. Как писала об этом О.Д. Волкогонова, «либерализм – это принципиально антипопулистская идеология, основанная на индивидуализме. Для него не характерно выдвижение неких конкретных привлекательных моделей, требующих немедленного переустройства общества...» [1, с. 36-37]. Как можно убедиться из этого примера, логическая убедительность и теоретическая привлекательность какого угодно концепта отступает перед отсутствием убедительного образа предлагаемой перспективы.

Образная природа представлений о будущем обратила на себя внимание и Ф.Полака. В своей книге он отдельно останавливается на доступности непосредственному восприятию представлений о будущем. Образ как таковой, а не только образ будущего, является, по Полаку, значимым аспектом человеческого восприятия мира, тем аспектом, который позволяет выстраивать отношения с природой и социальной действительностью. «Образы присутствуют везде: индивидуально и коллективно, приватно и публично, по отношению к себе и другим, в

наших собственных группах и по отношению к чужим группам, – пишет автор. – У нас есть образы нашей нации, расы, профессии, партии, системы веры, а также образы иных рас, профессий, партий и идеологий. Образы формируют и изменяют производителей и потребителей, капиталистов и коммунистов, художников, богему и ученых, предпринимателей и рабочих...» [6, p.12]. Образ, по Полаку, является той исходной формой знания, которая одновременно отображает и объясняет действительность, что оказывается возможным благодаря двойной укорененности образа – в реальности и в воображении. Образ – это то, что одновременно просматривается в действительности, угадывается в отдельных ее чертах и придумывается по ее поводу, постулируется как возможные смыслы. Начальной точкой любого образа, по мнению Полака, выступает образ-восприятие (image-reception). Образ-восприятие возникает как результат соединения наших фантазий и восприятия объективной реальности. При этом в основу общей теории образа, по Полаку, должен быть положен эйдетический образ [6, p.11].

Образ будущего у Полака, – это такой образ, который показывает будущее, соединяя в себе фантазии по поводу того, что может быть и желания какого-то конкретного будущего. Главенствующую роль в создании образа будущего играют творчески одаренные люди. «Образы будущего аристократического происхождения, – пишет Полак, – их авторы принадлежат к творческому меньшинству. Они создаются такими людьми, как Исаия, Сократ, Рембрандт, французские философы, Бергсон, Уэллс» [6, p.13.] Специализация авторов, создающих образы будущего, в каждый временной период и в каждой культуре различна. Это могут быть главным образом мистики, или пророки, или религиозные деятели, это могут быть философы, или ученые, или одаренные публицисты, это бывают люди чистого искусства: поэты, писатели, художники. Но созданные ими образы, в любом случае, будут образами искусства: «Искусство – это преимущественный посредник для передачи образа мира Иного в наш мир: не только живопись, но и драма с чудом дальнейшей игры, и богатые и разнообразные сочетания музыки и танцев, которые развивались на протяжении веков» [6, с.3]. Любой творец картин будущего, по Полаку, – это «в некотором смысле, проектор образов, которые с опережением фиксируют значительную часть истории будущего, но материалы, из которых он создает свои образы, взяты в основном из культурного наследия социума, к которому он сам принадлежит» [6, с.10].

Мы согласны с Полаком в том, что образ будущего можно рассматривать как футуристическую картину, создаваемую конкретным автором. Но полагаем, что следует видеть различие между авторским образом будущего и общекультурными стереотипами отношения к будущему, и в первую очередь это касается вопроса происхождения образов. Когда философ, политик или писатель не просто обозначает отдельные возможные тенденции, но моделирует более или менее целостную перспективу он, несомненно, демонстрирует читателю один из образов будущего. Размышления О.Конта о со-

циократии, а К. Маркса о коммунизме, Вл. Соловьева о теократическом государстве и торжестве абсолютного добра, а И. Канта об утверждении во всемирном масштабе гражданско-правового состояния общества и этической общности всех людей по существу выражают различные варианты позитивных образов будущего. Размышления Ж.Ж. Руссо относительно ухудшения морального состояния общества в связи с прогрессом наук, увеличения социальной несправедливости по мере утверждения института частной собственности; перспективы быстрого истощения природных ресурсов, намеченные в докладе «Римского клуба»; «постчеловеческое будущее», обрисованное в работе Ф. Фукуямы, могут служить примерами конкретных негативных образов будущего. Однако принципиальным нам представляется вопрос о том, придумывается ли конкретный образ будущего определенным автором или автор фиксирует одно из изображений образа будущего, функционирующего в коллективном сознании его времени.

Как видим, Полак придерживается первого подхода и считает образ будущего оформившейся мечтой отдельного человека, который его созданием предвосхищает возможные в будущем события. Неслучайно в своем труде Полак обращается к концепции А. Тойнби: создание образа будущего – это ответ творческого меньшинства на вызов будущего. Оказавшись актуальной для конкретной культуры, эта мечта увлекает за собой современников, вызывает подражание. Творцы образов будущего, по Полаку, – это знаковые фигуры для той или иной эпохи. Например, в десятой главе он рассматривает таких творцов, как Т. Мор, Ф. Бэкон и Т. Кампанелла, и утверждает исходную раздвоенность их личностей, саму основу которой составляют колебания между средневековыми и модерными мировоззренческими установками. По Полаку, в этих фигурах персонифицируется дух Просвещения, а созданные ими образы будущего задают три различных вектора дальнейшему историческому развитию [6, с. 90-96]. Соответственно образ будущего, в понимании автора, не может не нести на себе отпечаток исторической эпохи и личной судьбы, но решающее значение в нем принадлежит все же индивидуальности автора.

Мы придерживаемся другой точки зрения на происхождение образов будущего, поскольку уверены в том, что совпадение в обрисовке перспектив у политиков и писателей, философов и поэтов, ученых и художников конкретного времени не носит случайного характера. Например, одним из самых значимых образов будущего России рубежа XIX-XX веков был образ нового социального порядка. Его картины запечатлены в литературе (А.И. Куприн, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, А.А. Богданов), деловой и официальной переписке (С.Ю. Витте, П.Д. Святополк-Мирский, В.Н. Коковцев, П.А. Столыпин), публицистике (В.П. Воронцов, А.В. Пешехонов, П.А. Кропоткин, Я. Новомирский, Л. Черный), философских текстах (Л.Н. Толстой, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк), политических программах. Образ будущего, связанный с эво-

люцией государственного устройства в направлении конституализации правления, введение принципа выборности в институты государственного управления, изменение форм земельной собственности, утверждение свободы слова, печати, собраний, изменение в сфере судопроизводства, не является плодом творчества конкретного автора, он возникает из общности предчувствий, совпадений настроений, единства отношения к будущему. Это не авторский, а коллективный образ будущего.

Говоря о коллективном образе, мы связываем его возникновение с работой «общественного» (К. Маркс) или «коллективного сознания» (Э. Дюркгейм) как общего для определенной культуры смыслового поля. Коллективное сознание, в интерпретации Дюркгейма, «не имеет в качестве субстрата единственный орган; оно, по определению, рассеяно во всем пространстве общества. Но, тем не менее, оно имеет специфические черты, создающие из него особую реальность. Действительно, оно независимо от частных условий, в которых находятся индивиды; они проходят, а оно остается... оно нечто совершенно иное, чем частные сознания, хотя осуществляется только в индивидах» [2, с. 87-88]. Соответственно, коллективный образ – это образ, общий для данного социума, который воспринимается конкретными его членами, но не формируется кем-то из них персонально. Коллективный образ будущего, с нашей точки зрения, является медианой социальных ожиданий определенной группы в тот или иной период времени.

Мы полагаем, что «образ будущего» относится к таким образам, существование которых располагается не непосредственно *в*, а *между* конкретными носителями. Целый ряд презентаций такого образа, изображений разнотипных и разножанровых, запечатлевают его, вдохновляются им, но ни одно из них, взятое в отдельности, не передает образ во всей его полноте. Пояснить специфику существования образа будущего нам поможет понятие «подразумеваемый референт», которое вводит Е.В. Петровская в книге «Теория образа». Размышляя о природе образа как такового, она замечает, что за большинством привлекательных изображений стоит подразумеваемый референт. Он, образ, может быть запечатлен в тех или иных изображениях, которые будут не столько презентировать коллективный образ, сколько отсылать к нему. Например, Петровская полагает, что условием бытования фотографического изображения является присутствие в нем узнаваемого изображаемого – образа, близкого смотрящему как воспоминание или фантазия. Автор книги подробно рассматривает этот эффект на примере фотографической серии Синди Шерман «Кадры из фильмов без названия», которая в конце 70-х гг. прошлого века привлекала внимание широкой публики исключительно благодаря узнаваемости образов, представленных на фотографиях. Петровская полагает, что многочисленные зрители этой выставки «как общность, узнавали себя в фантазиях, которые им не принадлежат – не принадлежат каждому в отдельности, зато принадлежат всем вместе уже как коллективу» [4, с. 190], именно эффект единения че-

рез признание своим некого образа и вызывал интерес посетителей выставки.

Фактически «подразумеваемый референт» указывает на природу коллективных образов, в основе которых лежат «аффективно окрашенные фантазии». Такие образы не могут быть запечатлены в отдельных изображениях, изображения служат способом их проявления, фиксации [7, с.193]. Коллективный образ как бы проступает сквозь свои конкретные изображения. Образ будущего имеет в своей основе именно такой узнаваемый, но не конкретный образ. Он отсылает нас к социальным ожиданиям, присутствующим на уровне предчувствий, намеков, предугадываний, неясных ощущений. Складываясь воедино, фрагменты социальных ожиданий находят отражение в образе будущего конкретного автора, который функционирует как ссылка – выводит на коллективный образ будущего.

Таким образом, при согласии в вопросе важности для образа будущего его образной составляющей мы хотим указать на два существенных расхождения, обнаруживающихся в нашем и полаковском понимании образов будущего. Во-первых, Полак полагает, что в конкретный момент времени в культуре доминирует кокой-то один образ будущего. Его состояние свидетельствует о степени жизнеспособности общества. Нездоровый, негативный образ будущего является показателем болезненности культуры и свидетельствует о ее скором закате. «Любой изучающий взлеты и падения культуры, – пишет Полак, – не может не заметить роль, которую играют образы будущего в этой исторической преемственности. Взлеты и падения образов будущего предшествуют или сопровождают взлеты и падения культуры. Пока образ будущего процветает в обществе и является положительным, цветок культуры находится в полном расцвете. После того как образ начинает разрушаться и теряет свою жизнеспособность, недолго живет и культура» [6, р.19]. Другими словами, образ будущего, по Полаку, – это вектор культурного движения,

проект дальнейшего развития, он представляет реальное будущее в настоящем.

Мы считаем, что образы будущего принципиально множественны – в определенный временной период в культуре присутствует не один, а целый ряд альтернативных взглядов на будущее. Конкретный набор образов не столько представляет будущее в настоящем, сколько обнаруживает потенциальные возможности настоящего. Можно сказать, что любое настоящее мысленно продолжается во множестве образов будущего, каждый из которых запечатлевает одно из вероятных состояний социума. Возможность всегда богаче действительности, и будущее обнаруживает множество альтернатив, которые и закрепляются в образах будущего.

Наше второе расхождение с Полаком обнаруживается в вопросе происхождения образов будущего. Полак считает, что образы формируются творческим меньшинством, т.е. носят авторский характер. Выше мы показали, что видим в образах будущего продукты коллективного, а не индивидуального творчества, из этого вытекает иное понимание их природы – они не проекты будущего, они предчувствия возможных направлений развития. Поэтому образный характер представлений о будущем, в нашем понимании, означает фиксирование общественным сознанием тенденций, пока еще не доступных рациональному осмыслению. Не являясь рациональным построением, образ будущего запечатлевает социальные ожидания путем моментального «схватывания» существенных параметров будущего. Он передает общую интенцию отношения к нему не через рефлексию отдельных сторон грядущей жизни, а через изображение самой идеи будущего, показывания его. В этом, по нашему мнению, ценность образов будущего – они показывают нам, какие возможности были у конкретного социума в тот или иной период, и соответственно, по отношению к настоящему, позволяют оценить то, какие возможности у него есть.

Библиографический список

1. Волкогонова О.Д. Либерализм и консерватизм в России: мегаполитические размышления // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2001. № 5. С. 28-41.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. /Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н. Письмо к издателю // Либерализм в России / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: В. Ф. Пустарнаков, И. Ф. Худушина. М.: ИФ РАН, 1996. 448 с.
4. Петровская Е.В. Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 281 с.
5. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J. B. Wolters, 1939. 234 p.
6. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York, 1973. 320 p.
7. Polak F.L. De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. 335 blz. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. 336 blz. - W.J. de Haan, Utrecht, 1955.

References

1. Volkogonova O.D. Liberalism and Conservatism in Russian: the mega political reflections. Bulletin of Moscow University. Series: Philosophy, no. 5 (2001): 28-41.
2. Durkheim D. The Division of Labour in Society. Moscow, 1996. 432 p.
3. Kavelin K.D., Chicherin B.N. The letter to the editor publisher / Liberalism in Russian. Moscow, 1996. 448 p.
4. Petrovskaja E.V. The theory of the image. Moscow, 2012. 281 p.
5. Aalders W.J. Toekomstbeelden van vijf eeuwen. Groningen: J. B. Wolters, 1939. 234 p.
6. Polak F. The Image of the Future. Elsevier Scientific Publishing Company Amsterdam, London, New York, 1973. 320 p.
7. Polak F.L. De toekomst is verleden tijd. cultuur-futuristische verkenningen. Deel I. Het beloofde land. oerbron van opbloeiende beschaving. 335 blz. Deel II. De toekomstbeeldenstorm. verblinde afbraak der cultuur. 336 blz. - W.J. de Haan, Utrecht, 1955.

УДК 172.3

UDC 172.3

В.В. КИМ

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета
E-mail: vkv-victory@mail.ru

V.V. KIM

candidate of philosophical sciences, associate professor of philosophy, Amur humanitarian and pedagogical state university
E-mail: vkv-victory@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ И ФАНАТИЗМ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

EDUCATION AND FANATICISM: POINT OF CONTACT

В статье рассматривается проблема соотношения образования и фанатизма в обществе; исследуется связь между низким уровнем образования и ростом фанатизма. Обращается внимание на современную социальную ситуацию, в которой, несмотря на рост количества образованных людей, продолжает продуцироваться фанатизм и экстремизм. В работе делается вывод о возможных путях профилактики фанатизма.

Ключевые слова: фанатизм, профилактика фанатизма, образование, массовое общество, толерантность.

This article describes the problem of relation of education and fanaticism in the society; the link between low educational level and growth of fanaticism is investigated. Attention is paid to the modern social situation in which, despite the increase in the number of educated people, fanaticism and extremism continues to produce. This paper concludes on the possible ways to prevent fanaticism.

Keywords: fanaticism, prevention of fanaticism, education, a mass society, tolerance.

Одним из известных элементов социальной мозаики является фанатизм, который оказывает воздействие на многочисленные социальные действия (экстремизм, терроризм и др.). С фанатизмом человечество сталкивалось на протяжении многих веков, принося жертвы во имя торжества веры, идеи, государства. Однако и в начале XXI в. данный социальный феномен не стал преданием глубокой старины, а по-прежнему функционирует и воспроизводится в обществе. Утопические надежды европейских просветителей на торжество разума в ближайшем будущем для человечества пока не оправдались, в связи с чем актуальной является постановка вопроса, связывающая изменение (рост или снижение) фанатизма с уровнем образования в обществе.

Фанатизм как предмет исследования присутствует в социальных и психологических науках, связано это с двойственной природой данного социального феномена, существующего как феномен сознания, актуализирующийся в обществе. Поэтому закономерен интерес к фанатизму и со стороны философии, психологии и психиатрии, и юриспруденции. Еще больший научный интерес к фанатизму испытывает религиоведение, ведь в первую очередь фанатизм соединяется в сознании как обывателя, так и исследователя, с религией и верой, деятельностью ортодоксальных и неортодоксальных религиозных движений и организаций.

В истории европейских государств и России фанатизм связан не только с вопросами религии и веры, но и права. Институт инквизиции в Европе был учрежден не только как отстаивающий интересы римско-католической Церкви, но и рассматривающий преступления, в основе которых лежал фанатизм

еретиков – отступников от истинной веры (одними из первых к церковному суду были привлечены катары). В начале XIV в. самым известным инквизитором был Бернард Ги, который осудил за ересь 636 человек, 40 из них были сожжены на костре [1]. При этом в Европе, по мнению исследователей, случаев проявления фанатизма было значительно меньше, чем в России, это обусловлено большей рациональностью западного человека (данная точка зрения считается общепризнанной в социогуманитарном знании), в обычных ситуациях не поддающихся истерическому влиянию фанатиков. Однако первые известные факты фанатического исступления дошли до нас из истории европейских государств.

Само слово «фанатик» происходит от латинского *Fanum* – храм, жертвенник, фанатик означает «посвященный» [14, с. 4]. В древности фанатиками называли жрецов фригийской богини Кибелы, культ которой был перенесен из Малой Азии в Рим. В дни празднеств этой богини жрецы устраивали шествия по улицам Рима, во время которых приходили в экстаз и били себя плетью, наносили ножевые раны. Об этом же культе писали и другие авторы: «Вдохновенные предсказатели в Риме, интерпретирующие предзнаменования, были названы фанатиками, как называли священников восточного тайного культа богине Ма Bellone, которые в насаждаемом бреду били себя саблями и топорами, что приводило к большим потерям крови. ... Культ Bellone, посвященный в тоже время Cybele (Сибиле или Кибеле), матери богов, был одновременно культом войны и родной земли (fatherland)... Они (жрецы и почитатели культа. – В.К.) получали вдохновение из другого мира с фана-

тической экспрессивностью, подобно сумасшедшим, в восторженном и иногда сильном исступлении...» [15, с. 17; об этимологии понятия фанатизм подробнее: 3, с. 13-22]. Затем в Средневековье и Возрождение процветает «охота на ведьм», борьба католической церкви с сектами и ересями, что также свидетельствует о всплеске религиозного фанатизма в Европе. Известным фактом является деятельность секты конвульсионеров в XVIII в., «члены которой подвергали себя ужасным истязаниям, думая, что они поступают по примеру Спасителя, который обрек себя на жертву и мучения ради спасения человечества» [5, с. 6].

В России государство обратило особое внимание на религиозный фанатизм в связи с церковной реформой Никона во времена царствования отца Петра I Алексея Михайловича. Количество жертв преступлений, совершенных на религиозной почве, достигало в разные годы до нескольких тысяч, что вызвало закономерный интерес юристов и психиатров. Однако жертвами фанатиков становились не только в результате совершенных преступлений, но и в итоге совершения актов самоубийств. Самоубийство рассматривалось как «огненное крещение» сторонников старой церкви, первый случай был зафиксирован в 1672 г., в 1679 г. поп Дометий организовал самоубийство сразу 1700 человек в Тюмени. В 1687 г. в Палеостровском монастыре на Онежском озере добровольно приняли мученическую смерть 2700 человек, в следующем году – 1500 человек [6, с. 276-277]. Так, по данным А.Н. Пыпина, «в период с 1687 по 1772 год было 45 случаев саможигания, причем погибло 10102 человека», а по данным Д.И. Сапожникова было зафиксировано 117 случаев [5, с. 20].

В конце XIX – начале XX вв. были опубликованы работы в Российской империи и государствах Западной Европы, в которых был предпринят анализ преступлений на почве религии, суеверий и т.п. [7; 8; 9; 10; 12; 16; 17, 18 и др.]. В этом далеко не полном перечне перечисляются преступления, основным мотивом которых является фанатизм, авторы пытаются найти общие причины столь распространенного феномена, разграничивая его социальные и психиатрические составляющие. Описания убийств и самоубийств, нанесение телесных повреждений, истерии и многое другое говорят о возможном психическом нездоровье преступников и их жертв. Многие факты преступлений стали предметом исследования психиатров, т.к. очень сложно определить не специалисту, да и ему тоже, что явилось основным мотивом, насколько сознательно совершалось действие, которое квалифицировалось как преступление следственными органами. Вот что писали в конце XIX в.: «Деяния фанатиков настолько ужасны, мотив которых вызвал целое кровопролитие, обыкновенно настолько несообразен, что суд по многим делам будет вынужден потребовать заключение врачей – экспертов относительно состояния умственных способностей обвиняемых» [5, с. 86].

Основной причиной преступлений, совершенных на почве фанатизма, истерии, изуверства, называют в XIX в. недостаток просвещения. И пред-

ставители европейских народов, и российские жители были подвержены всплескам фанатизма, по мнению исследователей, именно в силу того, что в сложных социально-экономических условиях вплоть до начала XX в. количество образованных людей было удручающе низким. Самыми частыми характеристиками крестьян и горожан называли набожность, склонность к мистицизму, суевериям и вере в приметы, они являются наиболее благодатной средой для формирования фанатизма. В социально-экономических и политических обстоятельствах прошлого, вспышках эпидемий и многочисленных войнах одним из основных ощущений общества является атмосфера страха, в которой необразованный человек легко подвергается влиянию экзальтированного безумца и совершает фанатические поступки, часто не осознавая свои действия. В итоге первым шагом на пути избавления от фанатизма считалось повышение образованности масс. Просветительская работа рассматривалась практически как панацея от истерических безумств отдельных индивидов и толпы. В условиях России это означало призыв к повсеместному распространению народных школ, обучение грамотности, знакомство с текстом Библии, не допускающее экстремистских (еретических, сектантских) трактовок. На смену невежеству должно было прийти образованное общество, не поддающееся стихийным порывам эмоций, чреватых совершением преступлений на почве религиозного изуверства. И можно констатировать, что в XX в. просветительская задача была практически решена силами общества и государства на территории стран Европы и Северной Америки, в России (абсолютное большинство граждан имеют среднее образование, а многие и высшее); однако, несмотря на достижения в сфере образования, несмотря на то, что XX век называли веком научно-технической революции и прогресса, социальные противоречия не исчезли, они остаются частью реальности нашего мира.

Сегодня, по мнению многих, мы не встретим проявления таких варварских преступлений, основанных на фанатизме, как в прошлом, например, самоубийство людей стало редким случаем, но все же и оно случается как проявление социального отчаяния и как способ социально-политического воздействия на власть. Масштабы социальных действий в настоящее время иные, благодаря СМИ мы больше знаем об актах экстремизма и терроризма, нежели чем о единичных преступлениях, связанных с фанатизмом и суеверием. Таким образом, социальные и политические противоречия современного мира являются источником современных конфликтов, они и определили «новые формы их проявления», по мнению Д.Л. Рыжкова, выходящие за пределы национальных государств, которые во многом могут быть «реализованы в формах межнационального, межрелигиозного и расового противостояния. Свидетельством этого могут служить нарастающие темпы терроризма на религиозной почве и антиглобализма» [11, с. 252].

Характеристиками современного общества чаще всего называют демократичность, плюралистичность

и свободу, но наряду с этими социальными явлениями имеет место быть и распространение суеверия, страхов и фобий, мистичности, оккультизма и эзотеричности. В мире есть и экстремальные и экстремистские действия, что зачастую выражается в радикализме, фундаментализме и терроризме, причем они развертываются не только в области этнического, политического, религиозного, но и в сфере обыденного бытового взаимодействия.

Несмотря на возросший уровень образования масс, по-прежнему процветают мистические и суеверные представления, астрология, нумерология и другие паранаучные области знания. Рационально мыслящий субъект современного мира не отрицает мифологическое, религиозное, оккультное и иное знание, погружаясь в жизнь сектантских организаций, не отделяя одно от другого, смешивая мистику, науку и религию в особый «коктейль», в котором находит или формулирует свой собственный вариант спасения. С чем же это связано? Чем вызвано сегодня явление, получившее название «религиозный ренессанс»? Почему в «просвещенный век» человек по-прежнему склонен к аффективным проявлениям своей индивидуальности, к экзальтации, к изуверству и суевериям? Почему современный человек становится фанатиком? Эти вопросы особенно актуальны сегодня в ситуации возрастания глобальных социальных угроз, носящих транснациональный характер.

Первый вопрос, который ждет ответа: связаны ли фанатичные проявления с уровнем образования личности? На этот вопрос нельзя ответить однозначно, ведь если мы проводим прямую параллель между фанатизмом и образованием, то возрастание уровня образования в обществе должно приводить к снижению фанатичности этого общества, в современной реальности этот результат не был достигнут. Социологизаторский подход не является выходом, ведь образование как социальный институт и процесс взаимодействия учителей и обучаемых пока не дал практического эффекта в профилактике фанатизма. Некоторые систематические знания получали люди и до начала XX в., но в основном обучение сводилось к заучиванию готовых истин, абсолютное большинство, получавшее несколько классов образования, приобретало навыки чтения, письма, счета, знакомились с основами религиозных знаний. Полученное образование служило базой для развития личности, но только здравый смысл и житейский опыт удерживал индивида от фанатизма, поскольку целью начального образования являлось формирование навыков, без которых невозможно было существовать на определенном уровне развития общества, школа не стремилась к тому, чтобы научить учащихся мыслить, она была узкоутилитарной. Такая школа не гарантировала избавление от фанатизма.

В настоящее время абсолютное большинство людей на планете получают систематическое образование. По качеству получаемого высшего образования лидируют США, Швеция, Канада, Финляндия и Дания (по исследованиям 2012 г., проведенными канадскими учеными) [2]. Состояние системы образования в некоторых стра-

нах можно охарактеризовать как кризисное, связано это со снижением уровня требований к системе образования, с современными образовательными реформами (модернизация в РФ, Болонский процесс в Евросоюзе). На образование оказывают влияние и современные глобальные миграционные процессы, чреватые не только размыванием традиционного образования (например, ценностей западноевропейского и российского образования). Усиливается давление на образование экономических факторов (в частности, последствий мировых экономических кризисов, вынуждающих государства идти на вынужденное сокращение бюджетных расходов в сфере образования). Увеличение миграции приводит к снижению общего образовательного уровня в разных странах, усилению коммерциализации образования, а как следствие, к снижению качества образования, переход к получению дипломов и сертификатов, а не образования. Так, скандально известной стала книга немецкого политика Т. Саррацина о негативных изменениях в немецкой культуре и обществе, связанных с миграционным давлением в государстве [13]. В этой связи становится ясным, что общий образовательный и культурный уровень масс остался сравнительно невысоким, а значит, в сознании таких граждан вполне есть место и для фанатизма.

К тому же современное массовое общество, функционирующее на основе коммерческих отношений и деятельности СМИ (а значит, основным видом деятельности для него представляется извлечение возможно большей прибыли, а не просвещение масс), формирует массового человека с сериальным мышлением. Примером здесь может послужить проведенная недавно реформа в РФ (с 1 сентября 2012 г.), вводящая возрастную ценз для продуктов СМИ; в результате была ограничена демонстрация классических мультфильмов, целью которых было нравственное воспитание подрастающих поколений, и разрешена для показа продукция американских кинокомпаний, где жестокость и насилие представлены в разных формах. Сознание массового человека, воспитанного на продуктах западной массовой культуры (мы здесь не рассматриваем шедевры, ставшие классическими), становится мозаичным и легко воспринимает псевдонаучные и паранаучные аргументы, становится сравнительно легкой «добычей» манипуляторов из любой сферы деятельности, будь это коммерция (сетевой маркетинг), будь это религиозный нетрадиционный культ, тренинги по формированию успешной личности (НЛП и другие). Данные социальные структуры имеют своей целью опять же извлечение прибыли, однако получить ее с наименьшими затратами можно, манипулируя фанатиками, что делает производство фанатизма весьма «прибыльным» предприятием, и полученное образование не станет этому препятствием.

Однако здесь нужно оговориться, любая школа (или лучше сказать, любая система образования) действительно не дает абсолютной гарантии воспитания толерантной личности, но вместе с тем, именно система образования является мощным профилактическим инструментом, с помощью которого можно решить

проблему фанатизма. Итак, социологизаторский подход к образованию и фанатизму не дает нам оснований видеть только в обучении и воспитании залог успеха. При этом и биологизаторский подход нам ничего не даст, поскольку как выше было сказано, фанатизм – это социальный феномен, берущий свое начало в сознании личности и развертывающийся в обществе. Рассмотрение биологического начала в фанатизме приведет к тому, что он будет квалифицироваться как предмет психиатрии, как психическая болезнь, но это не объясняет того достаточно большого числа фанатиков, которые были в истории человечества и которые не могут быть названы психически больными людьми. Более плодотворным здесь будет синтез подходов, тем более что фанатизм имеет двойственную природу.

Для того чтобы человек стал фанатиком, необходимо сочетание нескольких элементов: конфликт внутренний, конфликт внешний, сверхценная вера как особое состояние сознания, догматизм, значимая идея, низкий уровень образования в сочетании с отсутствием навыков критического мышления. Рассмотрим их чуть подробнее. Внутренний конфликт связан с неравномерным развитием сознания, бессознательного и сверх-Я, в результате которого у человека развиваются комплексы и неврозы, его самооценка становится неадекватной (может быть как завышенная, так и заниженная), что чревато определенными сложностями в социализации (начиная с подросткового возраста). Поиск собственной идентичности может привести такого индивида к значимой социальной группе, механизмом управления в которой будет фанатизм. Что касается внешнего конфликта, то это сочетание социально-экономических и политических условий, ставящее субъекта в ситуацию перманентного стресса и как следствие необходимости преодоления собственной природы и социальных обстоятельств. Войны, революции, восстания, эпидемии являются теми социальными «очагами», в которых чаще всего появляется фанатизм.

Следующим элементом является наличие сверхценной веры в сознании фанатика. Поскольку фанатизм – это особое состояние сознания, в центре которой находится фанатичная вера, то зачастую эти два социальных феномена идентифицируют. Фанатик должен верить, причем вера его не обычная, как у иных верующих, его вера выглядит как сверхвера, чрезмерная вера, требующая абсолютного подчинения. В качестве пред-

мета веры может выступать любая идея, она становится значимой для личности, выстраивает собственную логику размышлений, где воспринимается только то, что подтверждает веру в идею. Такой человек становится догматиком, он не способен сомневаться в истинности своей веры, из всего того, что он получил в результате образования – остается только то, что согласуется с верой, иными словами, входит в систему фанатичного знания.

Низкий уровень образования не является, как мы уже выяснили, квалификационным признаком фанатизма. Многие малообразованные люди не становятся фанатиками. Что же тогда удерживает их от разума от фанатизма? И здесь ответ очевиден – критическое мышление защищает сознание от догматизма и фанатизма, ведь его целью как раз является неприятие на веру того, в чем с очевидностью не уверен (декартовский принцип). Сомнение в том, что называется истиной, непререкаемым авторитетом, традицией становится привычкой, такой разум использует аналитические операции, способен делать логические выводы, готов к независимому суждению. Именно развитие критического мышления в сочетании с образованием снизит уровень нетерпимости в обществе, хотя это также не является панацеей.

В настоящее время в системе образования больше внимания уделяется другой составляющей профилактической работы в отношении экстремизма и терроризма – формированию толерантности в обществе (развитие толерантной культуры как залог успешного взаимодействия в любом обществе). Вызвано это возрастанием числа экстремистских и террористических актов, в основе которых находятся этноконфессиональные противоречия. Формирование толерантности, действительно, важно, но несмотря на действие многочисленных образовательных программ по толерантному воспитанию в разных странах, терпимое отношение к представителям иных культур не становится само собой разумеющимся, что возвращает нас к необходимости развития навыков критического независимого мышления у подрастающего поколения.

Таким образом, сочетание высокого уровня образования с развитием самостоятельного критического мышления и толерантной культуры у каждого человека в условиях современного общества может быть наиболее эффективным способом профилактики фанатизма.

Библиографический список

1. Бейджент М., Ли Р. Цепные псы церкви. Инквизиция на службе Ватикана [Электронный ресурс]. / М. Бейджент, Р. Ли. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/beyd/02.php, свободный. - Загл. с экрана
2. Канада по уровню высшего образования заняла третье место (23-05-2012) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.canadets.com/news/24336.html>, свободный. - Загл. с экрана
3. Ким В.В. Фанатизм как социальный феномен (социально-философский анализ): дисс. на соиск. уч.ст. к.ф.н. М., 2003. 194 с.
4. Левенстим А.А. Суеверие и уголовное право. Журнал Министерства Юстиции, сентябрь 1898. СПб.: Юридическая библиотека, №15.
5. Левенстим А.А. Фанатизм и преступление (из журнала Министерства Юстиции (сентябрь-октябрь 1898 года)). СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1898. 92 с.
6. Логинов А.В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. Большая Российская энциклопедия, 2005. 496 с.

7. Пеликан Е.В. Судебно-медицинские исследования скопчества. М., 1872.
8. Пельман К. Фанатизм, душевное расстройство и преступление. (пер. с нем.). – М., 1906. 23 с.
9. Пругавин А.С. Самоистребление в расколе. // Русская мысль, 1885, №1, стр. 83-98; 1886, №2.
10. Пыпин А.Н. Сводный старообрядческий синодик. – М., 1883.
11. Рыжков Д.Л. Превращенные формы транснациональных социальных антагонизмов. // Вестник Орловского государственного университета, 2012. №1(21). С. 252-255.
12. Сапожников Д.И. Самоожжение в русском расколе (во второй половине XVII века до конца XVIII).. – М., 1891.
13. Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. (пер. с нем.). – М., Рид групп, 2012. 400 с.
14. Фойгель А.М. Социальная природа религиозного фанатизма. : Автореф. на соиск. ... канд. филос.н. – Л., 1973.
15. Haynal A., Molnar M., de Puymege G. *Fanaticism. A Historical and Psychoanalytical Study* [Текст] / A. Haynal, M. Molnar, G. de Puymege. – NY, 1983. 282 p.
16. Salat De. J. *Versuche ueber Supernaturalismus und Mysticismus* [Текст] / De.J. Salat. – Sulzbach, 1823. 268 s.
17. Strack H.L. *Der Blutaberglaube* [Текст] / H.L. Strack. – München, 1892.
18. Henne am Rhyn O. *Die Schmach der modernen Kultur* [Текст] / O. Henne am Rhyn. – Leipzig, 1875.

References

1. Baigent M., Lee R. Chain Dogs church. The Inquisition in the service of the Vatican [electronic resource]. / M. Baigent, R. Lee. - Mode of access: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/beyd/02.php, free. - Caps. Screen
 2. Canada in terms of higher education ranked third (23-05-2012) [electronic resource] - Access mode: <http://www.canadets.com/news/24336.html>, free. - Caps. Screen
 3. Kim V.V. Fanaticism as a social phenomenon (social-philosophical analysis): thesis. on competition. uch.st. PhD [Text] / V.V. Kim. - M., 2003. 194 p.
 4. Levenstim A.A. Superstition and criminal law. [Text] / A. Levenstim // Journal of the Ministry of Justice, September 1898. - SP.: Law Library, № 15.
 5. Levenstim A.A. Fanaticism and crime (from the magazine of the Ministry of Justice (September-October 1898)) [Text] / A. Levenstim. - SP.: Government Printing Office of the Senate, 1898. 92 p.
 6. Loginov A.V. Power and faith, state and religious institutions in the past and present [Text] / A.V. Loginov. - M., Great Russian Encyclopedia, 2005. 496 p.
 7. Pelican E.V. Forensic investigations Skopchestvo [Text] / E.V. Pelican. - M., 1872.
 8. Pelman K. Fanaticism, mental disorder and crime [Text] / K. Pelman, (Translated from German.). - M., 1906. 23 p.
 9. Prugavin A.S. Self-destructed in a split [Text] / A. Prugavin // Russian Thought, 1885, № 1, pp. 83-98, 1886, № 2.
 10. Pypin A.N. Consolidated Believer synodic [Text] / A. Pypin. - M., 1883.
 11. Ryzhkov D.L. Transformed forms of transnational social antagonisms [Text] / D.L. Ryzhkov // Scientific notes of Orel State University, 2012. - № 1 (21). - Pp. 252-255
 12. Sapozhnikov D.I. Self-immolation in the Russian Schism (in the second half of the XVII century to the late XVIII) [text] / D.I.Sapozhnikov. - M., 1891.
 13. Sarrazin T. Germany. Self-destruction [Text] / T. Sarrazin (Translated from German.). - M. Reid Group, 2012. 400 s.
 14. Foygel A.M. The social nature of religious fanaticism.: Author's abstract, candidate dissertation on Philosophy . - L., 1973
 15. Haynal A., Molnar M., de Puymege G. *Fanaticism. A Historical and Psychoanalytical Study* [Text] / A. Haynal, M. Molnar, G. de Puymege. - NY, 1983. 282 p.
 16. Salat De. J. *Versuche ueber Supernaturalismus und Mysticismus* [Text] / De.J. Salat. - Sulzbach, 1823. 268 s.
 17. Strack H.L. *Der Blutaberglaube* [Text] / H.L. Strack. - München, 1892.
 18. Henne am Rhyn O. *Die Schmach der modernen Kultur* [Text] / O. Henne am Rhyn. - Leipzig, 1875
-
-

УДК 323.1:172.15

UDC 323.1:172.15

П.П. МАРТИНКУС

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»
E-mail: martin2@mail.ru

P.P. MARTINKUS

candidate of philosophical sciences, associate professor of philosophy of National research nuclear university «MIFI»
E-mail: martin2@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО ВОООБРАЖАЕМОГО РАЗЛИЧИЯ

THE PRODUCTION OF IMAGINARY DISTINCTION

В статье предложен несубъективный (марксистский) подход к воображению различий по национальному «признаку». Показан объективный характер «строительства» наций на основе трансформаций капиталистического рынка в связи с противоречивыми требованиями его одновременной локализации и гомогенизации.

Ключевые слова: нация, капиталистический рынок, свобода, воображение, репрезентация.

Not subject (marxist) approach to imagination of national distinctions is offered in the article. The objective character of the nations-building is shown on the basis of transformations of the capitalist market, in connection with inconsistent requirements of its simultaneous localisation and homogenization.

Keywords: the nation, the capitalist market, freedom, imagination, representation.

Имея намерение написать нечто полезное для людей понимающих, я счел бы более подходящим исходить из действительной правды вещей, а не из того, что о них воображают.

Н. Макиавелли.

Конец XX века, период «позднего» капитализма, вполне можно назвать, на манер Ф. Фукуямы, «концом истории». Надеемся, не столько концом в смысле окончательного вневременного существования либерального и глобализованного модерна (или постмодерна) в качестве платоновского *eidos*, но как конца *этой* эпохи. Контуров новой еще не вполне определены, но уже очевидно¹, что не реализуется в чистом виде «западный» проект модернизации, основанный на универсальности «западных» способов производства (*laissez-faire* капитализма), мышления (рационализма в его секулярно-научной форме) и социальной организации (буржуазной демократии). А следовательно, не произойдет сплавления всех человеческих культур в единое глобальное потребительское общество², основной видимой приметой которого был бы калькулируемый частный интерес. Впрочем, именно эта ситуация мультикультурности позволит системе глобального капитализма некоторое время существовать в другой форме (например, информационного общества), т.к. капитализм как система не только производства, но и власти предполагает и использует подобные дифференциации. Мы рассмотрим здесь только один вид производства различия (его предпосылки и механизм реализации) – национальную

принадлежность, хотя возможны гендерные, географические, религиозные и *любые* другие виды различий, с помощью которых Капитал осуществляет свою власть над Трудом.

Давно замечено, что возникновение капитализма совпадает с появлением наций³. Эта связь не случайна. С одной стороны, капитализм, требующий постоянного расширения⁴ экспортирует общественные формы производства и воспроизводства капитала (= «идею» стоимости⁵), что способствует *гомогенизации*⁶ «внешнего» и превращению его во «внутреннее» пространство (капиталистическую мир-систему). С другой стороны, для капиталистического способа производства характерна локализация, т.е. принципиальная разнородность «внутреннего» пространства, которая выражается в разрыве функциональных обязанностей работников, где каждая трудовая стадия рассматривается как отдельный процесс. В результате тотального разделения труда только управление становится единственным унифицированным

3 Первым наиболее подробно к обоснованию такого совпадения приступил австро-марксист Отто Бауэр (Bauer, O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie [Текст]. - Wien, 1907). Впрочем, сторонники примордиализма и перенниализма (см., например: Смит, Э. Национализм и модернизм [Текст]. - М., 2004), конечно, исходят из некоторого давнего существования того, что сейчас называется «нацией». Краткий анализ историографии вопроса см., например: Бройи, Дж. Подходы к исследованию национализма [Текст] / Дж. Бройи // В сб.: Нации и национализм. - М., 2002, С. 205-216.

4 Ср.: «Тенденция к созданию мирового рынка дана непосредственно в самом понятии капитала. Всякий предел выступает как подлежащее преодолению ограничение» (Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. Ч.1. [Текст] - М., 1980, С. 389).

5 Ильенков Э.В. Проблема идеального [Текст] / Э.В. Ильенков // В сб.: Эдвард Васильевич Ильенков. - М., 2008, С. 191-195.

6 «Буржуазия ... создает себе мир по своему образу и подобию» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. Т. 4. - М., 1955, С.428).

1 См., например (в разных отношениях): Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М., 2007; Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени М., 2006; Хардт, М., Негри А. Империя М., 2004.

2 Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003

ным видом деятельности. И хотя оно концентрируется в едином самодостаточном центре – «фирме»⁷, само рационально организованное управление не предполагает самодостаточности. Приходится ориентироваться не только на стремления партнеров, но даже на деятельность конкурентов и потенциальных потребителей. Короче говоря, «фирма» выступает не как единство, а как множество – её деятельность возможна только в поле существования других «фирм», с которыми необходимо иметь дело, независимо от всякого желания управленца. Но вступать в тотальную коммуникацию и предвосхищать в своей деятельности интерес «всех» (чтобы иметь конкурентные преимущества на рынке) совершенно невозможно в связи с неразвитостью средств коммуникации, т.е. неполнотой информации. Поэтому должен образоваться ограниченный круг значимых иных, которые такой деятельностью учитываются, т.к. о их возможной деятельности некоторая информация имеется. Это значит, что хотя управленческая деятельность предполагает выход за пределы «фирмы», она не в состоянии находиться (как минимум до некоторого времени) в «бесконечной» конфигурации взаимодействий. Постепенно, на протяжении XVII-XVIII вв., *коммуникационным пределом* практики капиталистического накопления и, прежде всего, её рыночной формы становится нация. Далее мы кратко опишем суть этого становления.

Думаем, что особенности капиталистического способа производства не могут на постоянной основе непосредственно производить национальное различие, поскольку в условиях капитализма исключительно управленцы (для ранних стадий – это почти всегда собственники) занимаются совместной деятельностью и вступают в активные (хоть и конкурентные) взаимоотношения. Действительно, во-первых, современная нация охватывает намного более широкий круг лиц (а совместная деятельность должна быть основой любой общности в связи с нашими предпосылками); и, во-вторых, несмотря на конкуренцию, отношения собственности, скорее, сближают всех собственников в их стремлении защитить свои права и доходы, чем разделяют их (а национальные общности осознают свою исключительность и при некоторых условиях их члены могут идти на осознанные невосполнимые потери). Поэтому следует признать, что капиталистический способ производства необходимо и перманентно выражает лишь соответствующие классовые отношения (как истину всех других отношений). Феномен же «национального» он порождает в основном *косвенно*, а непосредственно лишь *временно*: в процессе обретения нацией собственной «сущности» и только до тех пор пока не возникает возможность использовать преимущества принципа «совершенной конкуренции».

Мы имеем в виду наблюдение Эрика Райнерта, который, основываясь на экономическом анализе Й. Шумпетера, обратил внимание на связь между национа-

лизмом (заботой о благосостоянии страны и потомков) и поддержкой производственных инноваций. Райнерт заметил, что первым шагом «успешной нации» на пути к благосостоянию всегда был закрытый внутренний рынок, необходимый для сохранения промышленности. И лишь по мере укрепления внутреннего производства возникала потребность вступить в мир «совершенной конкуренции» (свободный рынок)⁸.

Подобное мнение было зафиксировано еще Адамом Смитом, который предлагал заботиться о благосостоянии народа на определенной территории в связи с развитием локального (сельско-городского) рынка⁹. По поводу международной торговли автор «Богатства народов» высказывался осуждающе¹⁰, и потому предлагал вернуться к «естественному» порядку, перевернув все с головы на ноги¹¹: необходимо развивать прежде всего сельское хозяйство¹² и перейти к внешней свободной торговле (для дальнейшего обогащения) только при должном развитии производства¹³. Эта связь национального «строительства» и конфигураций *капиталистического рынка*, отмеченная весьма давно А. Смитом и совсем недавно Э. Райнертом, представляется нам существенной.

Предполагаем, что основным и постоянным источником обнаруживаемости «национального различия» выступает не производство, а *обмен*, точнее противоречие между требованиями локализации и гомогенизации капиталистического пространства. Гомогенность – необходимое условие обмена, но достижение её абсолютного значения предполагало бы уничтожение самой возможности накопления с помощью рынка (т.е. невозможности реализовать цель капиталистической фирмы). «Стоимость вообще» позволяет, конечно, сравнить несравнимое – золото, ваксу, хлеб, талант и т.д., приводя все разнородное к одной и той же форме, но где-то нужно золото, а где-то хлеб. Это значит, что реализуется объективно существующая «идея стоимости» всегда в неидентичных продуктах деятельности, т.е. капитал овеществляется (посредством труда) всегда *локально* как потребительная стоимость¹⁴. Чтобы продукт стал товаром, его необходимо вывести на *рынок*, придав измерение меновой стоимости. Этот процесс предполагает выражение качественных характеристик через количественные¹⁵, что вызывает диссонанс между локальными ожиданиями («справедливой цены» продавца) и глобальной возможностью конкретной реализации («справедливой цены» покупателя)¹⁶.

8 См.: Райнерт, Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными [Текст]. - М., 2011, С. 316-319.

9 Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]. - М., 1962, С. 279-282, 300-301, 496.

10 Там же, С. 308.

11 Там же, С. 282.

12 Там же, С. 491.

13 Там же, С.360-361.

14 Рыжков, Д.Л. Современные тенденции капитала и общественные противоречия [Текст]. - М., 2011, С. 28, 31, 35.

15 Там же, С. 101.

16 Еще физиократ Ж. Тюрго отмечал, что обмен существует только потому (речь идет, конечно, о «феноменологии обмена»), что

7 См., например, основополагающую статью (1937 г.) одного из основателей транзакционного анализа: Коуз, Р. Природа фирмы [Текст] / Р. Коуз // Фирма, рынок и право / Р. Коуз. - М., 2007, С. 36-57.

При этом в обмене, так или иначе, участвуют все вовлеченные в капиталистические отношения (в том числе продающие свой труд). Им выгодно участвовать в глобальных отношениях, т.к. они могут предложить свой «товар» как можно большему числу «покупателей», но в то же время и невыгодно, т.к. количество «продавцов» на глобальном рынке увеличивается. В результате меновая стоимость полностью перестает зависеть от отношений людей, а только от конфигурации рынка (спроса и предложения). Здесь и появляется исключительная необходимость вмешательства некоторой силы, которая обезопасила бы участников рынка от стихийности. Ей сначала стало государство, которое в связи с процессом все более усложняющегося регулирования обмена (и производства) трансформируется из территориального феодально-бюрократического в национально-бюрократическое. Поэтому первым выражением *eidos*'а «национального» были не индивидуальные, а *бюрократические* практики, реализующие «государственные интересы» в восстановлении порядка при новых экономических и, соответственно, социальных условиях.

Процедуры установления режима *безопасности обмена* сводятся, первоначально, к двум разнонаправленным правовым государственным практикам¹⁷: регулирование рынка *внутри* установившихся государственных границ, предполагающее тотальный контроль за всеми экономическими процессами с целью снизить цены таким образом, чтобы производство товаров в государстве стоило как можно меньше в сочетании с таможенными барьерами (=положительный торговый баланс); и попытка развить отношения *вне* (с другими государствами) в рамках некоторого «баланса сил», т.е. исходя из предположения о том, что все существующие границы не просто сохраняют *status quo*, но и являются «естественными». Вслед за М. Фуко, мы имеем в виду режим меркантилизма¹⁸, установившийся в Европе XVII в. к концу Тридцатилетней войны. Меркантилизм обнаруживает стремление к совмещению противоположностей, необходимых для системы капиталистического накопления: выделение *привилегированного* «места», которое должно выиграть от обмена, с одновременной установкой на *изотропность* пространства обмена. Последнее необходимо, т.к. «игра» накопления феноменологически предполагает некоторое «начальное» равенство участников, определенные всеобщие правила, иначе в нее никто бы не вступал.

Однако стратегия «полицейского государства» породила только массовый голод и, соответственно, бунты, при том, что самые активные участники обмена лишь проигрывали от регламентации¹⁹. В результате в противовес «государственному национализму» у индивидуальных участников капиталистического накопления появляется (выражая их *объективную* необходимость

выживания) «общий» интерес, не предполагающий, Впрочем, *ничего* общего между конкурентными позициями индивидов. Все выступающие за «общий» интерес понимали его *негативно*, как принципиальное *освобождение обмена от* регламентации. Этот принцип был кристаллизован в тезисе «laissez faire, laissez passer», который ограничивал государственное вмешательство в экономику с целью дать возможность капиталистическим процессам проходить «естественно»²⁰.

Нельзя сказать, что принцип подобной негативной свободы был «сформулирован» мирно: потребовалась долгая (а иногда кровопролитная) борьба против «государственного интереса»²¹. Именно борьба стала тем механизмом, который порождал «гражданский» интерес в рамках (как во Франции или в Англии) или за рамками (как во время Американской революции) существующих государственных границ. И в том, и в другом случае интерес выступает как *национально-государственный*, но противоположный прежнему *государственно-национальному*. При Ancien régime «нация» и «государство» тождественны, а потому «конкретный интерес» одного субъекта (государя) может только навязываться всем остальным, что и приводит к тотальной регламентации. В случае же равноправия «нации» и «государства» (как сторон воображаемого соглашения²²) важными оказываются исключительно «частные интересы» индивидов (государство рассматривается как один из них), которым наконец «позволено действовать». Со времен Адама Смита признавалось, что это многообразие «закрытых» частных интересов, направленных на максимизацию «прибыли и удовольствия», посредством «невидимой руки» ведет к *единству* результата реализации таких интересов – общему благу²³. «Общему» в том смысле, что государству, как «индивиду», который является самым сильным из всех (и потому устанавливающему правила игры, в виде обороны, защиты права собственности, суда и т.п.), не придется вмешиваться в процесс экономической игры. Это позволит «обычным» индивидам все эффективней в ней участвовать, а заодно и способствовать процветанию того государства, в котором они живут.

Впрочем, «невидимой руке» необходима помощь, т.к. рынок, освободившийся от статуса

20 См.: Viner, J. Adam Smith and Laissez-Faire [Text] / J. Viner // Journal of Political Economy. Vol. 35, № 2 (Apr., 1927), pp. 198-232. Автор показывает ограниченность принципа невмешательства у самого А. Смита, с чем мы вполне согласны.

21 Один из лекционных курсов М. Фуко был как раз посвящен демонстрации того, что пресловутая «bellum omnium contra omnes» была отнюдь не только идеей Гоббса, она пронизывала всю литературу XVII -XVIII вв., причем даже в расовых терминах. Впрочем, мы уверены, что проблема не только в особом виде дискурса. См.: Фуко, М. Нужно защищать общество [Текст]. - СПб., 2005, С. 37-38, 66-67, 77-78.

22 Теория общественного договора, как известно, красной нитью проходит через всю социально-политическую философию Нового времени. См., например: Магун, А.В. Единство и одиночество [Текст]. - М., 2011

23 Смит А. Ук. соч., С. 332. Сама «невидимая рука» заключается в том, что большинство стремится вложить капитал «поблизже к дому» (Там же, С. 331) и распорядиться соответствующим продуктом так, чтобы он обладал наибольшей стоимостью (Там же, С. 332).

каждый надеется получить больше. См.: Лаваль, К. Человек экономический. Эссе о происхождении неоллиберализма [Текст]. - М., 2010, С. 183-184.

17 Подробнее см.: Фуко, М. Безопасность, территория, население [Текст]. - М., 2011, С. 379-398, 406-410, 422-424, 433-435.

18 Там же, С. 436-437.

19 Там же, С. 52-67, 441-449.

«места справедливости»²⁴, нуждался в контроле за соблюдением всеми участниками «правил». Но поскольку государство именно в этом моменте отказалось от осуществления контроля (кроме самого общего), постольку вступившим в отношения обмена приходилось апеллировать к самоконтролю²⁵ или, лучше сказать, к «доверию» (ожиданию обоюдно честного и предсказуемого поведения), ведь уровень конкретного договора для каждой конкретной операции не может предвосхитить всех обстоятельств, важных для договаривающихся²⁶. Таким образом, появляется необходимость в некоторых формах сетевой общности, которая предполагала бы деятельность по локальному присвоению прибавочной стоимости. Стороны вынуждены (как они сами думают) действовать в рамках «общественного договора»²⁷, основанного на уже существующей «национальной» общности, обычно связанной с историей борьбы за её свободу. Но если во время борьбы «нации» (гражданского общества²⁸) и государства, сама их противоположность была источником «народного» единства, то после «окончания» борьбы (и признания всех субъектов равными) обстоятельства существенно менялись: теперь не было той силы, против которой индивиды объединялись.

В результате появлялись разные формы «доверия». В грандиозной межконтинентальной системе обмена, сложившейся к XVIII в., оно реализовывалось «вертикальной интеграцией»: привилегированными компаниями, торговыми домами и т.п., т.е. на уровне принадлежности *организации*. Для производственного процесса (на уровне управления собственностью) «доверие» реализовалось в рамках *семейных* отношений. Соответственно, появился феномен современной семьи как формы эмоционального частного кровнородственного сообщества²⁹. Но на уровне локального

(внутригосударственного) рынка, где частный интерес преследовал слишком частные цели ни первый, ни второй вариант были невозможны: первый в связи с тем, что реальная организация локального пространства в виде «фирмы» в условиях острой конкуренции привела бы к слишком высоким издержкам, вторая – поскольку реальные семейные связи препятствовали бы «излишнему» обогащению. Поэтому на этом уровне, ставшем собственно *национальным*, «доверие» представляло как *псевдокровнородственное* отношение по примеру огромной (а потому анонимной) семьи³⁰. Это лишало всех «родственников» каких-либо реальных обязательств друг перед другом, при этом не препятствуя «ощущать» их необходимость на индивидуальном уровне. В целом третий тип капиталистического «доверия» стал средним между семьей и фирмой, т.е. здесь мы имеем дело с «*организацией как (псевдо)семьей*».

Собственно, наша позиция и заключается в том, что сама форма нации как «организации-семьи» не воображается субъективно, наоборот, она возникает вполне необходимо, сообразуясь с «логикой» капитализма. Воображаются в узком смысле, т.е. предлагаются *отдельными* людьми, только некоторые возможные в рамках истории способы оправдания³¹ существования именно этой, а не другой «национальной» общности. В этом смысле индивидуально конструируются *только* варианты содержания «национальных историй»³². В рамках непонимания сути исторического процесса, и, соответственно, невозможности усмотрения в нем закона смены форм взаимодействия, такое *укоренение в истории* новых типов дискурсов об общности было вполне последовательно. Где еще искать общность, как не в «пробуждении» (выходе на свет) того, что давно «спало» (существовало в скрытой форме)? Но это не значит, что подобные дискурсы имели бы какое-то самостоятельное значение при неподготовленности аудитории к их восприятию.

Таким образом, *позитивная* национальная общность (общность-ради-накопления) может вырастать из *негативной* национальной общности (общность-против-государства) только с учетом достижения последней своей цели – совместной деятельности на свободном локальном рынке. Здесь можно указать на аналогию с тем как ранее «свободная» городская жизнь

заполняется семьей, состоящей ныне только из родителей и детей, куда закрыт доступ друзьям, клиентам, слугам. ...Семья перестала молчать, она стала болтливой - стала темой, заполнившей переписку, и, конечно, разговоры» (Там же, С. 400).

30 Связь между семейным (к детям и жене) и национальным (к «роду») видами эмоциональности (=любовь, как «внутреннее чувство, а не только обязанность, как «внешнее» поведение), возникающими приблизительно в одно и то же время, требует, как мы думаем, внимательного исследования в перспективе развития особого вида субъективности и соответствующего «воспитания чувств» в новоевропейских обществах. Иначе проблема проявления национальных эмоций (не только положительных, но и агрессивных) так и останется загадкой, которую, впрочем, и не собирались загадывать, исходя из «естественности» эмоциональных состояний человека во все времена (т.е. предполагая существование неисторического субъекта).

31 См., например: Савельева, И.М., Полетаев, А.В. Знание о прошлом: теория и история [Текст]. Т. 1. - СПб., 2003, С. 434-435.

32 Прекрасные примеры см.: The Invention of Tradition [Text] / Ed. E. Hobsbaum, T. Ranger. - Cambridge, 1983.

24 Фуко, М. Рождение биополитики [Текст]. - М., 2010, С. 48-49.

25 Ср.: «...Торговля и общение людей... не могут быть обеспечены, если люди не уважают своих обязательств» (Юм, Д. О первоначальном договоре [Текст] / Д. Юм // Сочинения. Т.2. - М., 1996, С. 669-670). См., также: Лаваль К. Ук. соч., С. 202-228.

26 Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию [Текст]. - М., 2004, С. 52, 55.

27 Ср.: «...В этом кажущемся хаосе [частных интересов] мы видим тем не менее в силу *мирового морального закона* [курсив наш - П.М.], что усилия каждого для самого себя способствуют благосостоянию всех» (Кондорсе, Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума [Электронный ресурс]: Девятая эпоха. Режим доступа: <http://larevolution.ru/Books/Condorcet-0.html>, свободный. - Загл. с экрана.

28 Можно указать на то, что «нация» у Адама Смита и «гражданское общество» у Адама Фергюсона практически синонимичны. См.: Rosanvallon, P. La libéralisme économique. Histoire de l'idée de marché [Text]. - P., 1989.

29 Для предшествующей XV в. эпохи Ф. Арьес фиксирует следующее состояние семейных отношений: «...Семья не могла питать глубокие экзистенциальные чувства между родителями и детьми. ...Семья была скорее моральной и социальной данностью, чем эмоциональной категорией. ...Семья бедняков практически не знала эмоциональной стороны...» (Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке [Текст]. - Ек., 1999, С. 367-368). При этом вся жизнедеятельность семьи располагалась в поле социальных взаимодействий, т.е. отсутствовала «приватная» (а потому неприкосновенная) жизнь. В последующем (и особенно в XVII-XVIII вв.) положение существенно меняется: «Устройство собственного дома, реформа общественных нравов дают больше места для частной жизни: она

делала всех в ней участвующих «горожанами» именно потому, что последние находились в пределах городских стен. «Механизмом» включения в позитивную национальную общность стала локализация индивида в пространстве и времени как «жителя страны», платящего налоги и имеющего возможность представлять свои интересы на внутригосударственном рынке только в связи с фактом рождения. Итак, мы считаем, что «национализм индивидуумов», как форма совместной деятельности и самосознания их общности (сначала в негативном, а затем в позитивном аспекте), был присущ только (или, как минимум, в основном) тем, кого можно назвать буржуазией, выступая одним из способов упорядочивания рыночных отношений на ранних стадиях их развития. Однако, именно этот «позитивный» аспект привел к трагическим событиям, наблюдаемым в истории национализмов XX в. Именно они (национал-социализм, например) были той интеллектуальной причиной, по которой исследователи разделяли «хороший патриотизм» от «плохого национализма»³³.

Думаем, вышеозначенное деление излишне, т.к. переходы от «патриотизма» к «национализму» в истории обусловлены *реальной* причиной: особой ролью рынка труда при капитализме. Кратко попытаемся показать, что принципиальное различие между обменом вещами и людьми важно именно в плане следствий для национального строительства: если «рынок вещей» к XIX в. стал условием формирования «гражданского» (буржуазного) национализма, то прогрессирующее развитие трудового рынка способствовало появлению к концу XIX и особенно в XX вв. «этнического» (массового) национализма как в центре капиталистической системы, так и на её периферии.

Универсализация национализма происходила следующим образом. Стремясь к увеличению прибыли, в условиях изменяющегося товарного рынка буржуа отказываются от использования постоянной и временной рабочей силы, что приводит к созданию института наемного труда (пролетаризации), т.е. появлению все увеличивающейся группы лиц, постоянно доступных для найма. Однако в этой группе возникают страты, образованные по этническому принципу. Происходит это по следующей причине³⁴: неравный обмен в международном товарном потоке приводит к концентрации капитала лишь в некоторых капиталистических зонах, что позволяет государствам, получающим фискальную выгоду от «содержания» таких зон, накапливать военную мощь. Это, в свою очередь, позволяет таким государствам принуждать менее «развитые» к специализации на видах деятельности, которые находятся внизу товарной цепи и, соответственно, предполагают наименьший доход. В результате складывается система *зональной* оплаты труда в зависимости от локализации трудящегося. Это немедленно используется предпринимателями в рамках рациональной организации труда путем привязки оплаты не к уровню обычной для данной зоны, а

обычной для «родовой» зоны трудящегося, что позволяет этнизировать труд, т.е. закрепить за этническими (или региональными) группами определенные (относительно менее оплачиваемые) виды деятельности. Развитие средств перемещения и наблюдаемая диспропорция в оплате труда приводят к массовой миграции в направлении к более доходным зонам. Это, с одной стороны, держит локальную наемную рабочую силу в условиях *угрозы замены* её на нелокальную, что вызывает, скорее, социальный, чем психологический страх перед другими (=ксенофобия); с другой – к все большему *осознанию* этнической рабочей силой своей исключенности из «нормальных» отношений и, соответственно, её все большей закрытости (=диаспоризация).

В целом принцип неравного обмена³⁵ порождает империализм и его производную в сфере культуры – расизм (в том числе этнический и конфессиональный). Это способствует «национализации», с одной стороны, тех форм, в которых проходит борьба против капиталистической экспансии на её «фронтире», а с другой – форм общественной жизни в «метрополии», т.к. практически все её жители получают некоторое преимущество от «расовой» дискриминации. «Позитивная» гражданская общность в этом смысле превращается в дискриминационную, где инородец воспринимается не только как в разных отношениях «неполноценный» (к этому склонна в основном «рефлексирующая» буржуазия), но и «просто» как враг (к чему все более склоняются наемные работники и мелкие собственники, которые имеют с мигрантами непосредственные отношения). Таким образом, либерализация рынка, провозглашенная с XVIII в. и способствующая интенсификации обмена трудовыми ресурсами, позволила постепенно придать национализму его массовый и часто ксенофобский характер. Причем последний своим истоком имеет не гипотетическую принципиальную невозможность людей разных культур сосуществовать, а реальную *борьбу* за место на капиталистическом рынке.

Что касается современной ситуации в национальной сфере, то она характеризуется двумя разнонаправленными (но связанными) тенденциями. С одной стороны, глобализирующееся капиталистическое производство и обмен все более предполагают преодоление национальных различий (их замену на региональные и иные). Действительно, расширенное производство (фактически перенесенное на периферию капиталистической системы), расширенное потребление (фактически находящееся в центре системы) и свободная конкуренция на рынке (обеспечивающая сохранение этого положения) предполагают исключительную гомогенность капиталистического пространства в целях наибольшего получения прибыли. При сокращающихся расстояниях развитых средствах коммуникации прибавочная стоимость обеспечивается организацией пространства уже не в рамках локального суверенитета, а в качестве следствия свободно перемещающихся потоков денег, людей и вещей внутри и между транснациональными организациями. Возрастающее влияние ТНК приводит к тому, что кор-

33 Калхун, К. Национализм [Текст]. - М., 2006, С. 28.

34 Валлерстайн И. Исторический капитализм [Текст]. - М., 2008, С. 82-87.

35 Там же, С. 88.

поративные групповые ценности становятся приоритетнее сугубо национальных. Национальное становится именно культурным достоянием, превращаясь из необходимого факта действительной жизни в факт чисто интеллектуальный, маргинализируясь до уровня культурного фона (наряду с современными формами религиозности).

В результате центр системы (Капитал) приобретает характер наднациональной «империи», то есть системы власти, лишенной центра и привязки к определенной территории³⁶. Империя рассматривает свои «части» как равноправные в экономическом отношении и даже проводит политику мультикультурализма там, где это не угрожает самому условию функционирования системы. В некотором смысле Капитал использует собственную «неудачу» – ему не удалось полностью превратить людей в «калькулирующие атомы», разорвав отношения между ними, и потому за неимением других явных дифференцированных сообществ такими «атомами» становятся культурные группы, которые, сохраняя свою качественную разницу, вступают лишь во внешние неконфликтные взаимодействия, предположительно не меняющие их суть. Действительно, культурные различия во многих случаях способствуют обмену не столько в смысле товарного обмена («туристической» экзотики или «брендового» позиционирования), сколько неравноценного обмена трудовыми ресурсами. Одновременно с мультикультурализмом (который, таким образом, является скрытой формой сегрегации и неорасизма³⁷) возрастает значение идеологии толерантности, позволяющей ненасильственным образом поддерживать status quo, превращаясь, соответственно, в условие поддержания режима эксплуатации тех ресурсов, которые находятся внизу трудовой иерархии. При этом для самих эксплуатируемых в режиме мультикультуральной толерантности создается иллюзия равенства возможностей (аналогичной «американской мечте») и вообще сообщества равных (но непохожих). Это позволяет капитализму как общественной системе легитимизировать свое собственное существование³⁸, демонстрируя не вертикальное (иерархическое) мироустройство, а горизонтальное сетевое сообщество, в котором только случайная принадлежность «не к той культуре» (что можно попробовать и исправить) ответственна за ограниченную возможность к получению благ.

Можно сказать, что понимание нации исключительно как культурной (ценностной) общности является необходимым продолжением капиталистического развития, но в то же время принципиальным изменением самого принципа национального, который до этого был не столько фоном жизни, сколько самой жизнью, т.е. борьбой. Собственно это указывает на другую сторону национального «развития». Повсеместное навязывание группам в центре глобальной экономической

системы «мирных» идеологий (не будем забывать и о двух мировых войнах!), использующих принцип толерантности, при одновременной потере (или даже её угрозе) доступа индивидов к реальным благам, порождает активные контр-реакции. Поэтому вновь распространяются агрессивные формы национализма, часто принимая этническую форму. Этому способствует и сама конфигурация современного мироустройства. Не имея непосредственного способа принуждения и защиты, система капитализма может пользоваться только уже готовыми государственными репрессивными аппаратами, а потому она заинтересована в сохранении не только культурной дифференциации внутри государств, но и принципиальной (кроме экономической) дифференциации между государствами. Национальное государство (в его «нормально-либеральном» виде государство-для-нации) должно быть тем инструментом, который ограждает всю систему от нежелательных потрясений, «управляя» нацией в интересах Капитала (современные события в еврозоне это отчетливо демонстрируют). Поэтому феномен нации неразрывно связан с капитализмом и вряд ли может раствориться без остатка при сохранении самой этой системы.

В связи с этим действительно антисистемное движение вряд ли может быть сугубо национальным. Процесс рождения нации всегда способствовал капитализму (независимо от риторики «отцов-основателей»), встраивая территорию, её ресурсы и население в мировую систему капиталистического производства и, одновременно, ограничивая «притязания» этой системы на полную гомогенизацию территории. Потому все национально-освободительные движения были первым шагом к месту (даже если оно было не очень престижным) в иерархии мировой капиталистической системы. Мы и наблюдаем, что наиболее активный и масштабный протест против существующего распределения мировых потоков финансов и власти происходит сейчас не в национальных формах, а в форме религиозного «возрождения» на периферии капиталистической системы и разного рода «левацких» выступлений в её центре. Таким образом, сам капитализм порождает выступления, свидетельствующие о принципиальной неудовлетворенности существующим миропорядком и принимающие все более радикальные антисистемные, а потому и антинациональные, формы. Только если эти (или какие-то другие) формы протеста уничтожат сам капиталистический способ производства (и, соответственно, обмена), произойдет перерождение наций в новые формы общности.

Уточним один принципиальный момент: если обмен был всегда, то почему только 300 лет назад появляется феномен нации? Думаем, дело в том, что некапиталистические формы обмена, предполагающие прежде всего обмен качеств, а не количеств, не могли породить столь «странную» форму общности как нация именно потому, что последняя есть социальная реакция на «победу» количественных характеристик в экономической сфере. Там, где экономика ни в коей мере не отделена от социального, оставаясь связанной с тради-

36 Хардт М., Негри А. Ук. соч., С. 12.

37 См., например: Балибар, Э. Существует ли «неорасизм»? [Текст] / Э. Балибар // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн - М., 2004.

38 Интересную работу о нормативном измерении капитализма см.: Болтански, Л., Кьяпелло, Э. Новый дух капитализма [Текст]. - М., 2011, С. 42, 46, 62-64.

ционными (например, моральными) установлениями, нет необходимости в *анонимных* группах доверия для реализации *свободной* от ограничений деятельности по *накоплению* «богатства». В докапиталистических обществах отсутствовала сама возможность реализации анонимной свободы, братства и суверенитета, поскольку все отношения (в том числе экономические) носили персональный характер и каждый выполнял в социальной иерархии свою функцию, имея обязанности, а не права в зависимости от положения.

С появлением капиталистического способа производства, которое функционирует только ради самого себя (самовозрастания капитала), ситуация в экономике из качественной плоскости (экономики престижа) переходит в количественную (экономику стоимости), что неминуемо приводит к деформации прежних социальных связей, предполагающих качественную специфику всех участников. Меняется и характер обмена, который приобретает вполне количественную цель – получить наибольшую прибыль несмотря ни на что. Собственно, появление социальной общности в форме нации, как мы пытались показать, – это способ сохранения хотя бы некоторой качественной определенности (ограничения) в условиях обмена-ради-накопления. В этом смысле роль нации двойственна: она и препятствует окончательной победе «мира количества» (т.к. вносит феноменологический остаток качества в любой обмен), и, тем не менее, позволяет капиталистическому обмену (в его стремлении к «чистому» количеству) существовать в такой несовершенной форме. Поэтому нация это и то, что не дает экономической системе капитализма полностью себя проявить, придавая строгим классовым различиям видимость иного общественного устройства, и то, что именно этим ограничением способствует осуществлению (а не самоуничтожению) капиталистического рыночного режима. Короче говоря, нация, являясь продуктом капитализма, замедляет (а не катализирует) капиталистическую унификацию, тем самым спасая саму возможность капиталистического товарного и трудового обмена, приобретающего внеэкономическое измерение.

Подводя итоги, скажем следующее: если термином «воображение» вообще целесообразно пользоваться при описании национальных сообществ, то только в том смысле, что подобные различия суть *феноменология* различия на основе более фундаментального типа дифференциаций, складывающегося в области производства и распределения капиталистической «стоимости». Имея связанную с капиталистическим производством свою собственную природу – *природу обмена* «стоимостей» – национальное не ухватывает сущность экономико-социальных трансформаций сообщества, выступая лишь проявлением скрытой истины. И только поэтому его можно назвать «воображаемым» – национальное есть *репрезентация другого способа* бытия социального. При этом подобная воображаемость национального различия не означает фиктивности наций, т.к. то, что выступает как способ организации деятельности людей не может характеризоваться как «не существующее». Да и вообще репре-

зентацию, как реальный заместитель другого объекта, невозможно характеризовать в рамках «простой» онтологии, также как, например, живописное произведение нельзя назвать «несуществующим образом» (независимо от содержания изображения).

Когда Б. Андерсон³⁹ называет любое сообщество «воображаемым», он, конечно, не хотел бы сказать, что сообщества нет, он хотел бы сказать, что только «текстовая» репрезентация и индивиды существуют, а воображаемое «находится» только в субъекте. Этих утверждений мы не можем принять. Существуют и «идея», и «образ» (как её репрезентация-заместитель), и репрезентация-текст. Иными словами, объективная идея стоимости (представленная определенным способом производства) в процессе становления капиталистического обмена становится объективным образом нации (представленном в коллективных действиях), воспроизводимым субъектом с разной степенью мастерства и «близости» к «оригиналу» в книгах, фильмах... и в интеллекте (т.е. в индивидуальном поведении). Нация несубъектно «воображена», но она реальна для субъекта. Поэтому андерсоновское различие реального и воображенного в социальных процессах принципиально не верно. Все воображенное группами людей (и в ограниченном смысле индивидами) суть некоторое (в случае с нациями – радикальное) преломление именно той ситуации, в которой эти группы оказываются. Воображенное сообщество реально именно потому, что оно – реальное сообщество.

Таким образом, следует признать (и, возможно, марксисты это не всегда делали), что за национальным есть «истина» – реальность развития форм капиталистического обмена, благоприятствующих трансформации индивидов в «центры по увеличению прибыли» и, одновременно, в «сообщества по снятию такого рода отчуждения», ведь именно разнообразные «подвиды» *homo oeconomicus* становятся «податливыми» к различиям на основе суверенитета. Здесь можно обнаружить причину «странной» локальной универсальности национализмов: они универсальны так же как универсальна капиталистическая форма обмена, но содержание этой формы всегда локально, производно от разнообразных «местных» обстоятельств – вмешательства государства; уже сложившихся форм общностей и форм коммуникации; позиции в иерархии глобального рынка и т.д.

Понятно, что эти «обстоятельства» требуют скрупулезного исследования, но оно может привести к значимым объясняющим выводам только в случае изначально целостного подхода. Поэтому, думаем, рано говорить о неудаче марксистских интерпретаций национализма⁴⁰. Если рабочее движение в начале XX в. действительно потерпело поражение от национального,

39 Андерсон, Б. Воображаемые сообщества [Текст]. – М., 2001. См. подробнее, нашу предыдущую статью «Репрезентация воображаемого различия». Собственно, суть нашего подхода к репрезентации и воображению состоит в том, что мы сближаем эти понятия, в то время, как Б. Андерсон, на наш взгляд, их тщательно разводит.

40 См., например: Балибар, Э. Существует ли «неорасизм»? [Текст] / Э. Балибар // Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн - М., 2004.

то это еще не значит, что исследование сущности капитализма, предпринятое марксистами, принципиально неверно. Оно сильно, как минимум, в одном отношении: может прояснить историю нашего времени и ограниченно «предвидеть» её завершение, исходя из одного принципа – организации и саморазвития капиталисти-

ческого способа производства. Собственно, марксисты могли бы обратить «упреки» и спросить: «Существует ли теория, способная объяснить массовый феномен интернациональных движений, исходя из тех же посылок, что и в объяснении национальных?». И если нет...

УДК 2-1:7.01:811.112.2 HESSE

Н.В. РОЖКОВА

доцент кафедры философии и истории Орловского государственного аграрного университета
E-mail: more-nz@mail.ru

UDC 2-1:7.01:811.112.2 HESSE

N.V. ROZHKOVA

senior lecturer of the Department of Philosophy and History, Orel state university
E-mail: more-nz@mail.ru

УНИВЕРСАЛИЯ ИГРЫ КАК ЭЛЕМЕНТ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ГЕРМАНА ГЕССЕ

UNIVERSAL OF GAME AS PART OF HERMANN HESSE'S WORLDVIEW

Universal of game as part of worldview of Hermann Hesse. В статье рассматривается роль игры как культурной универсалии в мировоззрении Германа Гессе и проблемы соотношения игрового и неигрового элементов современной культуры.

Ключевые слова: игра, универсалия культуры, мировоззрение.

This article considers the role of play as a cultural universal in Hermann Hesse's worldview and the problem of the relationship between game and non-game elements of modern culture.

Keywords: game, universal of culture, worldview.

Именно игра и есть жизнь,
когда она хороша!
Герман Гессе

На вопрос о том, что человек любит делать больше всего на свете, возможны весьма разные ответы, и один из них подсказывает повседневная жизнь. То, что мы любим в детстве, то, что не теряет своей привлекательности, когда мы вырастаем – это игра. Философы, учёные и художники разных эпох и стран отдали дань этому парадоксальному и значимому феномену культуры. Достаточно перечислить лишь некоторых из тех, кто пытался разобраться в причинах вовлечённости человека и человечества в игровое бытие: М. Себастиан, А. Коцебу, А. Чак, К. Гетмайер, А. К. Дойль, Л. Кэрролл, В. Гюго, М. Твен, Т. Драйзер, В. Шекспир, А. де Мюссе, Г. Эккерт, Г. Гессе, Ф. Достоевский, М. Лермонтов, Н. Гоголь, А. Пушкин – вот лишь неполный перечень тех, кто попытался «справиться» с игрой художественными средствами. За последние десятилетия в России написан ряд монографий и диссертационных исследований, раскрывающих социокультурные функции игры, её психо-эстетические, когнитивные и коммуникативные потенциалы, различные аспекты взаимодействия игры и социальной реальности и т.д. О росте научного интереса к онтологическим и экзистенциальным свойствам игры свидетельствует по-

явление работ В.В. и О.В. Бычковых, Н.Т. Казаковой, Л.Т. Ретюнских, И.В. Куликовой, Н.А. Мазровой, Р.Р. Ильясова, Т.Н. Голобородовой, Н.И. Баранова и других авторов. С нашей точки зрения, интерес к игре как предмету философского осмысления был в значительной мере «подпитан», подогрет появлением на русском языке романа «Игра в бисер» немецкого писателя и мыслителя Германа Гессе, автора парадоксальных, глубоких и актуальных в мировоззренческом и культуротворческом смыслах произведений.

Изучив механизмы взаимодействия философии и искусства, Л.Б. Капустина приходит к выводу о том, что оба феномена культуры оказывают сильнейшее формирующее воздействие на характер мировоззрения, но в исторической ретроспективе характер этого влияния изменился. Если до середины 19 века искусство являлось иллюстратором и проводником определённых философских идей, то к концу 19–началу 20 века ситуация изменяется, «поэзия, музыка, живопись, обнаруживая чрезвычайную близость к мировоззренческим установкам эпохи начиная со второй половины 19 века оказываются способными не только обогащать, но и трансформировать философию, теоретическую мысль в целом... Искусство, в опыте его саморефлексии, обращается к фундаментальным метафизическим

проблемам, не только освобождаясь от опекунов со стороны философии, но и минуя последнюю, что позволяет исследователям постмодернистской культуры (Ф. Лиотар, В. Вельш, Ж. Липовецки) пересмотреть устоявшиеся точки зрения на природу искусства и рассматривать его в качестве основания, моделирующего современную культурную ситуацию»¹. Исследователь приходит к выводу, что в постклассическую эпоху наблюдается «нетождественность философской, эстетической и художественной рефлексий, разделение «сфер влияния» дискурсов, небывалый интерес новейшей философии к практике традиционных видов искусства, а также появление новых, постнеклассических стратегий и техник»², что является показателем утверждения нового типа культуры, новых гносеологических подходов и перспектив.

На наш взгляд, одной из особенностей творчества Г. Гессе является его укоренённость в философии. Великая Ирония, пронизывающая разные жизненные ситуации и процессы, состоит в том, что поборники элитарности (философы, художники и т.д.) становятся передаточными механизмами, «транспортирующими» высокие идеалы и формы к берегам коллективного восприятия. Эта по-своему драматичная судьба не минула и Гессе, писателя философского склада, в одних произведениях которого идеи мыслителей разных эпох определяют направление творческого поиска, в других можно лишь с трудом вычленив некие аллюзии, намёки и т.д. Но увлекаясь творчеством Августина Блаженного, Николая Кузанского, Артура Шопенгауэра, Карла Густава Юнга, Фридриха Ницше и других великих и знаменитых, писатель Гессе становится мыслителем, решающим двуединую задачу: пройти хотя бы часть пути к самому себе и помочь в этом пути читателю.

Безусловно, роль писателей не сводима к адаптационным процессам между философией и обществом. Но вряд ли кто-то сегодня станет отрицать влияние на содержание и композицию романа «Игра в бисер» произведений Й. Хейзинги и его игровой концепции культуры. Более детальный анализ приводит к выводу о процессах более сложных и продолжительных, имевших начало в детстве немецкого писателя и развернувшихся до масштабов современной культуры.

Специфичное любовно-трепетное отношение к игре сложилось у Германа Гессе во многом благодаря отцу, который не просто много времени уделял воспитанию детей, но и играл с ними в различные (в том числе, в языковые) игры, изобретал всё новые, остроумные и увлекательные. Об этой удивительной способности отца Герман Гессе пишет в одном из своих поздних рассказов «Нищий»: «Если бы судьба забросила нас с отцом на необитаемый остров, если бы нас бросили в темницу или мы заблудились в дикой чаще..., то мы опасались бы голода и лишений, но никак не скуки и пустоты, отец придумывал бы для нас игру за игрой».³

¹ Капустина Л. Б. Взаимодействие философии и искусства как предмет теоретического осмысления в западной культуре. Автореф. докт филос наук. СПб, 2004, С. 20.

² Там же, С. 19.

³ Гессе Г. По следам сна. М., Издательство АСТ, 2004. С. 257.

Эту способность отдаваться игре, придумывать новые варианты и увлекать участников от отца унаследовал и младший брат Германа, Ганс Гессе, о чем писатель свидетельствует будучи уже пожилым человеком в рассказе «Воспоминания о Гансе». В этом коротком рассказе феномен игры тесно связан с детским счастьем, беззаботностью, но имеет и статус самоценного. Дело в том, что брат великого писателя не приобрёл ни известности, ни счастья, ни даже любимого дела и, возможно, поэтому закончил жизнь самоубийством. Но одно вызывало искреннее уважение у его знаменитого брата: «Чем старше я становился,... тем больше ценил я Ганса как мастера игры. Он всё ещё был способен предаваться игре, уходить в неё с головой, всеми своими помыслами и побуждениями, нисколько не заботясь о вещах более «серьёзных» и «важных», игра захватывала его всего, без остатка».⁴ Не вызывает сомнений собирательность образа главного героя романа «Игра в бисер» Йозефа Кнехта, но именно образы отца и брата инициировали образ Магистра Игры. Сам же писатель унаследовал мужское игровое начало и реализовал его на литературном поприще, недаром в романе «Курортник» он описывает поиски нужного слова, погоню за ускользающей мыслью как одинокую, удивительную и опасную игру-головоломку.

В позднем рассказе «Нищий» Гессе «проговаривается» о той исключительной роли, которую имела игра в его собственной жизни. Он пишет о том, что, составившись, он всё же сохраняет *интерес к работе и игре*, которые позволяют оживлять воспоминания прошлого и питать ими душу. Чем же игра так заворожала упорядоченного немца Гессе? Тем, что игра должна быть *честной*? Тем, что она должна *вестись по правилам*? Тем, что игра *дарует радость и забвение реальности*?

Феномену игры Г. Гессе посвятил целый роман, пронизанный символикой, философскими аллюзиями и скрытыми цитатами, требующий от читателя значительной эрудиции. Главным философским источником, вдохновившим Гессе на роман с романом «Игра в бисер», принято считать «Homo Ludens», вышедшую в 1938 году, но есть основания указать и на более ранний источник того же автора, а конкретно на «Осень Средневековья», работу культурно-исторического толка. Эта книга Й. Хейзинги издавалась в Европе с 1919 года, и один из её аспектов нашёл отражение в романе Гессе. Во-первых, именно в этой книге Й. Хейзинга, анализируя позднее Средневековье в его обыденно-практических и идейно-концептуальных проявлениях, приходит к выводу о том, что жизнь игралась, проживалась театрализованно, напоказ. Характеризуя мировоззренческий и событийный контекст средневековой культуры, Й. Хейзинга отдаёт дань внимания монашеским и рыцарским орденам, их укладу жизни, функционированию, ритуальной и культовой стороне деятельности, специфике членства и посвящения и т.д. Хейзинга сравнивает эти сообщества с мужскими военно-магическими союзами древних эпох, деятель-

⁴ Гессе Г. По следам сна. – М., Издательство АСТ, 2004. – с. 160.

ность которых тщательно скрывалась от женщин. Эти организации имели свои места собраний, обряды, традиции, а следовательно, ценностные ориентации. Это прообразы Касталии, где обеты послушания и образ жизни очень напоминали бы монастырские, если бы не Игра. Касталия для автора – абстракция, сложный символ, приют чистой созерцательной духовности, в отличие от мира, пораженного “фельетонизмом”, т.е. *духовной недостаточностью*.

Нарочитая серьёзность и углублённость, с которой касталийцы относятся к великой Игре, ассоциируется с расцветом искренней до самоотречения веры в эпоху Средневековья. Касталии возникают из тяжело страданной потребности «усталых, истекавших кровью и одичавших народов в порядке, норме, разуме, законе и мере. Они знали, что функция всех на свете орденов и «провинций» – не стремиться править и соревноваться, но зато гарантировать постоянство и прочность духовных основ всех мер и законов».⁵

Но «при всём уважении» к позиции и идеям Й. Хейзинги Г.Гессе в произведениях разных лет высказывает много соображений об «изнанке» многочисленных игр, в которые играют люди. В повести «Душа ребёнка» игра – это образ жизни и поведения взрослых, забывших о правде и естественности, форма обмана и самообмана. Гессе уделяет внимание и азартным играм в таких произведениях, как роман «Курорник», повестях «Сиддхартха», «Клейн и Вагнер» и сказка «Король Ю». В этих произведениях игра не просто опасна, она разрушительна. Сиддхартха, окунувшись в повседневность с её заботами о хлебе и зрелищах, отчётливо понимает игровой характер мирской жизни, о чём ему иногда тихо жаловался утешающий голос сердца: «Тогда он на часок осознавал, что ведёт странную жизнь, что все поступки его суть только игра, что он хотя и весел и порой испытывает радость, подлинная жизнь, однако, течёт мимо и его не затрагивает».⁶ И именно азартные игры в повестях Г. Гессе становятся *механизмом вовлечения в реальность*, которую автор всегда стремился преодолеть, да и сама жизнь, например, в повести «Индийская судьба» предстаёт в виде игры жгучих картин счастья и страдания, но она не истинна, это «иллюзия, морок и призрак, – всё это Майя». Игры в кости или рулетку приносят острые ощущения, позволяют человеку переживать иллюзию успеха или неудач, корчиться от страха, даже глумиться над собой, но главное – сосредотачивают человека на деньгах: «Понимаете, когда я кладу свои деньги на кон, то в каждом проигрыше и каждом выигрыше участвуют все мои желания, под вопросом всё, чем я дорожу и к чему стремлюсь, а это даёт чувство, обрести которое не так то легко».⁷ В данном событийно-символическом контексте игра не только аккумулирует психические возможности человека, она действует как своеобразная живая вода, необ-

ходимая в мертвеем бытии. Так бывает, когда люди ищут и находят в сфере вымысла, фантазии то главное, без чего они не могут – высший смысл и напряжение.

Но связи между игрой и реальностью не укладываются лишь в безоблачную схему взаимообогащения. Н.Т. Казакова отмечает, что для современной культуры и общества характерна экспансия игры, *лудификация жизни*, т.е. проникновение игры в весьма разные феномены культуры и социальные институты: политика, военное дело, искусство, педагогика, межличностные отношения испытывают влияние игры, наблюдается распространение принципиально новых видов игр и т.д. С одной стороны, «жизнь и игра демонстрируют нерасторжимое единство, в котором зачастую теряются границы игры и неигры (жизни), при доминации игрового начала. Игрократизм человеческой жизни как на индивидуальном, так и на социальном уровне начинает просматриваться достаточно определённо».⁸ С другой стороны, вполне закономерно, что реальность, жизнь «сопротивляется», стремится отстоять свои позиции, так как игрократизм опасен распространением манипулятивных игр, в которых человек несвободен. На наш взгляд, излишнее распространение игр способствует формированию искажённой картины мира, отторжением реальности. Человечество в эпоху глобальных проблем стоит перед лицом серьёзнейшей опасности: заиграться и забыть о сущем и о насущном. Чисто психологически компенсаторная функция игры становится для людей чрезмерно значимой, игра «перетягивает» на себя внимание, которое человек должен уделять реальности.

Сегодня утилитарная составляющая игр сознательно навязывается СМИ в процессе псевдоинтеллектуальных забав, ведущих к сказочному обогащению, «разжёвывания» якобы острых переживаний, связанных с выигрышем или наоборот. Распространение этих игр позволяет ещё раз убедиться в том, что азарт запускает процесс символизации устремлений и ценностей (мечтаний, надежд, свободы и т.д.) В современном обществе игра культивируется разными способами. Увлечённость детей сотнями новых игрушек и компьютерных игр является следствием хронической усталости взрослых, игра как праздничная реальность заставляет взрослых придумывать новые игры «на интерес» (стритрейсеры могут похвалиться новыми скоростными машинами, «ролевики» убегают в иные исторические эпохи или миры фэнтези, педагоги придумывают обучающие игры и т.д.) Играя в то, что недоступно в повседневности, люди восполняют постоянно возникающие эмоциональные и интеллектуальные лакуны бытия. Высвобождение эмоций, взлёт «глубочайшего жизненного инстинкта», переживание «чистого счастья», вера во встречу с «райской птицей радости» – вот то, что привлекает человека за карточный стол или в телешоу с большим призовым фондом.

Роман «Игра в бисер», написанный в 1943 году, стал культовым далеко не сразу, но им не ограничива-

5 Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах/ Г.Гессе Пер с нем.// СПб.: Северо-Запад. 1994. т.4, С. 139.

6 Гессе Г. Сиддхартха: роман/Герман Гессе; пер. с нем. Н. Федоровской. – М.АСТ, 2009, С. 91-92.

7 Гессе Г. Последнее лето Клиггзора / Г.Гессе Пер с нем.// СПб.: Азбука-классика. 2004, с. 101.

8 Казакова Н.Т. Феномен игры в философии (методологический анализ)/Дисс. докт. филос. наук. Иркутск, 1999,с. 107.

ется круг произведений, в которых бы тем или иным способом актуализировалась сквозная в творчестве Германа Гессе тема игры. Рисуя касталийские пейзажи и елейные картины жизни духовного «братства во Игре», писатель двигался к весьма прагматичным целям: «У меня были две задачи: создать духовное пространство, где я мог бы дышать и жить даже в отравленном мире, некое прибежище, некую пристань, и, во-вторых, выразить сопротивление духу варварства и по возможности придать силы друзьям в Германии, помочь им сопротивляться и выстоять».⁹ Каких только возвышенных, пафосных названий не даёт Гессе игре в бисер: «магический театр», «Игра игр», «*lingua sacra*», «искусство *sui generis*», «игра жизни вообще» и т.д. Высказывается даже тезис об Игре в бисер как мировой идее, которая существовала всегда и которая имеет, ещё до оформления Игры как вида деятельности виды на будущее: «... каждый активный игрок мечтает ведь о постоянном расширении сферы Игры, пока она не охватит весь мир».¹⁰ Можно ли считать это своеобразным предчувствием *лудификации культуры* или неким частично сбывшимся прогнозом? В этом примере проявляется и прогностическая функция искусства в целом, и способность отдельных художников улавливать токи будущего. Более ценно другое: с точки зрения Г. Гессе, игра в бисер предстаёт в романе одной из возможностей очистить вселенское духовное начало, обеспечить духовной культуре ещё один взлёт. Много раз в романе говорится об универсальном характере игры как международном, междисциплинарном языке, Гессе подсказывает читателям путь культуры будущего: люди и общества либо заиграются в «фельетонные», т.е. пустые с духовной точки зрения игры, либо создадут новую область Духа, «провинцию», которая станет столицей новой культуры.

На фоне остросюжетных боевиков истории XX века «Игра в бисер» представляется не только безобидной рафинированной утопией, стилевым анахронизмом, но и становится анти-нострадамусом современного игрового пространства культуры постмодерна. С. Аверинцев, Е. Маркович, Е. Мюнстер и другие исследователи единодушно отмечают глубокую до горечи самоиронию, которой пронизан роман «Игра в бисер». Кажется, Гессе сознательно придумал игру, в наименьшей степени связанную с реальностью. Да и ассоциация с «метать бисер» всплывает не случайно. Писателю хватает смелости назвать образ жизни касталийцев паразитическим, напомнить и читателю, и самому себе о том, что «Абстракции восхитительны, но дышать воздухом и есть хлеб ... тоже надо».¹¹ Это весьма справедливо, ведь Касталия существует как вершина, как острие некой пирамиды общества, а для Гессе идея иерархичности – одна из любимых и воспеваемых в романе! Элита не может и не должна жить как «вещь в себе и для себя», она лишь достойная вершина духов-

ной вертикали общества. Игра в бисер проходит даже как общественный праздник, который транслируют по радио, и это не впадение в грех массовости. Дело в том, что игра в бисер приобретает *мистериальный характер* и одновременно имеет социально-практическое значение (как и любой другой идеал, как любая духовная деятельность). Создав идеализированное, рафинированное пространство и общество Игры, автор романа неоднократно напоминает читателю о важнейшей и неизбывной особенности исторического процесса: как хаос при определённых условиях кристаллизуется в иерархию и порядок, так любая устойчивая и развитая духовно-созерцательная система рано или поздно растворяется в Реке Времени. Можно ли считать роман Германа Гессе позитивистским прогнозом на XXI век, а две мировые войны и многочисленные социально-экономические кризисы – достаточным катарсисом для зарождения принципиально иного типа духовности в Постновейшей истории? Ответ пока не очевиден.

Игра в бисер, или в точном переводе «игра стеклянных бус», на наш взгляд, имеет важнейшее отличие от всех иных игр в истории культуры: она включает в себя медитацию. Интроспективный взгляд на культуру, стремление вычленить её ключевые элементы и синтезировать их в великой Игре дают совершенно не «прописанный» у более ранних авторов результат: Игра включает в себя науку, почитание прекрасного и медитацию, т.е. знание, эстетические ценности и созерцание духовного, чистого, высшего. Введение медитации в структуру игры может показаться несколько механистическим, но стоит помнить о том, что в алхимической традиции медитация – это «*colloquium cum suo angelo bono*», беседа со своим добрым ангелом, в йогической – созерцание своей духовной сущности, т.е. обращение именно к светлой стороне мира и человеческого существа. Таким образом, прогноз Г. Гессе в романе «Игра в бисер» подтвердился. Люди выбирают из мириад существующих сегодня игр те, что отвечают их потребностям: убивающие время, развивающие память и реакцию, социализирующие, демонизирующие общественное и индивидуальное сознание и многое, многое другое.

Не ставя под сомнения художественные достоинства романа, согласимся с мнением А. Гулыги, написавшего, что в творчестве Г. Гессе «... есть и основательная серьёзность, и ирония пополам с гротеском, есть и аскеза, есть и эротика, есть бездна вкуса, однако столь беспредельная, что порой оборачивается своей противоположностью. Читать Гессе труд, но и оплата по труду. Вознаграждён только тот, кто не пожалел потраченных усилий, кто возвращается к прочитанному, кто заглядывает в комментарии. Иначе одни убытки: зря потраченное время и чувство скуки».¹² Действительно, у современного читателя может возникнуть мысль: почему именно этот роман стал культовым, модным, сделавшим автору мировое имя, ведь событийно он довольно скучен, эмоционально суховат, а психологиче-

⁹ Гессе Г. По следам сна. М., Издательство АСТ, 2004. С. 483.

¹⁰ Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах/ Г. Гессе Пер с нем.// СПб.: Северо-Запад. 1994. т.4, С. 130.

¹¹ Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах/ Г. Гессе Пер с нем.// СПб.: Северо-Запад. 1994. т.4, С. 265.

¹² Гулыга А. Интеллектуальная проза Германа Гессе. – Новый мир, 1978, № 9, С. 260.

ски слишком одномерен. Это художественный трактат с цитатами и ссылками, аналитическими справками, рассуждениями и аналогиями, чтение которого предполагает серьёзные интеллектуальные усилия со стороны читателей. Тот факт, что в жизни самого Гессе роман был знаковым, переломным, писался по глубочайшей внутренней необходимости и стал творческим убежищем, вовсе не объясняет его популярности. Но роман помог «внедрить» универсалию игры в сознание современного общества, акцентировать внимание не игре как серьёзной альтернативе реальности, так как игра имеет абсолютное и трансцендентальное измерения, особые неповторимые свойства: «Игра не только повышает степень мыследеятельности субъекта, его рефлексивную способность, но и содействует приращению человеческого бытия, расширению пределов сознания субъекта игровой деятельности». ¹³ Аккумуляция социокультурного опыта, происходящая в игре, попытка решения психосоциальных проблем эпохи – это именно та функция, которую выполняет игра в бисер. Кроме того, роман оставляет удивительно умиротворяющее чувство того, что жизнь может быть размеренной, достойной и полной радости, в ней может не быть насилия, унижений и боли. Возможно, в этом одна из причин популярности творчества Гессе, всегда пытавшегося отстоять гуманистически-обнадеживающее мироощущение и помочь другим людям сохранить его.

Но далеко не все современные читатели оценивают роман положительно, особенно если учесть исторический контекст, в рамках которого создавалось это произведение. Так, М.Л. Полищук посвятил масштаб гуманитарной катастрофы, разразившейся в 20 веке, книгу «Великое вопрошание. Философия на весах истории». ¹⁴ В одной из глав этой тяжёлой для чтения и осмысления книги автор упоминает роман «Игра в бисер» как один из индикаторов тупикового состояния духовной культуры, недееспособности идеалов перед лицом обычной агрессии и разрушительных инстинктов, ведущих человечество к гибели. При подобной постановке вопроса игра со стеклянными бусинками вполне сравнима с попытками страуса спрятать голову в песок, лишь бы не видеть опасности. Человечество может «заиграться» окончательно, если не обратится к решению назревших глобальных проблем. Политические игры, столь важные для выживания человечества на современном этапе развития, Гессе практически игнорирует, а деятельность тех, кто развивает игру в бисер, может показаться непозволительной роскошью духа за счёт эксплуатации менее интеллектуально развитой части населения. Так что, как любое по-настоящему талантливое произведение, «Игра в бисер» может быть прочитана и оценена очень по-разному.

Популярная книга Эрика Берна «Игры, в которые

играют люди. Люди, которые играют в игры» ¹⁵ проливает свет не только на сущность игры как культурообразующего феномена. Пытаясь отграничить игровую сферу от неигровой, рассматривая типологию семейных и профессиональных психологических игр, автор приходит к неутешительному выводу о том, что «... главная цель игры вообще – манипулирование людьми» и «оправдание своего поведения». ¹⁶ Распознавание игр в разных формах поведения в процессе теоретического анализа позволяет современным исследователям продвигаться в понимании этой универсалии культуры во всей её многосторонности. Наш взгляд на игру значительно отличается от гессевского, так как великий немец был склонен игру идеализировать, превозносить и приукрашивать. Нам же, возможно, предстоит испытать на себе *хамелеонизм* игры, пронаблюдать её внедрение в глубинные структуры человеческой психики и с течением времени оценить последствия этих процессов. Скрытые мотивы участников игр, получение психологического выигрыша независимо от внешних результатов свидетельствуют о некоторых моментах самоорганизации, самоусложнения игры, о её качественном пеерождении.

Экспансивные тенденции игры, наблюдаемые в современном обществе и, в некоторой степени, предсказанные Г. Гессе в романе «Игра в бисер», имеют очевидную причину. Крайне высокие темпы изменения характера культуры, деятельности, ценностно-ориентационной составляющей человеческого бытия приводит к необходимости *непрерывной социализации*, а лучшего адаптационного механизма, чем игра, пока не придумано. Комплексный характер обучения в ходе игры позволяет в кратчайшие сроки решать когнитивно-адаптационные задачи, поэтому размывание возрастных границ игр наблюдается повсеместно и относится к разным их видам. Человек, постоянно попадая в незнакомые ситуации, может выйти из них победителем, если представит, что это игра. Возможность отрабатывать поведенческие реакции в новых условиях возводят игру в статус частного случая социогенеза. Так современная игра материализует тождество и единство человека и мира. Игры становятся источником новых видов социальной активности, механизмом осмысления реальности, а появление нового типа игр – с открытым финалом – запускают процессы социального творчества масс. Многие из этих свойств игры как универсалии культуры предчувствовал и описал в своём творчестве немецкий писатель Герман Гессе.

¹³ Капустина Л. Б. Взаимодействие философии и искусства как предмет теоретического осмысления в западной культуре. Автореф. докт филос наук. СПб, 2004, с. 20.

¹⁴ Полищук М. Великое вопрошание. Философия на весах истории: эссе/М. Полищук. – М.: «Канон+»РООИ «Реабилитация», 2012. – 334 с.

¹⁵ Берна Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры/ Э. Берна. – М.: «Эксмо», 2009. – 412 с.

¹⁶ Там же, с 74.

Библиографический список

1. Гессе Г. По следам сна. М., Издательство АСТ, 2004.
2. Гессе Г. Собрание сочинений в 4-х томах. Пер с нем.// Спб.: Северо-Запад. 1994. т.4э
3. Гессе Г. Сиддхартха: роман. Пер. с нем. Н Федоровской. М.АСТ, 2009.
4. Гессе Г. Последнее лето Клингзора. Пер с нем.//СПб.: Азбука-классика. 2004.
5. Казакова Н.Т. Феномен игры в философии (методологический анализ)/Дисс. докт. филос. наук. Иркутск, 1999.
6. Гулыга А. Интеллектуальная проза Германа Гессе. Новый мир, 1978, № 9, С. 260.
7. Шерсткина Е.А. Абсолютное и трансцендентальное измерение игры человека/ Канд. филос. наук, Уфа, 2009.
8. Капустина Л.Б. Взаимодействие философии и искусства как предмет теоретического осмысления в западной культуре. Автореф. докт филос наук. СПб.
9. Полищук М. Великое вопрошание. Философия на весах истории: эссе.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
10. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: «Эксмо», 2009.

References

1. Hesse H. In the wake of a dream. – M.: Nuclear heating plant Publishing house, 2004.
2. Hesse H. Collected works in 4 volumes/H. Hesse, translated from the German./SPb.: Severo-Zapad. 1994 . Vol.4.
3. Hesse H. Siddhardth: novel/Hermann Hesse; translated from German by N. Fedorova. – M.:AST, 2009.
4. Hesse H. The last summer of Klingzor/H. Hesse from the German./SPb. : Azbuka-klassika. 2004 .
5. Kazakova N. T. Game phenomenon in philosophy (the methodological analysis) / Ph.D. thesis. Irkutsk, 1999.
6. Gulyga I. Hermann Hesse intellectual prose. – The new world, 1978, No. 9. – 260 p.
7. Sherstkina E. A. Absolute and transcendental measurement of game person / Ph.D. Ufa, 2009.
8. Kapustin L. B. Philosophy and art interaction as a subject of theoretical judgment in the western culture. Author's abstract, Ph.D. on Philosophy. SPb.
9. Polischuk M. Great asking. Philosophy on history scales: essay/M of Polischuk. – M: "Canon +" ROOI "Rehabilitation", 2012.
10. Bern E. Games which people play. People who play games. /E.Bern. – M: "Eksmo", 2009.

УДК 17

UDC 17

В.Л. СИКИРИН

V.L. SIKIRIN

аспирант кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета
E-mail: aprelvd@yandex.ru

graduate student, department of philosophy, economics, social and humanities, Voronezh state pedagogical university
E-mail: aprelvd@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВА НЕНАСИЛИЯ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

POTENTIAL AND PERSPECTIVE OF NONVIOLENCE AS A SPECIAL FORM OF PUBLIC PRACTICE

В статье феномен ненасилия рассматривается как имеющий потенциал стать особой формой общественной практики, направленной, прежде всего, на сознательное водворение во все сферы человеческой деятельности высших моральных принципов. Подобная потенция связана с уникальными историческими условиями, но никогда не может быть осуществленной полностью. Перспектива ненасилия в обогащении общественных норм, их контекстуализации, введении новых стандартов отношений.

Ключевые слова: ненасилие, потенциал ненасилия, общественная практика, моральная практика, перспектива ненасилия.

In this article the phenomenon of nonviolence is considered as containing the potential to be a special form of public practice, aimed primarily to deliberate placement in all spheres of human activity of the highest moral principles. The similar potentiality is connected with unique historical conditions, but it can never be fully implemented. The perspective of nonviolence in the enrichment of social norms and its contextualization, the introduction of new standards of relations.

Keywords: nonviolence, potential of nonviolence, public practice, moral practice, perspective of nonviolence.

Идея ненасилия относится к числу ценностей, которые остаются актуальными на протяжении всей истории цивилизованного человечества. Появившись в так называемое «осевое время», время зарождения разума,

осознания человеком себя и своего места в мире, она прошло длинный путь от религиозного принципа до эффективной современной политической тактики.

Ненасилие обладает непреходящей актуальностью

– изменяются лишь возможности его проявления – от индивидуальных требований до массовых движений, от собственного спасения до требований переустройства всего общества. Ненасилие есть определенная, основанная на вере, программа социальных усилий человека. Утопичная в своем пределе, она не оторвана от реальности; не имея возможности когда-либо полностью достичь своих идеалов, она, тем не менее, задает определенный стандарт отношений, своими требованиями заставляя человечество искать дальнейшие пути развития, имея в виду принципы ненасилия.

В самом общем виде ненасилие есть феномен, рассматривающий отказ от насильственного разрешения конфликтов, введение любви в социальное пространство как эффективное и по настоящему единственно возможное средство организации социальной реальности. Не касаясь рассмотрения многообразных форм проявления феномена ненасилия, в нашей статье мы сосредоточим свое внимание на предельном понимании его как особого вида общественной практики, утопичного предела его развития, «вечного» идеала, оказывающего конструирующее, проективное воздействие на общество и его развитие.

Современные глобальные проблемы, такие как угроза атомных войн, экологические катастрофы, демографические кризисы и др., ставят вопрос о выживании всего человечества. Качественно отличаясь от прочих трудностей, с которыми прежде человечество сталкивалось лишь локально, проблемы современности требуют и качественно новых способов их разрешения. Многие видят один из них в ненасилии: в его философии, этике, практике. При таком подходе оно понимается как «новая перспектива общества»[4, С. 54-59], «новая стратегия будущего»[7], как один из способов необходимой «смены вектора сознательных усилий человека»[1, с. 41]. Заявляется, что «вся логика развития современной цивилизации приводит к пониманию ненасилия как важнейшего условия дальнейшего прогресса и процветания человечества»[7]. В нашей статье мы попробуем разобрать подобные претензии и надежды и показать, что они могут осуществиться лишь отчасти.

Подчеркнем, что ненасилие исторично, оно не ставший феномен, а исторически развивающееся явление, изменяющее свое содержание и форму. Ненасилие современности качественно отличается от своих древних предшественников, опираясь при этом на схожие мировоззренческие установки и идеи. Современное ненасилие – не «реинкарнация» старого этического принципа, не воплощение «вечной человеческой идеи», а продукт современности, обязанный своим существованием специфике момента – конкретным историко-культурным условиям и ситуациям.

При этом ненасилие из мировоззренческих установок отдельных личностей, религиозных требований не переходит в категорию общественной борьбы, в политическую сферу до тех пор, пока к этому нет объективных предпосылок, до тех пор, пока не сформированы необходимые условия гражданского общества, которые предполагают не только действенность соответ-

ствующих социальных институтов, но и определенную культуру правосознания, укорененную в общественной психологии [5, с. 8]. «Широкомасштабные», массовые ненасильственные кампании возможны только в граждански развитых обществах (или же при соответствующем уровне метрополии, как в Индии, или примеров со стороны, как в ряде случаев так называемых «оранжевых революций»), где приоритет ценности личности несомненен и является аксиомой. Возможность развертывания кампании ненасилия во многом зависит от значимости прав человека для противника (оппонента)[4, с. 45]. «Здесь может и не быть самих институтов политической демократии, но необходим такой здравый смысл, для которого уважение личного достоинства и ценности человеческой жизни является важным постулатом в определении действий и выборе средств» [4, с. 45].

Являясь порождением гражданского общества, ненасилие в то же время двигает и развивает его дальше. Отсюда одной из главнейших его функций является преобразующая. Оно проектирует желаемый результат, пытаясь задавать правила игры, выстраивает своего рода особое социальное пространство, способствующее утверждению моральных принципов и прогрессивным изменениям. Современное ненасилие предполагает, требует расширения морали до тех сфер общественной жизни, которые традиционно мыслились вне ее. Идеи естественных прав человека, верховенства закона, приоритета человека могут и должны быть дополнены новыми, где главенствующее место занимают этические принципы и соответствие им. Ненасилие активно способствует их выработке. Оно соединяет и скрепляет вместе схожие мировоззренческие установки, активно формирует новые. Само явление уже давно «переросло» свое первоначальное определение и требует более адекватного, отражающего активный творческий характер ненасилия, не ограничивающегося отказом от насилия, но включающего требования соблюдения высших моральных принципов, таких как любовь, истина, справедливость и др. Ненасилие стремится взять стихийный процесс развития и распространения моральности под свой сознательный контроль. Здесь имеет место попытка предвосхитить будущую правовую норму, создать необходимые условия для ее существования. И если прежде главным назначением нормы было претвориться в общественную практику[3, с. 129], то в ненасилии эта схема изменяется – ввести во все сферы общественной жизни высшие моральные принципы с тем, чтобы они получили максимальное закрепление и в законодательстве. При этом ненасилие порывает со своими религиозными корнями, теряет узкие национальные черты, все шире вовлекаясь во всемирный процесс глобализации, формирования общечеловеческих ценностей, все более становясь общечеловеческой ценностью и достоянием. И это новое общечеловеческое не только собирается путем отбора лучшего и приемлемого для всех, но, что самое главное, именно формируется, вырабатывается, не закрепляясь при этом в культурно-абсолютных формах, не утверждаясь «окончательно» и бесспорно, а находясь в процессе постоянных изменений, хотя бы в отдельных своих частях.

Мы позволим себе утверждать, что ненасилие в новейшее время является больше чем просто мировоззрением или методом политической или экономической борьбы. Кампании, проведенные М. Ганди, М. Кингом и их последователями, помимо отказа от насилия включали также требования соблюдения таких моральных принципов, как любовь, справедливость, понимаемая не как наказание, а, скорее, как наибольшее равенство, правдивость и др. Заметим также, что освобождение Индии в первом случае и равноправие для афроамериканцев во втором не были конечной целью движений Ганди и Кинга – оба признавались, что гораздо более важным для них являются духовные изменения своих народов, а непосредственная борьба рассматривалась ими как своеобразная епитимья перед формирующимся новым качеством. Ненасилие здесь не ограничивалось лишь одним принципом – оно выступало как политическая борьба, ведущаяся морально. И это важно подчеркнуть. В сложившихся условиях ненасильственные кампании получили возможность расширить себя до уровня попытки внедрения морали в те сферы общественной практики, которые традиционно вынесены за моральные скобки – такие как политика, экономика, правосудие и т. д.

Именно здесь мы и усматриваем заложенный в современном принципиальном ненасилии потенциал особой общественной практики, направленной на сознательное внедрение высших моральных принципов и ценностей во все сферы общественной жизни. Понимаемое таким образом ненасилие преследует цели мироизменения через работу над самим собой, оно есть одновременно и индивидуальное, и массовое движение.

Ненасилие – это единая работа над собой и над миром. В этом единстве и заключается своеобразие ее как общественной практики человека. Ненасилие стало составной частью философии политики, но не сводимо только к ней. Оно есть высшая ступень самого главного гуманистического принципа отказа от рассмотрения человека как средства, который всегда должен и есть только цель.

Итак, в своих пределах ненасилие может рассматриваться как особого рода моральная практика, понимаемая как высшая форма рационализации Кантом и Фихте, самодовлеющая, не служащая средством или идеологической рационализацией для какой-либо общественной практики, характеризующаяся субъект-субъектными отношениями. Это практика расширения сферы применения моральных принципов из личностной сферы до общественной, до всех форм человеческой деятельности. Здесь «средство» есть «цель». Ненасилие «снимает проблему безнравственных средств по пути к цели нравственной и достойной: оно является обязательством достигать целей, не выходя за нравственно дозволенные рамки, не прибегая к насилию» [2, с. 78]. Отсюда один из девизов ненасильственной борьбы: «нет путей к миру, мир – это и есть путь» [2, с. 79]. Из всего опыта человечества именно ненасилие представляется нам наиболее приближенным к подобному идеалу моральной практики.

Подчеркнем при этом, что возможности подобной ненасильственной практики связаны, прежде всего, с объективной исторической возможностью, а не вытекают из какой-либо «природы человека», его онтологии. Ненасильственная практика получает распространение вместе с ростом тенденций глобализации, таких как расширение коммуникативного пространства, политической полисубъектности, «прогресса в сознании свободы» и пр.

В то же время она неоднократно доказывала свою эффективность в современных условиях – примеры сатяграхи, борьбы афроамериканцев, «оранжевые революции» – и именно их успешность является главенствующим фактором при их выборе как способе борьбы, а не идейные или мировоззренческие установки. Постепенно идеалы ненасилия все более проникают в общественное сознание, получают свое законодательное и институциональное закрепление. И даже революции теперь становятся на их платформу. При этом прагматическое ненасилие руководствуется социальными, политическими или государственными соображениями, в то время как принципиальное ненасилие в дополнение к ним или вместо них руководствуется еще высокими моральными целями [4, с. 29-30].

Подчеркнем, что в ненасилии логика морали переходит в логику массового социального действия [5, с. 10], ненасилие здесь задает идейную основу для приложения моральных принципов к социальной практике и нравственного обеспечения усилий по преобразованию общественной жизни [5, с. 10].

Ненасилие понимается его сторонниками как деятельность, в конечном счете, направленная на духовную трансформацию людей, на переход их к подлинно ответственному существованию, к мировоззрению, отличающемуся взглядом на людей и на мир как на взаимосвязанную систему, пониманием единства человека и мира вокруг него, а уже отсюда, как следствие, вытекает установление наиболее совершенного общественного порядка. Но только ненасилием добиться подобной трансформации нельзя!!! Такая «перестройка» возможна только как результат работы человечества во всех областях общественной жизни, дополнения этики ненасилия и любви прочими актуальными для глобального мира принципами: этикой самоограничения, ответственного существования, открытости, диалога и т. д.

Но согласившись со всем этим, признав ненасилие как особый вид общественной практики, можем ли мы разделить озвученные выше надежды на его исключительную роль в общественном развитии человечества, на его особые потенции по преобразованию качества социальных отношений – иными словами, может ли ненасилие стать фундаментом искомого «нового» будущего общества, справившегося с проблемами современного? Мы думаем, что ответ здесь не будет однозначным.

Ненасилие, понимаемое в его правовом, «идейном», узком аспектах, может и становится реальностью социальной жизни, категорией общественного сознания. Необходимость отказа от насилия как способа решения проблем и конфликтов все больше осознается, реализу-

ется на практике. Идеи ненасилия вместе с принципами компромисса, терпимости, равноправного диалога широко проникают в политику, социальную борьбу, становясь главенствующими методами. В этом смысле развитие принципов ненасилия вширь является одним из завоеваний гражданского общества, его «побочным следствием».

В то же время претензии сторонников принципиального ненасилия, развивающего его до уровня особой общественной практики, на возможность построения общества на его основах, представляются нам необоснованными. По всей видимости, общество, построенное на доминировании морального самосовершенствования, сконцентрированное на «внутреннем», невозможно. Американский исследователь Г. Кафка для обозначения подобных гипотетических общественных образований использует термин «сообщество ангелов» [6, с. 107], обращая внимания на то, что оно возможно лишь при принципиальном изменении человеческой природы, позволяющей говорить уже не о человеке, а о «ангеле», живущем согласно своей «небесной», отличной от человеческой, природе.

Заметим, что наиболее известные проекты подобных общественных систем (например, христианское общество Толстого или «федерация» самоуправляющихся общин Ганди) предполагают в качестве одного из своих условий необходимость отказа от насилия в государственном управлении, т. е. заявляется необходимость реализации перехода к ряду анархических идеалов. Не вдаваясь в подробный разбор, отметим, что анархические системы не представляются нам жизнеспособными и могущими стать «фундаментом» новой общественной системы.

И все же не будем столь категоричны в отрицании возможности построения «нового общества», основанного на действительном приоритете моральных ценностей. Но если оно и возможно, пусть и в самом отдаленном будущем, то путь к нему невозможен только лишь через «внутреннее», без изменения «внешне-

го», лишь через одно «внутреннее усилие сознания» [8, с. 278]: создания соответствующих материальных условий, развития социальности и общественных установлений.

В массовом развитии ненасилие возможно лишь как политическая тактика, как элемент социальной борьбы, но не как перфекционистский идеал самосовершенствования. Этика последнего не распространяется на этику общественного, это два пересекающихся, но разных уровня существования морали, отражающих ее двойственное назначение: удовлетворять индивидуальные идеалы самосовершенствования и обеспечивать наилучшие условия для людей [6, с. 277]. «Перфекционистские запросы личности должны быть скорректированы в связи с целесредственной спецификой социально-политической сферы и административно-регулятивной деятельности» [6, с. 278]. Иными словами, то, что хорошо для «святого», плохо для общества в целом. И хотя вековые мечты человечества связаны с развитием и расширением идеала индивидуального совершенствования до всех членов общества и до всех его институтов, подобное движение является лишь проектирующим идеалом, устремлением, которое никогда не может быть выполнено полностью, но, впрочем, способное влиять на развитие и качество общественных моральных идеалов и реалий. Таким образом, ненасилие как моральная практика не может занять место «фундамента» общества, не способно стать «вектором» его развития и движения, но может быть достаточно развито и массово, чтобы выступать источником обогащения общественных норм, контекстуализировать их, определять культурно-историческое своеобразие эпохи, задавать более высокие стандарты отношений, указывать будущие перспективы. Потому нам остается лишь выразить надежду на скорейшее и наиболее полное развитие идей ненасилия в общественном сознании и на все более широкое вхождение его идей и принципов в непосредственные реалии.

Библиографический список

1. Гусейнов А. А. Понятие насилия и ненасилия. Вопросы философии 1994; №6: 35-41.
2. Гусейнов А. А. Этика ненасилия. Вопросы философии 1992; №3: 72-81
3. Лившиц Р. З. Теория права / М., БЕК, 2001. 224 с.
4. Ненасилие: философия, этика, политика / Ред. А. А. Гусейнов // М.: Наука, 1993. 188 с.
5. Опыт ненасилия в XX столетии / Социально-этические очерки. Под ред. Р. Г. Апресяна // М.: Аслан. 1996. 288 с.
6. Прокофьев А. В. Мораль индивидуального совершенствования и общественная мораль: исследование неоднородности нравственных феноменов – Великий Новгород: изд-во НовГУ, 2006. 282 с.
7. Степин В. С. Эпоха перемен и сценарии будущего. Режим доступа: philosophy.ru/library/stepin/epoch.html
8. Толстой Л. Н. Царство божие внутри вас // Собр. соч. в 90 томах. Т. 28. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. – 584 с.

References

1. Guseynov A. A. The concept of violence and non-violence // Problems of Philosophy. 1994. № 6. Pp. 35-41
2. Guseinov A. A. Ethics of nonviolence // Problems of Philosophy. 1992. № 3. Pp. 72-81
3. Livshits R.Z. Theory of law // R. Z Livshits // M.: BEK, 2001. – 224 p.
4. Nonviolence: philosophy, ethics, and politics / M.: Nauka, 1993. - 188 p.
5. The experience of non-violence in the twentieth century / Social and ethical essays. Ed. R.G. Apresian. M.: Aslan. 1996. 288 p.
6. Prokofiev A. V. Moral improvement of the individual and public morality: a study of heterogeneity of moral phenomena - Veliky Novgorod: Novgorod State University Publishing House, 2006. – 282 p.
7. Stepin V. S. Era of change and future scenarios - . Mode of access: philosophy.ru/library/stepin/epoch.html
8. Tolstoy L. N. The Kingdom of God is within you // Collected works in 90 volumes. Vol. 28 / Lev Tolstoy. – M.: Khudozhestvennaya literature, 1957. - 584 p.

УДК 81:168.1

UDC 81:168.1

М.А. ФЕДОРОВ

кандидат философских наук, докторант Забайкальского государственного университета, старший преподаватель кафедры английской филологии Бурятского государственного университета
E-mail: fma1105@gmail.com

M.A. FEDOROV

candidate of philosophical sciences, doctoral candidate of Transbaikalian state university, senior teacher of chair of English philology Buryat state university
E-mail: fma1105@gmail.com

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНА «ЯЗЫК»

RESEARCH ASPECTS AS A WAY TO OVERCOME THE EXCESSIVE NUMBER OF DEFINITIONS OF «LANGUAGE»

Множество определений языка приводит к полисемичности этого термина и, как следствие, размыванию его границ. В качестве решения проблемы предлагается учет аспектов, с позиции которых сделано определение. Перечень аспектов выбран с точки зрения его системных характеристик.

Ключевые слова: язык, система, определение, аспекты исследования.

A great many of definitions of language result in the polysemy of the term followed by the diluting of its boundaries. As a solution we emphasize the aspects covered in the definitions of language. The list of aspects is based on the system characteristics of language.

Keywords: language, system, definition, aspects of research.

История исследования языка восходит к трудам древних индийцев, размышлениям греческих философов и дискуссиям представителей патристики, но вопрос о сущности языка, во-первых, долго оставался предметом споров, а во-вторых, до сих пор можно считать открытым, судя по количеству дефиниций языка. Предварительный анализ определений показал, что их можно разделить на следующие группы, в основу которых мы, вслед А. Кребером и К. Клакхоном, положим акценты, отражающие основное их содержание¹:

1. *язык как система знаков*: «система символов, которая позволяет людям общаться друг с другом» [10]; «система знаков любой физической природы, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания, передачи информации от поколения к поколению» [13]. Господство структурализма в языковедческой мысли является достаточно веской причиной того, что эта категория является самой большой.

2. *язык как духовная сущность, являющаяся носителем культуры народа*. По мнению Л. Вайсгер-

бер, это неличное объективное социальное образование; духовное средоточие всего опыта сообщества. Г. Ипсен считает, что это развивающийся и превращающийся в мир действенный дух сообщества, обнаруживающий и познающий себя как мир [Цит. по 21, с. 144, 152, 154]). Успехи материалистической парадигмы в языкознании, казалось бы, предопределили принадлежность единиц этой категории к области истории лингвистики, но развитие антропологического подхода привело к тому, что они до сих пор актуальны.

3. *язык через описания его содержания*. В.И. Даль определял язык как совокупность всех слов народа и верное их сочетание, для передачи мыслей своих [12, с. 674]). Р. Вердербер и К. Вердербер – как совокупность слов и систем их использования, общих для людей одного и того же языкового сообщества» [6].

4. *определения, выделяющие коммуникативный аспект языка*. Ю. Волков, И. Мостовая рассматривают язык как систему коммуникации, осуществляющейся на основе звуков и символов, имеющих условные, но структурно обоснованные значения [7, с. 425]. Н. Дурново пишет: «совокупность способов выражения мысли с помощью слов...» [19].

5. *определения языка, в которых основной характеристикой является деятельность*. В Гумбольдт писал: «язык не есть продукт деятельности, а деятельность... Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [11, с. 70]). По мнению У. Малфорда, это решающая знаковая практика, в которой

¹ А. Кребер и К. Клакхон первыми предприняли классификацию определений культуры. Так, в ней выделяются: А) описательные определения, в которых упор делается на перечислении всего того, что охватывает понятие культуры; В) исторические определения, в которых внимание акцентируется на процессах социального наследования, традиции; С) нормативные определения, ориентирующиеся на идею образа жизни или на представления об идеалах и ценностях; D) психологические определения, в которых упор делается либо на процесс адаптации к среде, либо на процесс научения, либо на формирование привычек; Е) структурные определения, в которых обращается внимание на структурную организацию культуры; F) генетические определения, в которых культура рассматривается с позиции ее происхождения. Вышеприведенная классификация в том или ином виде повторялась другими исследователями культуры [цит. по 14, с. 15].

и посредством которой человеческая личность формируется и становится социальным существом [25];

На наш взгляд, к этой же категории принадлежит дефиниция Л. Блумфилда, относящая язык к сфере поведения: «всеобъемлющий комплекс навыков (фонематических и формально-семантических), возникающий благодаря повторяемости стимулов на протяжении всей предшествующей жизни человека» [4, с. 398].

Предложенная выше классификация ориентируется на содержание определения и направление исследования, т.е. составлена относительно субъекта исследования. На наш взгляд, ее главный недостаток состоит в том, что количество таких категорий может быть бесконечным и это делает постижение объекта невозможным, поскольку всегда может появиться новый аспект исследования. Идеалом, к которому мы стремимся, является классификация относительно объекта исследования, лучшая из которых, как нам кажется, основывается на системных характеристиках объекта.

Мы не можем не согласиться с тем, что язык является системой, но отнюдь не уверены, что все авторы дефиниций языка имели одинаковое понятие системы. Общая теория систем, призванная стать панацеей против последствий информационного взрыва посредством создания общего теоретического языка, дающего возможность объединения не связанных до сих пор отраслей науки [22, с. 59], не смогла дать единого ответа о сущности системы, как указывали отечественные теоретики.

Так, И.В. Блауберг отмечал, что существуют противоречивые трактовки как сущности системного подхода, так и совокупности его методологических принципов, поскольку объекты и изучающие их дисциплины чрезвычайно разнородны. Более того, в тот период имелись случаи трансформации взглядов у одних и тех же авторов [3, с. 7-8]. В.Н. Садовский подчеркивал, что многие дефиниции, формулируемые в контексте специальных системных разработок, не являются оперативными, поскольку фиксируемая в них реальность является значительно шире той, которую такие области науки и техники способны исследовать [23, с. 46].

Рассмотрев различные подходы к решению этой проблемы, мы остановились на теории функциональных систем П.К. Анохина по причине того, что она предполагает детерминированность содержания исследуемых систем и применима к феноменам культуры, к которым, без всякого сомнения, относится язык. Ключевым отличием его теории является то, что ученый вводит понятие системообразующего фактора – фактора, который упорядочивает изначально «беспорядочное множество» и делает его функционирующей системой, «взаимодействием множества компонентов» [1, с. 26].

Две основные функции языка – коммуникативная и когнитивная – указывают на то, что системообразующим фактором языка можно назвать понимание, имеющее две направленности: понимание собеседника собеседником и понимание окружающего мира. Систообразующий фактор коррелирует с целью системы, которая отбирает необходимое и достаточное

количество элементов. В отношении языка понимание как системообразующий фактор определяет количество средств передачи информации, представленных в виде материальных носителей смыслов и правил их сочетания.

Раскрывая понятие взаимодействия, П.К. Анохин указывает, что сущность функционирования элемента заключается в том, что всякий компонент может войти в систему только в том случае, если он вносит свою долю содействия в получение запрограммированного результата. Следовательно, системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимосодействия компонентов, направленного на получение фокусированного полезного результата [1, с. 35]. В свою очередь рассматриваемая система может являться элементом более крупной системы, и ее динамика может быть вызвана воздействием системообразующих процессов системы следующего уровня. Таким образом, первым шагом в определении системной сущности объекта является определение в системы большего порядка, в которую входит настоящая система.

Такой суперсистемой в отношении языка является культура, которую мы в рамках подходов Э.С. Маркаряна и М.С. Кагана определяем как систему адаптивных практик коллектива, направленных на упорядоченное взаимодействие общества с внешней средой и упорядочение самого общества как целостного организма [20, с. 62, 63; 14, с. 47]. Деятельностная природа языка позволяет утверждать, что он не является элементом определенной подсистемы культуры, а пронизывает все ее подсистемы, являясь необходимым инструментом познания мира и адаптации.

Н.З. Чавчавадзе настаивает на том, что для истолкования онтологии феноменов культуры необходимо использовать четыре причины Аристотеля – материю, форму, начало движения и цель [26 с. 76]. Принимая во внимание истолкование материи и формы, предложенное П.П. Гайденом [8, с. 31], можно назвать такие аспекты культуры, как инвариантный, формальный, исторический и функциональный. Исследование дефиниций культуры показало необходимость включения семиотического аспекта по причине знаковой природы этого феномена.

Функциональный аспект можно рассматривать как главный, поскольку он отражает предназначенность исследуемой системы в рамках системы следующего порядка — культуры. Определения, включающие этот аспект, отвечают на вопросы: «для чего нужна данная система», «в чем ее функция»? Примером может служить следующее определение: средство, с помощью которого люди описывают все происходящее в жизни, т.е. заставляют все предметы и понятия, окружающие нас, правильно взаимодействовать друг с другом при описании реальных жизненных ситуаций [17].

Содержательный и формальный аспекты можно представить как члены оппозиции, в которой первый фокусируется на перечне составляющих системы,

предлагая тем самым ее инвариантное описание, отвечающее на вопрос, «что необходимо для систем подобного рода?». Тогда как формальный аспект подчеркивает варианты характеристики объекта, раскрывая его специфику, выделяющую данную систему среди ей подобных.

Примером определения языка с точки зрения содержательного аспекта может послужить следующее: система знаков, сопряженная с универсальными правилами их связывания и служащая коммуникативным целям [9]. Хотя в этой дефиниции также отражен функциональный аспект, доминантным здесь является перечисление составляющих языка. Примером определения с точки зрения формального аспекта можно предложить следующее: простейшая и самая главная из всех наших социальных (то есть свойственных только человеку) форм поведения [4, с. 58]. Поведение здесь представлено как инвариантная характеристика, которая получает преломление в рамках локальной культуры.

Исторический (динамический) аспект раскрывает особенности изменения исследуемого объекта. Вслед за Р. Келлером, мы стоим на позиции, что язык является культурным сооружением, феноменом, который изменяется как обусловленное следствие множества индивидуальных намеренных действий, которые служат хотя бы частично похожим намерениям [15, с. 123]. Поэтому здесь необходим учет как индивидуальных действий, так и их массовых последствий. Следующая дефиниция может проиллюстрировать наличие исторического аспекта: социальная часть речевой деятельности, почему в середине? Разве дальше не его мысль? могущая изменяться в результате множества сходных речевых действий, которые выступают как прямая или косвенная причина изменения.

Семиотический аспект является неотъемлемым для описания феноменов культуры, поскольку означение, отражающее специфическое понимание собеседника и окружающей среды, является одной из основных адаптивных стратегий человека. Дефиниции, отражающие этот аспект, отвечают на вопросы об особенностях передачи информации, связи между поколениями. Примером может послужить следующее: Вайсгербер Л.: *неличное объективное социальное образование; духовное средоточие всего опыта сообщества* [цит. по 21, с. 144, 152].

Проведенный нами анализ более 50 определений показал, что исследователи выделяют еще один аспект – онтологический. Если вышеупомянутые аспекты отвечают на вопросы: для чего эта система? из чего состоит? чем отличается от подобных себе? как развивается? в чем ее специфика как носителя информации?, то последний аспект обращается к проблеме онтологической сущности языка, отвечая на вопрос: что это такое?

Дефиниции, раскрывающие этот аспект, могут быть довольно неопределенными и чересчур абстрактными, или, напротив, достаточно конкретными, отражающими контекст определенной научной позиции. Примерами первых могут служить определения Г. Ипсена – «развивающийся и превращающийся в мир

действенный дух сообщества, обнаруживающий и познающий себя как мир» [21, с. 154] и В.Г. Крысько – «социально-психологическое явление...» [16]. В качестве примера последних можно представить дефиницию А.А. Леонтьева: «система идеальных объектов – языковых знаков, где на место реальных отношений подставлена их видимая форма, где реальные свойства и отношения предметов и явлений действительности, актуализируемые в деятельности с этими предметами и явлениями, оказываются перенесенными на новую субстанцию и восполненными предметностью и свойствами языка» [18, с. 35].

Идея о необходимости составления определения языка с учетом разных аспектов не является новой в лингвистике. Так, В.М. Солнцев указывает, что язык как исключительно сложное образование может быть определен с разных точек зрения в зависимости от того, какая сторона или стороны языка выделяются:

а) с точки зрения функции языка (или функций языка) язык есть средство общения людей и как таковое есть средство формирования, выражения и сообщения мысли;

б) с точки зрения устройства (механизма) языка: язык есть набор некоторых единиц и правил использования этих единиц, то есть комбинирование единиц, эти единицы воспроизводятся говорящими в данный момент;

в) с точки зрения существования языка язык есть результат социального, коллективного навыка «делания» единиц из звуковой материи путем сопряжения некоторых звуков с некоторым смыслом;

г) с семиотической точки зрения язык есть система знаков, то есть материальных предметов (звуков), наделенных свойством обозначать что-то, существующее вне их самих;

д) с точки зрения теории информации язык есть код, с помощью которого кодируется семантическая информация [24, с. 11-12]².

Однако тот факт, что в современных работах могут встречаться «урезанные» определения, показывает, что это хорошее начинание не прижилось. Более того, нельзя не заметить, что определения, раскрывающие язык с позиции разных аспектов, не совпадают по объему и, в конечном итоге, указывают на разные сущности. Все это только подтверждает наш тезис о том, что такие определения должны непременно содержать указание на аспект, с позиции которого они определяют язык.

В значительной части проанализированных дефиниций указывается несколько аспектов, что, можно предположить, делается в целях максимально точного отражения объекта исследования. В определении А.Я. Анцупова, А.И. Шипилова можно увидеть следующие аспекты: система знаков (содержательный), служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания (функциональный), передачи от поколения к

² В.М. Солнцев также выделяет пять аспектов вслед за Н.З. Чавчавадзе и М.С. Каганом для анализа феноменов культуры, четыре из них совпадают по своему содержанию: а – функциональный, б – содержательный, в – динамический, г – семиотический.

поколению и хранения информации. Исторически Я. возник благодаря труду, совместной деятельности людей (исторический). Существует и реализуется через речь (онтологический), которая обладает сукцессивностью, пресуппозиционностью, ситуативностью, неполнотой (семиотический) [2]. Несмотря на то, что в этой дефиниции не указаны все возможные аспекты языка как системы-объекта, оно является достаточно полным, раскрывая пять из шести аспектов.

В заключение можно предложить развернутое определение языка, которое учитывает все аспекты языка как системы, освещенные выше: язык – это необходимая и достаточная совокупность материальных носителей смыслов и правил их употребления (содержательный), представленных в сознании в виде акустико-графических образов и объективируемых в речи при помощи звукокомплексов, закрепленных речевой практикой (онтологический), используемых определенным коллективом для познания окружающего мира и коммуникации между собой (функциональный), а потому отражающих специфику адаптации этого коллектива к окружающему миру и его консолидации как единого целого (формальный аспект); изменение этой системы представляет собой адаптацию средств рече-

вой деятельности, отражает изменение концептуальной системы и по своему характеру относится к культурным сооружениям (динамический аспект); совокупность знаков языка используется для хранения информации, передача которой осуществляет связь между поколениями; специфика означения субстанции языка состоит в том, что она осуществляется в контексте имеющейся системы знаков и основана на основе либо сходства, либо смежности формальной и/или семантической составляющей знака (семиотический).

Вывод: обращение к теме аспектuality является необходимым, поскольку несогласование подходов в процессе изучения любого сложного объекта, к каковым относится и язык, приводит к размыванию изучаемого понятия, и в дальнейшем – к умножению сущностей. Конечный набор аспектов рассмотрения систем может являться достаточно твердым основанием для непротиворечивого познания, в первую очередь, предметов гуманитарного знания в силу их абстрактного характера. Отдавая отчет в том, что далеко не всякое исследование требует полной всесторонней дефиниции, мы убеждены в том, что краткие определения должны сопровождаться указанием аспекта, с точки зрения которого они рассматриваются.

Библиографический список

1. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. В кн.: П.К. Анохин П.К. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. С. 5-61.
2. Ануцов А.А., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога, 2009 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word>, свободный.
3. Блауберг И.В. Системный подход как предмет историко-научной рефлексии. Системные исследования 1973: С.7- 20.
4. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968.
5. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб., 2003 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/789>, свободный.
6. Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: Учебник для вузов. М. Гардарики, 2001.
7. Гайденоко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2007.
8. Глоссарий психологических терминов / под ред. Н. Губина. М.: Наука, 1999. 302 с. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/7>, свободный.
9. Гулина М.А. Словарь справочник по социальной работе, 2010 г. / М.А. Гулина [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/903>, свободный.
10. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4. М.: Рус. Яз, 1998г.
12. Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика, 2005 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/896>, свободный.
13. Казан М.С. Философия культуры. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1996.
14. Келлер Р. Языковые изменения. О невидимой руке в языке. Самара: СамГПУ, 1997.
15. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999. 343 с. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067>, свободный.
16. Кутузов Л. Практическая грамматика английского языка М., 1998. - С. 5-14 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics3/kutuzov-98a.htm>, свободный.
17. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2001.
18. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: . М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://literary_terms.academic.ru/, свободный.
19. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983.
20. Радченко О. А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века. Вопросы языкознания 2002; 6: 140-160.
21. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем. Системные исследования 1969: 55-79.
22. Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем. Системные исследования 1971: 35-54.
23. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.

24. Социологический словарь. - 2009 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/ya/jazyk.html>, свободный.

25. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценность. Тбилиси: Мецнеериба, 1984.

References

1. *Anokhin P.K.* Fundamental questions of the general theory of functional systems. In book: P.K. Anokhin P. K. Principles of the system organization of functions. - M: Nauka, 1973. - Pp. 5-61.
2. *Antsupov A.Ya. Shipilov A.I.* Dictionary конфликтолога, 2009 [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word>, free.
3. *Blauberg I.V.* System approach as subject of a historical and scientific reflection. System researches 1973: 7- 20 .
4. *Blumfeld L.* Language. M: Progress, 1968.
5. *Verderber R., Verderber K.* Communication psychology. — SPb. 2003 [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vocabulary.ru/dictionary/789>, free.
6. *Wolves of Yu.G. bridge I.V.* Sotsiologiya: The textbook for higher education institutions. M. Gardariki, 2001.
7. *Gaydenko P.P.* Time. Duration. Eternity. Time problem in the European philosophy and science. – M: Progress-Tradition, 2007.
8. The glossary of psychological terms / under the editorship of N. Gubin. – M: Science, 1999. – 302 pages [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vocabulary.ru/dictionary/7>, free.
9. *Reveller M.A.* Slovar directory on social work, 2010 g/M. A. Gulina [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://voluntary.ru/dictionary/903>, free.
10. *Humboldt von V.* The chosen works on linguistics. M: JSC IG Progress, 2000.
11. Distance of Century. And. Explanatory dictionary of living great Russian language, t. 4 . M: Russian Yaz, 1998.
12. *Dushkov B.A. queens of A.V. Smirnov B. A.* Encyclopedic dictionary: Psychology of work, management, engineering psychology and ergonomics, 2005 [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vocabulary.ru/dictionary/896>, free.
13. *Kagan M. S.* Culture philosophy. – St. Petersburg: Shopping Mall Petropolis LLP, 1996.
14. *Keller R.* Language changes. About an invisible hand in language. Samara: CamTIY, 1997.
15. *Krysko V. G.* Ethnopsychological dictionary / Century of G. Krysko. – M, 1999. – 343 with. [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://vocabulary.ru/dictionary/1067>, free.
16. *Kutuzov L.* Practical English grammar of M, 1998. - Page 5-14 [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://www.philology.ru/linguistics3/kutuzov-98a.htm>, free.
17. *Leontyev A.A.* Language and speech activity in the general and pedagogical psychology: the chosen psychological works. - M: Moscow psikhologo-social institute, 2001.
18. Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: . — M; L. : Publishing house L.D. Frenkel, 1925 [Electronic resource]: [site]. Access mode: http://literary_terms.academic.ru/, free.
19. *Markaryan E.S.* Theory of culture and modern science. M: Mysl', 1983.
20. *Radchenko O. A.* Concept of a language picture of the world of the German philosophy of language of the XX century. Questions of linguistics 2002; 6: 140-160 .
21. *Rapoport A.* Various approaches to the general theory of systems. System researches 1969: 55-79 .
22. *Sadovsky V. N.* Some basic problems of creation of the general theory of systems. System researches 1971: 35-54 .
23. *Solntsev V. M.* Language as system and structural education. M: Nauka, 1977.
24. Sociological dictionary. - 2009 [Electronic resource]: [site]. Access mode: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc/ya/jazyk.html>, free.
25. *Chavchavadze N. Z.* Culture and value. Tbilisi: Mentsneeriba, 1984.

УДК 811.161

UDC 811.161

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книжного дела, русского языка и методики его преподавания Орловского государственного университета
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALEOSHINA

doctor of Philology, professor, head of the chair "Book business, Russian and technique of its teaching", Orel state university
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВОТВОРЧЕСТВА
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ НОВООБРАЗОВАНИЙ Н.С. ЛЕСКОВА)***

**LINGUISTIC WORLD IMAGE THROUGH THE PRISM OF WORD CREATION
(FROM EXPERIENCE IN WORKING ON THE DICTIONARY OF NEOLOGISMS BY N.S. LESKOV)**

Статья посвящена возможностям изучения языковой картины мира писателей, открывающимся при создании словарей авторских новообразований. Рассматривается роль дефиниций, а также приложений (семантических и гнездовых словарей) в постижении особенностей мировосприятия языковой личности.

Ключевые слова: Лесков, новообразования, языковая картина мира.

The article is devoted to the opportunities of further studying of the linguistic world image of various writers that are emerging as a result of creation of the vocabularies of the author's neologisms. The article is also focused on the role definitions and applications (in semantic and cluster dictionaries) play in the process of comprehension of peculiarities of world-view of a linguistic personality.

Keywords: Leskov, neologisms, linguistic world image.

В работах многих лингвистов рассматривается вопрос о ключевых словах того или иного произведения, идиостиля писателя, поэта, любой языковой личности (индивидуальной языковой картины мира), а также «отдельно взятой культуры» [2, с. 282], т.е. национальной языковой картины мира. Среди признаков ключевых слов называют, в частности, частотность. Однако ключевыми могут быть и слова единичного употребления – мы имеем в виду новообразования. Оказиональные слова апеллируют «непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту реципиента» [1, с.85], что обуславливает повышенное внимание к ним, увеличивает их информативную нагрузку по сравнению с узуальными словами, способствует выражению авторской интенции. Аккумулируя в себе определенные пласты языкового знания, являясь важными координатами в языковой картине мира их создателя, они могут служить своеобразным ключом к пониманию специфики восприятия окружающего мира и отражения его в языковых единицах.

В настоящее время не ослабевает интерес к неологии в целом и к индивидуальному словотворчеству в частности. В то же время окказионализмы как ключевые слова текста еще не получили должного освещения. Лексикографическая разработка авторских инноваций даёт богатейший материал для исследований в этой области. Об этом свидетельствует наш опыт работы над словарём авторских новообразований Н.С. Лескова.

Прежде всего постижению языковой картины мира

создателя новообразований способствует анализ семантической структуры инноваций, результатом которого являются словарные дефиниции, поскольку «лексическое значение по своему содержанию и характеру представляет собой разновидность знания о мире» [5, с.157]. Лексикограф при работе над дефинициями новообразований должен стремиться к восстановлению хода мыслительной операции, которая предшествовала лексической объективации идеального содержания в звуковой оболочке производного слова, т.е. попытаться воссоздать процесс рождения слова, взглянуть на него глазами его создателя. Конечно, речь в этом случае идет об исследовательской гипотезе, которая лишь с большей или меньшей долей вероятности может соответствовать действительности. Однако принципиальная возможность судить о характере процесса словотворчества имеется, особенно в тех случаях, когда мы можем опереться на словообразовательный контекст.

При лексикографической разработке инноваций считаем необходимым включать в дефиницию мотивирующее слово, что даёт возможность, выявив мотивировочный признак, с максимальной долей вероятности восстановить ход мыслительного процесса, результатом которого стало рождение нового слова. В то же время, формулируя дефиниции, мы стремились максимально полно раскрыть все элементы семантической структуры заголовочного слова, как денотативные, так и коннотативные, которые проявляются в конкретном контекстном употреблении. Во многих случаях возни-

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 12-04-00066

кает необходимость опираться не только на микро-, но и на макроконтекст, а также учитывать экстралингвистические данные. Поэтому новообразования, которые, на первый взгляд, являются однотипными, зачастую получают разные словарные определения. При этом они могут иметь общую ядерную сему. См., например, дефиниции к следующим деонимам, созданным при помощи одного словообразовательного комплекса –щин[а] и характеризующихся общим идеальным содержанием ‘общественное направление, система взглядов, манера поведения по имени основателя, яркого представителя’:

АРАПОВЩИНА – ж., отвл. Солидарность с крайне реакционными взглядами, изложенными генералом Араповым в брошюре о достоинствах курной избы, пафос которой в том, что русский народ не нуждается в улучшении бытовых условий. *На губернских балах--- пензенской знати, которая столь обмелела, что кичилась своею «араповщиной»* – ---прославляли «ум и чуткость русского земледельца», который не захотел жить в чистом доме. Загон; рассказ<...>

БОРОВЦОВЩИНА – ж., отвл. Все негативное, что связано с семейством Боровцовых, героев пьесы А.Н.Островского «Пучина», и всех им подобных: их образ жизни, моральный облик, жизненные ценности, манера поведения. *Боровцов шутит над Анной Устиновной. – «А, старушка Божья! На свет выползла, – кричит он Анне Устиновне. – Погоди, мы тебе жениха найдем». ---Старушка Божия принимает все это за ласку и отвечает свату: «И на том спасибо, Пуд Кузьмич». Глафира кричит на нее: «Что же вы, маменька, тут стали?» Она отвечает: «Пойду, матушка, пойду» ---Все это говорит женщина, смирившаяся до зела и уж не гоняющаяся за тычком от осетившей ее и сына боровцовщины---* Александринский театр в Петербурге; статья<...>

ДОСТОЕВЩИНА – ж., отвл. Трагическая глубина, свойственная литературным образам Достоевского. --она <Веселитская> явилась к Варнаве покрытая платочком, и тот шляпниц принял, а ее «прогнал». Но это все ничего: упрямство не позволит ей оставить это, и м<ожет> б<ыть>, в конце мимочкиной эпопеи вдруг дохнет *достоевщиной---* Это будет оригинально и самобытно и ---очень грустно и досадно. Т.Л.Толстой; письмо<...>

КАТКОВЩИНА – ж.р., отвл. Предсудительный образ действий Каткова. ---*Катков с своей катковщиной вводит повсеместный раздор---* Божедомы; хроника<...>

СКОБЕЛЕВЩИНА – ж., отвл. Литературное направление, представленное квазипатриотическими произведениями невысокого качества, ярким представителем которого был генерал и военный писатель И.Н.Скобелев. *Сказкам вроде «Еруслана» и «Бовы», казалось, пробил конец, – выжита была и «скобелевщина». Теперь оказывается, что «скобелевщина» действительно исчезла, а «Бова» и «Еруслан» пережили невзгоду.* О рассказах и повестях А.Ф. Погосского; очерк<...>

Стремлением подобрать синтаксическую конструк-

цию, максимально раскрывающую смысл анализируемого слова, проявляющийся в контексте, объясняется тот факт, что далеко не всегда применимо к дефинициям в словарях авторских новообразований требование краткости. См., например, фрагменты словарных статей:

БЛАГОНЕВЕРНЫЙ – отн. Принадлежащий к одному из старообрядческих толков, совершающий богослужения по-своему и поэтому воспринимающийся как неверный представителями другого толка, которые считают истинно благоверными только себя. *Он <Тиезий> реже показывался и вообще уже не заводил ни разговоров с нами, ни пререканий с благоверными поморами---* Печерские антики <...>

ВПРИСПЕШНЮ – нар. Срочно, спешно, заставляя предельно быстро выполнять работу ради заработка, не оставляя времени на тщательную отделку художественного произведения (возможно, имеет место звуковая ассоциация со словом *приспичить*). ---*Вы просили меня, «если случится штучка особенная, обточенная и обделанная», то чтобы прислать ее Вам для «Руси». С той поры ничего такого не было. ---Осужденные биться из-за «буар, манже и сортир», – поспеваем лишь подавать то, что **вприспешиню** требуется; но трафится штучка, которую облюбуете и для своего удовольствия сдelaешь по-иному.* И.С.Аксакову; письмо<...>

ВЫШНЕПОЛИТИК – м.р. конкр. Занимающий ответственное место, облеченный большой властью человек, который будто бы служит целям высшей политики, но на самом деле не знает реалий русской жизни, имея ошибочные, превратные представления о самых обыденных предметах.---*развивая свою мысль в духе высшей же, вероятно, политики, <новый губернатор> заговорил о национальном фанатизме и нетерпимости. ---Сей вышней политики исполненный петербургский шпис---* отрекомендовал себя демократом---. <Туганов>--- молвил---, что--- изрядно «родилось про-со». ---«Стыдитесь, – возразил, услышав это слово, **вышнеполитик**, – стыдитесь обманывать меня:---в просе виноград возьм! Соборяне <...>

Дефиниции, максимально раскрывающие смысл инноваций, позволяют выявить, что волновало писателя, что вызывало его одобрение или осуждение.

В лексикографической теории уже прочно обоснован тезис о необходимости создания комплексных словарных произведений, в которых основная, как правило, расположенная по алфавитному принципу, часть органично дополняется приложением или приложениями, позволяющими получить дополнительные важные сведения. Наиболее ценную информацию об особенностях мировосприятия языковой личности может дать группировка новообразований по семантическому принципу. И здесь нельзя не вспомнить слова Б.А. Ларина, который подчеркивал: «Полный алфавитный словарь писателя-классика – только первый этап работы как дань лексикографической традиции. За ним должен последовать второй, завершающий этап – идеологический словарь писателя», причем «для идеологических словарей не может быть предложен единый композиционный

план. Круг тематических циклов и их распорядок для каждого писателя должен быть найден свой, наиболее целесообразный. ...И способ толкований, лексикографический стиль не должен утверждаться как неизменный для этого нового жанра». Ученый считал, что это будут «не словари-справочники, а словари-монографии о творческом стиле писателя» [3, с.222-223].

Один из возможных вариантов представления материала в идеографическом словаре как приложения к словарю авторских новообразований – объединение слов в ономаσιологические классы, под которыми понимаются «классы лексики, характеризующиеся соотношением специфического содержания и характерным для него набором словопроизводственных элементов...» [6, с.120-121]. Материал в ономаσιологическом словаре следует сгруппировать прежде всего с учетом частеречной принадлежности авторских новообразований, что уже дает пищу для размышлений. Так, Н.Н.Перцова во Введении к словарю неологизмов В.Хлебникова рассматривает особенности распределения инноваций по частям речи и сравнивает полученные результаты с данными по новообразованиям В. Маяковского, подчеркивая, что «эти формальные различия не случайны и связаны с различиями в художественном видении мира» [4, с.41].

Выявление и описание ономаσιологических классов неузуальной лексики позволит осветить системный характер словотворчества, установить типичные идеальные содержания, получившие материальное воплощение в звуковой оболочке новообразований. Это позволит приблизиться к пониманию того, что было наиболее важно для создателя нового слова, какие понятия требовали от него лексической объективации, активно участвуя тем самым в построении языковой картины мира данного индивидуума. Так, в результате исследования новообразований-существительных, выявленных в идиостиле Н.С.Лескова, нами был сделан вывод о том, что в индивидуальном языке писателя возникала необходимость лексически объективировать прежде всего идеальные содержания, связанные с осмыслением вопроса о месте человека в окружающем мире. Это те идеальные содержания, которые получили материальное воплощение в звуковых оболочках имен лиц, составивших почти половину всех рассмотренных существительных. Также усматривается тесная взаимосвязь идеальных содержаний, воплощенных в звуковых оболочках существительных со значением лица, с идеальными содержаниями, воплощенными в звуковых оболочках существительных с другими значениями. Отвлеченные, собирательные и конкретные неодушевленные существительные также связаны с отражением человеческого бытия. Имеются в виду прежде всего те идеальные содержания, в денотативном компоненте которых содержится понятие об отвлеченном действии, производимом лицом, об отвлеченном состоянии, свойстве лица, о действии, состоянии в оценке лица, о совокупности лиц и др. Семантическая структура многих конкретных неодушевленных существительных имеет коннотативный компонент, отражающий оценку пред-

мета человеком. Это свидетельствует о внимании писателя к человеческой личности.

Изучению инноваций будет способствовать еще одно приложение – гнездовой (корневой) словарь, содержащий однокоренные новообразования. Работа, проведенная по формированию морфемного корневого приложения к словарю новообразований Лескова, показала, что 70 % всех выявленных нами инноваций входят в словообразовательные гнезда. Словарная статья гнездового приложения строится следующим образом: в качестве заголовочного элемента выступают корни, выделенные жирным шрифтом. Алломорфы также выносятся в заголовок, отделяясь знаком /. Затем в алфавитном порядке помещаются слова – члены данного гнезда. Цифра в конце словарной статьи обозначает количество новообразований с данным корнем.

Анализ материала, представленного в гнездовом словаре, позволит сделать определенные выводы о том, что в окружающей действительности наиболее волновало писателя, требовало осмысления, в том числе посредством конструирования окказиональных слов. Так, не случайно в индивидуальном языке Лескова оказались значительно более насыщенными, чем в узусе, гнезда с корнями **-ЛИБЕРАЛ-** /**-ЛИБЕРАЛ'-** и **-НИГИЛ'-**:

-ЛИБЕРАЛ- /**-ЛИБЕРАЛ'-** благотворно-либеральный / здраво-либеральный / либерально-фразёрский / либерально-чиновничий / псевдолиберал / разлиберальничавшийся / разлиберальничаться / серьезно-либеральный / честно-либеральный / экс-либерал **10**

-НИГИЛ'- гилист / гилистка / изнигилистничаться / негилизм / негилист / нигилистующий / нигилистически / нигилистничавший / нигилистничанье / нигилистничать / нигилистничающий / нигилистов / нигилисточка / понигилистничать **14**

Обилие однокоренных новообразований с корнем **-РАЗН-** свидетельствует о том, что писателя волнует человеческая разобщенность, отсутствие единства в мыслях и стремлениях лучшей части современного ему общества, сигнализирует о его собственной потребности в единомышленниках:

-РАЗН-разнейший / разновес (сущ.) / в разновес (нар.) / вразнобивку / поразноречить / разнобируачный / разнобытие / разновилье / разноклевы / разномыслить / разномыслы / разноплетённость / разноплетённый / разноподданность / разноподданство / разноправность / разноправный / разносильный / разноспособность / разностранец / разностремление **21**

О том, что Лесков серьезно интересовался вопросами веры, говорит большое количество производных с соответствующим корнем:

-ВЕР- /**-ВЕР'-** благоверная (сущ.) / благоверный (прил.) / богоневверный / веровальщик / вероискатель / вероискательный / вероиспытатель / веротерпимость / вероучительный / верущее / взаимоверие / неверотерпимость / нововер / обрядоверец / поверенничество / православно-верующий / простодушно-суеверный / самоповеряющий / скудоверие / слабоверие / суеверно-фантастический / тепло-верующий / уверка / чужевер / чужеверец / чужеверие / чужеверный **27**

Таким образом, словари авторских новообразований дают материал, изучение которого поможет

выявить особенности мировосприятия писателя, приблизиться к постижению его языковой картины мира.

Библиографический список

1. Ваганова Е.Ю. Экспрессивный потенциал авторского неологизма в афористическом тексте. Разноуровневые характеристики лексических единиц. Ч. 4. Слово в тексте. Смоленск: СГПУ, 2001. С.83-89.
2. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288с.
3. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худ. лит., 1974. 286с.
4. Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. М.: Москгорпечать, 1995. 558с.
5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: изд-во ВГУ, 1985. 171с.
6. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1980. 148с.

References

1. Vaganov E.Yu. Expressivny the potential of an author's neologism in the aphoristic text of. Multilevel characteristics of lexical units. H. 4. The word in the text. – Smolensk: SGPU, 2001. – Pp. 83-89.
2. Vezhbitsky A. Ponimaniye of cultures through keywords. M: Languages of Slavic culture, 2001. 288 p.
3. Larin B.A. Esthetics words and language of the writer. L. : It is thin. litas. 1974 . 286 p.
4. Pertsova N.N. Dictionary of neologisms Velimir Hlebnikov. M: Москгорпечать, 1995. 558 p.
5. Sternin I.A. Lexical word meaning in speech. Voronezh: VGU publishing house, 1985. 171 p.
6. Toroptsev I.S. Word productive model . Voronezh, 1980. - 148 p.

УДК 821.161.1 (091)-31

М.И. БЕЛЬСКАЯ

ассистент кафедры истории и русской литературы
XI-XIX вв. Орловского государственного университета
E-mail: BelskayaMI@gmail.com

UDK 821.161.1 (091)-31

M.I. BELSKAYA

assistant of the chair "History of Russian Literature XI–
XIX centuries", Orel State University
E-mail: BelskayaMI@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЖАНРОВ РОМАНА И РУССКОЙ ПОВЕСТИ КОНЦА XVII–НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

ON THE QUESTION OF INTERACTION BETWEEN THE GENRES OF NOVEL AND RUSSIAN NARRATIVE IN THE LATE XVII – EARLY XVIII CENTURIES

Русские анонимные повести конца XVII - XVIII столетий являются достаточно неоднозначным явлением с точки зрения их жанровой принадлежности. До настоящего времени вопрос о происхождении русских «гисторий» является предметом многих исследований, так как генезис произведений позволяет наиболее полно определить меру корреляции их сюжетного действия с тем или иным жанром. В статье рассматриваются аспекты, указывающие на взаимосвязь жанра романа (прежде всего авантюрного и рыцарского) и русской повести рубежа XVII-XVIII вв.: общность сюжетных мотивов, тип героя и его взаимоотношения с окружающей действительностью.

Ключевые слова: беллетристика, авантюрный роман, рыцарский роман, русская повесть конца XVII - XVIII вв., авантюрный герой, рыцарь

Russian anonymous narratives of the late XVII – XVIII centuries are sufficiently complex from the point of their genre appurtenance. The question of origin of Russian «histories» is the subject of many research until the present moment, as the genesis of writings lets determine the measure of correlation of their plot to this or that genre. The article deals with aspects, pointing to the correlation between novel genre (esp. adventure and chivalry novels) and Russian narrative of the late XVII – XVIII centuries: communion of plot motif, character typology and his interaction with social realm.

Keywords: fiction, adventure novel, tale of chivalry, Russian narrative of the late 17th - 18th centuries, character of adventure story, knight.

Одним из направлений в развитии русской литературы начала XVIII века стало формирование жанров

романа и повести. Только к концу столетия на русской почве появились первые опыты создания русского ро-

мана (Ф.И. Эмин, М.Д. Чулков). Однако ошибочно полагать, что именно с 1770-1780-х гг. роман и повесть возникают на «арене» литературной жизни России. Истоками романа выступили повести, «гистории» второй половины XVII-первой половины XVIII веков, причем как оригинальные, так и заимствованные. Именно в этих произведениях мы находим «осколки» западноевропейской романной традиции, которые в дальнейшем усваивались и русскими авторами, обретали черты национального колорита, что привело к творческой переработке сюжетов, к созданию первых опытов русского романа.

Цель работы – выявить черты, позволяющие сделать вывод о взаимодействии жанров авантюрного и рыцарского романов с так называемыми русскими «гисториями» рубежа XVII-XVIII вв.

Материалом исследования являются «Повесть о российском кавалере Александре», «Повесть о Петре Златых Ключей», «Повесть о Бове королевиче», «Повесть о королевиче Бруне», «Повесть о Георгии и Фларенте», «Повесть о Евграфе и Александре».

В настоящее время мы можем найти многочисленные труды, посвященные проблеме формирования русского романа во второй половине XVIII века. Ученые разрабатывают различные аспекты заявленной проблематики: соотношение романа и повести, становление повести как жанра в конце XVIII столетия, проблема происхождения жанров, выявление в них отдельных элементов поэтики [11].

Несомненно, русские повести конца XVII–XVIII вв. оказали влияние на процессы формирования жанров повести и романа в России. Мы можем апеллировать к гипотезе о постепенном процессе формирования жанров повести и романа на русской почве, так как именно со второй половины XVII века появляются беллетристические произведения с ярко выраженным авантурным началом.

Одним из первых на взаимосвязь жанров романа и русской повести второй половины XVII–XVIII вв. обратил внимание А.Н. Пыпин, разделивший литературу переходного периода на два жанра – роман (переводная литература) и повесть (русские подражания) [10].

В дальнейшем идеи А.Н. Пыпина были развиты в работах В.В. Сиповского, в частности, в книге «Очерки из истории русского романа» (1909), в которой предпринята попытка систематизировать литературный материал России XVIII века. Автора интересуют сюжеты романного типа, которые повлияли на формирование русского романа: псевдоклассический роман (героического типа, или «придворно-галантный»), волшебнорыцарский роман; «рукописный роман». В.В. Сиповский приходит к выводу, что лишь во второй половине, точнее, в третьей четверти XVIII века появляются первые попытки создания романа, имеющего национальное своеобразие. В первой половине XVIII века заимствованный материал лишь перерабатывается в соответствии с устнопозитивной и древнерусской традициями текстосложения. Именно из-за отсутствия единообразия в создании текстов возникают трудности

в определении жанра отдельного произведения: подчас непонятно, где заканчивается сказка и начинается повесть, и тем более роман [12].

Таким образом, вопрос о происхождении «гисторий» важен для понимания генезиса жанров повести и романа на русской почве, для определения их жанровых характеристик.

Русская повесть XVII–нач. XVIII вв. сближается с жанрами авантюрного и рыцарского романов. Хотя следует учесть то обстоятельство, что рыцарский роман отличается от авантюрного специфической картиной мира, особым героем-рыцарем и такими структурными элементами, как рыцарские турниры, поединки, посвящение в рыцари и т.п.

В современной науке существует несколько теорий романа, концепций, которые посвящены вопросам происхождения этого жанра: причины возникновения романа, каковы принципы его жанровой идентификации.

Так, М.М. Бахтин в работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» (1975) выделяет такие виды романа, как греческий, авантюрно-бытовой, биографический и рыцарский, каждому из которых присущ определенный романский хронотоп, включающий не только пространственно-временные характеристики, но и тип героя [1].

В конце XX века Е.М. Мелетинский в работе «Введение в историческую поэтику эпоса и романа» [6] приводит классификацию форм романа с точки зрения его жанровой эволюции: античный роман, куртуазный роман и бытовой роман. Каждый вид романа появляется на определенной исторической ступени развития этого жанра и отличается от предыдущих образами героев и характером событий, описываемых в них.

Линию рассуждений о классификации романа продолжает Г.К. Косиков в рамках статьи «К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени)». Автор приходит к выводу, что многие разновидности жанра романа имеют «генетическую и типологическую общность на уровне повествовательного инварианта», но отнюдь не «кумулятивную общность на уровне проблематики» [4]. Г.К. Косиков отстаивает точку зрения, согласно которой неправомерно все типы романа, которые функционировали в разные временные периоды, рассматривать как единый жанр, а самое главное – пытаться все виды объяснить через призму появившихся намного ранее или позднее теорий романа. Чтобы избежать многочисленных уточнений жанровой специфики рыцарского, античного романов, которые названы «квазироманическими образованиями», автор предлагает остановиться на определении романа как «трансистолической, инвариантной во времени и в пространстве структуры», имеющей разновидности [4].

Указанные теории выявляют многоаспектность проблематики взаимодействия романной традиции с русской демократической повестью конца XVII–XVIII вв. Генезис рассматриваемых сюжетов во многом объясняет их жанровые особенности. Большая часть «гисторий» является переводом, вольным переложением или контаминацией нескольких европейских сюжетов

о приключениях рыцарей (например, «Повесть о Петре Златых ключей», «Повесть о королевиче Бруне и королевне Магилене», «Повесть о Евграфе и Александре», «Повесть о Георгии и Фларенте»).

Отметим, что повести, которые считаются исконно русскими, также сближаются с жанрами авантюрного или авантюрно-рыцарского романов, так как многие произведения создавались на материале популярных переводных сюжетов, в которые нередко приносились фольклорные или древнерусские мотивы. О.Н. Калашникова отметила, что подчас трудно выявить оригинальное среди переводного материала, иногда это сделать практически невозможно. Исследователь уверена, что весь репертуар чтения подобных повестей можно разделить на 3 потока: переводные сюжеты, их переделки и оригинальные повести [3, с. 17].

Бытование так называемых «гисторий» переходного периода обусловило дальнейшее развитие жанра романа на русской почве вплоть до конца XVIII века. В демократической повести постепенно формируется тип героя, близкого персонажам рыцарского или авантюрного романов.

Процесс перехода от догматической литературы к беллетристической оказался довольно долгим, поэтому рубеж XVII–XVIII столетий принято называть переходным этапом в развитии русской литературы. В силу того, что конец XVII–начало XVIII вв. называют переходным периодом в русской литературе века, а также имея в виду факт несомненной близости появляющихся рукописных повестей сюжетам европейских рыцарских романов, мы хотели бы провести параллель между механизмами функционирования испанского рыцарского романа и русских повестей обозначенного периода.

С.А. Пискунова в статье «Испанское Возрождение как культура переходного типа» анализирует особенности испанского Ренессанса последней трети XV–первых двух десятилетий XVI века, проявившего себя как «культура поистине переходного типа, знаменующая начало конца Средневековья как исторической эпохи» [7]. При этом мы хотели бы сделать некоторые замечания. Во-первых, говоря об исторических границах и особенностях испанского Возрождения, исследователь отмечает, что те же сроки и механизмы с поправкой на некоторые национальные особенности, проявляются и в других странах, за исключением России.

Во-вторых, сравнение русского литературного процесса конца XVII–нач. XVIII вв. и испанского Возрождения уместно с точки зрения сходности отдельных механизмов их функционирования. Так, литературная система к. XVII–нач. XVIII вв. в России также ознаменовала поворот от древнерусской традиции к так называемой «новой литературе». В этот период, как отмечает Д.С. Лихачев, обозначаются черты «новой литературы»: вымысел, эмансипация личности, индивидуализация быта, изменения в жанровой системе [5]. По мнению исследователей, процессы эмансипации личности, индивидуализации быта сродни ренессансным элементам, свойственным европейской культуре [2, 5]. Отталкиваясь от средневековой традиции тек-

стосложения, анонимные авторы переосмысливают традиционную жанровую систему, наполняя привычные жанры (житие, воинская повесть, бытовая повесть) иным идейным содержанием. К концу XVIII столетия подобные тексты создают предпосылки для появления романа на русской почве. Рассуждая об истинной природе понятия переходности в культуре, С.А. Пискунова приходит к выводу, что испанское Возрождение в силу переосмысления типа героя и его положения в мире привело к формированию новеллы и «жанров, акцентирующих нарративный аспект художественного целого», то есть рыцарского романа или рыцарской поэмы [7]. Эпоха Возрождения стала переходной от Средневековья к Новому времени: категории Рока, Судьбы утратили власть над героем, настоящее время осмысливается не через призму прошлого или будущего времен, но индивидуальность героя еще не совпадает с категорией личности.

В-третьих, рубеж XVII–XVIII вв. зачастую уподобляется отсутствующим в России эпохам Ренессанса и Новому времени, причем иногда эти литературные периоды не разграничиваются.

В переходный период на русской почве появляются повести, где в большинстве случаев главный герой может быть охарактеризован как герой-рыцарь или как герой-авантюрист в положительном значении этого определения, то есть герой авантюрного романа. Немаловажной особенностью рыцарского романа является особый тип героя, совершающего подвиги и преодолевающего многочисленные испытания для того, чтобы в финале прийти к награде за проявленные благородство и отвагу, а самое главное – доказать свою причастность к рыцарству. По сути, речь идет о желании героя самоидентифицироваться, доказать принадлежность определенному сословию, но при этом подтвердить некую самоцельность самого себя как личности. На этот «парадокс» обратила внимание С.А. Пискунова: в аванюре соединяются подчас противоположные начала – «идеал избранничества», «отмеченности отдельного «я» и идеал сословной солидарности, дух рыцарской общины» [8].

В анализируемых «гисториях» также наблюдается антиномичность в трактовке героя: его происхождение и сословная принадлежность изначально известны, но в силу различных обстоятельств он вынужден доказывать благородное происхождение своими заслугами как в сражениях, так и на службе (Евграф, Петр Златых Ключей, Бова королевич, королевич Брун, королевич Георгий).

Во многих повестях мы встречаем прямое указание на принадлежность героев к определенному типу: они именуются кавалерами. При этом понятие «кавалер» включает не только значение куртуазности, присущей героям, но и некое сословное самоопределение. В «Повести о российском кавалере Александре», слово «ковалер» синонимично рыцарю. Более того, в произведении нередко обращение к рыцарской атрибутике (латы героев наделены гербами, отражающими их жизненный настрой в зависимости от происходящих собы-

тий). Например, Александр сначала возложил «на себя шело и латы, на которых был знак – лев, огнем дышащий, и подписано сверху: “ковалер Гнева”», Тигранор «зделал себе латы под знаком единорога и подписал “ковалер Победы”» [9, с. 257, с. 259]. После поединка Александра и Тигранора персонажи в знак почтения перед искусством сражения сделали друг другу другие латы: Александр «повеле сделать на своих латах сверх лва единорога, и подписал: “ковалер Гнева и Победы”, а Тигранору велел зделать на латах весы, Фартуною держаще, и подписал “Ковалер Гнева и Щастия”» [9, с. 261-262]. Когда Александр скрывался в «Малтии», он нанес «на латах знак голубя» и подписал «Смирение», а затем сделал «черныя латы под знаком “Сетования”». Тира, узнав о том, что Александр жив, велела «вычернить» свои латы и «на груди подписать светлыми словами: “Ковалер Надежды”» [9, с. 265]. Такая языковая и образная игра с тривиальными цветами и зооморфными образами привносит в повесть символический контекст, характеризующий внутреннее состояние героев.

Итак, герой вынужден подтверждать не только принадлежность к определенному сословию, но и свою исключительность. Избранничество можно толковать в нескольких аспектах: в трактовке ортодоксальной средневековой литературы и в трактовке литературы нового времени как механизма актуализации личностного начала. Общеизвестно, что рыцарский роман, а вслед за ним и литература Возрождения, на первый план выдвинули человеческую личность, однако «герой рыцарского романа всегда выступает как индивидуальный носитель сверхиндивидуальных ценностей» [4]. Это означает, что герой не до конца свободен от мира, частью которого он является, у него нет индивидуальных взглядов на жизнь, своего особого поведения, так как в конечном счете кажущаяся на первый взгляд самобытность оборачивается «нормой» для поведения избранного героя. Персонаж осуществляет идею о деятельной личности, которая в финале добивается успеха и благополучия исключительно благодаря своим качествам. Все главные герои «историй» (будь то они дворяне или рыцари, кавалеры) становятся практически с самого рождения особенными: они пытливы умом, усердны в учебе, полны отваги и воинской доблести, при этом на их долю выпадают испытания лишь для того, чтобы

они подтвердили свою отличность от других.

С одной стороны, герой уже принадлежит определенному сословию или культурной прослойке общества, но, с другой стороны, чтобы поистине идентифицироваться с ним, ему нужно доказать свою избранность, то есть проявить личностные качества.

Близок к подобной трактовке и герой авантюрного романа, который, несмотря на большое количество претерпеваемых авантур, в финале доказывает верность самому себе, своим принципам. Именно поэтому авантюрный герой выделяется среди других, подтверждая свою исключительность.

В таком случае, герой-рыцарь становится особенным благодаря проявленным качествам, присущим только представителям рыцарства. Герой авантюрного романа становится особенным среди подобных себе (в рамках одного сословия или общего понятия, например, «кавалеров») благодаря проявленным личностным качествам. Самоидентификация героя-авантюриста заключается не в доказательстве сопричастности к какой-либо сословной группе, а в способности отстаивать нравственные и ценностные идеалы среди таких же персонажей, как он. Именно поэтому Василий Кориотский выделяется на фоне других матросов, королевич Декороний отличен от своих двух братьев, дворянин Карл, дворянин Леопольд – от других лиц из окружения короля. Авантюра является средством выявления и подтверждения нравственных особенностей поведения героя, его сущности.

Таким образом, факт взаимодействия романной традиции и русской повести рубежа XVII-XVIII столетий подтверждается на разных уровнях поэтики текста. В данном случае мы рассмотрели особенности героя и осмысления его места в мире, а также установили, что сходные исторические условия формирования жанров привели к достаточно частым обращениям русской повести конца XVII - начала XVIII вв. к архитектонике и идейному содержанию жанров авантюрного и рыцарского романов. Так, в «историях» мы выделили героя-рыцаря и героя-авантюриста, руководствующихся нравственно-этическими ориентирами, благодаря которым они приходят к утверждению своей исключительности.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. В кн.: М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М: Художественная литература, 1975: 234-408.
2. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. 595 с.
3. Калашиникова О.Л. Русский роман 1760-70-х годов. Типология жанра: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Киев, 1990. 34 с.
4. Косиков Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман Нового времени): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_Roman.htm. – Дата обращения: 15.07.2013.
5. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. 256 с.
6. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М: Наука, 1986. 319 с.
7. Пискунова С.А. Испанское Возрождение как культура переходного типа: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature3/piskunova-97.htm>. – Дата обращения: 15.07.2013.
8. Пискунова С.А. Рыцарский роман в культуре испанского Возрождения: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/piskunova-rycarskij-roman.htm>. – Дата обращения: 15.07.2013.
9. Повесть о российском кавалере Александре // Русские повести первой трети 18 века. Исследование и подготовка текстов Моисеевой Г.Н. М., Л., 1965. С. 211-295.

10. *Пыпин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Санкт-Петербург, 1857. 368 с.; Пыпин А.Н. Для любителей книжной старины. М., 1888. 90 с.
11. *Сахарова Е.М., Семibratova И.В.* Энциклопедия русской жизни. Роман и повесть в России второй половины XVIII - начала XX века: рекомендательный библиографический указатель. Москва, 1981. 382 с.; Долгих Т.Д. Русская сатирико-бытовая повесть второй половины XVIII века (поэтика, проблематика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1992. 16 с.; Рублева Л.И. Русская проза последней четверти XVIII века: история и поэтика. Южно-Сахалинск, 2005. 160 с.; Дзюба Е.М. Становление и развитие жанра романа в русской литературе 70-80-х годов XVIII века: мифогенный роман в творчестве М.Д. Чулкова, М.И. Попова, В.А. Левшина: Дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 440 с.; Сурков Е. А. Русская повесть в историко-литературном контексте XVIII - первой трети XIX века. Кемерово, 2007. 276 с.; Аржанов А.П. Становление субъективности в русской прозе XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 179 с., Калашникова О.Л. Вызревание романских принципов в поэтике древнерусской повести: (К проблеме истоков русского романа XVIII века) // Проблемы развития жанров в русской литературе XVIII - XX вв.: Сборник научных трудов./Днепропетров. гос. ун-т. Днепропетровск, 1985. С. 10—21.
12. *Сиповский В.В.* Очерки из истории русского романа. Т.1. Вып. 1 (XVIII век). - СПб, 1909. 285 с.

References

1. *Bakhtin M.M.* Forms of time and chronotope in novel. Sketches on historic poetics. In: M.M. Bakhtin Questions of literature and aesthetics. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1975. P. 234-408.
2. Origin of Russian novels. Appearance of narrative genres in ancient Russian literature. Leningrad, 1970. 595 p.
3. *Kalashnikova O.L.* Russian novel of 1760-70. Typology of genre: Synopsis of a thesis. Doctor of Philology. Kiev, 1990. 34 p.
4. *Kosikov G.K.* Novel theories (medieval novel and New age novel). Available at: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Kosikov_Roman.htm (accessed 15 July 2013).
5. *Likhachev D.S.* Development of Russian literature of X–XVII centuries. Leningrad, 1973. 256 p.
6. *Meletinskiy E.M.* Introduction to historic poetics of epos and novel. Moscow: Nauka Publ., 1986. 319 p.
7. *Piskunova S.A.* Spanish renaissance as the transition type culture. Available at: <http://www.philology.ru/literature3/piskunova-97.htm> (accessed 15 July 2013).
8. *Piskunova S.A.* Chivalry novel in the culture of Spanish renaissance. Available at: <http://svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/piskunova-rycarskiy-roman.htm> (accessed 15 July 2013).
9. Tale of Russian chevalier Alexander // Russian narratives of the early 18 century. Research and text preparation by Moiseeva G.N. Moscow, Leningrad, 1965. Pp. 211-295.
10. *Pypin A.N.* Sketch of literature history of old-time narratives and Russian tales. St. Petersburg, 1857. 368 p.; Pypin A.N. For the lovers of book oldies. Moscow, 1888. 90 p.
11. *Sakharova E.M., Semibratova I.V.* Encyclopedia of Russian life. Novel and narrative in Russia in the second half of XVIII – beginning of the XX centuries: recommendatory source book. Moscow, 1981. 382 p.; Dolgikh T.D. Russian ironic social story of the second half of XVIII century (poetics, problematics). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1992. 16 p.; Rubleva L.I. Russian prose of the late quarter of the XVIII century: history and poetics. Yuzhno-Sakhalinsk, 2005. 160 p.; Dzyuba E.M. Establishment and development of novel genre in Russian literature of the 70-80 of the XVIII century: mystic novel in works of M.D. Chulkov, M.I. Popov, V.A. Levshin: Thesis, Doctor of Philology. Nizhniy Novgorod, 2006. 440 p.; Surkov E. A. Russian novel in historico-literary context of XVIII – early XIX centuries. Kemerovo, 2007. 276 p.; Arzhanov A.P. Establishment of subjectivity in Russian prose of XVII century. Cand. philol. sci. diss. Samara, 2008. 179 p.; Kalashnikova O.L. Establishment of novel construction principles of ancient Russian novel: (To the question of the beginnings of Russian novel of XVIII century). Peculiarities of genre developments in Russian literature of XVIII—XX centuries: edited volume. Dnepropetrovsk state university. Dnepropetrovsk, 1985. P. 10—21.
12. *Sipovskiy V.V.* Sketches from the history of Russian novel. B.1. edition 1 (XVIII century). St. Petersburg, 1909. 285 p

УДК 82-31

UDC 82-31

К.О. БОЛОГОВА

аспирант кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета
E-mail: ks.shchyogoleva@mail.ru

K.O. BOLOGOVA

postgraduate student of Department "History Russian literature XI-XIX centuries", Orel State University
E-mail: ks.shchyogoleva@mail.ru

«ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ»

Н.В. ГОГОЛЯ И «УКРАИНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ» Г.Ф. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

«THE STORY OF HOW IVAN IVANOVICH QUARRELED WITH IVAN NIKIFOROVICH» BY N.V. GOGOL AND «THE UKRAINIAN DIPLOMATS» BY G.F. KVITKA-OSNOVYANENKO: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

В статье проводится сопоставительный анализ «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя с повестью его современника Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Украинские дипломаты», выявляются сходства и различия данных произведений на уровне проблематики, системы образов и художественных особенностей. Делается вывод о типологической близости писателей.

Ключевые слова: Гоголь, Квитка-Основьяненко, тема пошлости, сатира, ирония, комическое.

The article presents a comparative analysis of «The story of How Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich» by N.V. Gogol and story of his contemporary G.F. Kvitka-Osnovyanenko «The Ukrainian diplomats», the similarities and differences of these works are revealed at the level of problems, the system of images and artistic features. The author concludes that there is a typological similarity of writers.

Keywords: Gogol, Kvitka-Osnovyanenko, topic of vulgarity, satire, irony, comic.

Творчество большого художника всегда уникально, прекрасно своей неповторимостью. Мысль эта справедлива и по отношению к творчеству Гоголя, и по отношению к Квитке-Основьяненко, которого называют отцом украинской прозы.

Современников каждое новое произведение писателей поражало своей необычайностью, неожиданностью открытия «тайн» жизни, смешных и печальных, трагических и прекрасных, фантастических и обыденных.

Своеобразие всего гоголевского творчества заключается в художественном синтезе возвышенного и комического, оптимистическом пафосе, который позволил Гоголю пророчески определить великое будущее России, и всеохватывающем воспроизведении «смешного» в русской жизни почти во всех его вариантах. Но великая заслуга писателя заключается еще и в том, что он сыграл огромную роль в развитии новой украинской литературы. Н.Е. Крутикова отмечает: «Именно Гоголю суждено было открыть поэтический мир народной украинской жизни во всей его красоте и поэтичности. Его повести облегчали украинским писателям борьбу за утверждения своеобразия и самобытности украинского народа, за право изображения в литературе его жизни на родном языке» [7, с.146]. Одним из таких писателей и был современник Гоголя Г.Ф. Квитка-Основьяненко, который, как и Гоголь, обратился к комическому началу, воспринял он и противопоставление естественной, здоровой жизни народа, полного творческих сил, бездеятельному, автоматическому «существованию» чиновничье-дворянской среды.

Сближает Квитку-Основьяненко с Гоголем и стрем-

ление к демократизации литературы. Так, например, основная мысль предисловия «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – утверждение народа как полноправного объекта творчества, насмешка над привычными, но фальшивыми формами псевдонародной литературы, жажда создать новые действенные средства изображения. Нельзя не заметить близости к этой идее «Предисловия» мыслей Квитки об искусстве, выраженных в таких произведениях, как «Солдатский портрет» и «Супліка до пана-іздателя». В них писатель отстаивает вольное и широкое введение образов из демократической среды, права народного языка в литературе, к тому же языка украинского, который писатели Украины стремились утвердить в качестве литературного. Важно подчеркнуть общность творческого подхода обоих писателей. Но в данной работе нас будет интересовать более узкая проблема, а именно сходство повести Г.Ф. Квитки – Основьяненко «Украинские дипломаты» с «Повестью о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя.

В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголь изобразил праздность существователей украинского поместного дворянства. Миргородские обыватели стали символом человеческой пошлости и ограниченности. Здесь гоголевский смех переходит в сатиру. Среди гоголевских повестей из украинской дворянской жизни «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» является, несомненно, одним из самых значительных произведений. Ее значительность заключается в том, что в ней критическое изображение провинциального

дворянства отличается большей широтой, последовательностью и художественным совершенством, нежели в других повестях того же цикла. Исследователями отмечается, что «своеобразие «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» состоит в том, что здесь наиболее отчетливо и ярко выражен свойственный Гоголю прием сатирической иронии» [10, с.113]. Мелочность и пошлость гоголевских героев вырастала в символ тупой бессмысленности всего господствующего уклада жизни. Этот уклад жизни калечит, уродует людей.

Повесть Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Украинские дипломаты» была написана на русском языке в 1840 году. В центре повествования украинские «дипломаты»: Кирилл Петрович Шпак и Осип Прокопович Опецковский с их семействами. Сюжет повести сводится к любовной интриге, завязавшейся между капитаном Сковрцовым, ищущим невесту с приданым, и дочерью Шпака Пазинькой. Отец не хочет выдавать дочь за бедного жениха, Сковрцов предлагает Пазиньке бежать, но она не может на это решиться. Немаловажную роль в этой ситуации играет денщик Сковрцова Шельменко, который успевает трудиться на два фронта, одновременно выполняя поручения влюбленного капитана и гневного отца, которого он так обводит вокруг пальца, воспользовавшись давней ссорой Шпака с Тпрунькевичем, за дочь которого Шельменко и выдает Пазиньку. Кирилл Петрович, желая насолить соседу, с радостью благословляет, как он думает, «его» дочь на брак со Сковрцовым. На самом же деле становится участником тайного венчания собственной дочери. Обманутому отцу ничего не остается, как признать брак дочери.

Критика весьма сдержанно отзывалась о новом произведении. «Украинские дипломаты», – писал один из рецензентов, – по нашему мнению, должны быть поставлены ниже многих произведений почтенного автора этой повести, хотя и здесь являются лица и сцены, полные комизма и наблюдательности. Содержания почти нет, многое неправдоподобно, но характеры очерчены мастерски» [Цит. по: 4, с. 110]. Весьма справедливо будет не согласиться с данной оценкой. Если рассмотреть повесть внимательнее, то помимо того содержания, о котором мы упомянули ранее, можно выделить более глубокий смысл, который как раз и свидетельствует о связи творчества Квитки с творчеством Гоголя. Повесть не случайно названа «Украинские дипломаты». В центре внимания оказываются представители украинского дворянства, умные, осведомленные в политических делах, как сами они считают. На самом же деле это пошлый мир «существователей», который изображается автором сатирически.

У Гоголя захолустный городок крепостной Украины, с небольшими барскими усадьбами, обнесенными плетнем, с канцелярскими учреждениями на площади, занятой огромной лужей, изображен в повести о ссоре во многих характерных чертах своей жизни. В этом изображении главное место занимают два помещика, долгие годы питавшие друг к другу искреннюю

добрососедскую приязнь и внезапно, из-за пустяков, ставшие непримиримыми врагами. Эта нелепая ссора обусловлена, однако, самым существом их помещичьей жизни.

Герои повести принадлежат к числу тех, кто в своей среде почитается образцом благонравия, мудрости и доброты. Иван Иванович и Иван Никифорович твердо уверены в том, что они являются носителями высоких и благородных принципов жизненного поведения. Сознание принадлежности к «благородному» сословию преисполняет героев повести чувством необычайной гордости. С тщеславной самоудовлетворенностью они толкуют о своем дворянском звании и положении. Звание и чин для них самое главное, то, что освящает человека, наделяет его любыми положительными качествами. Связывая со званием и положением все свои «добродетели», герои повести с большой щепетильностью воспринимают малейшее нарушение их «чести».

При всем различии их внешнего вида, привычек, манер, темперамента оба приятеля ведут совершенно одинаковый образ жизни. Характер соседей-помещиков обрисован Гоголем с большой полнотой. Их имущественно-хозяйственные отношения, давно сложившиеся и хорошо налаженные, занимают всю жизнь каждого из них, поглощают все их внимание и интересы.

И вместе с тем эта сложившаяся хозяйственная жизнь, освобождая их от труда, оставляет им много досуга. Флегматичный и необщительный Иван Никифорович весь день лежит и толстеет, а его более подвижный приятель и на перепелов охотится, и поросят кормит из своих рук, и токарничает, и книжку читает.

Однако это различие только внешнее. Их жизнь ленивая, паразитическая, не содержащая в себе никаких оснований для умственного развития, и возбуждает в них не культурные интересы, а самодовольство и эгоизм.

В самом деле, как относятся оба соседа друг к другу и ко всем окружающим? Несмотря на как будто искренние, дружеские отношения, на внешнюю вежливость, иногда даже предупредительность, несмотря на все это, друзья внутренне относились друг к другу равнодушно, без подлинного участия.

С самого начала повести в изображении главных героев появляется сатирическая усмешка. Разве может сложиться у читателя приятное впечатление об Иване Ивановиче, который является прекрасным человеком потому, что у него хороший дом в Миргороде и его знает полтавский комиссар? Или может он на читателя произвести впечатление богомольного человека только потому, что он каждое воскресенье ходит в церковь и очень хорошо «подтягивает» басом на клиросе? А как он говорит? «Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке», – пишет Гоголь [2, с. 210]. Описывая своих героев, расхваливая их привычки, образ жизни, писатель явно мистифицирует читателя, вводит его в заблуждение. Перечисляя «достоинства» друзей, оста-

навливаются на деталях, подробностях, несообразных с похвалой: «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбаром и строением» [2, с. 212]. На первый взгляд, здесь нет никакой логики, но автор специально вносит несоответствующие характеристики соседей, чтобы насторожить читателя, предупредить его о нелепой, пошлой ссоре.

Однако оба приятеля несколько не сознают этих дурных своих свойств. Напротив, они гордятся своим имущественным положением, хозяйственным процветанием и независимостью. Они важничают из-за этого и стараются держаться с большим достоинством. Эгоистическая грубость, прикрытая внешним достоинством, и составляет самую характерную черту всего их поведения. Она сказывается во всех их поступках и причудах. Вот Иван Иванович сидит после обеда под навесом в одной рубашке, кушает дыню и, собрав семена в бумажку, надписывает: «Сия дыня съедена такого-то числа» [2, с. 208]. Вот Иван Никифорович, большой любитель купаться, сидит по горло в воде и, велев поставить в воду также стол и самовар, пьет тут же чай «в такой прохладе». Вот он лежит днем в своей комнате на ковре без всего, даже без рубашки и считает себя вправе принимать гостя в таком виде.

Немалую роль в их самомнении и внешнем достоинстве играет их принадлежность к «благородному» дворянскому сословию. Дворянской чести давно нет у обоих Иванов. В них остался только дворянский гонор, выражающий все ничтожество и всю ограниченность их паразитического существования. Каждый, кто мог это понять, должен был смеяться над ними, как смеялся и сам автор [См.: 14, с. 100-105].

Герои повести Г.Ф. Квитки-Основьяненко имеют немало сходств с персонажами Гоголя. Их образ жизни тоже является паразитическим, бесцельным. Так, Кирилл Петрович Шпак проводит свое бесконечно свободное время, количество которого у него не ограничено, за чтением «Московских ведомостей». Только вот особенность этого чтения заключается в том, что все номера газеты были прошлогодними. Особое удовольствие Кириллу Петровичу доставляло раскладывать газеты по номерам и аккуратно их сшивать, только потом он приступал к чтению в определенном порядке. Сначала изучал все новости о России за весь истекший год, потом о других странах, далее объявления, и наконец оставлял свою любимую Испанию, а именно войну между карлистами и христиносами (Шпак был на стороне христиносов). Но все же на фоне своей жены прекрасной хозяйки Фенны Степановны Шпак выглядит более привлекательно. Она и вовсе необразованна, читать умеет всего несколько молитв, к светским писаниям прикасаться считает грешным, идеал для нее – старина, именно старинных принципов она и придерживается в воспитании дочери, считая, что читать, вышивать Пазиньке ни к чему, ее дело – командовать и управлять, а слуги все за нее сделают. Именно поэтому Пазиньку и забрали из пансиона Опецковских, ко-

торый изображен не без авторской иронии (обучение в нем производила «французенка» мадам Торшон, которая «породою была русская, прежде работала в Москве в модном магазине, где и получила первое основание французского языка» [5, с. 214], а потом вышла замуж за француза). Мать очень жалела Пазиньку, в итоге забрала ее из этого «разврата» и сделала своей помощницей по хозяйству. Пазинька чего только по хозяйству не умела! «Это, говоря по-ученому, был второй том Фенны Степановны, только в красивейшем переплете» [5, с. 218]. Очень ярко характеризует Фенну Степановну слово «негляже», которое она употребляет в значении «неглядя», и случай, когда она упрасивает мужа выпить прошлогоднее лекарство от колики, потому что оно стоило 1 р. 20 коп. Фенна Степановна была весьма неопытна в своем туалете, «если обстоятельства не требовали, она целый день не переменила своего утреннего костюма [юбка, на босу ногу башмаки и кашемировый платок на плечи], к довершению коего... она носила на голове платок темного цвета, фигурно навязанный и укрепленный булавками на сахарной бумаге, и этот убор она, сняв на ночь, ставила подле себя и, вставая, прежде всего спешила накладывать, всегда готовый и в порядке, на голову» [5, с. 210].

Большую роль в повести играет мотив еды, связанный с образом Фенны Степановны: «Как отлично выкармливались у нее кабаны, поросята и вся домашняя птица! Какие хлебы, пироги, вареники, ватрушки, борщи разных сортов, наливки со всех ягод и плодов – это прелесть!» [5, с. 210]. И гостей своих хозяйка только тем и развлекает, что потчует их через каждые два часа. Этот мотив характерен и для творчества Гоголя, только не во всех произведениях он ярко проявляется. Так в повести о ссоре двух Иванов мотив еды не занимает столь значительного места, как например, в «Старосветских помещиках», где он становится сюжетообразующим фактором. Здесь Гоголь избирает другие средства характеристики своих героев. Но все же в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» писатель (хоть и кратко) описывает обед у городничего: «Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке со сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара...» [2, с. 259]. Но именно мотив еды указывает на такую особенность поэтики и Гоголя, и Квитки, как внимание к деталям, живописующих быт, «говорящих» о мелочности и бездуховности обитателей усадеб.

С сатирической усмешкой изображена и семья Опецковских. Глава семьи Осип Прокопович считает себя великим дипломатом, сведущим во всех направлениях международной политики, о которой он узнает из газет. Все жизненные ситуации он сравнивает со случаями, произошедшими в английском парламенте. Говорит косноязычно, непонятно и витиевато выражает свои мысли, чем заслуживает уважение соседей, которые не понимают его речей и поэтому считают умным

и образованным. Вот так он объясняет Шпаку одно из правил «дипломатии»: «Вы сказали еще, что многих моих слов не понимаете. Но, мой почтеннейший! Это принято и того требует наша образованность, чтобы выражаться на словах, а более на бумаге, так, чтобы не всяк понял, и для того изобретены новые слова, не имеющие ясного значения и смысла; оттого и выходит эта всеобщая объективность, к чести нашего века, гигантскими шагами идущего вперед» [5, с. 266]. Он мастерски толкует информацию, прочитанную в газетах: «Вы читали, что в Англии делается железная дорога для Петербурга. Хм! Надобно смотреть на это в дипломатическом смысле. В газетах всегда иносказание, аллегория. Я вам объясню эту железную дорогу. Англия торговый народ и издавна желает всю коммерцию прибрать в свои руки. Слыша о нашей Роменской ярмарке и завидуя удачной торговле нашего купечества, она посредством парламента возбудила свою нацию к войне с Россией... Вот тут-то Англия хотела железными штыками проложить себе дорогу до Петербурга. Вот о какой дороге писали!» [5, с. 265]. Также Осип Прокопович принимает живое участие в войне в Испании, только он на стороне карлистов, что приводит к разрыву давней дружбы его со Шпаком.

Высмеивается автором и несостоявшийся жених Пазиньки Тимофей Кондратьевич Лопуцковский, который пытается казаться умным, образованным, светским человеком, но его глупость видит даже Кирилл Петрович, именно поэтому он и не хочет, чтобы Лопуцковский составил счастье его дочери. Что бы ни говорил горе-жених, он все время вспоминает свой вояж из Чернигова в Воронеж, тем самым подчеркивая узорность своего кругозора.

Н.В. Гоголь в повести о ссоре с присущей ему обстоятельностью вглядывается в характеры своих героев: двух закадычных друзей. Они – «два единственные друга» в Миргороде – Перерепенко и Довгочун. Но каждый из них «себе на уме». Казалось, нет такой силы, которая могла бы расстроить их дружбу. Однако глупый случай вызвал взрыв, возбудив ненависть одного к другому. И в один несчастный день приятели стали лютыми врагами.

Ивану Ивановичу очень не хватает ружья, которое он увидел у Ивана Никифоровича. Ружье – не просто «хорошая вещь», оно должно укрепить Ивана Ивановича в сознании его дворянского первородства. Дворянство-то у него не родовое, а приобретенное. «Что ж это значит? – подумал Иван Иванович, – я не видел никакого ружья у Ивана Никифоровича. Что ж это он? стрелять не стреляет, а ружье держит! На что ж оно ему? А вещичка славная! Я давно хотел себе достать такое. Мне очень хочется иметь это ружьецо; я люблю позабавиться ружьем» [2, с. 215]. Но Иван Никифорович тоже дворянин, да еще и потомственный! Ружье ему тоже необходимо, хотя с тех пор, как он его купил у турчина и имел в виду записаться в милицию, он еще не сделал из него ни единого выстрела. Иван Иванович рассчитывал на подарок, но его приятель, выказав к нему «дружеское расположение», отказался даже обменять его на «бурую свинью» и два мешка с

овсом. Раздражение было выражено с обеих сторон грубыми словами. «Поцелуйтесь со своею свиньей, а коли не хотите, так с чертом», – сказал один. «Вы разносились так со своим ружьем, как дурень с писаною торбою», – ответил другой [2, с. 222]. И эти «оскорбления» затронули дворянское самолюбие, не говоря уже о слове «гусак». В.Г. Белинский отмечал: «Великая, бесконечно великая черта художнического гения этот гусак! Если бы поэт причиною ссоры сделал действительно оскорбительные ругательства, пощечину, драку – это испортило бы все дело. Нет, поэт понял, что в мире призраков, которому он давал объективную действительность, и забавы, и занятия, и удовольствия, и горести, и страдания, и самое оскорбление – все призрачно, бессмысленно, пусто и пошло» [1, с. 443]. Завязалась, наконец, настоящая ссора.

Она завязалась реалистически, так как вытекала из самого существа характеров героев и ни в коей мере не была им навязана автором. В реальной жизни она могла бы и не привести к столкновению и скоро кончиться. Но Гоголь, стремясь придать ей наибольшую характерность, применил гиперболу. Он показал обоих противников весьма обидчивыми в своих чувствах и очень грубыми в действиях, вносящими в свою пустяковую размолвку упрямство, злобу, которые, по замечанию рассказчика, совершенно недостойны взрослых, солидных людей. Гоголь пишет: «Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое. Иван Иванович весь вспыхнул» [2, с. 222]. Одно слово привело к такой непримиримой вражде! Эта ссора так ничтожна, что соседи даже не помнят о ней уже вечером этого же дня: «Иван Иванович... остановил глаза на соседнем дворе и сказал сам себе: «Сегодня я не был у Ивана Никифоровича; пойду-ка к нему». Сказавши это, Иван Иванович взял палку и шапку и отправился на улицу; но едва только вышел за ворота, как вспомнил ссору, плюнул и возвратился назад. Почти такое же движение случилось и на дворе Ивана Никифоровича» [2, с. 226]. Они бы и помирились, но масла в огонь подлила Агафия Федосеевна, приехавшая в гости к Ивану Никифоровичу. «Шушукала, шушукала проклятая баба и сделала то, что Иван Никифорович и слышать не хотел об Иване Ивановиче» [2, с. 227]. Далее дело пошло само собой. В пылу оскорбления, они наделали всяких глупостей: один выстроил против дома другого гусиный хлев, другой спилил его ночью тайком, и оба настрочили друг на друга в поветовый суд длиннейшие жалобы, полные слов обидных для чести.

Связанные узами тесной дружбы, «благородные мужи» – Иван Иванович и Иван Никифорович – соревнуются между собой в том, чтобы устроить друг другу «неприятности». Каждый из них напрягает свой ум для изыскания новой гадости, которая позволила бы нанести сокрушительный удар своему врагу. Они готовы на все, чтобы уничтожить друг друга. В жалобах друг на друга соседи написали то, чего на самом деле никогда и не было. А каких наказаний они требуют за нелепое

оскорбление, страшно представить: «в кандалы заковать», в тюрьму, «в Сибирь на каторгу», лишить чинов, дворянства, заплатить убытки!

Обвиняя один другого в подлых замыслах и делах, каждый из них, в сущности, прав. Благородные душевные качества, которые приводили в восхищение окружающих, оказались видимостью, за ними скрывались низменные чувства и побуждения. Активность Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича проистекает не из желания что-либо создавать, она определена их стремлением к взаимному уничтожению. От ленивого сонного прозябания они «просыпаются» лишь для того, чтобы творить всякого рода несообразности. «Деяния» у героев повести приобретают характер мелочной и злобной суеты, ничтожной борьбы.

Между героями ведется настоящая война. Здесь есть все – и «дипломатические переговоры», и «начало военных действий», и «ночная вылазка в стан неприятеля» с нанесением ему тяжкого ущерба ниспровержением гусяного хлеба, и смелое вторжение самого разумного участника боевых действий – бурой свиньи. И все это – ужасающе пошло, мелко, ничтожно.

Понадобилось целых два года, чтобы они поостыли и как будто готовы были помириться. Однако сцена их примирения на «ассамблее у городничего» обнаружила, что их бессмысленная обидчивость для них по-прежнему важнее всего. Вновь было сказано слово «гусак», и дело было перенесено в полтавскую судебную палату. «Дедовские карбованцы» потекли теперь «в запачканные руки судебных дельцов» [2, с. 263]. В заключительной сцене повести, переносащей нас к событиям, происшедшим лет через пять, оба героя изображены несчастными, постаревшими и поседевшими, и каждый из них все еще надеется на скорое окончание дела в свою пользу. Все это также вполне реалистично: все это лишь крайнее гиперболическое выражение особенностей характера героев, созданных типическими обстоятельствами их жизни.

Известно, что дело длилось еще много лет, но чем оно завершилось и кто его выиграл, об этом автор не нашел нужным сообщить своим читателям. Г.Н. Пospelов так пишет об этой концовке: «Гоголь оставил свой сюжет без развязки, и он был прав. Чем бы ни кончилась долгая тяжба соседей, оба одинаково неправы. Поэтому сообщение об удаче одного из них только отвлекло бы читателя от главного – от существа ссоры» [14, с. 103].

Квитка-Основьяненко, как и Гоголь, в своей повести изображает пошлый мир украинских обывателей, замкнутых на своих интересах. Но сходство повестей этим не ограничивается. Квитка несомненно заимствует у Гоголя мотив ссоры двух соседей. Об этом можно говорить совершенно уверенно, потому что повесть «Украинские дипломаты» была написана значительно позже гоголевской повести о ссоре, и Квитка не мог быть не знаком с ней.

Заметим, ссора в «Украинских дипломатах» произошла... из-за гусей, принадлежащих Тпрунькевичу, которые, будучи «тварью глупой», забрели на территорию Шпака: «Дворовые гуси Никифора Омеляновича

Тпрунькевича, не быв никем водимы, наставляемы, научаемы, подгоняемы и побуждаемы, сами собою, добровольно и самоуправно, всего счетом 13 гусей серых и белых, обоих полов и различного возраста, перешли с полей владельца своего и взошли на землю, принадлежащую Кириллу Петровичу Шпаку» [5, с. 203]. Все бы обошлось, но гуси пощипали овес, за что разгневанный Шпак всех их зарубил. Тпрунькевич подал жалобу на Шпака, тот, в свою очередь, незамедлительно ответил тем же. Так завязалась ссора, которая вылилась в семь лет судебной волокиты и усугубилась еще тем, что Тпрунькевич написал на Шпака донос, суть которого сводилась к тому, что фамилия Шпак происходит от названия птицы шпак, которая считается глупой. Именно это утверждение больше всего и оскорбило Кирилла Петровича. Как видим, шпак здесь является неким подобием гоголевского гусака. На протяжении всего повествования не раз упоминается об этой ссоре, на которую Шпак уже издержал порядочное количество средств. И в финале произведения Квитка вновь отправляет нас к ссоре, сообщая, что процесс идет «с прежним жаром». Но Квитка не подражает Гоголю, он создает совсем иное произведение. У Гоголя ссора двух «прекрасных» людей представлена для того, чтобы показать всю ничтожность, пошлость их натуры. Квитка же не акцентирует внимания на ссоре как таковой, она нужна автору для разрешения любовной интриги (Шельменко выдает одетую в шинель Пазиньку за дочь Тпрунькевича, которому Шпак мечтает отомстить, женив на ней бедного Скорцова) и разоблачения образа Шпака, который, несмотря на свою видимую образованность, на самом деле показывает себя «истинным шпаком», то есть глупым простаком, у которого из-под носа выкрадывают собственную дочь. Шельменко раскрывает перед Шпаком свою аферу, а тот не понимает и продолжает смеяться над самим собой.

Гоголь в повести о ссоре приходит к более широким обобщениям. Печальный итог происшедшего относится не только к двум поссорившимся помещикам, но в какой-то мере, и ко всему чиновно-дворянскому обществу, их окружавшему и отчасти изображенному в повести. История вражды Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича тесно сплетается с картинами жизни провинциального города. В повести дано и описание поветового суда, городских чиновников, характеристика «цвета» миргородского общества. Эти картины не являются просто фоном, на котором разворачивается действие повести. Между рассказом о ссоре и описанием города есть внутренняя связь, выявляющаяся не только в развитии сюжета, но и в общем фоне освещения уклада жизни. Повесть о двух Иванах – это картина ничтожества и пошлости современного Гоголю общественного бытия, всей жизни данного уклада, причем оба Ивана – не столько активные силы жизни, сколько ее части, такие же, как и другие лица повести, – и судья, и городничий, и Антон Прокофьевич, и «кривой Иван Иванович», и даже бурая свинья, едва ли не самое самостоятельное и активное существо в повести.

Как в образах Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича раскрывается неприглядная правда, так и в

городских картинах перед читателем предстают лишённые всякого ореола служители власти, блюстители порядка. Корыстные мотивы служат направляющим началом деятельности этих людей, тут они черпают и свое рвение, и свою «преданность» справедливости. Живыми, выразительными фигурами предстают в повести члены провинциального дворянского общества. Например, миргородский судья, который ведет «присутствие», сидя «в замасленном халате, с трубкой и чашкой чая» и, не слушая чтения судебных дел, разговаривает с «подсудком» о всяких пустяках, затем подписывает дела, не вникая в их смысл. Не лучше судьи и городничий, который хоть и пытался было припугнуть Ивана Ивановича за недостойное поведение его бурой свиньи, ссылаясь при этом на «виды правительства», но потом сам спасовал и выдал себя, заранее выпросив в качестве взятки «парочку колбас» из этой самой бурой свиньи. Недалеко ушло от них и все местное общество, члены которого, справедливо решив помирить соседей, сделали это весьма странным образом: вместо того, чтобы их усюсюсовать, оказать на них моральное воздействие, они «начали подталкивать их сзади, чтобы спихнуть их вместе, и так затолкали их при этом, «что Иван Иванович упал на даму в красном платье» [2, с. 260-261].

Но всего хуже проявила себя губернская судебная палата, которая 20 лет расчетливо тянула дело, вытянув у добровольно пострадавших все их средства, здоровье и силы.

Реалистические и сатирические тенденции гоголевского творчества углубляются в повести о ссоре. История глупой тяжбы двух миргородских обывателей осмыслена Гоголем в остро обличительном плане. Поведение обоих героев возбуждает в писателе уже не мягкую усмешку, но чувство горечи и гнева. Обрисовка образов знатных обитателей провинциального городка сливается в целостную картину, которая вызывает у писателя горькое и скорбное чувство: «Скучно на этом свете, господа!» [2, с. 266]. Эта резкая замена юмористической тональности обнаженно сатирической с предельной ясностью раскрывает смысл повести. С виду забавный, веселый анекдот превращается в сознании читателя в глубоко драматическую картину действительности. Гоголь как бы хочет сказать: люди, подобные Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу, к сожалению, не прихотливая игра писательской фантазии; они действительно существуют, они среди нас, и потому жизнь наша так печальна. «Да! грустно думать, что человек, этот благороднейший сосуд духа, может жить и умереть призраком и в призраках, даже и не подозревая возможности действительной жизни! И сколько на свете таких людей, сколько на свете Иванов Ивановичей и Иванов Никифоровичей!..» – писал В.Г. Белинский [1, с. 444].

Следует отметить, что в повести о ссоре рельефно проявились черты гоголевского комизма; осмеянию здесь подвергнуты пошлость, выступающая в облике самовлюбленной «значительности», низость, прикрываемая маской добропорядочности и благородства, то есть раскрыто комическое противоречие между видимостью и сущностью. Кроме того, прослеживается

связь повести с народной смеховой культурой (черты украинского народного вертепа) [См.: 15, с. 150-151]. Повесть эта знаменовала собой значительное расширение художественно-выразительных средств писателя. «Принципы комической патетики, найденные и разработанные здесь Гоголем, станут одним из составных элементов стиля писателя, получат свою дальнейшую разработку в ряде других произведений», – отмечает М.Б. Храпченко [16, с. 165]. Такими принципами являются восхищение «высокими» качествами героев, острая взволнованность в связи с «необычными» происшествными, «драматическая» скорбь по поводу острых коллизий и отсутствие внутренней связи между утверждением и доказательством. В повести появляются элементы гротеска.

Гоголь обращается к обыкновенной жизни, которая является неиссякаемым источником комизма. Ю. Манн отмечает: «Повести о том, как поссорился...» присущ, как и многим другим произведениям Гоголя, стиль повседневно-житейского комизма» [9, с. 401]. Смех писателя становится здесь злее, ядовитее, он высмеивает существование, пустую и праздную жизнь, с помощью смеха разоблачается пошлость, то есть это уже смех сатирический, смех, который оборачивается своей противоположностью, «смех сквозь слезы».

Г.Ф. Квитка-Основьяненко так же, как и Н.В. Гоголь, показывает нам пошлость, слабость, ограниченность своих героев, бедность их кругозора, раскрывая противоречие между внешней значительностью и реальной ничтожностью, что является основой комического, потому-то мы и смеемся вместе с писателями над героями их повестей. Но следует отметить, что смех Гоголя более обличительный, злой. В повести о ссоре нам представлена более страшная картина жизни, и смех здесь превращается в чувство горечи и гнева, он ядовитее, чем у Квитки, он высмеивает существование, пустую и праздную жизнь, с помощью смеха разоблачается пошлость, то есть это уже смех сатирический. Квитка, хоть и высмеивает своих героев, но делает это мягко, без особой злобы, используя в большей степени иронию, чем сатиру, писатель показывает глупость и пошлость своих героев с помощью иных художественных средств. Образ плута Шельменко как раз и используется автором для того, чтобы открыть нам истинное лицо представителей украинского дворянства. С. Шаховский считает, что «талант Квитки не мог равняться по силе с талантом Гоголя» [5, с. 5]. Но, скорее всего, дело не в этом. Квитка и Гоголь – современники, но представители разных поколений, что не могло не сказаться на разнице во взглядах. Гоголь концентрирует внимание на самой ссоре, делая акцент на ее ничтожности и, таким образом, раскрывая сущность своих героев. Квитка же как бы отвлекает внимание читателей от главного: от пошлого существования украинского дворянства, – маскируя его легкой историей двух влюбленных, отдаленно напоминающей плутовской роман. Получается, что в повести несколько смещены акценты и главное представляется второстепенным. Именно поэтому смех Квитки кажется более милосердным.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полное собр. соч.: В 13 т. М.: Издательство АН СССР, 1953 – 1959. Т. 3: Статьи и рецензии 1839-1840 гг.
2. *Гоголь Н.В.* СС: В 7 т. М.: Художественная литература, 1966-1967. Т. 2: Миргород. 1966.
3. *Зубков С.Д.* Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев: Наукова думка, 1979.
4. *Квитка-Основьяненко Г.Ф.* Повести. Киев: Радянський письменник, 1954.
5. *Колева И.* О комическом в творчестве Н.В. Гоголя: традиции и новаторство// Русская словесность. М., 2008. №1. С. 18-25.
6. *Крутикова Н.Е.* Н.В. Гоголь. Исследования и материалы/ АН Украины. Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко. Киев: Наукова думка, 1992. 312 с.
7. *Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978.
8. *Манн Ю.* «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н.В. Гоголя 1809 – 1835 гг. М.: Мирос, 1994.
9. *Машинский С.* Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971.
10. *Николаева П.В.* Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.// Русская речь. М., 2007. №3. С.9-14.
11. Освободительное движение и русско-украинские литературные взаимосвязи./ [С.А. Кривошапова, Т.П. Маевская, Д.В. Чалый]. Киев: Наук.думка, 1982. 256 с.
12. *Петрова Л.М.* О комическом в «Записках охотника» И.С. Тургенева.// Ученые записки Орловского государственного университета. Орел, 2010. № 1. С. 157-161.
13. *Поспелов Г.Н.* Творчество Н. В. Гоголя. М.: Учпедгиз, 1953.
14. *Степанов Н.Л.* Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1961.
15. *Храпченко М.Б.* Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. - М.: Современник, 1984.

References

1. *Belinsky V.G.* Complete Works: In 13 tons - Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1953 1959. Volume 3: Articles and Reviews 1839-1840.
 2. *Gogol N.V.* Collected Works: In 7 tons - Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1966-1967. - Vo 2: Mirgorod. 1966.
 3. *Zubkov S.D.* Russian prose of GF Kvitka and EP Grebenka in the context of the Russian-Ukrainian literary relations. - Kiev: Naukova Dumka, 1979.
 4. *Kvitka-Osnovyanenko G.F.* Story. Kiev: Radyansky pismennik, 1954.
 5. *Koleva I.O.* About comic in the works of NV Gogol: tradition and innovation // Russian literature. M., 2008. № 1. P. 18-25.
 6. *Krutikova N.E.* N.V. Gogol. Research and Materials / Ukrainian Academy of Sciences. Institute of Literature. TG Shevchenko. Kiev: Naukova Dumka, 1992. 312 p.
 7. *Mann Yu.V.* Poetics of Gogol. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978.
 8. *Mann Yu.* "Through the visible to the world laugh ...": Life of N.V. Gogol 1809 - 1835 years. Moscow: Miros, 1994.
 9. *Mashinsky S.* artistic world of Gogol. M.: Prosvesheniye, 1971.
 10. *Nikolaev P.* How Ivan Ivanovich quarreled with Ivan Nikiforovich. // Russian language. M., 2007. № 3. Pp.9-14.
 11. Liberation movement and the Russian-Ukrainian literary relationship. /S.A. Krivoshapova, T.P. Maevskaya, D.V. Chaly. Kiev: Nauk.dumka, 1982.
 12. *Petrova L.M.* About Comic in "Notes of the Hunter" by I.S. Turgenev. // Scientific notes of Orel State University. Orel, 2010. № 1. Pp. 157-161.
 13. *Pospelov G.N.* Creation of Nikolai Gogol. Moscow: Uchpedgiz, 1953.
 14. *Stepanov N.L.* Gogol. M.: Molodaya gvardiya, 1961.
 15. *Khrapchenko M.B.* Nikolai Gogol. Literary path. The greatness of the writer. Moscow: Sovremennik, 1984.
-

УДК 821

UDC 821

С.А. БУБНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: bubnows@yandex.ru

S.A. BUBNOV

candidate of Philological Sciences, Assistant Professor, Department "Theory and Methodology of the Russian Language and Literature", Orel State University
E-mail: bubnows@yandex.ru

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА НА СТРАНИЦАХ
ПРОЛЕТКУЛЬТОВСКИХ ЖУРНАЛОВ В 1918-1919 гг.**

THE INTERPRETATION OF S.A. YESENIN'S POETRY IN PROLETKULT MAGAZINES IN 1918-1919

Рассмотрен творческий путь С.А. Есенина 1918-1919 годов. В это время поэт активно участвовал в литературной жизни страны, проявляя неподдельный интерес к Пролеткульту. Судьба Советской России в рассматриваемый период была основной темой творчества поэта. Критики самарского Пролеткульта наиболее точно обозначили эволюцию образной системы есенинской поэзии 1918-1919 годов.

Ключевые слова: Пролеткульт, пролетарская литература, крестьянская поэзия, буржуазная литература, народническая литература.

The article considers the most outstanding Yessenin's works of 1918-1919. In this time the poet became an active participant of the country's literary life, showing real interest in Proletkult (experimental Soviet artistic institution). The Soviet Russia's fate was the main topic of his creative work in those years. The critics – members of the Proletkult in Samara revealed the evolution of Yessenin's image system in 1918-1919 with great precision.

Keywords: Proletkult, proletarian literature, peasants' poetry, bourgeois literature, narodnik's (populist) poetry.

В 1918–1919 годы Пролеткульт достиг пика своей известности и был одной из самых массовых литературно-художественных организаций, а произведения С.А. Есенина широко печатались в левозерковских, большевистских, советских, чисто литературных центральных и периферийных журналах. В это время литературно-критические отделы многих пролеткультовских изданий уделяли пристальное и постоянное внимание поэзии С. Есенина. Изучение литературно-критических публикаций на страницах журналов «Пролетарская культура», «Горн», «Гудки», «Грядущее» и «Зарево заводов», активно освещавших творчество поэта, даёт зримое представление о сложном и весьма противоречивом отношении теоретиков и критиков Пролеткульта к послереволюционной есенинской поэзии. Всероссийская слава поэта и творческий подъём тех лет позволили ему, на наш взгляд, почувствовать себя «творчески самобытной личностью». С. Есенин, безусловно, стал претендовать на роль лидера среди крестьянских поэтов [14]. Поэтому, естественно, личность поэта и его произведения не могли остаться незамеченными в пролеткультовской литературной критике.

Примечательно, что творчество Есенина обратило на себя внимание одного из главных организаторов и теоретиков Пролеткульта А.А. Богданова. В небольшой по объёму статье он обосновал главный критерий, придерживаясь которого критики столичного Пролеткульта оценивали различных представителей искусства и «регулировали» развитие пролетарской культуры. В со-

ответствии с богдановской концепцией о классовой «чистоте» пролетарской культуры литература подразделялась на пролетарскую, крестьянскую и буржуазную. Творчество С. Есенина оказалось «приписанным» к «крестьянской поэзии» [2], а само крестьянство аттестовывалось Богдановым как «мелкая буржуазия». Классовый подход вождя Пролеткульта к пониманию и характеристике искусства, сознательное игнорирование эстетической стороны художественного творчества позже позволили анонимному рецензенту книги «Преображение» в журнале «Горн» безапелляционно приклеить С. Есенину ярлык «буржуазного поэта» [15]. Подобный взгляд разделяли все журналы московского Пролеткульта» [3].

Другой важный оценочный пункт «крестьянской поэзии» А. Богданов выводил из тесной, как ему казалось, связи мировоззрения крестьян с религиозностью и поэтому обвинял авторов сборника «Красный звон» (Н. Клюева, С. Есенина, П. Орешина, А. Ширяевца) в дружбе с «Олимпом крестьянских богов» [2]. Примечательно, что эту идею вождя Пролеткульта подхватил П. Бессалько, который в одной из статей противопоставляя пролетарскую поэзию В. Кириллова и А. Гастева «крестьянской поэзии» Н. Клюева, П. Орешина и С. Есенина, указывал в качестве их основного отличительного признака также на отношение к религии и, в силу своих убеждений, настоятельно советовал последнему скорее освободиться от «библейской образности» [1].

Кроме того, существенным недостатком «крестьян-

ской поэзии» Богданов считал тяготение её представителей к классическому наследию русской литературы и ориентации на национальные фольклорные традиции. Лозунг «долой Рафаэля» вполне соответствовал эстетическим постулатам большинства идеологов Пролеткульта, поэтизация же народной Руси резко противоречила их догматически-жестким установкам. Так, Ф. Калинин посвятил этой проблеме специальную статью, в которой резко критиковал Н. Клюева и С. Есенина за увлечение мифотворчеством, аттестуя их поэзию как «пошлое жонглёрство» [9].

В заключение А. Богданов указывал на недопустимость публикации в рабочих газетах и журналах произведений непролетарской литературы. Эта «установка» нашла поддержку среди его единомышленников. Например, критик, скрывшийся за криптонимом «В. Г.-ъ.», о стихотворениях С. Есенина «Иорданская голубица» и «Край ты мой заброшенный», напечатанных редактором газеты «Известия В.Ц.И.К.» Ю. Стекловым в «Литературном приложении» к ней, настойчиво подчёркивал, что «нельзя допускать, чтобы со страниц советской прессы разносилась всякая ахинея» [5].

Обозначенные критерии для оценки «крестьянской поэзии» получили единодушную поддержку и среди петроградских пролеткультовцев. В статье, посвящённой годовщине журнала «Грядущее», И. Садофьев почти дословно воспроизвёл богдановскую классификацию, переименовав «крестьянскую» литературу в «народническую». Проследившая развитие пролетарской литературы и восторженно рапортуя о её всемирном росте и развитии, автор юбилейной статьи мимоходом охарактеризовал и лучших, с его точки зрения, представителей «народнической поэзии». По его мнению, народническая литература, в лице Н. Клюева, С. Есенина и других, оплакивала «помещичьи усадьбы» и распевала «хлыстовские псалмы» [12]. Характеристика, данная И. Садофьевым «народнической поэзии», была созвучна распространявшемуся мнению столичного Пролеткульта о социальном размежевании крестьянских поэтов на зажиточных (Н. Клюев, отчасти П. Радимов и С. Есенин) и бедняков (П. Орешин, А. Ширяевец и др.) и тесной связи их мировоззрения с религиозностью. Таким образом, теоретики и критики московского и петроградского Пролеткульта, обосновавшие и утверждавшие вульгарно-социологическую по своей природе концепцию классовой «чистоты» пролетарской культуры, в откликах и статьях на современную поэзию ссылались на более ярких и одарённых её представителей – С. Есенина.

Однако были и исключения среди односторонне-придирчивых и «проработочных» откликов, прозвучавших со страниц пролеткультовских изданий по поводу поэзии Есенина. Это обстоятельство частично объясняется тем, что в журнале «Горн» в отделе «Библиография» публиковались материалы о пролетарской литературе, принадлежавшие перу критиков непролеткультовского толка. Так, на страницах журнала можно встретить статьи «О стихотворениях Александровского» А. Белого, «О романах т. Бессалько» Ст. Кривцова. Сюда же сле-

дует отнести «Заметку о «пролетарской культуре» критика, подписавшегося криптонимом «Н.П.» (по всей вероятности, это Н. Павлович, выполнявшая в 1918 – 1919 годы обязанности секретаря литературного отдела московского Пролеткульта и сотрудничавшая в некоторых пролеткультовских журналах). Автор этого выступления, отталкиваясь от реальных условий развития и формирования поэтического мировоззрения Есенина, характеризовала его творчество как органически связанное, целостное и проникнутое «здоровой земляной силой» [10]. Справедливым было и другое положение критика, рассматривавшего религиозную символику поэта как активное применение традиционной христианской образности для воссоздания «глубокой веры в революционное возрождение России» [10]. Меткие суждения о поэзии С. Есенина оправдывают резюме статьи: необходимо пролеткультовским критикам учиться у интеллигенции более аргументировано, обосновано и «серьёзно» подходить в своих оценках к художественным произведениям нового времени.

Интересной и заслуживающей специального внимания представляется оценка творчества С. Есенина самарским пролеткультовским журналом «Зарево заводов», буквально в каждом номере писавшем по поводу произведений поэта. Уже в одной из первых обзорных статей, посвящённых современной поэзии, её автор, выдвинув в качестве основного критерия оценки степень революционности в отражении действительности, назвал С. Есенина «народным поэтом» [13], тонко чувствующим душу природы, знающим и понимающим деревенскую жизнь и восторженно воспевающим революционную современность. И хотя «подлинными детьми революции» С. Спасский считал пролетарских поэтов, выделив среди них творчество М. Герасимова, он подчеркнул, что первыми к разработке темы революции приступили поэты-футуристы В. Маяковский и В. Каменский, «русский поэт» А. Блок, а также «народные поэты» Н. Клюев и С. Есенин.

Взгляд С. Спасского на литературу нового времени разделил автор рецензии на «Стихотворения» В. Кириллова. Отметив достоинства и недостатки первой книги поэта, критик, хотя и несколько поверхностно, но в целом верно оценил современную поэзию, по его словам, заключившую «союз» с революцией. Добродушно иронизируя над поэтами, славящими «железного мессию» и одновременно не без иронии называя пролетарских поэтов «настоящими детьми революции и муз» [11], рецензент аттестовала А. Блока, А. Белого, С. Есенина и Н. Клюева как зрелых поэтов, творчество которых ярко, образно и калейдоскопически-красочно отражало революционную современность.

Ал. Леонидов в статье «Техника пролетарских поэтов» наряду с поэзией П. Арского, Ст. Горемыки, А. Самобытника также характеризовал «крестьянскую поэзию» С. Есенина. Игнорируя богдановскую концепцию о классовой «чистоте» пролетарской культуры, но и одновременно отмечая небольшое различие в психологии пролетарских и крестьянских поэтов, критик объяснил их «дружеский союз» тематической

сходностью. Он причислил Есенина к революционным поэтам, близким по духу пролетариату, указал на то, что поэт плодотворно отражает в своём творчестве происходящие изменения в жизни. Отметив несовершенство поэтической формы пролетарских поэтов, Ал. Леонидов одновременно говорил о росте художественного мастерства «крестьянского поэта», проявившегося, в частности, в эволюции поэтических образов. По мнению автора статьи, в начальном периоде творчества С. Есенина преобладали «преимущественно зрительно-изобразительные» [8] образы. В послереволюционном творчестве, заключал автор, они выросли в «богатые, скульптурно-смысловые метафоры» »[8], которые Есенин использовал для создания у читателя наибольшего впечатления.

По поводу сборников «Радуница» (2-е изд.), «Преображение» и «Сельский часослов» в журнале «Зарево заводов» с благожелательной наивностью высказался критик Е. Григорьев. Он назвал автора книг крупным и своеобразным поэтом, который говорит «яркими и красочными <...> словами» [7]. Кратко характеризуя творчество Есенина, рецензент определил его идейную ориентацию как «левое народничество, осложнённое <...> мистическим привкусом» [7], что, по сути, означает отражение в его послереволюционной поэзии мировоззрения крестьянской демократии, воспринимавшей огонь мировой войны и Октябрьский переворот как политическое и социальное освобождение, ведущее к освобождению духовному. Последнее неразрывно было связано с христианской культурой, что закономерно объясняет «мистический привкус» есенинской поэзии.

Подобные вполне лояльные оценки творчества

Есенина не могли не привлечь внимания строгих и бдительных критиков столичного Пролеткульта. Так, в журнале «Гудки» появилась статья критика, скрывавшегося под псевдонимом «Вак», «О «пролетарских» журналах». Самарский журнал упрекался за то, что «притянул к себе»[4] С. Есенина, по мнению автора, «совершенно ненужного пролетариату». К изложенному добавим также то, что «Зарево заводов» было тем пролеткультовским изданием, которое взяло на себя смелость публиковать произведения «крестьянского поэта».

Изучение критических статей и рецензий, связанных с восприятием и интерпретацией творчества С. Есенина на страницах пролеткультовских журналов, несомненно, свидетельствует о весьма неоднозначном отношении критиков Пролеткульта и пролеткультовской направленности к поэту.

Выступления теоретиков и критиков московского и петроградского Пролеткульта, объяснявших творчество поэта с классовых позиций, нередко возмущали и раздражали Есенина, который «терпеть не мог, когда <...> делали из него исключительно крестьянского поэта» [6], что, на наш взгляд, в определённой мере повлияло на дальнейшую эволюцию его творчества и привело к увлечению имажинизмом. Примечательно, что критики самарского Пролеткульта в статьях и рецензиях обращались непосредственно к поэтике Есенина. Им удалось верно определить идейно-тематическую направленность его творчества 1918 – 1919 годов и обозначить эволюцию есенинской образной системы, выросшей, как точно заметил чуткий к поэтическому слову критик, известный и даровитый поэт С. Спасский, «из самых недр страны» [13].

Библиографический список

1. Бессалько П. О поэзии крестьянской и пролетарской. Грядущее. Пг., 1918. № 7. С. 58.
2. Богданов А. Наша критика. Статья вторая: критика пролетарского искусства // Пролетарская культура. М., 1918. № 3. С. 13.
3. Вак. Крестьянские поэты? // Гудки. М., 1919. № 2. С. 12–13.
4. Вак. О «пролетарских» журналах // Гудки. М., 1919. № 3. С. 17.
5. В. Г-ъ. Литературное приложение // Пролетарская культура. М., 1918. № 4. С. 38.
6. Городецкий С.М. О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вст. ст., сост. и коммент. А.А. Козловского. М.: Художественная литература. 1986. Т. 1. С. 184.
7. Григорьев Евстафий. [Рецензия] // Зарево заводов. Самара, 1919. Кн. 2. С. 80–81. Рец. на кн.: Есенин С.А. Радуница. М., 1918. 78 [2] с.; Есенин С.А. Преображение. М., 1918. 69 [3] с.; Есенин С.А. Сельский часослов. М., 1918. 29 [3] с.
8. Леонидов Ал. Техника пролетарских поэтов // Зарево заводов. Самара, 1919. Кн. 2. С. 41.
9. Калинин Ф. По поводу литературной формы // Грядущее. Пг., 1918. № 4. С. 3.
10. Н.П. Заметка о «пролетарской» культуре // Горн. М., 1918. Кн. 1. С. 86.
11. Н.П. Стихотворения. Владимир Кириллов // Зарево заводов. Самара, 1919. Кн. 1. С. 80.
12. Садофьев Илья. На солнечный путь / К годовщине пролетарского журнала «Грядущее» // Грядущее. Пг., 1918. Кн. 1. С. 86.
13. Спасский С. Поэзия в современности // Зарево заводов. – Самара, 1919. Кн. 1. С. 64.
14. Субботин С.И. Есенин и Клюев. К истории творческих взаимоотношений // О, Русь, взмахни крылами: Есенинский сборник. Вып. 1. М.: Наследие, 1994. С. 104–120.
15. Ф.Р. Сергей Есенин. Преображение // Горн. М., 1919. Кн. 2–3. С. 115.

References

1. Bessalko P. About Peasants' and Proletarian Poetry // Gryadushee (Times to Come). Petrograd, 1918. № 7. P. 58.
2. Bogdanov A. Our Critics. Second Article: Critics of Proletarian Art // Proletarian Culture. Moscow, 1918. № 3. P. 13.
3. Vak. Peasants' Poets? // Gudki (Hooters). Moscow, 1919. № 2. P. 12–13.
4. Vak. About "Proletarian" Magazines // Gudki (Hooters). Moscow, 1919. № 3. P. 17.
5. V. G. (B. G-ъ). Literary Appendix // Proletarian Culture. Moscow, 1918. № 4. P. 38.
6. Gorodetskiy S.M. About Serguei Esenin // S.A. Yesenin in His Contemporary's Memoirs: in 2 Vol./ Introduction, compilation and comments by A.A. Kozlovskiy. – Moscow: Hudozhestvennaya literatura (Fiction). 1986. Vol. 1. P. 184.

7. *Grigoriev Evstaphy*. [Review] // Zarevo Zavodov (Factories' Blaze). Samara, 1919. Book 2. P. 80-81. Book Review: Esenin S.A. Radunitsa. – Moscow, 1918. – 78 [2] p.; Yesenin S.A. Preobrazhenie (Transfiguration). Moscow, 1918. 69 [3] p.; Esenin S.A. Selskiy Chasoslov (Country Book of Hours). Moscow, 1918. 29 [3] p.
8. *Leonidov A.I.* Proletarian Poet's Technique // Zarevo Zavodov (Factories' Blaze). Samara, 1919. Book 2. P. 41.
9. *Kalinin F.* Concerning Literary Form // Gryadushee (Times to Come). Petrograd, 1918. №4. P.3.
10. *N.P.* Note about "Proletarian" Culture // Gorn (Horn). Moscow, 1918. Book 1. P. 86.
11. *N.P.* Poems. Vladimir Kirillov // Zarevo Zavodov (Factories' Blaze). Samara, 1919. Book 1. P. 80.
12. *Sadofiev Ilya*. To the Sunny Way / On the Proletarian Magazine's "Gryadushee" // Gryadushee (Times to Come). Petrograd, 1918. Book 1. P. 86.
13. *Spasskiy S.* Poetry in Contemporary Times // Zarevo Zavodov (Factories' Blaze). Samara, 1919. Book 1. P. 64.
14. *Subbotin S.I.* Yesenin and Kluev. On the History of Creative Relationship // O, Rus', Vzmakhni Krylami (O, Rus', Flap Your Wings): Yesenin's Collection. Issue 1. Moscow: Nasledie (Heritage), 1994. P. 104-120.
15. *F.R.* Serguei Esenin. Preobrazhenie (Transfiguration) // Gorn (Horn). Moscow, 1919. Book 2-3. P. 115.

УДК 80

И.В. ВАКОРИНА

ассистент кафедры английского языка и переводоведения
Смоленского государственного университета
E-mail: mirnaja1@yandex.ru

UDC 80

I.V. VAKORINA

assistant, chair of English and theory of translation,
Smolensk state university
E-mail: mirnaja1@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ФЕНОМЕНА
"МАТЕРИНСТВО" У АФРОАМЕРИКАНЦЕВ
TO THE QUESTION ABOUT CULTURAL HISTORICAL FEATURES OF THE PHENOMENON
«MOTHERHOOD» AT THE AFRO-AMERICANS**

Статья посвящена рассмотрению культурно-исторической обусловленности феномена "материнство" у афроамериканцев. Расизм, половая и классовая дискриминация настолько повлияли на описываемое явление, что для понимания современного образа темнокожей матери необходимо изучить особенности формирования этноса, уходящие корнями во времена рабства.

Ключевые слова: материнство, темнокожая женщина, расизм, половая дискриминация, рабство.

The article is devoted to the consideration of the cultural and historical conditionality of the phenomenon "Motherhood" in African American community. Racism, sexual and class discrimination influenced the described notion so much that to understand the modern image of the black mother it is necessary to study the peculiarities of the formation of the ethnic community that goes back to the period of slavery.

Keywords: motherhood, black woman, racism, sexual discrimination, slavery.

*The hand that rocks the cradle is
the hand that rules the world.
(William Ross Wallace)*

Феномен "материнство" является универсальным, так как рождение и воспитание детей, как гарант продолжения рода, свойственны любому этносу. Материнские чувства, любовь, забота, ласка не различаются по национальному признаку. Но явление "материнство" в каждом конкретном обществе может быть маркировано своими особенностями: культурными, историческими, религиозными и т. д. В настоящей статье пойдет речь об особой культурно-исторической обусловленности феномена "материнство" у афроамериканцев. Подтверждение нашим тезисам мы находим в художественных произведениях писательниц афроамериканского происхождения, что показывает, насколько

ко укоренены в сознании носителей данной культуры описываемые особенности.

Черная рабыня, негритянская женщина-производительница детей, кормилица-негритянка, любовница-негритянка, экономка-негритянка – это те роли, в которых выступала женщина африканского происхождения, оказавшись в Новом Свете.

Работоторговцы и рабовладельцы не щадили представительниц слабого пола. Ю.Л. Сапожникова отмечает: "... женщина-рабыня не только подвергается всем испытаниям, выпадающим на долю сильного пола (непосильный труд, голод, порки и т.д.), но и становится жертвой еще более тяжких мучений, приберегаемых рабовладельцами специально для нее <...> принуждение к сексуальному рабству, которое рабыни были вынуждены сносить" [4, с. 61]. Следующая цитата из рома-

на Г. Джоунз (G. Jones) “Коррегидора” (“Corregidora”) яркое тому подтверждение: “But anyway he wouldn’t let me see him, cause he said a black man wasn’t nothing but a waste of pussy, and wear me out when it came to the other mens. He didn’t send nothing but the rich mens in there to me, cause he said I was his little gold pussy, his little gold piece ...” [7, p. 124].

Однако, физическое насилие порой не шло ни в какое сравнение с тем моральным угнетением, которое испытывали темнокожие женщины, когда их лишали их природного предназначения быть матерью. По этому поводу Д. Бурстин пишет: “Ни один из аспектов рабства не имел таких бесчеловечных последствий, как вытравливание материнских чувств” [1, с. 248].

В период расцвета работорговли темнокожей женщине не только запрещалось кормить грудью своих детей, обычной была практика разлучения матерей с детьми. В связи с этим «нередко материнский инстинкт сублимировался в привязанности кормилицы-“мамки” к ее “белым детям”, которым она и обязана была уделять всю свою любовь и заботу» [1, с. 248]. Как пишет Ю.Л. Сапожникова, для главной героини произведения Ш.Э. Уильямс (Sh.A. Williams) “Десса Роз” (“Dessa Rose”) слово “mammy” (так Десса говорит о своей маме) “могло применяться только для описания человека, которого ты знаешь и любишь; белые же лишили его смысла и превратили его в бирку для описания человека, выполнявшего работы определенного вида. В дискурсе белых речь шла не о чувствах и отношениях, а лишь о функциях” [4, с. 102 - 103]. “You don’t even know mammy. <...> Your ‘mammy’ ...<...> You ain’t got no ‘mammy’ ...<...> ‘Mammy’ ain’t nobody name, not they real one. <...> You don’t even not know ‘mammy’s’ name. Mammy have a name, have children” [10, p. 118 -119].

Зачастую женщина-рабыня имела детей, но не имела семью. Она была превращена в производительницу детей для белого хозяина, состояние которого преумножалось с помощью большого количества рожденных детей, а женщина-рабыня, как правило, не только лишалась возможности реализовать свою материнскую любовь, но, и она сама и/или ее дети могли быть проданы другому хозяину. Например, Бэби Саггс, одна из героинь романа Т. Моррисон (T. Morrison) “Возлюбленная” (“Beloved”), родила восемь детей, которых рабовладельцы у нее отняли и продали [8].

Любовь матери-рабыни к своим детям была не счастьем, а скорее наказанием или даже трагедией для женщины. Ведь она понимала, что могла лишиться их привязанности в любой момент по воле белого хозяина. Кроме того, ребенок, рожденный от матери-рабыни, сам становился рабом. Переживая те ужасы рабской зависимости, которые калечили и физически, и духовно, темнокожая женщина-мать также испытывала огромные муки от осознания того, что ожидало ее ребенка. Это делало ее бессильной и заставляло испытывать отвращение к себе.

“Черные невольницы были вынуждены мириться с отведенной им ролью, что вызывало самоотрицание, неудовлетворенность, внутреннюю отчужденность” [4,

с. 63]. Зачастую пассивный, скорее, даже скрытый характер их протеста против бесчеловечного угнетения может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, как признают многие исследователи, привезенных африканцев намеренно разделяли не только с их соплеменниками, но и даже с родными, чтобы не дать будущим рабам возможность говорить на одном языке, иметь моральную поддержку и общие интересы, тем самым сделать их более послушными. Во-вторых, для чернокожих рабов чувство покорности не было совсем чуждым. Их предки всегда стремились существовать в единении с природой, принимая все, что не послано природой и тем самым, выстраивая гармоничные отношения с окружающим миром. Поэтому, подвергаясь физическим страданиям и душевным мукам, выходцы из Африки были вынуждены приспособливаться, чтобы выжить. Г. Джейкобс (H. Jacobs) устами своей героини в “Случаях из жизни девушки-рабыни” (“Incidents in the Life of a Slave Girl”) говорит: “Most earnestly did she (grandmother) strive to make us feel that it was the will of God: that He had seen fit to place us under such circumstances; and though it seemed hard, we ought to pray for contentment” [6, p. 23].

Не всегда обладая решимостью или возможностью для открытого мятежа, темнокожие женщины, тем не менее, пытались оказывать сопротивление через отказ иметь детей, а иногда даже убивали их. Женщины шли на такие противоестественные для их природы поступки, так как не находили иного выхода из того положения жертвы, в котором они оказывались. Не желая такой же судьбы своим детям, они видели в их убийстве спасение для них, “... противопоставляя фактическую смерть как освобождение и безопасность моральной смерти в рабстве как потере человечности и собственного «Я»” [5, с. 138]. Так, Т. Моррисон (T. Morrison) в романе “Возлюбленная” (“Beloved”) дает описание страшной сцены, когда мать сама убивает ребенка. Афроамериканская писательница как женщина не пытается понять и прочувствовать, что могла испытывать ее героиня в тот момент, поскольку любой женщине это трудно представить. Рассказ об этом событии автор вкладывает в уста мужчин, которые видят в нем исключительно преступление, действия, не осознавая, что за ними стоит. “What she go and do that for? On account of a beating? Hell, he’d been beat a million times and he was white. Once it hurt so bad and made him so mad he’d smashed the well bucket. <...> But no beating ever made him ... I mean no way he could have ... What she go and do that for? <...> The sheriff turned, then said to the other three, «You all better go on. Look like your own business is over. Mine’s started now»” [8, p. 177].

Оторванные от своих корней, находящиеся под давлением страшных условий рабства, женщины африканского происхождения в основном не могли передавать свои этнические ценности и традиции из поколения в поколение. Процесс стирания этнокультурной памяти, а также процесс бытовой, культурной и языковой ассимиляции в новой среде свидетельствуют о том, что материнство зачастую сводилось лишь к реализации

биологической функции и во многом утрачивало свою социальную функцию. Однако, и в этих условиях темнокожим матерям все-таки удавалось сохранять крупницы своих обычаев и передавать их детям. В романе Ш.Э. Уильямс (Sh.A. Williams) “Десса Роуз” (“Dessa Rose”) мама Дессы, заплетая косы своей дочери (символ передачи истории следующим поколениям), рассказывала ей о своих детях, чтобы девочка не забывала о своих корнях.

Позднее не только осознание общности судьбы, опыт совместного труда и противостояния расовому гнету стали сплачивать негритянское население, но и материнство как механизм закладывания и трансляции ценностей и приоритетов стало возвращать утраченную функцию. В романе Т. Моррисон (T. Morrison) “Возлюбленная” (“Beloved”) Бэби Саггс, после того как дочь выкупает ее у хозяина, “выступает в качестве матери-предка, который дает уроки жизни не только членам своей семьи, но и всей общине, тем самым сплачивая ее и помогая понять собственную сущность” [5, с.133].

Находясь в рабстве, женщины не могли реализовывать себя как личности, так как их жизнями управляли и распоряжались хозяева. Единственная роль, которая раскрывала их потенциал и позволяла почувствовать свою значимость, была роль матери, но белые стремились лишить их и этого источника самоопределения. После отмены рабства темнокожие женщины не сразу получили одинаковые права как с мужчинами своей расы, так и с белыми американцами. Сначала афроамериканки организовывали женские общества для борьбы с рабством, выступали с лекциями и публиковали официальные речи в защиту прав афроамериканцев. Потом они стали получать образование в школах, колледжах и университетах.

20 век показал, что афроамериканки могут самореализовываться в различных областях деятельности. В 1903 году Мегги Лена Уолкер (Maggie Lena Walker) стала президентом банка; в 1921 году Бесси Коулмен (Bessie Coleman) получила права пилота, Джорджиана Симпсон (Georgiana Simpson) и Ева Дикес (Eva Dykes) стали первыми афроамериканками, кто получили ученую степень; в 1950 году Гвендолин Брукс (Gwendolyn Brooks) была награждена Пулитцеровской премией; в 1965 году Патрисия Харрис (Patricia Harris) была назначена на должность посла в Люксембурге; в 1979 году Хейзел Уинифред (Hazel Winifred) стала первой темнокожей женщиной-генералом; в 1983 году Тони Моррисон (Toni Morrison) получила Нобелевскую премию по литературе; в 1992 году Джеки Сойнер-Керси (Jackie Soyner-Kersee) побывала в космосе [12].

В то же самое время (в середине 20 века) получил распространение термин “негритянская семья” (Negro Family). Это такой тип семьи, характерный для негров США, в котором доминировала женщина-мать. Она представляла семью и контролировала ее. Чернокожая мать воспринималась обществом как хорошая мать, которая заботится о детях, но в то же время это властная, волевая и высокомерная женщина. Негритянская мать

зарабатывала для семьи и содержала ее. Семья американских негров была матриархальной семьей. В связи с этим общепринятым было выражение «черный матриархат» (Black Matriarchy). Так, в романе Тони Моррисон (T. Morrison) “Сулла” (“Sula”) перед глазами читателя предстают несколько афроамериканских семей, во главе которых, по разным причинам, были женщины. “All in all her life was a satisfactory one. She loved her house and enjoyed manipulating her daughter and her husband” [9, p. 18]. “Hannah married a laughing man named Rekus who died when their daughter Sula was about three years old, at which time Hannah moved back into her mother’s big house prepared to take care of it and her mother forever. <...> there were no men in the house, no men to run it” [9, p. 41].

Такое положение вещей в афроамериканских семьях, скорее всего, было исторически обусловлено. Э.Л. Нитобург, ссылаясь в своей работе на одного из крупнейших знатоков проблемы негритянской семьи в США Э.Ф. Фрэзера, утверждает: “Негритянская женщина еще со времен рабства была “приучена играть преобладающую роль в семье и брачных отношениях <...>, и эта роль сохранилась за ней в последующие за отменой рабства десятилетия” [3, с. 266]. Мужчин-рабов чаще продавали первыми, тогда как у женщин-рабынь было больше шансов остаться детьми. Поэтому темнокожим женщинам ничего не оставалось делать, как брать ответственность и все заботы о содержании и воспитании детей на себя.

Искать истоки материнского авторитета в семье, очевидно, следует на земле их предков. В.Б. Иорданский в своей работе “Звери, люди, боги” пишет: в Африке “...мужчины установили монополию на общение с главными мифическими силами и тем самым захватили власть в обществе” [2, с. 88]. Женщина, по их мнению, представляла опасность для общины. Исследователь предполагает, что такое восприятие женщины общиной происходило от тесной связи женщины с той сферой мифического пространства, “которую можно назвать отрицательной, а именно с миром, где действовали враждебные людям мифические существа и ощущалось воздействие гнетущих общество отрицательных магических влияний”. Однако способность к деторождению сближала ее “с могучими и таинственными силами плодородия Земли”. Молодая женщина детородного возраста занимала подчиненное место, так как отличалась несовершенством. Но после брака женская душа как бы дополнялась мужской душой, и личность женщины становилась полноценной. “Лишь к старости у некоторых африканских народов она начинала занимать положение, которое приближалось к мужскому. Если женщина сумела к тому же проявить ум и характер в ведении семейных дел, если ей удалось поднять и поставить на ноги многочисленных детей, то такая женщина будет окружена в старости всеобщим уважением” [2, с. 90–91].

В Америке, в других географических, социальных и экономических условиях, белые люди наделяли негритянское материнство другими коннотациями. Во-

первых, помещая темнокожих мужчин и женщин в одинаковые условия труда и не делая никаких скидок на гендерные различия, они стремились лишить женщин тех черт, которые предписываются слабому полу. Поэтому даже многие темнокожие мужчины не воспринимали представительниц своей расы как женщин, так как такие биологические аспекты поведения женщины, как ее сексуальность и женственность, целенаправленно уничтожались белым хозяином с целью поддержания отношений господства и подчинения. Во-вторых, негритянское материнство использовалось белыми для пропаганды идеи о неравенстве рас. С этой целью был создан миф о несостоятельности темнокожей матери, которая не могла родить и воспитать полноценного ребенка, так как по своей природе она, по их мнению, была похотливой, легкодоступной женщиной (во многих произведениях белых авторов темнокожие героини метафорически приравнивались к Иезавели). Когда у такой женщины отбирали детей, она не просто продолжала жить, а как будто бы не испытывала никаких чувств, а ведь обычно даже временную разлуку с ребенком материнскому сердцу нелегко перенести. Кроме того, способность убить своего ребенка также воспринималась белыми как свидетельство отсутствия материнского инстинкта у черных женщин. Если в Африке материнство делало женщину почитаемой в обществе, то в Новом Свете темнокожую женщину намеренно лишали полноценного материнства как естественного от природы способа самореализации женщины, пытаясь сломить ее дух, тем самым делая ее послушной рабыней.

Может быть, поэтому даже спустя столетия в сознании американцев все еще присутствуют ужасающие образы афроамериканских матерей, которые жестоко обращаются со своими детьми, всячески издеваясь над ними – вербально, эмоционально, физически и, порой, даже сексуально.

Мелисса Хэррис-Перри (Melissa Harris-Perry) в своей статье “Bad Black Mothers” в издании “Нейшн” (“The Nation”) (от 24 ноября 2009 года) пытается проанализировать такое восприятие женщины-матери афроамериканского происхождения и приходит к выводу о том, что рождение детей для темнокожих женщин никогда не было их личным делом. В эпоху рабства воспроизводство потомства регулировалось желаниями и нуждами белых хозяев. В период после отмены рабства общественные деятели были склонны считать, что

афроамериканские женщины своими повседневными действиями – тем, что они были плохими домохозяйками, невнимательными матерями и недостойными воспитателями для своих детей – содействовали истреблению собственной расы. В одном из памфлетов 1904 года (“Experiences of the Race problem. By a Southern White Woman”) черные женщины названы величайшей возможной угрозой духовной жизни общества, в котором они живут, так как они в первую очередь являются причиной деградации мужчин своей расы. Мелисса Хэррис-Перри встает на защиту темнокожих женщин, которых Даниэл Патрик Мойниган (Daniel Patrick Moynihan) в своем докладе “The Negro Family. The Case for National Action” (1965 год) выставил безжалостными обманщицами, требующими поддержки от государства. Тогда как, по ее мнению, они, наоборот, взвалили на свои плечи содержание и заботу о семье и делали все от них зависящее в те трудные времена. Автор статьи считает, что “долгая история патологического черного материнства” (“a long tradition of pathologizing black motherhood” [11]) имеет перед собой цель убедить американцев, что черное материнство не соответствует истинным материнским идеалам.

Феномен “материнство” у афроамериканцев окрашен оттенками, которые обусловлены культурно-историческими условиями их пребывания в рабстве. Идея белых о том, что темнокожие матери отличаются от остальных, порой искажает реальное отношение к материнству у афроамериканцев до сих пор. Поэтому многие современные афроамериканские писательницы ставят себе целью показать в своих произведениях настоящее лицо темнокожей матери, ломая укоренившиеся стереотипы.

Общеизвестно, что материнство, как гарант репродукции социума и культуры, способствует самоидентификации народа. Однако, в случае с афроамериканцами эта функция материнства реализовывалась не в полной мере. Такие общественные процессы, как расизм, классовая и половая дискриминация, наложили отпечаток на описываемое явление, что и стало его этнической отличительной особенностью. Свидетельством тому служат, с одной стороны, намеренно искаженный белыми образ темнокожей матери, который можно встретить и в настоящее время, а, с другой – склонность к матриархальному устою в семье, тенденция иметь много детей, те особенности, которые характеризуют множество афроамериканских семей и по сей день.

Библиографический список

1. Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Литера», 1993.
2. Иорданский В.Б. Звери, люди, боги. Очерки африканской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
3. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США. XX век: этноисторический очерк. М.: Наука, 2009.
4. Сапожникова Ю.Л. Классические и новые истории рабов: преемственность жанров в творчестве афро-американских писателей (Г. Джейкобс, Ш.Э. Уильямс и Л. Кэрри): монография. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2011.
5. Сапожникова Ю.Л. Новые истории рабов в контексте постмодернизма и магического реализма (на материале произведений И. Рида, Ч. Джонса, Т. Моррисон, Э. Джоунса): монография. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2012.
6. Jacobs H. Incidents in the Life of a Slave Girl. New York: Barnes&Noble Classics, 2005.
7. Jones G. Corregidora. Boston : Beacon Press, 1986.
8. Morrison T. Beloved. Croydon: Vintage, 2005.

9. Morrison T. Sula. NY : Plume Book, 1982.
10. Williams Sh.A. Dessa Rose. New York: Quill. An Imprint of HarperCollins Publishers, 1999.
11. <http://www.thenation.com>
12. <http://www.womenshistory.about.com/>

References

1. Burstin D. Americans: National experience. M: Prod. Progress group - "Litera", 1993.
2. Iordanskii V.B. Beats, people, gods. Sketches of the African mythology. M: Science. Main edition of east literature, 1991.
3. Hitorburgh E.L. Afro-Americans of the USA. XX century: ethnohistorical sketch. M: Science, 2009.
4. Sapozhnikova Yu.L. Classical and modern histories of slaves: continuity of genres in creativity of Afro-American writers (G. Jacobs, Sh.E. Williams and L. Carrie): monograph. Smolensk: Smolgu's publishing house, 2011.
5. Sapozhnikova Yu.L. Modern histories of slaves in a context of a postmodernism and magic realism (on a material of works of I. Read, C. Jones, T. Morrison, E. Dzhounsa): monograph. Smolensk: Smolgu's publishing house, 2012.
6. Jacobs H. Incidents in the Life of a Slave Girl. New York: Barnes&Noble Classics, 2005.
7. Jones G. Corregidora. Boston: Beacon Press, 1986.
8. Morrison T. Beloved. Croydon: Vintage, 2005.
9. Morrison T. Sula. NY: Plume Book, 1982.
10. Williams Sh.A. Dessa Rose. New York: Quill. An Imprint of HarperCollins Publishers, 1999.
11. <http://www.thenation.com>
12. <http://www.womenshistory.about.com/>

УДК 82.091-4.Л.АНДРЕЕВ:82.091-4 С.ЧЕРНЫЙ

UDC 82.091-4.L.ANDREEV:82.091-4 S.CHERNY

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
русской литературы XX-XXI веков и истории зарубеж-
ной литературы Орловского государственного универ-
ситета

E-mail: inoliterat@mail.ru

E.A. MIKHEICHEVA

doctor of Philology, professor of the department "the
Russian literature of the XX-XXI centuries and history of
foreign literature" Orel state university

E-mail: inoliterat@mail.ru

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И САША ЧЕРНЫЙ. К ПРОБЛЕМЕ ТВОРЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

LEONID ANDREEV AND SASHA CHORNY. CREATIVE CONTACTS PROBLEM

Компаративистика – одно из наиболее развивающихся направлений современного литературоведения. Установление взаимосвязей между современниками или писателями разных эпох указывает на целостность литературного процесса, на продолжение традиций в литературе. Творческая параллель Леонид Андреев – Саша Черный до сих пор не рассматривалась исследователями. Доказать ее обоснованность – цель данной статьи.

Ключевые слова: Серебряный век, Саша Черный, Леонид Андреев, творческие связи, традиция, сатира, гротеск, военная тема, композиция, жанр.

Comparativistics is one of the progressive schools of modern literary studies. Interrelations between contemporaries or writers of different epochs indicates literary process integrity and literature traditions continuity. «Leonid Andreev – Sasha Chorny» parallel is still not considered by researchers. The purpose of this article is to prove its validity.

Keywords: Silver Age of Russian poetry, Sasha Chorny, Leonid Andreev, creative contacts, tradition, satire, grotesque, the war theme, composition, genre.

В 1918 Саша Черный (А.М.Гликберг), как и многие представители русской интеллигенции, категорически не приняв большевиков и «новую Россию», эмигрирует, сначала в Прибалтику, затем – в Германию и Италию. Семья Леонида Андреева, после смерти писателя в 1919 году, также эмигрировала. В Италии Саша Черный с женой 2 года жил в семье Андреевых: жена Саши Черного преподавала детям Леонида Андреева

русский язык. Как признавался сам поэт: «До страсти хотелось сбежать (из России), но потом, конечно, вернуться». Вернуться, как и у многих других эмигрантов, не получилось. Но, по сути, он остался в «уездном городе Болхове» (так называется одно из его стихотворений), еще вчера казавшимся таким же захолустным, как сама Россия. В стихотворении «Уездный город Болхов» в 1911 году вполне благополучный российский гражда-

нин и поэт выразил пренебрежительно-барское неприятие глухой провинции. Убога не только обстановка, но и люди, живущие примитивной жизнью с претензией на светскость:

На горе бомондное гулянье в «Городке»:
Извилистые ухари в драконовых жилетах
И вспухшие от сна кожевницы в корсетах

Ползут кольцом вокруг «музыки», как стая мух в горшке. (1, 101)

Это стихотворение – картинка русской жизни, стоп-кадр. Недаром в последней строфе описано восприятие дикими провинциалами чуда эпохи, кинематографа. В эмигрантском будущем и такая Россия стала Саше Черному близкой и желанной. Как пишет современный исследователь, «он не смог оторваться от поруганной и погибшей России» (2, С.21)

В 1920 году Саша Черный написал стихотворение «Памяти Л.Н. Андреева». Леонида Андреева год как уже не было в живых; он скончался в Нейволе (Финляндия) 12 сентября 1919 года от сердечного приступа. Ранний уход (Андрееву было 47 лет) одного из ярчайших прозаиков и драматургов Серебряного века потряс многих. На смерть писателя откликнулись М. Горький, Н. Телешов, И. Северянин, К. Чуковский и другие современники. В 1930 году в память о замечательном русском писателе вышел сборник статей и воспоминаний – «Реквием». (2)

Леонид Андреев и Саша Черный «пересекались» в дореволюционное время. Как известно, Саша Черный, обладая талантом сатирика и будучи какое-то время другом Аркадия Аверченко, был активным сотрудником журнала «Сатирикон», в котором иногда печатался Л. Андреев. В частности, фельетон Андреева «Искренний смех» впервые был опубликован в «Сатириконе». Стихотворение, посвященное Л. Андрееву, подтверждает факт интереса Саши Черного к творчеству современника, знание и понимание им личности Андреева, его мироощущения, волновавших его проблем. В советское время творчество двух эмигрантов, Леонида Андреева и Саши Черного, было под запретом, да и сегодня это стихотворение не слишком известно, поэтому мы приводим его полностью.

ПАМЯТИ Л. Н. АНДРЕЕВА

Давно над равниною русской, как ветер
печальный и буйный,
Кружил он взволнованной мыслью, искал, и
томился, и звал.

Не верил проклятому быту и, словно поток
 многострунный,
Срываясь с утесов страдания, и хрипло, и дико
 рыдал.

С бессонною жадой и гневом стучался он в
вечные двери,
И сталкивал смерчи безверья, и мучил себя и
других...

Прекрасную «Синюю Птицу» терзают косматые звери,

Жизнь – черная смрадная яма, костер из слепых и глухих.

Мы знали «пугает – не страшно», но грянуло грозное эхо.

И, словно по слову пророка, безумный
надвинулся шквал:

Как буря, взметнулись раскаты кровавого
«Красного Смеха»,
Костлявый и жуткий «Царь-Голод» с «Анатэмой»
начал свой бал.

С распятым замученным сердцем одно только
слово «**Россия**»,
Одно только слово «спасите» кричал он в свой
рупор тоски,
Кричал он в пространство, метался, смотрел,
содрогаясь, на Вия,
И сильное, чуткое сердце, устав, разорвалось
в куски...

Под сенью финляндского бора лежит он печально и тихо,
Чужой и холодной землею забиты немые уста.
Хохочет, и воеет, и свищет безглазое русское Лихо,
Молчит безответное небо, – и даль безнадежно пуста. (4)

Саша Черный легко и органично входит в мир личности Андреева и в атмосферу его творчества. Обращенность писателя к «безднам» человеческой души, стремление показать обреченность человека на земные страдания, его прорыв в метафизическое пространство, умение найти убедительные формы и приемы для передачи трагизма человеческого существования – то, что отличало Андреева, составляло его индивидуальность, передано автором стихотворения в экспрессивной манере, характерной для самого Андреева, с обилием ярких эпитетов, метафор, сравнений: «как ветер печальный и буйный», «срываясь с утесов страдания, и хрипло, и дико рыдал», «стучался он в вечные двери», «мучил себя и других»... Саша Черный в стихотворении приводит названия произведений Андреева, по духу и экспрессионистской манере письма наиболее близкие ему самому: пьесы «Анатэма», «Царь-Голод», рассказ «Красный смех»; воспроизводит известное высказывание Л.Толстого об Андрееве: «Он пугает, а мне не страшно».

В стихотворении много скрытых цитат, свидетельствующих, что Саша Черный хорошо знал творчество Андреева. Например, «стучался он в вечные двери» – отсылка к героям произведений Андреева «Молчание», «Жизнь Василия Фивейского», «Елиазар», «Иуда Искарот», «Анатэма» и другим, бунт которых направлен против непроницаемости границ между «этим» и «тем» миром, между жизнью и вечностью, разумом и безумием. «Надо, чтобы было открыто», – декларирует позицию автора один из персонажей рассказа «Призраки». Строки стихотворения – «Прекрасную Синюю птицу» терзают проклятые звери./ Жизнь – черная смрадная яма, костер для слепых и глухих» – обращают нас к М.Метерлинку, особо почитаемому Андреевым среди драматургов за создание символистского театра, за интенсивный поиск новых форм в искусстве. События октября 1917 года, гибель старой России обернулись для Андреева личной трагедией. «С

распатым, замученным сердцем» он взывал о помощи к мировому сообществу, и это нашло отражение в дневниках, письмах, публицистике писателя, в частности в статьях «S.O.S», «Veni, creator!» и других.

Саше Черному хорошо известна ситуация последних лет жизни Андреева. Оказавшись после событий октября 1917 года «трижды изгнанником»: из России, из дома и из творчества – Андреев потерял смысл жизни, впал в отчаяние. Чудовищем, гоголевским Вием представлялись ему большевики, убийца своей страны и своего народа Ленин, и это стало главной причиной внезапной смерти писателя в 47 лет – «и сильное, чуткое сердце, устав, разорвалось в куски».

Чувство отчаяния, рожденное осознанием окончательной потери родины, ощущение собственной неприкаянности и ненужности, делают «безнадежно пустой» «даль» и самого Саши Черного, поэтому смерть на чужой земле близкого ему по духу писателя воспринимается как личная трагедия.

Общность идейно-эстетических позиций, художественного поиска Леонида Андреева и Саши Черного подтверждают и «переключки» в творчестве, в частности, обращение обоих писателей к военной теме и их отношение к войне.

Рассказ Андреева «Красный смех» (1904) ознаменовал собой новый этап в творчестве писателя. «Красный смех» явился откликом на русско-японскую войну, причем, откликом человека, на войне не бывавшего и знавшего о ней только по газетным корреспонденциям и свидетельствам очевидцев. Рассказ изначально основан не на фактах, а на ощущениях, которые возникали при чтении газетных репортажей с полей сражений, из бесед с участниками войны. Детали и подробности кровавой бойни дорисовывало воображение художника. Андреев не ставит перед собой задачу воспроизвести реальные события. Ему важно передать свое, особое, нестандартное, отношение к этим событиям. С одной стороны, произведение рождено действительностью, а с другой, эта действительность является не предметом изображения, а лишь толчком для создания гротесково представленных, эмоционально окрашенных образов. Это дает основание исследователям отнести рассказ «Красный смех» в разряд экспрессионистских произведений Андреева.

Андреев делит человечество на мертвых и живых, причем, граница между этими состояниями очень прозрачна. Зыбкость границ между жизнью и смертью, потрясение от осознания невозможности повернуть время вспять, вернуться на какие-то минуты назад, чтобы отменить смерть, будут переживать герои многих произведений Андреева: «Жизнь Василия Фивейского», «Губернатор», «Рассказ о семи повешенных» и др. В «Красном смехе» действуют абстрактные люди, не обладающие ни именем, ни индивидуальным характером. Они интересуют автора как носители общечеловеческих качеств. Солдат, его брат, жена, мать, доктор, студент – так называет автор своих героев (с той же близкостью и одновременно многоликостью героев мы встретимся в драме «Жизнь человека»). Каждый

выполняет функцию, предначертанную ему природой. Брат пытается помочь брату, жена ждет возвращения мужа, мать оплакивает сына, солдаты сражаются, а доктор старается спасти их от неминуемой смерти и сам сходит с ума. Люди становятся носителями одного качества, которое, разрастаясь, превращает человека в абстракцию. Война – безумие человечества, безумны все, кто непосредственно столкнулся с войной (герой-повествователь в первой части рассказа), и те, кто в войне не участвовал, но соприкоснулся с безумием безумных (брат безумного, герой-повествователь во второй части рассказа).

Андреев использует натуралистические детали, но они не придают его стилю конкретности. «Широким, скребущим, плачущим стоном наполнилась палата, и отовсюду к нам повернулись бледные, желтые, изможденные лица, иные без глаз, иные в таком чудовищном уродстве, как будто из ада вернулись они» (5, 43 - 44). Максимальной степенью абстрактности обладает и главенствующий в рассказе образ – образ «красного смеха», застывшего страшной кровавой маской на лицах соприкоснувшихся с войной людей, и мертвых и живых.

Саша Черный в Первую мировую войну, поддавшись патриотическому порыву, добровольцем идет на фронт. Вскоре приходит понимание антинародной сущности этой кровавой бойни. Но участие в войне дает возможность «приобщиться к военной теме». Он пишет цикл стихотворений «Война». В стихотворении «Песня войны» повествование ведется от лица самой Войны:

Прошло семь тысяч пестрых лет
Пусть прошло, ха-ха!
Еще жирнее мой обед,
Кровавая уха... (2, 122)

Войны, через которые пришлось пройти человечеству до XX века, сопоставляются с настоящей войной, которая и по многообразию способов уничтожения людей, и по количеству жертв ни в какое сравнение не идет с предыдущими войнами.

Теперь – наука мой мясник!
Я на земле – бессменный гость
И мир – смешная ложь, – утверждает Война.

Следует отметить, что «ложь» – обобщающий образ – символ состояния мира, человека и человечества, характерный для творчества Андреева 900-х годов (рассказы «Ложь», «Стена», «Мысль», «Так было» и др.). Во время войны значение этого символа актуализируется. В стихотворениях «На фронт», «Сестра» Саша Черный с потрясающей глубиной и экспрессией раскрыл боль и ужас войны. Война – «работа» солдат, врачей, сестер, санитарок, для которых ранения, смерть сотен, тысяч людей становятся чем-то простым и обыденным, привычным. Особенно близок Саша Черный к Андрееву в своем восприятии войны в стихотворении «В операционной».

Стихотворение можно условно разделить на три части, основание тому дает как содержание стихотворения, так и его художественные особенности. Первую часть – десять строк, не разделенных на строфы, с раз-

ными вариантами рифмовки – можно назвать «предчувствие ужаса». Автор описывает состояние людей в коридоре госпиталя, перед операционной. Вторая часть – «ужас войны» – сама операционная, в которой «костлявый хирург... взрезает острой сталью зловонное мясо». Третья часть – промежуток между операциями, временный отдых от ужаса крови и смерти: «Каторжный труд! / Как дрова, их сегодня несут, / Несут и несут без конца...». (2, 127)

В стихотворении много от «Красного смеха», от Андреева. Название рассказа Андреева частично повторяет метафора «красный ад» в стихотворении Саши Черного. Один из наиболее эффективных экспрессионистских приемов, натуралистическая деталь, передающая весь ужас кровавой бойни, широко используется в стихотворении: «Нож визжит по кости, как напилкок», «Осколки костей дико и странно наружу торчат», «На полу безобразно алеет / Свежим отрезом бедра» ... Многие детали символичны: «осколки костей» – осколки разбитой жизни, «чад хлороформа» – иллюзия освобождения от боли. Санитар, «как пьяный», но не от водки, а от обилия и бесконечности смерти.

Ощущение ужаса от творимого людьми зла усиливает контраст, который Саша Черный использует в каждой из трех частей стихотворения: насилию и смерти противостоят животворящая природа, мирная жизнь. В первой части: «За окном играет майский день / Хорошо б пожить на белом свете» / Дома – поле, мать, жена и дети». (2, 126) Во второй части страдание и безумие войны «отменяют» даль, что за окном зеленеет, «чету голубей», что «воркует и ходит бочком вдоль карниза». В третьей части «усталый хирург... / Вспоминает родной Петербург». Природа напоминает обезумевшему человечеству, что существуют мирная жизнь, мирный труд, дом, семья, близкие.

Еще одним способом передачи трагического у Андреева становится смех. Сатирическая функция андреевского смеха берет свое начало в фельетонах «Искренний смех», «Диссонанс», «Всероссийское вранье», «Тирания мелочей и преступность индивидуальности» и других. Андреев не является «чистым» сатириком, его произведения не ориентированы только на обличение. К разряду сатирических произведений следует отнести цикл «Сказочек не совсем для детей» («Орешек», «Негодяй», «Фальшивый рубль и добрый дядя», «Храбрый волк», «Земля»), созданный в 10-е годы, в котором сочетается сатирическое и трагическое, характерное для мироощущения Андреева. Само определение жанра свидетельствует о комедийной направленности произведений. Именно жанру «сказочки», а не «сказки» соответствуют уменьшительно-ласкательные формы слов, имеющих целью придать притчеобразному повествованию сатирический подтекст: «белочка-беляночка» с чудесными «зубками-грызунчиками», которой добрый ангел преподнес золотой орешек («Орешек»), «теленочек Васенька», из которого вежливый и послушный мальчик «Петечка» и его мама собираются сделать вкусные «котлетки» («Негодяй») и т.д. Подделываясь под сюсюкающую манеру «детской»

литературы дурного тона, широко используя олицетворения (расчетливая белочка, совестливый теленочек Васенька, глупый и самонадеянный волк), вводя сказочные элементы (спор ангела и Всеблагого в «Земле»), Андреев вкладывает в «сказочки» житейский смысл и заканчивает их трезвым «нравоучением», обращенным к «не совсем детям»: в «Орешке» это предостережение от излишнего благоразумия и бережливости, в «Фальшивом рубле» – от готовности делать «добро» за счет других, в «Негодяе» – от необоснованных надежд на справедливость сильных мира сего.

Сходные мотивы и приемы находим у Саши Черного в цикле «Солдатские сказки». Сказка «Кабы я был царем» – бытовая и политическая сатира (в духе Гоголя, Салтыкова-Щедрина, позже – Булгакова, Зощенко). Солдат, от имени которого ведется повествование, не имеет имени, хотя другие персонажи – фельдфебель Ипатыч, денщик Сидорчук, «солдатики Курослеп да Соленый», судьбы которых решает герой-повествователь, вообразивший себя царем, имеют имена, что свидетельствует о том, что солдат-царь видит в них личностное начало.

Солдат размышляет о том, что бы он сделал, если бы стал царем. На царское «счастье» у него своя, солдатская точка зрения: «Я, хочь и царь», однако обращения простого. Его «распоряжения» касаются солдатской жизни: «чтоб солдат под гребенку до голого места не стригли». Царь-солдат «распускает» солдатиков «на три дня» для отдыха. Юмор строится на несоответствии царской должности бытовому характеру его «распоряжений», простому народному языку, на котором говорит «царь»: «...пошли ты шведского короля на легком катери к шведской матери». Патриотические чувства выражены тоже по-простому: когда ему «специальный зауряд-военный чиновник» предлагает заморскую невесту, «царь» говорит: «Я на своей, русской, женюсь», протестуя против традиции русских царей жениться на немках. Сочетание просторечной и светской лексики также дает юмористический эффект: «вас воспретят», «марьяжный интерес вести», «авантажная дамочка», «антрекот с изюмом», «сестер с веерами к лысой матери отпустил», как и многочисленные «ежели», «ихние», «небось», «оченно», «не слиняет».... Манеры, поведение, речь «царя» мужицкие. Но есть истинное понимание солдатских, государственных нужд: «Летчикам – первое место... Он в одиночку на стальном жуке в неизвестном направлении орудует». (2, 202) В итоге царская жизнь показалась солдату бесполезной и скучной, и он «самого себя в рядовые приказал разжаловать» (2, 206)

Продолжают андреевские традиции и одновременно полемизируют с ними «Несерьезные рассказы» и «Библейские сказки» Саши Черного, имеющие глубокий философский смысл. Если герой Андреева протестует против несоответствия законов земной жизни божественным заповедям, то у Саши Черного в споре праведника Ионы («Праведник Иона»), обозленного на грешных людей и требующего от Господа «истребить их», автор встает на сторону Господа, который поучает:

«Ты, Иона, не сетуй, а люби». И Иона вынужден признать, что «мудрость жалости глубже мудрости гнева». (2, 328).

В цикле рассказов «Дневник Фокса Микки», написанном в годы эмиграции (1924-1927), думающий, говорящий и даже умеющий писать фокстерьер, с одной стороны, продолжает галерею андреевских персонажей из животного мира («Кусака», «Друг», щенок из «Сына человеческого»), с другой – становится предтечей булгаковского Шарика и кота Бегемота. Мир людей глазами собаки видится как смешной, нелепый, бессмысленный и примитивный. «Что важнее всего в жизни? Еда...» (2, 330), – подводит итог собственным наблюдениям за людьми фокстерьер Микки. Как и в случае с солдатом, ставшим «царем», у Микки своя философия, своя «мудрость». Условностям жизни людей он противопостав-

ляет свой естественный – «собачий» – взгляд на мир.

Литературный процесс – это единое целое, в нем все взаимосвязано и гармонично. Писательская индивидуальность Леонида Андреева не сформировалась бы без влияния Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, многих европейских писателей. Леонид Андреев, в 900-е годы самый популярный прозаик в России, «перекликался» в творчестве со многими современниками (с М.Горьким, Б.Зайцевым, Ф.Сологубом, М.Арцыбашевым), влиял на последующие поколения писателей. Андреевские мотивы, образы и приемы письма исследователи находят в творчестве В.Набокова, М.Булгакова, Ю.Нагибина, в эстетике постмодернистов. Параллель Леонид Андреев – Саша Черный – убедительное подтверждение взаимодействия творческих личностей.

Библиографический список

1. *Макаров В.* Маска наизнанку /Саша Черный. Горький мед. М.: Книжный клуб Книговек, 2012
2. *Саша Черный.* Горький мед М.: Книжный клуб Книговек. 2012
3. Реквием. Сборник памяти Леонида Андреева. Под ред. Д.Л.Андреева, В.Е.Беклемишевой. Изд-во «Федерация», 1930
4. *Саша Черный.* Памяти Л.Н.Андреева. 100stix12.ru/publ/2-1-0-708
5. *Андреев Л.Н.* Собрание сочинений: В 6 т., Т.2, М.: Художественная литература, 1990

References

1. *Makarov V.* Mask on the wrong side out / Sasha Chorny. Bitter honey – M: Book club Knigovek, 2012
 2. *Sasha Chorny.* Bitter honey M: Book club Knigovek. 2012 .
 3. Requiem. Studies in honour Leonid Andreev. Under the editorship of D.L.Andreev and V.E.Beklemishcheva. Publishing house “Federation”, 1930.
 4. *Sasha Chorny.* In memory of L.N.Andreev. 100stix12.ru/publ/2-1-0-708
 5. *Andreev L.N.* Collected works: in 6 v. V. 2, M: Khudozhestvennaya Literatura, 1990.
-
-

УДК 81'27: 81'42

UDC 81'27: 81'42

С.А. ПРИХОДЬКО

соискатель кафедры лингвистики и иностранных
языков Калужского государственного университета
им. К.Э.Циолковского
E-mail: sapclfl@yandex.ru

S.A. PRIKHODKO

post-graduate student of Kaluga State University named
after K.E.Tsiolkovsky
E-mail: sapclfl@yandex.ru

РЕЧЕВОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ТРУДЕ В.И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

SPEECH BORROWING IN V.I.LENIN'S MONOGRAPH «MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM»

В настоящей статье рассматривается заимствование, представленное в полемическом дискурсе. Исследование проведено на основе монографии «Материализм и эмпириокритицизм». Автор изучает частоту употребления заимствованного средства, выполняемую им функцию и его взаимодействие с другими приёмами в дискурсе В.И. Ленина.

Работа может заинтересовать агитаторов, переводчиков, политиков, пропагандистов, филологов и философов.

Ключевые слова: заимствование, полемический дискурс, трансформация, фразеологизм, оценка, многофункциональность.

The article considers adoption, represented in polemic discourse. This exploration is submitted on the basis of the monograph «Materialism and Empirio-Criticism». The author investigates the frequency, the function and the integration of the adoption with other methods in V.I.Lenin's discourse.

The paper can be interested for agitators, philologists, philosophers, politicians, propagandists and translators.

Keywords: adoption, polemic discourse, transformation, idiom, estimation, polyfunctionality.

Ввиду значительной частотности заимствование, понимаемое как любая иноязычная лексема (или их сочетание), в полемическом дискурсе В.И. Ленина может быть вынесено в отдельную группу средств [6, с. 12]. В «Материализме и эмпириокритицизме» манифестированы десятки единиц из германских, романских и других языков. В процессе переноса нерусских ресурсов в свой дискурс автор тем или иным образом подвергал их трансформации. Особенно чётко данная закономерность прослеживается на примере фразеологизма.

В.И. Ленин, владевший многими языками, активно применял в своём дискурсе иноязычные средства. Таким образом, в его полемическом дискурсе появлялись греческая и латинская краткость, итальянская нежность и французская живость [10, с. 201].

Опираясь на данные советских лингвистов, можно утверждать то, что В.И. Ленин преследовал две цели, которые являются равнозначными: 1) опровергнуть; 2) убедить.

Как подчёркивает В.Н. Хохлачева, в исследованной монографии «стилистика критического начала подвела к позитивным решениям, само разубеждение становилось убеждающим аргументом» [9, с. 45].

Фактически все работы, написанные В.И. Лениным, непосредственно связаны с полемической целью, состоящей в разъяснении общих принципов материалистической науки [13, с. 204].

Английское заимствование (11 упоминаний, 5,6 %)

Оборот «держаться линии» (2 упоминания)

Трансформированную фразеологическую конструкцию «следовать определенному направлению, образу поведения, действий, взглядов» («to keep to one's own line») [1, с. 140] можно встретить в одном из контекстов «Материализма и эмпириокритицизма». В обеих структурах также отмечены синтаксические параллели. При их прочтении также ощутимо противопоставление философских систем: «Первой, т. е. материалистической, линии держится Энгельс. Второй, т. е. идеалистической, линии держится Мах» [5, с. 49].

Оборот «идти по линии» (6 упоминаний)

Фразеологизм «идти по линии» («to come into line») значит «действовать согласно определенному направлению, каким-либо принципам» [1, с. 140]. Ниже данная идиома повторяется и обеспечивает противопоставление вышеупомянутых систем мироустройства: «Исходя из ощущений, можно *идти по линии* субъективизма, приводящей к солипсизму («тела суть комплексы или комбинации ощущений»), и можно *идти по линии* объективизма, приводящей к материализму (ощущения суть образы тел, внешнего мира)» [5, с. 137].

В следующем контексте В.И. Ленин также изложил свой подход к идеализму. Очевидно взаимодействие синтаксического параллелизма и идиоматического оборота: «Нам остается сказать несколько слов специально о русских махистах. Они желают быть марксистами» [5, с. 49].

стами, они все «читали» решительное отграничение Энгельсом материализма от направления Юма, они не могли не слышать и от самого Маха и от всякого, сколько-нибудь знакомого с его философией, что Мах и Авенариус *идут по линии* Юма» [5, с. 180]. Э. Мах жил почти век назад, но его наследие вызывает неподдельный интерес до сих пор [12; 14].

В отличие от предыдущих цитат, здесь В.И. Ленин затронул материалистическую систему, включив в ткань полемики лексические повторы: «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, *идут по линии* абсолютной истины, приближаются к ней» [5, с. 189].

Оборот «по всей линии» (2 упоминания)

Словосочетание «по всей линии» («all along the line») также можно увидеть в «Материализме и эмпириокритицизме». Его значение – «полностью по всем пунктам» [1, с. 140].

К примеру, данный фразеологизм поддерживается уничижающим квантификатором «словечко» и противопоставлением с союзом «а»: «Рей защищает махизм от «неомеханизма» тем, что *по всей линии* капитулирует перед последним, отстаивая словечко феноменализм, а не суть этого направления» [5, с. 318].

Ниже заимствованный оборот репрезентирован в сопровождении целого оркестра оценочных средств и всё того же маркера уничижения: «Такое сравнение, которому были посвящены три первые главы, показывает *по всей линии* гносеологических вопросов сплошную реакционность эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки идеализма и агностицизма» [5, с. 382].

Английские корни имеет также оценочная лексема «джентльмен» (1 упоминание).

Арабское заимствование (2 упоминания, 1 %)

Лексема «Аллах»

В одном контексте В.И. Ленин упомянул Аллаха (Allah), т.е. исламского Бога [7, с. 27]: «Аллах ведает, из каких рук взял тогда Богданов свою ссылку» [5, с. 182]. Осуждающее лидера идеалистов арабское заимствование корреспондирует с фразеологическими оборотами «Аллах ведает» [1, с. 13; 8, с. 8] (1 упоминание) и «из каких рук» (1 упоминание) [1, с. 235; 8, с. 446].

Лексема «мумия»

С помощью словоформы «мумия» («mumiја») уже в древности обозначали «труп человека или животного, предохраняемый от разложения с помощью специальных средств» [7, с. 287].

Это языковое средство можно увидеть в «Материализме и эмпириокритицизме», когда речь заходит об адептах идеализма: «Весело смотреть, как у этих высохших на мертвой схоластике *мумий* – может быть, первый раз в жизни – загораются глаза и розовеют щеки от тех пощечин, которых надавал им Эрнст

Геккель» [5, с. 374]. В настоящем отрывке В.И. Ленин применил полемические приёмы различной природы: высмеивание, оценку, заимствование и вводный оборот.

Библейское заимствование (5 упоминаний, 2,2 %) Оборот «в поте лица»

Фразеологизм «в поте лица» свидетельствует о том, что человек работает «с большим усердием, напряжением, прилагая все силы» [1, с. 213].

Прочитав работы Р.Авенариуса, И.Петцольдта и Р.Вилли, В.И. Ленин заявил: «Итог. Перед нами выступили три эмпириокритических авгура, которые *в поте лица* своего трудились над примирением своей философии с естествознанием, над починкой прорех солипсизма» [5, с. 89].

Следующее предложение касается только одного поборника идеализма: «Признавши сам различие двух направлений в современной физике, Рей трудится *в поте лица* своего над тем, чтобы стереть все различия в пользу материалистического направления» [5, с. 316].

Оборот «фиговый листок» (3 упоминания)

Словосочетание «фиговый листок» указывает на лицемерную маскировку подлинных намерений (обычно нечестных, предосудительных) или истинного положения дел [1, с. 319; 8, с. 560].

Упомянутого французского философа В.И. Ленин удостоил своим вниманием ещё раз: «Феноменализм Рея, его усерднейшее подчеркивание, что нет ничего кроме ощущений, что объективное есть общезначимое и пр. и т. п., – это все *фиговый листочек*, пустое словесное прикрытие материализма» [5, с. 316]. Здесь заимствование вписывается в синонимический ряд и усиливается уничижительной формой лексемы «листок». Данные полемические инструменты тяготеют к клише [15].

Древнегреческое заимствование (113 упоминаний, 55,6 %)

Лексема «идея» (35 упоминаний)

Под понятием «идея» («idea») можно иметь в виду понятие, представление, а также умственное изображение [2, с. 376; 7, с. 140].

Нотки иронии В.И. Ленина легко заметить в следующем восклицании: «Ну, конечно, если назвать априори логическим, то от этого вся реакционность такой *идеи* исчезает и она восходит на высоту «новейшего позитивизма!»» [5, с. 176]. Безусловно, автор формально вёл речь об одном, а подразумевал совсем другое, поэтому можно утверждать: перед исследователем предстаёт пример имплицитного воздействия на читателя.

Лексема «музей» (1 упоминание)

В Древней Греции существовало понятие «museion», обозначавшее храм муз и породившее термин «музей» [7, с. 286].

Разобрав трактаты своих предшественников и современников идеалистического толка, В.И. Ленин вынес вердикт: «Обе философии вместе будут отправлены

в музей реакционных фабрикатов немецкой профессуры» [5, с. 232]. Заимствование В.И.Ленин включил в оценочный оборот «музей реакционных фабрикатов немецкой профессуры».

Лексема «океан» (1 упоминание)

Всё водное пространство между континентами или его часть можно квалифицировать как океан (*oceanos*) [7, с. 303].

Данную лексическую единицу В.И. Ленин расположил в восклицательной структуре: «Представьте себе горькую участь махиста, когда его излюбленные утонченные построения, сводящие категории естествознания к простым рабочим гипотезам, высмеиваются, как сплошной вздор, естественниками по обе стороны *океана!*» [5, с. 379].

Интересен тот факт, что В.И. Ленин сам смеялся над приверженцами идеалистических построений, но для придания большего веса своему заявлению ссылался на других специалистов. Скрыто обратившись к читателю («представьте себе»), автор использовал устойчивый оборот («горькая участь») и развёрнутую оценку («излюбленные утончённые построения» и «сплошной вздор»).

Лексема «символ» (42 упоминания)

Единицу «символ» («*symbolon*») можно интерпретировать как условный знак чего-либо или условное обозначение в науке [7, с. 420].

Далее приведён пример употребления данного номинатива в первом словарном значении.

Это заимствование, к примеру, позволяет расшифровать авторскую мысль: «Небесные тела – *символы* человеческого познания, и земля в том числе» [5, с. 181].

Также имя существительное «символ» репрезентировано в «Материализме и эмпириокритицизме» во втором смысле.

В.И.Ленин применил его как физическое понятие: «Новое течение в физике видит в теории только *символы*, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им» [5, с. 277].

Кроме того, автор трактовал символ как часть естествознания: «Если естествознание не рисует нам в своих теориях объективной реальности, а только метафоры, *символы*, формы человеческого опыта и т. д., то совершенно неоспоримо, что человечество вправе для другой области создать себе не менее «реальные понятия» вроде бога и т. п.» [5, с. 373].

Лексема «энергия» (21 упоминание)

Единицу «энергия» («*energeia*») можно перевести посредством номинатива «деятельность» [7, с. 529].

В следующем текстовом фрагменте ощутим повтор заимствования: «Поэтому и произошло такое оригинальное явление, что ученик Оствальда, Богданов, ставши учеником Маха, стал обвинять Оствальда не за то, что он не выдерживает последовательно материалистического взгляда на *энергию*, а за то, что он допуска-

ет (иногда даже кладет в основу) материалистический взгляд на *энергию*» [5, с. 293].

В другом тезисе В.И.Ленин составил полемическую комбинацию из родного фразеологизма «прийти в голову» [8, с. 405] и заимствованной лексемы: «Отсюда видно, что Герцу даже и не приходит в голову возможность нематериалистического взгляда на *энергию*» [5, с. 306].

Также обнаружены эллинизмы: «автомат» (1 упоминание), «иероглиф» (7 упоминаний), «пигмей» (1 упоминание) и «полемика» (2 упоминания).

Сочетание лексем «энергия» и «символ»

В одном из контекстов В.И. Ленин процитировал одного из своих противников и сделал резюме, воскликнув: «*Энергия* – чистый *символ!*» [5, с. 294].

Оборот «альфа и омега» (1 упоминание)

Словосочетание «альфа и омега», основанное на первой и последней буквах греческого алфавита, сообщает о том, что перед читателем лежат начало и конец; основа, суть, сущность [1, с. 13; 7, с. 30, 304; 8, с. 9].

Лексический повтор, обобщение и сравнение – основные полемические средства В.И.Ленина в приводимой ниже цитате. Кроме того, присутствуют книжные лексемы («ибо» и «есть»), корреспондирующие с древнегреческой идиомой: «Он расцеловал бы Базарова и зацеловал бы его так же, как расцеловали Маха и Авенариуса Шуппе, Леклеры и Шуберты-Зольдерны. Ибо изречение Базарова есть *альфа и омега* учений имманентной школы» [5, с. 233].

Оборот «лавры не дают спать» (1 упоминание)

Одной из идиом, употреблённых В.И.Лениным, около 2500 лет. Впервые конструкцию «лавры не дают спать» произнёс Фемистокл, «знаменитый афинский государственный деятель и полководец» [3, с. 181]. Под командованием Мильтиада в 490 г. до Р.Х. греки наголову разгромили персов при Марафоне [3, с. 120]. Фемистокл заявил, упомянув знаменитого стратега: «Лавры Мильтиада не дают мне спать» [8, с. 253]. Любой человек может испытывать «чувство острой зависти к чьему-либо успеху» [1, с. 137].

Оригинальную формулировку В.И. Ленин модернизировал, адаптировав её к критике ревнителей идеалистического подхода к философии и сопроводив её оценочным суждением: «Это пустяки, придуманные людьми, которым *не дают спать лавры* Евгения Дюринга» [5, с. 359].

Итальянское заимствование 3 упоминания, 1,5 %)

Лексема «контрабанда»

Заимствование «контрабанда» («*contrabando*») образовано от единиц «против» («*contra*») и «правительственный указ» («*bando*») и обозначает незаконное перемещение через границу каких-либо материальных ценностей, а также эти ценности [7, с. 210].

С помощью иноязычной единицы В.И.Ленин объяснил поведение одного из сторонников идеалисти-

ческой концепции: «Недаром был Базаров в школе Авенариуса! Он продолжает его мистификацию: под видом борьбы с идеализмом (о котором вовсе нет речи здесь у Энгельса) провозить *контрабандой* идеалистическую «координацию»» [5, с. 123]. Ударение падает на самую первую лексему данного отрывка.

Оборот «потерпеть фиаско» (1 упоминание)

«В старину на провалившегося актера вешали бутылку». Идиоматическое средство «потерпеть фиаско» («*fiasco*») переводится как «бутылка») обозначает полную неудачу, провал [7, с. 484].

В.И. Ленин модифицировал данную структуру, превратив в деэпричастие с зависимыми словами. Эти полемические ресурсы В.И. Ленин усилил фразеологическим сочетанием «махнуть рукой» в значении «перестать обращать внимание; перестать заниматься кем-либо или делать что-либо» [1, с. 245]: «Вилли, *потерпев фиаско* с «червяком», махнул рукой и нечаянно проболтал правду: либо материализм, либо солипсизм или даже непризнание ничего, кроме настоящего момента» [5, с. 89].

Коррелятом средств полемической направленности выступает, как и в ряде других случаев, приводимых в настоящей статье, противопоставление, оформленное союзами «либо» и «или».

Латинское заимствование (40 поминаний, 20,5 %) Лексема «доцент» (4 упоминания)

Словоформа «доцент» («*docens*») обозначает должность и учёное звание преподавателя вуза [7, с. 127].

В анализируемом дискурсе полемики конституированы номинативы «приват-доцент» и «доцент».

Сразу после названия одного из разделов «Материализма и эмпириокритицизма» В.И. Ленин применил данный латинизм в двух предложениях подряд: «Под таким заглавием пишет о Махе *приват-доцент* Цюрихского университета Фридрих Адлер, едва ли не единственный немецкий писатель, желающий тоже дополнить Маркса махизмом. И надо отдать справедливость этому наивному *приват-доценту*, что он своим простодушием оказывает медвежью услугу махизму» [5, с. 60].

Если сначала автор выказал своё уважение к противнику, то затем иронизировал, дважды обозначив простоту австрийского мыслителя и присовокупив исконный фразеологизм «медвежья услуга». Данное словосочетание указывает на неумелую услугу, причиняющую только вред вместо пользы [1, с. 148; 8, с. 281]. Вывод И.А. Крылова таков: «Не дай бог с дураком связаться! Услужливый дурак опаснее врага!» [4, с. 118]. Фактически В.И. Ленин назвал Ф. Адлера глупым человеком, сравнив его со слишком усердным персонажем басни И.А. Крылова «Пустынник и Медведь» [4, с. 118-119]. Как известно, косяк вздумал отгонять мух от своего друга с помощью увесистого булыжника [4, с. 119].

В следующем фрагменте также сквозит ирония В.И. Ленина: «Удивительно ли, что Энгельс хотел «пощадить» немецких рабочих, избавить их от близкого

знакомства со всей этой компанией *доцентов*, «ущемляющих блоху?»» [5, с. 223]. Ударным автор сделал начальное словосочетание «удивительно ли».

Далее следует обобщение В.И. Ленина: «Так называют все реакционные *доценты* и профессора в Германии естественноисторический материализм» [5, с. 227]. В данной структуре, помимо латинизма, присутствует обвинение учёных мужей во враждебности к нововведениям.

Лексема «инерция» (1 упоминание)

Лексикографические издания трактуют понятие «инерция» («*inertia*») как косность, неподвижность, отсутствие активности [2, с. 389; 7, с. 152].

Данный физический термин востребован в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Быстрота движения оказывается сравнимой с быстротой света (300 000 километров в секунду), например, доходящей до трети этой быстроты. При таких условиях приходится принимать во внимание двойную массу электрона соответственно необходимости преодолеть *инерцию*, во-первых, самого электрона и, во-вторых, эфира» [5, с. 273].

Лексема «казус» (2 упоминания)

Термин «казус» («*casus*») предупреждает: перед читателем предстаёт запутанный или странный случай, который можно понимать и как встречу, и как историю в суде [2, с. 404; 7, с. 168]. На страницах «Материализма и эмпириокритицизма» удалось обнаружить данную единицу.

Сначала В.И. Ленин вёл речь от имени своих апологетов: «Мы получим, таким образом, представление об эмпириокритицизме, как о философском течении, а не как о собрании литературских *казусов*» [5, с. 235].

Затем В.И. Ленин построил дискурс от имени эмпириокритиков: «У них выходит, что Богданов – явление индивидуальное, случайность, отдельный *казус*» [5, с. 248].

Лексема «религия» (27 упоминаний)

Понятие «религия» («*religio*») включает в себя богочитание и веру, духовные убеждения и исповедание [2, с. 828; 7, с. 394].

Данный термин В.И. Ленин применил, например, для формирования обвинения в адрес своих противников: «Отношение к *религии* и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это действительное классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма» [5, с. 369].

Также в «Материализме и эмпириокритицизме» присутствуют латинизмы «иллюзия» (4 упоминания) и «иллюстрация» (1 упоминание).

Оборот «конец венчает дело» (1 упоминание)

Структура «конец венчает дело» («*Finis coronat opus*») употребляется, если речь идёт «о важности, необходимости доводить дело до конца» [1, с. 125].

Без изменений В.И. Ленин воплотил его в своём

дискурсе: «Конец венчает дело! Энгельс обработан под Маха, изжарен и подан под махистским соусом» [5, с. 124]. Помимо латинской идиомы, в цитате представлен русскоязычный фразеологизм «под каким-либо соусом», предупреждающий о сокрытии сути дела защитниками идеалистического пути [8, с. 497].

Немецкое заимствование (8 упоминаний, 4,1 %)
Лексема «группа» (4 упоминания)

В соответствии с лексикографическими сведениями, понятие «группа» («Gruppe») обозначает некоторое количество людей, расположенных близко друг от друга либо объединённых чем-либо [7, с. 100]. В.И.Даль предложил более широкую трактовку: «чета, купа, кучка; связь, сноп, цепь; грезд, грезно; кружок, толпа» [2, с. 264].

Этот номинатив востребован в полемическом дискурсе В.И.Ленина: «Путаница у Пирсона получилась вопиющая! Материя – не что иное, как *группы* чувственных восприятий; это его посылка; это его философия» [5, с. 101]. Сначала В.И.Ленин сделал вывод в отношении философа, отстаивавшего идеалистическое мировоззрение, а затем посредством заимствования и синтаксического повтора уточнил его позицию. Учитывая данный фрагмент и другие цитаты, можно согласиться с тем, что предложения с начальным ударением («путаница» и «материя») очень характерны для дискурса [11, с. 626].

Кроме того, лексема «группа» выявлена в уточняющем предложении: «Чтобы пояснить это, возьмем одного из самых последовательных и ясных махистов Карла Пирсона. Физический мир для него есть *группы* чувственных восприятий» [5, с. 280].

Можно привести и другую уточняющую структуру: «Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение *групп* или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их» [5, с. 310].

Далее заимствование взаимодействует с повтором: «Когда же *группа* махистов преподносит нам такую вещь под названием «Оснований социальной философии», когда мы видим те же приемы «развития» марксизма в философских книжках Богданова, то получается неизбежно вывод о неразрывной связи реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» [5, с. 360].

Лексема «лозунг» (1 упоминание)

Понятие «лозунг» («Losung») также репрезентировано в полемическом дискурсе В.И.Ленина. Оно обозначает «обращение, в краткой форме выражающее политическую идею, призыв, а также плакат с таким обращением» [7, с. 241].

В следующем контексте В.И.Ленин обозначил призыв Ф.Энгельса: «Всю борьбу с Дюрингом Энгельс провел целиком под *лозунгом* последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы

рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма» [5, с. 363].

Лексема «марка» (1 упоминание)

С помощью заимствования «марка» («Marke») можно обозначить «знак оплаты почтового сбора» [7, с. 253].

Данное средство, усиленное восклицательными коннотациями, позволяет разъяснить цитату из работы И.Петцольдта, следующую после этого предложения: «Еще пример: каких только денег не платят люди за то, чтобы собрать полную коллекцию почтовых *марок!*» [5, с. 345].

Лексема «флер» (1 упоминание)

На немецкое происхождение данной единицы указывал В.И.Даль. Он утверждал, что это название ткани [2, с. 213].

В.И. Ленин употребил иноязычную словоформу для обозначения маскировки, которую он разоблачил: «Вот эти-то «обходные пути» махизма и прикрывает Рей, набрасывает на них *флер* во всем своем изложении» [5, с. 316].

Оборот «выплеснуть из ванны вместе с водой и ребёнка»

Эквивалентом фразеологизма «выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка» является выражение «das Kind mit dem Bade ausschütten» («отказываясь от чего-либо ненужного, потерять, утратить самое ценное, главное») [1, с. 33; 8, с. 89].

В данном предложении содержится критика физиков: «Они боролись с метафизическим (в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова) материализмом, с его односторонней «механичностью», - и при этом *выплескивали из ванны вместе с водой и ребенка*» [5, с. 283].

Нидерландское заимствование 2 упоминания, 1 %
Лексема «флаг»

Узуальное значение номинатива «флаг» («vlag») – «прикрепленное к древку или шнуру полотнище определенной расцветки» [7, с. 487].

Фразеологический оборот на базе заимствования – под *флагом* каким или чего, т.е. под тем или иным лозунгом, руководствуясь чем-либо, а также прикрываясь чем-либо, скрывая свои истинные цели [7, с. 488; 8, с. 561].

В ленинском полемическом дискурсе лексема «флаг» всегда тесно связана со средством, имеющим другой генезис.

Сочетание лексем «контрабанда» и «флаг»

Объяснив позицию своего оппонента, В.И.Ленин вскрыл её изъян: «Но Базаров употребляет здесь опять-таки фокуснический прием, провозя *контрабандой* свое отречение от материализма под *флагом* критики «иероглифизма»» [5, с. 250].

Сочетание лексем «флаг» и «курьёз»

Вышеупомянутая лексема «флаг» соседствует в одной из речевых ситуаций с французским заимствованием «курьёз» («curieux») (6 упоминаний). Последнее иноязычное средство можно трактовать как «забавный случай, происшествие» [7, с. 228].

Под огнём критики В.И.Ленина снова оказались его оппоненты: «Если наши махисты не заметили субъективного идеализма под «новым» *флагом*, то это относится к области *курьезов*» [5, с. 183].

Турецкое заимствование (1 упоминание, 0,5 %)

Лексема «ярлык»

В единственном случае В.И. Ленин посчитал необходимым употребить заимствованное средство «ярлык» («jarlyk»). Первоначально так называли указ султана [7, с. 539].

В приводимой цитате автор подразумевал под термином «ярлык» краткую отрицательную характеристику: «Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» *ярлык* на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие» [5, с. 353].

Французское заимствование (16 упоминаний, 8 %)

Лексема «баланс» (1 упоминание)

Единицу «баланс» («balance»), переводимую как весы, можно трактовать как систему сопоставляемых показателей какой-либо деятельности [7, с. 53-54].

Иноязычное средство В.И. Ленин вставил в свой комментарий научной деятельности А.А. Богданова, усилив оборотом «никуда не годиться» и оценочным сочетанием «пустая фраза»: «Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий “подбора”, “ассимиляции и дезассимиляции” энергии, энергетического *баланса* и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть пустая фраза» [5, с. 353].

Лексема «буржуазия» (4 упоминания)

Иноязычное средство «буржуазия» («bourgeoisie») обозначает господствующий класс капиталистического общества, владеющий средствами производства [7, с. 68].

Как и во многих других речевых ситуациях, нерусское имя существительное позволяет В.И. Ленину вынести свой приговор в отношении поборников идеализма: «*Буржуазия* требует от своих профессоров реакционности» [5, с. 176].

Лексема «конкретный» (4 упоминания)

Адъектив «конкретный» («concret») служит признаком того, что является вещественным, определённым, предметным, прямым, реально существующим, точным [2, с. 439; 7, с. 205].

Данное заимствование прослеживается ниже и взаимодействует с повтором и с оценкой: «Ни тени *конкретного* экономического исследования, ни намёка на метод Маркса, метод диалектики и мирозерцание

материализма, простое сочинение дефиниций, попытка подогнать их под готовые выводы марксизма» [5, с. 352].

Такое же сочетание полемических инструментов зафиксировано в следующем предложении: «К готовым выводам о кризисах, ни на каплю не прибавляя ни *конкретного* материала, ни выяснения природы кризисов, пришивается биологически-энергетическая этикетка» [5, с. 353].

Лексема «нюанс» (1 упоминание)

Под нюансом (nuance) наиболее часто подразумевают оттенок, тонкое различие или тонкость в какой-либо сфере жизни [7, с. 300].

Эта единица, входящая в состав оценочного оборота («извращение путем незаметных нюансов»), соединяясь с вводным средством, повтором и восклицательной интонацией, позволяет В.И. Ленину сформулировать своё обвинение: «Несомненно, что весь махизм, в широком смысле этого слова, есть не что иное, как извращение путем незаметных *нюансов* реального смысла слова «опыт!»» [5, с. 315].

Сочетание лексем «миф» и «конкретный»

Древнегреческое заимствование «миф» («mythos») можно перевести как вымысел [7, с. 276].

Данное средство признано в нижеследующем контексте коррелятом лексемы «конкретный». Эти средства корреспондируют с квалификатором уничижения «словечко»: «Пресловутое устранение посредством словечка “опыт” противоположности материализма (Смит напрасно говорит: реализма) и идеализма сразу оказалось *мифом*, как только мы начали переходить к определенным *конкретным* вопросам» [5, с. 80].

В процессе исследования полемического дискурса В.И.Ленина удалось определить функции, выполняемые речевым заимствованием. Их характеризуют одна постоянная и ряд переменных особенностей.

Главным назначением иноязычных вкраплений можно признать поддержку значительного количества риторических приёмов и средств, находящих своё отражение в «Материализме и эмпириокритицизме». В качестве основной функции её можно выделить, потому что она выполняется во всех приведённых выше цитатах.

Остальные черты, выполняемые параллельно с ней, были признаны частными. К второстепенным функциям заимствования можно отнести: 1) высмеивание [С. 60, 89, 89, 176, 182, 183, 223, 233, 283, 293, 306, 316, 316, 359, 373, 374, 379]; 2) оценку [С. 60, 80, 89, 89, 101, 123, 124, 176, 176, 180, 183, 223, 227, 232, 233, 235, 248, 250, 283, 293, 294, 306, 315, 316, 316, 318, 352, 353, 353, 353, 359, 360, 363, 369, 373, 374, 379, 382]; 3) повтор [С. 101, 180, 248, 280, 310, 315, 352, 353, 353, 360, 363, 369]; 4) подведение итога [С. 89, 227, 235, 294]; 5) противопоставление [С. 49, 89, 137, 189, 235, 283, 293, 318, 373]; 6) уточнение [С. 60, 80, 181, 273, 277, 280, 283, 310, 345].

Оценка признана самой частотной функцией заимствованного средства в дискурсе В.И.Ленина. В рам-

ках пропозиции наиболее часто иноязычные средства выполняют функции высмеивания и оценки. Также зафиксированы единичные случаи корреспонденции функций оценки и повтора, а также оценки и противопоставления, повтора и уточнения. Следовательно, обнаруженные заимствования можно рассматривать с учётом сложного характера взаимодействия прагматических категорий многофункциональности и оценочной доминанты.

Итак, пришедшие в «Материализм и эмпириокритицизм» из 9 языков лексемы и обороты (201 упоминание) имеют английскую и арабскую, библейскую и древнегреческую, итальянскую и латинскую, немецкую и нидерландскую, турецкую и французскую этимологию.

Эти средства репрезентированы как обособленно, так и в составе фразеологических конструкций. Таким образом, в исследуемом дискурсе коррелируют как минимум десять знаковых систем. Почти все они являются европейскими. Отдельные единицы, происходящие из различных языков, манифестируются в качестве коррелятов. Подавляющее большинство иноязычных средств является низкочастотным (от 1 до 5 упоминаний).

Доминирующими признаны лексемы, пришедшие в полемический дискурс В.И. Ленина из древнегреческого языка. Средства арабского, нидерландского и турецкого происхождения являются самыми редкими. Прочие заимствованные ресурсы расположены между этими полюсами шкалы частотности.

Библиографический список

1. Байрамова Л.К., Денисов П.Н. Фразеологический словарь языка В.И.Ленина. Казань: Издательство Казанского университета, 1991. 350 с.
2. Даль В.И. Современный толковый словарь русского языка. Ростов-на-Дону: Владос, 2011. 1088 с.
3. Корш М. Краткий словарь мифологии и древностей. СПб.: Издание А.С.Суворина, 1894. 208 с.
4. Крылов И.А. Пустынник и Медведь. В кн.: Басни. Пьесы (Бриллиантовая коллекция). М.: Мир книги, Литература, 2007. С. 118-119.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. 508 с.
6. Михайловская Н.Г. Проблемы лексикографического анализа языка произведений В.И. Ленина. В кн.: Русская речь. 1985; 2: 10-12.
7. Нечаев И.В. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ, 1999. 544 с.
8. Федорова Т.Л. Фразеологический словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2011. 608 с.
9. Хохлачева В.Н. Оценка как экспрессивное средство полемики в работе В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В кн.: Исследования по языку и стилю произведений В.И.Ленина. М.: Наука, 1981. С. 43-69.
10. Ярославский Е.М. О стиле, форме и языке агитации. В кн.: Об ораторском искусстве. М.: Политиздат, 1958. С. 200-206.
11. Bonnot Ch., Fougeron I. Accent de Phrase Non-Final et Relations Interenonciatives en Russe Moderne. In: Revue des Etudes Slaves. 1983; 55: 611-626.
12. Fedorov F.L., Mickevici N.V., Vladimirov J.S. 150 Let od Narodni Ernsta Macha. In: Pokroky Matematiky, Fysiky, Astronomic. 1988; 33: 14-19.
13. Treadgold D.W. Lenin, Vladimir Ilich. In: The Encyclopedia Americana. Complete in 30 vol. Danbury, Connecticut: Grolier, 2002; 17: Pp.202-204.
14. Wolters G. Mach I, Mach II, Einstein und die Relativitatstheorie: Eine Falschung und ihre Folgen. Berlin, New York: De Gruyter, 1987. 474 p.
15. Zijderfeld A.C. On Cliches: The Supersedure of Meaning by Function in Modernity. London: Routledge, 1979. 129 p.

References

1. Bayramova L.K. Denisov P. N. Phraseological dictionary of language of V.I.Lenin. Kazan: Publishing house of the Kazan university, 1991. 350 p.
2. Distance of Century. And. Modern explanatory dictionary of Russian. Rostov-on-Don: Vlados, 2011. 1088 p.
3. Korsh M. Short dictionary of mythology and antiquities. SPb. : A.S.Suvorin's edition, 1894. 208 p.
4. Krylov I.A. Pustynnik and Bear. In book: Fables. Plays (Diamond collection). M: Book world, Literature, 2007. Page 118-119.
5. Lenin V. I. Materialism and empiriokrititsizm. Critical notes about one reactionary philosophy. M: Politizdat, 1989. 508 pages.
6. Mikhaylovsky N.G. Problemy of the lexicographic analysis of language of works of V.I.Lenin. In book: Russian speech. 1985; 2: 10-12 .
7. Nechaev I.V. Modern dictionary of foreign words. M: Nuclear heating plant, 1999. - 544 p.
8. Fedorov T.L. Phraseological dictionary of Russian. M: Ladk, 2011. - 608 p.
9. Hohlacheva V. N. Assessment as expressional means of polemic in V.I.Lenin's work "Materialism and an empiriokrititsizm". In book: Researches on language and style of works of V.I.Lenin. M: Nauka, 1981. - Pp. 43-69.
10. Yaroslav E.M. About style, a form and propaganda language. In book: About oratory. M: Politizdat, 1958. - Pp. 200-206.
11. Bonnot Ch. Fougeron I. Accent de Phrase Non-Final et Relations Interenonciatives en Russe Moderne. In: Revue des Etudes Slaves. 1983; 55: 611-626 .
12. Fedorov F.L. Mickevici N.V. Vladimirov J.S. 150 Let od Narodni Ernsta Macha. In: Pokroky Matematiky, Fysiky, Astronomic. 1988; 33: 14-19 .
13. Treadgold D.W. Lenin, Vladimir Ilich. In: The Encyclopedia Americana. Complete in 30 vol. Danbury, Connecticut: Grolier, 2002; 17: Pp.202-204 .
14. Wolters G. Mach I, Mach II, Einstein und die Relativitatstheorie: Eine Falschung und ihre Folgen. Berlin, New York: De Gruyter, 1987. 474 p.
15. Zijderfeld A.C. On Cliches: The Supersedure of Meaning by Function in Modernity. London: Routledge, 1979. 129 p.

Н.В. РОМАНОВА

кандидат филологических наук, доцент, докторант
кафедры немецкой филологии Киевского национального
лингвистического университета
E-mail: natalroman@mail.ru

N.V. ROMANOVA

candidate of Philological sciences, Professor, doctoral
student of German Philology, Kyiv National Linguistic
University
E-mail: natalroman@mail.ru

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

THE DYNAMICS OF EMOTIONAL INTERJECTIONS IN GERMAN LANGUAGE

В статье рассматриваются эмоциональные междометия немецкого языка в диахроническом аспекте, предлагается генезис этих языковых единиц. Описывается дефиниция междометия с точки зрения отечественной и западной лингвистики. Анализируются изменения в лексической семантике эмоциональных междометий, которые отражают кванты знаний немецкого этноса о базовых эмоциях. Сравнительный анализ проводится на основе лексикографических данных.

Ключевые слова: междометие, эмоциональное междометие, семантика, эмоция, фонетическая оболочка, период.

The article focuses on the emotional interjections in German language according to a diachronical aspect, the genesis of these linguistic units is offered by the author of the article. The definition of interjection is described from the point of view of Russian and Foreign linguists. The author analyzes the changes in the lexical semantics of emotional interjections, which reflect knowledge of the German ethnic group about basic emotions. A comparative analysis is carried out on the basis of lexicographical data.

Keywords: interjection, emotional interjection, semantics, emotion, phonetic envelope, period.

Междометие как лингвистическая категория возникает в античных грамматиках, в частности в трудах Марка Терентия Варрона Реатинского. В этот период оно не дифференцируется – инстинктивные междометия, звукоподражание и собственно междометие [3, с. 11]. В таком виде эта часть речи была воспринята и унаследована грамматиками всех европейских языков.

Значительный шаг вперёд европейская грамматика сделала в XVII–XVIII вв. Возникают два типа грамматик – всеобщая (рациональная) и нормативная (филологическая); третий тип грамматик (сравнительная) и четвёртый (историческая) датируются XIX в. [4, с. 20].

Не углубляясь в поиски различий между концепциями, теориями, школами названных типов грамматик, определим диалектику природы междометия и его место в системе языка.

Прослеживается три основных подхода к исследованию данного феномена: 1) междометие является словом и частью речи, его речевые функции многообразны (М.В. Ломоносов, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Г. Пауль, Г. Суит, В.И. Кодухов и др.); 2) междометие не является частью речи, отождествляется с инстинктивными звуками и рефлексивными выкриками (А.И. Греч, Д.Н. Кудрявский, К.С. Аксаков, Д.Н. Овсянников, Куликовский, В. фон Гумбольдт, М. Мюллер, В. Вундт и др.); 3) междометие является аффективным языком (Ш. Балли, Ж. Вандриес, А.А. Потебня и др.). Итак, указанное явление рассматривается как языковой знак, способный выражать информацию и передавать её в

коммуникативном акте; как природный знак, отражающий физическое и одновременно психическое, эмоциональное состояние живого человеческого организма; как специфическое средство общения и орудие передачи аффективной мысли.

Следует отметить, что в отечественном языкознании лингвисты придерживаются разных взглядов на междометие, иногда прямо противоположных: от эмоциональных слов до слов-предложений: «Ах!; Ох!; Ну и ну!» [4, с. 268] и особой группы слов, которые могут быть как основной частью речи, так и служебной; выражать чувства, ощущения или волю [18, с. 196–197].

Немецкие лингвисты определяют междометие с точки зрения морфологии, синтаксиса, семантики и функций. При этом функцию ограничивают до звукового выражения чувств и эмоций [13, S. 117]. Очевидно, что как в первом, так и во втором случае не делают всех необходимых выводов из устройства эмоционального междометия как слова, из того, что оно включает и отношение к предмету, и отношение к понятию. Мы должны учитывать оба эти отношения и обобщить понятие **эмоционального междометия** следующим образом. Эмоциональное междометие существует между звукоподражательным междометием и рефлексивным. Звукоподражательное междометие не содержит эмоций или волеизъявления, представляет собой приблизительное, условное воспроизведение языковыми средствами криков животных или явлений объективной действительности. В тексте оно усиливает лишь выра-

зительность, образность, экспрессивность [9, с. 65-70]. Рефлекторное междометие совпадает с эмоциональным междометием по форме и графическому изображению. Оно является сигналом биологического дисбаланса в организме, может иметь одинаковое звучание у представителей разных языковых групп, выражает символическое значение, т.е. семантика данных междометий является национально окрашенной [8]. В отличие от рассмотренных междометий, эмоциональные междометия, как уже говорилось, выражают эмоции и выполняют в речи коммуникативную функцию. Современные языковеды-германисты не разграничивают эмоциональные междометия и волеизъявительные и относят оба подкласса к эмотивной лексике [10, с. 25; 3, с. 45-46]. В предлагаемой статье мы оперируем термином «эмоциональное междометие».

Неоднозначное толкование статуса междометия языковедами не могло не отразиться и в лексикографии. В одноязычных словарях и двуязычных наблюдается смешение звукоподражательных междометий, инстинктивных, эмоциональных и волеизъявительных, о чём свидетельствуют ремарки или словарные пометки, например: русск. *межд.* – «междометие», укр. *виг.* вигук – «междометие» [6, с. 11-12], нем. *Interj.* Interjektion – «грам. междометие» [11, S. x, 307], англ. *int.* interjection – «грам. междометие» [7, с. 8, 322], франц. *int.* interjection – «грам. междометие» [2, с. 8, 173].

Поскольку нас интересуют эмоциональные междометия в немецком языке, рассмотрим их манифестацию в названных словарях и толковых.

В одноязычном словаре Р. Шютцейхеля, где отражается словарный фонд **древневерхненемецкого** периода (VIII-XI вв.), очень сложно выделить эмоциональные междометия: как часть речи, эти междометия могли функционировать параллельно с наречием, например: *jah* Adv, Interj со значением «ja, oh» [17, S. 93] или автономно, например: *au* Interj со значением «oh, ach» [17, S. 11]. Определить эмоциональность приведённых междометий и других по их семантике не представляется возможным, поскольку двуязычный словарь ограничивается общими понятиями. Под эти понятия можно подвести каждую из анализируемых групп междометий. Например: древневерхненемецкое *au* со значением «oh» следует понимать как «o!» и «aх!», а со значением «ach» – как «aх!», «эх!», «ох!», «ай!» [11, с. 425, 14]. Здесь междометия могут выражать в равной мере как физическую боль, так и психологическую, или позитивные/негативные эмоции.

Обращение к этимологии исследуемых междометий, а именно: *ah, au, lē, leidhōr, leidhōr, lē(we)s, wē², wæ, wēng, wēnch, weing, weinch* [14, S. 19, 61, 513, 879, 885] показало, что их семантика основана на физической боли; междометий *welaga, welago; wolaga, wolago, wolge* – на оценке [14, 896]. Напомним, что в основе оценки лежит ценностный подход к явлениям природы и общества, без которого невозможны ни деятельность, ни само бытие человека, имеющего разнообразные потребности, интересы, цели. Сущность оценки задана такими параметрами, как социум, культура, физическая природа человека

и его психика. Иными словами, оценка является следствием осмысления действительности, отображения её через призму восприятия индивидом. Выяснению природы оценки как междисциплинарного и лингвистического феномена посвящено большое количество работ, в том числе труды Н.Д. Арутюновой, Е.Л. Бессоновой, Н.И. Бойша, В.А. Василенко, Е.М. Вольф, В.В. Гуревич, Н.В. Каминской, Г.В. Колшанского, А.И. Приходько, С.Н. Шакировой и других учёных. Для нас большой интерес представляют эмоциональные междометия, так как именно в них реализуется эмоциональный потенциал этноса.

Предполагаем, что природа междометий *lio, jā, jār, geu, jah, <jahha>, gahha* восходит также к физической боли. Древнее мышление характеризуется особой логикой – ассоциативно-образной, которая не расчленяет субъект и объект, отождествляет «противоположности», а также «предметы, слова, действия» [1, с. 12-13].

Структура словарных статей и словарные ремарки типа «interj» в одноязычном словаре М. Лексера, в котором содержится вокабуляр **средневерхненемецкого** периода (XII-XIII вв.), дают возможность не только выделить эмоциональные междометия, но и сгруппировать их в две семантические группы: моносемичную и полисемичную.

К **моносемичной** группе относятся эмоциональное междометие *jū* и его вариант *jūch*, выражающие эмоцию **радости** [16, S. 102]. Это междометие появилось, очевидно, уже после заимствования из древнефранцузского языка глагола *jubiler* со значением «ликовать» [14, S. 412].

Среди эмоциональных междометий **полисемичной** группы, по нашим наблюдениям, можно выделить три подгруппы:

1) эмоциональные междометия, которые выражают **позитивные** эмоции – **удивление** и **счастье** (*oiā; ohteiz*) – всего 2 примера;

2) эмоциональные междометия, выражающие **отрицательные** эмоции – **отвращение, негодование, издевательство** (*phich; phiu, phi, fi*) – всего 2 примера;

3) амбивалентные эмоциональные междометия, основная функция которых – выражение как **позитивных** эмоций, так и **негативных**, в том числе: **боль** или **радость** (*jârâ, jarâ, jârîâ*); **горе, желание, удивление** (*ouwē, ôwē, owē*); **радость, удивление, горе** (*ei, eiâ; hei, heiâ*); **боль, желание, удивление** (*ahî*) [16, S. 155, 158-159, 101, 156-157, 36, 83, 2] – всего 5 лексем и 6 их вариантов.

Как видно из приведенных примеров, эмоциональные междометия в средневерхненемецкий период дифференцировались по модальности переживания. Из предыдущего периода было унаследовано лишь два междометия *ah* и *au*, чьи фонетические оболочки изменились. Остальные междометия исчезают, что можно объяснить частично через выравнивание частей речи и их дифференциацию – наречие (<*jahha*>, *gahha; leidhōr, leidhōr*), частично через функциональную переориентацию междометий – модальные частицы (*jā, jār, geu; jah*), наречие (*wē², wæ; wēng, wēnch, weing, weinch*;

welaga, welago; wolaga, wolago, wolge).

Любопытно отметить, что реликты синкретизма *au* проявляются в **нововерхненемецкий** период: междометие *au* употребляется в двух значениях: 1) для выражения физической боли и 2) для выражения эмоции радости, согласия [15, S. 107]. Следовательно, материальное исчезновение междометия не тождественно исчезновению идеального. Языковая «память» сохраняет необходимые знания и информацию о предмете и его связях [5, с. 25-39].

Рассмотрим модификацию унаследованных междометий более подробно.

Междометие *ah* расширило свою артикуляцию за счёт неогубленного долгого гласного, высокого подъёма *i*, менее открытого, чем *a* (*ah!*); в артикуляции междометия *au* появились не только два новых элемента – смычный глухой *w* и долгий гласный, высокого подъёма *ê*, менее открытый по отношению к дифтонгу *au*, но и дистрибуция данного дифтонга – *ouwê, ôwê, owê*. Амбивалентность значения в указанных эмоциональных междометиях обусловлена, по-видимому, совпадением физической боли (телесной) и душевной (эмоциональной).

Заметим, что в **ранненововерхненемецкий** период (XIV-XVI вв.) междометия хоть и сохраняют свою дифференциацию, однако употребляются целенаправленно и прагматично, например: междометие *her her her* выражает призыв ландскнехтов к защите, а междометие *hein hein hein* – подстрекательство к бою [12, s. 120, 118]. К тому же, встречаются диалектные варианты междометий со значением речевого этикета – алеманский (*gotwilkum* – «добро пожаловать») и швабский (*aude* – «пока») [12, s. 110, 14]. Приведенные примеры представляют специальную функционально-семантическую сферу регулирования правил социального поведения: а) во время боевых действий; б) в ходе межличностного общения.

По сравнению с предыдущим периодом эмоциональные междометия принадлежат к неактивной группе. Нами зарегистрировано всего 6 имён без особых смысловых различий, которые соответствовали бы именно названным междометиям: *ah* – «ах», «ох», «ой», «эх», «о»; *hautsch* – «ай», «ой»; *ocha* – «ого»; *pfei, pfuch* – «тху», «фу»; *schoch* – «ура (от ужаса или в пылу)» [12, s. 7, 117, 169, 32, 193]. Можно предполагать, что унаследованные междометия из средневерхненемецкого периода имели аналогичную семантику и в рассматриваемый период. Эмоциональные междометия, по-видимому, постоянно стремятся к утрате своей семантики, но никогда не утрачивают её полностью, они постоянно получают подкрепление и семантическое обновление в виде новых подгрупп междометий. Вопрос о возникновении эмоциональных междометий заменяется вопросом об их возобновлении. На каждом новом этапе эти междометия включают в себя несколько иные семантические признаки: возврата к старым признакам деления эмоций не наблюдается.

В **нововерхненемецкий** период (XVII в. до настоящего времени) парадигма эмоциональных междометий

претерпевает значительные изменения количественного (31) и качественного характера (усложняется фонетическая оболочка и морфологическая структура, меняется соотношение сем в рамках эмоционального междометия). Здесь выделяются группы эмоциональных междометий и комбинированная группа – инстинктивно-эмоциональные междометия.

Группы эмоциональных междометий классифицируем следующим образом:

1) термины – эмоциональные междометия, сориентированные на выражение **радости** в определенной сфере жизнедеятельности человека (*hipp, hipp hurra!* Inter, SPORT) [15, S. 548];

2) моносеманты (*potz!*);

3) полисеманты (*uh!*).

Эмоциональные междометия в статусе терминов охватывают только сферу спорта. При этом виды спорта не представлены, что, по-видимому, обусловлено его развлекательной функцией. Процесс детерминологизации этих междометий возможен в разговорном стиле, на что указывает словарная ремарка «*gespr.*» – «разг.» [15, S. 548].

Что касается моносемантов, четко различаются две подгруппы:

1) эмоциональные междометия, способные выразить **позитивные** эмоции – **удивление** (*ei!*; *ha!*; *hallo!*; *herrje!*, *herr je mi ne!*; *holla!*; *nanu!*; *potz!*; *ui!*); **радость** (*hei!*; *juche!*; *juhu!*); **удовлетворение** (*aha!*); **сожаление** (*oje!*) [15, S. 298, 493, 499, 527, 557, 765, 835, 1100, 514, 588-589, 57, 795]. При этом эмоциональные междометия *juche!*; *juhu!* демонстрируют степень экспрессивности эмоции радость – «огромная радость»;

2) эмоциональные междометия, которые выражают **негативные** эмоции – **пренебрежение** (*pah!*); **отвращение** (*i!*; *pfui!*); **неприятное** (*au-weh!*; *puh!*) [15, S. 805, 822, 566, 149, 850].

Полисеманты можно классифицировать на три подгруппы:

1) эмоциональные междометия, выражающие лишь **позитивные** эмоции – **удивление** и/или **радость** (*ach!*; *hoi!*; *oh!*); **удивление, неожиданность, восхищение** (*ah!*) [15, S. 51, 556, 793-794, 57];

2) эмоциональные междометия, выражающие только **негативные** эмоции – **страх, отвращение** (*uh!*) [15, S. 1100];

3) амбивалентные эмоциональные междометия, которые выражают как **позитивные** эмоции, так и **негативные** – **удивление** или **протест** (*ho!*; *hoho!*); **удивление** или **возмущение** (*he!*); **удивление, радость, неуверенность** (*hm!*); **удивление, радость** или **гнев** (*Menschenskind/-er!*); **страх** или **сожаление** (*oh!*) [15, S. 549, 556, 513, 549, 726, 788].

Поскольку семантика комбинированной группы инстинктивно-эмоциональных междометий уже рассмотрена, отметим ещё раз её статус. Инстинктивные междометия, которые выражают физическую боль, могут совпадать или не совпадать с эмоцией. Если они совпадают, то семантика эмоциональных междометий усиливается, фонетическая оболочка сдвигается. При не совпадении семантика эмоциональных междометий

остается относительно стабильной.

Таким образом, эмоциональные междометия в немецком языке являются по своему происхождению относительно поздним образованием, восходящим к средневерхненемецкому периоду. Возникли из основ других междометий – инстинктивных, звукоподражательных, а также наречий и глаголов. Доминируют немецкоязычные основы, заимствованные являются скорее исключением, чем нормой. Система нововержненемецких эмоциональных междометий значительно усложнилась по сравнению с древневерхненемецким периодом. Из всех эмоциональных междометий сохранились лишь *ah!*; *ei!*; *oje!*; *pfui!*, которые переосмыслены в настоящее время. Медиальные формы *jü*,

jüch; *ouwê*, *ôwê*; *hei*, *heia* сохраняются в виде неполной, модифицированной парадигмы в нововержненемецком языке (*juche!*; *juhu!*; *au-weh!*; *he!*; *ha!*; *herrje!*). Засвидетельствованы термины эмоциональных междометий в современном немецком языке, которые охватывают сферу спорта; моносеманты, выражающие либо позитивные эмоции, либо негативные, и полисеманты, которые различаются по количеству выражаемых эмоций и знаку их переживания. Исчерпывающая характеристика динамики развития эмоциональных междометий может быть дана только в сопоставлении их словарного значения с текстовым. Мерой объективности здесь выступает ассоциативный эксперимент.

Библиографический список

1. Белехова Л.И. Словесный образ в американской поэзии: лингвокогнитивный взгляд. М.: ООО «Звездапад», 2004.
2. Выгодская К.С., Долгополова О.Л. Краткий французско-русский и русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1980.
3. Гамзюк М.В. Эмотивный компонент значения у процесі створення фразеологічних одиниць: На матеріалі німецької мови. К.: Видавничий центр КДЛУ, 2000.
4. Кодухов В.И. Введение в языкознание. М.: Просвещение, 1979.
5. Николаева Т.М. «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы. Вопросы языкознания 2002; 4:25-41.
6. Новейший русско-украинский словарь. Л.Г. Савченко (ред.). Х.: «ПРАПОР», 2004.
7. Новітній англо-український, українсько-англійський словник. С.М. Крисенко (ред.). Х.: Промінь; Фоліо, 2004.
8. Поляковский В.Т. Системный взгляд на поэтапное становление языков и его возможное приложение в компаративной лингвистике (или как отличить древние народы и древние языки от не очень древних, или кое-что о поэтапном развитии языка с теоретической точки зрения) [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://artifact.org.ru/voprosi-globalnoy-teorii/v-t-polyakovskiy-sistemniy-vzglyad-na-poetapnoe-stanovlenie-yazikov.html>, свободный. - Загл. с экрана.
9. Фролова О.А. Ономастопозитивные слова японского языка в функции экспрессивной характеристики человека и их системные связи. В кн.: Системные отношения на разных уровнях языка. К.А. Тимофеев (ред.). Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1988:65-70.
10. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2008.
11. Daum E., Schenk W. Wörterbuch Deutsch-Russisch. Leipzig: VEB Enzyklopädie Verlag, 1979.
12. Frühneuhochdeutsches Glossar. A. Götze (Hrsg.). Bonn: A. Marcus u. E. Weber's Verlag, 1920.
13. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. R. Conrad (Hrsg.). Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975.
14. Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N. Y.: WdeG, 1999.
15. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Götz Dieter, Haensch Günther, Wellmann Hans (Hrsg.). Berlin; München; Wien; Zürich; N. Y.: Langenscheidt, 2008.
16. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1974.
17. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1974.
18. Smeretschansky R.I. Grammatik der deutschen Sprache. K.: Vyšča škola, 1981.

References

1. Belekhova L.I. Image Space of American Poetry: Cognitive Perspective. M.: Zvezdopad, 2004.
2. Vyhodskaya K.S., Dolgoplova O.L. Short French-Russian and Russian-French dictionary. M.: Russian language, 1980.
3. Gamzyuk M.V. Emotive value component in process make of phraseology unit: At German basis. K.: Publishing house KSLU, 2000.
4. Koduhov V.I. Introduction to Linguistics. M.: Prosveshhenie, 1979.
5. Nikolaeva T.M. "The hidden memory" of language: an attempt to pose a problem. Problems of Linguistics 2002; 4:25-41.
6. The latest Russian-Ukrainian dictionary. L.G. Savchenko (ed.). Kh.: "Prapor", 2004.
7. Modern English-Ukrainian Ukrainian-English dictionary. S.M. Kryssenko (ed.). Kh.: Promin; Folio, 2004.
8. Polyakovskiy V.T. Systematic view of the gradual emergence of languages and its possible application in comparative linguistics (or how to distinguish between the ancients and the ancient languages of not very old, or something on the phased development of the language from a theoretical point of view) [electronic resource] : [site]. Access: <http://artifact.org.ru/voprosi-globalnoy-teorii/v-t-polyakovskiy-sistemniy-vzglyad-na-poetapnoe-stanovlenie-yazikov.html>, free. – Title of screen.
9. Frolova O.A. Onomatopoeic word in Japan is a function of the expressive characteristics of a person and their communication system. In: Systemic relationships at different levels of language. K.A. Timofeev (ed.). Novosibirsk: Novosibirsk. University Press, 1988:65-70.
10. Shahovsky V.I. The categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language. M.: LKI, 2008.
11. Daum E., Shenk W. Dictionary German-Russian. Leipzig: VEB Encyclopedia Publishing house, 1979.
12. Early German Glossary. A. Götze (ed.). Bonn: A. Marcus u. E. Weber's Publishing house, 1920.
13. Little dictionary scientific term. R. Conrad (ed.). Leipzig: VEB Bibliography Institute, 1975.
14. Kluge Etymological German dictionary. Berlin; N. Y.: WdeG, 1999.

15. *Langenscheidt* Large dictionary. German as foreign language. Götz Dieter, Haensch Günther, Wellmann Hans (ed.). Berlin; München; Wien; Zürich; N. Y.: Langenscheidt, 2008.
16. *Lexen* M. Middle German pocket dictionary. Leipzig: S. Hirzel Publishing house, 1974.
17. *Schützeichel* R. Old German dictionary. Tübingen: Max Niemeyer Publishing house, 1974.
18. *Smeretschansky* R.I. Grammar of German. K.: Vyšča škola, 1981.

УДК 81'342.9

UDC 81'342.9

Е.В. СИДОРОВА

Y.V. SIDOROVA

аспирант кафедры английской филологии Орловского
государственного университета
E-mail: lenasid_08@mail.ru

post-graduate Chair of English Philology, Orel State Uni-
versity
E-mail: lenasid_08@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

USING A MULTIMODAL TEXT FOR STUDYING EMOTIONAL SPEECH

Данная статья посвящена вопросу изучения эмоциональной речи и анализа языковых и неязыковых средств выражения эмоций в мультимодальном тексте, то есть проблеме обоснования необходимости использования текста, сопровождаемого видео- и аудиорядом при изучении естественно-языковой коммуникации, а также описанию модели работы с таким текстом.

Ключевые слова: мультимодальный текст, эмоции, эмотивность, эмоциональность.

This article is devoted to the question of studying emotional speech and the analysis of language and not language means of expression of emotions in the multimodal text, that is a problem of grounding the need of use of the text accompanied by video and an audiorow at studying of natural language communication, and also to the description of model of work with such a text.

Keywords: multimodal text, emotions, emotivnost, emotionality.

Мультимедийный (мультимодальный) текст – это текст, в котором коммуникативная ситуация представлена с использованием нескольких модальностей восприятия, конкретно, зрения и слуха. В исследовательских целях аудиовизуальный материал сопровождается транскрипциями, аннотациями. Транскрипция коммуникации видеоряда является ее визуальной репрезентацией и должна быть с ним синхронизирована.

В идеале мультимодальный текст должен рассматриваться не сам по себе, а как элемент мультимодального корпуса. Мультимодальный корпус предоставляет нам богатый ресурс для качественного и количественного анализа прагматических функций высказываний и помогает получить эмпирические доказательства существования тех или иных паттернов эмоциональной разговорной речи и связать их с невербальными средствами, сопровождающими её, ведь коммуникация мультимодальна по своей природе, для полноценного коммуникативного акта необходимо задействование как вербальной, так и невербальной компоненты общения. В настоящем исследовании, однако, мы вопросов формирования мультимодальных (мультимедийных) корпусов касаться не будем.

Одним из ключевых понятий для нас является термин «коммуникативный, или речевой акт», так как

прагматическую разметку и анализ коммуникации (диалогической речи) легче проводить, опираясь на определенную парадигму. Данное понятие кажется, на первый взгляд, достаточно простым и часто используемым в лингвистике и означает «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [7]. В рамках коммуникативного анализа (подхода к прагматике, принятого Олвудом, Communicative Activity Analysis (анализа коммуникативного действия)) речевой акт рассматривается как действие, включающее в себя следующие составляющие: форму поведения (behavioral form), интенции говорящего (intentions), контекст (context), результат (result).

В процессе коммуникации говорящие и слушающие используют высказывания для совершения различных речевых действий, например, сообщения информации, просьбы, приказа, обещания, выражения эмоций и т.д. Большинство отечественных и зарубежных лингвистов сходятся во мнении, что процессу коммуникации присущи следующие функции: 1) информационная, 2) социальная, 3) экспрессивная, 4) прагматическая, 5) интерпретативная [2]. Центральной для нашего исследова-

дования является экспрессивная функция, так как именно она отвечает за стремление коммуникантов выразить и понять те или иные эмоции. Экспрессивная функция проявляется в выражении чувств, эмоций в процессе коммуникации через вербальные и невербальные средства. Эмоциональные и эмотивные коммуникативные акты выполняют также прагматическую и эмпатическую функции.

Следует различать эмоциональную, эмотивную коммуникацию, непосредственное выражения эмоций при помощи целого комплекса вербальных, невербальных и паравербальных средств и коммуникацию с использованием имен эмоций (emotion terms), то есть слов, обозначающих эмоции (ср. такие термины, как «эмотивная коммуникация», «ассоциативно-эмотивная», «коммуникация об эмоциях» [5. с. 92-96], концептуально-дескриптивные, «холодные» эмоции (conceptually descriptive, cold emotions) – сигнализирующие, «горячие» эмоции (signal-like, hot emotions) [10 с. 170-173], дискурс об эмоциях (discourse on emotions) – эмоциональный дискурс (emotional discourse) [8. с. 10], коммуникация об эмоциях (emotion talk\talk about emotions) – выражение эмоций (expression of emotions) [9] и др.). По мнению В.И. Шаховского, в том случае, когда говорящий использует в речи обозначения эмоций, он/она тем самым выражает свое отношение к той или иной ситуации, явлению, словам собеседника, но перлокутивный эффект такого высказывания гораздо слабее, чем у высказываний выражения эмоций («получатель ощутит на себе совершенно иной эффект: прагматика высказывания будет минимум на один порядок снижена») [5. с. 95].

Таким образом, мы можем говорить о существовании дихотомии эмоциональной коммуникации и комплекса средств сигнализации, выражения эмоций (лексические, синтаксические, просодические и т.д.), с одной стороны, и коммуникации (высказываний) об эмоциях, содержащей средства (в основном лексические) денотации эмоций – с другой.

В эмоционально-экспрессивных речевых актах в рассмотренных нами примерах доминируют те, в которых о степени интенсивности эмоции коммуникант узнает прежде всего из ее речевого выражения, а также мимики, кинесики своего собеседника, а не из ее описания. Например, 1. I am quite indignant at your remarks. («Pride and Prejudice») (при этом говорящий багровеет, хмурит брови и произносит фразу с сердитой интонацией – здесь одновременно реализуются рациональные и параязыковые средства: кинесика, просодия и т.д.); 2. God damn, steady the buffs! 3. What on earth are you doing here? 4. You dare speak that object's name to me? В этом случае очевиден интенсивный выразительный языковой компонент эмоции – соответствующая данной эмоции эмотивная лексика, синтаксические структуры и просодическое оформление. По речевым маркерам можно определить тип эмоции (в приведенных примерах мы имеем дело с отрицательной эмоцией недовольства разной степени интенсивности (от возмущения до гнева, ярости).

Хотя лингвисты и предлагают разграничивать данные ряды терминов (а именно «эмотивность», «эмотивы» и «эмоциональность») и либо исследуют только эмоциональность в коммуникации, не анализируя при этом эмотивы, либо говорят только об эмотивах, концептах (как в когнитивном подходе), нам представляется, что в коммуникации они все же часто взаимосвязаны и необходимо объединять данные подходы.

В фокусе нашего внимания находятся те составляющие коммуникации (вербальные, невербальные), которые помогают выразить ту или иную эмоцию. Многочисленные исследования эмоциональной речи (и наше в том числе) показали, что основными средствами выражения эмоциональности являются: интонация, глаголы, обозначающие ментальные процессы, различные тропы, градация (интенсификаторы, сравнения, модальность, наклонение, отрицание), повторы, метафоры, междометия, эмоциональная деривация, словообразование, неологизмы, диминутивы, инверсия, восклицание, использование местоимений, эмфаза, аффективная коннотация, оценочные прилагательные, а также паралингвистические средства, такие как мимика, жесты, тон голоса, тембр, темп, физиологические проявления эмоции, а также синтаксическая маркированность и т. д. Для описания эмоционального синтаксиса многими лингвистами используются понятия «ядерного» нейтрального предложения и его модификаций, которые возникают, когда говорящий находится в состоянии эмоционального возбуждения [1. с. 100]. Создав стройную парадигму эмоциональных модификаций, Т.Н. Синеокова [3. с. 14] убедительно доказывает, что анализ синтаксиса эмоциональной речи базируется на отличиях ненейтральных (эмоциональных) высказываний по структуре и функциям от признаков ядерного предложения. Терминологический аппарат описания одного из ключевых аспектов эмоциональной речи – синтаксиса – разработанный, в частности, Т.Н. Синеоковой, М.Я. Блохом и др., – безусловно, удобен в использовании для анализа особых паттернов, возникающих в условиях эмоционального напряжения, так как предложенная классификация группы признаков восьми модификаций полна, однозначна, обладает способностью к прогнозированию и представляет синтаксические средства выражения эмоций упорядоченно и системно (для более подробного описания признаков ядерного предложения и их деформаций см. М.Я. Блох 1976, Т.Н. Синеокова 2004).

Для того чтобы проанализировать речь и жесты в системе, нами была выбрана следующая последовательность действий:

1. Идентификация вербального поведения при выражении эмоций;
2. Идентификация невербального поведения;
3. Объединение, комплексный анализ вербальной и невербальной компоненты коммуникации и изучение потенциала исследования паттернов и отношений между ними. В мультимодальном анализе выделяются следующие уровни с определенным набором признаков:

1) уровень текста (иллокутивная сила, перлокутивный эффект, способы проявления эмоциональности на языковом уровне (синтаксические конструкции (модификации ядерного предложения), лексика, стилистика...)

2) аудиоуровень (интонация, темп речи, тембр, паузация, тональные параметры (частота основного тона, измеряемая в Герцах, форма кривой основного тона (перепады тона, увеличение\уменьшение диапазона частот и т.д.), контраст, эмфаза), интенсивность, длительность...)

3) видеоуровень (кинесика, мимика...)

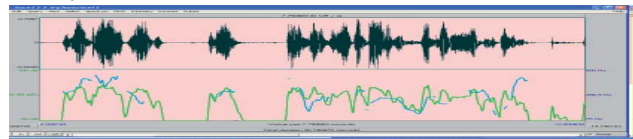
На первом уровне аннотации необходимо идентифицировать коммуникативные акты, определяя иллокутивную силу высказывания, то есть намерение говорящего выразить ту или иную эмоцию. Если мы рассматриваем ответную реплику коммуниканта-собеседника, то можно говорить и о перлокутивном эффекте, реакции слушателя на выраженную в высказывании эмоцию и возникновении ответной реакции на стимул (триггер), в которой эксплицитно или имплицитно наблюдается та или иная эмоция. Целью анализа на данном уровне является определение типа и структуры коммуникативного акта, выражающего эмоции, а также языковых средств выражения эмоций (синтаксис, лексика), ассоциируемых с тем или иным коммуникативным актом и позволяющих выделить их из множества других коммуникативных актов. При этом в процессе анализа встает проблема метаязыка, так как некоторые эмоциональные высказывания трудно четко однозначно описать по той причине, что «в эмоциях содержится некий «икс», который не поддается словесному выражению вообще» [4. с.90].

На аудиоуровне строится тонограмма определенного коммуникативного акта и производится анализ частоты основного тона, темпа и т.д. эмоционально окрашенного высказывания. Изучение особенностей маркированной интонации, базирующееся на выделении в эмоционально-окрашенной речи акустических параметров, несущих информацию о данном эмоциональном состоянии и определении значимости каждого из этих параметров путём анализа тонограмм, мы проводили при помощи программ «Cool Edit» и «Praat».

Видеоуровень предоставляет исследователю возможность проанализировать визуальные средства, сопровождающие те или иные эмоциональные коммуникативные акты и их связь с языковыми средствами по привязке к определенной коммуникативной ситуации. При комплексном анализе коммуникативной ситуации и паравербальных, невербальных, вербальных средств создания эмоциональности речи необходимо принимать во внимание взятие коммуникативного хода (смена коммуникативных ролей) (turn-taking), наложение реплик говорящих друг на друга (speech overlapping), паузы, молчание, шумы, жесты и междометия, сопровождающие эмоциональные коммуникативные акты.

В заключение, рассмотрим конкретные примеры выражения некоторых эмоций, в различных фильмах.

1.

Jeeves: Er late last night, sir.

Wooster: Late last night? And you cold-bloodedly stood by and let me walk to my certain doom? («Дживс и Вустер»).

1) уровень речи

В данном примере иллокутивной силой высказывания Вустера является выражение возмущения с оттенками удивления, вызванного словами и поведением его слуги Дживса. Маркирована данная эмоция при помощи синтаксиса (повтор фрагмента реплики собеседника с вопросительной интонацией Late last night?, несобственно-вопросительное предложение And you cold-bloodedly stood by and let me walk to my certain doom? (транспозиция), инверсия), лексики (эмфатически выделенное наречие cold-bloodedly с негативной коннотацией).

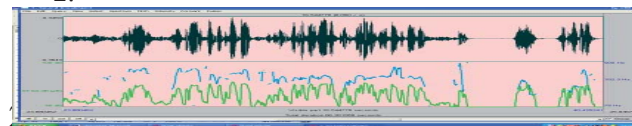
2) аудиоуровень.

Эмфатическая интонация повышения оканчивается эмфатическим тоном повышения. Изменение (повышение) высоты тона голоса, а также интенсивности и перепад частот с 75 до 300 Гц наблюдается при эмфатическом выделении и помещении акцента, ударения на синтаксическую конструкцию повтор части реплики собеседника и на несущее эмоциональную нагрузку наречие cold-bloodedly. По словам Т.Е. Янко [6. с. 39], «ударно самое важное», и интонационное выделение вышеупомянутых слов помогает нам распознать иллокутивную цель говорящего. Деформация структуры предложения и превращение ее в несобственно-вопросительное коррелирует с изменением интонации (повышение тона в конце предложения, частота основного тона приблизительно 400 Гц).

3) видеоуровень

Актер, исполняющий роль Вустера, при произнесении эмоциональных реплик хмурит брови, активно жестикулирует. Индикатором удивления служат округленные глаза.

2.

– Once again I must protest! If you don't stop that phonograph right this minute I'm going to call the police department! («Завтрак у Тиффани»)

1). Уровень речи.

Благодаря перформативному глаголу protest (семантически близкому к декларациям) и модальному глаголу must, восклицательным предложениям и синтаксической конструкции второй реплики (условное предложение) актер в данном коммуникативном акте (экспрессиве) выражает эмоцию высокой степени интенсивности, а именно гнев+угроза, а усилению

эмоциональности и категоричности высказывания способствует наречие *right*.

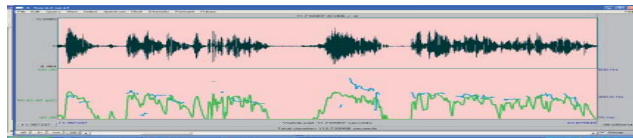
2). Аудиоуровень.

Акцент на перформативном глаголе выражен повышением громкости и напряженностью артикуляции. Этот акцент типичен для сильных перформативов. Исходя из анализа аудиограммы, надо отметить, что обе реплики произносятся довольно громко, с резким повышением голоса и усилением интенсивности на словах *protest, call the police department*. Высокие тоны в данных коммуникативных актах превалируют в диапазоне от 300 до 500 Гц. Наиболее выделено слово в конце второй реплики (*the police department*), которое получает сильный динамический акцент. В финале предложения мы видим резкое крутое падение тона, частота основного тона снижается с 500 до 290 Гц.

3). Видеоуровень

К физиологическим проявлениям эмоции относятся: энергичная жестикуляция, взмахи руками, пальцы рук, сжатые в кулак, нахмуренные брови.

3.

- Lara, this is really too much. Twice this week after midnight. What are people going to think of us? («Доктор Живаго»).

1). Уровень речи.

В данном примере иллокутивное намерение возмущение+упрек эксплицитовано в основном за счет раздраженно произнесенного вокатива (*Lara*), оценочного модуса (*this is really too much*), перлокутивный эффект которого усилен при помощи интенсификаторов (*really, too*), эллиптической синтаксической конструкции (*Twice this week after midnight*) и типичной для упрека вопросительной конструкции *What are people going to think of us?*). К эллиптическим конструкциям относятся отсутствие подлежащего, сказуемого, подлежащего и части сказуемого, обоих членов предложения и строевых элементов – артиклей, союзов, предлогов, частиц. Отсутствие коммуникативно-незначимых элементов приводит к тому, что компоненты предложения, являющиеся для говорящего эмоциональной доминантой, как правило, становятся ремой.

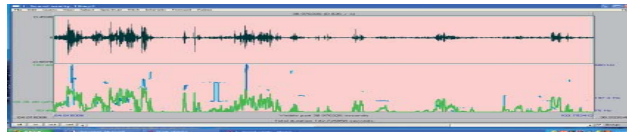
2). Аудиоуровень.

Рема *Twice* становится акцентоносителем (термин Т.Е.Янко). Важную роль в выражении эмоций в данных репликах играют паузы, которые четко слышны в аудиограмме (и различимы на тонограмме), они подчеркивают высокую степень раздражения героини аморальным поведением дочери. Стремясь проявить эмоции наиболее подобающим для данной ситуации способом, актриса говорит прерывистым голосом, как будто пытаясь подобрать подходящие слова. Пик в 490 Гц достигается при произнесении вопроса, в заключительной части которого наблюдается падение тона, нисходящая интонация.

3). Видеоуровень.

Реплики произносятся прерывистым голосом, в глазах героини заметны слезы, а в голосе и жестах – дрожь.

4.

- Open it! Open it. I want to know if you or he are lying. Open it! A thousand pounds. You might have spared me a hundred, Becky. I always shared with you. («Ярмарка тщеславия»)

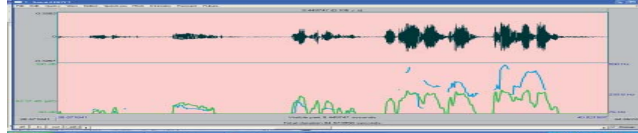
1). Уровень речи.

Синтаксические деформации нейтрального ядерного предложения здесь служат ключевыми вербальными средствами выражения иллокутивного намерения гнев+упрек. В данных репликах используются разнообразные эмоционально-экспрессивные синтаксические конструкции: повтор побудительного, восклицательного предложения (директива), эллипсис, вокатив.

2). Аудиоуровень

Высказывания *Open it! Open it. I want to know if you or he are lying. Open it* произносятся с высокой степенью интенсивности и резко контрастируют с последующими репликами. Директивы, повторы наиболее выделены интонационно и характеризуются резким подъемом тона до 500 Гц и повышением громкости голоса. Упрек выражен спокойным тоном и голосом, и его можно отнести к эмоции слабой степени интенсивности.

5.

- Elsa, you believe in this, too.
- You want this country to be strong...
- No, Ralf, no! No, not that! («Мальчик в полосатой пижаме»).

1). Уровень речи.

Иллокутивная цель реплики- *No, Ralf, no! No, not that!* Выражение гнева и ужаса достигается благодаря повторам и эмфатически выделенному вокативу (*Ralf*). Эмоциональную нагрузку в данном случае несет синтаксис.

2). Аудиоуровень

На данной тонограмме четко виден контраст между нейтральными репликами мужа Эльзы и ее эмоциональной репликой, произнесенной с усилением акцента, интенсивности, повышением тона, высоты и громкости голоса при многократном повторении отрицательной частицы *no*. Перепады тона довольно резкие с крутыми восходящими и восходяще-нисходящими тонами и подъемами.

3). Видеоуровень.

Для выражения данного типа эмоции характерны слезы, дрожь в теле, прерывистые, резкие движения, искаженная мимика, всхлипы, рыдания, что мы и наблюдаем на данном видеоотрывке.

Итак, в заключение хотелось бы подчеркнуть, что

использование мультимодального текста дает возможность исследовать коммуникацию во всей ее полноте, позволяя получить объемное и более объективное представление о коммуникативной ситуации. Анализ как содержательного, так и произносительного аспекта речи в совокупности с паралингвистическими средствами,

дает нам более реалистичную картину речевого взаимодействия, чем простое изучение письменного текста. Особое значение это имеет при изучении эмоциональной коммуникации, которая в большой степени опирается на неязыковые выразительные средства.

Библиографический список

1. Блох М.Я. Проблемы парадигматического синтаксиса: (На материале английского языка): Дис. докт. филол. наук. М., 1976. 444 с.
2. Грушевицкая Т.Г., В.Д.Попков, А.П.Садохин. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов под ред. А.П.Садохина. М.ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352с.
3. Синеокова Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса (на материале английского языка). Дис. докт. филол. Наук. М., 2004. 383 с.
4. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, издательство Воронежского университета, 1987.- 193 с.
5. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность.Сб.: «Коммуникативные аспекты значения». Волгоград:Волгр. пед. ин-т, 1990.
6. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Язык славянских культур. 2008. 312 с. (Studia philological).
7. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская Энциклопедия», 1990. 685с
8. Abu-Lughod & Lutz 1990. 'Introduction : emotion, discourse, and the politics of everyday life'. In Lutz & Abu-Lughod (eds): 1-23.
9. Bamberg, M. 1997. 'Language, concepts, and emotions. The role of language in the construction of emotions' [http:// www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm](http://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm).
10. Danes F. 1987.'Cognition and emotion in discourse interaction'. Preprints of the Plenary Session Papers, xiv International Linguistic Congress Berlin (East), 10-15 August 1987: 272-91.

References

1. Blokh M.Ya. Problems of Paradigmatic Syntax (By the Example of the English Language): Doctor of Philology Dissertation [Text] / M.Ya. Blokh. Moscow, 1976. 444 p.
 2. Grushevitskaya T.G., V.D.Popkov, A.P.Sadokhin. Fundamentals of Cross-cultural communication: Textbook for Higher Educational Institutions, ed. by A.P.Sadokhin. M.UNITY- DANA, 2002. 352 p. (electronic resource)
 3. Sineokova T.N. Paradigmatics of Emotional Syntax: (By the Example of the English Language): Doctor of Philology Dissertation. M., 2004. 383 p.
 4. Shachovskij V. I. The Categorization of Emotions in the Lexical-semantic System of Language. Voronezh: Voronezh State University, 1987. – 192 p.
 5. Shahovskij V.I. Emotive Semantics of Word as a Communicative Entity. «Kommunikativnye aspekty znachenija». «Communicative aspects of meaning». Volgograd: Volgograd Teachers' Training Institute publ., 1990.
 6. Janko T. E. Intonation strategies of Russian speech in comparative aspect. M.: «Jazyki slovjanskoj kultury». 2008. 312 p. (Studia philological).
 7. Yartseva V.N. Linguistic encyclopedic dictionary. M.: «Soviet Encyclopedia», 1990. 685 p.
 8. Abu-Lughod & Lutz 1990. 'Introduction : emotion, discourse, and the politics of everyday life'. In Lutz & Abu-Lughod (eds): 1-23.
 9. Bamberg, M. 1997. 'Language, concepts, and emotions. The role of language in the construction of emotions' [http:// www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm](http://www.massey.ac.nz/~alock/virtual/bamberg.htm).
 10. Danes F. 1987.'Cognition and emotion in discourse interaction'. Preprints of the Plenary Session Papers, xiv International Linguistic Congress Berlin (East), 10-15 August 1987: 272-91.
-

УДК 811.133.1

UDC 811.133.1

Г.А. СОСУНОВА

G.A. SOSUNOVA

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Российской таможенной академии
E-mail: galinaRTA@mail.ru

candidate of pedagogical sciences, associate professor of foreign languages Russian customs academy
E-mail: galinaRTA@mail.ru

**МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ: МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ**

**METAPHOR IN FRENCH PROFESSIONAL CUSTOMS LITERATURE: METALINGUISTIC FUNCTION,
CLASSIFICATION**

В статье рассматриваются вопросы изучения феномена метафоры, представляющей специфику таможенного дискурса. Приводятся результаты анализа употребления метафоры в профессиональной таможенной литературе на французском языке. Представлена функциональная характеристика метафор, их классификация, способность в яркой, живой форме отразить роль, важность современной таможенной деятельности.

Ключевые слова: полисемия лексики, метафорические переносы, субстантивные, вербализованные метафоры.

The paper considers aspects of the metaphor phenomenon study, which represents the specific of customs discourse. The results of the metaphors use analysis in publication on customs issues in French are given. The paper also represents the functional characteristics of metaphors, their classification and their ability to express in a lively way the role, the importance of contemporary customs activities.

Keywords: polysemy vocabulary, metaphorical transfer, substantive, verberlized metaphor.

На протяжении долгого исторического периода метафора является одной из тем, представляющих большой научный интерес. Цицерон сравнивает метафору с одеждой, роль которой менялась с течением времени: «одежда, вначале изобретенная для защиты от холода, впоследствии стала применяться также и как средство украшения и как знак отличия, так и переносные выражения, появившись из-за недостатка слов, распространились уже ради услаждения» [12, с. 235 – 236]. Аристотель видит в метафоре языковое средство для кодирования смысловых значений: «Важно бывает уместно пользоваться всеми вышесказанными приемами, а также словами сложными или редкими, но важнее всего – переносными: ибо только это нельзя перенять у другого, это признак лишь собственного дарования – в самом деле, чтобы хорошо переносить значения, нужно уметь подмечать сходное в предметах» [1, с. 672].

Метафора, исследуемая на протяжении долгого исторического периода, представляет интерес для современных лингвистов: «интерес к роли метафоры лишь возрастает, расширяя сферу её обитания» [8, с. 47]. Современное языкознание продолжает изучать феномен метафоры, вопросы её исследования отражены в трудах таких лингвистов, как Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, О.И. Глазунова, Г.Н. Складневская, а также зарубежных К. Детри, Джонсона, К. Кортеса, П. де Мана, Д. Лакоффа, У. Уорбертона и ряда других учёных. Итальянский филолог Джамбаттиста Вико считает, что истоки метафоры – в поэтической логике,

отражающей преобразовательные процессы на уровне сознания личности. Поэтическая логика, складывающаяся под воздействием неосознанных процессов мышления, является следствием бессознательных когнитивных операций, которые лишь в дальнейшем начинают преобразовываться в то, что мы в настоящее время подразумеваем под чистой логикой [3, с. 113]. Вико был одним из первых, кто отметил, что на заре цивилизации и формирования языка первобытный человек мог изъясняться только с помощью поэтических выражений: «у всех наций сначала существовала речь в стихах, а потом – в прозе» [3, с. 90]. Румынский исследователь Ботонд Бакси отмечает: «*la métaphore n'est pas une simple inadéquation de la représentation langagière de la réalité, elle exprime, plus généralement, toute l'incertitude de ce qu'on nomme sens propre, de ce qu'on conçoit comme signification. On peut voir que ces deux conceptions s'opposent radicalement. Pour être très schématique, on pourrait faire la différenciation suivante : la première conçoit l'origine de la langue comme désignation, la seconde comme métaphore*» («Метафора не просто неадекватное языковое представление реальности, она выражает более обобщённо любую неопределённость того, что употребляется в прямом смысле, что представляет собой истинное значение. Видно, что оба воззрения на представляемое понятие или явление радикально противоположны. Схематично эта дифференциация выглядит следующим образом: в первом случае толкование понятия происходит через его истинное значение, во втором – через метафорическое»)

[15]. По словам К. Детри, профессора университета города Монпелье, «*Qui impose sa métaphore impose sa vision du monde. Parce qu'elle véhicule un point de vue sur le monde tout en gommant le je qui la sous-tend (l'énoncé métaphorique est le plus souvent un énoncé en non-personne), elle se présente sous une forme assertorique, qui fait d'elle un instrument idéologique*» (Кто предлагает свою метафору, тот навязывает своё мировоззрение. Потому что метафора передает взгляд на мир, абсолютно стирая сущность, лежащую в её основе (метафорическое высказывание чаще всего безлично), метафора является ассерторическим выражением, то есть констатирующим действительность такой, как она есть, что, в этой связи, превращает её в идеологический инструмент) [16, с. 135]. Уильям Уорбертон, английский публицист, переводчик и критик, в работе «Эссе о иероглифах у египтян» отмечает: «*La métaphore est due évidemment à la grossièreté de la conception... Telle est l'origine véritable de l'expression figurée, et elle ne vient point, comme on le suppose ordinairement, du feu de l'imagination poétique... La conduite de l'homme, comme nous voyons, a toujours été, soit dans le discours et dans l'écriture, soit dans le vêtement et le logement, de changer ses besoins et ses nécessités en parade et en ornement*» («Метафора, очевидно, связана с широтой концепции. Таково истинное происхождение образного выражения, оно возникает не из огня поэтического воображения, как это обычно предполагается. Поведение человека, как мы видим, всегда выражалось в речи и письме либо одежде и жилье, в смене нужд и потребностей, наличии парадности и приукрашивания»). [19].

В ходе дискуссий исследователи высказывают разные точки зрения о роли метафоры в языке, некоторые лингвисты являются её явными противниками. Так, Гоббс полагает, что «метафоры «абсолютно исключены, ибо раз мы видим, что они откровенно обманывают, то было бы явным сумасшествием допускать их в совете или рассуждении» [17, с. 3]. Гастон Башляр отмечает, что Цицерон видит в метафоре средство, «соблазняющее разум» [15, с. 53]. Бельгийский учёный Поль де Ман считает, что метафоры не являются необходимым средством для языка, более того, они представляют проблему для исследований: «Метафоры, тропы и другие изобразительные средства языка являются постоянной проблемой, а временами и явной помехой для философских изысканий и, более того, для всех исследований, использующих язык, включая историографию и литературоведческий анализ». Исследователь также полагает, что «*la métaphore est aveugle, non parce qu'elle déforme les données objectives mais parce qu'elle présente comme certain ce qui n'est en réalité qu'une possibilité*» («метафора слепа не потому, что она искажает данные, но поскольку она выдаёт за реальное то, что всего лишь могло бы быть в действительности») [18, с. 11].

В свете приведённых выше дискуссий лингвистов о роли метафоры в языке следует отметить, что употребление метафорических выражений в текстах таможенной тематики обосновано оправданно. Профессиональная таможенная литература, сконцентрировавшая в себе

различные аспекты таможенного дискурса, имеет свою отличительную характеристику и содержит, кроме профессиональной таможенной, таможенно-юридической и таможенно-экономической терминологии, клише, аббревиатуры, англицизмы, фразеологизмы, метафоры.

Рассмотрим содержание текста с точки зрения отношений между отправителем (автором) и получателем информации (работником таможенной службы). Специфика таможенного дискурса обусловлена жанровой формой текста, предназначенного для определённого читателя, работника таможенной сферы, деятельность которого имеет напряжённый характер, обусловленный объёмом и проблематичностью выполняемых функций. В этой связи автор, используя метафору, ставит своей целью снять напряжённость с предлагаемой информации, донести её как можно быстрее до своего читателя. Метафорические выражения, обладающие образностью и живой формой, помогают автору добиться поставленной цели.

Феномен метафоры следует рассматривать с учётом моносемии или полисемии лексики: однозначные слова представляют собой меньшинство и входят в различные тематические группы – названия профессий, представителей растительного и животного мира и других понятий; количество полисемичных слов намного больше. Новое значение слова появляется в результате его переносного употребления, и предпосылкой является сходство явлений или их смежность. Проследим эволюцию выражения *battre le pavillon*. Существительное *un pavillon*, кроме основного значения *павильон, беседка*, имеет ещё тринадцать значений: *флигель, пристройка; палатка, ларёк; уст. военная палатка; балдахин; геральд. намёт; крыша (кузова); ограда (на ипподроме); рупор; анат. ушная раковина; прост. ухо; штандарт, флаг; флагманский корабль; бот. флаг, парус* [4, с. 793]. Значения глагола *battre* – *бить, колотить, сбивать, отбивать*, а также *обходить, бродить*. С учётом семантики глагола *battre* и существительного *le pavillon* выражение *battre le pavillon* не представляется возможным перевести дословно, согласно нормам русского языка словосочетание *battre le pavillon* переводится *плыть под флагом* какого-либо корабля [4, с. 107]. В профессиональной таможенной литературе были выявлены следующие фразы, включающие данное выражение: *un voilier battant pavillon des îles vierges britanniques* (парусник под флагом Британских Виргинских островов); *un navire baptisé «MV Nashville» battant pavillon autrichien en provenance des Pays-Bas* [20, № 63, с. 51].

Изучению эволюции языка, вопросам дискурса профессиональных текстов в современной лингвистике уделяется большое внимание. Так, В.Е. Чернявская полагает, что текст составляет эмпирическую основу любого дискурса, в том числе профессионального [13, с. 26]. К.Ф. Седов считает, что взглянуть на дискурс с точки зрения внутреннего строения речевого произведения возможно только через текст [10, с. 9]. Е. А. Попова видит «в любом тексте внутреннюю диалогичность» [9, с. 3]. Л.К. Граудина отмечает, что профессиональному дискурсу свойственна «принципиальная диалогиро-

ванность, поскольку профессиональная сфера всегда предполагает обсуждение проблемы, конкретного вопроса или факта» [6, с. 239].

Метафоре как феномену, способному толковать явления и понятия, свойственна металингвистическая функция языка, то есть разъяснение средствами языка самого языка. Три типа полисемии – метафора [21], метонимия [22] и синекдоха [23] различаются в зависимости от признака, присваивающего название одного предмета другому. В профессиональной таможенной литературе предметы или явления представляются читателю с помощью метафорических переносных значений по какому-либо сходству их признаков, в том числе: размера – *au sens large* [20, № 59, с. 20], расположения – *en droite ligne* [20, № 59, с. 5], результата – *le fruit d'enquêtes* [20, № 54, с. 22], формы – *la table ronde* [20, № 59, с. 5], функции – *guichet unique* [20, № 54, с. 50], цвета – *la brillante carrière* [20, № 54, с. 36] и других.

Для анализа функциональной характеристики метафор и их классификации были выбраны четырнадцать печатных изданий на французском языке «OMD Actualités»: № 52, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 67, 68. Выявленные в ходе анализа метафоры представляют собой корпус данных, классификация которых осуществляется по следующим направлениям: переносные значения слов на основании сходства расположения предметов; функции субстантивных и вербативных (в терминах Г. В. Беляковой) метафор [2, с. 50]. В соответствии с обозначенными направлениями анализируемые метафоры имеют следующую семантическую характеристику:

– метафорические переносные значения слов на основании сходства расположения предметов отражают: ирреальные, неординарные явления – *L'expression « informatique en nuage » désigne une technologie qui virtualise les ressources, le matériel, les logiciels et les données informatiques* [20, № 64, с. 37]; сущность, основу таможенной деятельности – *Ceci place la facilitation au cœur de nos travaux* [20, № 56, с. 19]; *LegaCarta comprend un noyau de 230 traités et instruments divers* [20, № 52, с. 22];

– субстантивные метафоры раскрывают доминирующую функцию явления, её важность – *Trois axes principaux ont été développés au cours de cet atelier* [20, № 52, с. 7]; *D'abord, il n'y a pas plus grand atout que le capital humain dans les organisations à forte intensité de travail* [20, № 54, с. 40]; роль определённых лиц в таможенной сфере – *Ces projets ont encouragé l'entrée sur le marché mondial d'acteurs plus petits* [20, № 57, с. 45]; направление деятельности *d'autres pistes d'action devront être envisagées* [20, № 52, с. 2]; место событий в таможенной сфере – *ce qui se passe sur la scène nationale et internationale* [20, № 64, с. 32];

– вербативные метафоры отражают: негативные явления и действия, осуществляемые в ходе действий криминального характера (контрабанда и др.) – *Le trafic illicite de cigarettes continue d'éroder les recettes des Etats* [20, № 54, с. 8]; события в мире – *La crise financière mondiale a ébranlé l'économie mongole* [20,

№ 61, с. 43]; способы борьбы таможен с негативными явлениями – *Opération Déméter : traquer le transport illégal de déchets* [20, № 60, с. 11]; способы достижения цели в явлениях таможенно-экономического характера: *Les craintes économiques alimentent le protectionnisme* [20, № 66, с. 9]; способы налаживания взаимопонимания и сотрудничества между таможенными службами: *L'esprit de Ouagadougou doit permettre de tisser des liens profonds entre fonctionnaires des douanes de pays voisins* [20, № 52, с. 8].

В процессе исследования использовалась и другая классификация выявленных метафорических выражений, в основе которой лежит идея о подчинении метафор достаточно жесткой закономерности и реализации в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой. Так, согласно схемам Г.Н. Скляревской, метафорические переносы в текстах таможенной тематики классифицируются следующим образом [11, с. 80]: предмет – предмет: *Il présente un éventail de produits contrefaisants; Dans un pays où le tissu industriel est peu développé* [20, № 52, с. 10, 39]; *Notre futur cadre stratégique repose sur trois piliers* [20, № 56, с. 25]; *tout instrument nouveau s'inscrit pleinement dans le mandat global de l'OMD* [20, № 58, с. 27]; *Les accords commerciaux préférentiels sous la loupe d'OMC; les reptiles constituent en quelque sorte les diamants du trafic d'espèces de faune et de flore sauvages* [20, № 66, с. 4, 6]; человек – человек: *Un des pères fondateurs de l'Europe, Jean Monnet disait* [20, № 58, с. 5]; *les ministres du commerce étaient les seuls et uniques arbitres et architectes d'une vaste série de réformes des procédures douanières* [20, № 63, с. 32]; предмет – физический мир: *Il [Le Musée de la Contrefaçon] présente un éventail de produits contrefaisants* [20, № 52, с. 10]; предмет – психический мир: *pour combattre dans toutes ses dimensions et sur tous les fronts le trafic illicite de drogue, gangrène dynamisée par la mondialisation* [20, № 63, с. 49]; предмет – абстракция: *combattre cet empire bâti sur la fraude; Le ballet incessant de ces boîtes métalliques* [20, № 54, с. 8, 12]; *Dans un monde où le crime n'a plus de frontières, le rôle de protecteur de la douane devient plus ambitieux et complexe* [20, № 56, с. 21]; физический мир – психический мир: *les négociations sont dans l'impasse* [20, № 54, с. 46]; *Opération Déméter : une traque d'envergure fructueuse* [20, № 60, первая страница обложки]; *les réformes engagées sous différents angles (missions, organisation des services, gestion des ressources humaines, les moyens financiers et matériels)* [20, № 60, с. 40]; *Métamorphose des relations Douane-Entreprises: l'expérience du Pérou* [20, № 61, с. 32]; *Nous sommes à une période charnière* [20, № 65, с. 3].

Некоторые лингвисты считают одним из главных свойств метафоры способность управлять чувствами человека. Так, Ю.Ю. Ерёмин отмечает, что «метафора является одним из наиболее ярких способов воздействия на адресата» [7, с. 2]. Таможенный дискурс, реализующий интенцию убеждения, также относится к воздействующему типу дискурса – в текстах таможенной тематики одновременно содержатся два линг-

вистических способа убеждения: эксплицитное, то есть открытое убеждение (непосредственно информация текста) и подтекстовое, имплицитное, оказывающее влияние на подсознание адресата, служащего таможенной сферы. Некоторые наиболее часто употребляемые метафоры, затрагивающие таможенно-экономические и таможенно-юридические аспекты и отражающие специфику таможенного дискурса, усиливают это влияние, реализуя важное *свойство метафоры – способность* влиять на видение ситуации. Так, метафора *un acteur* заставляет читателя признать значимость лиц, задействованных в данной деятельности: *Les différents acteurs concernés s'échangent désormais régulièrement des informations spécifiques; la facilitation des échanges est un sujet prioritaire pour tous les acteurs économiques* [20, № 61, с. 27, 37]; метафора *un front* убеждает читателя увидеть масштаб описываемых явлений: *Contrefaçons : action sur tous les fronts* [20, № 63, первая страница обложки], метафора *un pilier* призывает отметить важную роль, отведённую данному явлению: *qui repose sur un double pilier* [20, № 66, с. 13]; *la connectivité est basée sur trois piliers principaux* [20, № 67, с. 10]; метафора *un axe* отмечает важность выбранного направления деятельности: *Trois axes principaux ont été développés au cours de cet atelier* [20, № 52, с. 7]; метафора *un cœur* внушает читателю увидеть значимость, первостепенность происходящих событий: *Le changement est au cœur de la vie d'une administration* [20, № 64, с. 18]. Текст, содержащий подобные метафорические высказывания, относится к персуазивному дискурсу, содержащему убеждение, управление сознанием адресата, внушение, то есть автор использует все доступные речевые средства для его убеждения. При употреблении пословиц, поговорок, крылатых выражений адресант решает подобные задачи. Так, чтобы убедить адресата в преимуществе визуального получения информации, автор советует лично ознакомиться с достигнутыми результатами, удостовериться в правильности избранных методов работы: *une image vaut mille mots* [20, № 63, с. 5]. Для обозначения трудностей, встречаемых в ходе нелёгкой, напряжённой таможенной деятельности, адресант выбирает выражение *Mais tout cela est plus facile à dire qu'à faire* [20, № 52, с. 14]. Прагматичность, упорный труд, расчет на свои силы – залог достижения высоких результатов в таможенной деятельности, и в этой связи

служащий данной сферы отмечает: *Nous ne pouvons pas nous attendre à trouver la «recette magique»* [20, № 61, с. 41]. Сложности прогнозирования некоторых явлений раскрываются с помощью поговорки *le temps est notre maître* [20, № 63, с. 5], а правильность выборного решения определяется в поговорке *ce qui permettra de décider ce qui est «bon» ou «mauvais»* [20, № 66, с. 10].

Таким образом, исследование метафорических выражений в профессиональной таможенной литературе позволило сделать следующие выводы.

1. Метафоры, наравне с профессиональной таможенной терминологией, представляют собой специфику таможенного дискурса и классифицируются по признаку наличия переносного значения слов на основании сходства расположения предметов, отражая основу таможенной сферы деятельности, неординарные явления.

2. Семантика субстантивных метафор раскрывает доминирующую функцию таможни в общественной жизни, значимость явлений, место событий, роль определённых лиц, направление деятельности в таможенной службе.

3. Семантика вербативных метафор отражает негативные явления и способы борьбы с ними, пути достижения цели и налаживания взаимопонимания и сотрудничества между таможенными службами.

4. Метафоры подчиняются закономерности и реализуются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой, имея следующую классификацию: предмет – предмет, человек – человек, предмет – психический мир, предмет – абстракция, физический мир – психический мир.

5. Включающая два лингвистических способа убеждения – эксплицитное и имплицитное – метафора в профессиональной таможенной литературе представляет собой воздействующий тип дискурса, который оказывает влияние на подсознание адресата. Реализуя интенцию убеждения, метафора призывает, заставляет, убеждает читателя признать значимость лиц, задействованных в таможенной сфере деятельности, увидеть масштаб описываемых явлений, отметить важную роль событий, направлений деятельности. Подобные средства убеждения используются адресантом и в выявленных пословицах, поговорках, крылатых выражениях.

Библиографический список

1. Аристотель. Поэтика. В кн.: Аристотель: в Собр. соч. в 4 т. Т. 4. / Аристотель. М.: Мысль, 1983. С. 645 – 686.
2. Белякова Г. В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке: монография. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 170 с.
3. Вико Джамбаттиста. Основание новой науки об общей природе наций./ Джамбаттиста Вико; пер. и коммент. А.А. Губера. Л.: Художественная литература, 1940. 619 с.
4. Гак В.Г. Новый французско-русский словарь./ В. Г. Гак, К. А. Ганшина. – 7-ое изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002. 1195 с.
5. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Наука, 2000. 190 с.
6. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. 441с.
7. Ерёмкина Ю.Ю. Особенности функционирования педагогического дискурса и его специфика. Теория языка и межкультурная коммуникация. Курск: Курский государственный университет, 2010. № 8. С. 40-43.
8. Зубкова О.С. Метафора в философской парадигме. Курск: Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1 (13). С. 47-56.
9. Попова Е.А. Нарративные универсалии: Монография. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2006. 144 с.

10. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
11. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 153 с.
12. Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. В кн. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1994. С. 75 – 252.
13. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учебное пособие для вузов [Текст] / В.Е.Чернявская. 5–е изд. стереотип. М.: КомКнига, 2009. 128 с.
14. Bachelard G. La Poétique de l'espace. Paris : Presse Universitaire de France, 1961. 215 p.
15. Bakcsi B.: Métaphore, dénomination et paradigme musical dans la conception de Rousseau sur l'origine des langues [Electronic resource] / B. Bakcsi: <http://rousseauetudies.free.fr/articlebakcsi.html> (дата обращения: 10.12. 2012).
16. Détrie C. Du sens dans le processus métaphorique. Paris : Honoré Champion, 2001. 300 p.
17. Hobbs J. Metaphor, metaphor schemata, and selective inferencing. Technical Note № 204. California: SRI International, 1979. 41p.
18. De Man Paul La métaphore (Second Discours) / Allégories de la lecture. Le langage figuré chez Rousseau, Nietzsche, Rilke et Proust. Paris: Éditions Galilée, 1989. 189 p.
19. Warburton W. Essai sur les Hiéroglyphes des Egyptiens [Electronic resource] :http://books.google.ru/books/about/Essai_sur_les_hiéroglyphes_des_Egyptien.html?id=QEAGAAAAQAAJ (дата обращения : 15.12. 2013).
20. «OMD Actualités» / Éditeur Organisation mondiale des douanes Bruxelles [Texte] . – 2007. – № 52 ; 2007. – № 54; 2008. – № 56; 2008. – № 57; 2009. – № 58; 2009. – № 59; 2009. – № 60; 2010. – № 61; 2010. – № 62; 2010. – № 63; 2011. – № 64; 2011. – № 66; 2012. – № 67; 2012. – № 68.
21. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-2331.htm> [Electronic resource] (дата обращения: 07.12.2012).
22. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3059/ Метонимия [Electronic resource] (дата обращения: 07.12.2012).
23. <http://slovari.yandex.ru/~книги/Лит.энциклопедия/Синекдоха/> [Electronic resource] (дата обращения: 07.12.2012).

References

1. Aristotle Poetics. In the book: Aristotle. [Text]: in Collected Works in 4 volumes / Aristotle. – М. : Think, 1983. – Pp. 645 – 686.
2. Belyakova G.V. Derivational category suffixed locative nouns in modern Russian [Text]: monograph / G. V. Belyakova. – Astrakhan: Publishing House «Astrakhan University», 2007. – 170 p.
3. Vico Giambattista Foundation of a new science of the general nature of Nations [Text]: Giambattista Vico; translation and commentary by A.A. Huber. – L.: imaginative literature, 1940. – 619 p.
4. Gak V.G. New French-Russian dictionary. 7th edition, stereotyped. – М.: Russian language, 2002. – 1195 p.
5. Glazunova O. I. The logic of metaphorical transformation [Text]: O. I. Glazunova. – St. Petersburg.: Science, 2000. – 190 p.
6. Graudina L.K., Shiryayev E.N. Culture of the Russian language and effective communication [Text] / L.K. Graudina, E.N. Shiryayev. – М. : Science, , 1996. – 441 p.
7. Eremina U.U. Features functioning pedagogical discourse and its specific [Text] / U.U. Eremina // Theory of Language and Intercultural Communication. – Kursk: Kursk State University, 2010. – № 8. – P. 40-43.
8. Zubkova O.S. Metaphor in the philosophical paradigm [Text] / O.S. Zubkova // Kursk: Memoirs. Electronic scientific journal of the Kursk State University. – 2010. – № 1 (13). – P. 47-56.
9. Lakoff G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson [translation from English, and the chairmanship of by A.N. rededaktsiye Baranov]. – М. : Editorial URSS, 2004. – 256 p.
10. Popova E.A. Narrative universals: Monograph [Text] / E.A. Popova. – Lipetsk: Publisher LGPU, 2006. – 144 p.
11. Sedov K.F. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Labyrinth, 2004. 320 p.
12. Sklyarevskaya G.N. The metaphor in the language system. St. Petersburg.: Nauka, 1993. 153 p.
13. Cicero Marcus Tullius. On orator. In the book: Cicero M.T. Three treatises of oratory. М.: Ladomir, 1994. – P. 75 – 252.
14. Chernyavskaya V.E. Interpretation of scientific texts: a manual for schools [Text] / V.E. Chernyavskaya. – 5th edition, stereotyped. – М.: KomKniga, 2009. – 128 p.
15. Bachelard G. The Poetics of Space [Text] / G. Bachelard. – Paris : University Press of France, 1961. – 215 p.
16. Bakcsi B.: Metaphor, name and musical paradigm in the design of Rousseau on the Origin of Languages [Electronic resource] / B. Bakcsi: <http://rousseauetudies.free.fr/articlebakcsi.html> (request data: 10.12. 2012).
17. Détrie C. Meaning in the metaphorical process [Text] / C. Détrie. - Paris: Honoré Champion, 2001. – 300 p.
18. Hobbs J. Metaphor, metaphor schemata, and selective inferencing. Technical Note № 204. California: SRI International, 1979. 41 p.
19. De Man Paul Metaphor (Second Discours) / Allegories playback. Language figured to Rousseau, Nietzsche, Rilke et Proust [Text] / Paul de Man. – Paris: Éditions Galilée, 1989. – 189 p.
20. Warburton, W. Essay on Hieroglyphics Egyptians [Electronic resource] / W. Warburton:http://books.google.ru/books/about/Essai_sur_les_hiéroglyphes_des_Egyptien.html?id=QEAGAAAAQAAJ (request data: 15.12. 2013).
21. «WCO News» Editor Brussels World Customs Organization [Texte] . – 2007. – № 52 ; 2007. – № 54; 2008. – № 56; 2008. – № 57; 2009. – № 58; 2009. – № 59; 2009. – № 60; 2010. – № 61; 2010. – № 62; 2010. – № 63; 2011. – № 64; 2011. – № 66; 2012. – № 7; 2012. – № 68.
22. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le7/le7-2331.htm> [Electronic resource] (request data: 07.12.2012).
23. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3059/ Metonymy [Electronic resource] (request data: 07.12.2012).<http://slovari.yandex.ru/~книги/Лит.энциклопедия/Синекдоха/> [Electronic resource] (дата обращения: 07.12.2012).

УДК 811.161.1'367

М.В. ТЕЛЯКОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета
E-mail: teljakowska@yandex.ru

UDC 811.161.1'367

M.B. TELYAKOVSKAYA

candidate of Philological sciences, associate professor of the chair of the Russian language Orel state university
E-mail: teljakowska@yandex.ru

СПОРНЫЕ СЛУЧАИ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРИЧИННЫХ СОЮЗОВ

CONTROVERSIAL CASES ISOLATED BY CAUSAL CONJUNCTIONS

В статье анализируются различные точки зрения исследователей на квалификацию отдельных союзов. Делаются выводы: являются ли анализируемые союзы причинными.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, придаточное причины, причинные союзы.

This article analyzes the different points of view of researchers at the qualifications of individual conjunctions. The conclusions are made whether analyzed conjunctions are causal or not.

Keywords: compound sentence, subordinate clause, causal conjunctions.

Современная система причинных союзов сложилась в основном к XIX в. Как бесспорно причинные за период от начала XIX в. до наших дней исследователями, авторами вузовских пособий, словарей выделяются следующие союзы: **понеже, занеже, поелику...(то), а как...(то, так), затем, что, потому что; оттого что; так как...(то, так); тем более что; из-за того что, благодаря тому что. ввиду того что, в силу того что, вследствие того что, поскольку...(то).** (Здесь и далее запятая в скобках между частями союза показывает, что данная скрепа употребляется и как цельный составной союз, и как расчлененное союзное сочетание, в котором указательный местоименный компонент находится в главном предложении, а союз **что** – в придаточном. Для краткости изложения термин «союз» мы будем употреблять для обозначения и собственно союза, и союзного сочетания).

Противоречивы мнения исследователей по поводу включения в группу причинных союзов следующих средств связи: **ведь; потому; раз; что; за то, что; ибо, а не то; не то; а то.**

Спорным является вопрос о том, как квалифицировать конструкцию с частицей **ведь** между ее частями. Некоторые исследователи частицу **ведь**, употребленную между частями сложного предложения с причинно-следственной зависимостью, включают в разряд причинных союзов [8: 667; 6: 15; 15: 11, 74; 13: 116-120]. Эта точка зрения, что **ведь** – союз, нашла свое отражение в 17-томном словаре [30а: 116-117], словаре С.И.Ожегова [21: 68], Словаре русского языка в 4-х томах [29: 145]. В.В.Виноградов отмечал, что частица **ведь** может употребляться в значении причинного союза [5: 557].

Р.П. Рогожникова [27: 253], М.В.Ляпон [28: 582] квалифицируют **ведь** как союз-частицу. По наблюдениям М.В.Ляпон, «союзная частица **ведь** используется, как правило, в конструкциях, вторая часть которых име-

ет характер факультативного примечания к сказанному в первой части или к информации, заключенной в более широком контексте» [28: 582].

Однако уточнение функции этой частицы вызывает сомнение в правильности включения **ведь** в систему причинных союзов. М.В. Ляпон пишет: «Обычными условиями употребления союзной частицы **ведь** является соединение двух самостоятельных предложений, отношения между которыми **подобны** (выделено нами – М.Т.) причинной зависимости между частями сложного предложения: *Чего же я трушу? Ведь я, как грамматiku, Бессонницу знаю, У нас с ней союз* (Б. Пастернак) [28: 582]. Трудно согласиться, что в этом и подобных примерах частица **ведь** связывает придаточное предложение причины с главным предложением в составе СПП.

Считаем, что больше соответствует действительности оценка этой частицы А.К. Федоровым. Он отмечает, что частица **ведь** действительно может выполнять функцию, близкую к функции причинного союза, напр.: *Судите сами, хорошие они или дурные: мы не будем лезть с указкой, ведь, мы от всей души доверяем вам* (А.Арбузов. Иркутская история). Однако **ведь** не является подчинительным союзом, эта конструкция бессоюзная, так как легко преобразовывается в сложносочиненное предложение с сохранением частицы **ведь**, напр.: *Ведь мы от всей души доверяем вам, а поэтому мы не будем лезть с указкой* [37: 758].

Р.П. Рогожникова считает, что частица **ведь**, употребляемая в функции союза, не переходит целиком на положение союза. В ней значителен экспрессивно-эмоциональный оттенок, который она вносит в предложение.

Сравнивая употребление **ибо** и **ведь**, Р.П. Рогожникова делает следующий вывод: **ибо** делает причинную связь более четкой; **ведь** вносит в предложение экспрессивно-эмоциональный оттенок. Позиция **ибо**

закреплена, **ведь** может изменить положение в предложении без изменения его семантики. Все это свидетельствует о том, что **ведь** не становится союзом, а выполняет его функцию, т.е. это слово можно квалифицировать как союзную частицу [26: 52].

Мы присоединяемся к мнению А.К. Федорова, Р.П. Рогожниковой и квалифицируем **ведь** как частицу, употребляемую иногда в роли союза, но не переходящую целиком на положение союза, поэтому при анализе изменений в системе причинных союзов примеры с частицей **ведь** нами не рассматриваются.

Союз **раз** включали в группу причинных союзов А.Н. Суровцев [34: 42], Ю.Р. Гепнер [7: 61], С.Г. Ильенко [14: 198].

В.А. Белошапкина называет конструкции с союзом **раз** предложениями единичного реального условия и отмечает, что в подобных предложениях, в отличие от причинных, «придаточная часть сохраняет значение непосредственной обусловленности и значение допущения, вносимое союзом: здесь выражается субъективное допущение реальности обуславливающего явления» [10: 719].

А.М. Устинов указывает на совмещение причины и условия в СПП с союзом **раз**. По его мнению, отношения ближе к причинным, если в главном содержится категорическое суждение: *Ему-то наверняка не нравилась эта история, потому что все могли подумать на него, раз он сидит со мной рядом на одной парте* (В.Солоухин. Ножичек с костяной ручкой).

Если же содержание главного имеет гипотетический характер, то отношения условные: *Что-то, видно, очень плохое случилось в девятьсот семнадцатом году, раз даже здесь, в таком захолустье, молодежь смотрит на равнине без должного уважения* (Н.Островский. Как закалялась сталь) [36: 19].

На наш взгляд, очень трудно с этих позиций разграничить, в каких предложениях **раз** употребляется как причинный союз, а в каких – как условный. Примеры А.М. Устинова, квалифицируемые в одном случае как причинные, а в другом – как условные, не отличаются по семантике друг от друга.

Р.П. Рогожникова высказывает мнение, что союз **раз** с одной стороны близок по значению союзу **если**, а с другой стороны союзу **так как** [25: 64]. Она утверждает, что союз **раз** выражает условно-причинное значение: «По своему строению конструкции с союзом **раз** не отличаются от синонимичных им конструкций с союзом **если** условно-причинного типа» [25: 65].

Л.Л. Бабалова также отмечает, что союз **раз** занимает промежуточное положение между союзом **если** и союзом **так как** [2: 176], однако больше оснований рассматривать его в системе условных союзов [28: 581].

М.В. Ляпон, говоря о предложениях с союзом **раз**, отмечает: «Значение выполненного условия соответствует той позитивной модальной квалификации, которая составляет основу причинной зависимости» [28: 581]; однако не совсем ясно, почему она конструкции с точно таким же значением, части которых связывают союзы **если**, **ежели**, не выводит из условных и не

включает в причинные, хотя и отмечает сближение их с причинными. Вот ее пример с условной придаточной частью: *Ежели ты молчишь, так я скажу* (В.Шишков). Он, бесспорно, синонимичен конструкции с союзом **раз**: *Раз ты молчишь так я скажу* [28: 572].

По мнению Л.Д. Беднарской, **раз** – специализированный союз в системе условных конструкций, выражающий условно-причинные отношения. Союз **раз** вступает в тесные синонимические связи с союзами **если**, **ежели**, **коли**, которые при определенном соотношении видо-временных форм глаголов-сказуемых в обеих частях сложного предложения условного типа тоже выражают условно-причинные отношения [3: 64].

Эти аргументы дали нам основание отнести конструкции с союзом **раз**, хотя они и являются переходными между условными и причинными, к условным и не рассматривать их в системе СПП причинного типа.

В научных трудах есть разногласия по вопросу о том, является ли союз **ибо** подчинительным. Известно, что в XIX веке подчинение в сложном предложении обычно рассматривалось как связь двух простых предложений, из которых одно является развернутым членом другого, т.е. придаточное предложение подчинено слову или словосочетанию и выполняет по отношению к нему функцию главного или второстепенного члена. Исходя из такого понимания, конструкции, в которых придаточное предложение по содержанию соотносится со всем объемом главного предложения, некоторые ученые не считали СПП, хотя и отмечали наличие смысловой зависимости между частями. В конструкциях с союзом **ибо** придаточное относится по смыслу ко всему главному. Именно поэтому Н.И.Греч [11: 403], Ф.И.Буслаев [4: 547], Д.Н.Овсянко-Куликовский [20: 230-231] считали союз **ибо** сочинительным. Эту точку зрения разделяет Т.А.Шуб, написавший интересное исследование о генезисе союза **ибо** [43: 107-108, 127].

В настоящее время большинство синтаксистов рассматривают союз **ибо** как подчинительный. В качестве аргументов, доказывающих отнесенность этого союза к подчинительным, можно назвать следующие:

- 1) он соединяет не независимые части, а определяющую с определяемой;
- 2) данный союз не может связывать однородные члены в составе простого предложения;
- 3) этот союз синонимичен типичным причинным союзам, и его можно заменить союзами **потому что**, **так как**, **поскольку**, напр.: *Мишка закричал, ибо (= потому что) лохматый, свирепый пес вырвался из-за кустов..* (Алексеев. Ивушка неплакучая);
- 4) придаточное предложение с союзом **ибо** часто можно преобразовать в обстоятельство причины, что является бесспорным показателем подчинительной зависимости, напр.: *Следовало бы убавить жалование учителям русского языка, ибо с уменьшением букв и падежей уменьшилась и их работа* (Чехов. Из записной книжки старого педагога). Ср.: *... убавить жалование ... из-за уменьшения работы в связи с уменьшением букв и падежей*;
- 5) При сочинении невозможно интерпозитивное положение одной части по отношению к другой. С союзом **ибо** это возможно, напр.: *Андрей Денисов (ибо это*

был он) обратился к своим спутникам (Лажечников. Последний Новик).

И хотя зависимость придаточного с этим союзом от главного слабее, чем с другими причинными союзами, приведенные выше аргументы позволяют рассматривать его в системе подчинительных.

Нет единства в квалификации союза **что**. А.М. Пешковский высказал мысль о том, что самый употребительный подчинительный союз **что** потерял в сущности всякое специальное значение и обозначает только подчиненность одного предложения другому [22: 483].

Развивая эту мысль, Н.С. Поспелов выдвинул идею о наличии в русском языке двух типов союзов: 1) союзы – носители определенного функционального отношения (в предложениях двучленного типа); 2) союзы с опустошенной семантикой (в предложениях одночленного типа) [23: 11].

Сторонники структурно-семантической классификации, выделяя, вслед за Н.С. Поспеловым, семантические и асемантические союзы, типичным представителем асемантических союзов считают союз **что**. Именно поэтому, зачисляя его в разряд изъяснительных, отказывают ему в способности выражать другие семантико-синтаксические отношения. Так, например, В.А. Белошапкина конструкцию *Женщины волнуются, что долго нет автобуса* включает в группу изъяснительных предложений [10: 703]. Л.Ю. Максимов считает, что в предложениях типа *Он счастлив, что видит тебя* выражается объектное значение с добавочным причинным оттенком [1: 230].

Однако еще А.М. Пешковский, кроме изъяснительного значения, выделял у союза **что** сравнительное значение [22: 490]. В 17-томном Словаре современного русского литературного языка кроме этих двух значений указаны еще временное и условное значения [30в: 1128].

Многозначность союза **что** отмечал и В.В. Виноградов: «В самом простом союзе **что** до сих пор еще совмещаются значения: изъяснительные, количественные, следственные, сравнительные, причинные (в разговорной речи) и временные» [5: 562]. Причинное значение союза **что** В.В. Виноградов иллюстрирует примерами: *Я глуп, что осердился* (Пушкин, Дон Жуан); *Чуден и мост, что он лжеца никак не подымает* (Крылов) [5: 562].

А.К. Федоров, рассматривая значения подчинительных союзов, доказал, что многозначность союза **что** не дает основания считать его лишенным всякой семантики, и наряду с отмеченными выше значениями этого союза он указывает причинное его значение. При этом он считает, что этот союз имеет причинное значение, если придаточное относится к опорным /подчиняющим/ словам с определенной семантикой и с определенными валентными свойствами: «При словах, выражающих внутренние психические переживания или проявление этих переживаний, а также при словах, имеющих эмоционально-оценочное значение, если они не сочетаются с объектным или субъектным уточнителем (дополнением, подлежащим), придаточное с союзом **что**

выступает по отношению к главному предложению как причина, мотивирующая данное состояние или оценку, напр.: *Варвара. У нее /Кабанихи/ сердце все изноет, что ее сын на своей воле гуляет* (А.Островский. Гроза); *А мужики говорят: «Буржуи бешутся, что им воли в Москве не дано»* (А.Н. Толстой. Хождение по мукам) [37: 753]. Мы соглашаемся с точкой зрения тех ученых, которые выделяют у союза **что** причинное значение.

Спорным является вопрос о союзе **что** с наличным коррелятом **за то**.

Е.Т. Черкасова [40: 409], Н.М. Баженов [38: 412-413], А.Н.Суровцев [35: 14], Н.А. Жданов [12: 38], В.И. Кодухов [17: 390] отношения между частями СПП с **за то, что** квалифицируют как причинные, А.А. Шахматов отмечал, что предлог **за** в вин. пад. после многих глаголов употребляется для обозначения причины» [42: 371]. Анализ имеющихся примеров показывает, что, действительно, в большинстве случаев союзное сочетание **за то, что** можно заменить союзом **потому, что** без изменения семантико-синтаксических отношений, напр.: *Ему было горько и стыдно за то, что он не был одним из первых ..., кто явился в военкомат* (Чаковский. Блокада), Ср.: *Ему было горько и стыдно потому, что он не был одним из первых ..., кто явился в военкомат*.

И.И. Ковтунова считает союзы **так как, поскольку, потому что, ибо** синонимами **за то, что** [16: 137-138].

Ряд исследователей рассматривают конструкции с **за то, что** как изъяснительные [19: 286], а придаточные считают не причинными, а дополнительными [9: 318]. По мнению некоторых ученых, предложно-падежная форма **за то** выступает в роли объекта, поэтому всё СПП является изъяснительным [18: 78; 23: 18-21].

Анализ примеров убеждает, что вин. пад. с предлогом **за** при глаголах **благодарить, ненавидеть, хвалить, ругать** и т.п. не имеет объектного значения. А.К. Федоров отмечает, что сочетание **за то** может уточнять глаголы, которые очень далеки по семантике от изъяснительных слов со значением речи, мысли, чувства, памяти: **наказать, уволить, бить, выгнать, исключить** и т.п. [37: 756]. Это указывает на отсутствие объектного значения. Возьмем пример: *И люди, не умея покориться, кляли и небо, и себя за то, что живут под этим небом* (Распутин. Прощание с Матерой). В функции объекта к сказуемому **кляли** выступают дополнения **небо, себя**, а предложно-местоименное сочетание **за то** указывает не на объект, а на причину действия. Ср.: *Люди кляли и небо, и себя потому, что живут под этим небом*.

Таким образом, причинные конструкции с союзным сочетанием **за то, что** нельзя считать ни совмещающими объектные и причинные отношения, ни переходными между изъяснительными и причинными, как это отмечено в ряде исследований [44: 16; 33: 97].

Близость некоторых сложносочиненных предложений к СПП приводит некоторых синтаксистов к переоценке смысловых отношений между частями сложного предложения и недооценке основного средства выражения сочинения и подчинения – союза. Сочинительные союзы иногда толкуются как подчинительные.

Например, В.А. Белошапкова включает союзы **а то, не то, а не то** в разряд подчинительных причинных: *Мы старательно тренировались, а то не одолели бы всех трудностей похода*. Вторую часть подобных предложений В.А. Белошапкова определяет как придаточную причины, которая «обозначает следствие неосуществленности того, о чем сообщается в главной части» [10: 711].

Между частями сложного предложения действительно причинно-следственная зависимость, поэтому В.А. Белошапкова включает предложения с сочинительными союзами в группу подчинительных.

Однако если придерживаться данной точки зрения, то конструкцию, которой В.А. Белошапкова иллюстрирует сложносочиненные предложения, следует включить в группу сложноподчиненных: *После рубки леса солнце сюда ворвалось, и выросли гигантские травы* [10: 675]. Ср.: *После рубки леса солнце сюда ворвалось, а то не выросли бы гигантские травы*.

В.И. Собинникова, анализируя употребление союза **а то** в русских и украинских говорах, отмечает, что в конструкциях с **а то** «второе предложение указывает на причину того, о чем говорится в первом предложении» [31: 43]. По ее мнению, предложения с союзом **а то** занимают промежуточное положение между сложносочиненным и сложноподчиненным [31: 44].

В монографии М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой высказана мысль о том, что союз **а то** трудно оценить как сочинительный или подчинительный. Но ядро построений с этим союзом, по их мнению, составляют предложения альтернативной мотивации, семантически примыкающие к сложноподчиненным [39: 128].

Однако более убедительной представляется другая точка зрения.

По мнению Л.П. Черкасовой, союз **а то** нельзя приравнивать к причинным союзам, потому что в **а то** «причинное значение всегда выступает не в чистом виде, а лишь наряду со значительным оттенком противопоставления» [41: 122]. Анализируя языковой материал, Л.П. Черкасова отмечает, что основная функция союза **а то** «как любого противительного союза, – сопоставление» [41: 129]. Все эти наблюдения позволяют Л.П. Черкасовой сделать вывод о том, что **а то** – сочинительный союз [41: 130].

А то, а не то средствами сочинительной связи считает также Ю.Р. Гепнер [7: 37].

Мы полагаем, что трудно установить грамматическое различие между конструкциями с союзами **и, а то**, различие, достаточное для того, чтобы предложение с союзом **и** признать сложносочиненным, а предложение с союзом **а то** – сложноподчиненным.

Мы придерживаемся традиционной точки зрения, изложенной в «Грамматике русского языка» [9: 239–240], «Русской грамматике» [28: 720], учебных пособиях [32: 355; 7: 37], и не считаем союзы **а то, а не то, не то** подчинительными.

Таким образом, в группу причинных мы включаем союзы **потому что, за то что, ибо**, а также бесспорные: **потому что, оттого что, поскольку.../то/, так как тем более что, как.../то/, потому как, затем что, благо, для того что, вследствие того что, из-за того что, благодаря тому что, ввиду того что, в связи с тем что, по той причине что, потому, чтобы**.

Библиографический список

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. III. Синтаксис и пунктуация. М.: Просвещение, 1981. 271 с.
2. Бабалова Л.Л. Условные отношения и условные союзы // Спорные вопросы синтаксиса. М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. С. 166–183.
3. Беднарская Л.Д. Изменения в семантике и структуре сложноподчиненных предложений условного типа в русском языке художественной прозы с 20–30-х годов XIX века до 80-х годов XX века. Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1983. 224 л.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 624 с.
5. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
6. Гелаишвили Н.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными причинными в современном русском и грузинском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1956. 22 с.
7. Гепнер Ю.Р. Сложное предложение и принципы его изучения. Харьков: Изд-во Харьковского пед. ин-та, 1963. 91 с.
8. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 719 с.
9. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис, Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 440 с.
10. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
11. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб.: тип. императорского Санктпетербургского воспитательного дома, 1827. 580 с.
12. Жданов Н.А. Изучение придаточных предложений причины и цели // Русский язык в школе 1953; 6: 36–40.
13. Знаменская О.Е. Частица **ведь** в функции союза // Слово и словосочетание в структуре предложения. М., 1981. С. 116–120.
14. Ильенко С.Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1964. 993 л.
15. Ильенко С.Г. Сложноподчиненные предложения в различных сферах языкового употребления // Вопросы синтаксиса и лексики русского языка. Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, т. 268, 1965. С. 5–113.
16. Ковтунова И.И. О синтаксической синонимике // Вопросы культуры речи. Вып. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 115–142.
17. Кодухов В.И. О причинных союзах в связи с развитием сложноподчиненных предложений // Известия АН СССР, серия литературы и языка, т. 25, вып. 5, 1966. С. 386–396.
18. Красных В.И. Об употреблении коррелятов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях // Русский язык в национальной школе 1971; 3: 75–81.

19. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 729 с.
20. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во И.Л.Овсяннико-Куликовской, 1912. 322 с.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968. 900 с.
22. Пешиковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
23. Поспелов Н.С. Основные направления в развитии структурных типов сложноподчиненных предложений в русском литературном языке XIX в. // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964. С. 7-19.
24. Прокуденко Н.А. Объектный уточнитель глаголов внутренних, психических переживаний в форме сложной конструкции // Исследования по грамматике русского языка. Красноярск, 1971. С. 18-27.
25. Рогожникова Р.П. Активизация в современном русском языке подчинительных конструкций с союзами **раз** и **поскольку** // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 61-73.
26. Рогожникова Р.П. Сложные предложения с союзными частицами // Синтаксис предложения. Калинин, 1983. С. 48-57.
27. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974. Т. 1–II. 790 л.
28. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 712 с.
29. Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, т. I, 1981. 698 с.
30. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, а) т. 2, 1951. – 1393 стлб.; б) т. 5, 1956. – 1918 стлб.; в) т. 17, 1965. – 2126 стлб.
31. Собинникова В.И. Сложные предложения с союзом «а то» в русских и украинских говорах // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1967. С. 43-51.
32. Современный русский язык: Учеб. пособие для ун-тов /Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук/. М.: Изд-во МГУ, 1957. 515 с.
33. Стрельская А.М. Разновидности придаточных причины в современном русском литературном языке // Русский язык, вып. 5. Минск, 1985. С. 96-102.
34. Суровцев А.Н. Сложноподчиненное предложение с придаточными причины и придаточными следствия в современном русском литературном языке. Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 354 с.
35. Суровцев А.Н. Сложноподчиненное предложение с придаточными причины и придаточными следствия в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. – 19 с.
36. Устинов А.М. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1969. 27 с.
37. Федоров А.К. Система подчинительных союзов в современном русском языке (Проблема взаимосвязи значения союза и структуры сложного предложения). Дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 1972. Т. 1-III. – 1086 л.
38. Финкель А.М., Баженов Н.М. Современный русский литературный язык. Киев: Радянська школа, 1954. 539 с.
39. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука, 1987. 198 с.
40. Черкасова Е.Т. Причинные союзы и их значение в древнерусском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1947. 500 л.
41. Черкасова Л.П. Предложения с союзом **а то** в современном русском языке // Научные записки Харьковского пед. ин-та, т. 29, 1958. С. 113-130.
42. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
43. Шуб Т.А. К генезису и истории союза «ибо» в славянских языках // Уч. зап. ЛГПИ, т. XV, факультет языка и литературы, вып. 4, 1956. С. 89-130.
44. Щеулин В.В. Причинные, следственные и уступительные сложноподчиненные предложения в публицистических произведениях В.Г.Белинского, Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова. (Из истории развития сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX столетия): Автореф. дис....канд. филол. наук. Воронеж, 1956. 16 с.

References

1. Babaitseva V.V., Maksimov L.Y. Contemporary Russian language. P.III. Syntax and punctuation. – М.: Prosveschenie, 1981. – 271 p.
2. Babalova L.L. Conditional relations and conditional conjunction // Controversial question of syntax. – М.: Moscow University publishing house, 1974. – P. 166-183.
3. Bednarskaya L.D. Changes in the structure and semantics of complex sentences of conditional type in Russian fiction from a 20-30-ies of the XIX century to the 80-ies of the XX century. – Candidate dissertation in Philology Science. – Orel, 1983. – 224 p.
4. Buslaev F.I. Historical Grammar of the Russian Language. – М.: Uchpedgiz, 1959. – 624 p.
5. Vinogradov V.V. Russian language (grammatical teaching of the word). – 2nd edition. – М.: Vyshaya shkola, 1972. – 614 p.
6. Gelashvili N.V. Complex sentences with subordinate causal in modern Russian and Georgian: Thesis dissertation candidate Philology Science. – Tbilisi, 1956. – 22 p.
7. Hepner Y.R. Complex sentence and the principles of its study. – Kharkov: Publishing Kharkov Pedagogical Institute, 1963. 91 p.
8. Russian grammar. T. I. Phonology and morphology. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 719 p.
9. Russian grammar. – Volume 2. Syntax, Part 2. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. – 440 p.
10. The grammar of the modern Russian literary language. – Moscow: Nauka, 1970. – 767 p.
11. Grech N.I. Practical Russian grammar. – St. Petersburg.: Typography of the St. Petersburg Imperial Orphanage, 1827. – 580 p.
12. Zhdanov N.A. The study of the causes and objectives of the paranasal // Russian at school 1953; 6: 36-40.
13. Znamenskaya O.E. Particle «because» as a conjunction. Word and phrase in the sentence structure. – М., 1981. – P. 116-120.
14. Iliencko S.G. Problems in the theory of the complex sentence in modern Russian language. – Dissertation Dr. Philology Science. – L., 1964. – 993 p.

15. *Ilienکو S.G.* Complex sentences in different areas of language use // Questions of syntax and vocabulary of Russian language. Scientific Proceedings of LGPI named after Herzen, Vol 268, 1965. – Pp. 5-113.
 16. *Kovtunova I.I.* On syntactic synonymy// Questions of speech. Issue I. – M.: Publishing House of the USSR, 1955. – P. 115-142.
 17. *Koduhov V.I.* About The Alliance in connection with the development of complex sentences // Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, a series of literature and language, vol. 25, issue 5, 1966. – P. 386-396.
 18. *Krasnykh V.I.* About the use of correlates in izyasnitelnyh complex sentences // Russian language in the national school. - 1971. – № 3. – P. 75-81.
 19. *Maksimov L.Y.* A multidimensional classification of complex sentences. – Dissertation Dr. Philology Science. M., 1970. – 729 p.
 20. *Ovsyaniko-Kulikovskiy D.N.* The syntax of Russian language. 2nd ed., Rev. and add. - SPb.: Publiling I.L.Ovsyaniko Kulikovskiy, 1912. – 322 p.
 21. *Ozhegov S.I.* Russian language Dictionary. – M.: Soviet Encyclopedia, 1968. – 900 p.
 22. *Peshkovskiy A.M.* Russian syntax in a scientific approach– 7th ed. – M.: Uchpedgiz, 1956. – 511 p.
 23. *Pospelov N.S.* The main trends in the development of structural types of complex sentences in Russian literary language of the XIX century // Essays on the grammar of Russian literary language of the XIX century. Changes in the structure of complex sentences in Russian literary language of the XIX century. – M.: Nauka, 1964. – P. 7-19.
 24. *Prokudenko N.A.* The object qualifier of verbs of internal psychic experiences in the form of a complex structure // Studies in Russian grammar. – Krasnoyarsk, 1971. – P. 18-27.
 25. *Rogozhnikova R.P.* Revitalization in subordinating structures with the unions once and since in the modern Russian language // Problems of the modern Russian language syntax. – M.: Nauka, 1966. – P. 61-73.
 26. *Rogozhnikova R.P.* Complex sentences with allied particles // Syntax sentence. – Kalinin, 1983. – P. 48-57.
 27. *Rogozhnikova R.P.* Function words and principles of their lexicographical description. – Dissertation Dr. Philology Science. – M., 1974. – Vol. I-II. – 790 p.
 28. Russian grammar. Vol. II. Syntax. – M.: Nauka, 1980. – 712 p.
 29. Russian dictionary: 4 volumes. – 2nd ed., Rev. and add. – M.: Russian language, Vol. I, 1981. – 698 p.
 30. Dictionary of modern Russian literary language: At 17 vol. – M.- Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, V. II, 1951. – 1393 Col., V. 5, 1956. – 1918 Col., V. 17, 1965. – 2126 Col.
 31. *Sobinnikova V.I.* Complex sentences with the conjunction “and that” in Russian and Ukrainian dialects // Materials on Russian-Slavic linguistics. – Voronezh, 1967. – P. 43-51.
 32. Modern Russian language: Benefit for University / Ed. E.M Galkina-Fedoruk /. M.: Moscow State University Press, 1957. - 515.
 33. *Streetskaya AM* Varieties of subordinate causes in the modern Russian literary language // The Russian language, issue. 5. – Minsk, 1985. – P. 96-102.
 34. *Surovtsev A.N.* Complex sentence with subordinate clauses of cause and effect in the modern Russian literary language. – Candidate Dissertation on Philological Sciences. – L., 1953. – 354 p.
 35. *Surovtsev A.N.* Complex sentence with subordinate clauses of cause and effect in the modern Russian literary language: Thesis Dissertation Candidate Philology Science. – L., 1953a. – 19 p.
 36. *Ustinov AM* Complex sentences with subordinate clause of reason in the modern Russian literary language: Thesis Dissertation Candidate Philology Science. – M., 1969. – 27 p.
 37. *Fedorov AK* System of subordinate conjunctions in modern Russian (problem of the relationship of alliances and a complex sentence.) – Dissertation Dr. Philology Science. – Orel, 1972. – Volume I-III. – 1086 p.
 38. *Finkel A.M., Bazhenov N.M.* The modern Russian literary language. - Kiev: Radyanska School, 1954. – 539 p.
 39. *Cheremisina M.I., Kolosova T.A.* Essays on the theory of a complex sentence. - Novosibirsk: Nauka, 1987. – 198 p.
 40. *Cherkasova E.T.* Causal conjunctions and their importance in the ancient Russian language. – Candidate Dissertation in Philology. – M., 1947. – 500 p.
 41. *Cherkasova LP* Sentences with the conjunction «and then» in modern Russian // Scientific Notes Kharkov Pedagogical Institute, v. 29, 1958. – P. 113-130.
 42. *Shakhmatov AA* The syntax of Russian language. – L.: Uchpedgiz, 1941. – 620 p.
 43. *Shub T.A.* On the origins and history of the conjunction “for” in Slavic languages //Uchenye zapiski the Leningrad State Pedagogical Institute, Vol XV, Faculty of Language and Literature, issue. 4, 1956. – P. 89-130.
 44. *Shcheulin V.V.* Causal, investigative and concessive complex sentences in nonfiction V.G. Belinsky, N.G.Chernyshevsky and N.A.Dobrolyubov. (From the history of the complex sentence in the Russian literary language XIX century): Thesis Dissertation Candidate Philology Science. – Voronezh, 1956. – 16 p.
-
-

УДК 343.268

UDK 343.268

Ю.А. ГЕРАСИНА

ассистент кафедры уголовного права и процесса
Государственного университета – УНПК
E-mail: lulu-orel@rambler.ru

Y.A. GERASINA

assistant of the Department of Criminal law and procedure,
State University - ESPC
E-mail: lulu-orel@rambler.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГЛАВЫ 15 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ABOUT THE NECESSITY OF PERFECTION OF THE PROVISIONS OF CHAPTER 15 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются уголовно-правовые положения, регламентирующие назначение и применение принудительных мер медицинского характера, выявляются их недостатки. На основе проведенного анализа предлагаются изменения норм, содержащихся в главе 15 УК РФ, с целью совершенствования уголовно-правового регулирования принудительного лечения лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния (преступления).

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, уголовно-правовое регулирование, наименование и содержание статьи.

The article deals with penal provisions for the purpose and application of enforcement measures of medical character, identifies their shortcomings. On the basis of the carried-out analysis changes of the regulations containing in chapter 15 of the criminal code of the Russian Federation, for the purpose of enhancement of criminal legal regulation of forced treatment of persons with the mental disturbances, committed socially dangerous acts (crimes) are offered.

Keywords: enforcement measures of medical character, criminal legal regulation, name and content of article.

Принудительные меры медицинского характера непосредственно затрагивают права и свободы лиц с психическими расстройствами, соблюдение которых во многом зависит от качества правовых предписаний в данной области. Глава 15 УК РФ «Принудительные меры медицинского характера» включает в себя 8 статей (ст. 97-104) и регулирует широкий круг вопросов осуществления принудительного лечения лиц с психическими расстройствами. Однако часть обозначенных норм не свободна от недостатков, которые затрудняют толкование уголовно-правовых предписаний и их применение на практике.

Так, в действующей статье 97 «Основания применения принудительных мер медицинского характера» допущено явное несоответствие между наименованием статьи и ее содержанием. В этой связи, несмотря на конкретное наименование статьи в теории уголовного права ведутся дискуссии относительно определения основания назначения и применения принудительных мер медицинского характера. Одни ученые рассматривают его как совокупность условий, указанных в разных частях статьи 97 УК РФ [1, с. 11; 4, с. 29]. Другие относят к нему только положение, закрепленное в части 2 статьи 97 УК РФ [5, с. 86]. Указанный недостаток правовой регламентации основания назначения принудительных мер медицинского характера рекомендуем устранить за счет изменения заголовка статьи и корректировки ее текста. Кроме того, в действующей редакции УК РФ отсутствует норма, закрепляющая де-

финицию принудительных мер медицинского характера. В этой связи предлагаем статью 97 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 97. Понятие и цели принудительных мер медицинского характера.

1. Принудительные меры медицинского характера – это меры обеспечения безопасности граждан и лиц, указанных в статье 98 настоящего Кодекса, представляющих опасность по своему психическому состоянию для себя или других лиц, заключающиеся в принудительном лечении, наблюдении и проведении таких мер, как стационарный уход и содержание.

2. Целями применения принудительных мер медицинского характера являются излечение лиц, указанных в статье 98 настоящего Кодекса, или такое улучшение психического состояния, при котором устраняется их опасность для себя или других лиц и тем самым достигается предупреждение совершения ими новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Таким образом, в часть 1 проектируемой статьи 97 включена дефинитивная норма, в которой дано определение понятия «принудительные меры медицинского характера», в части 2 указанной статьи уточнен перечень целей их применения. Сформулированное определение информирует правоприменителя о том, что данные меры являются мерами безопасности и не сводятся к лечению. Их содержание заключается в принудительном лечении, наблюдении, стационарном содержании и ух-

де. Формулировка медицинской цели-минимум, в качестве которой указано «такое улучшение психического состояния, при котором устраняется их опасность для себя или других лиц», позволяет избежать преждевременного прекращения таких мер в случае установления кратковременной ремиссии. Кроме того, показано, что достижение медицинских целей применения принудительных мер медицинского характера способствует предупреждению новых общественно опасных деяний (преступлений). При этом законодательный перечень целей нами не расширяется, так как считаем его достаточным, несмотря на высказанные в литературе предложения о необходимости закрепления дополнительных целей применения принудительных мер медицинского характера [2, с. 50; 3].

Субъектный состав принудительных мер медицинского характера, основания их назначения, на наш взгляд, следует выделить в самостоятельные статьи 98 и 98.1 соответственно. Так, в статье 98 УК РФ следует закрепить круг лиц, которым могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, к таковым относим три категории лиц, которые содержались в УК РФ 1996 г. до изменений, внесенных Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. На наш взгляд, выделение ограниченно вменяемых педофилов, совершивших половые преступления в отношении малолетних, в самостоятельную категорию субъектов принудительного лечения нецелесообразно, так как принудительные меры медицинского характера данным лицам могут назначаться в рамках третьей категории лиц. Предлагаем дополнить УК РФ статьей 98.1 следующего содержания:

«Статья 98.1. Основание назначения принудительных мер медицинского характера.

1. Принудительные меры медицинского характера назначаются только в случае, если лицо, указанное в статье 98 настоящего Кодекса, в силу психического расстройства представляет опасность для себя или других лиц.

В новой редакции части 2 статьи 98.1 УК РФ закрепить положение, содержащееся в действующей редакции части 4 статьи 97 УК РФ, заменив «в части первой настоящей статьи» словами «указанных в статье 98 настоящего Кодекса».

Использование термина «назначение» в данной статье является более логичным, так как назначение соответствующих мер предшествует их применению. В качестве основания назначения принудительных мер медицинского характера в части 1 статьи 99 проекта указана опасность лиц для себя или окружающих.

Действующая статья 99 «Виды принудительных мер медицинского характера» закрепляет перечень видов принудительного лечения. Критерием законодательной классификации выступает тип учреждения, в котором осуществляется принудительное лечение. Соответствующие учреждения отличаются между собой характером наблюдения. При этом законодатель только в двух нормах указывает характер наблюдения (пункты «а» и «г» части первой), в пункте «б» и «в»

такие указания отсутствуют. В связи с чем предлагаем внести следующие изменения в часть 1 статьи 99 УК РФ:

а) пункт «б» дополнить словами «с обычным наблюдением»;

б) пункт «в» дополнить словами «с постоянным наблюдением»

Часть 2 статьи 99 УК РФ исключить.

Регламентация конкретного вида принудительной меры медицинского характера (статьи 100 и 101 УК РФ) законодателем сводится к отличию в наблюдении, в котором нуждается лицо с психическим расстройством. На наш взгляд, критерием выбора конкретной принудительной меры медицинского характера является вид опасности лица для себя или окружающих. В этой связи предлагаем статью 100 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 100. Амбулаторное принудительное лечение и наблюдение у психиатра.

1. Амбулаторное принудительное лечение и наблюдение у психиатра применяется к лицу, представляющему наименьшую опасность для себя или окружающих.

2. Данный вид принудительного лечения не назначается, если имеются социальные факторы, препятствующие его применению.

3. Амбулаторное принудительное лечение и наблюдение у психиатра в качестве завершающей принудительной меры медицинского характера применяется во всех случаях после стационарного лечения, если достигнуто только улучшение психического состояния лица».

В части 1 предложенной редакции статьи определен критерий применения амбулаторного принудительного лечения и наблюдения у психиатра – наименьшая опасность лица с психическим расстройством для себя или окружающих. В части 2 указанной статьи сформулировано исключение из положения, закрепленного в части 1 этой статьи. Так, в случае, если лицо представляет наименьшую опасность, однако имеются социальные «противопоказания»: алкоголизация, присутствие отрицательного лидера в окружении, неблагоустроенность и т.п., то данный вид принудительного лечения не применим. Часть 3 статьи сформулирована таким образом, чтобы правоприменителю стало ясно, что амбулаторное принудительное лечение и наблюдение у психиатра может назначаться в качестве завершающей меры после применения стационарных видов лечения, если достигнута медицинская цель-минимум. Корректировка предписания проведена, чтобы обеспечить адаптацию лица с психическим расстройством к условиям вне стационара, закрепление ремиссии. Поскольку в ряде случаев стационарные условия выступают в качестве сдерживающего фактора.

Статью 101 УК РФ предлагаем изложить в следующей редакции:

«Статья 101. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре

1. Принудительное лечение в психиатрическом

стационаре общего типа с обычным наблюдением применяется к лицу, представляющему небольшую опасность для себя или других лиц.

2. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с постоянным наблюдением применяется к лицу, представляющему повышенную опасность для себя или других лиц.

3. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением применяется к лицу, представляющему особую опасность для себя или других лиц».

Характеристику каждого вида опасности лица для себя или окружающих считаем уместным закрепить в постановлении Пленума ВС РФ, чтобы избежать излишней громоздкости положений УК РФ.

Действующая статья 102 «Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера» включает в себя 4 части. Часть 2 данной статьи содержит в себе пять положений, которые законодатель объединил в одном абзаце, что усложняет восприятие данных норм. В этой связи целесообразно сформулировать две самостоятельные статьи – 101.1 и 102(новая редакция).

«Статья 101.1. Освидетельствование лица, которому назначена принудительная мера медицинского характера.

1. Лицо, которому назначена принудительная мера медицинского характера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в шесть месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд *о продлении*, прекращении применения или об изменении такой меры.

2. Освидетельствование проводится по инициативе лечащего врача, если в процессе лечения врач приходит к выводу о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения, а также по ходатайству самого лица, его законного представителя и (или) близкого родственника.

3. Ходатайство подается через администрацию учреждения, осуществляющего принудительное лечение, или уголовно-исполнительную инспекцию, осуществляющую контроль за применением принудительных мер медицинского характера, вне зависимости от времени последнего освидетельствования».

Статья 101.1 проекта содержит три части, регулирующие вопросы освидетельствования лиц, которым назначены принудительные меры медицинского характера. В части 1 статьи 101.1 предусмотрен единый срок для продления, изменения и прекращения. Часть 2 статьи 101.1 закрепляет круг лиц, по инициативе или ходатайству которых проводится освидетельствование. В части 3 указанной статьи определяется порядок подачи ходатайства о проведении освидетельствования.

Соответственно в действующую статью 102 УК РФ необходимо внести следующие изменения:

а) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Продление применения принудительной меры

медицинского характера осуществляется судом при отсутствии оснований для прекращения применения или изменения принудительной меры медицинского характера»;

б) часть 3 изложить в следующей редакции:

«3. Изменение принудительной меры медицинского характера осуществляется судом в случае такого изменения психического состояния лица, при котором отпадает необходимость в применении ранее назначенной меры и возникает необходимость в назначении иной принудительной меры медицинского характера»;

в) часть 4 изложить в следующей редакции:

«4. Прекращение применения принудительной меры медицинского характера осуществляется судом в случае излечения лица или такого улучшения психического состояния, при котором устраняется его опасность для себя или других лиц».

В новых частях 2 – 4 статьи 102 закреплены основания продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера. При определении соответствующих оснований учитывается изменение опасности лица для себя или других лиц во времени.

Статья 103 «Зачет времени применения принудительной меры медицинского характера» имеет конкретное наименование, однако, понятия «зачет» не содержит и регламентирует его только в случае осуждения к такому виду наказания, как лишение свободы. Для устранения данных недостатков предлагаем новую редакцию статьи:

«Статья 103. Зачет времени применения принудительных мер медицинского характера.

1. Зачет времени применения принудительных мер медицинского характера состоит во включении в срок отбытого наказания времени пребывания в психиатрическом стационаре лицам, указанным в пунктах «б», «в» статьи 98 настоящего Кодекса.

2. Время пребывания лиц, указанных в пунктах «б», «в» статьи 98 настоящего Кодекса, засчитывается в срок отбытого наказания из расчета один день пребывания в психиатрическом стационаре за один день лишения свободы, принудительных работ либо содержания в дисциплинарной воинской части или ареста, два дня ограничения свободы, три дня исправительных работ или ограничения по военной службе, восемь часов обязательных работ».

Статья 104 «Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания» состоит из 4 частей, часть 2 и 3 отсылает к законодательству о здравоохранении Российской Федерации. На наш взгляд, статья 104 УК РФ в действующей редакции не содержит необходимой уголовно-правовой информации, позволяющей всесторонне рассмотреть данный вид принудительной меры медицинского характера, выделить его особенности и порядок исполнения. В юридической литературе также указывается на несовершенство данных положений [6, с. 97]. В этой связи предлагаем статью 104 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 104. Принудительные меры медицинского

характера, соединенные с исполнением наказания.

1. Лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, суд может назначить принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания, в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра.

2. В случае ухудшения психического состояния осужденного суд по представлению учреждения, исполняющего наказание, или уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей контроль за применением принудительных мер медицинского характера, на основании заключения врачей-психиатров может поместить лицо на принудительное лечение в психиатрический стационар определенного типа в зависимости от вида опасности такого лица.

3. Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, соединенное с исполнением наказания, применяется по месту отбывания лишения свободы в соответствующих амбулаторных специализированных лечебных учреждениях, в отношении осужденных к иным видам наказаний, условно осужденных, условно-досрочно освободившихся, отбывших наказание, но нуждающихся в принудительном лечении, – в учреждениях органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую помощь».

В части 1 статьи определяется вид принудительного лечения и категория лиц, которой они назначаются. В части 2 закреплено положение, принципиально отличающееся от нормы, содержащейся в части 2 статьи 104

действующего УК РФ. Предлагается распространить на ограниченно вменяемых лиц порядок изменения принудительных мер медицинского характера, применяемый к остальным субъектам, когда тип стационара избирается в зависимости от вида опасности лица для себя или других лиц. В предлагаемой части 3 статьи 104 указываются учреждения, исполняющие принудительные меры медицинского характера. Указано также, что принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания, в случае опасности лица для себя или других лиц могут быть назначены *условно осужденным*, их применение может быть продолжено в случае *условно-досрочного освобождения*, а также в отношении *лиц, отбывших наказание*, но нуждающихся в принудительном лечении. Данное положение устраняет имеющийся в уголовном законодательстве пробел, когда принудительные меры медицинского характера назначаются только в случае реального отбывания наказания и прекращаются в связи с условно-досрочным освобождением или отбытием наказания.

Таким образом, нами предложены варианты изменений уголовно-правовых положений, регламентирующих назначение и применение принудительных мер медицинского характера, которые направлены на закрепление новых норм и корректировку действующих предписаний, с целью совершенствования практики их применения и сокращения числа повторных общественно опасных деяний среди лиц с психическими расстройствами.

Библиографический список

1. Горобцов В.И. Принудительные меры медицинского характера в отношении психически больных по Уголовному кодексу Российской Федерации: Учебное пособие. Красноярск: Красноярская высшая школа МВД России, 1997. 59 с.
2. Достовалов С. Цели принудительных мер медицинского характера // Законность. 2000. №1. С. 49-50.
3. Журавлева Т.Н. Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: автореф. канд. юрид. наук. - РнД, 2002.
4. Михеев Р.И. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве – социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности (Проблемы теории, законодательства и правоприменения на рубеже веков) / Р.И. Михеев, А.В. Беловодский, В.А. Воробей, О.Р. Михеев / Под науч. ред. проф. С.Д. Князева, проф. Л.А. Валеевой и проф. Р.И. Михеева. Издание научное. Инициативное. – Владивосток: Изд. группа «ВИТ», 2000. 296 с.
5. Назаренко Г.В. Основы регулятивного воздействия на социально опасных лиц. – Орел: Издательство «ОРАГС», 2007. 224 с.
6. Ситникова А.И. Правовая регламентация зачета времени и реализации принудительных мер медицинского характера // Юридическая наука в XXI веке: теоретические разработки и практические воплощения: Материалы международной научной конференции (8 апреля 2008 г.). Часть I / Сост. В.С. Горбань. – Орел, 2008. - С. 96-98.

References

1. Gorobcov V.I. Enforcement measures of medical character in respect of a mentally sick under the Criminal code of the Russian Federation: manual. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk higher school of MIA of Russia, 1997. 59 p.
2. Dostovalov S. Objectives of compulsory measures of a medical character // Legality. - 2000. - №1. - Pp. 49-50.
3. Zhuravleva T.N. Institute of enforcement measures of medical character in the legislation of the Russian Federation: Author's abstract, cand.diss. - RND, 2002.
4. Mikheev R.I. Enforcement measures of medical character in criminal law, social legal and medical rehabilitation security measures (Problems of theory, legislation and enforcement at the turn of the century) / R.I. Mikheev, A.V. Belovodsk, V.A. Sparrow, O.R. Mikheev / Ed by Professor S.D. Knyazev, Professor L.A. Valeeva, and Professor R.I. Mikheeva. Publication of scientific. Proactive. - Vladivostok: Izd. group «VIT», 2000. 296 p.
5. Nazarenko V. Basis of regulatory impact on socially dangerous persons - Orel: Publishing house "ORACS", 2007. 224 p.
6. Sitnikova A. I. Legal regulation of offset of the time and the implementation of enforcement measures of medical character // Legal science in the XXI century: theoretical development and practical realization: Materials of international scientific conference (April 8, 2008). Part I / Ed. V. Gorban. Orel, 2008. - Pp. 96-98.

УДК 341.231.14

UDC 341.231.14

А.А. ГНЕУШЕВА

ассистент кафедры международного и международного частного права Орловского государственного университета
E-mail: hg.ru@mail.ru

A.A. GNEUSHEVA

assistant, chair "International law and private international law", Orel State University
E-mail: hg.ru@mail.ru

АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОНВЕНЦИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ «ПОКОЛЕНИЙ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

THE ANALYSIS OF THE UNIVERSAL CONVENTIONS PROVIDING THE IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF «GENERATIONS» OF HUMAN RIGHTS

В данной статье рассматривается генезис субъективных прав (особенно основных прав человека) на основе анализа Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и Всеобщей декларации прав человека 1948 года, а также определение четырех поколений прав человека. Весьма важным представляется момент конфликта между поколениями и процессом возникновения новых соматических прав человека.

Ключевые слова: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, концепция «поколений» прав человека, соматические права человека.

This article examines the genesis of subjective rights (especially of basic human rights) on the basis of the analysis of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950 and the Universal Declaration of Human Rights of 1948, and also definition of four generations of human rights. A very important point is the conflict between the generations and the process of the emergence of new somatic human rights.

Keywords: The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950, the Universal Declaration of Human Rights of 1948, the concept of "generations" of human rights, somatic human rights.

Права человека не являются неизменной категорией. В процессе развития общества и государства стандарты прав человека исторически возникали, изменялись и развивались. На каждом историческом этапе развития прав и свобод человека были сформированы свои юридические конструкции, характеризующие человека как субъекта права с присущей ему совокупностью прав, обязанностей и свобод.

Институт прав человека находится в постоянном развитии, направленном на расширение количества прав и свобод, а также на совершенствование уже существующих. В настоящее время у правоприменителей не стоит первоочередной задачей расширение уже существующих прав и свобод. Важным моментом в развитии института прав человека является обеспечение и гарантии и защищенности человека и гражданина.

Теоретическую разработку общечеловеческая концепция прав и свобод получила в национальном законодательстве, действующих международных договорах, пактах и конвенциях, создающих юридически обязательные нормы поведения государств в области защиты прав человека, поскольку с развитием международных отношений формировались нормы и стандарты, признаваемые в качестве универсальных норм международного права.[3]

Концепция прав человека развивается на двух уровнях. С одной стороны, это совокупность правовых и формальных статей, требующих политической воли

на национальном и международном уровнях. С другой стороны, это набор социальных и культурных ценностей, присущих демократическому и человеческому обществу (терпимость, уважение достоинства, социальная практика, истина и мир).

В последние пятьдесят лет принцип универсальности занял центральное место в интерпретации права прав человека. Признания и защиты основных прав уже в некоторой степени были кодифицированы до Второй мировой войны, хотя в первую очередь в национальном законодательстве, и особенно в национальных конституциях. С тех пор, права человека нашли свой путь в широком спектре региональных и глобальных договоров.

Вступление в силу Устава ООН 24 октября 1945 года ознаменовало официальное признание прав человека как универсальный принцип, и соблюдение прав человека было упомянуто в преамбуле и в статьях 55 и 56 в качестве принципа, которого должны придерживаться все государства. В 1948 году за ним последовало принятие Всеобщей декларации прав человека.

Всеобщая декларация прав человека указывает более тридцати прав. Это касается защиты прав в качестве общего стандарта. Некоторые правительства и ученые утверждают, что ряд прав человека во Всеобщей декларации прав имеют характер *общего* международного права (императивной нормы, в результате которой государства не могут отступать от правила, которое

считается общезначимым). Её универсальность подчеркивается тем фактом, что в 1948 году она была сформулирована и согласована не только западными государствами, но и представителями таких стран, как Китай, Советский Союз, Чили и Ливан. Кроме того, была принята без возражений: нет голосов против и только восемь воздержались.

Как отмечалось выше, в 1950-х и 1960-х годах все больше стран стали независимыми и вступили в ООН. При этом они признали принципы и идеалы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека. Это обязательство было подчеркнуто в Тегеранской декларации 1968 года. Прокламация была принята 85 государствами, из которых более чем 60 стран не принадлежали к Западной группе. Всеобщая декларация прав человека гласит, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства. [1]

В Венской конвенции и Программе действий результаты 1993 второй Всемирной конференции по правам человека, в которой приняли участие 171 государств, еще раз одобрили и подчеркнули важность Всеобщей декларации прав человека.

Универсальность прав человека была и до сих пор является предметом интенсивных обсуждений, в том числе в преддверии, во время и после Всемирной конференции по правам человека 1993 года. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г., установлено, что все права человека универсальны; однако, немаловажно иметь в виду значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей.

С международной правовой точки зрения вопрос об универсальности основных прав было четко сформулирован в середине XX века. Споры по этому вопросу, которые могут возникнуть и возникают в практике, должны быть адресованы прежде всего к международным документам и юридически обязывающим договорам. В соответствии с Уставом ООН государства-члены ООН привержены продвижению «всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод» [5].

Россия полностью разделяет убеждение, что основные права являются универсальными и должны быть защищены в любом обществе. Пренебрегая своим обязательством по защите универсальных прав человека, государство наносит вред собственному населению и отказывает своим гражданам в должном уважении и возможности личного развития. В случае, если права человека уважались и защищались, в стране может быть достигнута политическая стабильность и благодаря этому развитие общества в целом.

Формулировки Всеобщей декларации прав человека сами подтверждают универсальный характер прав человека. В Декларации утверждается, что это «общий стандарт для всех народов и всех наций». Общие стандарты были воплощены в дальнейшем в документах, в рамках текущей работы Организации Объединенных Наций [1].

Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах являются юридически обязательными договорами на основе Всеобщей декларации. Около 150 стран, которые ратифицировали их официально, стремятся к общему пониманию, что политические, гражданские, культурные, экономические и социальные права человека имеют равную ценность и распространяются на всех.

В соответствии с Венской конвенцией «универсальный характер» прав человека «вне всякого сомнения». Кроме того, он подтверждает обязанность государств поощрять и защищать права человека. [2]

Хотя марки и границы между правами уменьшаются, они сохраняют свою специфику. Есть фундаментальные права, релятивизация которых просто недопустима. И есть права, которые могут быть гарантированы, когда общество достигает определенного уровня развития. Государство не может взять на себя больше, чем может реализовать. Непосильное бремя на национальные власти, учитывая отсутствие законодательной возможности или неразвитые процедуры реализации, может привести к потере доверия власти. В этой ситуации в государстве будет отсутствовать возможность экономического маневра.

Анализ универсальных конвенций позволяет провести грань между правами первого, второго, третьего, четвертого и пятого поколений.

Права первого поколения включают исключительно гражданские и политические права (право на жизнь, свободу, право на справедливый и беспристрастный суд).

Права второго поколения – это социально-экономические права (право на отдых и труд, право на справедливое вознаграждение, социальное обслуживание).

Права третьего поколения представляют собой права народов или права солидарности (право на мир, право народов на самоопределение и на развитие, т.е. коллективные права).

Права четвертого поколения – это новые права, связанные с обострением глобальных проблем человечества и научно-техническим прогрессом (например, право на здоровую окружающую среду, право на информацию).

Права пятого поколения, так называемые соматические права человека, включающие в себя право на смерть, права человека относительно его органов и тканей, право на перемену пола, репродуктивные права человека и т.д..

Инструмент, который будет использоваться при толковании сферы прав человека, является их динамической интерпретацией. Предполагается, что права человека, их положения должны толковаться с учетом современных реалий. Принципы эффективной интерпретации, используемой в Европейском суде по правам человека, должны быть применены в целях наиболее эффективной защиты прав человека на практике.

Понимание прав человека должно развиваться под влиянием новых условий жизни. Эта эволюция сфе-

ры охраняемых прав позволит обществу и государству надлежаще решить риски, возникающие в результате изменения окружающей среды, научно-технического прогресса. Права человека должны быть реализованы в соответствии с современными представлениями, нынешним уровнем развития общества, новыми вызовами, с которыми они сталкиваются, и новыми требованиями демократического развития.

Европейский суд по правам человека использует определение Европейской конвенции по правам человека как «живой инструмент» для толкования его по-

ложений в свете современных условий. Суд применяет социальные, правовые и политические события в европейских странах в качестве дополнительных средств толкования положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Все изменения, происходящие в правовой жизни граждан, должны быть отражены в изменениях законодательной базы и правоприменительной практике. Следовательно, именно Европейский Суд пытается найти, а зачастую и находит, новые подходы к выявлению последних тенденций в нарушении Конвенции.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948)// «Российская газета», N 67, 05.04.1995, «Российская газета», 10.12.1998
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004)// «Собрание законодательства РФ», 08.01.2001, N 2, ст. 163, «Бюллетень международных договоров», N 3, 2001
3. Международное и внутригосударственная защита прав человека: Учебник/ Под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830с.
4. Barbara Betcherman // A Generation of Human Rights: Looking back to the future The New York Times Magazine (18 January 2008)
5. Dny práva 2009–Days of Law: the Conference Proceedings, 1. edition. Brno : Masaryk University, 2009, ISBN 978-80-210-4990-1
6. Human rights and development: towards mutual reinforcement / edited by Philip Alston and Mary Robinson; Center for Human Rights and Global Justice, New York University School of Law, 2011. – P. 37

References

1. The Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948) // “Rossiyskaya Gazeta”, N 67, 05.04.1995, “Rossiyskaya Gazeta”, 10.12.1998
 2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome on 04/11/1950) (amended. From 13.05.2004) // “Collection of Laws of the Russian Federation”, 08.01.2001, N 2, p. 163, “Bulletin of International Treaties”, N 3, 2001. 830p.
 3. International and domestic human rights: the textbook / Ed. R.M. Valeeva. M.: Statut 2011. 830 p.
 4. Barbara Betcherman // A Generation of Human Rights: Looking back to the future The New York Times Magazine (18 January 2008)
 5. Dny práva – 2009 – Days of Law: the Conference Proceedings, 1. edition. Brno : Masaryk University, 2009, ISBN 978-80-210-4990-1
 6. Human rights and development: towards mutual reinforcement / edited by Philip Alston and Mary Robinson; Center for Human Rights and Global Justice, New York University School of Law, 2011. – P. 37
-

УДК 321

UDC 321

Н.Ю. ДАВЫДОВА

аспирант кафедры истории государства и права
Орловского государственного университета
E-mail: nauka-ogu@mail.ru

N.YU. DAVIDOVA

graduate student of the chair "History of state and law"
Orel state university
E-mail: nauka-ogu@mail

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ В 1917-1928 гг.

LEGAL REGULATION OF RUSSIAN COPYRIGHT IN 1917-1928

В статье дается общая характеристика правового регулирования авторских правоотношений в России после 1917 года. Анализируются нормы первых советских декретов и Закона об авторском праве 1928 года.

Ключевые слова: авторское право, законодательство, СССР.

This article provides an overview of the legal regulation of copyright relations in Russia after 1917. It analyzes the first norms of Soviet decrees and the Copyright Act of 1928.

Keywords: copyright, laws, USSR.

В последнее десятилетие в России наблюдается стойкий интерес к проблемам правового регулирования авторского права. Это выразилось и в принятии Четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации, и активизации научных исследований в данной области.

Одним из перспективных и продуктивных направлений для дальнейших научных изысканий видится изучение истории регулирования связанных с реализацией авторских прав правоотношений в России. Несмотря на то, что история авторского права является предметом целого ряда исследований, отдельные аспекты являются малоизученными. В частности, это касается правового регулирования авторских правоотношений в советский период отечественной истории.

Традиционно принято считать, и это мнение отражено во многих учебниках и учебных пособиях, что в СССР авторские правоотношения были столь ограниченными, что нельзя говорить о развитии авторского права в данный период. Очевидно, именно по этой причине большинство исследователей истории авторского права ограничивают рамки своих исследований началом XX века. На наш взгляд, такой подход создает разрыв между историей авторского права в России и современным периодом его развития.

Не претендуя на исчерпывающее освещение данной проблематики в рамках одной статьи, остановимся на отдельных аспектах изучения авторского права в советский период.

Следует согласиться с Д.В.Пучковым, отмечая, что «при анализе законодательства об интеллектуальной собственности советского периода становится очевидным, что ему была свойственна динамичность, вызванная объективными экономическими и политическими событиями (практика военного коммунизма, введение новой экономической политики и ее скорое сворачивание и т. д.). Но главное, что отличало совет-

ский опыт, – это фактическое непризнание частной интеллектуальной собственности в силу перехода в стране к созданию общества, основанного на общественной собственности. Иначе говоря, в течение длительного времени законодательство об интеллектуальной собственности развивалось под влиянием социалистической идеологии» [9,13]. По этой причине следует, в первую очередь, рассмотреть аспекты регулирования авторских правоотношений в двадцатые годы прошлого века.

К этому времени авторское право в России успело пройти определенный период своего развития. Поскольку авторские правоотношения в отечественной истории долгое время носили административный характер, то значительную роль в их регулировании сыграло цензурное законодательство, предусматривающее возможность широкого вмешательства государства в процесс правового регулирования авторских правоотношений. Первым прогрессивным актом, содержащим специальные нормы, регулирующие содержание и формы авторских правоотношений в сфере авторского права, несомненно, был третий Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., содержавший специальную главу «О сочинителях и издателях книг», а в качестве приложения к нему – «Положение о правах сочинителей» [1].

В дальнейшем, с принятием новых положений о правах сочинителей в 1830, 1845, 1848 и 1875 годах, решались вопросы об охране статей в журналах, частных писем, хрестоматий, права на музыкальную и художественную собственность, а срок защиты авторского права после смерти автора был увеличен вначале до 35 лет в 1830 году, а затем до 50 лет в 1875 году. Только в 1877 году из Цензурного устава были изъяты правила об авторском праве.

Первый самостоятельный закон об авторском праве был принят Государственным Советом Российской им-

перии 20 марта 1911г. [2]. Он содержал Общую часть, в которой раскрывались основные понятия – круг охраняемых объектов, срок действия авторского права, вопросы правопреемства, возможные нарушения авторских прав и средства защиты и т.п., а также отдельные главы, посвященные авторским правам на литературные, музыкальные, драматические, художественные, фотографические произведения. В отдельной главе содержались основные правила и условия издательского договора. В целом, этот нормативный акт был более прогрессивным по сравнению с ранее действующими нормативными актами, регулирующими авторские правоотношения. Закон 1911г. обеспечивал лучший уровень защиты для существовавшего тогда состояния технического развития, включая внушительные положения о соответствующих принудительных мерах воздействия. Что же касается международных отношений в области авторского права, то Российская империя имела двусторонние отношения с такими европейскими странами, как Франция и Бельгия.

После Октябрьской революции 1917 г. все законодательство Российской империи, в том числе Закон об авторском праве, было отменено. Последовавший после этого ряд декретов был направлен на обеспечение свободного использования произведений. По сути, Советское правительство стало создавать вновь нормы, регулирующие авторские правоотношения.

Большинство правоотношений, попавших в сферу правового регулирования в первые годы Советской власти, регулировались через систему революционных Декретов. Не являются исключением и авторские правоотношения. 26 ноября 1918 года Совнаркомом был принят Декрет «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» [3].

Если нормы вышеупомянутого Закона об авторском праве 1911 года были направлены на обеспечение прав авторов и их наследников, то Декрет преследовал в качестве цели – охрану революционных завоеваний. Именно поэтому п.1 Декрета закреплял существенные ограничения прав авторов, а также их наследников, позволяя признать любое опубликованное или неопубликованное научное, литературное или художественное произведение достоянием РСФСР. Распространение и тиражирование такого произведения допускалось только с согласия Наркомпроса РСФСР. Примечательно, что последнему были предоставлены и иные полномочия в сфере регулирования авторского права. В частности, к полномочиям Наркомпроса были отнесены: заключение соглашения с иными советскими учреждениями о распространении и размножении произведений, признанных достоянием РСФСР; дача разрешения на издание частной переписки, дневников и подобных им произведений, не предназначавшиеся к напечатанию, умерших авторов, при отсутствии согласия супруга и близких родственников умершего; толкование того, кто является близким родственником, распространение прав близких родственников на других близких умершему автору лиц; определение размера и ставок авторского гонорара, выплачиваемого авторам, чьи произведения призна-

ны достоянием республики; объявление права перевода и самого перевода монополией РСФСР; разрешение всех спорных вопросов по применению Декрета.

Декрет запретил наследование авторского гонорара, который после смерти автора считался государственным достоянием. Нуждающиеся наследники могли лишь претендовать на социальное пособие в размере прожиточного минимума. Для получения родственниками умершего автора, чьи произведения не были признаны достоянием республики, пособия, фактически требовалось, чтобы они также являлись нуждающимися и нетрудоспособными.

Таким образом, данный Декрет лишил авторов произведений тех прав (в первую очередь, имущественных), которые были им гарантированы дореволюционным законодательством. Уже в 1919 году государство национализировало, т.е. признало достоянием республики, произведения ряда русских композиторов, оформив этот процесс Постановлением Наркомпроса от 16 августа 1919 года «О национализации музыкальных произведений некоторых авторов» [4]. В список попали музыкальные произведения П.И. Чайковского, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского и других известных композиторов. Позднее процесс национализации затронул ряд литературных произведений русских писателей и поэтов [5], также ряд переводов [6].

Либерализация экономических отношений в период нэпа привела к тому, что авторское право стали снова рассматривать как имущественное право. Этому способствовало и принятие в 1925 году Основ авторского права [7], которые были скорректированы в 1928 году [8] и, фактически, действовали в СССР вплоть до 1973 года.

В первоначальной редакции данного нормативно-правового акта срок действия авторского права был определен в 25 лет. В 1928 году этот срок увеличился до пожизненного. Кроме того, авторское право могло сохраняться и в течение 15 лет после смерти автора.

Основы авторского права (далее – Основы) признавали авторское право как за гражданами СССР, так и за иностранными гражданами. К исключительному праву автора Основы относили право выпустить в свет, воспроизводить и распространять под своим именем, псевдонимом или анонимно свое произведение, а также право извлекать всеми законными способами имущественные выгоды из своего исключительного права. В соответствии со ст. 10 Основ произведение считалось выпущенным в свет с первого января того года, в течение которого оно было правомерно издано соответствующим техническим способом.

Основы допускали возможность отчуждения авторского права полностью или в части на основе издательского договора или иным предусмотренным законом способом. Полагаем, что под иным законным способом следует понимать иной договор, поскольку п. 12 Основ закреплял необходимость точного определения характера использования авторского права в договоре. Эти договоры на основе анализа текста Основ могут быть обозначены как договоры об уступке авторского права.

Законодатель предъявил определенные требования к форме такого договора, указав, что такой договор под угрозой признания его недействительным должен заключаться в письменной форме.

Следует отметить, что Основы допускали значительную вариативность в законном несоблюдении авторского права. Пункт 4 Основ предусматривал тринадцать случаев, которые не могли рассматриваться как нарушение авторского права. В частности, речь шла о переводе чужого произведения на другой язык, о пользовании чужим произведением для создания нового произведения, существенно от него отличающегося и др. Допускалось снятие копии с чужого произведения в личных целях без помещения на копии художественного или фотографического произведения подписи или монограммы автора подлинника. Использование худо-

жественных и фотографических произведений в изданиях заводской и ремесленной промышленности также не рассматривалось как нарушение авторских прав. Смежные права в основах не упоминались и не рассматривались в качестве объекта правового регулирования.

Таким образом, послереволюционный период истории авторского права условно можно разделить на два этапа: первый – период революционных декретов, направленных преимущественно на национализации авторских произведений, и второй, – период признания авторских прав с большими оговорками и ограничениями. Несмотря на то, что советская история насчитывает более 70 лет, именно в 20 годы прошлого века были оформлены фундаментальные положения советского авторского права.

Библиографический список

1. Устав о цензуре: [Утв. 22 апр. 1828 г.: с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. – Санкт-Петербург : тип. Деп. нар. прос., 1829. 101 с.
2. Закон «Об авторском праве» от 20 марта 1911 г. // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 3-е. СПб., 1881-1913. Т. 31 (1911). № 34935. С. 194.
3. Декрет СНК «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях». 26 ноября 1918 года // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 900.
4. Постановление Народного Комиссариата Просвещения от 16 августа 1919 г. «О национализации музыкальных произведений некоторых авторов» // СУ РСФСР. 1919. № 42. Ст. 414.
5. Постановление Народного Комиссариата Просвещения от 18 января 1923 г. «Об объявлении государственной монополии на издание произведений некоторых писателей» // СУ РСФСР. 1923. № 16. Ст. 213.
6. Постановление Совета Народных Комиссаров от 14 мая 1925 г. «О признании достоянием РСФСР всех переводов на русский язык произведений Элтона Синклера» // СУ РСФСР. 1925. № 45. Ст. 336.
7. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 января 1925 г. «Об основах авторского права» // СЗ СССР. 1925. № 7. Ст. 67.
8. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. «Об авторском праве» // СЗ СССР. 1928. № 27. Ст. 246.
9. Пучков Д.В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности в России: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук / Пучков Денис Валентинович. 12.00.08. Екатеринбург, 2013. 28с.

References

1. Charter of censorship: [Approved. April 22. 1828]. - St. Petersburg., 1829. – 101p. (rus)
2. The Law “About Copyright” from 20.03.1911 // Full assemble of the laws of the Russian Empire: Coll. 3rd. St. Petersburg., 1881-1913. Vol. 31. (1911). Number 34935. Art. 194. (rus)
3. SNK decree “On the scientific, literary, musical and artistic works.” 26.11.1918 // SU RSFSR. - 1918. - № 86. - Art. 900. (rus)
4. Resolution of the People’s Educational Commissariat of August the 16th, 1919 “About the nationalization of certain musical works of authors” // SU RSFSR. - 1919. - № 42. - Art. 414. (rus)
5. Resolution of the People’s Educational Commissariat from January the 18th, 1923 “About declaration of a state monopoly on the publication of the works of some of the writers” // SU RSFSR. - 1923. - № 16. - Art. 213. (rus)
6. Resolution of the Council of People’s Commissars of May the 14th, 1925 “About recognition of all Russian translations of works of Elton Sinclair as the property of the RSFSR” // SU RSFSR. -1925. - № 45. Art. 336. (rus)
7. Resolution of the CEC and SNK of USSR of January the 30th, 1925 “About the basis of copyright” // NW USSR. 1925. № 7. - Art. 67. (rus)
8. Resolution of the CEC and SNK of USSR of October the 8th 1928 “About the Copyright Law” // NW USSR. 1928. № 27. Art. 246. (rus)
9. Puchkov D.V. Criminal-law protection of intellectual property in Russia: Author’s abstract ... dis. Candidate, law sciences. - Ekaterinburg, 2013. – 28 p. (rus).

УДК 343.971

UDC 343.971

Е.В. ДЕМИДОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России

E.V. DEMIDOVA

Candidate of Law, Associate Professor of the department "Criminology and penal law", KLI MIA of Russia

БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

HOMELESSNESS AND NEGLECT IN THE RUSSIAN FEDERATION

В данной статье рассматриваются беспризорность, безнадзорность как разновидности социальных отклонений. Автором предлагается собственное определение беспризорного ребенка.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, семья, несовершеннолетний, социальные отклонения, возраст, подросток.

This article focuses on homelessness, neglect as a form of social deviation. The author offers her own definition of a homeless child.

Keywords: homelessness, neglect, family, juvenile, social deviance, age, teenager.

Как отмечается в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, последствиями глубокого социального кризиса является ослабление фундаментальной ячейки общества – семьи [1].

Среди пороков российского общества наибольшую тревогу вызывают такие явления, как социальное сиротство, детская заброшенность, жестокое обращение с детьми, беспризорность и бродяжничество, наркомания, а также рост преступности среди малолетних граждан [2]. Данные явления требуют от государства и общества особо пристального внимания и неотложных мер, связанных с социальной реабилитацией детей, оказавшихся в особо трудных жизненных условиях.

Беспризорность в криминологии понимается как один из видов социальных отклонений. В Российской криминологической энциклопедии понятие «социальные отклонения» используется в двух значениях:

1. как процесс нарушения установленных социальных норм (совершение аморального проступка);
2. как результат такого нарушения (пьянство, алкоголизм, проституция, преступность и т.п.) [3].

В Российской Федерации проживает 29 млн. детей. К числу наиболее уязвимых категорий относятся дети-сироты, оставшиеся без попечения родителей (731 тыс. детей), дети-инвалиды (587 тыс. детей), дети, находящиеся в социально опасном положении (676 тыс. детей). Указанные группы детей нуждаются, в первую очередь, в социальной реабилитации и адаптации, интеграции с обществом [4].

Научную общественность проблема беспризорности заинтересовала еще в начале 20-х годов прошлого века. Однако систематических исследований в масштабах России или крупных регионов не проводилось [5]. Причина – отсутствие собственных средств и бюджетных ассигнований у научных учреждений, а также отсутствие интереса к данной проблеме у властей как

местных, так и федеральных. Силами научных коллективов исследования проводились лишь для отдельных городов России [6].

Нельзя не отметить, что беспризорность развивается и растет в переходные для государства периоды, в моменты неустойчивой обстановки в стране, а именно – в 20-е годы (послереволюционное время), в 40-е годы (послевоенное время), в 90-е годы (период перестройки). В 20-е годы двадцатого века изучению проблем беспризорности и безнадзорности уделялось большое внимание.

П.И. Люблинский говорил о беспризорности следующее: «Будучи подобной длительному недугу, проходит через несколько стадий или фаз своего развития. Начальную фазу этой социальной болезни составляет безнадзорность, а окончательной стадией, находящейся на грани необратимости, становится беспризорность как таковая, определяющая положение самого несовершеннолетнего, его своеобразный социальный статус, который он обретает по собственному желанию или в силу стечения каких-либо обстоятельств» [7].

В 20-х годах прошлого века развернулись интенсивные исследования преступности, проституции, детской беспризорности, алкоголизма, наркомании и др. [8]. Основываясь на материалистических представлениях о природе данных явлений, подавляющее большинство ученых, разделявших коммунистические взгляды, стремилось своими трудами принести практическую пользу Советской Республике. Работы Г.И. Волкова, М.Н. Гернета, А.А. Герцензона, М.М. Исаева, В.И. Куфаева, Г.М. Миньковского и ряда других юристов положили начало детальному изучению в последующие годы социалистической концепции причин некоторых негативных явлений, а также путей их преодоления.

Первое наиболее полное официальное определение

беспризорности можно найти в Большой Советской Энциклопедии, изданной в 1930 году.

Термина «бездзорность» Большая Советская Энциклопедия не содержала, однако это понятие в современном его значении входило в смысл общего понятия детской беспризорности. В официальных документах периода становления Советской власти также вместо терминов «бездзорность» и «беспризорность» фигурировало понятие детской беспризорности, объединявшее в себе по смысловой нагрузке оба этих термина [9]. Таким образом, в 20 – 30-е годы XX века различия между понятиями «беспризорность» и «бездзорность» практически не существовало.

Термин «бездзорность» в сочетании с термином «детская беспризорность» появился в официальных документах, а также в законодательных актах только с 1935 года. В годы Великой Отечественной войны в постановлениях Правительства также использовались оба термина, однако их определений в законодательных актах того времени не было [10].

Федеральный закон Российской Федерации «Об основах системы профилактики бездзорности и правонарушений несовершеннолетних» дает толкование понятиям бездзорного, беспризорного ребенка, а также понятия несовершеннолетнего, находящегося в социально опасном положении [11].

Детскую беспризорность и бездзорность политологи, социологи и правоведы нашего времени относят к социальным болезням, характерным для любого цивилизованного государства, в том числе и России, напрямую связанным с политическим, экономическим развитием страны, функционированием ее правовой системы.

Причины ее возникновения и распространения рассматриваемых явлений кроются как в правовых и социально-политических аспектах функционирования государства, так и в национальных, семейных традици-

ях, в степени развития общественной морали, а также социальной защищенности института семьи и каждого отдельного гражданина государства [12]. В связи с этим данное явление требует глубокого изучения со стороны различных специалистов (юристов, правоведов, политологов, социологов, психологов, педагогов).

Таким образом, нам представляется, что беспризорным ребенком является лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста, не имеющее постоянного места жительства, за которым отсутствует контроль со стороны родителей, либо лиц, их заменяющих, или других работников образовательного, воспитательного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетними.

В последние годы увеличивается количество детей и подростков, воспитывающихся в различных государственных учреждениях, а именно в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах и т.д. Следует отметить, что у большинства этих несовершеннолетних имеются родители, которые либо лишены родительских прав, либо уклоняются от их воспитания, либо вообще от них отказались. Проблема жестокого воспитания детей существует не только в семьях, но и в перечисленных выше государственных учреждениях. Не выдерживая подобного обращения, дети и подростки зачастую покидают данные учреждения. Оказавшись на улице, они пополняют ряды беспризорных, как правило, вовлекаются в употребление алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ, а также втягиваются в совершение преступных деяний.

В Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года [13] признается неотъемлемым правом то, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания, но, к сожалению, на сегодняшний день в нашей стране это право в полном объеме не реализуется.

Библиографический список

1. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300: в ред. Указа от 10 января 2000 г. № 24 // Российская газета. – 2000. – 18 января.
2. Чурилова Л.С. Особенности социализации дезадаптированных детей в трансформирующемся обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Хабаровск, 2003. – С. 5.
3. Российская криминологическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 670.
4. Концепция Федеральной целевой программы «Дети России» на 2007–2010 годы // Российская газета. – 2007. – 2 февраля. – С. 18.
5. См.: Орлова Ю.Р. Криминологическое изучение бездзорности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004.
6. Бреева Е.Б. Социальное сиротство. Опыт социологического обследования / Е.Б. Бреева // Социс. – 2004. – № 4 (240). – С. 45.
7. Люблинский П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте (социально-правовые очерки). – М., 1959. – С. 42.
8. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М., 1984. – С. 13.
9. Положение о борьбе с беспризорностью: постановление Правительства РСФСР 1926 г. // Сборник постановлений и распоряжений (СП и Р) СССР. – 1929. – № 18. – С. 287.
10. См.: О ликвидации детской беспризорности и бездзорности: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) 1935 г. // Сборник постановлений и распоряжений (СП и Р) СССР. – 1935. – № 32. – С. 252; Об устройстве детей, оставшихся без родителей: постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. // Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. – М., 1962. – С. 515; Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, бездзорностью и хулиганством: постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. // Справочник по законодательству для прокурорско-следственных и судебных работников. – М., 1962. – С. 561, 562.

11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп. от 13 января 2001 г., 7 июля 2003 г., 29 июня, 22 августа, 1, 29 декабря 2004 г.) // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.
12. См.: Дулинова Л.Т. Социальная реабилитация безнадзорных детей и подростков в современной России (социол. аспект): автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2000.
13. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года // Международные акты о правах человека: Сборник документов / под ред. В.А. Карташкина, Е.А. Лукашевой. – М., 1998. – С. 1.

References

1. National Security Concept of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation on December 17, 1997 № 1300: as amended by the Decree on January 10, 2000 № 24 // Rossiyskaya Gazeta. - 2000. - 18 January.
 2. Churilova L.S. Features of socialization maladjusted children in a transforming society: the autoreferat of PhD in Sociology dissertation. - Khabarovsk, 2003. - P. 5.
 3. Russian Criminological encyclopedia. - M., 2000. - P. 670.
 4. The concept of the federal target program «Children of Russia» for 2007-2010 // Rossiyskaya Gazeta. - 2007. - February 2. - P. 18.
 5. Orlova Y.R. Criminological study of child neglect: author's abstract, cand. diss. in Law. - M., 2004.
 6. Brejeva E.B. Child abandonment. Experience of the sociological survey / E.B. Brejeva // Socis. - 2004. - № 4 (240). - P. 45.
 7. Lublinsky P.I. Fighting crime in childhood and adolescence (socio-legal essays). - M., 1959. - P. 42.
 8. Social deviance. Introduction to the general theory. - M., 1984. - P. 13.
 9. Position against homelessness: Government Decree of the RSFSR in 1926 // Reports of Decrees and Orders of the USSR. - 1929. - № 18. - P. 287.
 10. See: On the elimination of child neglect and homelessness: decree of SNK and the CPSU (B) 1935 // Reports of Decrees and Orders of the USSR. - 1935. - № 32. - P. 252; Allocating children without parents: Decree of SNK on January 23, 1942 // Reference to the law prosecutors and investigators and the judiciary. - M., 1962. - P. 515; On strengthening measures to combat child homelessness, neglect and bullying: Decree of SNK on June 15, 1943 // Reference to the law prosecutors and investigators and the judiciary. - M., 1962. - Pp. 561, 562.
 11. On the principles of prevention of neglect and juvenile crime: Federal Law on June 24, 1999 № 120-FL (as amended and supplemented on January 13, 2001, July 7, 2003, June 29, August 22, 1, 29 December 2004) // Code of Laws of the Russian Federation. - 1999. - № 26. - Art. 3177.
 12. Dulinova L.T. Social rehabilitation of street children and adolescents in modern Russia (sociological aspect): the autoreferat of PhD in Sociology dissertation. - M., 2000.
 13. The UN Convention on the Rights of the Child, 1989 // International human rights instruments: A Collection of Documents / ed. V.A. Kartashkin, E.A. Lukashev. - M., 1998. - P. 1.
-
-

УДК 347.232.43

UDC 347.232.43

Д.А. МАЛЬБИН

аспирант Госуниверситета-УНПК
E-mail: dm_malbin1504@list.ru

D.A. MALBIN

graduate student of State university-UNPK
E-mail: dm_malbin1504@list.ru

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ВЛАДЕНИЯ

THE DEFINITION AND STRUCTURE OF POSSESSION

*В статье рассматривается вопрос понятия владения. Автор со ссылкой на российских и зарубежных авторов предпринимает попытку раскрытия действительного содержания владения. Автор статьи также указывает на значимость выделения в структуре владения элементов *corpus* и *animus*.*

Ключевые слова: владение, содержания владения, *corpus possessionis*, *animus possessionis*, элементы владения.

*The article deals with the concept of possession. Referring to the Russian and foreign scientists the author attempts to disclose the real content of ownership. The author also points to the importance of selection in the possession structure elements *corpus* and *animus*.*

Keywords: ownership, content possession, *corpus possessionis*, *animus possessionis*, elements of possessory.

Вопрос владения волновал умы исследователей на протяжении многих столетий. Сам институт владения берет свое начало с древнейших времен, но только в римском частном праве он получает первое официальное нормативное закрепление. Последующее учение о владении и его защите базируется на римском праве и производно от него.

В настоящее время общепризнанным является понимание владения как фактического обладания вещью лицом с намерением владеть ею. В таком случае владение, как часто указывается в литературе, складывается из двух неразрывно связанных элементов: *corpus* и *animus* владения. Первый элемент представляет собой физическую связь лица и вещи, которая проявляется в обладании вещью, второй элемент представляет собой намерение лица владеть вещью. В.В. Ефимов, сравнивая *corpus* с телом, оболочкой владения и называя *animus* душой владения указывает, что *corpus* представляет собой все то, в чем выражается *animus*, а последний, в свою очередь, исключает всякое отношение к вещи других лиц [5, с.10]. А.В. Германов указывает на то, что ситуация владения составляет неразрывное единство *corpus* и *animus* и при потере физической связи с вещью, остается связь юридическая, которая и является связующим звеном в восстановлении нарушенных связей [2, с.287].

Действительно, существует релятивная связь между поведением лица и его волей. Воля и действия разумного человека составляют неразрывное единство, ведь всякое действие предполагает наличие воли [8, с.70; 12, с.10]. Безвольные действия можно охарактеризовать не иначе как простые мышечные сокращения, а человеческую волю (намерение), не подкрепленную какими-либо действиями, следует признать лишь желанием или мечтами. О соотношении воли и тела человека выска-

зывался и Гегель. Так, философ утверждал следующее: «тело, поскольку оно есть непосредственное наличное бытие, не соответствует духу; для того, чтобы быть его послушным органом и одушевленным средством, оно должно быть сначала взято духом во владение» [1, с.106].

Дореволюционной гражданско-правовой литературе также было свойственно включать в состав владения два названных элемента. Д.И. Мейер, например, обозначал юридическое владение как сложение двух элементов: материального (или внешнего) и духовного (или внутреннего). Внешний элемент связан с материальной связью лица и вещи. Автор в дальнейшем уточнял свою точку зрения и говорил о том, что внешний элемент собственно должен пониматься не как постоянная материальная связь владельца с вещью, а как постоянная возможность такой материальной связи. Внутренний элемент связан с осознанием своего господства над вещью. Причем, по указанию Д.И.Мейера, неверно считать, что от владельца необходимо осознание своего права, необходимо лишь сознание своего господства над вещью. Такое осознание господства всегда должно выражаться в объективном мире посредством конкретных действий владельца [11, с.293-294].

Зарубежной доктрине гражданского права также присуще рассмотрение владения в качестве составляющих его элементов *corpus* и *animus*. В одном из учебных пособий по праву собственности дается следующее определение владения: «владение может быть описано как волевой физический контроль над вещью» [14, с.259].

Теория владения, которая в качестве основного критерия для квалификации лица владельцем называет волю владеть, является субъективной. Такая теория считается классической и наиболее распространенной,

берущей свои истоки из римского права, а точнее из высказывания римского юриста Павла о том, что *animus possidentis* представляет необходимое условие владения, и что вследствие него представитель и арендатор имеют только держание. Однако Иеринг выдвинул гипотезу о том, что мы имеем лишь дело с личным воззрением Павла, которого другие юристы не разделяли, подвергнув тем самым сомнению саму основу классического учения, базирующую свои постулаты именно на высказывании древнеримского юриста, принимая его в качестве истинного [6, с.25].

Классическая теория владения требует от владельца намерения владеть в качестве собственника вещи (*animus domini*). В свою очередь, Иеринг и тут критикует такое положение в связи с тем, что волю субъекта можно рассматривать в двояком смысле. В качестве воли мы можем рассматривать ту волю, которую субъект имеет на самом деле, во втором случае мы можем рассматривать волю субъекта как ту, которую он должен иметь в данном правоотношении [6, с.3]. В таком случае, следуя классической теории владения, нельзя точно определить, от какой воли следует отталкиваться при квалификации лица в качестве владельца.

Думается, что в качестве критерия воли должна стать воля субъекта, которую он предположительно должен иметь в соответствующем правоотношении [7, с.51]. Если придерживаться противоположной точки зрения, то мы рискуем обратить простое обладание вещью в собственно владение с той же смелостью, с какой каждый обладатель имущества пожелает стать собственником этого имущества. В таком случае категория владения становится неустойчива, выходом из такой ситуации может явиться отказ от рассмотрения владения в качестве неразрывного единства фактической власти и воли. Однако такой выход не является панацеей в сложившейся ситуации, так как грешит своими неблагоприятными последствиями. Как мы уже выяснили, воля существует неразрывно с действиями лица, намерение совершить какие-либо действия вызывает к жизни совершение таких действий. По нашему мнению, для того, чтобы установить, является ли лицо владельцем или простым держателем, необходимо исходить из основания владения (*causa possessionis*), ведь одна только перемена желания обладателя вещи не может стать причиной квалификации его в качестве владельца. В таком случае необходимо изменить *causa* владения, но такое основание можно изменить только в результате действий, с которыми закон связывает возникновение самостоятельного владения. В качестве примера изменения основания владения можно привести пример, когда арендатор по окончании срока договора аренды не только не возвращает вещь арендодателю, но и ведет себя по отношению к вещи и ко всем третьим лицам, включая действительного собственника вещи, в качестве непосредственного и единственного хозяина.

Как альтернативный вариант можно отречься от необходимого условия воли владеть в качестве собственника в пользу наличия воли владеть вообще. В таком случае, всякие противоречия снимутся, а сама воля лица

может с ясностью устанавливаться исходя из фактических действий обладателя вещи. По нашему мнению, искать наличие воли владеть в качестве собственника в действиях лица крайне затруднительно. Зачастую невозможно, не вникая в существо отношений, определить характер воли исходя лишь из внешних действий субъекта. Мы можем установить лишь волю владеть имуществом как таковую, но устанавливать, владеет ли лицо *animus domini*, крайне затруднительно.

Сам Иеринг выдвинул и разработал собственную теорию владения. Согласно последней, различие между владением и держанием обуславливается не тем или иным характером воли обладателя, а просто постановлением объективного права. Тот, кто фактически владеет вещью, является владельцем. Однако сам автор указывал на то, что для держания также необходимы два элемента: *corpus* и *animus*, в таком случае воля владельца направлена на присвоение вещи, воля держателя – на обладание от чужого имени [6, с.6]. Таким образом, делается вывод о том, что различие между владением и детенцией состоит не в присутствии или отсутствии воли, а только в роде и свойстве воли [9, с.8].

Однако при таком подходе снова теряется возможность установить действительную волю обладателя вещи. Иеринг также указывает на то, что необходимо обращать внимание на основание приобретения владения (*causa possessionis*). Только в этом случае будет видно, приобрело ли лицо владение или держание.

В результате тщательного анализа, Иеринг делает следующие выводы:

1. характер обладания зависит от способа, каким оно приобретено (*causa*);
2. пока основание обладания не определилось окончательно, обладатель не считается владельцем;
3. если одна сделка направлена на передачу владения, а другая на передачу держания той же вещью, то решающее значение имеет та, которая заключена позднее;
4. соглашение о том, чтобы арендатор или наемитель приобрел не держание, а владение, – недействительно;
5. независимость владения от воли обладателя выражена в известном афоризме: никто не может изменить основание своего владения (*nemo causam possessionis sibi ipse mutare potest*);
6. если бы римские юристы видели разницу между владением и держанием в воле обладателя, то они выразили бы этот краеугольный камень субъективной теории в той или иной форме [6, с.34-35].

Как видно из приведенного анализа, на протяжении многих столетий спор о природе владения не утихает. Цивилистика в настоящее время не выработала какой-либо единой устойчивой теории владения, которая не имела бы свои слабые стороны. Трудности в определении природы и содержания понятия «владение» дали основания некоторым авторам квалифицировать владение в качестве категории социальной [4, с.387].

По свидетельству В.И. Синайского, теория о двух элементах владения (субъективная теория) постепенно

уступает в науке место теории объективной: о едином элементе владения – фактическом обладании вещью независимо от намерения обладателя [13, с.113-114]. Это наглядно видно не только из научных работ на данную проблематику, но и то, что большинство современных законодательств рассматривают владение исключительно в качестве факта безотносительно к воле владеть вещью. Такой подход, например, продемонстрирован в законодательстве Германии, где в §854 Германского гражданского уложения указано, что владение приобретает фактической властью над вещью. Гражданский кодекс Нидерландов также рассматривает владение в качестве факта, указывая, что владение – это обладание

имуществом для самого себя [3, с.204].

Не является исключением и Россия. Так, Концепцией развития законодательства о вещном праве предлагается внедрение института владения, признаваемого исключительно в качестве факта [10, с.110]. Проект изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, основанный на положениях Концепции, рассматривает владение в качестве фактического господства лица над объектом владения. Таким образом, при скорейшем принятии необходимых поправок в Кодекс, институт владения найдет себе достойное место в законодательстве и будет соответствовать современным научным взглядам на природу владения.

Библиографический список

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
2. Германов А.В. От пользования к владению и вещному праву. М.: Статут, 2009. 466 с.
3. Гражданский кодекс Нидерландов. Книги 2,3,5,6 и 7. / Отв. ред. Ф.Й.М.Фельдбрюге. Лейден. 2000. 372 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М., 1996. 714 с.
5. Ефимов В.В. Догма римского права. Особенная часть. СПб., 1894. – 380 с.
6. Иеринг Р. Теория владения. СПб, 1895. – 47 с.
7. Исаченко В.Л. Давность владения по решениям Сената // Юридический вестник 1888; Книга 1: С. 39-71.
8. Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков, 1928. 311 с.
9. Колокольцев Л. Понятие и юридическая природа владения вещами по римскому праву. Ярославль, 1874. 51 с.
10. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник ВАС РФ 2009; № 4: С.105-110
11. Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1864. 790 с.
12. Сенина Ю.Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки). Автореферат дисс. ... к.ю.н. Томск, 2006. 31 с.
13. Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1912. 427 с.
14. Clarke A., Kohler P. Property law Commentary and Materials. Cambridge University Press. 2005. 777 p.

References

1. Hegel G.W.F. The philosophy of law. M:Mysl', 1990. – 524 p.
2. Germanov A.V. From the use and possession of a real right. Moscow: Statut, 2009. - 466 p.;
3. The Civil Code of the Netherlands. Books 2,3,5,6 and 7. / Ed. F.Y.M. Feldbryuge. Leiden. 2000. – 372 p.
4. The Civil Code of the Russian Federation. Part one. Scientific and Practical Commentary / Ed. T.E. Abova, A.Yu. Kabalkin, V.P.Mozolin. M., 1996. – 714 p.
5. Efimov V.V. The dogma of the Roman law. The special part. St. Petersburg., 1894. – 380 p.
6. Iering R. Theory of ownership. St. Petersburg, 1895. - 47 p.
7. Isachenko V.L. Age of ownership for decisions of the Senate // Legal Gazette 1888. Book 1. – Pp.39-71
8. Kantorovich Ya.A. The basic idea of civil rights . Kharkov , 1928 . - 311 p.
9. Kolokoltsev L. The concept of bells and the legal nature of ownership of things on Roman law. Yaroslavl , 1874 . - 51 p.
10. The concept of the law of Property Act // Bulletin of the SAC in 2009 ; № 4 : 105-110 ;
11. Meyer D.I. Russian civil law. St. Petersburg. 1864 . 790 p.
12. Senin Yu.L. Category will in the Russian civil law (in the aspect of civil transaction). Author's abstract, cand. dis. in Law. Tomsk, 2006 . - 31 p.
13. Sinai V.I. Russian civil law . Kiev , 1912 . - 427 p.
14. Clarke A., Kohler P. Property law Commentary and Materials. Cambridge University Press. 2005. – 777 p.

УДК 343.1

UDC 343.1

Е.В. МАРКОВИЧЕВА

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета
E-mail: mve2b@mail.ru

E.V. MARKOVICHEVA

doctor of law, professor of chair of criminal law and criminal trial Orel state university
E-mail: mve2b@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

MAIN AREAS OF CONTEMPORARY CRIMINAL PROCEDURE WITH REGARD OF JUVENILE OFFENDERS

Статья освещает некоторые подходы к определению сущности ювенальной уголовно-процессуальной политики. Подчеркивается роль целостной государственной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Раскрываются приоритетные направления российской ювенальной уголовно-процессуальной политики.

Ключевые слова: несовершеннолетние правонарушители, правовая политика, уголовный процесс.

The article highlights some of the approaches to the definition of juvenile criminal procedure policy essence. It emphasizes the role of an integrated government policy on juvenile offenders. The priority directions of the Russian juvenile criminal procedure policy are revealed.

Keywords: juvenile offenders, legal policy, criminal procedure.

Проблемы, так или иначе связанные с молодым поколением, входят в число национальных приоритетов большинства государств. Одним из проявлением такого научно-практического интереса к данной проблематике стало оформление специальной междисциплинарной области, получившей название «ювенология» и направленной на исследование тех процессов, которые происходят «в социально-демографической группе, находящейся в состоянии становления, развития, перехода от социально незрелого (детского) возраста к социальной, экономической и гражданской зрелости» [10, 98].

В современной России вопросы, связанные с подрастающим поколением, также находятся в центре общественного и государственного внимания. Об этом свидетельствуют и предпринимаемые в последние двадцать лет попытки внедрения в судебную систему различных ювенальных технологий и принятие Указа Президента № 761 от 1 июня 2012 года, утверждающего «Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» [1]. В последние годы активно разрабатываются вопросы правовой политики, так или иначе затрагивающие интересы несовершеннолетних.

Традиционно правовая политика рассматривается в качестве одного из видов политики как «родового интеграционного понятия» [7, 121]. Использование данного понятия позволяет акцентировать внимание на особой сфере властных отношений, реализуемых в правовом пространстве.

Традиционно в число приоритетных направлений государственной политики входит уголовная правовая политика. Связано это, в первую очередь, с тем, что преступность была и остается реальностью. И, к со-

жалению, в преступную деятельность вовлекаются не только взрослые лица, но и подрастающее поколение. Стабильно высокий уровень подростковой преступности рассматривается в большинстве современных государств в качестве дестабилизирующего социального фактора.

Правовая политика в отношении несовершеннолетних – это целенаправленная систематичная специально организованная деятельность, направленная на совершенствование механизма реализации прав несовершеннолетних и обеспечение эффективной защиты их прав и законных интересов. Субъектами подобного рода деятельности будут выступать, в первую очередь, правоохранительные органы, органы государственной власти и местного самоуправления. Однако к осуществлению правовой политики в отношении несовершеннолетних непосредственным образом могут быть причастны общественные организации, образовательные учреждения, различные институты гражданского общества.

Следует отметить, что наличие в государстве целостной концепции правовой политики в отношении несовершеннолетних играет большую роль для определения в обществе четких правовых ориентиров [6]. В этой связи ювенальную уголовно-правовую политику можно определить как составляющую государственной политики по предупреждению и противодействию преступности несовершеннолетних и против несовершеннолетних с помощью форм и методов уголовно-правового воздействия с целью снижения ее негативных последствий для социально-значимых отношений. Эта политика основывается на уголовно-правовых принципах и реализуется через деятельность государственных органов власти.

На сегодняшний день в России выработан ряд подходов к определению сущности, значения, принципов и основных направлений уголовно-правовой политики в отношении несовершеннолетних, в том числе и правонарушителей, однако, ее целостная концепция фактически отсутствует. Следует согласиться с мнением Н.А. Лопашенко, которая видит причины отсутствия такой целостности в различном определении ее границ и объема в работах тех или иных исследователей [8, 360]. В то же время, учеными высказываются и более критичные замечания относительно российской правовой политики. В частности, В.А. Азаров подчеркивает, что «если слегка утрировать, то стратегия российской уголовно-процессуальной политики заключается в ее отсутствии» [2, 7].

В настоящее время правовое сообщество только подошло к осмыслению ювенальной уголовно-процессуальной политики. Однако учение о ней не разработано, и в наличии имеется лишь ряд разрозненных научных работ как теоретической, так и практической направленности. Такая ситуация во многом продиктована тем, что весьма дискуссионной является проблема соотношения понятий уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика.

А.И. Александров выдвигает тезис о единстве уголовной политики государства и рассматривает уголовно-процессуальную политику как ее структурный элемент [3, 67]. При этом автор вполне обоснованно полагает, что термин «уголовно-процессуальная политика» имеет полное право на существование, однако при этом предлагает рассматривать понятие «уголовная политика» в качестве родового, системообразующего как для уголовно-процессуальной, так и для уголовно-исполнительной, оперативно-розыскной и уголовно-предупредительной политики [3, 68]. Такой же точки зрения придерживается и И.Г. Смирнова, указывающая, что «что уголовно-процессуальная политика является самостоятельным направлением государственной социальной политики, которая должна рассматриваться ввиду своего производного характера как самостоятельный элемент уголовной государственной политики, выступающей во взаимосвязи с политикой уголовно-правовой и уголовно-исполнительной» [9, 63].

Несколько иной является позиция Н.А. Лопашенко, не без основания полагающей, что «уголовно-правовая политика есть определяющая часть политики государства в области противодействия преступности; именно на ее основе формируются стратегия и тактика политики уголовно-исполнительной, уголовно-процессуальной и криминологической» [8, 362].

Полагаем, что представленные точки зрения следует рассматривать не как противоречащие, а скорее как дополняющие друг друга. Для этого достаточно разграничить такие понятия, как «уголовная политика» и «уголовно-правовая политика». Первый термин является более широким, поскольку «государственная политика противодействия преступности объединяет в себя не только правовые, но и социальные, экономические и

иные меры, направленные на пресечение, реагирование и предупреждение преступности, ее сокращение...» [8, 362].

Таким образом, ювенальную уголовно-правовую и уголовно-процессуальную политику можно рассматривать в качестве структурных элементов такого сложного системного образования, как уголовная политика государства.

Ювенальная уголовно-правовая и уголовно-процессуальная политика существуют не изолированно, а тесно взаимосвязаны. Эта взаимосвязь проявляется на различных уровнях: а) на уровне целеполагания, б) на уровне определения приоритетов, в) на уровне определения форм реализации, г) на уровне выбора методов реализации.

Ювенальная уголовно-процессуальная политика может быть определена как комплексная и системообразующая деятельность по созданию, развитию и совершенствованию наиболее оптимальной модели ювенального уголовного судопроизводства, по обеспечению прав несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, противодействию преступности несовершеннолетних, реализации вторичной превенции и ресоциализации несовершеннолетнего правонарушителя.

Ювенальная уголовно-процессуальная политика выражается как в законодательной, так и в правоприменительной формах. При таком подходе ювенальная юстиция может быть рассмотрена как интегративная форма реализации ювенальной уголовно-процессуальной политики.

Очевидно, что «уголовно-процессуальная политика как часть уголовно-правовой политики реализуется в большей степени путем воздействия на общественные отношения не через отдельные нормы права, которые регламентируют конкретные общественные отношения, а, как правило, с помощью их закрепления в нормах-принципах, имеющих более общий характер» [5, 76].

Характер ювенальной уголовно-процессуальной политики в значительной степени связан с выбором стратегии уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних. Именно стратегия будет определять и специфику уголовно-процессуальной деятельности, и форму отправления уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних. Смена стратегии ведет к изменению основных направлений ювенальной уголовно-процессуальной политики и в итоге к изменениям в законодательной и правоприменительной областях. Большинство западных государств прошло через смену стратегий ювенального правосудия. Такой процесс закономерно вызывает к жизни изменения на уровне государственной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей и приводит к активизации законотворческой работы. Подобный процесс происходит, в частности, в современной Франции в течение последних пяти-семи лет, а его итогом должно стать принятие нового закона о ювенальном уголовном судопроизводстве.

Ювенальная уголовно-процессуальная политика может быть подразделена на текущую, которая определяет характер уголовно-процессуальной деятельности при производстве по делам в отношении несовершеннолетних в сфере сущего, и на перспективную, определяющую характер ювенального уголовного правосудия в сфере должного.

Текущая ювенальная уголовно-процессуальная политика в России носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, государство закрепило важные законодательные гарантии прав несовершеннолетних, попавших в сферу действия уголовного правосудия. С другой – существующий и реализуемый на практике механизм обеспечения этих прав часто не соответствует международным стандартам в сфере ювенального правосудия, а качество самой уголовно-процессуальной деятельности сводит на нет законодательные гарантии, превращая их в очередную декларацию. Движущей силой развития ювенальной уголовно-процессуальной политики являются определенные противоречия между потребностями общественной жизни и законодательством и практикой его применения. Состояние преступности несовершеннолетних, проблемы, возникающие в процессе реализации той или иной модели ювенального уголовного судопроизводства в конечном итоге и должны определять характер и цели ювенальной уголовно-процессуальной политики. Государственная политика, которая строится без учета потребностей реальной правовой жизни, неизбежно приводит к принятию декларативных законов, закреплению «мертворожденных» норм права. К сожалению, часто в процессе законотворческой деятельности не учитывается позиция правоприменителя, что приводит к разрыву между нормами права и следственной и судебной практикой. Автор данных строк вполне разделяет позицию Л.М. Володиной, полагающей, что «разрыв между содержанием уголовно-процессуальной политики и реальными потребностями общества порождает у граждан соответствующее отношение к закону и деятельности правоохранительных структур. Правоприменительная деятельность в рамках уголовной политики может и должна быть направлена на формирование позитивного отношения к праву, к закону» [4, 71].

Ювенальная уголовно-процессуальная политика будет определять назначение ювенального уголовного судопроизводства и опосредует специфические принципы осуществления правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, так как уголовно-процессуальная политика «должна быть закреплена в принципах уголовного судопроизводства» [5, 76].

Основными направлениями современной российской ювенальной уголовно-процессуальной политики являются:

1. организация системы ювенального уголовного судопроизводства, ориентированной на снижение уровня преступности несовершеннолетних;
2. совершенствование уголовно-процессуального законодательства, установление тесной взаимосвязи и преемственности между нор-

мами уголовного и уголовно-процессуального законодательства;

3. анализ проблем правоприменительной практики, связанной с осуществлением ювенального уголовного судопроизводства и определение путей ее совершенствования.

4. создание и развитие системы специализированного правосудия, в рамках которого будет функционировать полноценное ювенальное уголовное судопроизводство;

5. упорядочивание деятельности различных государственных органов, вовлеченных в систему работы с несовершеннолетними правонарушителями, призванных способствовать реализации определенных социальных функций ювенального уголовного судопроизводства;

6. внедрение элементов восстановительного правосудия в ювенальное уголовное судопроизводство, поскольку «содержание политики должно быть направлено не только на обеспечение прав обвиняемого (подозреваемого), но должно, прежде всего, последовательно решить проблему обеспечения прав и законных интересов жертвы преступных посягательств» [4, 72];

7. подготовка и переподготовка профессиональных кадров для системы ювенального уголовного судопроизводства, правовое просвещение с целью формирования позитивного отношения к необходимости создания особой системы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних.

Поскольку преступность несовершеннолетних все чаще рассматривается как наднациональная проблема, выходящая на глобальный уровень, на уровне международного сообщества также предпринимаются попытки определения приоритетных направлений ювенальной уголовно-процессуальной политики. В 2007 году Европейский парламент рекомендовал государствам-членам Европейского сообщества приступить к срочной разработке и принятию комплекса минимальных стандартов и руководящих принципов в отношении несовершеннолетних, общих для всех государств-членов. В качестве одного из приоритетных направлений такой деятельности Европарламент предложил рассматривать совершенствование судебных методов вторичной профилактики, реабилитации и реинтеграции. С целью решения таких задач государствам-членам Европейского сообщества были предложены целевая программа «Профилактика и борьба с преступностью», рассчитанная на 2007-2013 гг., а также специальная программа по совершенствованию уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних и обеспечению сотрудничества судебных органов по уголовным делам (2007-2013 гг.) [11].

В тоже время, следует отметить, что цели ювенальной уголовно-процессуальной политики могут варьироваться от государства к государству. Основные акценты могут расставляться на обеспечении в процессе ювенального уголовного судопроизводства вторичной профилактики правонарушений несовершеннолетних

(Англия, Уэльс), на образовательно-реабилитационном компоненте правосудия в отношении несовершеннолетних (Германия), на совершенствовании судебной процедуры уголовного судопроизводства (Франция, Италия, Греция). Государственная политика будет определять стратегию и тактику ювенального уголовного судопроизводства, приоритет тех или иных процедур, привлечение «неюридического» компонента, развитие служб пробации и др.

Американская ассоциация юристов в одном из своих докладов феврале 2002 года сформулировала следующие принципы ювенальной уголовно-процессуальной политики:

- принцип учета различий в развитии взрослого и несовершеннолетнего;
- специфика освобождения несовершеннолетнего правонарушителя из под стражи до рассмотрения дела в суде, а также помещения несовершеннолетнего под стражу;
- принцип обязательного наличия программ, направленных на реабилитацию и реинтеграцию несовершеннолетнего;
- принцип недопустимости принятия отказа несовершеннолетнего правонарушителя от адвоката без

консультации с адвокатом и разъяснения несовершеннолетнему правовых последствий принятого им решения; поощрение способности несовершеннолетнего делать разумный, добровольный и осознанный выбор адвоката, создание условий для своевременной замены адвоката;

– принцип учета судьями индивидуальных особенностей несовершеннолетнего при вынесении приговора;

– принцип использования альтернативных уголовному наказанию мер в ювенальном уголовном судопроизводстве [12].

Поскольку уголовно-процессуальная политика определяет не только современное состояние уголовного судопроизводства, но и несет в себе определенный программный потенциал, можно говорить о принципах не только текущей, но и о принципах перспективной ювенальной уголовно-процессуальной политики.

Перспективная ювенальная уголовно-процессуальная политика носит программный характер и устремлена в будущее, она позволяет сконструировать перспективную модель ювенального уголовного судопроизводства в России на основе совершенствования законодательства и практики его применения.

Библиографический список

1. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» – [Электронный ресурс]. - Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1613662> (дата обращения: 09.08.2013).
2. Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3. С. 4-8.
3. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. 562с.
4. Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной политики // Стратегии уголовного судопроизводства: Сб. материалов научной конференции к 160-летию годовщины со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого. М.: РАП, 2008. С. 67- 73.
5. Газетдинов Н.И. Современная уголовная политика и отечественная доктрина о принципах уголовного судопроизводства // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 72-77.
6. Малько А.В. О концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174-177.
7. Политология для юристов: Курс лекций / Под ред. проф. Н.И. Матузова и проф. А.В. Малько. М.: Юрист, 1999. 776с.
8. Российская правовая политика: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Изд-во НОРМА, 2003. 528с.
9. Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые суждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2004. № 1. С. 10-14.
10. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / Под ред. Е.Г. Слущкого. СПб.: Знание, 2004. - 734с.
11. Monitor Europa: Una strategia contro la delinquenza giovanile. - [Electronic resource]. - Mode access: <http://assemblealegislativa.regione.emilia-romagna.it/biblioteca/publicazioni/MonitorEuropa/2007.htm>.
12. ABA Juvenile Justice Policies. - [Electronic resource]. - “Youth in the Criminal System” Guidelines, February 2002. Mode access: <http://www.abanet.org/crimjust/juvjus/jjpolicies.html>.

References

1. Presidential Decree of 1 June 2012 number 761, «National Strategy for Action on Children in 2012 - 2017» - [electronic resource]. - The President of Russia: official website. - Mode of access: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1,613,662> (date accessed: 09.08.2013). (rus)
2. Azarov V.A. Criminal procedure ideology and phraseology of the same name // Bulletin of the Orenburg State University. 2006. № 3. P. 4-8. (rus)
3. Alexandrov A.I. Criminal Policy and Criminal Procedure of the Russian statehood: History, Present and Prospects, Problems / Ed. V.Z. Lukashevich. - St. Petersburg.: Print. House of St. Petersburg. State. University Pp, 2003. – 562 p. (rus)
4. Volodina L.M. Problems of criminal procedure policy // Strategy criminal justice: Proceedings of the Science Conference to the 160th anniversary of the birth of Professor I.J. Foynickiy. Moscow, 2008. Pp. 67 - 73. (rus)
5. Gazetdinov N.I. Modern criminal policy and the Patriotic doctrine of the principles of criminal justice // Journal of Russian law. 2007. № 7. Pp. 72-77. (rus)
6. Malko A.V. On the Concept of Legal Policy of the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2001. № 2. P. 174-177. (rus)

7. Political science for lawyers: Lectures / Ed. prof. N.I. Matuzova and prof. A.V. Malko. - Moscow: Yurist, 1999. – 776 p. (rus)
8. Russian Legal Policy: Lectures / Ed. N.I. Matuzova, A.V. Malko. - Moscow: Publishing House of the NORM, 2003. – 528 p. (rus)
9. Smirnova I.G. Criminal procedure policy: some judgments about its essence, social conditioning and a place in the criminal policy // Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law. - 2010. - № 3. - P. 61-67. (rus)
10. Juvenology and juvenile politics in the XXI Century: The Experience of an integrated multi-disciplinary research / ed. E.G. Slutskiy. - St. Petersburg.: Knowledge, 2004. – 734 p. (rus)
11. Monitor Europe: A strategy against the delinquenza youth. - [Electronic resource]. - Mode access: <http://assemblealegislativa.regione.emilia-romagna.it/biblioteca/publicazioni/MonitorEuropa/2007.htm>. (it)
12. ABA Juvenile Justice Policies. - [Electronic resource]. - “Youth in the Criminal System” Guidelines, February 2002. - Mode access: <http://www.abanet.org/crimjust/juvjus/jjppolicies.html>.

УДК 347.1(075.8)

UDK 347.1(075.8)

А.В. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
E-mail: merkulov_famaly@mail.ru

A.V. MERKULOVA

candidate of legal sciences, associate professor of the department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University
E-mail: merkulov_famaly@mail.ru

РЫНОК НЕДВИЖИМОСТИ КАК ЭКОНОМИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

THE REAL PROPERTY MARKET AS THE ECONOMIC AND LEGAL CATEGORY

Статья посвящена юридическому осмыслению категории рынок недвижимости. В ней излагаются взгляды исследований по вопросу дефиниций «рынок недвижимости». Вносятся предложения по формулированию понятия с учётом экономических и правовых признаков.

Ключевые слова: рынок, рынок недвижимости, правовые признаки, рыночные (предпринимательские) правоотношения.

The article is devoted to the comprehension of the category ‘real property market’. It sets out the views of investigations on the question of definitions “real property market”. Suggestions are made on forming the notion taking into account economic and legal features.

Keywords: market, real property market, legal features, market (entrepreneurial) legal relationships.

В связи с переходом России к рыночной экономике в нашу жизнь стремительно вошли новые явления, новые понятия, среди которых «рынок», «рыночные отношения».

Рынок представляет собой многогранное явление. Соответственно таким же многоаспектным является и отражающее его понятие. Наиболее важными гранями или проявлениями рынка выступают экономическая и правовая грани.

Как экономический механизм, рынок формировался на протяжении тысячелетий, в течение которых менялось и содержание самого понятия.

Переход к рыночным отношениям в России закономерно повлек за собой изменение нормативной базы, необходимость закрепления в действующем законодательстве соответствующего инструментария, позаимствованного как из мирового, так и из отечественного дореволюционного опыта рыночного хозяйствования, потребовал переосмысления роли государства.

Все чаще при конструировании норм права законодатель стал обращаться к категории «рынок». В настоящее время как юридический термин «рынок» включен в нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 10, 401, 1033, 1062, 1222, 1362), Жилищного кодекса РФ (ст. 2), Налогового кодекса РФ (ст.ст. 25.2., 38, 40, 101, 105.1 и др.), Градостроительного кодекса РФ (ст. 55.5), Бюджетного кодекса РФ (ст.ст. 46, 103, 104, 104.1., 130), Уголовного кодекса РФ (ст.ст. 185.3., 178), Арбитражного процессуального кодекса РФ (ст. 225.11), Таможенного кодекса РФ (ст. 1), нормы глав 3, 4, 9, 13, 14, 15, 19, 23 КоАП РФ, федеральные законы «О рынке ценных бумаг», «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», законы РФ, например, «О валютном регулировании и валютном контроле», «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; в преамбулу Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» и др.

Вместе с тем, при наличии многочисленного исполь-

зования в законодательстве категории «рынок», ее содержание не получило должного научно-юридического обоснования, юридическая категория «рынок» в законодательстве отсутствует.

В экономической науке достаточно много дефиниций рынка. Наиболее распространенной является его трактовка в качестве особого механизма взаимодействия между продавцами и покупателями. Так, Р.Барр понимает под рынком совокупность отношений между участниками обмена, которые тесно связаны друг с другом через те или иные средства[1]. Похожее толкование предлагают К. Макконел и С. Брю, рассматривая рынок как механизм или приспособление, осуществляющее контакт между конкурентами или предъявителями спроса и продавцами или поставщиками товара и услуги[2]. По мнению Р.О. Халфиной, рынок «является тем звеном, в котором реализуется связь производства и потребления, определяются потребности общества и возможности производителя, происходит общественная оценка эффективности производства»[3]. Встречается определение рынка как определенной территории. Например, А. Курно под рынком подразумевает не какое-то определенное место, где осуществляются продажи и покупки, а всю территорию, части которой связаны отношениями свободно торговли таким образом, что цены быстро и легко выравниваются[4]. В связи с чем, им выделяются следующие типы рынков: местные, региональные, национальные и международные. Существует также определение рынка как совокупности сделок купли-продажи товаров. Как пишет Е.Ф.Борисов, «в такие сделки повседневно вступает каждый, когда, например, покупает продукты в магазине»[5]. В современном экономическом словаре под рынком понимается: 1) место купли-продажи товаров и услуг, заключения торговых сделок; 2) экономические отношения, связанные с обменом товаров и услуг, в результате которых формируются спрос, предложение и цена[6].

Суммируя имеющиеся дефиниции, можно дать следующее определение рынку. Рынок (как экономическая категория) – это совокупность экономических отношений, связанных с обменом материальных благ, а также с производством и распределением этих благ.

Особое место в рыночной экономике современной России занимает рынок недвижимости. Недвижимость, с одной стороны, входит в состав средств производства (земельные участки, административные, общественные, производственные, складские, торговые, прочие здания и сооружения) и служит базой хозяйственной деятельности, развития для предприятий и организаций всех видов и форм собственности. С другой – выступает основой личного существования граждан и используется для непроизводственного, личного потребления. Жилые дома, квартиры, дачные строения, хозяйственные постройки, гаражи и т.д., находящиеся в собственности граждан и используемые для проживания и других личных нужд, а также недвижимость, применяемая в коммерческих целях, служат объектами потребления[7].

Представляется, что понятие «рынок недвижимости» соотносится с понятием «рынок», как частное с общим.

В ученой среде предлагаются различные трактовки понятия «рынок недвижимости». Многие исследователи относят объекты недвижимости к категории товаров, обращение которых связано с привлечением капитала, использованием различных ресурсов и труда. Так, С.В. Гриненко определяет рынок недвижимости как «механизм, посредством которого соединяются интересы и права, устанавливаются цены на недвижимость»[8]. Е.И. Тарасевич понимает под рынком недвижимости «систему организационных мер, при помощи которых покупатели и продавцы сводятся вместе для определения конкретной цены, по которой может произойти обмен таким специфическим товаром, как недвижимость»[9]. Похожее определение предлагает Н.Г. Волочков, рассматривая рынок недвижимости как «институт осуществления контакта между покупателями, или предъявителями спроса, и продавцами, или поставщиками товаров и услуг»[10]. Дж. Фридман определяет рынок недвижимости как «определенный набор механизмов, посредством которых передаются права на собственность и связанные с ней интересы, устанавливаются цены и распределяется пространство между различными конкурирующими вариантами землепользования»[11]. В понимании В. Пашкус рынок недвижимости – это «экономико-правовое пространство, в котором происходит взаимодействие между спросом и предложением всех имеющихся на данный момент времени покупателей и продавцов недвижимости и где осуществляется совокупность всех текущих операций с ней»[12]. По мнению О.С. Белокрыловой, рынок недвижимости – комплекс отношений, связанных с созданием новых объектов недвижимости и эксплуатацией уже существующих[13].

Заметим, что в юриспруденции предпринимались попытки уточнения значения комплексного понятия «рынок недвижимости» в гражданско-правовом смысле. Так, Е.А. Дорожинская, исходя из сущности триединства объекта недвижимости (материальной, правовой и экономической) рассматривает рынок недвижимости как систему отношений (правовых, экономических, организационных, культурных и политических) между субъектами гражданского права по поводу формирования, распределения, обмена, управления и потребления полезных свойств объектов недвижимости»[14]. Определение рынка недвижимости как системы правовых, экономических, организационных и культурных отношений между субъектами рынка недвижимости по поводу создания, формирования, распределения, обмена, потребления полезных свойств, а также прав и обязанностей, вытекающих из обладания объектами недвижимости, содержится в работе Д.В. Виноградова[15].

Не вдаваясь в подробный анализ вышеуказанных определений, заметим следующее. Во-первых, на наш взгляд, до настоящего времени не предложено универсального определения рынка недвижимости.

Во-вторых, понятие «рынок недвижимости» должно включать в себя как общие признаки, характеризующие «рынок» в целом, так и специфические признаки, выделяющие его из общего массива рынка. В-третьих, определяя «рынок недвижимости», необходимо учитывать, что рынок недвижимости – сложная многогранная категория. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются экономическая и правовая грани, которые тесно взаимосвязаны между собой. В экономическом аспекте рынок недвижимости – это совокупность экономических отношений, связанных с производством, распределением и обменом материальных благ, в правовом – система правоотношений, которые складываются между субъектами данного рынка по поводу обмена материальными благами.

Для того чтобы раскрыть сущность рынка недвижимости как системы правоотношений, выявить правовые признаки понятия «рынок недвижимости», целесообразно обратиться к понятию рыночного правоотношения, его структурным элементам.

И еще. Характерной чертой рыночных отношений в сфере недвижимости являются наличие специальной нормативно-правовой базы, регламентирующей отношения, связанные с недвижимым имуществом, и более значительная, чем в других секторах рыночной экономики, роль региональных и муниципальных нормативных актов.

Норма права – одна из предпосылок возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Реальный жизненный процесс вторгается в механизм правового регулирования. Из взаимодействия конкретных, фактических отношений людей с нормами права рождаются правоотношения. Правоотношения в отрыве от норм права не существуют.

Рыночные отношения, регулируемые нормами права, являются правоотношениями. В современной правовой доктрине правовые отношения определяются двояко: с одной стороны, как фактическое общественное отношение, урегулированное нормой права, с другой – как общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение. Не наблюдается единства среди исследователей и по вопросу структуры правоотношения. Не вдаваясь в полемику, мы являемся сторонниками традиционного подхода, согласно которому правоотношение состоит из следующих элементов: субъекта, объекта, субъективных прав и юридических обязанностей.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что отсутствие единого юридического понимания рынка недвижимости в современной России объясняет существующие в законодательстве ошибки и несоответствия. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и осмысления.

Библиографический список

1. *Барр Р.* Политическая экономия. Т.1. М.: Кнорус, 1995. С.149
2. *Борисов Е.Ф.* Экономическая теория. М.: Юрист, 1997.-С.137.
3. *Виноградов Д.В.* Экономика недвижимости. Владимир, 2007. С. 136.
4. *Волочков Н.Г.* Справочник по недвижимости М.: Инфра-М, 1996. С. 16
5. *Гриненко С.В.* Экономика недвижимости. Таганрог: ТРТУ, 2004. URL: http://www.aup.ru/books/m94/2_2.htm
6. *Дорожницкая Е.А.* Правовое регулирование сделок с недвижимым имуществом: Автореф. диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2000. С. 12.
7. *Курно А.* Исследование математических принципов теории богатств// Р.Барр. Политическая экономия. В 2т. Т.1. М.: Кнорус, 1995. С.12.
8. *Макконел К., Брю С.* Экономика. Т.1. Республика, 1993. С.53.
9. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 1999. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16566.
10. *Рахман И.А.* Развитие рынка недвижимости в России: теория, проблемы, практика / Международная академия инвестиций и экономики строительства. М.: Экономика, 2000. С. 14 – 15.
11. *Тарасевич Е.И.* Анализ инвестиций в недвижимость МКС - СПб., 2000. С. 160.
12. *Фридман Дж, Ордуэй Н.* Анализ и оценка приносящей доход недвижимости. М., 1995. С. 5.
13. *Халфина Р.О.* Современный рынок: правила игры.-М.: Ассоц. «Гуманит-знание», 1993. С.5.
14. Экономика и финансы недвижимости / под ред. Ю.В. Пашкуса – СПб.: СПбГУ. 1999. С. 32.
15. Экономика недвижимости / под ред. О.С. Белокрыловой - Ростов: Феникс, 2009. С. 39.

References

1. *Barr R.* Political Economy. V.1-M.: Knorus, 1995. – P.149
2. *Borisov E.F.* Economic theory.-M.: Yurist, 1997.-P.137.
3. *Vinogradov D.V.* Real Estate Economy - Vladimir, 2007. - P. 136.
4. *Volochkov N.G.* Reference book on Real Estate - Moscow: Infra-M, 1996. -P. 16
5. *Grynenko S.V.* Real Estate Economics – Taganrog: TRTU, 2004. URL: http://www.aup.ru/books/m94/2_2.htm
6. *Dorozhinskaya E.A.* Legal regulation of real estate transactions: Author' abstract, candidate of legal sciences. Moscow, 2000. P. 12.
7. *Cournot A.* The study of mathematical principles of the theory of wealth // R. Barr. Political Economy. In 2 volumes. V.1-M.: Knorus, 1995.-P.12.
8. *McConnell K., Brue C.* Economy. V.1 – Respublika, 1993. – p.53.
9. *Raizberg B.A., Lozovsky L.Sh., Starodubtseva E.B.* Modern Dictionary of Economics. Moscow: INFRA-M, 1999. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16566.

10. Rakhman I.A. The development of the real estate market in Russia: Theory, Problems, Practice / International Academy of investment and economic development. Moscow: Economics, 2000. Pp. 14-15.
11. Tarasevich E. I. The analysis of the real estate investment ISS - St. Petersburg., 2000. - P. 160.
12. Friedman J., Ordway N. The analysis and estimation of property income - Moscow, 1995. -P. 5.
13. Khalfina P.O. The modern market: the rules of the play. – М.: Assoc. “Gumanit-znanie”, 1993.-P.5.
14. Economy and Finance of Real Estate / ed. Yu. V.Pashkus - St. Petersburg.: St. Petersburg State University. 1999-P. 32
15. Real Estate Economy / ed. O.S. Belokrylova - Rostov: Phoenix, 2009. - P. 39.

УДК 355.648:346.615(1-87)

UDC 355.648:346.615(1-87)

Е.Н. МИХАЙЛОВА

аспирант кафедры трудового права, гражданского и арбитражного процесса Юго-западного государственного университета

И.В. МИХАЙЛОВ

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры нормальной физиологии Курского государственного медицинского университета

E.N. MIKHAILOVA

post-graduate student, Chair of Labour law, civil and arbitration process, South-Western State University, leading expert of the Department of Executive production Control FSSP

I.V. MIKHAYLOV

Candidate of Medical Sciences. assistant Professor Department of normal physiology of the Kursk State medical university

АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В СФЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

THE ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE IN EXACTING ALIMONY PAYMENTS

В данной статье проводится анализ зарубежного опыта, касающегося вопросов взыскания алиментных платежей, с целью выявления действенных способов работы с должниками, положительный опыт которых можно использовать применительно к Российской Федерации.

Ключевые слова: алименты, иностранные государства, зарубежный опыт, взыскание алиментных платежей.

This article presents an analysis of foreign experience on exacting maintenance payments for identifying effective ways to work with debtors, positive experience which can be used in relation to the Russian Federation.

Keywords: child support, foreign States, foreign experience, recovery of maintenance payments.

Основополагающим аспектом сферы защиты материнства и детства на территории Российской Федерации, как и во всем мире, является получение алиментных выплат.

В условиях современного процесса интеграции общества, все больший интерес представляет изучение опыта зарубежных государств в вопросах получения алиментного содержания различными категориями граждан.

Наибольшей эффективности в сфере исполнения решений суда о взыскании алиментных платежей добились в большинстве западноевропейских стран, таких как Англия, Германия, Австрия, Франция, Швейцария. Успешно взыскивают алиментные платежи в Белоруссии, Израиле, США и Канаде.

В зарубежных странах применяются достаточно действенные способы работы с должниками, положительный опыт которых можно использовать применительно к Российской Федерации.

Так, в Австрии, Франции, Швейцарии одним из условий бракоразводного процесса является предостав-

ление судье оформленного соглашения об уплате алиментов в пользу заинтересованного лица, а в Италии вступление в последующий брак вообще невозможно без предоставления вышеуказанного соглашения.[4]

В Белоруссии в случае если лицо, на которое возложена обязанность по уплате алиментов, не трудоустроено, то судебный исполнитель направляет в адрес судьи представление о необходимости трудоустройства должника. В случае, если уровень заработной платы работающего не позволяет ему в течение шести месяцев в полном объеме выполнять данные обязательства, судебный исполнитель также направляет в адрес судьи представление о трудоустройстве должника на иное место работы, позволяющее надлежащим образом исполнять обязательства.[1]

Примечателен опыт Израиля и Украины. В вышеуказанных государствах, в случае если должник не трудоустроен или уклоняется от уплаты алиментов, то эту обязанность на себя берут государственные органы.

В Израиле взыскатель вправе обратиться в Службу национального страхования – Битуах леуми, в которой

выплата алиментных платежей осуществляется вне всякой связи с тем, удастся ли взыскать с ответчика деньги или нет.[6]

В свою очередь на Украине, в случае если должник не трудоустроен или уклоняется от уплаты алиментов, либо неизвестно его место нахождения, назначается временная государственная помощь, размер которой не может быть меньше 30% установленного прожиточного минимума для ребенка.[3]

Положительная динамика наблюдается в тех странах, в которых после расторжения брака применяется совместная опека родителей над детьми. В результате применения такой меры не ущемляются права родителя, проживающего отдельно от ребенка, и более того совместная опека стимулирует родителя к выплате алиментов, так как он может реально осуществлять контроль за расходованием средств, направляемых на содержание ребенка. [4]

Примером стран, в которых получила распространение совместная опека, могут служить Франция, Швейцария и Германия. В этих странах родитель, на которого возложена обязанность по выплате алиментов и который осуществляет совместную опеку над ребенком (например, забирает его на выходные), может рассчитывать на снижение размера взыскиваемых алиментных платежей.

За рубежом достаточно популярной мерой борьбы с неплательщиками алиментов является изъятие водительских прав, а также лицензий на различные виды деятельности. Такие меры, например, применяются в США и Канаде.

В Англии существует практика наложения ограничения на покидание жилища. В случае вынесения судьей приказа о вышеуказанном ограничении лицо, уклоняющееся от выполнения возложенных на него обязанностей, обязано оставаться в предписанном месте в определенный период времени.[7]

Не стоит забывать и об уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов. Чаще всего наказание за данный вид преступления выражается в лишении свободы на срок от одного месяца до нескольких лет, например как в Австрии, или денежным штрафом, как в Швейцарии. Во многих странах эти меры уголовного наказания применяются совместно, например как во Франции.

Анализ российского законодательства в сфере взыскания алиментных платежей позволяет сделать следующие выводы.

Всего на исполнении в Федеральной службе судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП РФ) за 2012 год находилось 1 864 404 исполнительных производства о взыскании алиментных платежей, из них окончено 817 622 производства, что составляет всего 43,8 % от общего количества производств находившихся на исполнении, таким образом, остаток исполнительных производств составил 56,2%.[5] По нашему мнению, это свидетельствует о невысокой эффективности работы по взысканию алиментных платежей.

По исполнительным производствам вышеука-

занной категории судебными приставами применяются различные меры принудительного исполнения. Например, обращение взыскания на заработную плату и иные доходы должника, арест имущества, обращение взыскания на денежные средства, находящиеся на счетах в банках или иных кредитных организациях, ограничение на выезд за пределы Российской Федерации, привлечение к уголовной ответственности по ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Таким образом, наиболее действенной мерой, применяемой к должникам по алиментным обязательствам, является вынесение ограничений на выезд за пределы Российской Федерации. По данным ФССП РФ, в 2012 году ограничено в выезде 142,5 тыс. должников по судебным решениям о взыскании алиментов. В результате применения этой меры в полном объеме выплачена задолженность по алиментам по 9,5 тысячам исполнительных производств на сумму около 647,3 млн. руб., что составляет 6,67% от общего количества исполнительных производств о взыскании алиментных платежей на территории Российской Федерации.[5]

Что касается мер уголовно-правового воздействия на должников, то на территории Российской Федерации применяются нормы ст. 157 УК РФ, которая предусматривает ответственность за злостное уклонение от уплаты алиментных платежей в виде наказания исправительными работами на срок до одного года либо принудительными работами на тот же срок, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.[2]

Согласно статистическим данным ФССП РФ за 2012 год, остаток исполнительных производств по алиментным платежам составил 1 046 782 исполнительных производства, из них по ст. 157 УК РФ привлечено 32 207 должников, что составляет всего 3% от общего количества.[5]

Причина столь низкой эффективности применения вышеуказанной меры, по нашему мнению, заключается в несовершенстве законодательства, а именно в неопределенность понятия «злостное уклонение от уплаты алиментов». К тому же санкции, назначенные за данный вид деяния, не адекватны степени общественной опасности преступления и не вызывают у должников надлежащей степени ответственности.

Таким образом, анализ ситуации, сложившейся на территории Российской Федерации в сфере взыскания алиментных платежей, позволяет сделать вывод о том, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в данном направлении.

Необходимо ужесточение уже имеющихся мер принудительного исполнения в отношении должников по алиментным обязательствам, которое должно выразиться в увеличении срока наказания по ст. 157 УК РФ и введении штрафных санкций за злостное уклонение от выплат. Для этого необходимо на законодательном уровне дать четкое определение понятию «злостное уклонение от выплаты алиментов».

Кроме того, назрела необходимость введения в законодательство в качестве мер принудительного исполне-

ния изъятие водительских прав лицензий на различные виды деятельности, а также, в случаях злостного уклонения от уплаты алиментов, введение практики налогообложения ограничения на покидание должником жилища.

Не вызывает сомнения целесообразность приме-

нения практики, по которой государство возьмет на себя обязанность по выплате алиментного содержания в случаях, если должник не трудоустроен, уклоняется от уплаты алиментов, либо неизвестно его место нахождения.

Библиографический список

1. Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 20 декабря 2004 г. №40 «Об утверждении Инструкции по исполнительному производству»
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996. N 63-ФЗ.
3. *Белкин И.Я.* Алиментные обязательства родителей по содержанию несовершеннолетних детей в семейном законодательстве России и Украины. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012; 2: С. 101-102.
4. *Убалехт О.В.* Правовые проблемы взыскания и уплаты алиментов в России и странах континентальной семьи права. Вестник Челябинского государственного университета. 2010;19 (200): С.66-69.
5. Ведомственная статистическая отчетность ФССП РФ за 2012 год. <http://www.fssprus.ru/statistics/>
6. *Баркман Л.* Развод в Израиле – взыскание алиментов. <http://cursorinfo.co.il/news/pr/2008/05/14/blaw/>
7. Особенности взыскания алиментов. 26 августа 2011. http://www.fssprus.ru/inter_razdel26/

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation on 13 iunâ1996. N 63-FZ.
 2. Enactment of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus of December 20, 2004 # 40 «on approval of instruction on executive matters»
 3. *Belkin I.Ya.* alimony obligations of parents to maintain children in family laws of Russia and Ukraine. Bulletin of the Altai Academy of Economics and law. 2012; 2: Pp. 101-102.
 4. *Ubaleht O.V.* problems of recovery and payment of alimony in Russia and countries of the continental law family. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2010;19 (200): Pp. 66-69.
 5. Departmental statistical reporting FSSP Russia for 2012 year. <http://www.fssprus.ru/statistics/>
 6. *Barkman I.* Divorce in Israel-the recovery of maintenance. <http://cursorinfo.co.il/news/pr/2008/05/14/blaw/>
 7. Peculiarities of exacting alimony payments. . August 26, 2011. http://www.fssprus.ru/inter_razdel26/
-
-

УДК 347.7

В.А. НИКИФОРОВ

доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета

М.А. СОБОЛЕВА

младший научный сотрудник НИИ научно-исследовательской работы и инновационной деятельности студентов Орловского государственного университета

E-mail: 1234-mariya@mail.ru

А.В. ТРИШКИН

младший научный сотрудник Орловского государственного университета

E-mail: maksim-leon@mail.ru

UDC 347.7

V.A. NIKIFOROV

doctor of jurisprudence, department chair of the international and international private law of the Orel state university

M.A. SOBOLEVA

junior researcher of scientific research institute of research work and innovative activity of students of the Orel state university

E-mail: 1234-mariya@mail.ru

A.V. TRISHKIN

junior researcher of the Orel state university

E-mail: maksim-leon@mail.ru

**ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ,
ЗАНИМАЮЩИХСЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЕЙ СЛОЖНОСТРУКТУРНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОРМ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИРОВОГО ТОРГОВОГО ОБОРОТА***

**PRECONDITIONS OF CREATION OF THE SPECIALIZED ORGANIZATIONS,
SLOZHNOSTRUKTURNY COMPLEXES OF NORMS ENGAGED IN SYSTEMATIZATION
LEGAL REGULATION OF A WORLD TRADE TURNOVER**

В статье авторы рассматривают особенности правового регулирования мирового торгового оборота.

Ключевые слова: экономика, торговый оборот, правовое регулирование.

In article authors consider features of legal regulation of a world trade turnover.

Keywords: economy, trade turnover, legal regulation.

В современных условиях, характеризующихся усилением глобализационных процессов в мировой экономике и международных экономических отношениях, возрастает роль многосторонних международных институтов, осуществляющих координацию и регулирование различных аспектов экономической жизни и экономического взаимодействия государств.

Международные экономические отношения не могут развиваться без международно-правового регулирования.

По мнению К.А. Бекашева и Е.Г. Моисеева, важную роль в международном торговом праве играет унификация норм регулирующих международную торговлю. Унификацией на универсальном уровне занято много межгосударственных и межправительственных организаций. Среди них важное место занимают Гагская конференция по международному частному праву, Международный институт по унификации международного частного права, (УНИДРУА), Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), Международная торговая палата (МТП).¹

Вопрос о принципах и сущности международно-

правового регулирования международной торговли неоднократно поднимался и обсуждался на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций. Так, например, в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 25 декабря 1959 г. (1421, XIV) было рекомендовано всем странам – участницам этой организации продолжать усилия по развитию и расширению взаимовыгодной внешней торговли, так как она является естественным и надежным фактором развития мирных отношений между государствами. В резолюции от 15 декабря 1960 г. (1519, XV) была еще раз подчеркнута роль международной торговли.

Политические требования молодых освободившихся стран, изначально озабоченных укреплением независимости и государственного суверенитета, к середине 60-х годов стали сменяться экономическими. Лидеры развивающихся государств выдвинули лозунг экономической суверенизации. Они болезненно воспринимали подчиненное положение своих стран в мировой экономике и системе международных торгово-хозяйственных связей и пытались изменить ситуацию в свою пользу. Советский Союз поддерживал молодые государства, стараясь направлять их требования в антизападное, антиимпериалистическое русло. Западные страны не стали игнорировать мнение молодых государств и со-

¹ См. подробнее: Бекашев К.А., Моисеев Е.Г. Международное публичное право в вопросах и ответах: Уч. пособие/ отв. ред. К. А. Бекашев. М., 2008. С. 112.

* Статья выполнена в рамках Государственного задания министерства образования и науки РФ, проект №6.5038.2011

гласились начать многосторонний диалог по вопросам регулирования мироэкономических вопросов, прежде всего, внешнеторговых.

В 1964 году в Женеве состоялась 1 сессия Конференции по торговле и развитию. Именно на базе этой конференции в 1964 г. была создана как специализированный постоянный орган Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций одноименная Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). В ЮНКТАД участвует подавляющее большинство государств-членов ООН.

В своей резолюции Ассамблея подчеркивала, что международная торговля является важным инструментом экономического развития, и указывала на общее стремление развивающихся стран создать соответствующую торговую организацию. Главные задачи ЮНКТАД – содействие международной торговле, особенно развивающихся стран, в целях ускорения их экономического развития, разработка принципов и политического курса содействия международной торговле, поддержка мер, нацеленных на создание многосторонних торговых соглашений, деятельность в качестве координационного центра торговли и политики развития для отдельных государств и региональных экономических групп.

16 июня 1964 г. состоялось подписание Заключительного акта, который был передан Генеральному секретарю ООН. Акт содержит три части: 1) преамбулу; 2) сводку рекомендаций Конференции и 3) приложения (тексты принятых рекомендаций; замечания делегаций; прочие документы).

В принятых на Конференции рекомендациях подчеркивается значимость международной торговли как одного из важнейших факторов экономического развития, которая должна регулироваться правилами, совместимыми с экономическим и социальным прогрессом.

ЮНКТАД в настоящий момент является центральным учреждением ООН по проблемам торговли и развития в ряде ключевых, связанных с внешнеэкономическим обменом отраслях.

Вопросами систематизации международно-правовых норм в области международной торговли занимается вспомогательный орган ООН – Комиссия по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), утвержденная на XXI сессии (1966 г.) Генеральной Ассамблеи ООН.

В функции этой комиссии входит содействие прогрессивному согласованию и унификации права международной торговли путем координации работы организаций, действующих в этой области; подготовка проектов новых международных договоров (соглашений, конвенций); разработка типовых и единообразных законов в области международной торговли, обеспечение единообразного толкования и применения международных конвенций в области международной торговли; сбор и распространение информации о национальном внешнеторговом законодательстве; поддержание связей с органами Организации Объединенных Наций, а также со специализированными учреждениями, занимающимися проблемами международной торговли.

Учреждая ЮНСИТРАЛ, Генеральная Ассамблея

признала, что конфликты и расхождения, возникающие в связи с законами различных государств в вопросах, относящихся к международной торговле, представляют собой одно из препятствий для развития мировой торговли. Генеральная Ассамблея выразила мнение о желательности существенной координации, систематизации и унификации права международной торговли, а также обеспечения более широкого участия государств в этом процессе.

Начало событиям, приведшим к учреждению Комиссии, положило включение в повестку дня 20-й сессии Генеральной Ассамблеи (1965 г.) по инициативе правительства Венгрии пункта, озаглавленного «Рассмотрение мер, которые должны быть приняты в целях прогрессивного развития в области частного международного права, особенно с целью содействия международной торговле». В связи с этим пунктом повестки дня Секретариат ООН подготовил предварительный обзор по вопросу об унификации права международной торговли для Шестого комитета Генеральной Ассамблеи. В этом обзоре отмечались трудности, с которыми сталкиваются стороны, заключающие международные коммерческие сделки, в результате многообразия национальных законов и наличия разногласий между ними, а также рассматривались некоторые методы, с помощью которых можно было бы достичь унификации в области права международной торговли.

Секретариат поручил профессору Лондонского колледжа Кливу Шмиттгоффу подготовить предварительное исследование по этому вопросу в качестве основы для доклада и провел консультации с секретариатами соответствующих органов региональных экономических комиссий ООН, а также (рассматривались некоторые методы, с помощью которых можно было бы достичь унификации в области права международной торговли) со специализированными учреждениями и другими международными правительственными и неправительственными организациями. В докладе указывалось, что в некоторых областях права международной торговли был достигнут определенный прогресс в направлении унификации и согласования, но вместе с тем отмечались некоторые недостатки. Во-первых, прогресс был медленным, если учесть затраченное время и усилия. Во-вторых, развивающиеся страны, недавно обретшие независимость, лишь в небольшой степени имели возможность участвовать в этой деятельности. В-третьих, ни в одном из учреждений, действующих в этой области, не были представлены все основные географические регионы или все основные экономические системы в мире. В-четвертых, уровень координации и сотрудничества между учреждениями, работавшими в этой области, был недостаточен.

В докладе содержалось предложение о создании Генеральной Ассамблеей нового органа ООН в целях систематизации и ускорения процесса согласования и унификации права международной торговли, а также устранения характерных для этого процесса недостатков.

Доклад был рассмотрен Шестым комитетом в ходе 21-й сессии (1966 г.) Генеральной Ассамблеи. На основе работы Шестого комитета и его рекомендаций Генеральная Ассамблея приняла резолюцию об учреждении Комиссии.

Первоначальный состав Комиссии по праву международной торговли – 29 членов. На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН состав комиссии был увеличен на 7 членов (всего 36). Члены этой Комиссии избираются на шестилетний срок на следующей региональной основе: 9 членов – от стран Африки; 7 – от стран Азии; 5 – от европейских социалистических стран; 6 – от латиноамериканских стран и 9 – от стран Западной Европы. Сессии комиссии проходят один раз в год. Свои отчеты и рекомендации комиссия ежегодно представляет Генеральной Ассамблее ООН.

Когда Генеральная Ассамблея в 1966 году учредила ЮНСИТРАЛ, она не установила для него конкретных тем для разработки. Комиссия сама приняла решение

по вопросу о темах для рассмотрения. На своей первой сессии (1968 г.), рассмотрев ряд предложений, представленных государствами-членами Комиссии, утвердила 9 тем в качестве основы для своей будущей программы работы:

- международная купляпродажа товаров;
- международный коммерческий арбитраж;
- транспорт;
- страхование;
- международные платежи;
- интеллектуальная собственность;
- устранение из законов дискриминационных положений, отрицательно влияющих на международную торговлю;
- представительство;
- легализация документов.

Приоритет был отдан международной купле-продаже товаров, международным платежам и международному коммерческому арбитражу.

УДК 343.021

Ю.Р. ОРЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии права и управления ФСИН России
E – mail: yuorlova76@mail.ru

UDC 343.021

YU.R. ORLOVA

candidate of jurisprudence, associate professor, doctoral candidate of chair of criminology and organizations of prevention of crimes Academy of law and management
FSIN of Russia
E – mail: yuorlova76@mail.ru

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ ЗАДАЧ ФОРМИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**INCREASE OF EFFICIENCY OF PURPOSE OF PUNISHMENT AND COERCIVE MEASURES
OF EDUCATIONAL INFLUENCE AS ONE OF PRIORITY PROBLEMS OF FORMING CRIMINAL POLICY
OF THE RUSSIAN STATE CONCERNING MINORS**

В статье рассматриваются особенности реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, в том числе проблемы законодательного регулирования и реализации восстановительного правосудия; представлен анализ судебной практики назначения наказания и применения иных принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых в отношении несовершеннолетних; предложены меры по совершенствованию системы наказаний и ювенальной юстиции.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные, уголовная политика, восстановительное правосудие, наказание, меры воспитательного воздействия, несовершеннолетнее лицо, ювенальная юстиция.

In the article the peculiarities of realization of criminal policy concerning minors, including problems of legislative regulation and realization of recovery justice are considered; the analysis of jurisprudence of purpose of punishment and application of other coercive measures of the educational influence applied concerning minors is submitted; measures for improvement of the system of punishments and juvenile justice are offered.

Keywords: minors condemned, criminal policy, recovery justice, punishment, measures of educational influence, the minor person, juvenile justice.

Процесс реформирования российского общества в течение последних 15 лет весьма противоречив: с одной стороны, создаются основные институты правового государства, законодательство приближается к общеевропейскому уровню, с другой – наблюдается изменение отдельных качественных и количественных показателей преступности, в том числе несовершеннолетних, влияющих на состояние криминогенной ситуации в целом. В подобных условиях особую значимость приобретают вопросы формирования уголовной политики и уголовного законодательства России, адекватных современным криминологическим реалиям.

Предупреждение преступности несовершеннолетних в силу своей социальной важности всегда было и остается одной из самых существенных криминологических проблем. Несмотря на предпринимаемые российским государством усилия по предупреждению преступного поведения детей и подростков, значительных успехов в данной сфере добиться не удается. Уголовная статистика последних лет несмотря на некоторое снижение абсолютного числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, отмечает увеличение доли насильственных преступлений в структуре подростковой преступности, выявляет тенденцию к возрастанию степени организованности преступных групп несовершеннолетних, фиксирует рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти или вражды в отношении представителей отдельных социальных групп, рост преступлений, сопряженных с экстремизмом, что свидетельствует об определенных изменениях мотивации преступного поведения подростков. При этом главное, что ставит преступность несовершеннолетних в ряд актуальных проблем, – это характер ее социальных последствий: преступность морально уродует и подвергает социальной деградации молодежь, которая является активным субъектом общественного воспроизводства, важным резервом и гарантом национальной безопасности, экономического благосостояния и духовного становления России [3, с.4].

Бесспорно, что действующий УК РФ, подвергшийся многочисленной серьезной модернизации начиная с 1997 года, выдержан в рамках основных международных стандартов в области борьбы с преступностью несовершеннолетних, опирается на богатый опыт отечественной уголовно-правовой и криминологической науки, учитывает произошедшие в стране социально-экономические и политические преобразования. Он представляет собой серьезную основу борьбы с преступностью, однако отсутствие детальной регламентации некоторых вопросов, связанных с назначением несовершеннолетним наказания и иных мер уголовно-правового характера, влияет на правоприменительную практику и существенно снижает эффективность их назначения.

Кроме того, УК РФ содержит резервы для совершенствования правоприменительной практики, в первую очередь, в части использования при конструировании системы уголовных наказаний так называемого компенсаторного (восстановительного) механизма

уголовного права. Особую значимость подобные восстановительные механизмы уголовного наказания приобретают, когда речь идет об ответственности несовершеннолетних.

Вместе с тем, значительная сложность применения восстановительных наказаний к несовершеннолетним состоит в том, что они, как правило, не обладают стабильным заработком и собственным имуществом для того, чтобы компенсировать жертве преступления причиненный вред. Перекладывать исполнение компенсации в случае отсутствия денежных средств или имущества у несовершеннолетнего на иных лиц недопустимо (хотя нынешняя редакция ч. 2 ст. 88 УК РФ разрешает назначенный несовершеннолетнему штраф по решению суда взыскивать с его родителей или иных законных представителей с их согласия). Подобный подход противоречит принципу вины, поскольку согласно ч. 1 ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. О какой вине родителей или иных законных представителей идет речь? Противоречит он и «принципу личной ответственности за совершенное преступление» [2, с.9]. Поэтому применение штрафа при условии его уплаты родителями за детей едва ли можно считать целесообразным. Учитывая данное обстоятельство, следует согласиться с мнениями ученых, придерживающихся точки зрения, что в содержании восстановительных мер больше внимания следует уделить элементу трудового воздействия как основному фактору воспитания и исправления подростков. Эффективность трудового воздействия на подростков, при правильной с точки зрения пенитенциарной педагогики и психологии его организации, не должна вызывать сомнений. Суть трудового воздействия при осуществлении восстановительных наказаний состоит в устранении собственными силами вредных последствий преступления.

Следует заметить, что подобная мера уже закреплена в ст. 90 УК РФ в качестве принудительной меры воспитательного воздействия, которая может назначаться в порядке освобождения от уголовной ответственности или от уголовного наказания за совершение преступлений небольшой или средней тяжести. Включение данной меры в систему наказаний и распространение возможности ее применения на взрослых лиц, которые совершили преступления до достижения 18 лет, будет явно способствовать гуманизации уголовной политики. При этом, полагаем, следует соблюсти одно условие: если для взрослых преступников применение такого наказания должно обуславливаться предварительной примирительной процедурой с потерпевшим, то для несовершеннолетних ее применение должно зависеть не от факта примирения, а от возможности достижения при помощи данной меры цели исправления несовершеннолетнего. Реализуя рассматриваемую идею, следует на законодательном уровне определить (ограничить) размер заглаживаемого несовершеннолетним вреда.

Политика Российского государства в отношении

несовершеннолетних правонарушителей всегда была отражением стратегии государства в области предупреждения преступности, скорректированным социальным отношением к детству. Первые памятники русского права (X – XIII вв.) уделяли вопросам регулирования ответственности несовершеннолетних самое незначительное внимание. Поворот законодательства в сторону гуманизации уголовно-правовых последствий совершения преступления несовершеннолетними наблюдается лишь с XVIII столетия. В достаточной степени совершенную систему норм об ответственности несовершеннолетних создало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года.

Опыт законодательной регламентации вопросов ответственности несовершеннолетних и их практическое решение позволяют констатировать, что к началу XX века государство разработало достаточно разумную, отвечавшую уровню развития науки систему норм об ответственности лиц, не достигших совершеннолетия. В рассматриваемый период Россия определила основания и условия ответственности несовершеннолетних, создала приемлемые формы практической реализации идеи замены наказания несовершеннолетних воспитательными мерами в виде особых воспитательных приютов и колоний; разработала прогрессивную систему назначения наказания лицам молодого возраста.

Вместе с тем, в силу ряда объективных причин практическая реализация гуманистического потенциала уголовного законодательства была затруднена. В тюрьмах содержалось в 1905 году 3223 человека в возрасте до 17 лет, а в 1906 году – 3324, в то время как в исправительных заведениях – соответственно 466 и 500 человек. При этом 51% находящихся в тюрьмах несовершеннолетних содержался вместе с взрослыми заключенными, а 75% – не обучались какому-либо ремеслу или грамоте. Это обстоятельство, наряду с другими факторами, способствовало активизации преступной активности несовершеннолетних на рубеже веков. В частности, удельный вес осужденных в возрасте 10 – 17 лет в 1901 году составил 3,0% от общего числа осужденных, в 1910 году – 4,6%, в 1916 году – 8,6%. Для сравнения по итогам 2012 года удельный вес несовершеннолетних осужденных составил 8,7%. В том числе к лишению свободы было осуждено 5053 несовершеннолетних, что составляет около 15,5% от общего числа осужденных несовершеннолетних и 0,7% от числа всех осужденных.

Несмотря на то, что законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних в последние годы подвергалось весьма существенной гуманизации и либерализации, реакция государства на преступность должна быть адекватной, и соответственно рост преступности либо ее стабильно высокие показатели не должны сопровождаться безграничным смягчением уголовной ответственности. Снисходительное отношение к несовершеннолетним преступникам таит в себе значительную опасность и ложную уверенность в безответственности и безнаказанности за совершенное преступление, что может способствовать углублению

деморализации личности подростка и девиантности его поведения» [5, с. 206].

14 октября 2010г. распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, которая в качестве одной из основных целей также предусматривает расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы, в том числе и в отношении несовершеннолетних. Достижение указанной цели невозможно без соблюдения принципов индивидуализации и дифференциации наказаний.

В этой связи в сложившихся условиях фактического ухудшения основных статистико-криминологических показателей динамики преступности несовершеннолетних и утяжеления ее структуры, в условиях неудовлетворенности общества результатами функционирования карательной системы уголовного правосудия, в условиях взятого государством курса на гуманизацию и либерализацию всех сфер общественных отношений вопросы теоретического обоснования концепции и основных направлений уголовной политики в отношении несовершеннолетних, ориентированных на повышение эффективности назначения наказаний и применения иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних, приобретают особую актуальность и социальную значимость.

В целом, в настоящее время действующее уголовное законодательство содержит весьма разнообразную систему мер уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних преступников, которая дает судам возможность учитывать характер и степень общественной опасности содеянного, особенности личности виновного, а также достижение целей исправления и перевоспитания осужденного несовершеннолетнего. При этом высшие судебные инстанции, обобщая опыт судебной практики, неоднократно отмечали недопустимость назначения как неоправданно суровых, так и мягких наказаний, в том числе несовершеннолетним.

Как известно, самой суровой и, как показывает практика, самой распространенной мерой ответственности несовершеннолетних является уголовное наказание. Законодатель не предусматривает каких-либо специальных наказаний для несовершеннолетних. Однако круг наказаний, которые могут быть им назначены, ограничивается шестью видами в отличие от наказаний совершеннолетним.

Исходя из целей наказаний, назначаемых несовершеннолетним, в соответствии с частью 1 статьи 88 УК РФ определены следующие виды наказаний для них: а) штраф; б) лишение права заниматься определенной деятельностью; в) обязательные работы; г) исправительные работы; д) арест; е) лишение свободы на определенный срок.

Таким образом, из 12 видов наказаний, предусмотренных в Уголовном законе для всех видов осужденных, к несовершеннолетним правонарушителям могут применяться только шесть (а в реальности – 5), которые в большей степени отвечают возрасту таких лиц,

их статусу в обществе и реальным возможностям воспитательного и исправительного воздействия.

Результаты анализа практики назначения уголовного наказания несовершеннолетним показали следующее. Наблюдается тенденция сокращения общего числа несовершеннолетних осужденных, в первую очередь, за счет сокращения осужденных к лишению свободы, и наоборот, наблюдается увеличение доли несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Проведенное исследование позволило выявить следующие тенденции. За исследуемый период наблюдается тенденция сокращения числа несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности. Так, в 2003 году к уголовной ответственности привлечены 96809 несовершеннолетних, то в 2012 году – 59461 [6, с.38].

Из числа привлеченных к ответственности 32572 несовершеннолетних были осуждены. Из числа всех осужденных в 2012 году в отношении 3916 (12%) штраф был назначен в качестве основного наказания, в отношении 161 в качестве дополнительного [4, с.2,3].

К исправительным работам было осуждено 502 человека, что составляет около 1,5% осужденных несовершеннолетних. Для сравнения в 1995 году удельный вес таких осужденных составлял 1,3%, а спустя 10 лет в 2004 году всего 0,5%.

К реальному лишению свободы было приговорено около 15,5%. Для сравнения в 1995 году удельный вес исследуемой группы осужденных был значительно ниже и составлял 27,5%, а в 2004 году 24,5%.

Особое место в структуре осужденных несовершеннолетних занимают условно осужденные. В России их доля в 2012 году существенно сократилась и составила 41,5% (13531). Для сравнения в 1995 году удельный вес таких осужденных составлял 69,7%, а в 2004 году – 74,5% соответственно. Ситуация существенно начала изменяться с 2004 года, когда судебная практика стала ориентироваться на применение наказаний, альтернативных лишению свободы, за счет сокращения осужденных к лишению свободы и условному осуждению.

Лишение права заниматься определенной деятельностью в структуре наказаний несовершеннолетних, начиная с 1997 года, в российской статистике практически не представлено. В 1995 году в России к этому (и другим, кроме указанных выше) видов наказания приговорено 0,1% осужденных, в 1996 году – 0,02%. По итогам 2012 года применение данного вида наказания не практиковалось.

За последние годы существенно увеличилась доля несовершеннолетних, осужденных к таким видам наказания, как обязательные работы и ограничение свободы, их удельный вес составил соответственно 20,7 % и 3,02 % соответственно.

Объяснение сложившейся ситуации вполне очевидно. Из шести видов наказаний, указанных в ст. 88 УК, реально могут быть применены лишь пять (арест как вид наказания до сих пор не применяется, поскольку не созданы учреждения для исполнения данного вида наказания).

При этом назначение других видов наказания (штрафа, исправительных работ, обязательных работ) в большинстве регионов затруднено, в силу того, что лишь около 5% из числа несовершеннолетних осужденных работали на момент совершения преступления или имели в собственности имущество, на которое может быть обращено взыскание. Таким образом, назначение штрафа осложняется имущественным положением несовершеннолетних и отсутствием самостоятельных источников дохода: 50% несовершеннолетних учились, более 30% – не учились и не работали во время совершения преступления; назначение лишения права заниматься определенной деятельностью затрудняется в силу характеристики совершенных несовершеннолетними преступлений, которые, как правило, не связаны с их деятельностью. В итоге, практически единственным видом наказания, который можно назначить несовершеннолетним, становится лишение свободы, применение которого не зависит ни от факта работы, ни от места работы несовершеннолетнего, ни от его имущественного положения. Именно эти обстоятельства и зафиксированы практикой [1, с.7- 9].

Анализ судебной практики позволил выявить следующую негативную тенденцию – высокий удельный вес несовершеннолетних, признанных судом невменяемыми, от общего числа осужденных несовершеннолетних (1,6%). Для сравнения среди взрослых осужденных удельный вес лиц, признанных судом невменяемыми, ниже в 2 раза и составляет всего 0,8%.

Таким образом, проведенный анализ практики назначения наказания и иных мер уголовно-правового характера показал, что повысить эффективность проводимой уголовной политики в отношении несовершеннолетних в подобных условиях, когда достаточно остро стоит вопрос об одновременном снижении объема уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних, и в то же время достижении целей наказания, можно различными способами: за счет применения наказаний, не связанных с лишением свободы, в том числе увеличения доли осужденных к ограничению свободы, обязательным работам, а также за счет применения форм ответственности, не связанных с назначением уголовного наказания, а предполагающих применение иных мер уголовно-правового характера.

В целях экономии уголовной репрессии возможно расширение сферы применения положений ст. 90 УК РФ путем распространения ее действия на совершение не только преступлений небольшой или средней тяжести, но и на совершение впервые тяжкого преступления, не связанного с применением насилия к потерпевшему

Существенную роль в гуманизации уголовной политики России может сыграть кардинальный пересмотр системы уголовных наказаний для несовершеннолетних, предполагающий включение в систему наказаний апробированных практикой (в том числе и зарубежной) альтернативных видов наказаний для всех категорий осужденных, введение особых «подростковых» наказаний, применение особой системы постановления обвинительного приговора, сопряженных с «трудотерапией» или основанных на ней.

В процессе обновления и совершенствования законодательства о борьбе с преступностью несовершеннолетних следует учитывать, что уголовно-правовая политика в отношении несовершеннолетних правонарушителей должна быть направлена к всестороннему обеспечению прав и интересов ребенка нормами материальной отрасли – уголовного права – и осуществляться по следующим направлениям:

- максимальное использование уголовно-правовых мер воспитательного характера в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, однако применяемых при условии полного возмещения ущерба несовершеннолетним или его родителями потерпевшим;

- максимальное использование в отношении несовершеннолетних, совершающих преступления, уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией от общества;

- повышение роли и ответственности семьи (родителей), школы и трудовых коллективов в обеспечении надлежащих условий для жизни и воспитания несовершеннолетних, а также исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества;

- полное выявление и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершающих преступления против несовершеннолетних, вовлекающих их в преступную и иную антиобщественную деятельность, в употребление токсических, наркотических веществ и т.д., а также создающих условия, способствующие совершению преступлений несовершеннолетними.

Воспитательные возможности трудовой терапии ставят на повестку дня вопрос о широком использовании в качестве меры ответственности несовершеннолетних обязательных и принудительных работ. Еще одним направлением совершенствования уголовных наказаний несовершеннолетних может стать оптимизация системы дополнительных правоограничений. Представляется возможным использовать позитивный опыт большинства зарубежных стран, предусматривающих в своем законодательстве понятие мер безопасности. К таковым обычно относятся: принудительное лечение от алкоголизма или наркомании, наблюдение у врача, посещение специальных курсов психотерапии и другие мероприятия, которые способствуют нейтрализации криминогенных свойств личности и ее социальной адаптации. Подобные социальные программы будут весьма полезны в отношении несовершеннолетних.

Наконец, представляется возможным в целях повышения эффективности процесса назначения наказания установить в отечественном законодательстве инсти-

тут, который в зарубежном законодательстве получил название probation и рассматривается как особый вид наказания. В отличие от условного осуждения, когда суд назначает срок лишения свободы или исправительных работ, а затем откладывает его исполнение на определенный период, в случае назначения probation само вынесение приговора откладывается на определенный срок. Если несовершеннолетний не соблюдает установленные ограничения и обязанности, то материалы направляются в суд для обращения приговора к исполнению. Обычно probation предусматривается в отношении преступлений, которые влекут наказание в виде лишения свободы сроком максимум до двух-трех лет. Применительно к российским условиям, речь может идти о преступлениях небольшой или средней тяжести.

Весьма эффективным, на наш взгляд, может быть и краткосрочное назначение в качестве вида наказания ареста в отношении несовершеннолетних. Поскольку пока не созданы специальные арестные дома для их исполнения, для подобных целей вполне могли бы использоваться изолированные участки помещений ЦВСНП. Однако назначение подобного наказания могло бы быть применимо за совершение тяжких преступлений или преступлений небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетними повторно.

Поскольку правоприменитель весьма ограничен в выборе видов наказаний для несовершеннолетних преступников, особую значимость приобретает разработка проблем дифференциации и индивидуализации уголовного наказания несовершеннолетних. Вместе с тем даже краткий анализ показывает, что законодатель не всегда последовательно проводит здесь принцип дифференциации уголовного наказания. Представляется, что необходимость последовательной дифференциации уголовного наказания требует сокращения срока и размера некоторых видов наказаний для несовершеннолетних или создания особых условий для их исполнения.

Приведенные факты в определенной степени объясняются непоследовательностью уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей и недостаточностью усилий, предпринимаемых российским обществом, правоохранительной системой и наукой по предупреждению преступности со стороны несовершеннолетних, а потому требуют совершенствования законодательной базы уголовного и уголовно-исполнительного права, которая гарантировала бы права и свободы несовершеннолетних правонарушителей и в то же время способствовала бы эффективному противодействию преступности.

Библиографический список

1. *Белякова О.В.* Краткий анализ практики назначения наказаний несовершеннолетним осужденным в России. Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 12 (55) // www.gramota.net/materials/1/2011/12/1.html.
2. *Боровиков В.Б.* Вопросы наказания несовершеннолетних через призму изменений в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве // Новеллы уголовного законодательства и проблемы правоприменительной практики. Сборник научных статей. М.: Московский университет МВД России, 2004.
3. *Волошин В.М.* Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних правонарушителей и роль ответственности в ее реализации: Автореф. дисс. д.ю.н. Екатеринбург, 2008.

4. Материалы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 12 месяцев 2012 г. // Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2012 год (раздел 2, 3) // <http://www.cdep.ru/index.php?id=798iten=1776/>
5. *Рогова Е.В.* Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним: Дис. к.ю.н. / Восточно-Сибирский институт МВД РФ. Иркутск, 2004. С. 206.
6. Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2012 года). М: ГИАЦ МВД России, 2013. С. 38.

References

1. *Belyakova O.V.* The brief analysis of practice of purpose of punishment the minor the convicted prisoner in Russia. The almanac of a modern science and formation. Tambov: the Letter, 2011. № 12 (55) // www.gramota.net/materials/1/2011/12/1.html
2. *Borovikov V.B.* Questions punishment of minors through the prism of changes in criminal and criminal Executive legislation // Novelties of the criminal legislation and the problems of law enforcement practice. Collection of scientific articles. M.: Moscow University of the MIA of, 2004.
3. *Voloshin V.* Criminal-legal policy of Russia in respect of juvenile offenders and the role of liability in its implementation. Diss. Dr. Jur. Ekaterinburg, 2008.
4. Materials of the judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 12 months 2012. Report on the number of prosecutions and types of criminal punishment for the year 2012 (section 2.3) on. // <http://www.cdep.ru/index.php?id=798iten=1776/>
5. *Rogova E.V.* Correctional work and peculiarities of their application to minors. Diss. Dr. Jur. East-Siberian Institute of Ministry of internal Affairs of the Russian Federation. Irkutsk. 2004.
6. State of crime in Russia (January-December 2012). Giac Ministry of internal Affairs of Russia. 2013.

УДК 340.132.1

UDK 340.132.1

А.В. ПОГОДИН

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: osibaeva@mail.ru

A.V. POGODIN

candidate of Sciences in Law, Associate professor of the chair "Theory and History of State and Law" Kazan (Volga region) Federal University
E-mail: osibaeva@mail.ru

ПРАВО, ПРАВОРЕАЛИЗАЦИЯ И НРАВСТВЕННОСТЬ

LAW, LAW REALIZATION AND MORALS

В статье раскрыты некоторые актуальные для современной практики особенности взаимосвязанности объективного права, правореализации и нравственности. В процессе общего нормативно-правового регулирования игнорирование нравственных принципов, норм, ценностей, идеалов добропорядочного поведения и специфики их проявления в той или иной практике порождает явные или скрытые дефекты объективного права, следовательно, негативно влияет на функционирование и развитие правореализации.

Ключевые слова: объективное право, ситуационное право, правореализация, нравственность, правореализационная ситуация.

The article reveals some urgent for modern practice features of interrelation of law, law realization and morals. Ignoring of moral principles, norms, values, ideals of respectable behavior and specifics of their manifestation in the course of legal regulation generates obvious or hidden defects of law, therefore negatively influences functioning and development of law realization.

Keywords: law, situational law, law realization, morals, law realization situation.

Актуальность проблемы. 1. Субъект нормативно-правового регулирования, например, законодатель создает абстрактно-общие нормы (объективное право) с учетом системы факторов. Среди них основополагающим фактором является конкретная практика (практика суррогатного материнства, практика купли-продажи земли и т.п.), а также нравственность как интегрированная в практику ее составляющая и одно-

временно как социально значимый регулятор любой практики. Игнорирование нравственных принципов, норм, ценностей, идеалов добропорядочного поведения и специфики их проявления в той или иной регулируемой практике порождает явные или скрытые дефекты объективного права, следовательно, негативно влияет на функционирование и развитие практики. 2. Нравственность в качестве специфического инстру-

мента повышения эффективности правореализующей деятельности функционально необходима субъекту правореализации, разумеется, если он умеет использовать ее потенциал не только там, где надо, но и там, где допустимо. Кроме того, нравственность существует в виде формализованного знания (этика) и задействуется социально ответственной личностью в процессе самообразования и самовоспитания, в том числе в формировании развитого полноценного правосознания, без которого невозможна правореализация.

Взаимозависимость нравственности и права.

В развитии права, государства и общества вопреки прогнозам пессимистов и скептиков отчетливо прослеживается постепенное взаимопроникновение и взаимообогащение с сохранением относительной самостоятельности права и нравственности (морали). Эта существенно значимая для стабилизации жизнедеятельности социума и содержания права закономерность выражается в формуле: если в прошлом оно (содержание права) – лишь «минимум нравственности» [1], то современная его модификация в большей степени, хотя не в полном соответствии с ожиданиями оптимистов и идеалистов, наполнена общечеловеческими нравственными принципами, правилами, ценностями, идеалами. Иначе и быть не может. Поскольку у них 1) единый материальный источник (он же объект регулирующего воздействия) – многообразная социальная практика, 2) во многом совпадающие цели и соотносимые функции, 3) общий механизм действия через сознание и психику личности. В частности, правовые нормы, а тем более нравственные регуляторы, адресованы не просто некой обезличенной юридической фикции, то есть той или иной организационно-правовой структуре, например, юридическому лицу, публично-правовому образованию. Это характерно (и верно с точки зрения нормативной теории) для объективного права – регулятора в статике. В функциональном состоянии как регулятор в динамике оно обращено через ситуационное право к конкретному праводеспособному человеку, прежде всего к тем, зачастую слаборазвитым и «спящим» глубинным структурам сознания и психики человека, которые непосредственно отвечают за социально целесообразное и поддерживаемое здравомыслящей частью социума добропорядочное, т.е. соответствующее принципам добросовестности, справедливости, другим принципам нравственности и права, поведение.

Более того, субстанционально право (добавим – и мораль) «есть искусство добра и справедливости» (это установили еще отцы-основатели юриспруденции) и как таковое в силу своей функции социально значимого регулятора оно должно не только запрещать социально вредное поведение, но и регламентировать социально допустимое поведение, в том числе стимулировать социально востребованные виды добропорядочного поведения во всех практиках и видах общественно значимой деятельности, создавать необходимую и достаточную нормативную основу для их эффективной охраны и защиты представителями правоохранительных и судебных институтов государства и общества.

Нравственность, как объективный социальный нормативный регулятор, существующий независимо от сознания и психики частного и публичного субъекта, формализована, закреплена и «рассредоточена» – не случайно еще Руссо предлагал создать моральный кодекс, и эта задача актуальна сегодня – прежде всего, в религиозных текстах, а также профессиональных кодексах этики, произведениях литературы и науки, основополагающих документах международного права и частично в законах. Этот объективный регулятор и основанная на ней система нравственного воспитания, если эта система реально действует в государстве и обществе (что труднодостижимо, а в условиях нестабильности невозможно), как раз и призвана:

1. формировать и развивать социально значимые структуры сознания и психики личности (нравственное сознание личности);
2. создавать неформальные критерии определения социально опасного, социально вредного, социально допустимого и социально одобряемого поведения;
3. устанавливать запреты и ограничения для социально вредного и опасного поведения;
4. регламентировать и обеспечивать специфическими средствами добропорядочное поведение.

Право и нравственность – ведущие системообразующие для социальной регуляции взаимодополняемые объективные регуляторы. Их взаимопроникновение и взаимообогащение не есть результат одного благого намерения, высоконравственности сознания и доброй воли или какого-нибудь иного субъективного побудительного мотива нормотворца абстрактно-общих норм. В основе этой закономерной глобальной тенденции нового и новейшего времени лежат объективно существующие и реальные процессы [2, 3]. Дело в том, что многие социальные ситуации и возникающие в этих условиях отношения, например, отношение суррогатного материнства, избирательное отношение, отношение трансплантации органа и т.п., имеют внутреннюю логику функционирования и развития или, точнее, по своему социально-предметному и психологическому содержанию изначально нормативны, т.е. им свойственна вполне конкретная достаточно устойчивая структура ситуационной свободы и ответственности (ситуационной социальной коммуникации), в пределе которой субъекты-участники могут самостоятельно действовать, выбирать оптимальный алгоритм поведения для удовлетворения ситуационного интереса и при этом не разрушать структуру отношения, сохранять возникшую социальную коммуникацию. Как только одна из сторон или обе выходят за границы нормативности отношения, за границы его естественного поля свободы, оно перестает нормально функционировать, деформируется и тогда возникает основание, например, для охранительного отношения.

Отношение суррогатного материнства и любое социально значимое публичное и частное отношение имеет нравственное измерение и нравственную составляющую (а многие из них дополнительно еще правовое измерение и правовую составляющую). Применяя

системно (а не что-то одно в отдельности, например, принцип справедливости) общечеловеческие нравственные принципы, правила, ценности, идеалы, можно понять в процессе социально-правовой квалификации не только социально-психологическую сущность и ценность конкретной ситуации и отношения, но и определить какой вариант (или варианты) поведения в данной ситуации допустим, какой – желателен и является добропорядочным, а какой – социально вреден и даже опасен. Для социально ответственного частного и публичного субъекта нравственность выступает в качестве одного из инструментов оценки-анализа и измерения социальной практики (гносеологическая функция). Это первый этап регулирующего действия. Затем по мере развития практики, когда то или иное отношение социально востребовано и массово распространено, с помощью нравственности конструируется нормативная модель добропорядочного поведения в структуре альтернативных моделей поведения в пределе данной социальной ситуации. Причем этот специфический инструмент могут использовать и используют в своей деятельности не только субъекты, осуществляющие общее нормативное правовое регулирование, например, законодатель, но также частные и публичные субъекты правореализации, например, практикующий юрист. Если конкретное отношение и ситуация подвергаются общему нормативному правовому регулированию, то это сопровождается, конечно, в зависимости от уровня развития нравственного и правового сознания нормотворца абстрактно-общих норм, или может сопровождаться инкорпорацией нравственной составляющей отношения в содержание объективного права.

Кроме того, в объективном праве закрепляются основные и наиболее значимые для социума нравственные принципы, ценности и запреты. При этом регулятивный потенциал нравственности переводится в плоскость нормативно-правовых предписаний и установлений с помощью тех средств и методов, которые характерны для первичной формы права. В этом случае нравственность и право дополняют друг друга, усиливают свое регулятивное воздействие на человека, социальную группу, общество и государство [4, 5].

Принцип нравственной обусловленности правореализационной ситуации. В сложной частной, а иногда и публичной правореализационной ситуации – и с этим вряд ли можно спорить – есть несколько моделей правомерного поведения. Среди них выделяется модель добропорядочного (добросовестного) поведения. Она связана с тем, что большинство таких ситуаций имеют нравственное измерение и в этом смысле обусловлены нравственными принципами, правилами, ценностями, идеалами. Практикующий юрист использует (вместе с юридическими) эти нравственные инструменты, определяет содержание и форму возможного в данной правореализационной ситуации добропорядочного поведения, проводит анализ перспектив его реализации и возможных социально-правовых последствий. Каждый высокопрофессиональный юрист обязан, как бы пафосно это не звучало, несмотря на динамику разви-

тия конкретной ситуации (а она порой вынуждает действовать быстро и торопит правореализаторов), наряду с теми или иными допустимыми вариантами правомерного (и даже противоправного) поведения, предложить модель добропорядочного поведения [6]. Особенно, если он консультирует публичного субъекта (государственного и муниципального чиновника, руководителя юридического лица, лидера публично-правового образования). При этом выбор всегда остается за интересантом-доверителем. Практикующий юрист не должен навязывать и тем более, злоупотребляя доверием, сам определять правореализационную тактику. Но чтобы эти рекомендации были актуальными и акцентированно-предметными, а не абстрактно-отвлеченными в стиле нравственного поучения, он должен обладать развитым нравственно-правовым сознанием. Почему практикующий юрист должен проводить анализ нравственной обусловленности сложной правореализационной ситуации и предлагать альтернативу в виде добропорядочного поведения? Какие есть для этого основания и причины? Можно выделить по крайней мере две причины-основания. Во-первых, социально и профессионально ответственный юрист – это не просто высокие слова, это объективно существующее требование-реальность – является проводником добра и справедливости в конкретной правореализационной ситуации. Именно в этом заключается его социально-правовая функция (миссия) и профессионально-нравственный смысл деятельности. По аналогии с клятвой Гиппократы – а ее необходимо ввести в структуру профессиональной подготовки – клятва практикующего юриста в качестве основного положения должна бы включать обязательство служения добру и справедливости или стремление, как мечтал И.Кант, к торжеству категорического нравственного императива. Только тогда право становится действительно правом, а человек, социальная группа, общество, государство, не подавляя друг друга, гармонично взаимодействуют и сосуществуют на основе права и нравственности, только тогда правореализация выстраивается в целостную систему инициирования, поддержки, упорядочивания, обеспечения структурно-функциональной стабильности социально-целесообразной, в том числе инновационной, деятельности, а при необходимости охраны и защиты здоровья и жизни ее участников, их законных интересов и ценностей, если правореализующая деятельность подавляющего большинства юристов, других социально ответственных частных и публичных субъектов нацелена там, где возможно, на добро и справедливость.

Во-вторых, в некоторых как частных, так и публичных сложных правореализационных ситуациях поведение, совершенное с целью противной основам правопорядка и нравственности, является ничтожным. Здесь добросовестное поведение вообще наиболее целесообразно и оптимально. Поскольку такая модель строится не только исключительно на нравственности, но и на тех ее принципах, ценностях, правилах, которые закреплены в объективном праве, например, в граждан-

ском, семейном, налоговом, избирательном, административном праве. Особенно принцип нравственной обусловленности сложной правореализационной ситуации актуален для субъекта правоприменения, прежде всего, для судьи (коллегии судей). В частности, Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» дополняет п.4 Ст.167 ГК РФ дискреционной нормой [7] в соответствии с которой: «Суд вправе не применять последствия недействительности сделки (пункт 2 настоящей статьи), если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности» [8].

Добропорядочное поведение в правореализационной ситуации имеет неоспоримое преимущество перед той или иной моделью допустимого поведения, прежде всего, с точки зрения духовно-психологического и правового результата. Для многих здравомыслящих людей, особенно для тех, кто ценит и понимает жизнеутверждающую силу добра и справедливости в конкретной правореализационной ситуации, это, порой, важнее, чем социально-правовые, например, материальные результаты. Особенно если юрист способен детально и предметно объяснить интересанту-правореализатору, что он может потерять и приобрести, действуя добропорядочно.

Библиографический список

1. Соловьев В.С. Нравственность и право // История философии права. СПб., 1998. С.453.
2. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. С.345.
3. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. 430 с.
4. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. С.198-231.
5. Радбрух Густав. Философия права / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2004. С.49-60.
6. Погодин А.В. Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. - LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 260 с.
7. Валиев Р.Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Т.154. Кн.4. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2012. С.7-15.
8. Российская газета. 2013. 13 мая. №99(6075). С.11.

References

1. Solovyov V.S. Morals and law // Philosophy of law history. SPb., 1998. pp.453.
 2. Maltsev G.V. Moral bases of law. M.: SGU, 2008. pp. 345.
 3. Tsybulevskaya O.I. Moral bases of Russian modern law: dis... doc. of science of law. Saratov, 2004. 430 pp.
 4. Leist O.E. Essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M.: Zertsalo, 2008. pp.198-231.
 5. Radbruch Gustav. Philosophy of law / translation from German M.: International relations, 2004. pp.49-60.
 6. Pogodin A.V. Elements of law realization theory. Research of interaction practice of private and public subjects, law, sociocultural environment. - LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 260 pp.
 7. Valiev R.G. To a question about discretionary rules of Russian law // Proceedings of Kazan University. Ser. Humanities. Vol.154 Book 4. Kazan: Kazan University, 2012. pp.7-15.
 8. Russian Newspaper. 2013. 13 may №99(6075). pp.11.
-
-

УДК [347.965:343.82:342.7] (470.319)

UDC [347.965:343.82:342.7] (470.319)

М.В. СИТНИКОВ

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: sunrise57@mail.ru

M.V. SITNIKOV

post-graduate student of the department of the constitutional and municipal law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: sunrise57@mail.ru

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АДВОКАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**ON THE INTERACTION OF ADVOCACY AND PUBLIC ORGANIZATIONS FOR THE PROTECTION
OF THE RIGHTS OF CITIZENS IN CORRECTIONAL FACILITIES (ON MATERIALS OF OREL REGION)**

В статье исследуются вопросы взаимодействия адвокатского сообщества и институтов гражданского общества по защите прав и свобод осужденных лиц. Автор выявляет существующие проблемы по данным вопросам и предлагает предложения по их решению на основе анализа деятельности органов уголовно-исполнительной системы Орловской области.

Ключевые слова: адвокатура, правозащитные организации, уголовно-исполнительная система, права и свободы осужденных, юридическая помощь.

The article is devoted to the issues of the interaction of the legal community and civil society institutions for the protection of the rights and freedoms of convicted persons. The author identifies current problems in this area and offers suggestions to solve them on the basis of the analysis of activity of bodies of criminally-executive system of the Orel region.

Keywords: advocacy, human rights organizations, criminal-executive system, the rights and freedoms of convicted persons, legal assistance.

В современных условиях уголовно-исполнительная система Российской Федерации находится в процессе серьезных реформ, кардинально приближающих ее к реалиям современного развития нашего общества [См.: 3, с. 3]. Осужденные лица, отбывающие наказания в исправительных учреждениях, по понятным причинам ограничены самостоятельно защищать свои права, и в этой связи, особую актуальность на наш взгляд, приобретает тесное взаимодействие адвокатуры и общественных организаций с Федеральной службой исполнения наказаний РФ.

Однако проведенный нами анализ показывает, что, к сожалению, в настоящее время такое взаимодействие осуществляется не совсем активно. Так, например, на территории Орловской области находится 3 исправительные колонии: женская общего режима (пос. Шахово), мужская строгого режима (гор. Ливны), мужская общего режима с участком строгого режима (пос. Нарышкино), колония-поселение (гор. Мценск), воспитательная колония (пос. Шахово), а также следственный изолятор (гор. Орел). Следственный изолятор выполняет функции исправительного учреждения в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их согласия

[5]. Общее количество мест в данных учреждениях составляет 5261 [2].

Наибольшее число заявлений и жалоб в связи с нарушением прав поступает от лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Данные лица обращаются с заявлениями и жалобами:

- на действия сотрудников правоохранительных органов, проводящих дознание и следствие по уголовным делам;
- на приговоры судов и немотивированные отказы в УДО, замене наказания более мягким наказанием;
- на незаконные, в их понимании и трактовке, действия сотрудников и администраций исправительных учреждений, нарушающих свободы и права лиц, содержащихся в местах лишения свободы;
- на неоказание медицинской помощи в достаточном объеме [См.: 1, с. 7-10].

Большая часть данных обращений направляется в адрес Уполномоченного по правам человека в Орловской области, так за 2012 г. их было 154 [2]. Аппарат Уполномоченного старается оказать правовую поддержку лицам, отбывающим наказание в разрешении их заявлений и жалоб, однако из-за большого числа обращений не всегда удается помочь всем осужденным. В этой связи представляется, что адвокаты Орловской области совместно с общественным Советом УФСИН,

общественной наблюдательной комиссией по соблюдению прав человека и правозащитными организациями, должны помочь Уполномоченному по правам человека и оказывать более активную правовую поддержку осужденным.

Такая помощь, по нашему мнению, может заключаться в следующем: необходимо выстроить более четкую систему получения бесплатной юридической помощи осужденными. Важность и место её, например, в предупреждении рецидивной преступности, нашло свое отражение в решении Оперативного совещания Совета безопасности Российской Федерации от 28 января 2011 г. «О мерах по предупреждению рецидивной преступности в Российской Федерации»: «Организовать систему мер правового характера, направленных на улучшение профилактической работы в этой сфере». Должная организация получения осужденными юридической, в том числе бесплатной, помощи обуславливает необходимость ее построения на системной основе. Однако в настоящее время в Орловской области орган, ее организующий, не определен. Думается, что такие функции можно было бы возложить на социальные службы исправительных учреждений, в состав которых возможно включить правозащитников. Члены Общественного совета при УФСИН по Орловской области, которые возглавляют правозащитные организации, действующие на Орловщине, могут выделить для этого своих сотрудников. Кроме того, адвокаты совместно с правозащитниками могут поучаствовать в создании в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы в Орловской области информационно-консультационных пунктов для оказания бесплатной юридической помощи лицам, отбывающим наказание.

С нашей точки зрения, возможен следующий механизм функционирования таких информационно – консультативных пунктов. Предварительно (примерно за неделю до выезда) в информационно-консультативный пункт поступают письменные вопросы осужденных конкретного исправительного учреждения, которые распределяются администратором по всем направлениям. Полученные вопросы передаются консультантам клиники (адвокатам и правозащитникам), непосредственно участвующим в выездной сессии. После чего они готовят устный комментарий к поступившим вопросам. Выездная сессия может проходить в здании клуба исправительного учреждения, куда приглашаются все желающие. Сначала консультанты клиники озвучивают заранее подготовленные ответы на вопросы осужденных. Вторым этапом возможно проведение индивидуальных консультаций.

Анализ проблем взаимодействия адвокатуры и общественных организаций по защите прав граждан, находящихся в учреждениях исполнения наказаний, также показывает, что нередко для решения правовых вопросов, возникающих у осужденных, не требуется вмешательства адвоката или иного лица, но в связи с необходимостью их разрешения в условиях ограниченного доступа к информационным ресурсам или невозможности получения юридических услуг разъяс-

нения, данные должностными лицами исправительных учреждений, способны удовлетворить потребности осужденных в качественной правовой информации [См.: 6, с. 46]. В этой связи с целью совершенствования юридических знаний сотрудников исправительных учреждений для оказания юридической помощи осужденным Общественная наблюдательная комиссия при УФСИН Орловской области может организовать проведение научно-практических семинаров по вопросам реализации прав, свобод и обязанностей осужденных, с углубленным изучением вопросов соблюдения в исправительных учреждениях конституционных прав человека, принципов и особенностей их правового регулирования. К участию в них возможно приглашать: профессорско-преподавательский состав вузов, работников судебных и иных органов государственной власти, адвокатских работников, представителей правозащитных организаций.

Говоря о правовом просвещении сотрудников исправительных учреждений, важно не забывать и о правовом просвещении осужденных. Так как в условиях изоляции от общества и ограниченного круга общения, в целях поиска необходимой правовой информации осужденные нередко обмениваются собственными суждениями о существе того или иного правоотношения, советуя друг другу варианты поведения. Нередко данные консультации имеют резко отрицательное значение как для самого осужденного, так и для правоохранительной системы. Иногда они влекут подачу необоснованных жалоб и заявлений, рассмотрение которых в рамках судебных разбирательств и административных процедур приводит к неоправданному расходованию финансовых и человеческих ресурсов, что негативно сказывается на правосудии и работе правоохранительных органов. Для решения данной проблемы общественный совет УФСИН совместно с представителями адвокатского сообщества должны организовывать встречи с осужденным, на которых давать необходимые разъяснения положений уголовно-исполнительного законодательства в части порядка и условий содержания, освещать вопросы о правах осужденных на оказание им содействия в трудовом и бытовом устройстве при освобождении из мест лишения свободы, об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

Кроме этого, на наш взгляд, необходимо ввести в штатное расписание исправительных учреждений единицу юрисконсульта для оказания квалифицированной юридической помощи осужденным на постоянной основе.

Также необходимо упомянуть, что работа правозащитных организаций обычно мало чем отличается от работы любых других организаций, оказывающей юридические услуги [См.: 4, с. 37-38]. При этом возникает вопрос: где гарантия того, что, оказывая правовую помощь осужденным, та или иная организация ещё больше не усугубит его положение? Кто будет нести ответственность в таких случаях? Закон ничего не говорит об ответственности правозащитных организаций. В

связи с этим, думается, что хотя правозащитные организации и можно отнести к субъектам оказания юридической помощи осуждённым, государство, тем не менее, должно создать необходимые механизмы контроля за качеством осуществляемой ими деятельности, как это происходит в сфере адвокатуры. В частности, необходимо, как представляется, предусмотреть лицензионный порядок оказания юридической помощи. Только тогда правозащитные организации смогут наравне с адвокатами занять полноправное место среди субъектов оказания юридической помощи осуждённым. В то же время представляется нецелесообразным ограничивать

деятельность правозащитных организаций в части организации правового просвещения осуждённых в местах лишения свободы.

Таким образом, одним из важнейших направлений деятельности исправительных учреждений Орловской области в современных условиях должно стать обеспечение правовой поддержки осужденных и оказания им необходимой юридической помощи. А реалии развития Российского законодательства показывают, что общественные организации и адвокаты должны этому способствовать путем разработки и осуществления различных мер правовой поддержки осужденных лиц.

Библиографический список

1. Давыденко А.В. Некоторые аспекты охраны прав и законных интересов осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2012; № 8: 7-10.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в Орловской области за 2012г. URL: <http://www.ombudsman57.ru/documents/otchetnye-doklady/> (дата обращения: 29.03.2013)
3. Реймер А.А. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года - главный программный документ реформирования отечественной пенитенциарной системы. // Вестник Владимирского юридического института, 2011; № 2: 3.
4. Семеняко Е.В. Адвокатура и негосударственные правозащитные организации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2009; № 3: 37-38.
5. Уголовно-исполнительный кодекс РФ. М.: Изд. Эксмо, 2013.
6. Хромушин П.Н. Правовой консалтинг как основной вид юридической помощи гражданам, ограниченным в правах и свободах // Вестник Владимирского юридического института, 2011; № 4(21): 46.

References

1. Davydenko A.V. Some aspects of the protection of the rights and legitimate interests of probation // Bulletin of the penal system, 2012; № 8: 7-10.
 2. Report of the Commissioner for Human Rights in the Orel region in 2012. URL: <http://www.ombudsman57.ru/documents/otchetnye-doklady/> (date accessed: 29.03.2013)
 3. Reimer A.A. The concept of development of the penitentiary system of the Russian Federation to 2020 - the main program document reforms of the national prison system. // Bulletin of Vladimir Law Institute, 2011; № 2: 3.
 4. Semenyako E.V. Advocacy and human rights non-governmental organization // Scientific works of the Russian Academy of lawyers and notaries, 2009; № 3: 37-38.
 5. Penal Code of the Russian Federation. M.: Penguin Books, 2013.
 6. Hromushin P.N. Legal advice as the primary form of legal assistance to citizens with limited rights and freedoms // Bulletin of Vladimir Law Institute, 2011; № 4 (21): 46.
-
-

УДК 34:378

UDC 34:378

О.Р. ЧУДИНОВ

доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета
E-mail: oleg.chudinow@yandex.ru

O.R. CHUDINOV

associate professor of philosophy and law, Perm national research polytechnic university
E-mail: oleg.chudinow@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

LEGAL EDUCATION IN ENGINEERING-TECHNICAL UNIVERSITY

В статье рассматриваются проблемы правового образования в техническом вузе. Проблемы преподавания дисциплины «Право» рассмотрены в контексте компетентностного подхода. Определено, что высшее инженерно-техническое образование, не являясь юридическим, входит в систему правового образования, так как одним из его результатов является сформированность правовой компетентности инженера – выпускника вуза. В целях достижения этого результата предложены меры по изменению структуры предмета, форм и методов преподавания.

Ключевые слова: правовое образование, правовое обучение и воспитание, правовое государство, правовая компетентность гражданина, формирование правовой компетентности инженера.

The paper examines the problem of legal education in a technical university. The problems of teaching discipline "Law" in the context of competence approach have been studied. It has been defined that higher engineering-technical education, not being juridical, is included in the system of legal education, as far as one of his results becomes the formation of the engineer's, namely the graduate of the university, legal competence. With the aim to achieve this result it has been proposed to change the structure of the subject, forms and methods of teaching are proposed.

Keywords: legal education, legal teaching and training, legal state, citizen's legal competence, formation of engineer's legal competence.

Сохраняющийся в инженерно-техническом образовании технократический подход приводит к пониманию инженерной деятельности только как звена, опосредующего естествознание и технику. При таком понимании гуманитарные, общекультурные аспекты инженерной деятельности остаются в тени. В научном сообществе все настойчивей высказывается мысль о необходимости гуманитаризации высшего технического образования.

Озабоченность данной проблемой нашла понимание и в инженерном сообществе. Так, Ассоциация инженерного образования России определила следующие принципы национальной доктрины инженерного образования:

«– ориентация деятельности системы инженерного образования на создание условий для духовного, нравственного и культурного саморазвития личности;

– глубокая фундаментальная и методологическая подготовка инженеров в сфере гуманитарного знания, духовной жизни человека и общества;

– освоение студентами методологии познания и творчества, практической деятельности, социального поведения и саморазвития личности как решающих условий достижений успеха на жизненном пути;

– создание предпосылок для органичного включения инженеров в экономические, социальные и культурные процессы развития мировой цивилизации;

– освоение студентами будущей профессиональной деятельности как единства физических, экономических, социальных, социально-психологических и ноосферных закономерностей и оценка полезности создаваемых искусственных сред с позиций историзма, приоритета общечеловеческих ценностей, гуманизма, общественицизационного подхода»[7].

Правовая культура, представляя собой неотъемлемую часть общечеловеческой культуры, должна стать качественной характеристикой современной личности. Обладание правовой культурой позволит будущему инженеру не только выполнять роль связующего звена между наукой и техникой, но и активно участвовать в жизни общества, правомерно используя предоставленные ему законом субъективные права и обязанности.

Понимание необходимости повышения правосознания и совершенствования правовой компетентности граждан нашло отражение и в утвержденных в мае 2011 года Президентом РФ «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». В соответствии с данным документом «государственная политика должна быть направлена на формирование высокого уровня правовой культуры населения, безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на

преодоление правового нигилизма в обществе, которое препятствует развитию России как современного цивилизованного государства».

Для выполнения поставленной задачи необходимо повысить уровень правового образования и воспитания подрастающего поколения, в том числе и в учреждениях высшего инженерно-технического образования. В своем исследовании мы попытались определить, какие же проблемы возникают при формировании правовой и профессионально-правовой компетентности в рамках высшего профессионального образования.

Правовое образование представляет собой сложный конгломерат из педагогических и юридических концепций, понятий, методик, технологий. Это некая пограничная область, имеющая междисциплинарный характер, в рамках которой осуществляется переработка педагогических знаний, их адаптация к потребностям правового образования. Взаимосвязь педагогики и юриспруденции подчеркивает, с одной стороны, значимость права как общественного регулятора, а с другой стороны, значимость образования как одного из средств, приводящих этот регулятор в действие. Превалирование педагогики побудило в свое время даже ввести особый термин правовая педагогика, понимаемый, впрочем, довольно широко, как «пропаганда правовых знаний среди населения»[3]. Действительно, можно согласиться с мнением А.М. Столяренко [10] о том, что между писанным правом и реальным состоянием законности и правопорядка, как опосредующее звено, стоят педагогические феномены и закономерности, которые позволяют индивидуальному сознанию переработать поступающую правовую информацию и обеспечить ее воплощение в общественных отношениях. В то же время нормы права не действуют автоматически, они проходят через индивидуальное и общественное сознание, исходя из этого, можно говорить и о том, что право формирует личность, следовательно, само право обладает некими педагогическими свойствами.

Обращаясь к понятию образование, мы не можем избежать нормативного его определения, данного Законом РФ «Об образовании в РФ». В соответствии с законом, образование – это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»[6]. Таким образом, и в новом законе нормативно закрепляется традиционный для педагогики подход к образованию как процессу, представленному двумя компонентами: обучением и воспитанием.

Правовое образование можно представить как систему обучения, направленную на формирование у обучающегося правовых знаний, умений и навыков в соответствии с требованиями федеральных государ-

ственных образовательных стандартов, сопряженную с воспитанием у него готовности и способности применить эти знания и умения в повседневной жизни. В рамках высшего профессионального образования данное определение нуждается в доработке с учетом профессиональной составляющей образования.

В контексте нашей работы правовое образование включает в себя правовое обучение и правовое воспитание. Обращаясь к первому понятию, отметим, что Закон РФ «Об образовании в РФ» содержит легальную дефиницию обучения. Обучение представлено как «целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни»[6].

В педагогике же о процессе обучения говорят, что «...оно и «протекает», и «осуществляется», и «реализуется», оно и передача человеку определенных знаний, умений, навыков; оно и целенаправленное взаимодействие преподавателя и учащихся» [9, с.125]. Такая многозначность говорит о сложности и многогранности обучения как специально организуемого процесса отражения в сознании обучаемого реальной действительности. Как отмечают педагоги, обучение «есть не что иное, как специфический процесс познания, управляемый педагогом». Эти положения можно экстраполировать и на правовое обучение. Учитывая, что познавательная деятельность объединяет чувственное восприятие, теоретическое мышление и практическую деятельность, можно согласиться с предложенным Е.А. Певцовой понятием правового обучения как процесса «целенаправленной передачи знаний, умений и формирования устойчивых навыков в области правовой деятельности, которые позволяют иметь не только теоретические представления об определенных юридических нормах, законах страны, но и применять эти знания в практической деятельности» [8, с.193].

Соглашаясь в целом с определением, хотелось бы дополнить его двумя моментами. Первый, обучение – это управляемый процесс, именно направляющая роль педагога может обеспечить полноценное усвоение молодыми людьми правовых знаний, умений и навыков в области правовой действительности. Второй, обучение – это двусторонний процесс педагогического общения между обучаемым и обучающим. Следовательно, это не только деятельность обучающего по передаче знаний, умений, навыков, но и деятельность ученика, а так как знания, умения, навыки лишены материального содержания, это идеальные образы, то они могут быть восприняты учеником только в результате собственной активной мыслительной деятельности.

Правовое обучение характеризуется рядом принципов, которые еще в 70-е годы прошлого века были сформулированы С.С. Алексеевым, это:

– «непрерывность и нарастание сложности обучения;

– сочетание общего и специального в обучении;
– сочетание в обучении теоретических и прикладных начал» [1, с.221].

В современных условиях список можно дополнить принципом активизации межпредметных связей, принципом научно-обоснованного сочетания традиционных и инновационных методик обучения и принципом сочетания обучения с правовым воспитанием.

Правовое воспитание часто рассматривается с самых широких позиций. Так, Г.И. Демченко рассматривает его как процесс взаимодействия правовых средств с индивидуальным правосознанием и психологией членов общества в целях повышения их правового сознания»[2]. С этой точки зрения, правовое образование представляется только как часть воспитания, в составе которого, кроме того, выделяют правовую пропаганду, а также воспитательное воздействие юридической практики и самого права. Правовое воспитание можно рассматривать и как вид общественной деятельности, этом смысле оно представляет элемент организационной работы государственных органов и общественных организаций.

В рамках нашей работы используется узкое понимание правового воспитания как целенаправленной деятельности по формированию «правовых установок, отношений, мотивов деятельности в среде, регулируемой правом»[11, с.415], в рамках образовательного процесса в вузе. С точки зрения компетентностного подхода правовое воспитание можно рассматривать как средство формирования ценностно-мотивационного компонента правовой компетентности специалиста. В то же время нельзя правовое образование представить как два непроникающих, параллельно протекающих процесса – правовое обучение и правовое воспитание. Как пишет А.М. Столяренко, «нельзя их сначала учить, а потом воспитывать; сначала развивать, а потом учить, ... одним работникам образовательного учреждения только вооружать профессиональными знаниями, а другим формировать личность»[10, с.50-51]. Взаимосвязь и взаимопроникновение процессов очевидно.

Становление правового государства актуализировало ряд проблем в области правового образования. С одной стороны, в 90-е годы правовая система России, провозглашенной демократическим правовым государством, претерпела значительные изменения. В рамках правовой реформы на принципах верховенства права и закона произошло демократическое обновление законодательства, права и свободы человека и гражданина утверждаются как высшая ценность в обществе, усиливается роль суда как независимого гаранта соблюдения прав человека.

Это способствует пробуждению практического интереса к праву и правовым институтам, в обществе укрепляется отношение к праву как механизму бесконфликтной реализации своих интересов в современном мире, право приобретает конкретные черты и значение для каждого. На уровне массового сознания это выражается в резком повышении престижа юридических специальностей, спроса на юридическую литературу,

общем возрастании интереса людей к правовым знаниям, правовой информации.

С другой стороны, современная социально-политическая ситуация в России способствовала росту разрыва между новым демократическим законодательством и низким уровнем правосознания населения. Этот фактор вывел проблему формирования правового сознания, правовой культуры в ранг приоритетов государственной политики. Естественно, что и вопросам правового образования необходимо было уделить особое внимание.

Важность правового образования следует из основополагающих положений Конституции, определяющих, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» (ст.1 Конституции РФ), в котором «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст.2 Конституции РФ). Таким образом, в правовом государстве субъективные права человека и гражданина должны сочетаться с объективным порядком государственной деятельности. Однако такое сочетание невозможно без обладания гражданами определенным объемом правовых знаний и умений, навыков практического использования субъективных прав и обязанностей не только в своих, но и в общественных интересах. Как отмечает О.Е. Кутафин, «Жизнь и работа в правовом государстве невозможны без знания законов, выражающих интересы общества, определяющих гарантии прав и свобод граждан, дозволенного и запрещенного в интересах общества поведения» [4].

Одних правовых знаний и умений, навыков недостаточно, чтобы гражданин должен быть мотивирован на нормативное поведение, необходимо сформировать такие качества, как способность и готовность к правомерному использованию предоставленных законом субъективных прав и обязанностей. Добиться этого возможно только при сформированности у граждан правовой компетентности, одним из факторов формирования которой является правовое образование как составная часть общего и профессионального образования.

Как известно, Ст.10 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» рассматривает систему образования в РФ как совокупность федеральных государственных образовательных стандартов и федеральных государственных требований, образовательных стандартов, образовательных программ различного вида, уровня и направленности, сети организаций, осуществляющих образовательную деятельность, педагогических работников, обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся; органов управления образованием и подведомственных им учреждений и организаций. На основании этого, образовательные программы, определяющие содержание правового образования в стране, должны быть представлены профессиональными программами среднего и высшего профессио-

нального юридического образования, программами правового образования в рамках высшего и среднего профессионального неюридического образования, а также общеобразовательными программами среднего общего образования, т.е. программами допрофессиональной правовой подготовки.

В то же время анализ учебных планов 10-11 классов показывает, что, как правило, допрофессиональная правовая подготовка старшеклассников отсутствует, за исключением профилированных юридических или обществоведческих классов. В результате осуществленного выбора профиля обучения происходит образовательная дифференциация старшеклассников. Гуманитарии, лица, выбравшие гуманитарный профиль обучения, действительно углубленно изучают правовые темы в курсе обществознания, они же обращаются к курсу правоведения, плюс выбирают тот или иной правовой факультатив, пытаясь уже на школьной скамье заложить достойный фундамент правовых знаний, сформировать первоначальную правовую компетентность. Но те из школьников, кто выбирает точные науки, технику и технологию, часто остаются в стороне от правовых знаний, умений и навыков, не говоря уже о способности и готовности применять их на практике. Именно эти ребята становятся абитуриентами и студентами инженерно-технических вузов, именно из их рядов выходят современные инженеры. Поэтому, на наш взгляд, проблема формирования правовой компетентности инженера стоит более остро, чем проблема формирования такой же компетентности у студентов гуманитарного вуза, не говоря уже о юридическом специальном образовании.

Одним из решений проблемы, как представляется, является обеспечение эффективного взаимодействия и преемственности образовательных программ всех уровней правового образования. Отсутствие преемственности общеобразовательных программ и вузовских образовательных программ по предмету правоведения ведет к принципиальной невозможности решения проблемы формирования высокого уровня правовой компетентности у выпускников вуза. Необходимо увязать допрофессиональную общеправовую подготовку учащихся школ, лицеев, гимназий, с общеправовой подготовкой в средних профессиональных и высших учебных заведениях неюридического профиля.

В условиях, когда переосмысливается понимание культуры, образования человека, когда по-новому встает вопрос о месте правовых знаний, их значении в освоении личностью правовой действительности, сохранение лучших традиций школьного правового образования и реализации принципов его непрерывности в рамках высшего неюридического образования должны стать ведущими направлениями общеправовой подготовки студентов инженерно-технического вуза.

В последнее время, в связи с переходом к компетентностному подходу в образовании, все чаще речь идет не о правовом воспитании и обучении гражданина, а о формировании правовой компетентности школьника, студента, специалиста, человека.

Вместе с тем, состояние правовой культуры населения и ее неотъемлемой части – правовой компетентности оставляет желать лучшего. Общеизвестно, что нормативность сознания граждан, желание и готовность соблюдать социальные и правовые нормы, быть законопослушным определяются в значительной степени оценкой населением состояния правопорядка в стране. Социологические опросы свидетельствуют о низком уровне нормативности сознания, выраженного в субъективных оценках допустимости для себя тех или иных асоциальных форм поведения. Так лабораторией социологии высшего образования Пермского государственного технического университета в 2002, 2008 годах были проведены социологического исследования с целью выявления жизненных ценностей студенчества. На вопрос «можно ли для достижения успеха в жизни нарушить закон» в 2002 году положительно ответили 13,6 % респондентов, а в 2008 – 10,7 %, однозначно отрицательно ответили соответственно 40% и 51,2%, высказали свои сомнения «вряд ли можно нарушать закон», но однозначного ответа не дали соответственно 45,3 % и 35,8 %.

Мотивацию нарушения закона, т.е. причины противоправного поведения, студенты связывают с состоянием жизни общества. Так, 41,6% считают, что само общество создает условия для нарушения законов, 29% считают, что причина ненормативного поведения связана с теми «успехами», которых достигли представители политической и экономической элиты страны, нарушая нормы права, 22,8% считают, что виновато телевидение, криминализировавшее эфирное пространство, 8,3% считают, что этому способствуют образы киногероев, жизнь звезд кино и шоу-бизнеса, знакомые, которые добились криминального успеха [5, с.95-96].

Как видим, у будущих выпускников инженерно-технического вуза нет четкой устоявшейся позиции по отношению к ненормативному поведению окружающих, хотя и наблюдается некоторый рост правосознания.

Между тем, на сегодняшний день на производстве остро ощущается дефицит в инженерных кадрах, обладающих правовой компетентностью. Как показали опросы работодателей, прагматически оценивающих набор компетенций выпускника инженерно-технического вуза, одним из обязательных качеств, которым должен обладать инженер, является знание и соблюдение законодательства.

Таким образом, можно выделить ряд противоречий, сложившихся

1. между возрастающей потребностью общества и государства в подготовке профессионалов, обладающих правовой компетентностью, и традиционными подходами к правовой подготовке в рамках инженерно-технического образования, не обеспечивающими формирование необходимого уровня овладения правовой компетентностью;

2. между растущими требованиями работодателей к уровню профессионально-правовых знаний и умений, готовности и способности их проявить на производстве и реальным уровнем правовой компе-

тентности выпускника инженерно-технического вуза;

3. между попытками ввести в систему высшего инженерно-технического образования компетентностный подход и фактическим отсутствием научно обоснованной и методически выверенной модели формирования правовой компетентности у будущих инженеров.

1. В целях преодоления указанных недостатков и повышения уровня правовой компетентности студентов технического вуза необходимо:

а) переориентировать правовое образование с информационно-теоретического на профессионально-деятельностное, используя интерактивные методы преподавания;

б) установить структурно-логические межпредметные связи правовых и общественных, а также технических учебных дисциплин для развития правовой компетентности;

в) диверсифицировать содержание правовых дисциплин за счет акцентирования внимания студентов на реализации норм права в сфере профессиональной деятельности;

г) организовать образовательную среду так, чтобы она была целиком направлена на поддержание установки на правомерное поведение и соблюдение социально-правовых ценностей, прав и свобод человека и гражданина, законности.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Введение в юридическую специальность. М.: Юрид. лит., 1976. 255с.
2. *Демченко Г.И.* Основные вопросы правового воспитания в социалистическом обществе: дис. ... канд. юр. наук. М., 1978.
3. *Дыбовская Н.В., Бурлаков В.Н.* Правовая педагогика: актуальные проблемы // Правоведение. 1989. № 2. С. 64-67.
4. *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЮРИСТЪ. 2003. 585с.
5. *Курбатова Л.И., Стегний В.Н.* Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества. Пермь, Из-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 382с.
6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. №52. Ст. 1797.
7. Основные принципы национальной доктрины инженерного образования // Ассоциация инженерного образования России. URL: http://aeer.ru/winn/doctrine/doctrine_4.phtml
8. *Певцова Е.А.* Основные концепции правового образования // Теоретические и методические основы преподавания права в школе. М.: Новый учебник, 2002.
9. Педагогика: учеб. пособие. Под ред. П.И. Пидкасистого М.: Высшее образование, 2006. 432с.
10. *Столяренко А.М.* Юридическая педагогика: курс лекций. М.: «ЭКМОС», 2000. 254с.
11. Юридический словарь. Сост. А.Ф. Никитина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

References

1. *Alekseev S.S.* Introduction to the legal profession. M.: Legal literature, 1976. 255p.
 2. *Demchenko G.I.* The main issues of the legal education in socialist society: the diss. ... of candidate of legal sciences. M., 1978.
 3. *Dybovo N.V., Burlakov V.N.* Legal education: current problems // Jurisprudence. 1989. № 2. Pp. 64-67.
 4. *Kozlova E.I., Kutaphin O.E.* Constitutional law of Russia. M.: YURIST. 2003. 585p.
 5. *Kurbatova L.I., Stegnij V.N.* Social portrait of the students in the conditions of transformation of the Russian society. . Perm, Perm. gos. tehn. un-t, 2009. 382p.
 6. On education in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation 29 december 2012 г. N 273-FL // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2012. №52. Art. 1797.
 7. Basic principles of the doctrine of engineering education // The Association of engineering education of Russia. URL: http://aeer.ru/winn/doctrine/doctrine_4.phtml
 8. *Pevtsova E.A.* Basic concepts of the legal education // Theoretical and methodological bases of teaching of law in the school. M.: The new textbook, 2002.
 9. Pedagogy: a training manual / ed. by P.I. Pidcacist M.: Higher education, , 2006. 432p.
 10. *Stolyarenko A.M.* Juridical pedagogy: course of lectures M.: «ECMOS», 2000. 254p.
 11. Law dictionary / author A.F. Nicitina M.: OLMA-PRESS, 2005.
-

УДК 378.026.9

М.И. АЛДОШИНА

доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета
E-mail: maraldo1@rambler.ru

С.В. ВОРОНКОВ

аспирант Орловского государственного университета
E-mail: pedagog57@mail.ru

UDC 378.026.9

M.I. ALDOSHINA

doctor of Pedagogic, professor of the Orel state University
E-mail: maraldo1@rambler.ru

S.V. VORONKOV

graduate of the Orel state University
E-mail: pedagog57@mail.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УНИВЕРСИТЕТА

THE MODEL OF FORMATION OF LEGAL CULTURE OF BACHELORS OF PEDAGOGICAL EDUCATION IN UNIVERSITY EDUCATIONAL PROCESS

В статье представлена модель формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования. Охарактеризованы целевой, содержательный, организационно-деятельностный, оценочно-результативный компоненты разработанной модели.

Ключевые слова: правовая культура, модель формирования правовой культуры бакалавра педагогического образования, компоненты правовой культуры.

The article presents a model of formation of legal culture of bachelors of pedagogical education. The target, informative, organizational activity, estimated-effective components of the developed model are characterized.

Keywords: legal culture, the model of formation of legal culture of the bachelor of pedagogical education, the components of legal culture.

В системе образования произошли значительные изменения в области модернизации и правовых отношений, формирования правовой системы, отвечающей современным требованиям и реалиям. В этой связи, формирование правовой культуры бакалавров педагогического образования, проявляющееся, прежде всего, в развитии правовой активности и эффективном умении использовать правовые средства для достижения педагогических результатов, должно стать неотъемлемой частью образовательного процесса в вузе, необходимым компонентом профессионального становления личности. Особую актуальность этот процесс приобретает в условиях модернизации системы высшего профессионального образования, в которой определяющим выступает процесс формирования опыта деятельности личности, ее готовность в профессионально-педагогической деятельности принимать ответственные решения и действовать адекватно требованиям современного образовательного законодательства при организации образовательного процесса. Таким образом, возникает проблема исследования, которая заключается в разрешении противоречия между сложившейся системой профессиональной подготовки студентов в вузе и современными требованиями к уровню правовой культуры бакалавров педагогического образования как необходимого компонента их профессиональной и социальной компетентности.

В своем исследовании мы ставим задачу разработать модель формирования правовой культуры бакалав-

ров педагогического образования, в образовательном процессе университета. Для этого мы используем моделирование, как метод теоретического исследования, для того чтобы:

- понять, как устроен объект исследования, какова его структура, основные свойства, законы развития и взаимодействия с окружающим миром;
- научиться управлять объектом или процессом и определить наилучшие способы управления при заданных условиях, целях и критериях;
- прогнозировать прямые и косвенные последствия заданных способов и форм воздействия на объект» [1].

Для разработки данной модели мы использовали метод моделирования [13]. Моделирование рассматривается как процесс познания явления или процесса. Исходным постулатом при использовании моделирования выступает то, что некая промежуточная система – модель, подобна прототипу и более удобна для изучения или освоения, что дает возможность переноса полученных данных в реальную практику.

С.А. Саркисян, Л.В. Голованова, определяя педагогическую систему, особо подчеркивают связи и отношения частей в ее составе. В процессе моделирования, в связи с данным подходом, становится важным учет коммуникативности на всех уровнях. Для нашей модели формирования правовой культуры бакалавра педагогического образования важны следующие виды связей:

- взаимосвязь основных субъектов педагогическо-

го процесса (преподавателей, студентов),

- взаимосвязь компонентов педагогического процесса (целевого, содержательного, организационно-деятельностного и оценочно-результативного); компонентов правовой культуры бакалавров педагогического образования (когнитивного, деятельностного, личностного, аксиологического и рефлексивного); теоретических основ формирования правовой культуры личности бакалавра педагогического образования и их практической реализации;

- взаимосвязь правового образования и правового воспитания в рамках процесса формирования правовой культуры личности студентов;

- аудиторной и внеаудиторной деятельности, традиционных и инновационных форм правоприменительной деятельности в университете;

- взаимосвязь университета и социокультурного окружения (образовательные организации, культурно-просветительские и правоохранительные учреждения, общественные организации, объединения и т.п.),

В нашем исследовании модель рассматривается как структура и механизм, обеспечивающие оптимальные условия для функционирования, развития и саморазвития создаваемой теоретической модели формирования правовой культуры бакалавра педагогического образования.

В ходе построения нашей модели мы учитывали следующие условия развития педагогической системы: целостность, коммуникативность, структурность, междисциплинарность, управляемость, развитие, полноту и многоуровневость описания. *Целостность* данной модели характеризует единство ее компонентов (когнитивного, личностного, аксеологического, деятельностного, рефлексивного), наличие у системы интегративных качеств (сформированности правовой культуры определенного уровня), которых нет у ее компонентов, систему связей и отношений, которые выделяют ее (как самостоятельную единицу) из окружающей среды. *Коммуникативность* данной модели утверждает наличие и учет различных связей разного вида и уровня (субъектов, компонентов, видов деятельности и т.п.). *Структурность и многоуровневость* данной модели характеризуются возможностью выделения этапов развития правовой культуры бакалавров педагогического образования, значимых форм деятельности, в рамках которых реализуется ее содержание, и видимых параметров фиксации получаемых результатов. Наряду с устойчивостью структура обладает изменчивостью и подвижностью, с чем связана возможность преобразования системы деятельности и появления новых интегративных качеств или перехода имеющихся на более высокий уровень. *Управляемость* данной модели обеспечивается направленностью на интересы студента; сопряженностью с ценностями права и педагогической деятельности; реальностью достижения поставленной цели формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования; конкретностью, определенностью затрат и кадрового обеспечения, диагностичностью и возможностью коррекции, в случае

необходимости. Возможность *развития* данной модели обуславливается переходом целостности на другой уровень. *Полнота* гарантируется адекватностью отражения объекта в модели, эмпирическим характером получения материала, многократностью проверки с помощью различных приемов.

Опираясь на структурно-функциональную характеристику педагогической системы, можно выделить следующие компоненты педагогического процесса: целевой, содержательный, процессуально-управленческий, оценочно-результативный. При построении модели мы исходили из научного представления о наличии подобных структурных компонентов системы и взаимосвязей между ними. Модель включает составляющие обобщенного характера, которые в самостоятельном виде могут рассматриваться как подсистемы, состоящие из частных компонентов, которые в структуре подсистемы генерируют ее построение. Взаимосвязь компонентов системы и целостность процесса формирования правовой культуры личности студентов, будущих бакалавров педагогического образования обеспечивается опорой на закономерности, ведущие идеи и тенденции, определяющие совокупность последовательных действий, направленных на обеспечение целостности обобщенных компонентов.

Модель формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в условиях университетского образования, построенная на основе интеграции правовых и профессионально-педагогических знаний, направленных на осознание социальной, профессиональной и личностной значимости права и правопорядка; воспитание чувства ответственности за неукоснительное выполнение предписаний правовых норм; воспитание убежденности в правильности и справедливости правовых предписаний; овладение системой профессионально-прикладных правовых знаний, и включает следующие компоненты: целевой (цель, задачи процесса формирования правовой культуры личности); содержательный (правовые знания основ образовательного права, способы деятельности, опыт правоприменительной деятельности и осуществления эмоционально-ценностных отношений к ценности права и правоотношениям в сфере образования); организационно-деятельностный (реализация процессов аудиторного правового образования в соответствии с ФГОС ВПО, внеаудиторного правового образования (педагогический практикум решения проблемно-ситуационных правовых задач, НИРС, педагогическая практика, социально-значимая деятельность) и правовое воспитание студентов; оценочно-результативный (уровень сформированности правовой культуры студента в соответствии с критериями её сформированности).

Отмечаем, что данная модель может быть отнесена к структурно-содержательным, в которой отражены взаимодействие структурных элементов и содержательное «наполнение» процесса формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования через именование основных компонентов.

Целевой компонент структурно-содержательной

модели формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования является наиболее значимым, так как детерминирует содержание правового образования и правового воспитания и их процессуальную сторону.

Целевой компонент модели обуславливается модернизацией российского образования и социальным заказом, который определен в ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100.62 «Педагогическое образование», государственными требованиями к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников. Студент должен быть готов к профессиональной деятельности с использованием правовых норм и нормативно-правовых актов. Таким образом, важной характеристикой студента является правовая компетентность, позволяющая выпускнику обоснованно принимать различные решения в процессе профессионально-педагогической деятельности и соблюдать правовые нормы в рамках образовательного процесса. Профессиональная компетентность выступает условием становления педагогической культуры, что позволяет определить стратегическую *цель*: создание педагогических условий, способствующих формированию правовой культуры бакалавров педагогического образования в образовательном процессе университета.

Для достижения поставленной цели, на основе структуры правовой культуры бакалавров педагогического образования, мы определяем следующие *задачи*:

- создание соответствующей мотивации студентов на усвоение правовых ценностей, знаний образовательного законодательства РФ, системы правовых отношений; развитие эмоционально-чувственной сферы, стимулирование правовой деятельности в рамках образовательного процесса университета;
- формирование системы правовых знаний, умений и навыков, способствующих успешной профессионально-педагогической и правоприменительной деятельности в правовой среде образовательной организации;
- изменение теоретических и методических подходов, обеспечивающей реализацию содержания и формирование правовой культуры студентов в университете;
- создание модели формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в различных видах учебно-познавательной и социально-значимой деятельности студентов;
- создание широкого поля научно-исследовательской и социально-значимой, практической деятельности студентов для проявления правовой активности в изучении, сохранении и трансляции правовых знаний и способов решения проблем с помощью норм образовательного права.

Центральным звеном между целью и результатом формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования является содержание образования, отраженное в содержании учебного материала. Данное обстоятельство обуславливает выделение второго компонента – содержательного.

Содержательный компонент структурно-

содержательной модели включает в себя содержание правовой культуры бакалавра педагогического образования (когнитивный, личностный, аксиологический, деятельностный, рефлексивный элементы) и содержание процесса формирования искомого новообразования (правовые знания основ образовательного права, правовые умения и навыки, правовые ценности, опыт творческой правоприменительной деятельности, опыта эмоционально-ценностного отношения к ценностям права и образования). Каждый из компонентов является относительно самостоятельной подструктурой, подчиняющийся общим законам развития личности и воплощающий единство сознания, деятельности и общественных отношений.

Когнитивный компонент в структуре правовой культуры личности бакалавра педагогического образования характеризует уровень, полноту, осознанность и прочность правовых знаний: основ образовательного законодательства и правового регулирования правоотношений в системе образования РФ; о социально-правовой защите участников образовательного процесса; об организации правового просвещения, воспитания и обучения детей и взрослых в образовательной организации; о степени освоения правовых понятий, терминов и норм в системе образовательного права; о нормативно-правовых актах, регулирующих правоотношение участников образовательного процесса и деятельность работников образовательной организации; о способах формирования профессионально-педагогического правового мышления.

В когнитивном компоненте выделены правовые знания, способствующие успешной профессионально-педагогической деятельности в условиях образовательной организации, которые создают основу для формирования правового мышления. Наряду с правовыми знаниями он включает понимание правовых категорий. Правовые знания выполняют системообразующую функцию в процессе формирования правовой культуры. На их основе формируется правовое поведение бакалавров (стратегия, тактика, стиль педагогической деятельности).

Деятельностный компонент в структуре правовой культуры бакалавра педагогического образования определяет уровень ответственного, творческого преобразования педагогической деятельности с позиции образовательного права. Главной целью развития правовой культуры и ее показателем является правомерное поведение бакалавра. Реализация этого компонента правовой культуры обеспечивает практическую активность в овладении и совершенствовании правовых знаний, умений, навыков, профессиональных компетенций.

Аксиологический компонент связан с ценностями, ценностными ориентациями, мировоззрением, нравственностью. Как отмечают В.А. Сластенин и Г.И. Чижакова, одной из отличительных черт аксиологизации образовательного пространства является установка на формирование ценностного отношения к себе, к окружающим людям, к учению, к

собственной профессиональной деятельности, к окружающему миру в процессе непрерывного образования человека. Следовательно, аксиологический компонент выделяется нами в связи с тем, что студент в период профессионально-педагогической деятельности постоянно находится в правоотношениях с участниками образовательного процесса (бакалавр педагогического образования – ученик и их законный представитель – родитель). Он обладает правовым статусом, который включает в себя комплекс прав, свобод и обязанностей и обеспечивает реализацию конституционного права обучающихся на образование, руководствуясь нормативно-правовыми актами (ФГОС, базисный учебный план, образовательная программа), а также решает педагогические задачи социальной защиты прав и свобод обучающихся в правовой среде образовательной организации, оценивая происходящие события, постановку задач, поиск принятия решений и их реализацию с позиции образовательного права, то есть этот компонент определяет позитивное отношение бакалавров к педагогической деятельности.

Аксиологический компонент рассматривается в качестве той основы, на которой происходит целенаправленное формирование личностно-ценностного отношения студента к праву. Функция аксиологического компонента приобретает доминирующее значение, так как способствует пробуждению интереса к образовательному праву, поскольку предоставляет бакалаврам педагогического образования возможность освоить научно-теоретические основы правового регулирования правоотношений в образовательном процессе, а также социальной и воспитательной работе в образовательной организации, психолого-педагогические механизмы их осуществления.

Личностный компонент непосредственно связан с личными качествами студентов: восприимчивостью к правовой информации, коммуникативностью, умением планировать свою педагогическую деятельность, способностью критически оценивать её результаты с позиции образовательного права.

Вслед за В.Н. Дружининым, М.А. Холодной, Е.А. Сергиенко, мы считаем, что способности обеспечивают успешность педагогической деятельности бакалавров в правовой среде. Поэтому особая организация (когнитивные стили, когнитивные схемы), специфика (ориентированность на вид деятельности) и мобилизация сил (роль личности) для выполнения определенной деятельности, которые в совокупности обеспечивают достижение необходимого результата ценой минимальных затрат, воспринимаются нами в итоге как способность.

В ФГОС ВПО указано, что в ходе профессиональной подготовки студенты должны овладеть способностями: понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества (ОК-3); владеть культурой мышления (ОК-1), в том числе и правовой; использовать нормативно-правовые документы в своей

деятельности (ОК-13); нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности (ОПК-4); использовать систематизированные теоретические и практические знания гуманитарных наук при решении социальных и профессиональных задач (ОПК-2). Следовательно, данные способности характеризуют **личностный компонент** в структуре правовой культуры бакалавров педагогического образования и создают доминирующую правовую направленность личности. Они характеризуются такими качествами личности, как оригинальность, гибкость, критичность, ассоциативность, образность, продуктивность правового мышления; проявление творческого подхода к решению проблемных ситуационно-правовых задач; готовность будущих бакалавров проектировать и реализовывать педагогические модели правового просвещения, воспитания и образования обучающихся; стремление к самосовершенствованию, преобразованию педагогического процесса в соответствии с действующим образовательным законодательством Российской Федерации.

Рефлексивный компонент. Усвоение, присвоение и развитие правовой культуры происходит в процессе активной деятельности и неразрывно связано с процессами осмысления, осознания и формирования собственного личностного ценностного отношения к правовому знанию, собственной деятельности, то есть с процессом рефлексии. Под рефлексивным компонентом правовой культуры мы понимаем способность мыслить, обдумывать различные варианты развития, аргументировать, осознанно относиться к педагогической деятельности, интерпретировать правовые знания, а также готовность к признанию своей ошибочности, умение демонстрировать логику своего истолкования, наличие собственного мнения при решении проблемно-ситуационных правовых задач в образовательном процессе. Рефлексивный компонент позволяет студентам сознательно контролировать результаты своей правоприменительной деятельности и уровень собственного правового развития в рамках реализации и защиты своих прав, свобод и обязанностей в образовательном процессе университета, выявлять причины затруднений и проводить коррекцию способов деятельности. Рефлексивный компонент в структуре правовой культуры личности бакалавра педагогического образования определяет уровень саморазвития и самооценки личности, умение контролировать свое правовое поведение в условиях образовательного процесса, в различных ситуациях, возникающих в процессе его подготовки и в будущей профессиональной деятельности.

Содержание *процесса* формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в образовательном процессе университета мы рассматриваем с позиций культурологической концепции (В.В. Краевский, В.С. Леднев, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин). Данный подход предполагает выделение четырех структурных элементов содержания:

– опыта познавательной деятельности, фиксированной в форме ее результатов – правовых знаний; опыта осуществления известных способов деятель-

ности – в форме умений действовать по образцу в проблемно-ситуационных правовых ситуациях; опыта творческой деятельности – в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях правового обучения и воспитания; опыта осуществления эмоционально-ценностных отношений – в форме личностных ориентаций в правоотношениях и правовом поведении.

Эти «элементы связаны между собой таким образом, что каждый предшествующий элемент служит предпосылкой для перехода к следующему. Например, правовые умения формируются на основе правовых знаний, а творческая деятельность предполагает овладение некоторой суммой правовых знаний и правовых умений в деятельности по разработке локальных правовых актов и способов организации правового просвещения, обучения и воспитания обучающихся.

Охарактеризуем элементы содержания правового образования, опираясь на классические исследования И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина [11]. Правовые знания: понятия и термины образовательного права; факты правовой действительности; нормативно-правовые акты (законы, указы, постановления, приказы, инструкции, положения); знания о правовом положении участников образовательного процесса и способах правового регулирования правоотношений в сфере образования. Правовые умения: анализировать текст нормативно-правового акта, обосновывать необходимость его применения относятся к интеллектуальным умениям; решать проблемно-ситуационные правовые задачи, конструировать систему организации правового просвещения, обучения и воспитания обучающихся относятся к практическим умениям; разработка учебных и социальных проектов по вопросам образовательного права – к предметным; самоконтроль, планирование собственной деятельности – к общеучебным.

Особую значимость приобретает умение принимать нестандартное решение в проблемно-ситуационных правовых ситуациях, т.е. опыт творческой деятельности, признаками которого выступают: самостоятельный перенос правовых знаний и умений в новую, незнакомую ситуацию; видение проблемы в знакомой ситуации; видение новой функции объекта; самостоятельное комбинирование известных способов деятельности в новый; видение структуры объекта; видение возможных решений данной проблемы; построение нового способа решения проблемы, отличного от известных.

Опыт эмоционально-ценностных отношений проявляется в виде ценностных ориентаций личности, который непосредственно связан с аффективной сферой и формируется в процессе деятельности. В контексте нашего исследования правовые ценностные ориентации – это система установок, интересов, сформированные на основе правовых знаний и умений, которые находят свое выражение в правовом поведении бакалавра в педагогической деятельности.

Организационно-деятельностный компонент модели представлен рядом педагогических условий, реализация которых, с нашей точки зрения, может

значительно повысить эффективность формирования правовой культуры студентов. В качестве дидактического инструментария выбраны формы организации и методы обучения, направленные на формирование всех компонентов правовой культуры. Данный компонент представлен последовательным, поэтапным процессом формирования правовой культуры бакалавра педагогического образования в образовательном процессе университета. Формирование правовой культуры бакалавра педагогического образования в университете, включает в себя возможности процесса обучения и осуществления воспитательных воздействий на личность в рамках целостного педагогического процесса в университете, педагогического практикума решения проблемно-ситуационных правовых задач, самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов, педагогической практики и социально-значимой деятельности.

Среди педагогических условий, способствующих эффективной реализации структурно-содержательной модели формирования правовой культуры студентов, выделяем следующие: совершенствование организации учебного процесса, обеспечивающего возможность последовательного усвоения правовых знаний, формирования правовой мотивации и становления позитивного правового опыта в рамках учебно-профессиональной и научной деятельности при активном использовании методов активного и интерактивного обучения, а также в рамках учебной практики; совершенствование образовательного процесса путем внедрения спецкурса «Основы правовой культуры бакалавров педагогического образования» в вариативной части Рабочего учебного плана.

Организация спецкурса включает в себя лекции (теоретический материал основ образовательного права) и семинарские занятия (рассмотрение реальных профессиональных задач). В качестве итоговой аттестации студенты защищают проектную работу, тему которой выбирают самостоятельно с учетом профессиональных интересов.

Формирование правовой культуры бакалавров педагогического образования является педагогическим процессом. Отличительной особенностью педагогического процесса является разница фиксируемых состояний в начале и в конце педагогического воздействия на конкретную личность. Динамика процесса формирования правовой культуры студентов в процессе университетского образования имеет место при соблюдении следующих его этапов: диагностический, подготовительный, формирующий, оценочно-рефлексивный.

Реализация модели формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования в университете будет оптимальной, если сопровождается систематическим мониторингом его динамики, созданием условий для развития личности, индивидуально-ориентированных траекторий образования, диалоговых технологий, оказания специальной помощи студентам с проблемами в сфере правового развития в случае необходимости. Систематизирующим аспектом

структурно-содержательной модели формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования выступает **оценочно-результативный компонент**, который мы рассматриваем как меру отражения целостности модели, обеспечивающую ее существование; методологический инструмент управления качеством процесса формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования; средство, с помощью которого осуществляется выбор стратегии развития правовой подготовки студентов; основание для оценки реального уровня сформированности правовой культуры студента.

учебно-познавательной деятельности. Он представлен критериально-оценочным инструментарием выявления уровня сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования.

При определении критериев сформированности правовой культуры мы исходим, во-первых, из понимания сущности правовой культуры бакалавра педагогического образования, которая соединяет в себе правовые знания, профессиональные компетенции, взгляды и установки личности, а также правовую активность, умения и навыки оценивать свои и чужие действия с точки зрения действующего образователь-

Этапы формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования

Этапы	Деятельность преподавателя	Деятельность студентов
Диагностический	Выявление готовности к самосовершенствованию; изучение мотивации студентов к обучению в вузе; анализ сформированности правовой культуры; постановка задач по повышению уровня правовой культуры	Осознание своего правового статуса; самооценка правовых знаний, умений и навыков по дисциплине «Основы правовой культуры бакалавра педагогического образования»;
Подготовительный	Отбор предметно-содержательного учебного материала; составление плана организации процесса формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования	Составление индивидуального плана работы по формированию правовой культуры. Формирование портфолио
Формирующий	Организация процесса формирования правовой культуры студентов.	Усвоение правовых знаний спецкурса «Основы правовой культуры бакалавров педагогического образования». Участие в НИРС: НПК, дискуссионном клубе.
Оценочный	Анализ и коррекция процесса формирования правовой культуры студентов; определение степени сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования	Анализ неудач и их причин; самоанализ сформированности правовой культуры; объективная самооценка своих правовых знаний, умений и навыков, способностей.

Оценочно-результативный компонент отражает эффективность протекания процесса формирования правовой культуры студентов, характеризует достигнутые изменения в соответствии с поставленной целью. В качестве оценки результативности обучения выступает диагностика уровня сформированности компонентов, входящих в состав правовой культуры бакалавров педагогического образования. Данный компонент направлен на развитие рефлексивных умений, самоконтроля, адекватной самооценки студентами своей

ного законодательства, выбирать и использовать для достижения поставленных образовательных целей в педагогической деятельности законные средства. Во-вторых, исходим из общих положений, что:

- основой содержания правовой культуры являются правовые знания, ценности, ценностные ориентации, взгляды, убеждения, которые влияют на направленность и правовую позицию личности в использовании правовых норм в образовательном процессе;
- предпосылкой правового поведения является

критерии	Показатели
когнитивный	полнота, осознанность и прочность правовых знаний: • основ образовательного законодательства и правового регулирования правоотношений в системе образования РФ; • о социально-правовой защите участников образовательного процесса; - об организации правового просвещения, воспитания и обучения детей и взрослых в образовательной организации; • правовых понятий, терминов и норм в системе образовательного права; • нормативно-правовых актов, регулирующих правоотношение участников образовательного процесса и деятельность работников образовательной организации; • о способах формирования профессионально-педагогического правового мышления.
деятельностный	правовые умения: • применять полученные правовые знания при принятии правомерных решений в различных педагогических ситуациях; • работать с нормативно-правовыми актами различного вида и уровня, регулируемыми образовательными правоотношениями; • соотносить свое поведение и поведение окружающих в соответствии с требованиями законов; • оценивать факты правомерного и противоправного поведения; • соблюдать свои правовые права и обязанности в педагогической деятельности; • оказывать практическую помощь в области социальной защиты обучающихся; • осуществлять сотрудничество с органами правопорядка и социальной защиты населения; • организовывать правовое просвещение, воспитание и обучение детей и взрослых в образовательной организации; • анализировать ситуацию на рынке образовательных услуг, оценивать собственные профессиональные возможности; • ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений с позиции законодательства РФ.
аксиологический	• осознание правовых ценностей и значимости образовательного права; • наличие правового самосознания, потребности и заинтересованности в профессионально-правовой подготовке; • оценка своего правового поведения в различных профессионально-педагогических ситуациях; • раскаяние от собственного неправомерного поведения и правонарушения со стороны других лиц; • неудовлетворенность по поводу низкого качества правовых знаний и умений у себя и окружающих; • удовлетворенность от собственного правомерного поведения и правомерного поведения иных членов образовательного процесса; • положительные эмоции после удачно найденного правового решения жизненной и профессионально-педагогической ситуации; • стремление к собственному правовому образованию и повышению правовой культуры у окружающих, иметь внутреннюю установку не совершать правонарушения и преступления в своей профессиональной деятельности.
личностный	• понимание значения культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества; • владение культурой мышления, в том числе и правовой; • использование нормативно-правовых документов в своей деятельности; • ответственность за результаты своей профессиональной деятельности; • использование знаний юридических наук при решении социальных и профессиональных задач; • оригинальность, гибкость, критичность, ассоциативность, образность, продуктивность правового мышления; • проявление творческого подхода к решению проблемных ситуационно-правовых задач; • готовность проектировать и реализовывать педагогические модели правового просвещения, воспитания и образования обучающихся; • стремление к самосовершенствованию, преобразованию педагогического процесса в соответствии с действующим образовательным законодательством Российской Федерации.
рефлексивный	• понимание сущности и назначения рефлексии в профессионально-педагогической деятельности; • усвоение знаний о способах организации рефлексии; • наличие умений и навыков: • самоконтроля, самосовершенствования; • анализа причин противоправного поведения обучающихся; • выявлять правовые основания организации учебно-познавательной и трудовой деятельности; • адекватно оценивать результаты своей педагогической деятельности с позиции образовательного права; • владеть способностями: • к самоконтролю на основе личностно-значимых правовых ценностей; • к осуществлению самодиагностики в целях самопознания, саморазвития и преобразования собственной деятельности по формированию правовой культуры; • к рефлексии собственной педагогической деятельности с учетом правовых норм в сфере образования.

компетентность, система отношений студентов к праву, законности, установленному правопорядку в обществе, студенческом коллективе и образовательной организации.

При обосновании различных видов критериев правовой культуры мы берем в качестве основы классификацию средств педагогической диагностики В.Н. Мошкина [8]. Для оценки правовой культуры студентов в целом используются эталоны, в качестве которых выступают образцы деятельности в соответствии с правовыми нормами в сфере образования, личность бакалавра педагогического образования с высоким уровнем готовности к творческому использованию норм образовательного права. Эталоны оценки используются во взаимосвязи с другими видами критериев: параметрами, показателями, уровнями, нормами и эквивалентами.

При оценке уровня сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования используются параметры: знание норм образовательного права (нормативно-правовых актов); правовые ценности, взгляды, убеждения; мотивация к изучению законодательства; опыт практического применения правовых норм; дисциплинированность; требовательность в выполнении правовых норм; правовая активность; исполнительность; правовая устойчивость; принципиальность; волевая готовность к преодолению трудностей в соблюдении правовых норм; опыт самосовершенствования правовой самоподготовки; опыт самоконтроля за соблюдением правовых норм. Данные параметры оценки фиксируют основные элементы и компоненты правовой культуры. Обобщая сказанное, позволяет выделить группы параметров, которые отражают содержание компонентов правовой культуры бакалавров педагогического образования:

- правовые знания – когнитивный компонент;
- правовые умения – деятельностный компонент;
- правовые ценности – аксиологический компонент;
- правовая позиция и активность – личностный компонент;
- правовой самоконтроль – рефлексивный компонент.

Следовательно, мы имеем основания выделять следующие критерии сформированности правовой культуры бакалавров педагогического образования: когнитивный, деятельностный, аксиологический, личностный, рефлексивный. Предлагаемые критерии служат основанием для разработки *показателей и уровней* их сформированности.

В качестве одного из видов критериев оценки В.Н. Мошкин называет эквиваленты, в основе которых – результаты анализа характеристик предшествующей деятельности студентов, оценки уровня их готовности к реализации норм образовательного права в своей профессионально-педагогической деятельности. [8]. Эквиваленты применяются в сочетании с различными шкалами оценки, в нашем случае со шкалой из трех уровней: высокий уровень правовой культуры, чем на предыдущем этапе обучения (положительная оценка);

уровень правовой культуры, равный ранее выявленному уровню (удовлетворительная оценка); правовая культура более низкого уровня, чем выявленный ранее уровень (отрицательная – неудовлетворительная оценка).

В ходе исследования мы обосновали уровни сформированности правовой культуры студентов: низкий – базовый уровень, средний – профессионально-функциональный, высокий – профессионально-эффективный.

Низкий – базовый уровень характеризуется следующими позициями: студент осознает роль правовой культуры в структуре будущей профессионально-педагогической деятельности и общей культуре личности; имеющиеся знания образовательного права реализует в практике эпизодически, использует их в проблемно-ситуационных задачах не систематически; связывает высокий уровень культуры с профессиональной успешностью; не владеет технологией организации правового просвещения, воспитания и обучения обучающихся; недостаточно развиты умения саморегуляции и правоправного поведения.

Средний – профессионально-функциональный уровень характеризуется: принятием на личностном уровне гуманистической ценности правовой культуры, устойчивым стремлением к овладению приемами самореализации правовых норм в профессиональной и личностной деятельности, наличием мотива самосовершенствования правовой культуры с целью достижения успеха в профессионально-педагогической деятельности; наличием знаний о структуре, особенностях (достоинствах и недостатках) собственной правовой культуры; рефлексивностью отдельных аспектов профессиональных коммуникаций.

Высокий – профессионально-эффективный уровень характеризуется: включением идеи практической значимости правовой культуры в систему индивидуально-профессиональных ценностей, развитым мотивом самосовершенствования с целью достижения максимальной самореализации в профессиональной сфере; наличием системных правовых знаний, умениями саморегуляции; профессионально-социальной адаптацией в постоянно обновляющихся условиях; «обретением состояния внутреннего комфорта», достижением чувства удовлетворенности от результатов профессиональной деятельности. Достигнув такого уровня развития правовой культуры, студент бакалавр – субъект профессионального самовоспитания, а его правовая культура – имманентное свойство личности.

Результативность процесса формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования, отражаемого в модели, определяется позицией будущего бакалавра и зависит от соблюдения определенных педагогических условий.

Бакалавр педагогического образования, получающий в университете профессионально-педагогическую подготовку, это, во-первых, человек, имеющий ясное представление о своих профессиональных и правовых ценностях и целях и уверенный в их важности и значительности. Во-вторых, он понимает природу и ценности правовой культуры как важнейшей составляющей

своего личностного роста в профессии. В-третьих, всегда воплощает на практике отношение к своей педагогической деятельности и образовательному праву; организует образовательный процесс и реализует свой правовой статус в соответствии с нормативно-правовыми актами, регламентирующими правоотношения в сфере образования.

Предлагаемая нами структурно-содержательная модель формирования правовой культуры бакалавров педагогического образования охватывает весь образовательный процесс в университете – от приобретения правовых знаний, умений, навыков, компетенций;

развития ценностно-правовой направленности личности студента, правовых взглядов, представлений, мотивов, правовых установок, ценностных ориентаций и отношения к закону как к ценности, до проявления социально-правовой активности студентов в правомерном поведении в правовой среде университета, что свидетельствует о проявлении правовой культуры и готовности в профессионально-педагогической деятельности соблюдать образовательное законодательство РФ, организовывать процесс правового просвещения, обучения и воспитания обучающихся.

Библиографический список

1. *Алексеев Н.Г.* Проектирование условий развития рефлексивного мышления : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2002. 45 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 416 с.
4. *Горстко А.Б.* Познакомьтесь с математическим моделированием. М. Знание, 1991. 160с.
5. *Давыдов В.В.* Теория деятельности и социальная практика. Вопросы философии. 1996. №5. С.53-62.
6. *Краевский В. В.* Методология педагогического исследования. Самара, 1994.
7. Современный словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1992. 740 с.
8. *Мошкин В.Н.* Дидактические средства контроля знаний и умений учащихся в проблемном обучении: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1997
9. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. 428 с
10. *Платонов К.К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 254 с.
11. *Скаткин М.Н.* Дидактика средней школы 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1982. 324 с.
12. Философско-психологические проблемы развития образования. Под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1981. 176 с.
13. *Штоф В.А.* Моделирование и познание. Минск, 1974. 116с
14. *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 759 с.

References

1. *Alekseev N.G.* Development of conditions of development of reflective thinking : Author's abstract, dis. Dr. ped. sciences. - M, 2002. - 45 p.
 2. *Ananiev B.G* Person as a subject of knowledge. SPb.: Peter, 2001. 288 p.
 3. *Andreeva G.M.* Social psychology. M: Publishing house of Moscow University, 1980. 416 p.
 4. *Gorstko A.B.* Meet the mathematical modeling. M. Knowledge, 1991. 160 p.
 5. *Davydov V.V.* Activity theory and social practice / V.V. Davydov// Questions of philosophy. 1996. №5. Pp.53-62.
 6. *Krajewski V.V.* Methodology of pedagogical research. Samara, 1994.
 7. Modern dictionary of foreign words. M: 1992. 740 p.
 8. *Moshkin V.N.* Didactic means control knowledge and skills of students in the problematic teaching: Author's abstract, cand. dis. on Pedagogical Sciences. Kazan, 1997.
 9. *Myasishchev V.N.* Personality and neuroses. - HP: Publishing house of Leningrad University, 1960. 428 p.
 10. *Platonov K.K.* Structure and development of personality. M: Nauka, 1986. 254 p.
 11. *Skatkin M.N.* Didactics secondary school 2-e Izd., Rev. and extra M: Education, 1982. 324 p.
 12. The philosophical and psychological problems of the development of education / edited by V.V. Davydov. M: Pedagogy, 1981. 176 p.
 13. *Shtof V.A.* Modeling and knowledge. Minsk, 1974. 116 p.
-
-

А.Н. БАКУРОВ

учитель математики школы №37 им. маршала
М.Е. Катукова
E-mail: bakurov-an@yandex.ru

A.N. BAKOUROV

teacher of Mathematics, school № 37 named after marshal
M.E. Katukov
E-mail: bakurov-an@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ДИНАМИЧЕСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ

THE IMPLEMENTATION OF DIDACTIC FUNCTIONS OF DYNAMIC COMPUTER MODELS

Дидактические функции, реализуемые динамическими компьютерными моделями, позволяют интенсифицировать процессы развития памяти, внимания, наблюдательности, вносят огромный вклад в развитие творческих способностей. В статье описаны динамические компьютерные модели, созданные в среде «Математического конструктора», обладающие рядом свойств, которые могут быть использованы в учебном процессе для реализации поставленных целей обучения.

Ключевые слова: дидактические функции, динамические компьютерные модели, «Математический конструктор».

Didactic functions implemented by dynamic computer models allow improving students' memory, attention and observation and contribute to the development of creative abilities. The article describes dynamic computer models created with the use of the Mathematical Designer software. These models possess a number of characteristics which can be used in the academic environment in order to achieve the teaching objectives.

Keywords: didactic functions, dynamic computer models, Mathematical Designer.

Наблюдаемая в настоящее время глобальная информатизация общества в целом и образования в частности требует разработки новых информационных технологий, направленных на реализацию целей обучения.

Информатизация образования представляет собой область научно-практической деятельности человека, направленную на применение технологий и средств сбора, хранения, обработки и распространения информации, обеспечивающее систематизацию имеющихся и формирование новых знаний в сфере образования для достижения психолого-педагогических целей обучения и воспитания [1]. Важной составляющей новых технологий в обучении математике являются динамические компьютерные модели.

Под динамической компьютерной моделью будем понимать математическую модель, описывающую развитие процесса во времени, оперирующую нечисленными алгоритмами и реализованную на ЭВМ.

Динамические компьютерные модели создают принципиально новые возможности для организации усвоения содержания курса математики. Не подменяя собой учебник или другие средства обучения, они обладают собственными дидактическими функциями [2].

Одной из основных особенностей динамических компьютерных моделей является то, что они могут служить основой для овладения математическими понятиями. Рассмотрим реализацию этой особенности в процессе формирования знаний о взаимном расположении графиков линейных функций.

Для формирования представления о взаимном расположении графиков линейных функций воспользуемся

динамической компьютерной моделью (рис. 1), созданной в среде «1С: Математический конструктор», с помощью которой ученик занимает активную позицию исследователя. Данная модель содержит координатную плоскость, график прямой $y = 3x + 1$ и прямую, в аналитическом выражении которой коэффициенты выступают в роли параметров. Значения этих коэффициентов легко изменяются счетчиком, что вызывает сиюминутное изменение положения графика функции. Также модель содержит точку пересечения графиков функций, координаты которой выведены на экран.

Итак, прежде чем начать изучение зависимости взаимного расположения графиков линейных функций от задающих их уравнений, рассмотрим, как вообще могут располагаться прямые на плоскости. Это можно продемонстрировать рисунками на доске. Заметим, однако, что изобразить параллельность и пересечение двух прямых на доске несложно, сложности возникают при демонстрации совпадения прямых. Преодолеть их нам поможет динамическая модель.

Учитель, изменяя значения параметров k и b , вызывает изменение положения графика функции. Учащиеся наблюдают за происходящим на экране.

Проведя эксперимент, задаём ученикам вопрос: «Назовите основные виды взаимного расположения прямых на плоскости». К этому моменту ученики уже обладают опытом работы описания взаимного расположения прямых, который они получили, в том числе, и на уроках геометрии. Итак, проведя эксперимент, мы устанавливаем, что прямые могут быть параллельны, совпадать и пересекаться.

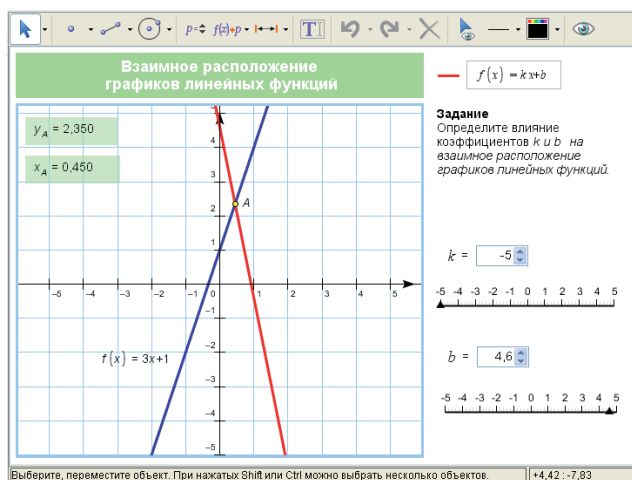

Рис. 1.

Ставим перед учениками следующий вопрос: «От чего зависит взаимное расположение прямых?». Учителю стоит особо подчеркнуть, что положение прямой на плоскости мы изменяли, меняя значения коэффициентов k и b .

Получив ответ на этот вопрос, задаем следующий. При каких значениях коэффициентов k и b график функции $y = kx + b$ будет:

1. параллелен прямой, заданной уравнением $y = 3x + 1$;
2. пересекает прямую, заданную уравнением $y = 3x + 1$;
3. совпадает с прямой, заданной уравнением $y = 3x + 1$?

Традиционно вывод о параллельности прямых ученики делали на основе предложенного примера, в котором строились графики прямых с равными угловыми коэффициентами или осуществлялся поиск точек пересечения аналитически. Из рисунка или аналитического решения получалось, что точки пересечения отсутствуют, что означает параллельность прямых. Умение делать выводы важно, но насколько оно естественно. С помощью динамической компьютерной модели ученик получает возможность самостоятельно обнаружить данный признак.

Изменяя значения коэффициента b , мы сдвигаем график вдоль оси ординат на b единиц, из чего можно сделать вывод: на наличие точки пересечения прямых он не влияет.

Изменяя значение коэффициента k , мы замечаем, что при $k = 3$ точка пересечения прямых исчезает. При $k \neq 3$ точка пересечения появляется.

Вернемся снова к коэффициенту b , изменяя его значение при $k = 3$, наблюдаем, что при $b = 1$ прямые совпадают.

Итак, делаем вывод: графики двух линейных функций $y = k_1x + b_1$ и $y = k_2x + b_2$ при $k_1 = k_2$ – параллельны, при $k_1 = k_2$ и $b_1 = b_2$ – совпадают, при $k_1 \neq k_2$ – пересекаются.

Проводя манипуляции с моделью, ученики экспериментируют. Они одновременно получают ответы на вопросы о взаимном расположении графиков линей-

ных функций и о влиянии коэффициентов на взаимное расположение графиков линейных функций. Выводы, полученные в результате эксперимента, становятся прочными знаниями.

Итак, использование в процессе обучения подвижных образов динамических компьютерных моделей становится залогом успешного глубокого усвоения знаний.

Еще одним важным свойством динамических компьютерных моделей является возможность отработки в интерактивном режиме элементарных базовых умений.

Рассмотрим реализацию этой функции на примере отработки навыков построения графика квадратичной функции. Для этого воспользуемся следующей динамической компьютерной моделью (рис. 2). Она содержит координатную плоскость, аналитическое выражение квадратичной функции (с случайным образом задаваемыми целыми коэффициентами), график функции $y = x^2$, а также параметры x_0 , k и b , задающие положение параболы, заданной уравнением $y = k(x - x_0)^2 + b$. Значения этих коэффициентов легко изменяются счетчиком, что вызывает сиюминутное изменение положения графика квадратичной функции.

Знание свойств квадратичной функции является основой для изучения таких содержательных линий курса математики, как функциональная линия уравнений и неравенств и т.д. Умение строить график квадратичной функции может быть использовано при решении уравнений, неравенств, их систем, заданных с параметром, текстовых задач и т.д. Прочность усвоения алгоритма построения может быть крепкой основой для изучения раздела «Преобразование графиков функций».

Итак, решение задачи осуществляется в два этапа. На первом этапе необходимо привести уравнение (со случайно заданными коэффициентами), задающее квадратичную функцию, к виду $y = k(x - x_0)^2 + b$. Для этого необходимо выделить полный квадрат и выполнить алгебраические преобразования.

Например, для функции, заданной выражением $y = (-1) \cdot x^2 + 0 \cdot x + 3$, эта последовательность действий такая:

$$(-1) \cdot x^2 + 0 \cdot x + 3 = -(x^2 - 2 \cdot 0 \cdot x + 0) + 3 = -(x - 0)^2 + 3.$$

Далее записываем значения параметров x_0 , k и b , желательно в том же порядке, в котором мы выполняем преобразования. Получаем $x_0 = 0$, $k = -1$, $b = 3$.

На втором этапе в заданном порядке выполняем преобразования графика функции $y = x^2$:

1. сдвиг вдоль оси Ox на $x_0 = 0$ единиц;
2. растяжение вдоль оси Oy в $k = -1$ раз;
3. сдвиг вдоль оси Oy на $b = 3$ единиц.

Следует отметить тот факт, что каждый шаг преобразования оставляет на экране след в виде параболы, выделенной цветом.

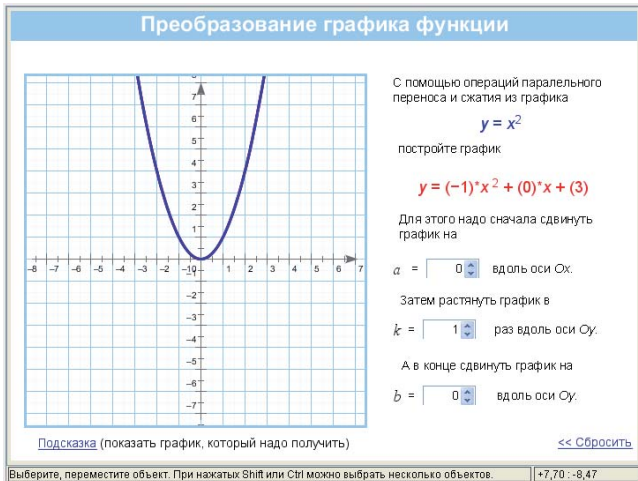

Рис. 2

Данная модель позволяет выполнить задание сколь угодно большое число раз, отрабатывая навыки преобразования. Она позволяет проследить за совершаемым преобразованием на каждом шаге, избавиться от необходимости заново изображать координатную плоскость и график функции $y = x^2$, аккуратно вносить исправления.

Не отходя от сути отрабатываемых умений, можно разнообразить упражнения поиском координат вершин параболы, точек пересечения с осями координат, наибольшего и наименьшего значений функции, интервалов возрастания и убывания и т.д.

Отработка в интерактивном режиме базовых умений и навыков с использованием динамических компьютерных моделей позволяет выполнить значительное количество заданий, отвлечься от аккуратности выполняемых построений, уделяя больше внимания содержательной стороне задания. Запрограммированный алгоритм выполнения задания позволяет получить любое количество однотипных задач.

Одной из важнейших функций динамических компьютерных моделей является усиление значимости и повышение удельного веса исследовательской деятельности учащихся в учебном процессе. Особенно ярко это проявляется при построении графиков функций, зависящих от параметра, и исследовании их особенностей при различных значениях параметра.

Для проведения исследования и анализа задачи целесообразно проведение эксперимента, в процессе которого как нельзя лучше раскрываются возможности динамических компьютерных моделей. Они позволяют визуализировать задачу. У ученика есть возможность пронаблюдать сам процесс динамичного изменения графика функции в зависимости от непрерывного изменения параметра. В ходе решения задачи учащимся постоянно приходится анализировать увиденные результаты, интерпретировать их. Это оказывает положительное влияние на формирование гибкости мышления, прививает вкус к исследованиям.

Рассмотрим пример проведения исследования с использованием динамической компьютерной модели при решении следующей задачи. *Найдите значение па-*

раметра a , при котором уравнение $ax - 3 = 2x - 1$:

1. имеет корень, равный 4;
2. не имеет решений;
3. имеет бесконечно много решений.

Для ответа на поставленные в задании вопросы необходимо провести подготовительную работу. Суть её заключается в получении иллюстрации.

Реализацию графического метода решения данного уравнения следует начать с алгебраического преобразования, после чего ученики получают уравнение следующего вида $(a - 2)x = 2$.

Далее необходимо перефразировать условие задачи: найдите значения параметра a , при котором графики функций $f(x) = (a - 2)x$ и $g(x) = 2$:

1. пересекаются в точке с абсциссой равной 4;
2. не имеют точек пересечения;
3. совпадают.

Анализируя эти функции, учащиеся обращают внимание на особенности расположения графиков. Графиком функции $g(x) = 2$ является прямая, проходящая через точку $A(0; 2)$ и параллельная оси абсцисс. Причем $k_1 = 0$, а $b_1 = 2$.

Графиком функции $f(x) = (a - 2)x$ является прямая, проходящая через точку $O(0; 0)$. Причем $k_2 = a - 2$, а $b_2 = 0$.

Для проведения анализа условия задачи воспользуемся моделью рис. 3. Изменяя значение параметра a , влияющего на угловой коэффициент прямой, наблюдаем за изменением её положения.

Замечаем, что точка пересечения прямых существует при значениях параметра, отличных от 2. Также замечаем, что ордината точки пересечения равна 2. В условии требуется найти значение параметра, при котором абсцисса будет равна 4. Значит, точка с координатами $(4; 2)$ должна обращать уравнение $f(x) = (a - 2)x$ в верное числовое равенство. Т.е. необходимо решить уравнение $2 = (a - 2)4$, откуда $a = 2,5$. Итак, ответом на первый вопрос является 2,5. Проверим ответ, задав параметру значение 2,5.

Найдем значение параметра, при котором графики функций не пересекаются. Для графиков линейных функций, этим условием является $-k_1 = k_2$ и $b_1 \neq b_2$. Так как $k_1 = 0$, $k_2 = a - 2$, $b_1 = 2$ и $b_2 = 0$, то составим систему
$$\begin{cases} a - 2 = 0 \\ 2 \neq 0 \end{cases}$$
. Решением которой является $a = 2$.

Наличие бесконечного множества решений возможно в случае, если графики функций совпадают, т.е. при $k_1 = k_2$ и $b_1 = b_2$. Это невозможно, так как $b_1 \neq b_2$.

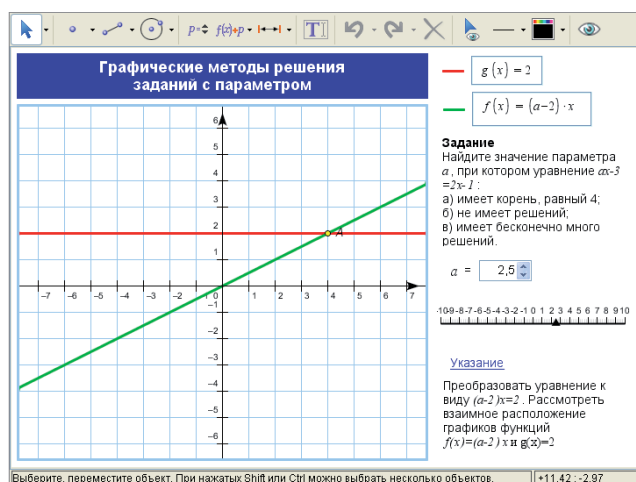

Рис. 3

Возможность организации исследовательской деятельности на уроке математики, предоставляемая динамическими компьютерными моделями, несет в себе множество положительных моментов. Это умение строить математические модели по условию задачи, умение интерпретировать полученные в результате исследования результаты к условию задачи, умение установить закономерности и дать им грамотное обоснование и т.д.

Таким образом, динамические компьютерные модели обладают целым набором внешне проявляющихся свойств, которые могут быть использованы в учебном процессе для реализации поставленных целей обучения. Дидактические функции, реализуемые динамическими компьютерными моделями, позволяют интенсифицировать процессы развития памяти, внимания, наблюдательности, вносят огромный вклад в развитие творческих способностей.

Библиографический список

1. Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. О разработке учебника «Информатизация образования». // Вестник МГПУ. Серия информатика и информатизация образования. / М.: МГПУ, 2005, №1 (4), С. 24–28.
2. Роберт И.В. Современные информационные технологии в образовании: дидактические проблемы; перспективы использования. М.: ИИО РАО, 2010. 140 с.

References

1. Grigoriev S., Grinshkun V. On the Development of the IT Support of Education Textbook. // MSPU Bulletin. Computer Science and IT of Education Series. / М.: MSPU, 2005, №1 (4), Pp. 24–28.
2. Robert I. Modern Information Technologies in Education: Didactic Problems; Prospects of Use. М.: IPD of REA, 2010. 140 p.

УДК 316.6(075.32)

UDC 316.6 (075.32)

Е.И. ГАМОВА

соискатель кафедры психологии Курского государственного университета
E-mail: gamova-katrine@yandex.ru

E.I. GAMOVA

competitor of chair of psychology of the Kursk state university
E-mail: gamova-katrine@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПОВ ОРИЕНТИРОВКИ С УРОВНЕМ ОРГАНИЗОВАННОСТИ ГРУППЫ И РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE INTERCOMMUNICATION OF TYPES OF ORIENTATION WITH EFFECTIVENESS OF JOINT ACTIVITY AND LEVEL OF ORGANIZATION GROUP

В статье рассматриваются эмпирические проблемы социально-психологического исследования ориентировки (ориентировочной основы совместной деятельности) малой группы. Обсуждаются результаты эмпирического исследования влияния типов ориентировочной основы совместной деятельности на результативность совместной деятельности, влияние уровня организованности группы на вырабатываемый тип ориентировки.

Ключевые слова: совместная деятельность, ориентировочная основа совместной деятельности, типы ориентировки, уровень организованности группы, результативность совместной деятельности.

An article is about an empiric problem of social-psychological research of orientation of joint activity in small groups. The results of empiric research about the influence of types of orientation, effectiveness of joint activity and the influence of the level of organization group, and the type of orientation of that group are discussed in the article.

Key words: productivity of joint activity, types of orientation, joint activity, prevent part of joint activity, level of organization group.

© Е.И. Гамова

© E.I. Gamova

Анализ современных публикаций по социальной психологии как отечественных, так и зарубежных ученых, указывает на застой в развитии исследований совместной деятельности, что не позволяет с современных позиций переосмыслить и расширить представление о социально-психологических критериях ее результативности и способах оптимизации.

Социальная значимость решения задач оптимизации совместной трудовой, учебной, спортивной, игровой, общественной и др. видов деятельности находится в противоречии со степенью исследованности рассматриваемого феномена вследствие сильного влияния общепсихологического подхода, в рамках которого совместная деятельность рассматривается либо по аналогии с индивидуальной деятельностью, либо как сумма индивидуальных деятельностей. В совместной деятельности группы актуализируются феномены, в индивидуальной деятельности не встречающиеся, а аналоги феноменов индивидуальной деятельности приобретают качественно своеобразное содержание. К числу последних, по нашему мнению, относится ориентировочная часть совместной деятельности (ориентировка) группы, недостаточно исследованная в социальной психологии. Нам представляется необходимым исследовать групповое состояние, предвещающее осуществление деятельности (ее ориентировочную основу).

По нашему мнению, изучение ориентировочной основы совместной деятельности малых групп достаточно значимо, т.к. исследование ориентировочной основы деятельности было осуществлено применительно только к индивидуальной учебной деятельности субъекта, проблема же ориентировки в различных видах совместной деятельности и поведении группы недостаточно раскрыта как в теоретическом, так и в эмпирическом отношении.

Мы считаем, что на основе анализа содержания ориентировки возможно достоверное прогнозирование хода и результативности предстоящей совместной деятельности групп, отбор и комплектование групп для выполнения сложных практических задач. Научный анализ ориентировочной основы совместной деятельности дает возможность углубить изучение групповых феноменов, раскрыть групповые потенциалы и создает условия для выработки научных рекомендаций по прогнозированию совместной деятельности, ее оптимизации и повышению результативности.

Гипотеза исследования: результативность совместной деятельности и организация взаимодействия членов группы обусловлена особенностями ориентировки группы в предстоящей деятельности и соотносится как с внешними, так и внутренними условиями ее протекания.

Зависимая экспериментальная переменная – ориентировочная основа совместной деятельности. Мы считаем, что ориентировочная основа совместной деятельности может быть в основном измерена и охарактеризована следующими показателями: групповое взаимодействие, групповая согласованность действий; временной показатель ориентировки; содержание ори-

ентировочной части совместной деятельности; вербальные реакции в ходе ориентировочной и исполнительской частей совместной деятельности, вклад членов группы в разработку ориентировочной основы.

Независимыми экспериментальными переменными являются уровень организованности группы, условия совместной деятельности (стандартные и напряженные), длительность существования группы (кратковременная, постоянная).

Эмпирическую базу исследования составили 15 малых молодежных групп учебно-воспитательных организаций: детский оздоровительный лагерь «Жемчужина моря» п. Кабардинка Краснодарского края, детский оздоровительный лагерь «Малоземелец» п. Джанхот Краснодарского края, детский оздоровительный лагерь «Олимпиец» г. Курска, муниципальное общеобразовательное учреждение «Лицей №21» г. Курска. Выборка составила 345 человек (153 юноши и 192 девушки).

Для решения задач исследования и верификации гипотезы был использован комплекс взаимосвязанных методов: социально-психологический эксперимент с использованием прибора-модели совместной деятельности «Арка», «Карта-схема психолого-педагогической характеристики группы», наблюдение, методы экспертной оценки, количественный и качественный анализ данных.

Результаты. Применение «Карты схемы психолого-педагогической характеристики группы» позволило выявить группы разных уровней организованности, различное отношение данных групп к включению ориентировки в структуру совместной деятельности. И, в дальнейшем, выявить влияние или отсутствие такового на протекание совместной деятельности и результативность.

1. Низкоорганизованные группы: «Торнадо», «Торнадо-2», «Мадагаскар», «Comedyclub»). Данным группам свойственно игнорирование ориентировки в структуре совместной деятельности (27% групп).

2. Среднеорганизованные группы: «Амазонки и кролики», «Амазонки и кролики-2», «Фаворит», «Астрахань», «Адреналин», «Адреналин-2», «Группа «А», «Группа «Б», «Креатив». Особенностью данных групп является включение ориентировки в структуру совместной деятельности ситуативно (в определенных процедурах, а не на протяжении всего эксперимента) (60% групп).

3. Высокоорганизованные группы: «Адыгея» и «Зори Кавказа» (13% групп). Для данных групп характерно включение ориентировки в структуру совместной деятельности на протяжении всех экспериментальных процедур.

Количественная оценка уровня организованности групп представлена в табл. 1.

В результате исследования были выявлены типы ориентировочной основы совместной деятельности группы. Основанием построения типологии явились факторы эффективности ориентировочной основы действия, разработанные при изучении поэтапного форми-

Таблица 1.

Количественная оценка уровня организованности групп

Типы групп по уровню организованности	Наименование групп, относящихся к типам	Экспертная оценка организованности в баллах
Низкоорганизованные	«Торнадо»	32
	«Торнадо-2»	31
	«Мадагаскар»	28
	«Comedyclub»	30
Среднеорганизованные	«Амазонки и кролики»	42
	«Амазонки и кролики-2»	35
	«Фаворит»	40
	«Астрахань»,	39
	«Адреналин»	40
	«Адреналин-2»	38
	«Группа «А»	41
	«Группа «Б»	37
	«Креатив»	35
Высокоорганизованные	«Адыгея»	50
	«Зори Кавказа»	48

рования действия: а) степень обобщения входящих в нее знаний (ориентиров); б) полнота отражения в них условий действия; в) способ получения обучаемым ориентировочной основы [4, с.41].

В исследовании Г.А. Кислюк [7] было установлено, что с помощью словесной инструкции, раскрывающей принцип предъявляемого задания, можно вызвать обобщенную ориентировочную деятельность, которая, в свою очередь, создает дополнительное повышение эффективности обучения и облегчает перенос навыка в новые измененные условия. Следует отметить, что перед каждой экспериментальной процедурой экспериментатор объяснял группам условия предстоящей совместной деятельности.

Экспериментатор, проводя инструкцию (объясняя задание), указывая особенности и условия предстоящей процедуры, побуждает группу к выработке ориентировочной основы деятельности (ее основная функция в данном случае – дать общее представление о предстоящей деятельности). Но обобщенной ориентировки в данном случае, возможно, недостаточно для результативной совместной деятельности. Ее главная функция – выдвижение задачи перед группой. Способы решения и достижения цели (выработка плана, распределение функций и т.д.) группа должна осуществить самостоятельно.

По обобщенности ориентировочная основа совместной деятельности может быть представлена в частном виде, пригодном для единичного случая – конкретная, и в обобщенном виде, отражающем сущность целого класса частных случаев – обобщенная.

С точки зрения полноты (достаточности) ориентировочная основа совместной деятельности может быть полной, неполной, избыточной.

По способу получения ориентировочной основы совместной деятельности могут иметь место следующие

случаи: ориентировочная основа предоставляется в готовом виде или она составляется самостоятельно. Различия в обобщенности, в полноте и способе получения ориентировочной основы совместной деятельности послужили основой для выделения разных типов ориентировочной основы совместной деятельности. Следует отметить, что ориентировочная основа совместной деятельности группой составлена самостоятельно во всех условиях лабораторного эксперимента (экспериментатор давал подробную инструкцию).

При экспериментальном исследовании ориентировочной основы совместной деятельности группы было выявлено три типа ориентировочной основы совместной деятельности (ООСД) (см. табл. 2).

Таблица 2.

Типы ориентировочной основы совместной деятельности

Тип ООСД	Характеристика ООСД по обобщенности	Характеристика ООСД по полноте	Характеристика ООСД по способу получения
Первый	Обобщенная	Неполная	Составлена самостоятельно
Второй	Конкретная	Неполная	Составлено самостоятельно
Третий	Обобщенная	Полная	Составлена самостоятельно

Первый тип характеризуется неполным составом ориентировочной основы совместной деятельности, ориентиры представлены в частном виде и выделяются группой путем уточняющих вопросов. Члены группы уточняют задания у экспериментатора, выясняют непонятные детали перед сборкой (Как закрепляются сегменты? За какое время необходимо собрать «Арку»? Какова последовательность нумерации? и т.д.) и затем сразу приступают к сборке. Как правило, данный тип осуществляется (реализуется) группой перед началом экспериментальных процедур (либо только в пробной

процедуре). И в дальнейшем, даже при усложнении условий деятельности, группа опирается на тактику, выработанную в процессе сборки в обычных условиях, изменяя действия «по ходу дела». Функция ориентировки – уточняющая.

Второй тип ориентировочной основы совместной деятельности характеризуется как неполный, группа выделяет лишь только частный вид, пригодный для частного случая (ориентировка перед сборкой в обычных условиях и в дальнейшем протекание деятельности по уже выработанной схеме. Или перед пробой с фиксацией ведущей руки (группа реально видит сложности). Однако сфера переноса действия ограничена сходством конкретных условий его выполнения.

Инициатором выступает чаще всего один член группы, другие члены группы либо поддерживают инициативу, либо остаются безучастными. План не содержит существенных деталей предстоящей деятельности, содержание заключается в озвучивании одного варианта сборки, как правило, не до конца проработанном и незавершенном в соответствии с поставленной перед группой задачей.

Третий тип ориентировочной основы совместной деятельности имеет полный состав, ориентиры представлены в обобщенном (конкретном) виде, характерном для целого класса явлений (для условий и протекания данной процедуры, где учтены ошибки, неточности, выработана оптимальная картина действий). В каждом конкретном случае ориентировочная основа совместной деятельности составляет субъектом самостоятельно. Деятельности, сформированной при ориентировочной основе совместной деятельности третьего типа, присуща не только быстрота и безошибочность процесса формирования, но и большая устойчивость, широта переноса.

При данном типе ориентировочной основы совместной деятельности принимает участие большинство членов группы, которые стремятся найти рациональный вариант плана совместной деятельности, советуясь друг с другом, анализируя несколько вариантов взаимодействия, учитывая ошибки, допущенные в предыдущих процедурах, происходит четкое распределение функций, преодоление разного рода информационной неопределенности.

Группы низкого уровня организованности не включают ориентировку в структуру совместной деятельности (следовательно, и типы ориентировки отсутствуют) и сразу же приступают к исполнению. Результативность данных групп колеблется от низкого уровня к среднему. Низкого уровня результативности данные группы достигают чаще всего в напряженных и особомотивированных ситуациях совместной деятельности.

Для групп среднего уровня организованности характерно использование первого и второго типов ориентировки. Чаще всего данные группы применяют данные типы ориентировки в совместной деятельности, оказываясь в ситуации неопределенности. Это характерно для групп «Амазонки и кролики», «Амазонки и кролики-2», «Фаворит», «Астрахань», «Адреналин». Группа

«Амазонки и кролики» использует 2 тип ориентировки и деятельность в обычных условиях соответствует содержанию ориентировки. В данном случае группа показывает средний уровень результативности, незначительно результативность снижается в напряженной ситуации, где группа придерживается намеченного ранее плана. Но при изменившихся условиях совместной деятельности результативность резко снижается. Это происходит в связи с тем, что выработанный ранее план не соответствует условиям данной деятельности. Члены группы с трудом перестраиваются «по ходу дела», постоянно нарушается взаимодействие, действия не согласованы у членов группы, функции не упорядочены. После окончания процедуры все члены группы понимают, что выработанный ранее план не соответствовал условиям деятельности, что необходимо учитывать и прорабатывать сложности заранее. В особомотивированных условиях группа продемонстрировала близкий к высокому уровень результативности, в процессе деятельности ориентируясь на выработанный план первоначально, незначительно корректируя детали. Т. о. мы можем наблюдать, что второй тип ориентировки оказывает положительное влияние на исполнительную часть деятельности и результативность только в определенных, конкретных условиях деятельности. В изменившихся условиях данный тип «не работает».

Второй тип ориентировки был характерен для групп «Адреналин» и «Фаворит» также в обычных условиях совместной деятельности. Данные группы продемонстрировали низкий уровень результативности как в обычных так и в напряженных условиях деятельности. Члены группы придерживались намеченного плана лишь частично. Следует отметить, что он был проработан не до конца. Группа «Фаворит» увеличила результативность до среднего уровня как при сборке с фиксацией ведущей руки, так и в особомотивированной деятельности. Это можно объяснить приобретенным группой опытом и высоким уровнем мотивации, повлиявшим на согласованность действий и взаимодействие членов группы.

Группа «Адреналин-2» использует как первый, так и второй типы ориентировки в обычных условиях совместной деятельности и при фиксации ведущей руки соответственно. Но демонстрирует низкий уровень результативности или средний. Несмотря на детально проработанный план в одном из случаев группа не соответствует ему в процессе исполнительской части деятельности. Такую же особенность демонстрирует «Группа Б» при сборке «Арки» с фиксацией ведущей руки.

Иные особенности выявлены у высокоорганизованных групп. Группа «Зори Кавказа» применяет второй и третий тип ориентировки на протяжении всех экспериментальных процедур. Члены группы четко следуют намеченному плану каждый раз, улучшая показатели результативности. Ниже уровень результативности демонстрирует группа «Адыгея», включая все три типа ориентировки. Самый высокий уровень результативности группа демонстрирует при третьем типе

ориентировки, и при втором в особомотивированной деятельности.

По результатам экспериментального исследования мы можем также отметить определенное сходство типов ориентировки с понятием «групповая рефлексивность», введенным М. Вестом. Он предложил понимать под ней «степень, в которой члены группы склонны к открытому обсуждению целей совместной деятельности, используемых способов решения задач и групповых процессов, адаптируя их к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий» [10, с. 90]. Групповая рефлексивность включает в себя критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к более новому, более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации [10; с. 67]. Данные особенности проявляются в различных типах ориентировки в разной степени.

Таким образом, мы можем сделать выводы о взаимосвязи типов ориентировки с результативностью и уровнем организованности групп. Высокоорганизованные группы применяют чаще всего третий тип ориентировки и четко следуют его содержанию во время исполнительской части совместной деятельности. Группы среднего уровня организованности применяют первый и второй типы ориентировки ситуативно, но не всегда следуют его содержанию в процессе исполнения, что негативно сказывается на результативности совместной деятельности.

Низкоорганизованные группы не включают ориентировку в структуру совместной деятельности, демонстрируя низкие результаты.

Выводы. Было выявлено, что основная задача ориентировки – помочь разобраться членам группы в ситуации неопределенности, детально исследовать предстоящую совместную деятельность, объективно оценить сложившуюся ситуацию и потенциальные возможности группы, наметить цели, выяснить пути достижения данной цели.

Ориентировка (ориентировочная основа совместной деятельности) – «черновик» предстоящей совместной деятельности, в котором групповой субъект осуществляет пробно-поисковую активность (исполнение), разрабатывая схему действий в соответствии с поставленной задачей, анализирует условия предстоящей деятельности, с которой ранее он никогда не сталкивался. Ориентировочная основа совместной деятельности была исследована как система представлений группы о цели, плане и средствах осуществления предстоящей деятельности. Ориентировочная основа совместной деятельности является социально-психологическим фактором, который реально направляет деятельность группового субъекта при его выполнении. В процессе ориентировки можно проанализировать оценку способностей, потенциала членов группы, их вклад и действия в процессе исполнительской части, предвидеть протекания исполнительской части совместной деятельности.

Для обеспечения результативности совместной деятельности важно содержание ориентировки, а длительность – не всегда показатель ее качества.

Сокращение ориентировки служит критерием степени освоенности деятельности групповым субъектом, критерием выработки накопления группового опыта совместной деятельности.

В результате исследования были выявлены типы ориентировочной основы совместной деятельности (по обобщенности, по способу получения, с точки зрения полноты (достаточности), влияющие на качество планирования, протекание исполнительской части совместной деятельности и результативность. Наиболее качественное планирование достигается при третьем типе ориентировочной основы совместной деятельности, что повышает результативность совместной деятельности.

Была выявлена взаимосвязь между типами ориентировки, результативностью и уровнем организованности групп.

Библиографический список

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 1999. 332 с.
2. Гальперин П.Я. Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 2. С. 75-78.
3. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005. 628 с.
4. Кислюк Г.А. К вопросу о формировании двигательных навыков у детей дошкольного возраста // «Вопросы психологии». № 6, 1956. С. 156 – 167.
5. Сарычев С.В. Социально-психологические факторы надёжности малых групп в различных социальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. Курск, 2008. 42 с.
6. Сарычев С.В., Чернышев А.С. Социально-психологические аспекты надёжности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск: Изд-во КГПУ, 2000. 180 с.
7. Сидоренков А.В. Анализ исследования малых групп в отечественной психологии по публикациям в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» // Вопр. психологии. 2005. № 2. С. 58-67.
8. Уманский Л.И., Чернышев А.С. и др. Карта-схема психолого-педагогической характеристики группы школьников. – Курск, 1971. – 43 с.
9. Чернышев А.С. Социально-психологические основы организованности первичного коллектива (на материалах исследования молодежных групп и коллективов): автореф. дисс. ... д-ра психол. наук: 19.00.05. – М., 1980. – 65 с.
10. West M.A. Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // Handbook of work group psychology. Ed. Chichester. UK: Wiley, 1996. –P. 555-579.

References

1. Galperin P.Y. Introduction to Psychology. – M.: 1999. 332 p.
2. Galperin P.Y. types of orientation and types of forming operations and concepts. // Papers of APS RSFSR. – 1958. – № 2. – P. 75-78.
3. Guravlev A.L. Psychology of joint activities. – M.: P-ng «Institute of Psychology RAS», 2005. – 628 p.
4. Kislyk G.A. On the formation of motor skills in preschool children // Psychology questions. – № 6, 1956. – P. 156 – 167.
5. Sarychev S.V. Socio-psychological factors of reliability of small groups in different social settings: abstract of dissertation of the doctor of psychological sciences: 19.00.05. – Kursk, 2008. – 42 p.
6. Sarychev S.V., Chernyshev A.S. Socio-psychological aspects of reliability in stressful situations of joint activities. – Kursk: P-ng KSPU, 2000. – 180 p.
7. Sidorenkov A.S. Analysis of studies of small groups in the national psychology for publications in journals «Psychology questions» and «Psychological Journal» // Psychology questions – 2005. – № 2. – P. 58-67.
8. Umansky L.I., Chernyshev A.S. and all. A map of psychological and educational characteristics of students. – Kursk, 1971. – 43 p.
9. Chernyshev A.S. Socio-psychological basis of organization of the primary group (on materials research groups and youth groups): abstract of dissertation of the doctor of psychological sciences: 19.00.05. – M., 1980. – 65 p.
10. West M.A. Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // Handbook of work group psychology. Ed. Chichester. UK: Wiley, 1996. – P. 555-579.

УДК 378.147.88

UDC 378.147.88

Ю.В. ГРИШИНА

YU.V. GRISHINA

старший преподаватель кафедры методики и технологии социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: grishinayuliyav@yandex.ru

senior teacher of chair "Techniques and technologies of social pedagogics and social work", Orel state university
E-mail: grishinayuliyav@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ТВОРЧЕСТВУ В УСЛОВИЯХ ПРАКТИКИ

TECHNOLOGY OF DEVELOPMENT OF STUDENTS' PREPAREDNESS TO PROFESSIONAL SOCIAL-PEDAGOGICAL CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF PRACTICE

Средством формирования готовности студентов университета к профессиональному творчеству является практика. Технологический подход позволяет проектировать практику с учётом развивающих, личностно-дифференцированных ориентиров, что даёт возможность творческого развития обучающихся. В статье рассматривается уровневая технология формирования готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству в условиях педагогической практики.

Ключевые слова: профессиональное социально-педагогическое творчество, практика, технология.

Means of formation of readiness of University students to the professional creative work is practice. Technological approach allows designing practices to meet the developmental, personality-differentiated benchmarks, which gives a possibility for the creative development of students. The article considers the level technology of forming of readiness for professional social-pedagogical creativity in the conditions of pedagogical practice.

Keywords: professional socio-pedagogical creativity, practice, technology.

Со сменой образовательных парадигм, переходом на новые педагогические технологии, ориентированные не на приоритет знаний и исполнение, а на вариативность, индивидуальные формы и методы обучения, высшая школа выступает как институт развития творческой личности специалиста. Основным ориентиром в профессиональной подготовке студентов в условиях вуза должна стать направленность на формирование готовности обучающихся к профессиональ-

ному творчеству. Средством формирования готовности к социально-педагогическому творчеству в университете является педагогическая практика.

Теоретический анализ различных источников позволяет рассматривать практику в качестве интегрирующего и стержневого компонента личностно-профессионального становления специалиста [2, с. 11]. Практика является неотъемлемой частью образовательного процесса университета и занимает в нем особое

место. Она позволяет последовательно в определенной системе в течение всех лет обучения соединять теоретическую подготовку студентов с их практической работой в учреждениях всех типов социальной сферы. В ходе практики студенты осваивают основные виды будущей профессиональной деятельности, создаются условия для самопознания, формируется потребность в самосовершенствовании.

Существуют различные подходы к определению сущности практики как педагогической категории. Опираясь на позиции ученых (О.А. Абдуллина, Б.М. Бим-Бад, В.В. Давыдов, Ю.Н. Галагузова, Е.В. Оганесян, В.К. Розов и др.), условимся рассматривать практику будущих социальных педагогов как форму организации педагогического процесса в вузе. Под формой понимается устойчивая и логически завершенная совокупность определенных целей, принципов, содержания, методов и средств деятельности участников педагогического процесса, имеющая только ей присущие специфические черты. Особенности педагогической практики следует считать:

- педагогическая практика имеет профессиональную направленность, содержание и технологию проведения, т.е. является формой профессиональной подготовки будущих педагогов различного профиля, в том числе социальных педагогов;
- педагогическая практика – это социально-педагогическая форма активной деятельности, поскольку связана с реальным преобразованием существующей практики с участием самих студентов;
- педагогическая практика – начальная форма осознанного накопления будущим специалистом педагогического опыта и формирования его профессиональной квалификации и мастерства;
- педагогическая практика – это комплексная форма организации обучения, поскольку состоит в использовании простых и составных форм, таких как подготовка и проведение индивидуальных и групповых занятий, мероприятий, собраний с родителями, педагогическим коллективом, а также форм своего обучения – консультаций, самостоятельной работы, изучения опыта педагогов, наблюдения и анализа социально-педагогической деятельности и т.д.;
- педагогическая практика – системообразующее звено в вузовской подготовке, определяющее подбор изучаемых дисциплин и методику их изучения. Она по отношению к теории выполняет рефлексивную функцию, т.к. направляет и организует ее анализ, отбор, оценку эффективности;
- педагогическая практика – изначально личностно ориентированная форма обучения, где каждый студент выполняет свою программу и решает свои задачи;
- педагогическая практика – это форма с постепенно-последовательным контрольно-диагностическим сопровождением, определяющим динамику роста и развития студента как профессионала [3, с. 78-79].

Следовательно, под педагогической практикой понимается комплексная форма образовательного процесса университета, ориентированная на деятельное

освоение социально-педагогической действительности и ее специфики, сопровождаемая контрольно-диагностическими процедурами для формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству.

Технологический подход позволяет проектировать практику студентов с учётом развивающих, личностно-дифференцированных ориентиров, что даёт возможность их творческого развития. Технологический аспект практики требует соединения проблемно-задачного построения содержания и блочно-модульного построения педагогического процесса на практике, что является методологическим основанием решения проблемы формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству. Рассматриваемый подход к организации практики позволяет выработать соответствующие механизмы реализации разработанной модели формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству в виде специальной технологии, способствующей эффективной подготовке к творческой социально-педагогической деятельности и целостному профессиональному становлению компетентного специалиста.

Технология формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству есть последовательная взаимосвязанная система действий педагога и обучающихся, направленная на решение педагогических задач или планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного образовательного процесса. Разработка такой технологии основана на разделении процесса практической подготовки студентов на взаимосвязанные этапы, обеспечивающие в своей совокупности достижение поставленной цели через постепенное решение учебно-творческих заданий для формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству. Следовательно, для педагогической практики чрезвычайно важным является вопрос о ее структуре как всеобщем (философском) и частном (предметном) феномене. Решение вопроса на философском уровне выливается в разработку теоретических основ организации практики для формирования готовности студентов к профессиональному социально-педагогическому творчеству, а на предметном уровне – экстраполируется в соответствующую технологию.

Практика, по своей структуре, явление стратометрическое, нелинейное, а плоскостное построение не отражает всей ее сложности. По А.Н. Аверьянову, любая практика имеет горизонтальную и вертикальную структуру. Горизонтальную структуру практики представляют те ее виды и формы, которые выполняет человек в процессе своей жизнедеятельности, в том числе в сфере профессионального становления. Эти виды и формы практик находятся в определенной субординации, скоординированы и находятся между собой в преемственно-последовательной зависимости. Вертикальную структуру практики составляют этапы (стадии) осуществления отдельных видов и типов прак-

тик. И горизонтальная, и вертикальная структуры имеют место и в практике будущих социальных педагогов.

Вслед за Е.В. Оганесяном считаем, что «педагогическая практика как система педагогической деятельности может и должна осваиваться постепенно, по частям, во всей полноте представая только в конечном виде...» [3, с. 35]. Следовательно, горизонтальная структура представляет собой последовательность видов студенческих практик, реализуемых для студентов, и позволяет смоделировать «восхождение», расширение поля профессиональной деятельности студента от практики к практике, обеспечить реализацию принципов преемственности, последовательности и динамичности в ее организации. Вертикальная структура едина для всех практик и позволяет осваивать каждый ее этап, фазу внутри конкретной практики. Из этого следует: 1) проектирование технологии организации педагогической практики, направленной на формирование готовности к профессиональному творчеству и охватывающей весь процесс профессиональной подготовки будущих социальных педагогов с первого по пятый курс, требует рассмотрения ее горизонтальной структуры и основных компонентов – видов практик; 2) разработка универсальной технологии организации педагогической практики, ориентированной на развитие творческой деятельности студентов, единой для различных этапов практической подготовки (видов практики) вызывает необходимость изучения вертикальной структуры педагогической практики.

Виды практик предполагают их классификацию на единых логических основаниях. Нормативным документом, обеспечивающим единые подходы к организации и проведению практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования, является Приказ Министерства образования РФ от 25 марта 2003 г. № 1154, утвердивший «Положение о порядке проведения практики студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования». Согласно приведенному акту основными видами практики студентов вузов являются: учебная, производственная, включая преддипломную практику. Учебная практика включает несколько этапов: ознакомительная, практика по получению первичных профессиональных умений и т.п. Производственная практика включает в себя ряд этапов: практика по профилю подготовки (технологическая, исполнительская и т.п.), научно-исследовательская, научно-педагогическая и преддипломная практики. Преддипломная практика является завершающим этапом обучения и проводится после освоения теоретического и практического обучения. В педагогической теории и практической деятельности вузов, выделенные виды практик модифицируются в зависимости от конкретных условий.

ГОС ВПО по специальности 050711 Социальная педагогика регламентирует следующие виды практики: учебная и педагогическая. Под учебной практикой разработчики стандарта понимают инструктивно-методический сбор, направленный на приобретение методом погружения первичных на-

ков профессиональной деятельности социального педагога и педагога-воспитателя группы (отряда) детей и подростков. Педагогическая практика, как вид практики обучающихся по специальности, включает в себя следующие формы: летняя педагогическая практика, практика в школе, социально-педагогическая практика, комплексная практика.

Опыт организации практики студентов социально-педагогического профиля в Орловском государственном университете, постоянное совершенствование путей ее проведения позволили определить следующую структуру практики студентов, организуемую на разных уровнях активности обучающихся: социально-педагогическая (1 курс), психолого-педагогическая (2 курс), летняя педагогическая (3 курс), психолого-педагогическая (4 курс), летняя педагогическая (4 курс), социально-педагогическая (5 курс), комплексная (5 курс). Анализ требований к практической подготовке студентов, предусмотренных ГОС, позволил сделать вывод о содержательном соответствии видов и форм ее проведения структуре педагогической практики, реализуемой на социальном факультете ОГУ (таблица 1).

Определенная таким образом горизонтальная структура педагогической практики согласуется с видами, формами, сроками практик, рекомендуемыми в нормативных документах. Таблица наглядно демонстрирует, что практика имеет «сквозной» характер, обеспечивает непрерывное поэтапное освоение студентами всего комплекса функций специалиста.

Опыт организации практики будущих социальных педагогов свидетельствует о том, что последовательное овладение профессиональными умениями и навыками в соответствии с этапами социально-педагогической деятельности, осуществляется на различных уровнях, характеризующих практическую подготовку студентов. Опираясь на результаты научных исследований (С.П. Брагина, А.К. Маркова, Т.В. Кудрявцев и др.), полагаем наличие четырех преемственных уровней педагогической практики, выделение которых обусловлено сложностью процесса профессиональной подготовки в условиях практического обучения.

На первом уровне (ознакомительная практика) у студентов создается представление о сущности и специфике работы социального педагога, происходит осознание творческого характера социально-педагогической деятельности, формируется устойчивый нравственно-гуманистический взгляд на профессию, актуализируются профессионально значимые личностные качества, в том числе, готовность к профессиональному творчеству. Основным результатом практики данного уровня является формирование мотивации студентов к будущей профессиональной деятельности, что дает основание условно определить его как мотивационно-формирующий уровень практической подготовки.

На следующем уровне практики обучающиеся под руководством опытных, высококвалифицированных специалистов систематизируют и преобразуют информацию, полученную в ходе изучения теоретических дисциплин и наблюдения за деятельностью прак-

тических работников, в личностно-значимые знания. Практика данного уровня способствует получению первичных профессиональных умений анализа и диагностики объекта профессиональной деятельности (определения его социально-педагогических проблем и выявления их причин), построения прогноза развития и проектирования социально-педагогической работы с ребенком с учетом его индивидуальности, социально-педагогических проблем, возможностей специалистов. Деятельность студентов носит учебно-познавательный характер, что позволяет назвать данный уровень как познавательно-профессиональный.

Технологическая направленность производственной практики по профилю специальности и самостоятельность основных действий практикантов на следующей стадии подготовки обуславливает выделение третьего уровня педагогической практики – профессионально-деятельностного. Данный уровень направлен на формирование готовности к самостоятельному творческому выполнению основных профессионально-педагогических функций и обеспечивает преобразование приобретенных знаний в систему навыков и умений, компетенций социального педагога. В непосредственной практической деятельности студенты апробируют спроектированную на основе результатов диагностико-прогностической работы социально-педагогическую технологию, оценивают ее эффективность, т.е. реализуют все этапы деятельности социального педагога.

Ориентация завершающего звена педагогической практики на совершенствование комплекса профессиональных умений в процессе самостоятельного осуществления социально-педагогической деятельности, творческое саморазвитие личности будущего специалиста на основе самоанализа собственной деятельности выводит практическую подготовку студентов на качественно новый, высший уровень ее организации – профессионально-рефлексивный. Результатом выступает творческое выполнение деятельности, сформированность индивидуального стиля, постоянное стремление к самосовершенствованию.

Анализ опыта организации практического обучения студентов убеждает в целесообразности уровневой организации педагогической практики. Выделение

уровней реализации практики является условным, они находятся в неразрывном единстве и взаимосвязи друг с другом.

В соответствии с выявленным творческим потенциалом результативности каждого уровня практической подготовки (мотивационно-формирующий – осознание практикантами индивидуальных особенностей и потенциальных возможностей для продуктивного выполнения творческой социально-педагогической деятельности; познавательно-профессиональный – освоение опыта творческой деятельности социального педагога; профессионально-деятельностный – овладение профессиональной социально-педагогической деятельностью на уровне образцов и эталонов; профессионально-рефлексивный – готовность к самосовершенствованию профессиональной деятельности), считаем возможным в рамках задач исследования конкретизировать обозначение уровней педагогической практики в целях выражения их направленности на подготовку практикантов к творческой реализации в профессии. В структуре проектируемой системы педагогической практики, ориентированной на формирование готовности будущих социальных педагогов к профессиональному творчеству, в дальнейшем мы выделяем следующие уровни: практика профессионально-творческого самоопределения (мотивационно-формирующий), практика творческой лаборатории специалиста (познавательно-профессиональный), практика социально-педагогического мастерства (профессионально-деятельностный), практика творческого саморазвития (профессионально-рефлексивный).

Соотнесение выделенных уровней организации педагогической практики с процессом формирования готовности социального педагога к творческой деятельности демонстрирует их соответствие этапам подготовки, что свидетельствует об их обобщенном, комплексном, интегративном характере. В целом данные уровни охватывают основные виды деятельности социального педагога, адекватны этапам формирования готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству, следовательно, их выделение в структуре педагогической практики (горизонтальная структура практической подготовки студентов) можно считать обоснованным и объективным.

Таблица 1.

Горизонтальная структура педагогической практики студентов, обучающихся по специальности 050711 Социальная педагогика

Вид практики	Форма практики	Курс / семестр	Продолжительность
учебная (ознакомительная)	социально-педагогическая	1/2	1 неделя
учебная (практика по получению первичных профессиональных умений)	практика в школе	2/4	2 недели
учебная (практика по получению первичных профессиональных умений)	летняя педагогическая	3/6	3 недели
производственная (практика по профилю подготовки)	практика в школе	4/8	3 недели
производственная (практика по профилю подготовки)	летняя педагогическая	4/8	3 недели
производственная (практика по профилю подготовки)	социально-педагогическая	5/9	3 недели
производственная (преддипломная)	комплексная	5/10	4 недели

Вертикальную структуру практики составляет стадийная структура, включающая следующие этапы ее прохождения: 1 этап – установочный (теоретическая подготовка к практике); 2 этап – состоит из двух составных частей: вводной (знакомство с условиями прохождения практики) и рабочей (выполнение программы практики); 3 этап – контрольно-оценочный (подготовка отчета по практике и подведение ее итогов).

Мы выделяем этапы организации деятельности студентов на практике, ориентированной на формирование готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству.

Подготовительный этап педагогической практики предполагает непосредственную предварительную работу, направленную на формирование готовности студентов, руководителей, организаторов практики к ее проведению и прохождению. Основными задачами этапа являются: мотивация студентов к активной, продуктивной деятельности в период практики; актуализация теоретических знаний, полученных в ходе изучения общепрофессиональных дисциплин и дисциплин предметной подготовки; обновление научно-методического обеспечения конкретной практики; подбор площадок практики, обеспечивающих высокоэффективную практическую подготовку студентов; распределение студентов на практику, назначение руководителей; ознакомление субъектов практики с задачами, программой практики, требованиями к порядку ее прохождения и оформления результатов, с распределением по объектам, с руководителями, методистами практики; индивидуальное планирование работы в соответствии с программой практики. Основными формами организации подготовительного этапа являются: за-

седания выпускающих кафедр, научно-методического совета факультета, организующего практику; установочные семинары для студентов; организационные встречи с администрацией и сотрудниками социально-образовательных учреждений; обучающие семинары для руководителей практики; установочная конференция для всех участников конкретной педагогической практики.

Основной этап практики посвящен практической деятельности непосредственно в условиях социально-образовательного учреждения. В ходе данного этапа студент организует свою работу в соответствии с персональной программой прохождения практики, со скорректированным с учетом особенностей базы практики и специфики работы специалистов индивидуальным планом действий практиканта, отражающим организационную, подготовительную, текущую и индивидуальную работу, необходимую для реализации заданий практики. Непосредственная работа студента и ее анализ фиксируется в отчетных документах по практике. В период основного этапа руководители практики создают условия, необходимые студенту для ее эффективного прохождения, осуществляют научно-методическое сопровождение педагогической практики, анализируют и оценивают деятельность практикантов.

В ходе итогового этапа студент анализирует и оценивает собственную профессиональную деятельность в период практики, оформляет отчетную документацию. Отчетные материалы предъявляются для контроля преподавателю-методисту, который составляет письменный отзыв с оценкой профессиональной деятельности практиканта. Завершает практику итоговая конференция, целью которой является обсуждение ре-

Таблица 2.

Уровни организации практики, ориентированной на формирование готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству

Уровень практики	Степень	Основная цель практики
Практика профессионально-творческого самоопределения	Ознакомительная социально-педагогическая практика	Ознакомление с системой социально-образовательных учреждений, основным содержанием их работы, особенностями профессиональной деятельности социального педагога в учреждениях различного типа
Практика творческой лаборатории специалиста	Практика в школе по получению первичных профессиональных умений	Овладение методами психолого-педагогического изучения отдельного ребенка и детского коллектива
	Летняя педагогическая практика по получению первичных профессиональных умений	Овладение методикой работы с детьми и подростками в условиях летнего оздоровительного лагеря
Практика социально-педагогического мастерства	Практика в школе по профилю подготовки	Формирование профессиональных умений по диагностике личности ребенка и окружающей ее среды; ознакомление с основными технологиями социально-педагогической работы
	Летняя педагогическая практика по профилю подготовки	Овладение различными методиками и технологиями социально-педагогической деятельности в условиях временного коллектива с учетом психолого-педагогических особенностей личности каждого ребенка
	Производственная социально-педагогическая практика	Проектирование и осуществление социально-педагогического сопровождения детей различных категорий
Практика творческого саморазвития	Преддипломная комплексная практика	Совершенствование комплекса профессиональных умений по направлению специализации в процессе самостоятельной работы в должности социального педагога

зультатов работы студентов, путей совершенствования организации практики на факультете. В ходе конференции студенты отчитываются за качество выполнения индивидуальных заданий, представляют сообщения по итогам научно-исследовательской работы в период практики, творческие отчеты, делятся информацией и впечатлениями о специфике деятельности социальных педагогов в различных учреждениях. В рамках итогового этапа практики производится аттестация работы студентов.

Организация педагогической практики с учетом выявленной структуры, представляющей взаиморасположение и связь основных этапов практической деятельности студентов, в условиях данной формы организации учебного процесса является оптимальной, поскольку обеспечивает в своей совокупно-

сти достижение поставленной цели конкретной практики. Кроме того, предлагаемое последовательное построение деятельности обучающихся отражает существующие подходы к определению этапов действий, согласно которым в структуре какого-либо процесса выделяют: подготовительный этап, этап непосредственной деятельности, результативный этап [1, с.33]. Каждый структурный элемент технологии решает соответствующие задачи формирования готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству и, таким образом, рассматриваемая технология формирования готовности к профессиональному социально-педагогическому творчеству является научно-обоснованной и единой для всех уровней, видов и форм практики.

Библиографический список

1. Галагузова М.А. Методика и технологии работы социального педагога : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / М.А. Галагузова, Л.В. Мардахаев. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 192 с.
2. Галагузова Ю.Н. Социальная педагогика: практика глазами преподавателей и студентов : пособие для студ. / Ю.Н. Галагузова, Г.В. Сорвачева, Г.Н. Штинова. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 224 с.
3. Оганесян Е.В. Культурологическая модель педагогической практики в системе высшего педагогического образования : дис. ...док. пед. наук : 13.00.08. Москва, 2005. 406 с.

References

1. Galaguzova M.A. Metodika and technology of work of the social teacher: studies. grant for the student. высш. studies. institutions/M. A.Galaguzova, L.V.Mardakhayev. M: Publishing center «Akademiya», 2002. 192 pages.
 2. Galaguzova Yu.N. Sotsialnaya pedagogics: practice by eyes of teachers and students: grant for the student. / Yu.N.Galaguzova, G. V. Sorvachev, G. N. Shtinova. M: Gumanit. prod. VLADOS center, 2003. 224 pages.
 3. Oganessian E.V. Kulturologicheskaya model of student teaching in system of the higher pedagogical education: doctor dissertation, Pedagogical sciences:: 13.00.08. Moscow, 2005. 406 p.
-

УДК 378.147.88

UDC 378.147.88

Е.Ф. ДУДИНА

кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

Е.Н. ПУЗАНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета
E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

Е.А. ХОВАНСКАЯ

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИИ научно-исследовательской работы и инновационной деятельности студентов Орловского государственного университета
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

М.А. СОБОЛЕВА

младший научный сотрудник НИИ научно-исследовательской работы и инновационной деятельности студентов Орловского государственного университета
E-mail: 1234-mariya@mail.ru

E.F. DUDINA

candidate of Philological sciences, chief of research sector of Orel state university
E-mail: L.Dudina-n@yandex.ru

E.N. PUZANKOVA

doctor of pedagogical sciences, professor, vice rector for scientific work of Orel state university
E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

E.A. KHOVANSKAYA

candidate of pedagogical sciences, senior research associate of scientific research institute of research work and students' innovative activity of students of the Orel state university
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

M.A. SOBOLEVA

junior researcher of scientific research institute of research work and students' innovative activity, Orel state university
E-mail: 1234-mariya@mail.ru

**ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК БАЗА
РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ОГУ***

OREL STATE UNIVERSITY AS A BASE FOR SCIENTIFIC STUDENTS' COMMUNITY OSU

В статье рассматриваются примеры научно-исследовательской работы Орловского государственного университета, являющиеся основой для формирования и развития научного студенческого общества в вузе.

Ключевые слова: научная работа, научные проекты, научно-студенческое общество, международная деятельность.

In the article the examples of research work at Orel state university, being a basis for formation and development of scientific students' organization in higher education institution are considered.

Keywords: scientific work, scientific projects, scientific and student's society, international activity.

Научная деятельность Орловского государственного университета проводится в соответствии с Уставом ОГУ, решениями Ученого совета, положениями о научно-исследовательском секторе (НИР), научном отделе, об организации научных исследований (НИР), об аспирантуре и докторантуре, о Научном студенческом обществе, о Совете молодых ученых, о НИИ, научно-исследовательских лабораториях и другими соответствующими нормативными документами и действующим законодательством. Общее руководство научной деятельностью осуществляет Ученый совет университета и ректор. Оперативное управление научно-исследовательской деятельностью университета осуществляет проректор по научной работе.

Научная деятельность осуществляется по планам научно-исследовательских работ, проводимых по про-

граммам и грантам Министерства образования и науки РФ, РФФИ, РГНФ и планам НИОКР, выполняемых по хозяйственным договорам с заказчиками от промышленных и научных организаций Российской Федерации и Орловской области.

Для оперативного управления, координирования работы подразделений университета по научно-исследовательской деятельности создан совещательный орган – Научно-технический совет ОГУ, в составе которого действуют секции по основным научным направлениям, которых в Орловском государственном университете насчитывается 16:

- физико-математические науки;
- химические науки;
- биологические науки;
- технические науки;

* Печатается в рамках выполнения проектов научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в 2013 году. Проект № 6.4506.2011

- сельскохозяйственные науки;
- исторические науки;
- экономические науки;
- философские науки;
- филологические науки;
- юридические науки;
- педагогические науки;
- медицинские науки;
- психологические науки;
- политические науки;
- искусствоведение;
- науки о Земле.

Политика университета направлена на сохранение и развитие ведущих научно-педагогических школ, активное привлечение профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов к участию в конкурсах научно-технических, ведомственных региональных и федеральных целевых программ, грантам Министерства образования и науки РФ, РГНФ и РФФИ.

В структуру Научно-исследовательского сектора вуза входят: научный отдел, управление аспирантурой и докторантурой, Экспертный совет по ученым званиям профессора и доцента, диссертационные советы, Научно-технический совет, научно-исследовательские институты, лаборатории, музеи и другие научные подразделения, причем каждое крупное научное подразделение также имеет свою иерархию.

К настоящему времени в университете созданы и эффективно работают по основным научным направлениям 13 крупных структурных подразделений:

1. НИИ естественных наук.
2. НИИ филологии.
3. НИИ психологии и педагогики.
4. НИИ правовых проблем.
5. НИИ проблем провинциальной культуры.
6. НИИ содержания и методов организации НИРС и инновационной деятельности студентов.
7. Научно-образовательный центр нанотехнологий.
8. Научный центр проблем глобализации и европейского права.
9. Учебно-научно-практический Центр разрешения конфликтов.
10. Приокский региональный многопрофильный бизнес-инкубатор, площадью 3248 кв. м.
11. НИИ проблем и моделирования социально-экономических процессов.
12. НИИ истории Центральной России и методологии истории.
13. Научно-образовательный центр клинической иммунологии и аллергологии

Более 10 отдельных научно-исследовательских лабораторий (лаборатория теории функций и функционального анализа им. В.П. Громова, лаборатория сервисной деятельности, гистологическая лаборатория, лаборатория клинической микробиологии, лаборатория клинической фармакологии, проблемная лаборатория по разработке и внедрению научно обоснованных средств и методов исследования социально-экономических про-

цессов в условиях становления рыночной экономики, лаборатория общих проблем дидактики, лаборатория по исследованию ИКТ-компетенции будущего учителя, лаборатория исторической информатики, лаборатория образовательных технологий в подготовке студентов факультета физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях и др.)

Более 10 музеев (музей этнолингвистики, музей этнопедагогики, музей зоологии, гистологический музей, музей клинической анатомии, музей российского учебника, музей образования: от классической гимназии – к классическому университету, музей истории физико-математического факультета, музей истории ОГУ, гербарий им. В.Н. Хитрово и др.).

На базе вуза создано 5 центров коллективного пользования общей площадью 4222,6 м² (Приокский региональный многопрофильный бизнес-инкубатор Орловского государственного университета, Вычислительный центр, астрономическая обсерватория, типография Орловского государственного университета, Научно-образовательный центр нанотехнологий).

Большое внимание уделяется в вузе росту научно-педагогических кадров: действует аспирантура по 74 специальностям.

В настоящее время в вузе действует интернатура по 12 и ординатура по 14 специальностям послевузовского образования. Докторантура – по 7 специальностям: 10.02.01 Русский язык, 10.02.19 Теория языка, 10.01.01 Русская литература, 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (русский язык), 13.00.08 Теория и методика профессионального образования, 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (математика), 07.00.02 – Отечественная история. Все специальности докторантуры были переаттестованы. (Приказ Минобрнауки № 193 от 14.02.2011 года).

Эффективность работы аспирантуры составляет более 30%, докторантуры – около 60%, что выше средних показателей по России.

Функционируют 6 специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций: Д 212.183.01 (10.02.01 Русский язык; 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (русский язык); Д 212.183.02 (10.01.01 Русская литература, 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (литература Европы); Д 212.183.03 (07.00.02 Отечественная история), Д 212 183.04 (13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (математика), 13.00.08 Теория и методика профессионального образования), а также межрегиональные советы, где вуз является участником базового соглашения: ДМ212.020.04 (19.00.07 Педагогическая психология), ДМ 212.038.21 (08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики).

Ежегодно аспиранты ОГУ награждаются именными стипендиями Губернатора Орловской области.

В вузе активно работает 51 научная школа. В центре внимания подразделений вуза – исследования по при-

оритетным направлениям развития науки и техники: в области нанотехнологий и наноматериалов, технологий распределенных вычислений и систем, технологий производства программного обеспечения, технологий мониторинга прогнозирования состояния гидросферы, рационального природопользования, технологий снижения риска и уменьшения последствий природных и техногенных катастроф, геномных и постгеномных технологий, технологий биотехнологии, биомедицинских технологий жизнеобеспечения и защиты человека, здоровьесберегающих педагогических технологий. В настоящее время необходима переаттестация научных школ в связи с предъявлением к ним новых аттестационных требований, а также появлением нового критерия к деятельности вуза: наличие педагогических и дидактических школ.

Постоянно осуществляется повышение квалификации кадров: всего в рамках ФПК и стажировок повысило свою квалификацию в 2013 году – 281 человек, в том числе по приоритетным направлениям науки и техники.

Выполняются исследования в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», в рамках Федеральной целевой программы развитие образования (ФЦПРО), поддерживаются научные исследования Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом.

НИИ и НОЦ и другие структурные подразделения вуза активно участвуют в разработке и реализации инновационных проектов, представленных ОГУ на конкурс инновационных вузов:

1. «Инновационные народосберегающие технологии в сфере образования, культуры, здравоохранения, экономики и их внедрение в социально-экономическое пространство региона через образовательную и научно-исследовательскую деятельность вуза»,

2. «Развитие Орловского университетского комплекса как регионального Приокского научно-образовательного методологического центра инновационных программ и организационных структур в сфере образования, науки, культуры, здравоохранения, экономики, направленных на создание концептуальных и стратегических положений народосбережения».

Целью реализации данных инновационных образовательных программ вуза, реализуемых названными структурными подразделениями, является формирование Орловского университетского комплекса как регионального Приокского центра инновационного образования, науки, культуры, духовности и нравственности, здравоохранения, экономики; капитализация человеческих и материально-технических ресурсов для осуществления подготовки конкурентоспособных специалистов мирового уровня, системно реализующих приоритетные национальные программы социально-экономического развития общества; разра-

ботка концептуальных и стратегических положений народосберегающих технологий.

Основным результатом реализации данных образовательных программ будет создание инновационной научно-образовательной системы, позволяющей осуществлять полномасштабную подготовку специалистов, владеющих новым набором компетенций, способных реально оценивать социально-экономическую ситуацию и определять приоритеты, осуществлять генерацию принципиально новых знаний и инновационную деятельность, направленную на народосбережение.

Активно создаются учеными вуза монографии: ежегодно до 70, учебники и учебные пособия: ежегодно – более 200. Ученые вуза публикуют более 1400 статей, участвуют в более 370 научно-практических конференциях. Ученые вуза являются авторами федеральных учебников для вузов (В.Р. Кочкарев, А.А. Калекин, Д.В. Степанов и др.) и общеобразовательных школ (Л.Д. Беднарская, С.Т. Минаков, В.Н. Правдюк и др.).

На базе вуза было открыто региональное отделение (общественный редакционный совет) международного журнала «Личность, культура, общество», включенного в список ВАК по философии, социологии и культурологии, по филологии и искусствоведению для докторских и кандидатских диссертаций (договор № 39д от 14.11.2006 г.).

Активно работает Орловское отделение Научно-методического совета по математике Министерства образования и науки РФ.

С 1940 г. по настоящее время издаются «Ученые записки Орловского государственного университета» (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29955, почтовый индекс 66005), который вошел в список рецензируемых журналов ВАК по 14 отраслям научных специальностей.

Ежегодно молодые ученые вуза становятся победителями региональных конкурсов молодых ученых. Победителем ежегодного городского конкурса «Лицо города – 2013» в номинации «Молодой ученый» стал Хрипунов Юрий Вадимович, младший научный сотрудник научно-исследовательского института естественных наук Орловского государственного университета.

Дипломом первой степени за участие в конкурсе «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2012» награжден доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX вв. Орловского государственного университета Шайкин Александр Александрович в номинации «Филология; искусствоведение; культурология» за работу «Повесть временных лет: История и поэтика».

Дипломом лауреата за участие в конкурсе «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2012» награжден кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Орловского государственного университета Мусатов Валерий Иванович в номинации «Филология; искусствоведение; культурология» за работу «Русский язык: Фонетика. Фонология. Орфоэпия. Графика. Орфография». Также Мусатов В.И. награжден двумя Дипломами лауреата

международного конкурса для преподавателей вузов и сотрудников научно-исследовательских учреждений России и стран СНГ, проводимом Британской академией образования за монографию «Полисемантические отглагольные суффиксальные существительные – лексические дериванты мутационного типа» и учебное пособие ««Русский язык: Фонетика. Фонология. Орфоэпия. Графика. Орфография».

Лауреатом конкурса «Лучший инновационный проект в сфере АПК», проводимом Общероссийской общественной организацией «Российское аграрное движение – РАД», стала преподаватель факультета естественных наук ОГУ О. В. Острикова.

Хрипунов Ю.В. совместно с Марковым Олегом Ивановичем, доктором физико-математических наук, профессором кафедры теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета стали победителями конкурса научно-исследовательских работ студентов и аспирантов на 55-й научной конференции МФТИ «Современные проблемы фундаментальных и прикладных наук», «Проблемы фундаментальных и прикладных естественных и технических наук в современном информационном обществе», «Современные проблемы фундаментальных и прикладных наук в области физики и астрономии».

Дипломом лауреата Всероссийской выставки «Золотой фонд отечественной науки» в номинации «Лучшее учебно-методическое издание в отрасли» стала монография «Влияние серотонина адипината на ишемические изменения тонкой кишки при острой кишечной непроходимости» ученых медицинского института ОГУ А. Б. Горпинича и А. Л. Альянова.

Кафедра товароведения и торговой инфраструктуры ОГУ награждена DIPLOMA DI MERITO Европейской научно-промышленной палаты.

Одно из важнейших направлений деятельности вуза – организация научно-исследовательской и инновационной деятельности студентов.

Ежегодно все студенты вуза участвуют в различных формах научной работы: конференции, олимпиады, конкурсы на лучшую НИР студентов, конкурсы на получение грантов. Студентами вуза опубликовано около 400 научных работ, в том числе без соавторов – сотрудников вуза – более 350.

Можно привести следующие примеры научных достижений студентов.

Студенты Медицинского института Орловского государственного университета награждены грамотами Всероссийской Олимпиады научных и студенческих работ в сфере профилактики наркомании и наркопреступности. Матрохина Ю.В. награждена Дипломом I степени за лучший доклад, представленный на 78 Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых с международным участием «Молодежная наука и современность», проводимой в рамках «Недели медицинской науки» в Курском государственном медицинском университете.

Студенты факультета естественных наук награж-

дены Дипломами I и II степени за победу в заключительном туре Открытой международной студенческой Интернет-олимпиады по дисциплине: «Экология»,

Получено благодарственное письмо от имени организаторов II Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки: свежий взгляд и новые подходы» (Приволжский научно-исследовательский центр, Научно-издательский центр «Коллоквиум») за высокий уровень подготовки научного доклада, представленного Проскуриной З.А., студенткой факультета документоведения и педагогического образования ОГУ. Благодарственное письмо Оргкомитета III тура Всероссийской студенческой олимпиады по направлению подготовки 034700 «Документоведение и архивоведение», проведенной 17-18 мая 2013 года в ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет» за активное участие в олимпиаде и вклад в развитие научно-исследовательского творчества студенческой молодежи.

Студенты факультета технологии, предпринимательства и сервиса награждены дипломом за проявленные фундаментальные знания в области менеджмента в рамках V Международной студенческой олимпиады «Актуальные проблемы управления социально-экономическим развитием в условиях кризиса» (г. Курск).

Студент 5 курса факультета естественных наук Манько Н.Н. получил грант на проведение научной работы при лаборатории полярных морских исследований им. А. Вегенера.

Ежегодно лауреатами выставок и конкурсов становятся студенты художественно-графического факультета, например, в Международном конкурсе студенческих работ в области дизайна и упаковки «Заводной апельсин» (г. Москва), в Международной биеннале графического дизайна «Золотая пчела».

Студентка 4 курса юридического факультета Медведева А.С. награждена Дипломом III степени за 3 место в конкурсе научных работ, посвященных истории образования, развития и современной деятельности института судебных приставов в России и зарубежных странах, в номинации «История развития института судебных приставов в России», проводимом Федеральной службой судебных приставов в 2013 году.

Студенты вуза получают грамоты за «Лучший доклад» на международных научно-практических конференциях, проводимых МГУ им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургским университетами.

Ежегодно студенты и магистранты вуза принимают активное участие в олимпиадах среди вузов Орловской области и занимают около 30 призовых мест в командном зачете и более 40 мест – в личном зачете по итогам их проведения, научные работы получают дипломы лауреатов конкурса научных студенческих работ среди вузов Орловской области.

Традиционным для студентов и молодых ученых ОГУ стало участие в работе всероссийского молодежного образовательного форума «Селигер», что является прекрасной площадкой для реализации творческой

активности, получения новых знаний и практических умений, заинтересованного общения с ведущими экспертами страны и мира, а также со своими сверстниками со всей России.

В университете разработана и совершенствуется система поэтапного введения студентов в учебно-исследовательскую, научно-методическую и научно-исследовательскую работу сложились и успешно функционируют традиционные формы приобщения студентов к научно-исследовательской работе:

- работа в научных кружках, проблемных группах, лабораториях;
- участие в факультетских тематических конференциях, в общеинститутских научных конференциях, во всероссийских конкурсах на лучшую работу, в олимпиадах;
- участие в археологических, диалектологических и экологических экспедициях;
- организация и участие в работе диспутклубов, круглых столов по актуальным проблемам общественного развития;
- обучение на базе Приокского регионального многопрофильного бизнес-инкубатора Орловского государственного университета;
- участие в работе Приокского регионального многопрофильного бизнес-инкубатора Орловского государственного университета.

Большую роль в организации научно-исследовательской и инновационной деятельности вуза играет научное студенческое общество (НСО).

Деятельность НСО университета осуществляется по следующим направлениям:

- Концептуальные основы развития и функционирования системы НИРС на основе образовательной, научно-исследовательской и региональной политики.
- Оптимизация структуры системы НИРС, содействие повышению эффективности ее функционирования, развитие межведомственной и региональной кооперации.
- Участие в разработке нормативных и законодательных актов, направленных на развитие системы НИРС в Орловском государственном университете и Российской Федерации.

Активно работает в вузе и Совет молодых ученых. Совет молодых ученых является общественным объединением представителей молодых ученых и специалистов ВУЗа, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей и задач. Совет осуществляет свою деятельность, основываясь на принципах добровольности, равноправия его членов, самоуправления, законности и гласности.

Основными целями и задачами Совета являются:

- содействие повышению уровня жизни молодых ученых и специалистов России;
- содействие в практической реализации государственной политики приоритетности образования и науки;
- укрепление и развитие профессиональной солидарности, взаимопомощи и сотрудничества молодых ученых и специалистов России;

- пропаганда научных достижений молодых ученых и специалистов России, возможностей их использования, распространение профессиональных знаний и накопленного опыта, организация выставок, семинаров, конференций, иных мероприятий.

Совет осуществляет следующие виды деятельности:

- организует общественную экспертизу законопроектов, управленческих решений по вопросам, касающимся молодых ученых и специалистов;
- принимает участие в разработке предложений к законодательным и иным нормативным правовым актам, затрагивающим профессиональные, трудовые и социально-экономические права и интересы молодых ученых и специалистов;
- проводит анализ основных проблем молодых ученых и специалистов, реализует меры по их решению;
- взаимодействует с другими организациями для достижения уставных целей и задач.

Ежегодно совет молодых учёных и специалистов принимает активное участие в организации и проведении «Недели науки» Орловского государственного университета. По результатам «Недели науки» издаются сборники научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов. Лучшие работы печатаются в научном журнале «Ученые записки Орловского государственного университета».

Совет проводит работу по привлечению молодых учёных к участию в конкурсах на получение грантов Президента Российской Федерации для поддержки молодых учёных – докторов наук и молодых российских учёных – кандидатов наук, Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда. Молодые учёные активно участвуют в аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы», Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Традиционной стала Международная школа-семинар молодых учёных России и Украины «Методы дискретных особенностей в задачах математической физики», которая начала свою работу в декабре 2000 года на базе Орловского госуниверситета. Организаторы этой школы – Орловский госуниверситет, Институт вычислительной математики РАН, Военно-воздушная инженерная академия им. проф. Н.Е. Жуковского (Россия) и Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина).

Среди всех видов деятельности вуза в современных условиях особенно важную роль приобретает международное сотрудничество, предполагающее реализацию общей цели – всестороннюю интеграцию российской высшей школы в мировое образовательное сообщество, в том числе и через научную деятельность. Подписаны договоры о сотрудничестве между Орловским государственным университетом и Аньхойским государственным университетом, Пекинским техническим университетом. Договоры предусматривают сравнительное изучение двух образовательных систем через обмен преподавательскими кадрами и студенческими

группами, разработку совместных проектов в целях содействия улучшению подготовки студентов для открытия отделения восточных языков в Орловском государственном университете. Расширяются контакты с Германией. Стали традиционными связи кафедры немецкого языка с культурным центром им. Гете при посольстве ФРГ в г. Москве, с немецкой службой академических обменов (ДААД) (языковые стажировки, повышение квалификации, семинары, конференции), фондом Роберта Боша.

На базе факультета иностранных языков в декабре 2012 года состоялось открытие международного центра тестирования по немецкому языку – австрийский диплом (OSD-das Österreichisch Sprachdiplom). Получены три индивидуальные лицензии Австрийского министерства образования и Центрального Венского экзаменационного центра на утверждение в Орловском государственном университете экзаменационного центра с 4-ой высшей степенью доверия. Прошли подготовка и проведение в рамках «Года немецкого

языка в России» заочного двухмесячного он-лайн курса «Современный урок немецкого языка» для преподавателей вузов России. На основании Посольства Франции в Москве осуществляется работа экзаменационного центра оценивания уровня владения французским языком по европейским стандартам – DELF/DALF. После проведенного экзамена выданы сертификаты, подписанные Международным центром педагогических исследований г. Парижа. Продлено право принимать экзамены по французскому языку DELF/DALF до 2015 года с последующей выдачей сертификатов французского образца.

На базе кафедры международного и международного частного права состоялся Международный молодежный форум «Орловская модель Организации объединенных наций-2013», в котором приняли участие 74 представителя из 14 стран.

Таким образом, на данном этапе развития создана эффективная база по включению студентов, бакалавров, магистров, молодых ученых в научную и инновационную деятельность вуза.

Библиографический список

1. Пузанкова Е.Н., Мурадова Н.С. Создание в вузе инновационно-ориентированной системы поддержки НИРС (показатели эффективности НИРС в вузе) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 2 (46). 2012. С. 310-318.

References

1. Puzankova E.N., Muradova N.S. Creation innovatively-oriented system of support SIWS in high school (parameters of SIWS efficiency in high school) // Scientific notes of Orel state university/ Scientific journal. Vol.2.- No.46.- 2012.- Pp.310-318.

УДК 355.233.23

UDC 355.233.23

Ю.В. ДУЛЕПОВА

старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков Академии ФСО Российской Федерации
E-mail: groom-haus@ya.ru

Y.V. DULEPOVA

Lecturer of the Department of Foreign and Russian Languages, FSS Academy of the Russian Federation
E-mail: groom-haus@ya.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА-ВЫПУСКНИКА ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

FORMATION OF GENERAL CULTURAL COMPETENCES OF A MODERN SPECIALIST-GRADUATE OF THE TECHNICAL UNIVERSITY ON THE LESSONS OF A FOREIGN LANGUAGE

В статье анализируется компетентностный подход в обучении иностранному языку в условиях технического вуза. Автор рассматривает процесс формирования общекультурных компетенций на занятиях, обеспечивающий развитие способности к письменной и деловой коммуникации, к чтению и переводу текстов по профессиональной тематике. В статье найдено отражение модульное обучение, предполагающее проработку каждого компонента дидактической системы обучения иностранному языку.

Ключевые слова: компетенция, компетентностный подход, общекультурные компетенции, модуль, модульная технология обучения.

The article analyzes the competence-based approach to teaching a foreign language at a technical university. The author examines the process of forming common cultural competences in the classroom, which provides the ability to develop writing and business communication, reading and translation of texts on professional topics. The article has reflected modular training, suggesting the foreign language didactic teaching system each component elaboration.

Keywords: competence, competence-based approach, the general cultural competences, module, module training technology.

Принятый в 2010г. ФГОС ВПО полностью характеризует профессиональную деятельность выпускника, включающую область, объекты, виды, задачи профессиональной деятельности, содержит требования к результатам освоения образовательных программ, в соответствии с которыми выпускник должен обладать определённым набором общекультурных (ОК) и профессиональных (ПК) компетенций. Компетентностный и личностно-ориентированный подходы активно используются педагогами высшей школы в подготовке специалиста разного профиля. (А.О. Кошелева, Е.В. Максимова, П.И. Образцов, А. Слостенко, А.И. Уман).

По мнению современных исследователей (Н.Л. Сальникова, С.Б. Бурухина и др.), компетентностный подход в высшем профессиональном образовании ориентирован на формирование личности специалиста – в единстве его теоретических знаний, практической подготовленности, способности и высокой мотивации к осуществлению всех видов профессиональной и социальной деятельности [7, с. 5].

Анализ диссертационных исследований позволяет утверждать, что содержание программ обучения в техническом вузе по общепрофессиональным и специальным дисциплинам направлено в первую очередь на формирование блока профессиональных компетенций по каждой специальности отдельно. Однако общекультурные компетенции составляют основу

общего профессионального уровня вуза и личностной зрелости будущего специалиста, обучающегося в вузе. Например, можно рассмотреть процесс формирования общекультурных компетенций на занятиях по иностранному языку, который обеспечивает развитие способности к логическому мышлению, обобщению, анализу, критическому осмыслению, систематизации, прогнозированию, постановке исследовательских задач профессиональной деятельности и выбору путей их достижения; а также способности к письменной и устной деловой коммуникации, к чтению и переводу текстов по профессиональной тематике на иностранном языке.

Компетентность – личностное качество, включающее в себя ряд аспектов: мотивационный, когнитивный, поведенческий, ценностно-смысловой, а также эмоционально-волевую регуляцию профессиональной деятельности. По словам Дж. Равена, компетентности – это «мотивированные способности» [6]. В ФГОС ВПО отмечается, что «вуз обязан сформировать социокультурную среду, создавать условия, необходимые для всестороннего развития личности» [7]. Каковы же возможности технического вуза в развитии общекультурных и профессиональных компетенций в процессе модульной технологии?

Очевидно, что задача формирования общекультурных компетенций выпускника технического вуза должна решаться комплексно. На ее решение должны быть направлены: содержание программ обучения и методи-

ка преподавания технических и гуманитарных дисциплин; деятельность профессорско-преподавательского состава вуза. При этом кафедры гуманитарных дисциплин должны оказывать как непосредственное влияние на формирование общекультурных компетенций выпускника вуза, так и опосредованное – на образовательную среду вуза.

Поскольку основная роль в формировании общекультурных компетенций отводится гуманитарным кафедрам, то и кафедре иностранных языков следует значительно расширять и усиливать тот раздел подготовки специалистов, который связан со страноведческой и культурологической подготовкой. Это обосновано тем, что в свете новой образовательной парадигмы, призывающей расширить культурологическую географию в практике обучающихся, необходимо использовать разнообразие культур, языков в целях естественного вхождения студентов в зону европейского высшего образования.

Такую задачу можно реализовать, используя контекстный, акмеологический, и компетентностный подходы в обучении иностранным языкам в вузе. Необходимо, чтобы современный студент из пассивного элемента образовательной системы превратился в активного участника образовательного процесса. Он формирует свое мировоззрение, постигает накопленный человечеством опыт с помощью традиционных источников информации и новых технологий, а преподаватель выступает в роли советника, помощника, оппонента и консультанта. Все ранее перечисленные подходы позволяют студентам не только получить некий объем знаний, но и научиться самостоятельно мыслить и повышать свое самообразование.

Например, компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность обучающегося, а умения разрешать проблемы по аналогии, возникающие в следующих ситуациях: при освоении современной техники и технологии во взаимоотношениях людей, в этических нормах, при оценке собственных поступков; в практической жизни при выполнении социальных ролей гражданина, члена семьи, горожанина, избирателя; при выборе специализации в своей профессиональной деятельности, оценке своего уровня подготовленности, в умении ориентироваться на рынке труда; при необходимости разрешать собственные проблемы жизненного самоопределения, выбора стиля и образа жизни, способов разрешения конфликтов и т.д.

Несомненно, возрастает и востребованность специалистов со знанием иностранных языков на рынке труда, что будет еще одним дополнительным стимулом к изучению данной дисциплины. Все это влечет за собой и изменения в требованиях к уровню владения языком выпускником вуза, определение новых подходов к отбору содержания и организации материала. Таким образом, главная цель компетентностного подхода в формировании общекультурных компетенций в процессе изучения иностранного языка в вузе заключается в формировании теоретического мышления, языковой интуиции и способностей будущего специалиста, овла-

дении культурой речевого общения и поведения, позволяющей ему быть равным партнером межкультурного общения на иностранном языке в бытовой, культурной и учебно-профессиональной сферах.

В целом, компетентностный подход в обучении иностранным языкам предполагает формирование трех основных компетенций у обучающихся: одной из которых является лингвистическая. Лингвистическая (или иноязычная) компетенция предполагает владение системой сведений об изучаемом языке (фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис простого и сложного предложения, основы стилистики текста). На качество лингвистической компетенции при изучении иностранного языка, по мнению профессора Гарвардского университета Говарда Гарднера, влияет *лингвистический интеллект*, подразумевающий способность читать, писать и общаться с помощью устного (родного) языка [4, с.232].

Языковая компетенция по Н. Хомскому означает способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения [9]. В других исследованиях можно найти близкие определения, как например, «языковая компетенция – способность учащегося конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения, а также понимать смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с существующими нормами русского языка, и использовать их в том значении, в котором они употребляются носителями языка в изолированной позиции» [4].

Однако необходимо понимать, что усвоение знаний о системе языка не является самоцелью при формировании общекультурных компетенций. В процессе формирования лингвистической компетенции важным является развитие личности студента, его познавательной культуры, логической памяти, формирование навыков самоанализа и самооценки.

Следует отметить, что формирование коммуникативной компетенции в иностранном языке в современных условиях должно вырабатывать навыки и умения использования основных коммуникативных стратегий, которыми пользуется общество: презентация, манипуляция, конвенция [7]. Обучение указанным коммуникативным стратегиям является важнейшей задачей, так как язык – это мощное средство воздействия, и, общаясь, человек не просто сообщает или описывает какие-то объекты или ситуации внешнего мира, а интерпретирует их, управляет или пытается воздействовать на адресата, давая этим объектам или ситуациям положительную или отрицательную оценку. Коммуникативные стратегии отличаются по уровню открытости, симметрии и способу производимой коммуникации: презентационный тип является пассивной коммуникацией; манипуляционный – активной коммуникацией, конвенциональный – интерактивной коммуникацией. Точно так же основными средствами являются: для презентации – послание, для манипуляции – сообщение, для конвенции – диалог.

Задачей презентационной стратегии является общение знания. Осуществляя манипуляционную коммуникацию, ее создатели ставят целью управление ситуацией через управление поведением людей.

В конвенциональной коммуникативной стратегии применяются технологии, нацеленные на управление ситуацией через взаимодействие и согласование поведения людей.

Включение данных коммуникативных стратегий в образовательный процесс позволяет обучать студентов воздействовать при помощи иностранного языка на адресата, управлять его поведением, согласовывать свое поведение с действиями других людей, а также сообщать им какую-либо информацию. Такой подход позволяет моделировать различные профессиональные ситуации, например: лекция (презентационная стратегия), дискуссия, круглый стол, ток-шоу (конвенциональная стратегия), ролевые игры (манипуляционная стратегия).

Следовательно, одним из эффективных способов решения задач, стоящих перед преподавателями иностранного языка в процессе реализации модульной технологии обучения на современном этапе, является компетентностный подход в соединении с новейшими технологиями и методами и с включением в обучение современных коммуникативных стратегий как основных моделей речевого воздействия на адресата в различных видах деятельности, в том числе и профессиональной.

В результате такого подхода в обучении, у студентов технического вуза будет поэтапно формироваться высокий уровень общекультурных компетенций в процессе модульного обучения, целью которого является создание гибких образовательных структур как по содержанию, так и по организации обучения, гарантирующих удовлетворение потребности, имеющейся в данный момент у человека, и определяющих вектор нового, возникающего интереса.

Следует отметить, что первые модульные программы познавательного типа были созданы американским ученым Дж. Расселом в середине 70-х годов прошлого века. Подчеркивая важность базовой подготовки обучающихся, он конструировал модули и модульные программы по гносеологическому признаку. В начале 80-х годов советский исследователь И. Прокопенко совместно со специалистами Международной организации труда разработал модульные программы операционного типа для повышения квалификации производственных мастеров. В настоящее время такие программы используются достаточно широко. Таким образом, в системе профессионального образования модульное обучение сразу же получило широкое признание.

В отличие от традиционных форм обучения модульное обучение: обеспечивает обязательную проработку каждого компонента дидактической системы и наглядное их представление в модульной программе и модулях; предполагает четкую структуризацию содержания обучения, последовательное изложение теоретического материала, обеспечение учебного процесса методиче-

ским материалом и системой оценки и контроля усвоения знаний, позволяющей корректировать процесс обучения; предусматривает вариативность обучения, адаптацию учебного процесса к индивидуальным возможностям и запросам обучающихся, создает им условия для индивидуального темпа продвижения по различным вариантам модульной программы: полному, сокращенному или углубленному. Центральным понятием в системе модульного обучения является понятие «модуль». Согласно определению ЮНЕСКО, модуль – «изолированный обучающий пакет, предназначенный для индивидуального или группового изучения с целью приобрести одно умение или группу умений путем внимательного знакомства и последовательного изучения упражнений с собственной скоростью» [1].

Существуют и другие определения данного понятия, но все их можно систематизировать по трем аспектам: модуль как единица государственного учебного плана по специальности, представляющая набор учебных дисциплин, отвечающий требованиям квалификационной характеристики; модуль как организационно-методическая междисциплинарная структура, которая представляет набор тем (разделов) из разных учебных дисциплин, необходимых для освоения одной специальности, и обеспечивает междисциплинарные связи учебного процесса; модуль как организационно-методическая структурная единица в рамках одной учебной дисциплины, включающая в себя дидактические цели, логически завершенную единицу учебного материала, составленную с учетом внутрипредметных и междисциплинарных связей, методическое руководство (с дидактическими материалами) и систему контроля. В модульном обучении выделяются познавательные (гносеологические) и операционные (функциональные) цели.

Реализация познавательных целей обеспечивается теоретическим содержанием учебного материала. Информационный материал модулей формируется по гносеологическому признаку вокруг базовых понятий и методов учебной дисциплины. Модульные программы познавательного типа разрабатываются, чтобы сформировать системы фундаментальных знаний учащихся.

Реализация операционных целей обеспечивается практической частью учебного содержания и предполагает формирование умений и навыков обучающихся. В этом случае содержание модуля формируется по функциональному признаку, то есть вокруг функций, способов, приемов познавательной и профессиональной деятельности.

Одной из важнейших характеристик модульного обучения является гибкость. Выделяют содержательную и структурную гибкость (Ю.П. Юцявичене).

Содержательная гибкость отражается, прежде всего, в возможности как дифференциации, так и интеграции содержания обучения. Структурная гибкость обеспечивается целым рядом моментов: от динамичности и мобильности структуры модульной программы и модуля до возможности проектирования гибкого расписания учебного процесса. Еще одно преимущество

модульного обучения – гибкость управления образовательным процессом путем создания системы контроля и самоконтроля усвоения учебного материала модуля.

Обустроенные системой самоконтроля и самоорганизации модули позволяют информационно-контролирующие функции преподавателя преобразовать в собственно координационные функции обучаемого. В этих условиях педагогическое общение реализуется как партнерское учебное сотрудничество преподавателя и обучающегося. Требования к конструированию модульных программ и модулей основываются на рекомендациях, разработанных и принятых ЮНЕСКО, и широко используются различными образовательными учреждениями. При проектировании модульных программ и модулей, прежде всего, необходимо: сформулировать комплексную дидактическую цель модульной программы; понятия, построить блок-схему модульной программы с учетом иерархии целей.

Особую важность представляет собственно организация модульного обучения. Конструирование программ гибкого обучения, построенных по модульному принципу, имеет следующие этапы: определение проблемы; формулирование целей обучения; определение исходных условий и требований; отбор и структурирование содержания обучения; выбор стратегии преподавания/изучения, методов и средств обучения; выбор стратегий и инструментов для оценки степени достижения целей обучения.

Любая модульная программа должна содержать собственно содержательную часть, состоящую из набора конкретных модулей, и методическую часть. При этом содержательный и методический модули должны быть структурно одинаковыми (чтобы позволить всем участникам образовательного процесса работать по единым правилам, сохраняя при этом возможность гибкой адаптации своего поведения). Исследователи в области модульного обучения рекомендуют разделять учебную дисциплину примерно на 10–12 модулей, исходя из того, что оптимальный объем модуля логически соответствует завершению раздела учебной дисциплины, на изучение которого отводится, как правило, от 10–12 до 18–20 часов. По мнению разработчиков, в рамках одной учебной дисциплины должно быть не более 12, но и не менее 5–6 модулей. При этом рекомендуется избегать как слишком больших, так и слишком мелких модулей (что затрудняет усвоение или систематизирование знаний слушателя). Суммируя вышесказанное, можно сделать вывод: модульное обучение имеет характерные черты индивидуально-дифференцированного обучения, такие как отход от поточного метода занятий

и переход к индивидуальной подготовке специалистов, перенос центра тяжести учебного процесса на самостоятельную работу студентов. В силу своей гибкости, высокой технологичности оно позволяет наиболее рационально использовать резервы самого образовательного процесса и участвующих в нем людей.

Однако очевидным является и то, что не более трети преподавателей естественнонаучных и технических дисциплин используют активные методы обучения в своей работе; остальные либо не знают о таких методах обучения, либо считают, что они «не способны повысить качество знаний». Поэтому внедрение компетентного подхода в образовательную систему технического вуза невозможно без: а) пересмотра всех образовательных программ и учебно-методических комплексов; б) обязательного повышения психолого-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава [3].

Вместе с тем, преподаватель высшей школы не может быть только транслятором знаний. Основой формирования профессиональных и общекультурных компетенций студентов является личность преподавателя, его система ценностей – профессиональных, общекультурных и педагогических компетенций.

В последнее время активно анализируется роль гуманитарных дисциплин при подготовке инженеров. Исследователи указывают на исключительную важность предметов гуманитарного блока для становления личности студента технического вуза [3, с. 35]. Так, они способствуют: развитию творческой активности студентов; формированию личностной готовности к применению технических знаний и умений; развитию коммуникативных и организаторских способностей; формированию общечеловеческих (гуманистических) ценностей: расширению экологического сознания; усвоению знаний по инженерной психологии, психологии труда и культуре безопасности; развитию способности к непрерывному образованию в течение жизни и переучиванию в случае необходимости. Как отмечает М.М. Этлис, особенностью гуманитарной подготовки в техническом вузе является ее опережающий характер: чем более успешна эта подготовка в начале каждого цикла обучения, тем в большей степени оптимизируется восприятие самых сложных фундаментальных и практических сторон технического знания.

Итак, в результате применения модульной технологии в процессе изучения иностранного языка студент научится анализировать информацию, принимать творческие решения в ситуации неопределенности, приобретет высокий уровень общекультурных компетенций.

Библиографический список

1. ИКТ и качество образования: Ассоциированные школы будущего: Материалы международной конференции ЮНЕСКО ИИТО и Ассоциированных школ ЮНЕСКО (26-27 апреля 2011г.). Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2011. 276 с. ISBN 978-5-93593-145-2
2. Кузовлев В.П., Кошелева А.О., Карева Н.В. Технология проектирования дифференцированно-группового обучения в вузе: учебное пособие. Под общ. ред. А.О. Кошелевой. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. 119 с.
3. Назаров М. М. Массовая коммуникация в современном мире [Текст] : методология анализа и практика исследований. 2-е изд., испр. М. : УРСС, 2002. 239 с. (Библиотека серии «Специализированные курсы в социологическом образовании»).

4. Панов В.И. Роль гуманитарного образования в профессиональной подготовке технических специалистов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Человек – Образование – Профессия». 6–8 июля 2009г. М.: ПИРАО, МГППУ, 2009. С. 34–38.
5. Подласый И.П. Педагогика: учебник. 2-е изд., доп. М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 574 с. (Основы наук).
6. Пороговый уровень. Русский язык. Т. 1. Повседневное общение. Т. 2. Профессиональное общение. Страсбург, Совет Европы Пресс, 1996.
7. Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М., 2002.
8. Сальников Н.Л., Бурухин С.Б. Реформирование высшей школы: концепция новой образовательной модели // Высшее образование в России. 2008. №2. С. 3–11.
9. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1992.

References

1. ICT and Educational Quality: Associated Schools of the Future: Proceedings of the International Conference of UNESCO IITE and UNESCO Associated Schools (April 26-27, 2011.). Kazan University Management «TISBI», 2011. 276 p. ISBN 978-5-93593-145-2
2. Kuzovlev V.P., Kosheleva A.O., Kareva, N.V. Design of differentiated group learning technology in high school: a training manual / V.P. Kuzovlev, A.O. Kosheleva, N.V. Kareva, under the total. Ed. Of A.O. Kosheleva - Elec: YSU of I.A. Bunin, 2010. 119 p.
3. Nazarov M.M. Mass communication in the modern world [Text] analysis methodology and practice of research / M. Nazarov. 2nd ed., Rev. Moscow: URSS, 2002. 239. (Library of the series «Specialized courses in sociological education»).
4. Panov V.I. The role of arts education in the training of technicians // Proceedings of the V International scientific-practical conference «Man - Education - Occupation.» July 6-8, 2009. M. Piran MGPPU 2009. Pp. 34-38.
5. Podlasy I.P. Pedagogy: the textbook. 2nd ed., Ext. Moscow: Publishing Yurayt; Foreign Yurayt, 2011. 574 p. - (Science Basics).
6. The threshold level. Russian language. Volume 1 - Everyday communication. Volume 2 - Professional communication. Strasbourg, Council of Europe Press, 1996.
7. Raven J. Competence in modern society. Identification, development and implementation. Moscow, 2002.
8. Salnikov N.L., Burukhin, S.B. The reform of higher education: the concept of the new educational model // Higher Education in Russia. 2008. № 2. Pp. 3-11.
9. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Moscow, 1992.

УДК 376.42

Е.В. ДЬЯКОВА

старший преподаватель кафедры технологий психолого-педагогического и специального образования Орловского государственного университета
E-mail:katya-dyakova@mail.ru

UDK 376.42

E.V. DYAKOVA

senior lecturer of the chair "Psychology and Education Technology and Special Education" Orel State University
E-mail:katya-dyakova@mail.ru

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ И НАВЫКОВ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

STUDY OF THE PROBLEM OF SELF-AWARENESS AND SELF-PRESENTATION SKILLS OF YOUNGER TEENAGERS WITH MENTAL RETARDATION

Статья посвящена постановке проблемы становления личности подростков с задержкой психического развития, в частности проблемы формирования самосознания и навыков самопрезентации в период школьного обучения. Раскрыто понятие самопрезентации, предложены методики, направленные на ее изучение.

Ключевые слова: подростки с задержкой психического развития, самосознание, самопрезентация.

The article is devoted to the formulation of the problem of forming the personality of younger teenagers with mental retardation, in particular the problems of forming self-awareness and self-presentation skills during schooling. The concept of self-presentation is identified; the technique aiming at studying it is proposed.

Keywords: younger teenagers with mental retardation, self-awareness, self-presentation.

Современные подходы к школьному обучению и воспитанию подрастающего поколения подразумевают, что в образовательном учреждении должны быть созданы условия для успешного развития личности уча-

щихся: познания школьниками своих индивидуальных характеристик; возникновения интереса к своей жизни и стремления выражать или презентовать себя; развития потребности в признании и потребности воплотить

в жизнь свой личностный потенциал.

Сложившиеся же традиционные системы воспитания и обучения фактически не содержат в себе специальных методов и приемов, направленных на развитие вышеобозначенных личностных характеристик учащихся подросткового возраста.

Подростковый возраст – это, с одной стороны, возраст индивидуализации, открытия и утверждения своего уникального и неповторимого Я, а с другой – возраст социализации, вхождения в мир человеческой культуры и общественных ценностей. И обе эти линии развития реализуются на фоне общей личностной нестабильности.

Проблема становления личности особенно затрагивает подростков с задержкой психического развития, у которых нарушения развития психической сферы, сочетаясь с межличностными взаимодействиями и влияниями условий обучения и воспитания, приводят к ее качественным своеобразиям. Эти своеобразия проявляются в специфических особенностях самосознания и трудностях представления своего Я окружающим, т.е. самопрезентации.

В широком смысле, самопрезентация определяется как комплекс способов и стратегий представлений себя окружающим (Ф.Артур, 2003). Это вербальная и невербальная демонстрация собственной личности в системе внешних коммуникаций. (В.С. Агеев, 1987).

Помимо термина «самопрезентация» (self-presentation) в англоязычной литературе употребляются в качестве синонимов понятия: impression management – управление впечатлением, social performance – социальное представление, self-salience – самоподача.

В узком смысле, самопрезентация – это акт самовыражения и поведения человека, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечатление, соответствующее чьим-либо идеалам. Самопрезентация в этом случае рассматривается как умение подростка подать себя в новой для него обстановке, в новых условиях пребывания, в новом окружении. Слова «сам», «само» употребляются для придания особой важности личной деятельности. Мы рассматриваем самопрезентацию как один из важных аспектов социальной адаптации подростка. Наряду с развитием способности подростка к адаптации усиливается его стремление к самопрезентации, самоутверждению, т.е. к различным стратегиям «Я».

Задача самопрезентации решается подростком часто спонтанно в незначимых ситуациях, в значимых ситуациях характерно регулирование самопрезентации (исходя из умений и индивидуальных особенностей подростка).

Независимо от характера процесса (стихийный, регулируемый), самопрезентация формирует у подростка определенный уровень ожиданий, стиль взаимоотношений, является средством воздействия на окружающих. Самопрезентация предполагает следование подростком культурным образцам поведения как наиболее адекватным вариантам реагирования на те или иные обстоятельства общения.

При самопрезентации важное значение имеют социальные ожидания, связанные с образом «Я» и образом «Другого».

Самопрезентация способствует демонстрации представлений о себе на основе социально и культурно принятых способов поведения. Помимо коммуникативной направленности, она способствует более полному осознанию ребенка представлений о самом себе, т.к., по определению Л.С. Выготского, именно знаково-символическое опосредование позволяет перевести во внутренний план, т.е. сделать осознаваемым личностью, знаковый опыт.

В то же время, решая задачу самопрезентации, подросток вырабатывает стереотипы поведения, которые влияют на стиль самопрезентации. Выбранный стиль является неосознанным отражением ценностей и самоотношения.

Стиль самопрезентации может включать набор индивидуальных средств самовыражения (в том числе одежда, манеры, мимика, клише словесные, манера общения).

Необходимость в самопрезентации возникает в случаях знакомства с интересными людьми /друзьями/, с новыми людьми в компании друзей, общения с должностным лицом/преподавателем/ начальником, общения с одноклассниками, коллегами, при сдаче экзамена, приеме на работу и т.п.

Российский исследователь Л.М. Митина включает самопрезентацию (в интерпретации автора – «самоподачу себя другим») в описание основных функций педагогического общения наряду с информационной (обмен информацией между учителем и учениками познавательного и эмоционально-оценочного характера); социально-перцептивной (дает возможность педагогу и учащимся воспринимать друг друга, устанавливать тот или иной уровень взаимопонимания и взаимоприятия на основе задействования механизмов эмпатии (сочувствия, сопереживания)); интерактивной (обмен образами, идеями, действиями, навыками, опытом); аффективной (эмоциональная стимуляция, «разрядка», облегчение, ощущение психологического комфорта). По мнению психолога, самопрезентация является значимой функцией и помогает в самовыражении всем участникам педагогического процесса.

Изучение особенностей самосознания и самопрезентации учащихся с ЗПР является остро актуальной проблемой в связи с возрастающей потребностью поиска причин и механизмов трудностей организации межличностного взаимодействия в подростковом коллективе и социальной дезадаптации подростков с ЗПР.

У учащихся изучаемой категории нет представлений об адекватных способах предъявления себя, они неуравновешенны в поведении, недисциплинированны, с преобладанием процессов возбуждения (О.К.Агавелян, И.А. Конева, Т.Н. Матанцева и др.). Все это создает трудности для построения адекватного межличностного взаимодействия с окружающими.

Для исследования особенностей самосознания и самопрезентации в психологической практике широко

используются метод свободного самоописания (устно или письменно), беседу, проективные методики и метод наблюдения.

Для проведения нашего исследования были отобраны следующие методики:

1. Самопрезентация:

- модифицированная методика «Расскажи о себе» (изучение вербальной самопрезентации – оценивается характер и представленность в самопрезентации различных компонентов Я; способ самоописания (через физические характеристики, способности, умения, обладание вещами и т.д.); соотношение когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов) [3];

- модифицированная методика «Нарисуй себя» А.А. Реана (невербальная самопрезентация) [3];

- наблюдение (используемые тактики самопрезентации: внешний вид, манеры, поведение, речевые характеристики).

2. Самосознание:

- тест установок личности на себя «Кто Я?» М.Куна, Т. Макпартлэнда (выявляет вербальные представления о себе) [2];

- проективная методика «Незаконченные предложения» в модификации И.А. Коневой (отражает глубинные неосознанные слои опыта и самопознания) [1];

- техника репертуарных ранговых решеток в модификации И.А. Коневой (выявляет систему значимости тех или иных представлений о себе, влияющих на поведение человека) [1];

- методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан [4].

Изучение особенностей самопрезентации учащихся с ЗПР позволит наметить пути преодоления трудностей в их личностном развитии и социальной адаптации, предупредить дезадаптацию детей данной категории и возникновение у них асоциального поведения.

Библиографический список

1. Конева И.А. К проблеме поздней дифференциальной диагностики интеллектуального недоразвития и задержки психического развития // Специальная психология. 2004. №1. С. 22-25.
2. Кун М., Макпартлэнд Т. Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология /Сост. Г.М. Андреева. М., 1984. С.180-188.
3. Панасенко К.Е. Особенности самопрезентации дошкольников с нарушением речевого развития // Дис. ... канд.психол. наук. М.: РГБ, 2005.
4. Прихожан А.М. Анализ содержания образа «Я» в старшем подростковом возрасте у учащихся массовой школы и школы-интерната // Возрастные особенности психического развития детей / Отв. И.В. Дубровина, М.И. Лисина. М., 1982. С.137-158.

References

1. Koneva I.A. The problem of late differential diagnosis of intellectual underdevelopment and mental retardation // Special psychology. 2004. № 1. Pp. 22-25.
 2. Kuhn M., Makpartlend T. Empirical research facilities of personality on yourself / /Modern foreign social psychology / Comp. G.M. Andreeva. M., 1984. Pp.180-188.
 3. Panasenko K.E Peculiarities of representation of preschool children with speech disorder // Dis. ... candidate of psychological Sciences. Moscow: Russian State Library, 2005.
 4. Prihozhan AM The content analysis of the image of "I" in late adolescence among students in regular school and a boarding school / / Age characteristics of children's mental development / Ed. I.V. Dubrovina, M.I. Lisina. M., 1982. Pp.137-158.
-
-

УДК 373.5. 015.311:613.95

UDC 373.5. 015.311:613.95

Н.А. ИДРИСОВА

аспирант кафедры педагогики и педагогического мастерства Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б.М. Хмельницкого
E-mail: bahtiyar_idrisov@mail.ru

N.A. IDRISOVA

graduate student of "Pedagogy and pedagogical skills", Melitopol State Pedagogical University named after B.M. Khmelnytsky
E-mail: bahtiyar_idrisov@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В ПЕДАГОГИКЕ КОНТЕНТ-АНАЛИТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

THE DETERMINATION OF THE CONCEPT OF "HEALTHY LIFESTYLE" IN TEACHING CONTENT-ANALYTIC METHOD

Исследование посвящено определению единого понятия здорового образа жизни как необходимого фактора деятельности школьных педагогов в воспитании здоровой нации. На основе анализа научных источников построена матрица единиц-признаков исследуемого феномена и сконструировано оптимальное понятие, позволяющее выделить педагогические условия, от которых зависит эффективность воспитания здорового образа жизни учащихся.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, контент-анализ, матрица частоты, критерии определения, единицы-признаки, педагогическая компетенция.

The research is devoted to the definition of a unified concept of a healthy lifestyle as a necessary factor of the school teachers in the education of a healthy nation. Based on the analysis of scientific sources a matrix of the units features of the phenomenon is constructed, and the optimal concept, which allows to highlight the pedagogical conditions that determine the effectiveness of students' education of a healthy lifestyle, is designed as well.

Keywords: healthy lifestyle, content analysis, frequency matrix, criteria definitions, units, signs, educational competence.

Научные исследования, проводимые с конца XX–начала XXI века в Украине, свидетельствуют о неуклонном ухудшении состояния здоровья населения, в первую очередь учащейся молодежи. Снижение материального благополучия большей части населения, ухудшение экологической ситуации, отсутствие культуры здоровья в обществе, перегрузка детей учебными занятиями, недостаточный учет возрастных и индивидуальных особенностей детей в обучении и воспитании повышают требования к выносливости учеников и к их адаптационным способностям в современных условиях.

Актуальность темы исследования определяется недостаточностью разработки понятия «здоровый образ жизни» в украинской педагогике, и это несмотря на то, что еще в 1970-1980 годах в СССР стали появляться работы А.П. Бутенко, В.А. Грушина, В.С. Маркова, М.Н. Руткевича, Э.В. Струкова, посвященные разработке понятий «образ жизни» и «здоровый образ жизни». Благодаря тому, что в настоящее время именно здоровый образ жизни считается одним из определяющих факторов здоровья человека, в исследованиях российских ученых Ю.Д. Глушкова, Д.Н. Давиденко, В.И. Жолдак, Л.А. Калинкина и Т.Ф. Ореховой дано достаточно четкое представление о его составляющих. Казалось бы, что проблема исследована достаточно широко, однако в новых усложнённых требованиях школьной программы и слабой адаптации к ней учеников вопросы воспитания и обучения здоровому образу жизни

ни вновь становятся актуальными. Задача усложняется и тем что, школьники не осознают необходимость сохранения здоровья и ведения здорового образа жизни, а в украинской школьной практике отсутствует единое понятие этого феномена. Педагоги зачастую путаются в его определении, в связи с чем возникают проблемы единой целенаправленной организации педагогической деятельности. Поэтому необходимым в педагогическом аспекте нами видится выработка единого понятия «здоровый образ жизни». С этой целью в статье был использован метод контент-анализа, который позволяет наиболее точно выделить единицы-признаки исследуемого понятия и «skonструировать» оптимальную дефиницию; объектом выступил здоровый образ жизни школьника как педагогическая проблема; предметом – научное понимание понятия здорового образа жизни. В качестве метода исследования использовался теоретический анализ научной литературы как в педагогике, так и в других отраслях научного познания.

Существуют несколько подходов определений понятия «здоровый образ жизни. Из высказываний ученых и педагогов различных эпох нами была сделана попытка выделить единицы-признаки понятия «здоровый образ жизни». Так еще в античности, Гиппократ – древнегреческий врач, философ и педагог утверждал, что большая часть болезней наших – это дело наших собственных рук; мы могли бы почти всех их избежать, если бы сохранили образ жизни простой, однообразный

и уединенный, который предписан нам был природою. Развивая это утверждение, его современник Платон добавляет, что для соразмерности, красоты и здоровья требуется не только образование в области наук и искусства, но и занятия всю жизнь физическими упражнениями и гимнастикой.[1, с. 34] Уже в нашу эру основатель новой гуманистической педагогики Я.А. Коменский советовал сохранять до последнего часа жизненные силы и трезвость ума благодаря разумному образу жизни и занятиям. Эта же идея находит свое подтверждение в педагогических взглядах Джона Локка, изложенных в книге «Мысли о воспитании». Основная цель воспитания, по Д. Локку, заключается в том, что «здоровье необходимо нам для наших дел и нашего благополучия». Локк предложил тщательно разработанную, стоявшую на уровне науки того времени систему. «В здоровом теле – здоровый дух», – подчеркивает он. С идеями Д. Локка в вопросах «здорового духа» переплетаются идеи педагогического мировоззрения Й.Г. Песталотти: «Изнутри должен развиваться человек: помочь ему в этом обязано воспитание». Цели и средства педагогических воздействий раскрываются Песталотти, прежде всего, в содержании элементарных понятий. Например, программа воспитания бедняков, направленная на обеспечение физической тренировки вкупе с умственным развитием и формированием нравственных ценностей.[2, с. 117, 131, 139]

Ф.-А.-В. Дистервег, которого можно считать основоположником педагогического образования в Германии, еще в 19 веке предугадал проблемы школьного образования 21 века, полагая, что разумно организованное воспитание должно строиться с учетом трех принципов:

1. природосообразности (учет возрастных и индивидуальных особенностей физического и психологического развития ребенка);
2. гимнастика, физические упражнения, ходьба должны прочно войти в повседневный быт того, кто хочет сохранить работоспособность, здоровье, полноценную и радостную жизнь;
3. человек должен знать, как помочь себе самому в болезни, имея в виду, что здоровье есть высочайшее богатство человека.[3, с. 32]

В работах великих российских ученых и педагогов П.П. Блонского, В.П. Кащенко, П.Ф. Лесгафта, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского охарактеризована роль школы в создании условий для воспитания в ребенке бодрости духа и формирования здорового образа жизни. В.А. Сухомлинский, основатель новаторской педагогики, утверждал, что забота о здоровье ребенка – это комплекс санитарно-гигиенических норм и правил и прежде всего забота в гармоничной полноте всех физических и духовных сил. По мнению основоположника научной педагогики в России К. Ушинского, важнейшим условием, повышающим работу памяти учащегося, является здоровое состояние нервов, для чего необходимы физические упражнения.[4, с. 430] Н.И. Пирогов – хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог – прогнозировал, что будущее принадлежит

медицине предохранительной. Эта наука, идя рука об руку с лечебной, приносит несомненную пользу человечеству.[5, с.111] А.С. Макаренко, советский педагог, работавший с «трудными детьми», предлагал ограничивать себя на каждом шагу, и это должно превратиться в привычку... Человек без тормоза – это испорченная машина.[6, с. 320]

Современный российский ученый Т.Ф. Орехова в работе «Теоретические основы формирования здорового образа жизни субъектов педагогического процесса в системе современного общего образования» дает такое определение этого феномена: «Здоровый образ жизни – это комплекс оздоровительных мероприятий, обеспечивающих гармоничное развитие и укрепление здоровья, повышение работоспособности людей, продление их творческого долголетия. Он включает в себя плодотворную трудовую деятельность, отказ от вредных привычек, оптимальный двигательный режим в виде регулярных занятий физической культурой и спортом». Орехов остроумно отмечает: «Изучение феномена здоровья человека открывает поразительные противоречия человеческой природы: 1) люди хотят быть здоровыми и мало что для этого делают; 2) знают, что следует делать для улучшения здоровья, и не делают; 3) знают, чего не следует делать для сохранения здоровья, и продолжают это делать; 4) дают другим советы, как быть здоровыми, которым сами не следуют; 5) идут лечиться к врачам и часто им не доверяют; 6) желают друг другу здоровья и совершают действия, разрушающие здоровье тех, кому они его недавно желали; 7) просят совета, но, получив его, ему не следуют; 8) чаще всего имеют представление о здоровом образе жизни, а «здоровую» жизнь не ведут».[7, с.31]

Таким образом, проанализировав утверждения педагогов различных эпох, школ и направлений, можно сделать предварительный вывод, что в педагогике «здоровый образ жизни» заключается в воспитании у детей активного отношения к собственному здоровью и понимании того, что здоровье является самой невосполнимой ценностью.

В Европе и США, где традиции бережного отношения к собственному здоровью как экономической категории достаточно развиты, а здоровый образ жизни считается нормой в достижении определенного статуса, данное понятие рассматривается, скорее, в социальном ракурсе. Однако Украина не может на данном этапе развития общества механически перенимать опыт экономически преуспевающих стран, которые идут по пути реализации отдельных педагогических технологий, исключая влияние таких факторов риска, как неблагоприятная экологическая обстановка, неправильное питание, низкая физическая активность. Именно поэтому проблему здорового образа жизни необходимо рассматривать как комплексную и дополнить выделенное педагогическое понятие с различных ракурсов научно-го познания.

В основу медицинско-педагогического понятия положена деятельность, направленная на укрепление не только физического и психического, но и нравственного

здоровья, и такой образ жизни должен реализовываться в совокупности всех основных форм жизнедеятельности: трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой.[8, с. 96] В данном ракурсе выделяются три основных компонента здорового образа жизни:

1. объективные общественные условия;
2. конкретные формы жизнедеятельности, которые позволяют реализовывать здоровый образ жизни;
3. система ценностных ориентаций, направляющих сознательную активность.

В биолого-педагогическом теории здорового образа жизни заложен ряд ключевых положений:

1. носителем здорового образа жизни является конкретный человек как субъект и объект своей жизнедеятельности и социального статуса;
2. в реализации здорового образа жизни человек выступает в единстве своих биологических и социальных начал;
3. в основу формирования здорового образа жизни положена личностно мотивационная установка человека на воплощение своих социальных, физических, интеллектуальных и психических возможностей и способностей;
4. здоровый образ жизни является наиболее эффективным средством и методом обеспечения здоровья, первичной профилактики болезней и удовлетворения жизненно важной потребности в здоровье человека.[9, с. 31]

В эколого-педагогическом смысле «здоровый образ жизни» – это категория экибиосоциальная, поскольку физическое благополучие зависит не только от наследственности и количества внимания к здоровью человека, но и от воздействия экологических факторов, от степени гармонизации взаимоотношений человека с внешней средой. [10, с. 37]

В психолого-педагогическом контексте понятие «здоровый образ жизни» рассматривается как сознание, психология человека и мотивация. Здоровый образ жизни – это сложившийся у человека способ организации производственной, бытовой и культурной сторон жизнедеятельности, позволяющий реализовать свой творческий потенциал. [11, с. 112]

В культурологическом смысле «здоровый образ жизни» рассматривается как интегральная система взаимоотношений человека с самим собой и факторами внешней среды, комплекс действий и переживаний, наличие привычек, укрепляющих природный ресурс здоровья, и отсутствие разрушающих его. [12, с. 33]

В социологическом аспекте «здоровый образ жизни» – это составной социальный элемент жизни социума, отражающий качество адаптации организма человека к условиям природной и социально-организационной среды его обитания. [13, с. 111]

Таким образом, нами были выделены единицы-признаки понятия «здоровый образ жизни», наиболее часто встречающиеся при определении этого понятия в педагогических и других научных источниках:

1. оптимальный двигательный режим;
2. тренировки иммунитета и закаливание;

3. рациональное питание;
4. оптимальная психофизиологическая регуляция;
5. нравственное здоровье;
6. отсутствие вредных привычек;
7. знания, самосознательность;
8. экология.

На основе анализа литературных источников в различных областях науки нами была построена матрица частоты появления единиц-признаков здорового образа жизни. (См. таблицу 1)

Таблица 1.

Матрица частоты появления единиц-признаков «здорового образа жизни» в определении известных авторов

Единицы-признаки	Частота появлений в работах													Σ
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
1	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	13
2					+		+	+	+	+	+	+	+	8
3	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	13
4		+	+	+	+		+	+	+		+		+	9
5	+	+		+	+	+	+	+			+	+	+	10
6	+		+		+	+	+	+	+		+	+	+	10
7	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	13
8							+	+	+	+	+	+	+	7

Исходя из частоты появления признаков, мы сконструировали единое рабочее определение понятия «здоровый образ жизни», применимое в педагогике, которое звучит следующим образом: «здоровый образ жизни – это оптимальный двигательный режим, связанный с рациональным питанием и осознанием их необходимости; отказ от вредных привычек (алкоголя, никотина), нравственное здоровье; оптимальная психофизиологическая регуляция; тренировка и закаливание организма, потребление экологически чистых продуктов. Педагогическое понимание данного феномена позволит в дальнейшем выделить педагогические условия, от которых зависит эффективность воспитания у учащихся здорового образа жизни.

Понятие «здоровый образ жизни» является достаточно сложным, но его применение позволяет соединить преимущества двух методологических подходов: достаточно разработанного системно-деятельностного и нового для украинской педагогики – личностно-ориентированного. Необходимость обращения к личностно-ориентированному подходу обусловлена тем, что исследования отношения к здоровому образу жизни позволяют выявить сферу личной жизнедеятельности учащегося, не имеющую жесткой нормативной регламентации и регулируемую действиями самого индивида, а также выявить ценностные ориентации школьников, причины их поведения и стиль жизнедеятельности, обусловленные укладом и уровнем жизни.

Таким образом, на основе проведенного анализа, мы приходим к выводам, что понятие «здоровый образ жизни» является сложным, имеет несколько значений и тесно взаимосвязано с понятием «здоровье». Оно отражает смысл формирования, развития и сохранения биологических, социальных, духовных функций человека и определяется уровнем освоенности общечелове-

ческих, государственных и национально-региональных особенностей.

Здоровый образ жизни характеризует стиль жизнедеятельности, обусловлен особенностями организма человека, условиями его существования и ориентирован на сохранение, укрепление и восстановление здоровья, необходимого для выполнения человеком личностно и общественно значимых функций.

В основе формирования здорового образа жизни лежат оптимальный режим дня, труда и отдыха, двигательная активность, правильно организованное питание и отсутствие вредных привычек, профилактика заболеваний и закаливания организма.

При формировании основ здорового образа школьников следует учитывать экономические условия жизни и биосоциальные особенности учащихся, а главной целью педагогических мероприятий должно стать воспитание у детей внутренней потребности к оценке и самооценке двигательной деятельности и выработка позитивной мотивации к ценностям здорового образа жизни.

На основе выработанного понятия «здоровый образ

жизни» возможно проектирование педагогической компетенции, включающей формы, методы, условия, принципы, этапы формирования представлений о здоровом образе жизни; выделить педагогические условия, от которых зависит эффективность воспитания у учащихся здорового образа жизни; диагностику определения уровня сформированности представлений о здоровом образе жизни у школьников; взаимодействия субъектов воспитательно-образовательного процесса, предусматривающего подготовку педагогов к решению задач формирования у детей здорового образа жизни; просветительской работы с родителями, непосредственное влияние педагогов и родителей на детей.

Понимание сущности понятия «здоровый образ жизни» является важным в современном педагогическом контексте, реализация которого может выступать одним из условий успешной деятельности педагогов, разработке современных технологий в воспитании, развитии и организации здорового образа жизни учащихся общеобразовательной школы.

Библиографический список

1. История педагогики. Ч.1. От зарождения воспитания в первобытном обществе до середины XVI в.: [учебное пособие для педагогических университетов/под ред. А.И. Пискунова].-М.:ТЦ «Сфера», 1997.-192с.
2. Коменский Я. А., Локк Дж., Руссо Ж.-Ж., Песталоцци Й. Г. Педагогическое наследие. М.:Педагогика,1987. 416с.
3. Мешко О.І. Короткий виклад курсу «Історія зарубіжної школи і педагогіки»: [навч. метод. посібник]/О.І.Мешко, О.І. Янкович, Г.М. Мешко.-Тернопіль: ТДТУ, 1998.-81с.
4. Сухомлинський В.О. Вибір творів: в 5-ти т./В.О. Сухомлинський. К.:Рад. шк., 1976. Т.5. Вчити вчитися. С.426-436.
5. Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения/Н. И. Пирогов.- М.: Педагогика, 1985.-496 с.
6. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8-ми. Т. 3. М.: Педагогика, 1984.-511 с.
7. Орехова Т.Ф. Теоретические основы формирования здорового образа жизни субъектов педагогического процесса в системе современного общего образования.: дис...д.пед.наук 13.00.01/Т.Ф. Орехова. Магнитогорск:2005. 389 с.
8. Мартыненко А. В., Валентик Ю. В., Полесский В. А. и др. Формирование здорового образа жизни молодежи. – М.: Медицина, 1988. 282с.
9. Брехман И. И. Валеология – наука о здоровье. 2-е изд., доп., перераб. М.: Физкультура и спорт, 1990. 208 с.
10. Реймерс Н. Ф. Экология (теория, законы, принципы и гипотезы). М.: Журнал «Россия молодая», 1994. 367 с.
11. Изуткин А. М. Методологические проблемы медицинской психологии, этики и эстетики. М. : Медицина, 1968. 170 с.
12. Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Наука, 2012. 445 с.
13. Венедиктов Д.Д., Глобальные проблемы здравоохранения и пути их решения / Д. Д. Венедиктов А. И. Чернух, Ю.П. Лисицын, В. И. Кричагин // Вопр. философии. 1979. № 7. С. 102–113.
14. Ядов В. А. Социологическое исследование: методика, программа, методы. М., 1995.-148 с.

References

1. History of pedagogy. Part 1. From the birth of education in the primitive society to the middle of the sixteenth century. [Manual for teacher training universities / under red.A.I. Piskunov].-M.: TC "Scope, 1997-192p.
2. Comenius J.A., J. Locke, Jean-Jacques Rousseau, Pestalozzi Teacher nasledie. JG-M.: Pedagogy, 1987.-416p.
3. Mieszko O.I. Viklad short course "Istoriya zarubizhnoi school I pedagogiki" [navch. method. posibnik] / O.I.Meshko, OI Jankovic, GM Meshko.-Ternopil: TDTU, 1998-81p.
4. Suhomlinsky VO Vbir.tvori: a 5-t. K.: Rad. wk., 1976.-Vol.5.-Vchiti vchitsiya.-Pp.426-436.
5. Pies N.I. Selected Pedagogical Works. - Moscow: Pedagogy, 1985.-496 p.
6. Makarenko A.S. Pedagogical works: in 8. Volume 3., Comp. LY Gordin, Alexander Frolov., Gl.red. MI Kondakov. (USSR APN) / A. Makarenko. - Moscow: Pedagogy, 1984.-511 p.
7. Smith T.F. Theoretical foundations of a healthy lifestyle subjects of the educational process in the system of modern public education. [Text]: Doctor dis., Pedagogical sciences13.00.01/T.F. Orehova.-Magnitogorsk: 2005.-389 p.
8. Martynenko A.V. Valentik, V., Poleski, VA, etc. A healthy lifestyle of young people. - M.: Medicine, 1988. 282p.
9. Brekhman I.I. Valeology - the science of health. - 2nd ed., Ext., Rev. - Moscow: Physical Culture and Sport, 1990. 208p.
10. Reimers N.F. Environment (theory, laws, principles and hypotheses) / NF Reimers. M.: Journal "Young Russia", 1994. 367 p.
11. Izutkin A. Methodological problems in clinical psychology, ethics and aesthetics. M.: Medicine, 1968. 170 p.
12. Zhmud L.Y. Pythagoras and the early Pythagoreans. Nauka, Moscow, 2012. - 445 p.
13. Venediktov D.D. Global health problems and their solutions / DD Venediktov, AI Chernukh, YP Lisitsyn, VI Krichagina // Iss. philosophy. - 1979. - № 7. - Pp. 102-113.
14. Poisons VA Case Study: methods, programs, methods, [Text] / VA Poisons. M., 1995.-148 p.

УДК 378.14.013

UDC 378.14.013

Н.А. ИЛЬИНА

кандидат педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Орловского государственного университета

E-mail: CMKOGU@mail.ru

О.В. ОПРЯТОВА

кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета

E-mail: CMKOGU@mail.ru

Е.В. КУЗНЕЦОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Орловского государственного университета

E-mail: CMKOGU@mail.ru

N.A. ILYINA

Candidate of pedagogical sciences, professor, vice Rector for Educational Work Orel state university

E-mail: CMKOGU@mail.ru

O.V. OPRYATOVA

Candidate of Sociological Sciences Associate Professor of Management and Marketing Orel State University

E-mail: CMKOGU@mail.ru

E.V. KUZNETSOVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Management and Marketing Orel State University

E-mail: E-mail: CMKOGU@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ВУЗА*

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM OF THE UNIVERSITY

В статье рассмотрены проблемы использования инновационных образовательных технологий в системе менеджмента качества вуза с точки зрения процессного подхода. Инновационные технологии позволяют повысить эффективность функционирования системы менеджмента качества вуза за счет оптимизации структуры всех основных и вспомогательных процессов.

Ключевые слова: инновация, инновационные технологии, инновационные образовательные технологии, система менеджмента качества вуза.

The article considers the problems of using innovative educational technologies in the Quality management system of the University in terms of the process approach. Innovative technologies can improve the effectiveness of the quality management system in the university by optimizing the structure of primary and secondary processes.

Keywords: innovation, innovative technologies, innovative educational technologies, quality management system of the University.

Современные тенденции развития высшего профессионального образования требуют внедрения инновационных технологий в систему менеджмента качества учреждения высшего профессионального образования. Это обусловлено рядом обстоятельств: постоянно возрастающими требованиями общества к качеству предоставляемых образовательных услуг; интеграцией вузовского образования в мировое образовательное пространство; жесткой конкурентной борьбой между вузами на рынке образовательных услуг; необходимостью ориентации вузов на потребности рынка труда.

Дальнейшее развитие учреждений высшего профессионального образования невозможно без внедрения инновационных технологий как в сам образовательный процесс, так и в систему управления его качеством, то есть в систему менеджмента качества вуза (СМК).

Стандарты серии ИСО 9000, в соответствии с которыми строится система менеджмента качества вуза, среди основных требований к СМК выдвигают «посто-

янное улучшение качества продукции», подразумевающее, что вуз должен не только отслеживать качество своей продукции и своевременно вносить в него нововведения, способствующие его усовершенствованию [7], но и высшее руководство должно определить и обеспечивать наличие ресурсов и механизмов, содействующих инновационным постоянным улучшениям [5].

В научной литературе существует большое количество определений терминов «инновация» и «инновационные технологии».

В русском языке эквивалентом, наиболее полно отражающим суть понятия «инновация», является термин «нововведение». Так, например, в определении понятия, предложенном А.В. Суриным и О.П. Молчановой, «инновация (нововведение)», – это конечный результат творческой деятельности, получивший воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции либо технологии, практически применимых и способных удовлетворить определенные потребности» [11].

* Работа выполнена в рамках Государственного задания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», прикладные научные исследования, №8.4136.2011

Однако ряд исследователей (в частности, Г.Г. Азгальдов, А.В. Костин) рассматривают инновацию как нововведение, которое связано с осуществлением неких перемен, производством новой продукции, применением новой технологии [1].

Например, в стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года инновация определяется как введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях [9].

Исследователи (Г.Г. Азгальдов, А.В. Костин) выделили три основных подхода к толкованию термина «инновация».

В первом случае инновация – это процесс, комплекс мероприятий, связанных с выпуском и реализацией новой продукции (работ, услуг, оборудования и т.п.).

С точки зрения второго подхода инновации – это результат некоего процесса. В этом случае инновация сходно с понятием «новшество».

Третий подход рассматривает термин «инновация» как интегрирующее понятие, включающее как сам процесс, так и результат этого процесса [1].

Анализ данных подходов позволяет рассматривать инновацию как совокупность, включающую в себя как инновационные продукты, так инновационные технологии [4, с.4].

Инновационные продукты – это результат инновационной деятельности (товары, работы, услуги), предназначенные для рыночной реализации. Для вуза инновационные продукты – это научно-практические разработки, отвечающие современным требованиям, направленные на новые достижения в отрасли, а также выпускники, обладающие определенным набором компетенций, обучающиеся на основе этих разработок.

Под инновационными технологиями понимают процессуально структурированную совокупность приемов и методов, направленных на изучение, актуализацию и оптимизацию инновационной деятельности, в результате которой создаются и материализуются нововведения, вызывающие качественные изменения в различных сферах жизнедеятельности, ориентированные на рациональное использование материальных, экономических и социальных ресурсов [12].

Инновационные технологии в образовании – это организация образовательного процесса, построенная на качественно иных принципах, средствах, методах и технологиях и позволяющая достигнуть образовательных эффектов, характеризуемых:

- усвоением наибольшего объема знаний;
- максимальной творческой активностью;
- широким спектром практических навыков и умений [6].

По мнению Бондаренко О.В, в состав инновационной образовательной технологии необходимо включать три основных взаимосвязанных элемента:

- современное содержание образования, которое в настоящее время предполагает не столько освоение

предметных знаний, сколько развитие компетенций, адекватных требованиям современного рынка труда;

- современные методы обучения – активные методы формирования компетенций, основанные на взаимодействии обучающихся и их вовлечении в учебный процесс, а не только на пассивном восприятии материала;

- современную инфраструктуру обучения – условия, обеспечивающие реализацию инновационных технологий образования – включающие информационную, технологическую, организационную и коммуникационную составляющие, позволяющие эффективно использовать преимущества дистанционных форм обучения [2].

В целом, все инновационные технологии в вузе можно классифицировать следующим образом:

- методические, направленные на обновление содержания образования и повышение его качества,
- организационные, связанные с оптимизацией условий образовательной деятельности,
- управленческие [8].

Первые две группы инновационных технологий предполагают использование различных средств и приемов формирования профессионального сознания и системы компетенций в образовании и включают в себя:

- технологии организации образовательного процесса: к ним относят в первую очередь разноуровневое обучение и проблемно-модульное обучение;

- технологии проведения занятий (преподавания) делятся на три большие группы: обучение в сотрудничестве (метод проектов, проблемный метод), игровые технологии (обучающие, творческие, коммуникативные, воспитательные) и интерактивные технологии (дискуссии, дебаты);

- технологии контроля качества знаний связаны с применением балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов;

- технологии самообразования: в первую очередь, включают дистанционное образование, полностью основанное на самостоятельной работе обучающегося [3].

Инновационные технологии в сфере управления качеством подготовки обучающихся в высшем учебном заведении связаны с процессами развития деятельности в области менеджмента качества: разработкой, внедрением и мониторингом эффективности образовательных технологий. Именно они помогают поддерживать адекватные связи между технологиями, содержанием обучения, разработкой курсов и их реализацией в учебном процессе, развитием среды обучения; а также скоординировать деятельность различных подразделений и отдельных лиц для достижения всего комплекса задач на различных уровнях управления вузом – от ректора до конкретного преподавателя [3].

Поскольку система менеджмента качества вуза в соответствии с требованиями стандартов серии ИСО 9000 основывается на процессном подходе, то все управленческие инновационные технологии должны непосредственно включаться в состав двух блоков процессов «Деятельность руководства по управлению качеством образования» и «Деятельность в рамках процессов по

измерению, анализу и улучшению» и, кроме того, про- низывать все типовые и вспомогательные процессы об- разовательного учреждения.

В ФГБОУ ВПО «Орловский государственный уни- верситет» инновационные технологии в системе менед- жмента качества реализуются в следующих процессах:

1. Стратегическое планирование.

Реализация данного процесса определяет деятель- ность Орловского государственного университета в целом. Стратегическое планирование включает в себя следующие управленческие технологии:

- составление Программы развития университета;
- планирование целей в области качества;
- планы разработки, пересмотра, изменения доку- ментов СМК Орловского государственного университе- та и др. документов.

2. Планирование и развитие системы менед- жмента качества (далее –СМК) в ОГУ.

Данный процесс включает в себя управленческие технологии:

- составление планов работы университета, Центра менеджмента качества и Совета по качеству на год;
- планирование качества процессов выполнения образовательных услуг;
- планирование обучения персонала;
- планирование закупок.

3. Распределение ответственности и полномо- чий.

Ответственность, права и обязанности персонала Орловского государственного университета опреде- лены в положениях о подразделениях, должностных инструкциях, документированных процедурах и иных документах, включенных в документацию системы менеджмента качества Орловского государственного университета.

В соответствии с локальными документами, рек- тор университета направляет, координирует действия руководителей структурных подразделений по обеспе- чению качества оказываемых образовательных услуг, осуществляет руководство деятельностью университе- та и несет ответственность за функционирование и со- вершенствование системы менеджмента качества.

Основной целью представителя руководства по качеству является обеспечение условий для разра- ботки, внедрения и улучшения СМК в университете. Представитель руководства по качеству: организует доведение «Политики в области качества» до каждого работающего, осуществляет разработку планов и про- грамм по системе качества, оказывает содействие в ре- ализации этих планов и программ, контролирует сроки проведения внутренних проверок СМК и др.

Центр менеджмента качества подчиняется непо- средственно представителю руководства по качеству. Сотрудники центра занимаются разработкой и вне- дрением системы менеджмента качества в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет», ор- ганизацией управления документацией СМК в струк- турных подразделениях университета, проведением

внутренних аудитов СМК, организацией и контролем выполнения корректирующих и предупреждающих ме- роприятий по результатам внутренних и внешних ау- дитов, организацией управления несоответствующей продукцией.

Уполномоченные по качеству в структурных под- разделениях обеспечивают планирование и органи- зацию мероприятий подразделения в области СМК, организуют деятельность подразделения по созданию и использованию механизмов: измерения качества про- дукции, управления несоответствиями, корректирую- щих и предупреждающих действий, оказывают помощь в проведении внутреннего и внешнего аудита предста- вителю руководства по качеству и ЦМК.

Персонал университета несет ответственность за качество услуг в соответствии с должностными ин- струкциями, положениями, документами СМК, соблю- дение обязательств в области качества и требований СМК.

4. Анализ СМК со стороны высшего руковод- ства.

С целью обеспечения постоянной актуальности СМК, ее адекватности и результативности, соответ- ствия требованиям ИСО 9001 в университете регулярно осуществляется анализ деятельности СМК. Качество основного вида деятельности и оказываемых услуг учитывается на всех стадиях процессов работы, сле- довательно, процесс сбора, обработки и анализа дан- ных присутствует во всех функциях и на всех рабочих местах Орловского государственного университета. Анализу подлежат:

- отчеты о выполнении плана работы на год (раз- дела, касающегося СМК);
- результаты внутренних проверок соответствия элементов СМК установленным требованиям;
- результаты анализа уровня удовлетворенности потребителей и других заинтересованных групп (об- щества, деловых партнеров) качеством выполняемых работ.

Анализ результатов внутренних проверок проводит- ся представителем руководства по качеству по каждой конкретной проверке. Результаты анализа удовлетво- ренности потребителей и других заинтересованных групп качеством оказываемых услуг и выполняемых работ оцениваются на основе данных анкетирования, опросов, изучения внешней информации с оформлени- ем соответствующих отчетов, предоставляемых руко- водству университета.

Систематический анализ данных позволяет выя- вить благоприятные возможности для улучшения СМК.

5. Процесс управления организационно- распорядительской документацией.

Основной задачей управления документацией яв- ляется обеспечение подразделений всей необходимой и актуализированной документацией при решении стоя- щих перед ними функциональных задач.

Документация системы менеджмента качества уни- верситета включает пять уровней документов (рис. 1).

6. Лицензирование, аттестация и аккредитация.

Рис. 1. Иерархия документации системы менеджмента качества университета.

К процессам, требующим лицензирования, аттестации и аккредитации, т.е. официального признания полномочным органом способности университета выполнять эти процессы, относятся: образовательная деятельность по программам высшего профессионального образования; образовательная деятельность по программам дополнительного профессионального образования.

Процедура лицензирования подтверждается Лицензией, процедура аккредитации подтверждается Свидетельством о государственной аккредитации.

Работы по подготовке к аккредитации университета включаются в «План работы университета».

При подготовке к аккредитации определяются и оцениваются:

- состав и квалификация персонала;
- оснащение соответствующим оборудованием и ресурсами;
- образовательная среда, способствующая эффективной организации учебного процесса и адаптации студентов к обучению в университете;
- качество подготовки студентов;
- наличие нормативной документации и процедур выполнения работ.

Ответственность за своевременную подготовку и проведение аккредитации несет ректор университета.

7. Процессы измерения, анализа и улучшения.

С целью доказательства соответствия оказываемых образовательных услуг и выполняемых работ установленным требованиям проводится анализ и контроль их качества руководителями соответствующих подразделений в порядке, предусмотренном документами системы менеджмента качества.

Планирование и внедрение процессов мониторинга, измерения, анализа и улучшения включает две фазы управления процессами системы менеджмента качества: контроль качества и улучшение качества.

Контроль качества процессов предоставления услуг потребителям включает:

- внедрение системы мониторинга и измерений;
- систематический анализ данных системы мониторинга и измерений;
- Орловским государственным университетом определена потребность в статистических методах, применяемых при изучении системы качества.

Для получения информации об эффективности работы системы менеджмента качества в университете, а также её соответствия требованиям ИСО серии 9001 в университете созданы комиссии по контролю качества образования (группа внутреннего аудита). Проверки проводятся ежегодно по утвержденному плану проведения проверок, чтобы обеспечить стабильность и эффективность системы менеджмента качества.

Планирует, организует и контролирует проведение внутреннего аудита представитель руководства по качеству Орловского государственного университета.

Программа аудита предусматривает изучение состояния всех элементов СМК с учетом важности процессов, критериев аудита, а также результатов предыдущих проверок.

Программа аудита планируется таким образом, чтобы аудиторы не являлись сотрудниками проверяемого подразделения, а также не были зависимы от влияния руководителя данного подразделения, с целью обеспечения объективности и беспристрастности процесса аудита. Кроме того, аудиторы должны отвечать установленным требованиям к образованию, стажу работы в университете, личным качествам в соответствии с ПОГУ 1.03.04-2007 «Положение о группе внутреннего аудита».

Внутренние проверки осуществляются в соответствии с графиком внутреннего аудита.

Внеплановые аудиты проводятся в случаях снижения качества оказываемых услуг, получения рекламаций, отрицательных результатов внутренних и внешних проверок, необходимости совершенствования и внедрения новых процессов, новой документации, решений совета по качеству.

Результаты внутреннего аудита оформляются протоколом. Для устранения несоответствий и их причин руководитель проверяемого подразделения разрабатывает корректирующие действия. Выполнение данных мероприятий контролирует персонал СМК, соответствующая информация регистрируется в протоколах аудита, хранящихся в СМК и копии в аудитуемых подразделениях.

Результаты внутреннего аудита представляются для анализа высшему руководству с целью оценки соответствия СМК установленным требованиям и разработке мероприятий по ее улучшению.

Систематический анализ данных позволяет выявить благоприятные возможности для улучшения СМК. Орловский государственный университет постоянно повышает эффективность СМК путем:

- реализации политики и целей в области качества;
- использования результатов и рекомендаций проверок (как внутренних аудитов СМК, так и проверок инспектирующими организациями);
- проведения анализа данных при выполнении любых работ;
- разработки и выполнения корректирующих и предупреждающих мер;
- оценки эффективности СМК;

– разработки и исполнения плана по совершенствованию СМК;

– разработки и выполнения ежегодного плана работы университета, предусматривающего постоянное развитие университета, совершенствование всех видов деятельности;

– планирования приоритетных направлений и корректировки при необходимости стратегии развития университета.

Ответственность за координацию, регистрацию и контроль корректирующих и предупреждающих действий, относящихся к функционированию и внутренним проверкам СМК, несет представитель руководства по качеству.

Выделенные нами процессы по внедрению инновационных технологий в систему менеджмента качества вуза позволят повысить эффективность ее функционирования за счет оптимизации структуры всех основных и вспомогательных процессов Орловского государственного университета, а также включить все структурные подразделения и персонал вуза в систему управления вузом, что повысит их заинтересованность и ответственность за результаты, оценить свой вклад в достижение стратегических целей и показателей деятельности вуза.

Библиографический список

1. Азгальдов Г.Г., Костин А.В. К вопросу о термине инновация. Original article http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.htm
2. Бондаренко О.В. Современные инновационные технологии в образовании // Инновации: поиски и исследования. 2012. №16 (сентябрь) http://www.erono.ru/art/?SECTION_ID=200&ELEMENT_ID=1474
3. Ватолкина Н. Ш. Управление инновационными образовательными технологиями в системе менеджмента качества вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2009. № 2. С. 23-28.
4. Владимиров А.И. Об инновационной деятельности вуза. М.: ООО «Издательский дом Недра», 2012.
5. ГОСТ Р ИСО 9004–2001. Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности: (постановление Госстандарта России от 15 авг. 2001 г. № 334-ст, с изм. от 7 июля 2003 г.). М.: Госстандарт России, 2004.
6. Демкин В.П. Инновационные технологии в образовании http://ido.tsu.ru/files/pub2007/36_2007_demkin.pdf ИСО 9001:2008 Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ, 2009.
7. Пацеккина М.С. Инновационные технологии в образовании http://edu.inovat.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=34
8. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (Проект) <http://www.economy.gov.ru>
9. Судаков И.А., Гречук Т.И. Инновации в системе менеджмента качества классического университета <http://ecsocman.hse.ru/>
10. Сурин А.В., Молчанова О.П. Инновационный менеджмент. М.: Издательство: Инфра-М-2008.
11. Философский словарь <http://enc-dic.com/philosophy/Innovacionnye-Socialnye-Tehnologii-3149.html>

References

1. Azgaldov G.G., Kostin A.V. To a question of the term innovation. Original article http://www.labrate.ru/articles/azgaldov-kostin_doklad_2009-2_about-innovation.htm
2. Bondarenko O.V. Modern innovative technologies in education // Innovations: searches and researches. 2012. No. 16 (September) http://www.erono.ru/art/?SECTION_ID=200&ELEMENT_ID=1474
3. Vatulkina N. Sh. Management of innovative educational technologies in quality management system of higher education institution // University management: practice and analysis. 2009. No. 2. Pp. 23-28.
4. Vladimirov A.I. About innovative activity of higher education institution. M: JSC Publishing House Subsoil, 2012.
5. GOST R ISO 9004-2001. Quality management system. Recommendations about activity improvement: (the resolution of Gosstandart of Russia from 15 Aug. 2001 No. 334 of St, with amendment of July 7, 2003). M: Gosstandart of Russia, 2004.
6. Demkin V.P. Innovative technologies in education http://ido.tsu.ru/files/pub2007/36_2007_demkin.pdf Quality management system ISO 9001:2008. Requirements. M: Standartinform, 2009.
7. Patsekina M. S. Innovative technologies in education http://edu.inovat.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=34
8. Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020 (Project) <http://www.economy.gov.ru>
9. Sudakov I.A. Grechukhina T.I. Innovations in quality management system of classical university <http://ecsocman.hse.ru/>
10. Surin A.V. Molchanov O. P. Innovative management. M: Publishing house: Infra-M-2008.
11. Philosophical dictionary <http://enc-dic.com/philosophy/Innovacionnye-Socialnye-Tehnologii-3149.html>

УДК 340

UDC 340

И.Р. ЛЕВИНА

доцент кафедры истории государства и права Орловского государственного университета
E-mail: nauka-ogu@mail.ru

Е.В. МАРКОВИЧЕВА

профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета

I.R. LEVINA

associate professor, chair "History of state and law", Orel state university
E-mail: nauka-ogu@mail.ru

E.V. MARKOVICHEVA

professor, chair, "Criminal law and criminal trial" Orel state university

**ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ
В МАГИСТРАТУРЕ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

**ORGANIZATION OF RESEARCH STUDY PRACTICE OF STUDENTS OF MASTER'S COURSES
IN DIRECTION «JURISPRUDENCE»**

Статья раскрывает некоторые проблемы организации научно-исследовательской практики студентов-юристов в магистратуре. В статье анализируются цели и задачи научно-исследовательской практики студентов. Акцентируется внимание на условиях, повышающих эффективность ее прохождения.

Ключевые слова: научно-исследовательская практика, магистратура, юриспруденция.

The article reveals some of the problems of the organization of research practice of students-lawyers in the magistracy. This article analyzes the goals and objectives of the research practices of students. Attention is focused on the conditions of its enhancing the effectiveness of its passage.

Keywords: research practice, masters courses, law.

Система современного юридического образования базируется на принципах двухуровневой подготовки, что нашло свое отражение в определении целевых компонентов федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлению «Юриспруденция». Если цель подготовки бакалавра-юриста, преимущественно, сводится к подготовке выпускника к различным видам юридической практической деятельности, то подготовка магистров юриспруденции преследует несколько иные цели.

Следует отметить, что ФГОС ВПО по направлению 030900.68 – «Юриспруденция» [1] предполагает, что одной из профессиональных областей выпускника будет деятельность, связанная с проведением научных исследований. В частности, пункт 4.3. данного стандарта указывает, что выпускник должен быть готов кроме прочего и к осуществлению научно-исследовательской деятельности, что предполагает подготовку магистров к проведению научных исследований как по общим правовым проблемам, так и по частным проблемам в рамках отдельного юридического профиля.

К сожалению, на уровне бакалавриата задачи, связанные с подготовкой выпускника к научно-исследовательской деятельности, не ставятся. Даже выполнение выпускной квалификационной работы является не обязательным, а факультативным элементом итоговой государственной аттестации выпускника-бакалавра. На наш взгляд, такой подход законодателя вряд ли можно признать обоснованным. В сложившейся

ситуации выпускник уровня бакалавриата может поступить в магистратуру, а значит, что он должен быть готов к обучению в магистратуре. Именно поэтому вполне логично предположить, что среди формируемых на уровне бакалавриата компетенций должны быть и те, которые позволят полноценно освоить программу обучения на уровне магистратуры. Это значит, что поступающий на уровень магистратуры должен иметь элементарные умения и навыки, связанные с организацией и выполнением научно-исследовательской работы. Одним из путей решения данной проблемы видится закрепление на уровне разрабатываемого сейчас Федерального образовательного стандарта бакалавра по направлению «Юриспруденция» четвертого поколения обязательности выполнения студентами выпускной квалификационной работы. Приведем в этой связи высказывание ректора Московского государственного юридического университета (МГЮА) В.В. Блажеева, подчеркнувшего в одном из своих интервью, «что фундаментальная теоретическая подготовка обязательно нужна, потому что мы готовим специалистов с высшим профессиональным образованием, а не ремесленников, которых можно натаскать на определенный навык, и всё. Есть известный парадокс: выпускники должны быть практико-ориентированные, но в то же время должны иметь фундаментальную подготовку» [2].

Однако пока формирование соответствующих научно ориентированных компетенций у студентов-бакалавров по направлению «Юриспруденция» лежит в области *de lege ferenda*, тогда как в порядке *de lege*

lata студент первого курса магистратуры по данному направлению не имеет практически никаких навыков научно-исследовательской работы. Именно поэтому одной из важнейших задач в магистратуре является формирование у студентов компетенций, связанных с выполнением правовых научных исследований.

Одной из эффективных форм по формированию таких компетенций следует считать научно-исследовательскую практику, которая нацелена на формирование навыков индивидуальной и коллективной научно-исследовательской работы и формирование умений, необходимых для написания и защиты магистерской диссертации.

Научно-исследовательская практика в магистратуре позволяет решить целый ряд задач, среди которых:

- получение знаний об основных этапах правового научного исследования;
- формирование умений, связанных с выбором и использованием методов правового научного исследования;
- формирование навыков индивидуальной и коллективной научной работы;
- выработка умений обобщать, анализировать, синтезировать и представлять в определенной форме результаты научно-исследовательской работы.

Важным условием, позволяющим решить вышеперечисленные задачи, является грамотное определение места научно-исследовательской практики в структуре учебного плана. С этой точки зрения целесообразно, чтобы такая практика носила характер преддипломной, то есть завершающей обучение и позволяющей студенту завершить работу над магистерской диссертацией. Этого, на наш взгляд, требует логика обучения в магистратуре, когда теоретическое обучение дополняется практикой, позволяющей студентам применить полученные знания при выполнении различных видов научно-исследовательской работы. Следует отметить, что практика является не единственным средством формирования компетенций, связанных с выполнением правового научного исследования. Задачи, направленные на формирование навыков и умений научно-исследовательской работы, могут формироваться, например, через систему научно-исследовательских семинаров. На таких семинарах магистранты получают навыки информационно-аналитической работы, знакомятся с особенностями проведения академического исследования, учатся вести научную дискуссию. Однако более глубокое изучение методов ведения научного исследования, умение применять их к узкой правовой

проблематике при выполнении магистерской диссертации в большей степени обеспечивается посредством научно-исследовательской практики. Таким образом, формирование компетенций, связанных с выполнением научного исследования возможно как через теоретическое обучение, например, через курс «Методология юридических исследований» и специально организованные научно-исследовательские семинары, так и через завершающую обучение научно-исследовательскую практику. Такая система позволит выпускнику осмыслить критерии научности в системе юридических наук, овладеть умениями использовать теоретические и эмпирические методы исследования, разрабатывать программу конкретного юридического исследования [3, 13].

Одним из условий оптимальной организации научно-исследовательской практики в магистратуре требуется определение места ее проведения. Очевидно, что наибольшей степени решению задач данной практики будет отвечать ее организация на выпускающей по профилю кафедре или соответствующем научно-исследовательском подразделении вуза (исследовательской группе, научно-исследовательском институте и т.д.). Возможно прохождение практики и на базе временно созданного творческого коллектива. При таком подходе обеспечивается совместное руководство данной практикой со стороны собственно руководителя практики и со стороны научного руководителя магистранта.

Несомненно, что качество прохождения научно-исследовательской практики магистрантов требует организации их самостоятельной работы в рамках определенной научной проблемы. Стержнем такой работы может стать серия разработанных индивидуальных заданий, предлагаемых магистранту его научным руководителем при выполнении магистерской диссертации. Подобные задания могут быть связаны с формулированием актуальной научной проблематики в рамках юридической науки, с освоением современных методик проведения научного исследования, с реферированием и рецензированием научных работ, с выполнением обзора основных научных школ по теме магистерской диссертации. Одним из таких заданий может стать и задание по проведению в рамках отчета по практике анализа собственной научно-исследовательской работы.

Итогом успешного прохождения научно-исследовательской практики является обоснование теоретической концепции магистерской диссертации и разработка практической части научного исследования.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»», утвержденный приказом Минобрнауки России от 14 декабря 2010 г. № 17632 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 14.
2. «Главное – быстрая адаптация выпускника к практике». Интервью В.В. Блажеева для портала ZAKON.RU - [Электронный ресурс]. – Сайт Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафьина (МГЮА). – Режим доступа: http://msal.ru/general/academy/publications/electronic_media/index.php?id_5=253 (дата обращения: 31.08.2013).
3. Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та Генпрокуратуры РФ, 2004. 128 с.

References

1. Federal state educational standards of highest professional education on the direction of preparing 030900 “Jurisprudence (qualification (degree) “master”), approved by the order of the Russian Ministry of December 14, 2010 number 17632 // Bulletin of normative acts of federal executive bodies. 2011 . № 14.
2. “The main thing is to quickly adapt graduate to practice.” Interview of V. Blazheev for the portal ZAKON.RU - [electronic resource]. - The site of the Moscow State Law University. Of O.E. Kutafin (MSLA). - Mode of access: http://msal.ru/general/academy/publications/electronic_media/index.php?id_5=253 (date accessed : 31.08.2013).
3. Chestnov I.L. Methodology and methods of legal study. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg Institute of the General Prosecutor of the Russian Federation, 2004. 128p.

УДК 378:378.663 (470.319)

UDC 378:378.663 (470.319)

С.В. МАКЕЕВА

старший преподаватель кафедры философии и истории Орловского государственного аграрного университета
E-mail: makeesvetlana@yandex.ru

S.V. MAKEEVA

senior teacher of the chair “Philosophy and history”, Orel state agrarian university
E-mail: makeesvetlana@yandex.ru

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ АГРАРНОГО ВУЗА

TO THE QUESTION OF FORMATION OF STUDENTS SOCIAL COMPETENCE IN AGRICULTURAL UNIVERSITIES

Социальная безопасность представляет собой совокупность социальных способностей, качеств, знаний, умений и мотивов, которые определяют необходимые социально-значимые роли современного общества. Формирование и развитие социальной компетентности в аграрном образовании позволяет решить своевременную задачу обеспечения современными, универсальными знаниями, которые необходимы в сегодняшней системе высшего профессионального образования, для воспитания конкурентноспособного специалиста-агрария.

Ключевые слова: социальная компетенция, социальная безопасность, компетентностный подход, модель профессионала, личностная модель профессионала, государственный стандарт, социальный аспект и подход к изучению аграрной науки.

The term “social security” is urgent in competence-based approach to studying social and humanitarian subjects. Building and developing social competences in the educational process at an agriculture higher education institution allows to solve the problem of ensuring up-to-date and versatile attainments.

Keywords: social competence, social security, competente approach, a professionals model, a model of professionals personality, state standards, agricultural education, the social aspect of education.

Социально-экономические и политические преобразования России начала XXI века определяют новые парадигмы в развитии социальной жизни общества и отдельного человека. Происходит смена традиций, стилей общения, ментальных качеств, внутренних установок и т.д., которые ставят перед образованием очень высокую задачу – формирование высокоразвитой личности, профессионально развитой и ориентирующейся в окружающей социальной действительности. В связи с этим реформирование образования становится приоритетной задачей современного российского общества, где на первый план выдвигается проблема регулирования в сфере образования общественных отношений через совершенствование законодательных основ в Российской Федерации. Именно, постепенная модернизация и реформирование российской образовательной системы послужили толчком для обновления законо-

дательной базы с целью повышения ее эффективности правового регулирования образовательного процесса.

В современном профессиональном образовании важнейшую роль играет компетентностный подход, который стал необходимой составляющей после присоединения России к Болонскому соглашению. Российские исследователи-педагоги, изучая данную проблему, характеризуют компетентностный подход как своевременный, многогранный, результативный, включающий в себя многолетний опыт западных и отечественных специалистов. Именно необходимость разрабатывать всеобъемлющие структуры квалификаций для всего пространства европейского высшего образования подтолкнула Россию на этот серьезный шаг. Принимая западную структуру высшего образования, Россия фактически признает систему «бакалавриата – магистратуры – докторантуры», базовые результаты обучения

и компетенции, квалифицирующие вышеуказанную систему.

Проблем от года к году становится не меньше, а нередко даже больше. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются отсутствие ясности и единого понимания ключевых терминов: компетенция, компетентность, отсутствие четкого разграничения необходимых компетенций, их численность, сопоставимость с выбранной специальностью и т.д.

Преобладающей точкой зрения является понимание компетенций через взаимодействие и взаимосвязь знаний, умений, навыков, установок, мотиваций, ценностей, которые являются целью образовательных программ, усваиваемых студентами в ходе обучения.

Другой стороной компетенций можно считать результаты обучения, которые фактически выступают средством выражения уровня компетентности и определяются профессорско-преподавательским составом.

Компетентностный подход заключается в организации взаимодействия преподавателя и студента при подготовке современных квалифицированных специалистов. Таким образом, основными направлениями данного подхода считаются:

- внедрение и обеспечение образовательных технологий, форм, моделей, методов организации современного образовательного процесса;
- широкое использование в учебном процессе интерактивных форм проведения занятий и внеаудиторной работой для формирования и развития профессиональных навыков обучающихся;
- воспитание у студентов опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем.

Взаимодействие Болонского процесса и современного высшего профессионального образования являются наиболее актуальными проблемами педагогической науки в настоящее время. Современные авторы отмечают, что Болонский процесс следует рассматривать в ключе постоянного концептуального и методологического развития, постепенного эволюционирования от структурно-инструментальных нововведений к более системному осмыслению происходящих преобразований [1].

Международные эксперты дополняют, считая, что такие реформы ведут к культурным серьезным сдвигам, необходимо предоставить вузам широкую функциональную автономию, решить проблему финансирования, а также определить объем инвестиций в высшее образование для удовлетворения потребностей в Европе на знания [2].

Таким образом, основной целью реформирования современного образовательного процесса с точки зрения комплексной модернизации является повышение эффективности механизма правового регулирования, создание правовых условий в рамках развития системы образования и согласно современным запросам человека, общества, государства на основе международных обязательств РФ в сфере образования [3].

В рамках Федеральной целевой программы

«Формирование кадрового потенциала АПК» компетентностный подход должен решить самую важную проблему – обеспечение подготовки квалифицированных, конкурентноспособных специалистов в области сельскохозяйственного производства, готовых решать задачи не только технической или технологической направленности, но и социализировать себя в обществе как разносторонне развитая личность [4].

Современное реформирование АПК РФ предъявляет все более высокие требования к вопросу о кадровой политике. Особая роль отводится системе образования и ее своевременной модернизации в рамках реализации компетентностного подхода. Перед российским образованием стоит важнейшая государственная задача – усиление профессиональной подготовки специалистов АПК в условиях конкурентноспособности и мобильности современного российского общества, а также формирование у такого специалиста интегральных компетентностных качеств:

- способность анализировать и актуализировать знания, опыт, умения в конкретной профессиональной ситуации;
- владение современными методами и средствами профессиональной деятельности;
- обладание общекультурными, социальными и личностными качествами при развитии и воспитании гармоничного субъекта политической и социальной жизни.

Результатом такой деятельности должна стать сформированная модель специалиста АПК, состоящая из двух взаимодействующих частей: модели профессионала и модели личности специалиста. Фактически, необходимо рассматривать квалифицированного специалиста как оптимальное соотношение личных, профессиональных, общественных качеств выпускника.

Согласно ФГОС ВПО последнего поколения современный специалист аграрного образования должен обладать общекультурными и общепрофессиональными компетенциями, в данных рамках решать задачи производственно-технологической, организационно-управленческой, научно-исследовательской деятельности, развивая принципы самоорганизации, самосовершенствования, самоконтроля, необходимые для качественной социально-профессиональной деятельности [10].

В настоящее время наиболее востребованным специалистом является профессионал, адекватно реагирующий на новые социальные ожидания, мобильный, способный к творческому росту и профессиональному самосовершенствованию, к постоянному обновлению своих личных ресурсов. Однако анализ послевузовской адаптации выпускников показывает, что нередко они испытывают трудности в адаптации к социальным условиям в процессе социализации, пребывая в состоянии неуверенности в собственных силах при вступлении в самостоятельную жизнь.

Социальная компетентность является одним из значительных факторов, способных обеспечить устойчивую жизнедеятельность будущего специалиста во всех

сферах общества. Исследователи рассматривают социальную компетентность как:

- совокупность конкретных качеств личности, способностей, социальных знаний и умений, обеспечивающих интеграцию человека в общество посредством продуктивного выполнения им различных социальных ролей;

- сугубо лингвистически социальную компетентность можно было бы определить как осведомленность, знания, авторитетность в области, связанной с жизнью и отношениями людей в обществе;

- «понимание отношения «Я» – общество, умение выбрать правильные социальные ориентиры, умение организовать свою деятельность в соответствии с этими ориентирами», т.е. социальная компетентность, расценивается как адаптационное явление, как социально-психологическая подготовленность, иными словами, социальная компетентность определяет уровень адаптации человека к эффективному выполнению заданных социальных ролей;

- способность использовать ресурсы социального окружения и личностные ресурсы с целью достижения хороших результатов в развитии или способность достигать личных целей в социальном взаимодействии, постоянно поддерживая хорошие отношения с другими людьми во всех ситуациях.

Ряд ученых (И.А. Зимняя, Л.Н. Боголюбов и др.) считают, что социальную компетентность человека составляют [5, 7]:

- компетенции в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанные на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внеучебных;

- знания в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, избирателя, потребителя);

- компетенции в сфере социально-трудовой деятельности (в том числе умение анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные профессиональные возможности, ориентироваться в нормах и этике взаимоотношений, навыки самоорганизации);

- знания и умения в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и проч.);

- компетенции в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность).

Таким образом, социальная компетентность соединяет в себе ценностное понимание социальной действительности, категориальные конкретные социальные знания в качестве руководства к действию, умения осуществлять социальные технологии в главных сферах деятельности человека, связанных с созданием своей семьи, профессиональной деятельностью, выполнением человеком гражданских функций, т.е. все то, что называется процессом социализации.

В дополнение к данным компетенциям выпускник должен владеть фундаментальными и прикладными знаниями, системным творческим прогностическим мыш-

лением, уметь осуществлять опытно-исследовательскую работу, осознавать значимость АПК в государственной деятельности и важность выбранной профессии, направлять все свои силы на достижение высоких профессиональных результатов и др.

Современные исследователи к ключевым компетенциям специалиста АПК относят:

- умение логически мыслить, разрабатывать социально-экономические проекты с учетом ресурсосбережения, решать проблемы;

- обладание проективным мировоззрением, глобальным, гибким системным мышлением,

- способность анализировать социально-значимые процессы, исходя из современных моральных и правовых аспектов;

- находить нестандартные решения типовых профессиональных задач или решение нестандартных задач в сфере АПК,

- использование в профессиональной деятельности методов гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, организация своего труда, труда исполнителей на научной основе, с учетом принципа безопасности жизнедеятельности и др.[10]

Именно такие задачи необходимо решать аграрному вузу в условиях современного реформирования высшего образования. При этом актуальной проблемой остается создание необходимых условий для развития инновационной модели образовательного учреждения, в рамках которого и будет появляться специалист нового поколения. Для этого необходимо обеспечить не только принятие новых образовательных стандартов, но и создать, внедрить, распространить новые идеи и новации. Фактически, аграрный вуз должен стать исследовательским центром с новейшими знаниями и технологиями. Конечно, для такой серьезной модернизации нужно решить проблемы как внешние, так и внутренние.

Прежде всего, необходима государственная поддержка в виде целевой программы и финансовых вложений. Некоторые шаги уже были предприняты: в 2006 – 2007 гг. четыре аграрных вуза были определены как инновационные (в т.ч. ФГБОУ ВПО «Орловский государственный аграрный университет») с предоставлением государственных субсидий для создания инновационной образовательной среды. Однако, единовременного финансирования для такой деятельности недостаточно. Законодательно необходимо закрепить увеличение срока финансирования, определить благоприятные условия вузам в финансовой и правовой деятельности через предоставление все большей самостоятельности в различных вопросах.

Особой проблемой современной модернизации аграрного образования является разобщенность Министерства сельского хозяйства РФ, вузов и средне-профессиональных учебных заведений аграрной направленности (техникумов, колледжей). Необходимо вернуть тесное сотрудничество и тем самым определить совместный курс реформирования и реорганизации ведущих аграрных вузов страны.

В рамках системы непрерывного аграрного образования и его кадрового обеспечения необходимо создавать учебно-производственные комплексы и центры, улучшать систему обеспечения учебного процесса, в виде совершенствования УМКД (учебно-методического комплекса дисциплины), рабочих программ, учебной и методической литературы, а также сближать учебный процесс с непосредственным производством [9, 11].

При этом аграрные вузы остаются государственными, т.е. ограниченными законодательной и нормативно-правовой системами и всеми вытекающими проблемами: невозможности уменьшения учебной нагрузки в пользу научно-исследовательской работы, отсутствие стимулирования инновационной, исследовательской деятельности компетентных преподавателей. Создание научных школ – еще одна проблема, требующая отдельной статьи финансирования в федеральной программе.

Итак, важнейшими направлениями в деле развития интеграции и модернизации аграрного образования могут быть:

- создание взаимодействий «аграрный вуз – сель-

скохозяйственные предприятия» в рамках хозяйственных отношений (агро – технопарки);

- формирование отношений «агровуз – бизнес – государство» для развития прямых связей с организациями АПК;

- участие аграрных вузов в конкурсах, грантах, предоставляемых государством или организациями для повышения престижности аграрного образования;

- привлечение Министерством сельского хозяйства РФ аграрных вузов к осуществлению национальной инновационной политики и реализации различных государственных программ.

Предложенная концепция модернизации аграрного образования и кадрового обеспечения в рамках реализации компетентного подхода решает некоторые проблемы качественного образования в условиях реформирования. При этом требует более внимательного рассмотрения на законодательном и государственном уровнях для решения основной проблемы – повышения эффективности аграрного производства в условиях реформирования рынка и совершенствования информационного общества.

Библиографический список

1. Боголюбов Л.Н. Базовые социальные компетенции в курсе обществоведения. Преподавание истории и обществознания в школе. № 9. 2002.
2. Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход (книга – приложение 1). Под науч. ред. доктора педагогических наук В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 536 с.
3. Болонский процесс: Бергенский этап// под науч. ред. доктора педагогических наук В.И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. Российский Новый Университет, 2005. 174 с.
4. Добромыслова С.Н. Проблема формирования социальной компетентности студентов высших учебных заведений [Электронный ресурс] // www.edu.ru
5. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования.//Высшее образование сегодня. № 5. 2003.
6. Калинина Н.В. Формирование социальной компетентности как механизм укрепления психического здоровья подрастающего поколения.// Психологическая наука и образование. 2001. №4. С 16-21.
7. Коблянская Е.В. Психологические аспекты социальной компетентности: Дис. канд. психол. наук. СПб, 1995.
8. Концепция проекта федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (протокол от 1. 06. 2009 г. № 20) [Электронный ресурс] // mon.gov.ru
9. Федеральная целевая программа «Формирование кадрового потенциала АПК» [Электронный ресурс] // www.mcsc.ru
10. ФГОС ВПО по направлению подготовки 110400 Агрономия (квалификация (степень) «бакалавр»)[Электронный ресурс] // www.edu.ru
11. Погонишева Д.А. Оптимизационное моделирование профессиональной подготовки студентов аграрного вуза: автореф. дис. д-ра пед. наук (в форме научного доклада). М., 2010. 23 с.
12. Компетентностный подход. Реферативный бюллетень. Российский государственный гуманитарный университет. Управление двухуровневой системой подготовки и качества образования [Электронный ресурс] // www.rc.edu.ru

References

1. Bogolyubov L.N. Basic social competences of a course of social science [Text]/Teaching history and social science at school. No. 9. 2002 .
2. Bologna Process: Results of training and competence-based approach (the book – the appendix 1).//ed. by the doctor of pedagogical sciences of V.I.Baydenko. – M: Research center of problems of quality of training of specialists, 2009. 536 pages.
3. Bologna Process: Bergensky stage//ed. by doctor of pedagogical sciences V.I.Baydenko [Text] – M: Research center of problems of quality of training of specialists. Russian New University, 2005. – 174 pages.
4. Dobromyslova S.N. Problem of formation of social competence of students of higher educational institutions [Electronic resource]//www.edu.ru
5. Zimnaya I.A. Key competences – a new paradigm of the result of education [Text]/the Higher education today. No. 5. 2003 .
6. Kalinin N.V. Formation of social competence as mechanism of strengthening of mental health of younger generation [Text]/Psychological science and education. - 2001 . - No. 4. - From 16-21.
7. Koblyanskaya E.V. Psychological aspects of social competence: Cand. dis., Psychological sciences. [Text] - SPb, 1995.
8. The concept of the draft of the federal law «About education in the Russian Federation» (the protocol from 1. 06 . 2009 No. 20) [Electronic resource]//mon.gov.ru
9. Federal target program «Formation of Personnel Capacity of Agrarian and Industrial Complex» [Electronic resource]//www.mcsc.ru

10. FGOS VPO in the direction of preparation 110400 Agronomics (qualification (degree) «bachelor») [An electronic resource]//www.edu.ru

11. Pogonysheva D. A. Optimizing modeling of vocational training of students of agrarian higher education institution: author's abstract, doctor dis., pedagogical sciences (in the form of the scientific report) [Text]/. A. Pogonysheva. – M., 2010. – 23 pages.

12. Competence-based approach. Abstract bulletin. Russian State Humanitarian University. Management of two-level system of preparation and quality of education [Electronic resource]//www.rc.edu.ru

УДК 355.035.7

В.С. ПЕТРОВ

соискатель Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина
E-mail: petrov.vadim@mail.ru

UDK 355.035.7

V.S. PETROV

applicant of Yelets State University named after I.A. Bunin
E-mail: petrov.vadim@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА

PEDAGOGICAL MODELING OF THE FORMATION OF SOCIAL AND EDUCATIONAL COMPETENCE OF MILITARY UNIVERSITY STUDENTS

Основное внимание автор уделит уточнению понятия “социально-педагогическая компетенция”, содержанию и общей структуре социально-педагогической компетенции как одной из наиболее значимых характеристик профессиональной подготовленности будущего военного специалиста. В статье представлена модель формирования социально-педагогической компетенции будущих специалистов, а также рассмотрены условия, необходимые для ее эффективного функционирования.

Ключевые слова: социально-педагогическая компетенция, будущий специалист, военно-шефская работа, педагогическая модель.

The main attention is paid to clarify the concept of «social-pedagogical competence», the content and the overall structure of the social-pedagogical competence as one of the most important characteristics of professional training of a future military specialist. The article presents a model of social-pedagogical competence of future professionals and considers the conditions necessary for its effective functioning.

Keywords: social-pedagogical competence, future professional, military patronage, pedagogical model.

В современных вузах идет активное внедрение новых дисциплин, компьютерных программ, массовых коммуникаций, обеспечивающих подготовку высококвалифицированного специалиста, владеющего на высоком уровне профессиональными компетенциями. Одной из таких компетенций является социально-педагогическая компетенция (СПК).

Социально-педагогическая компетенция будущего специалиста – это интегральная характеристика, отражающая наличие системы устойчивых мотивов, духовно-нравственных ценностей, педагогических способностей, знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность в различных видах деятельности (учебной, воспитательной, общественной).

Основной задачей формирования социально-педагогической компетенции можно считать, прежде всего, выбор и определение значимых для личности социальных ценностей и ценностных ориентаций.

Понимание сущностной характеристики и специфики социально-педагогической компетенции позволя-

ет рассматривать феномен социально-педагогической компетентности не только со стороны ее структурных компонентов, но и со стороны функциональных связей и отношений, обеспечивающих целостность и динамику данного системного новообразования [2].

Структурные компоненты социально-педагогической компетенции – это содержательные элементы, обеспечивающие выполнение функций и отражающие мотивы поведения личности, содержание и соотношение ценностных ориентаций, систему функциональных знаний, осознанных умений, навыков, видов профессиональной деятельности и опыта по их применению.

Процесс формирования социально-педагогической компетенции будущего специалиста в рамках военно-шефской работы с курсантами военных вузов предполагает выделение ценностно-мотивационного, познавательного и операционно-деятельностного компонентов (рис. 1).

В качестве структурных элементов педагогической модели выступают следующие характеристики: цель, за-

дачи, принципы, этапы, формы, методы, средства и технологии, обеспечивающие формирование компонентов социально-педагогической компетенции, совокупность критериев и показателей как результат, позволяющий определить уровень социально-педагогической компетенции курсанта военного вуза.

Определяющими характеристиками в структуре модели являются два вектора:

- вертикальный, обеспечивающий целостность процесса формирования социально-педагогической компетенции, представлен системообразующими связями субординации как процесс движения от заданной цели: формирования социально-педагогической компетенции, решения соответствующих задач до результата их реализации, т.е. сформированности определенного уровня социально-педагогической компетенции обучающихся в вузе;

- горизонтальный согласующий вектор, который представлен связями координации и согласования элементов модели формирования социально-педагогической компетенции.

Первым структурным элементом модели является цель, определяемая как формирование социально-педагогической компетенции будущего специалиста, обуславливающая его готовность к успешному решению задач социального взаимодействия, в том числе и в профессиональной деятельности.

Разработанная автором статьи модель формирования социально-педагогической компетенции будущего военного специалиста, предполагает реализацию следующих принципов:

- социальной обусловленности взаимосвязи процессов социализации и профессионализации личности будущего специалиста;

- компетентностной ориентированности содержания образования по предметам профессиональной подготовки;

- субъектности обучающихся-будущих специалистов (выражающийся в осознанности и избирательности, в готовности выбирать цель, принимать ответственность за ее реализацию, в стремлении к самореализации в учебной и профессиональной деятельности);

- коллективности и индивидуальности форм педагогического взаимодействия в процессе формирования компонентов социально-педагогической компетенции.

Процесс формирования у будущих военных специалистов социально-педагогической компетенции содержит несколько этапов. Каждый их этапов имеет соответствующие задачи, содержание, предполагает определенные результаты.

Первый – мотивационный этап – направлен на формирование осознанной профессиональной мотивации будущих специалистов к проведению шефской работы, освоению социальных и профессиональных ценностных ориентаций в процессе обучения и воспитания. На данном этапе обучающийся выступает как субъект ценностного самоопределения в условиях моделирования профессиональной деятельности будущего специалиста.

Результатом первого этапа являются осознанная направленность на выбранную профессию; сформированность мотивации к профессиональной деятельности и самореализации; позитивное отношение к значимым аспектам будущей профессиональной деятельности и межличностному общению в профессиональных группах, в социальной среде.

Второй этап формирования социально-педагогической компетенции направлен на овладение системой функциональных знаний, осознанных умений, навыков и действий, в том числе приемами взаимодействия и общения в ходе решения учебно-профессиональных задач. На этом этапе обучающийся выступает как субъект целостной профессиональной деятельности специалиста.

Результатом второго этапа является сформированность познавательного компонента в рамках военно-шефской работы.

На третьем этапе решаются задачи совершенствования профессиональной деятельности будущего специалиста, готовности его к вариативному решению задач социального взаимодействия; достижение высокого уровня формирования социально-педагогической компетенции, через участие в реальных условиях военно-шефской работы в вузе.

Результаты третьего этапа свидетельствуют о готовности курсанта военного вуза к успешной самореализации в будущей профессиональной деятельности, решению социально-нравственных задач, выстраиванию взаимоотношений в социуме (в учебно-служебной деятельности, воспитательной работе, военно-шефской работе).

Вместе с тем, модель формирования социально-педагогической компетенции будущих специалистов предполагает реализацию специальной программы, обеспечивающей успешное достижение высокого уровня сформированности социально-педагогической компетенции.

В процессе реализации предполагаемой модели необходимо внедрение в обучение и воспитание активных форм и методов (педагогические тренинги, дискуссии на педагогические темы, микропреподавание, создание обучающихся «педагогических копилочек», защита педагогических проектов и сценариев воспитательных мероприятий, конкурсы педагогического мастерства и т.п.).

При реализации педагогической модели в практике вуза необходимо помнить, что качество воспитания напрямую зависит от качества сопутствующих воспитанию процессов обучения и развития. Именно поэтому традиционно в педагогике принято рассматривать образовательные задачи в комплексе обучающих, развивающих и воспитывающих задач [1, с. 3].

Таким образом, педагогическое моделирование процесса формирования социально-педагогической компетенции курсантов военного вуза позволяет выявить и определить педагогические условия, обеспечивающие положительную динамику развития педагогических способностей, творческих умений в проведении воспитательных мероприятий, качественный уровень изучения цикла гуманитарных дисциплин и высокий уровень сформированности социально-педагогической компетенции.

Рис. 1. Педагогическая модель формирования СПК будущего специалиста.

Библиографический список

1. Кузовлев В.П., Кошелева А.О., Шепетько Д.В., Алмазова И.Г. Психология педагогической деятельности: учебно-наглядное пособие. Часть 3. Педагогическое общение. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. 73 с.
2. Начальное профессиональное образование социальных педагогов и социальных работников в России // Образование граждан мира: Тезисы докладов международной конференции. М.: Изд-во Ин-та молодежи, 1996. 90 с.

References

1. Kouzovlev V.P., Koshelev A.O., Shepet'ko D.V., Almazova I.G. Psychology teaching activities: training aids. Part 3. Pedagogical communication. Elec: ESU them I.A. Bunin, 2012. 73 p.
2. Initial vocational training social workers and social workers in Russia / / Education citizens of the world: Proceedings of the International Conference. Moscow: Publishing House of the Institute of Youth, 1996. 90 p.

УДК 811.161.1'373 (072,3)

UDC 811.161.1'373 (072,3)

Е.Н. ПУЗАНКОВА

доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета
E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

E.N. PUZANKOVA

doctor of pedagogical sciences, professor, vice rector for scientific work, Orel state university
E-mail: e.puzankova@univ-orel.ru

**СФОРМИРОВАННОСТЬ ОБРАЗНОГО СТРОЯ РЕЧИ И ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ 5-11 КЛАССОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ НА ОСНОВЕ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ***

**FORMATION OF THE FIGURATIVE SYSTEM OF SPEECH AND FIGURATIVE THINKING OF PUPILS OF 5-11 CLASSES
OF COMPREHENSIVE SCHOOL ON THE BASIS OF WORK WITH THE ART TEXT**

В статье дается анализ развития образного строя речи и образного мышления учащихся 5-11 классов общеобразовательных школ, показываются методы работы с художественными текстами.

Ключевые слова: языковые понятия, образный строй речи, художественный текст.

In the article the analysis of development of a figurative system of speech and figurative thinking of pupils of 5-11 classes of comprehensive schools is given, the methods of work with art texts are shown.

Keywords: language concepts, figurative system of speech, art text.

В основе любого творчества, в том числе и языкового, лежит работа образного мышления; без овладения образностью родного языка невозможно полноценное лингвистическое развитие. Вот почему так важно определить, происходит ли развитие образной стороны речи ребенка, его образного мышления при обучении родному языку в школе. Для решения этой задачи были разработаны и предложены учащимся 5-11 классов задания нескольких типов: диагностирующие 1) способность учащихся символически изображать сущность изучаемых языковых понятий; 2) степень владения испытуемыми образной семантикой языковых единиц (вне контекста, метафоричность которых проявляется уже на уровне системы языка); 3) сформированность умения полного и частичного анализа образности художественного текста, владение тропами, фигурами речи.

Выполнение таких заданий позволило также выявить развитость у учащихся трех видов языковой деятельности: семантического анализа, конструирования и оценки.

Например, на конструирование, анализ и оценку задания по символическому изображению сущности языковых понятий, явлений:

– *Попробуйте с помощью символического рисунка передать смысл фонетических понятий: звонкие и глухие согласные, твердые и мягкие согласные.*

Полученные результаты не превышают 50%, свидетельствуют о неравномерности развития способности детей к абстрагированию, обобщению, образному представлению лингвистической терминологии. Выполнили

работу без ошибок 28% учащихся 5-х классов, 48% – 6 кл., 9 кл., 50% – 7 кл., 36% – 8 кл., 47% – 10 кл., 35% – 11 кл.

Несовершенство исследуемого компонента языковой способности объясняется двумя причинами: 1) недостаточной сформированностью образного мышления учащихся, символического представления сущности лингвистических понятий, обусловленные отсутствием в стабильных учебниках примеров использования символического изображения языковых понятий, явлений в подаче теории и отсутствием специальных упражнений, отрабатывающих подобное умение у учащихся;

2) механическим заучиванием лингвистической теории, терминов учениками: непониманием сущности языковых понятий, затрудняющим оперирование с их семантикой.

Общие недостатки процесса обучения, методические просчеты проявляются в типичности большинства ответов учащихся, свидетельствующей о близости образного мышления учащихся разных классов и разных возрастных групп:

Звонкие согласные	Глухие согласные
звонок – 5, 6, 7, 8, 9, 11 кл. ко- локольчик – 5, 7, 8 кл. барабан – 8, 9, 10, 11 кл. Твёрдые согласные бетон – 5, 9 кл.;	ухо /зачёркнутое/ – 5, 10, 11 кл. глухой человек – 5, 6, 7, 8, 9, 10 кл. дуб – 6, 8 кл. ба- бушка /старая/ – 9, 11 кл. Мягкие согласные губка – 5, 9 кл.
камень – 5, 8, 9, 11 кл. кирпич – 5, 11 кл.	подушка – 5, 11 кл. вата – 5, 6, 11 кл. мочалка – 5, 7 кл. хлеб – 5, 6 кл. диван – 6, 9 кл. вода, перо – 6, 8 кл. облако – 8, 11 кл. пух – 9, 10 кл.

* Данная статья продолжает рассмотрение проблемы развития различных компонентов языковой способности учащихся, см.: Е.Н. Пузанкова. Сформированность логико-языковых операций учащихся 5-11 классов общеобразовательной школы// Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4 (54). С. 380-383.

Однако о потенциальных творческих возможностях детей, об их готовности к такой работе, к образному осмыслению языковой семантики /через символику/, неустраиваемыми в процессе обучения, говорит разнообразие, оригинальность следующих /наряду с типичными/ единичных ответов:

<i>Звонкие согласные</i>	<i>Глухие согласные</i>
звон капли – 5 кл. хор – 6 кл. звонок в будильнике – 6 кл. молот и наковальня, ноты – 8 кл. магнитофон, тенор, пианино, птица, гитара – 9 кл. радио – 10 кл. труба – 11 кл.	шорох – 7 кл. рыба, бревно – 8 кл. бас – 9 кл. зачеркнутый громкоговоритель – 10 кл.
<i>Твердые согласные</i>	<i>Мягкие согласные</i>
бревно – 5 кл. лед, железо, орех, доска – 6 кл. лоб, барабан – 8 кл. кость, рога, рыцарь – 9 кл. кирпичная стена – 10 кл. твердый батон и сломанный нож – 10 кл. булка, горы – 11 кл. молот с наковальней – 11 кл.	стиралка – 5 кл. резинка, бинт – 6 кл. кошка, пушинка, пирог – 8 кл. лиса – 8 кл. пена, амёба – 9 кл. кровать, пластилин – 10 кл. тесто, трава, масло – 11 кл.

Следующая группа заданий выявляла степень восприимчивости учащихся к образности художественного текста, развитость умения правильно идентифицировать художественные приемы, в основе которых лежат языковые явления, объяснять их роль в выполнении художественного замысла автора.

Таким образом, определялся уровень владения учениками операциями семантического анализа и оценки языкового материала.

Полученные результаты свидетельствуют о несовершенстве процесса формирования исследуемых компонентов языковой способности с 5 по 11 классы школы, независимо от того, частичный или полный анализ образности художественного текста производится учащимися.

Так, на частичный анализ средств художественной выразительности было следующее задание:

– Прочитайте стихотворение С. Есенина «Колокол дремавший...». Найдите повторяющиеся гласные /ассонанс/ и согласные звуки /аллитерацию/, помогающие в создании автором образа раннего утра. Объясните выбор поэтом именно этих звуков.

Предполагалось, что ученики дадут такой ответ: «ассонанс – а – о; аллитерация – з – с /л, р/» далее приведут объяснение выбора именно этих звуков для создания образа раннего утра.

Без ошибок смогли выполнить задание только 11% учащихся 5-х кл., 20% – 6-х кл., 22% – 7-х кл., 36% – 8-х кл., 16% – 9-х кл., 47% – 10-х кл., 27% – 11 кл.

Учащиеся всех классов допускают следующие типичные ошибки:

- 1) называют лишние, неповторяющиеся звуки: н, д, т;
- 2) называют буквы: е, я, ё;
- 3) смешивают понятия «ассонанс» и «аллитерация», например, «ассонанс - з-с», хотя перед выполнением задания в каждом классе экспериментатор уточнил значения этих двух терминов.

Причем только ошибки 3 типа уменьшаются к 6-му и не встречаются в 7-11 классах. Количество двух первых типов ошибок постоянно варьируется, не только не уменьшаясь, но и увеличиваясь в ряде старших классов.

Смешение понятий «ассонанс» и «аллитерация» свидетельствует о недостаточном владении учащимися литературоведческими терминами, непониманием их значения. Использование при ответе букв вместо звуков – о несформированности понятий «звук речи», умения дифференцировать звук и букву. Неточные ответы, содержащие лишние звуки, говорят о низком уровне восприимчивости учащихся к образной звуковой ткани художественного текста, о несовершенстве фонематического слуха.

Еще ниже, чем восприимчивость детей к языковым средствам создания образности, их умение давать оценку роли языковых средств в реализации художественного замысла автора. Дали ответ на поставленный вопрос 11% учащихся 5-х кл., 18% – 6-х кл., 28% – 7-х кл., 10% – 8-х кл., 14% – 9 кл., 27% – 10 и 11 кл.

Верными считались ответы, содержащие хотя бы попытку объяснить замысел автора, порой попытку слабую, неточную, но имеющую зерно правильного ответа:

«Чтобы передать радостную атмосферу,» «чтобы создать сонное настроение», – 5 кл.; «чтобы в стихотворении были яркость, звонкость», «чтобы передать красоту дня», «ассонанс передает звонкость, торжественность, жизнь», – 6 кл.; «звон колоколов и восход солнца», – 7 кл.; «шелест травы, пронзительный звон», – 8 кл.; «усиливают смысл: передают звук колокола», – 9 кл.; «для более точного воспроизведения сонной природы – з-с, о-а – долгие звуки, тягучесть природы утром», – 10 кл.; «поэт хотел передать, что природа только начинает просыпаться, она еще сонная сначала, а потом всё звенит, проснулось...», – 10 кл.; «хотел передать, как звучит колокольный звон», «передать голос природы, ее красоту», – 11 кл.

Большинство учеников или не выполнили эту часть задания, или дали неверные ответы, подобные следующим:

«Чтобы была складность в стихотворении», – 6 кл.; «для того, чтобы текст был звуковым», – 6 кл.; «он хотел передать спокойную мирную картину», – 9 кл.; «попытка? передать пробуждение всего утром», – 10 кл.; «для выражения звонкого?..», – 11 кл.; «хотел показать природу», – 11 кл.

Причины низкого уровня анализа художественных приёмов создания образности, эстетических функций использованных автором языковых средств 1) в несовершенстве владения учащимися семантикой языковых единиц, их художественными функциями; 2) в неотработанности операции анализа языковых средств, лежащих в основе используемых автором художественных приемов; 3) в незнании учащимися основных художественных приемов.

Это обусловлено следующим:

- во-первых, ослаблением семантического аспекта изучения языковых явлений, формализацией процесса

обучения, отсутствием его функциональной и коммуникативной направленности;

– во-вторых, ослаблением взаимосвязи изучения родного языка и родной литературы, и прежде всего в обучении лингвистическому анализу текста, в овладении художественными приемами создания образности;

– в-третьих, недостаточным количеством упражнений на осмысление переносных значений слов, оценку их эстетических функций, на анализ художественных приемов создания образности.

Эти выводы справедливы и при характеристике качества выполнения задания на полный лингвистический анализ образности художественного текста:

– *Найдите в тексте средства художественной выразительности, определите их роль в создании образности.*

...Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? (рит. вопрос) Вы выходите на крыльцо ... (умолчание) На тёмно-сером (эпитет) небе кое-где мигают звёзды: влажный (эпитет, метафора) ветерок изредка набегают лёгкой волной (метафора); слышится сдержанный, неясный (эпитет, метафора) шёпот ночи (олицетворение); деревья слабо шумят, облитые тенью (метафора)...

Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, белеют точки, зеленеют поля (повтор синтаксич. конструкций). В избах красным (эпитет) огнём горят (метафора) лучины, за воротами слышны заспанные (метонимия) голоса. А между тем заря разгорается (метафора): вот уже золотые (эпитет, метафора) полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный (эпитет) ветер подул – и тихо всплывает (метафора) багровое (эпитет) солнце. Свет так и хлынет потоком (метафора), сердце в вас вострепнётся

(метафора), как птица (сравнение). Свежо, весело, любо (восходящая градиция)! (воскл. предл.)

Свыше 70% средств художественной выразительности, используемых автором, в 5 кл. не нашёл ни один из испытуемых, в 6-х – 59% уч-ся, в 7-х – 70%, 8-х – 52%, 9 кл. – 36%, 10 кл. – 13%, 11 кл. – 45% опрошенных.

Однако дать названия художественным приемам без ошибок смогли только 4% учащихся 10-х и 11-х классов, а объяснить их роль в реализации авторского замысла – 10% учащихся 10-х и 35% – 11-х классов.

Типичные ошибки, допущенные учащимися всех классов, таковы:

1. выписаны слова, употребленные в прямом значении: «светлеет воздух» – 5-11 кл., «звонко поют» – 7-11 кл., «зеленеют поля» – 9 кл., «весной», «до зари», «наслаждение» – 10 кл.;

2. широко понимается олицетворение /как метафора в целом/: /с 6 по 11 классы/:

олицетворение:

«свет так и хлынет потоком» – 6 кл., «всплывает солнце» – 9 кл., «влажный ветерок» – 8 кл. и т.п.;

Смешиваются понятия эпитет, сравнение, метафора и др.: /с 6 по 11 классы/:

«заря разгорается» – эпитет – 6 кл., «багровое солн-

це» – олицетворение – 7 кл., «заря разгорается» – сравнение – 8 кл., «всплывает солнце» – гротеск, гипербола – 9 кл., «облитые тенью» – сравнение – 10 кл. и т.п.

Таким образом, одной из причин низкого уровня выполнения анализа языковых средств художественной выразительности является недостаточное владение учащимися метафоричными значениями языковых единиц, неразличение их прямых и переносных значений.

Подытоживая анализ степени развития образного строя речи учащихся, их образного мышления, можно сделать следующие выводы:

С 5 по 11 классы не наблюдается плавного и эффективного роста способности учащихся символически изображать сущность изучаемых лингвистических понятий и явлений, осмысления механизма образования переносных значений слов, умения производить семантический анализ языковых средств создания образности художественного текста, знания художественных приемов, умения давать оценку роли языковых средств в реализации авторского замысла.

Это обусловлено ослаблением семантического аспекта изучения языковых единиц, недостаточным вниманием к переносным значениям слова, их соотносительности с прямыми значениями, к семантике изучаемых лингвистических понятий. Низкий уровень развития образного строя речи учащихся определяется и отсутствием целенаправленной работы (специальной системы упражнений) по овладению метафоричной лексикой и фразеологией родного языка, по отработке умения символически изображать изучаемые языковые понятия, явления на протяжении всего школьного обучения, с 5 по 11 классы.

Одной из причин несовершенства развития исследуемых компонентов языковой способности является также потеря взаимосвязи родного языка и родной литературы в изучении художественных приемов создания образности, языковых средств, лежащих в их основе. Взаимодействие двух учебных предметов возможно при систематическом проведении специальных занятий (или фрагментов уроков) по лингвистическому анализу образного строя художественного текста с 5 по 11 классы общеобразовательной школы.

Таким образом, функционально-семантическое изучение языковых явлений, и прежде всего образных средств родного языка, а также организация специальной работы по овладению поэтикой родного языка (в том числе тропами, фигурами речи) создадут необходимые условия для развития образного строя речи учащихся, их метафоричного мышления.

УДК 480.241.4

UDC 480.241.4

Е.А. САНКОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии Орловского государственного университета
E-mail: alena7orel@yandex.ru

E.A. SANKOVA

candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Geography, Orel State University
E-mail: alena7orel@yandex.ru

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ФОРМИРОВАНИЮ
КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА СРЕДСТВАМИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ**

**THE ANALYSIS OF THE RESULTS OF THE EXPERIMENTAL WORK FOR FORMING
THE STUDENTS CARTOGRAPHIC COMPETENCE BY MEANS
OF THE PROFESSIONAL CENTERED TEACHING TECHNOLOGY**

В статье приводятся результаты экспериментальной работы по формированию картографической компетентности студентов в вузе средствами профессионально-ориентированной технологии обучения и дается их анализ. Детально рассматриваются этапы педагогического эксперимента на базе факультета естественных наук Орловского государственного университета. Подробные расчеты подкрепляются табличными данными и наглядными диаграммами.

***Ключевые слова:** картографическая компетентность, профессионально ориентированная технология обучения, t-критерий Стьюдента, метод идеальной точки.*

The results of the experimental work for forming the students cartographic competence by means of the professional centered teaching technology and their analysis are given in the article. The stages of the pedagogical experiment on the basis of the Faculty of Natural Sciences are considered in detail. The detail calculations are maintained by the table data and diagrams.

***Keywords:** cartographic literacy, the professional centered technology of teaching, Student's t-criteria, the method of ideal point.*

В рамках реализации личностно-развивающей парадигмы в российской высшей школе компетентностный подход рассматривается как один из наиболее перспективных с точки зрения оценивания эффективности профессиональной подготовки студентов. Картографическая компетентность является частью профессиональной компетентности студентов ряда естественнонаучных специальностей.

Эффективность профессионально-ориентированной технологии обучения картографическим дисциплинам проверялась в ходе опытно-экспериментальной работы, в которой приняли участие студенты первого, второго и третьего годов обучения специальностей «География», «География с дополнительными специальностями», «Почвоведение», «Природопользование», студенты первого года обучения направлений подготовки «География», «Географическое образование» очного отделения и специальности «География» заочного отделения факультета естественных наук Орловского государственного университета.

Общая направленность опытно-экспериментальной работы определялась необходимостью подтверждения результативности учебного процесса с применением разработанной профессионально-ориентированной технологии обучения, выявления педагогических условий ее эффективной реализации.

Она включала проведение констатирующего и формирующего этапов педагогического эксперимента. При этом на констатирующем этапе в 2005-2008 учебных годах изучение картографических дисциплин велось по традиционной методике, не предусматривающей использование инновационных средств, методов и форм обучения, позволяющих активизировать познавательную деятельность обучающихся. На формирующем же этапе эксперимента в 2008-2011 учебных годах в рамках учебной программы было организовано обучение с применением профессионально-ориентированной технологии, способствующей формированию картографической компетентности студентов вуза.

Эмпирическую базу констатирующего этапа эксперимента составляли студенты первого-второго годов обучения факультета естественных наук Орловского государственного университета (145 человек).

Исследование, проведенное в ходе данного этапа эксперимента, включало в себя следующие методы: анкетирование, педагогическое наблюдение, включающее анализ продуктов учебной деятельности обучающихся (тестовые задания, практические, самостоятельные и домашние работы, групповые и индивидуальные задания).

Целью констатирующего этапа эксперимента являлась предварительная диагностика уровня знаний, умений и навыков, формирующихся у студентов в рамках

обучения картографическим дисциплинам. Такая диагностика позволила получить информацию об уровне мотивации к изучению этих предметов, об исходном уровне сформированности картографической компетентности студентов вуза.

В результате проведения констатирующего этапа эксперимента было выяснено:

- на недостаточном уровне сформированности картографической компетентности находятся 47% студентов (68 человек);
- на достаточном уровне сформированности картографической компетентности – 40% студентов (58 человек);
- на высоком уровне сформированности картографической компетентности – 13% студентов (19 человек).

Из представленной на рисунке 1 диаграммы видно, что значительная часть студентов находится на недостаточном уровне сформированности у них картографической компетентности.

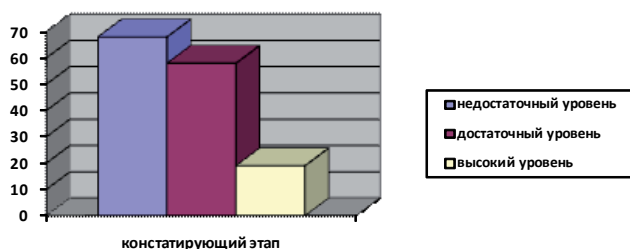

Рис. 1. Распределение студентов по уровням сформированности картографической компетентности.

Целью формирующего этапа эксперимента являлась апробация модели посредством профессионально-ориентированной технологии обучения. Для его проведения были определены контрольные и экспериментальные группы. Экспериментальное обучение проводилось в 2005-2011 годах. В контрольную группу №1 вошли студенты дневного отделения факультета естественных наук, обучающиеся в 2005-2008 учебных годах по специальностям: «География», «Почвоведение», и «География с дополнительной специальностью», всего 103 человека. В экспериментальную группу №1 вошли студенты дневного отделения факультета естественных наук, обучающиеся в 2008-2011 учебных годах по специальностям «География», «Почвоведение», «Экология и природопользование» и «География с дополнительной специальностью» – всего 90 человек. В контрольную группу №2 вошли студенты заочного отделения факультета естественных наук, обучающиеся в 2005-2008 учебных годах по специальности «География» (42 человека). В экспериментальную группу №2 вошли студенты заочного отделения факультета естественных наук, обучающиеся в 2008-2011 учебных годах по специальности «География» (39 человек).

Для проведения сравнительного эксперимента использовалась методика, предложенная П.И. Образцовым, которая носит универсальный характер [4].

Для обеспечения возможности сравнения результатов педагогического эксперимента выявлялся начальный и итоговый уровни обученности студентов

экспериментальных и контрольных групп.

Определение исходного уровня обученности студентов контрольных и экспериментальных групп осуществлялось на основе выделенных критериев: мотивационного, когнитивного, деятельностного.

Степень выраженности когнитивного критерия оценивалась по итогам анкетирования, которое состояло из 17 вопросов. Для каждого студента определялась доля выполненных тестовых заданий:

$$r_1 = \frac{c_1}{n_1},$$

где c_1 – количество заданий, выполненных обучающимся, $n_1=17$ – общее количество заданий.

В первой, второй контрольных и первой, второй экспериментальных группах определялось максимальное ($\max=0,88$) и минимальное ($\min=0,23$) значение, принимаемое по заданному критерию.

Таким образом, полученный диапазон изменений доли выполнения тестирования $[0,23; 0,88]$. Этот диапазон был разбит на три интервала: $[0,23; 0,41]$, $[0,47; 0,64]$, $[0,7; 0,88]$. Затем выяснялось, какое количество студентов из контрольных и экспериментальных групп попало в тот или иной интервал (рис. 2, 3).

Степень выраженности деятельностного критерия оценивалась по результатам выполнения семи практических заданий. Минимальное количество баллов, которое мог набрать каждый из них – 0, максимальное – 18. Для каждого обучающегося определялась доля выполненных заданий: $r_2 = \frac{c_2}{n_2}$

где c_2 – количество баллов, набранных каждым обучающимся, $n_2=18$ – максимально возможное количество баллов.

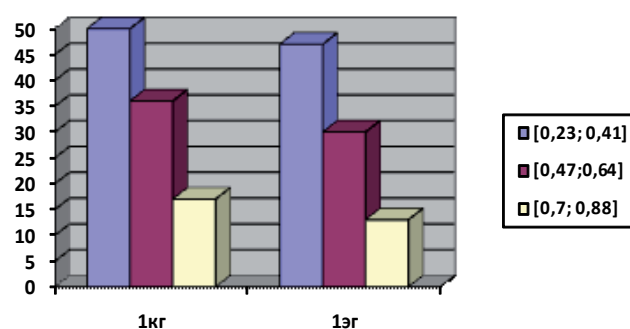

Рис. 2. Соотношение количества студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (когнитивный критерий).

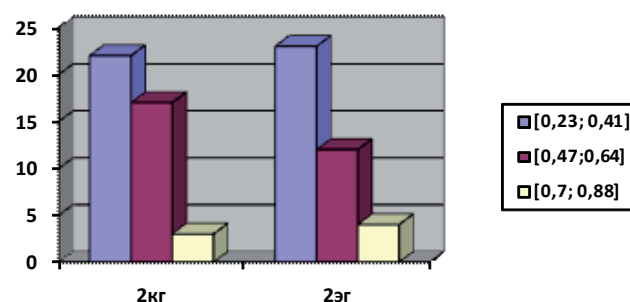

Рис. 3. Соотношение количество студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (когнитивный критерий).

В первой, второй контрольных и первой, второй

экспериментальных группах определялось максимальное ($\max=0,83$) и минимальное ($\min=0,11$) значение, принимаемое по заданному критерию.

Для удобства вычислений промежутков $[0,11; 0,83]$ разбили на три интервала: $[0,11; 0,28]$, $[0,33; 0,56]$, $[0,61; 0,83]$. Затем определялось, какое количество студентов из контрольных и экспериментальных групп попало в тот или иной интервал (рис. 4, 5).

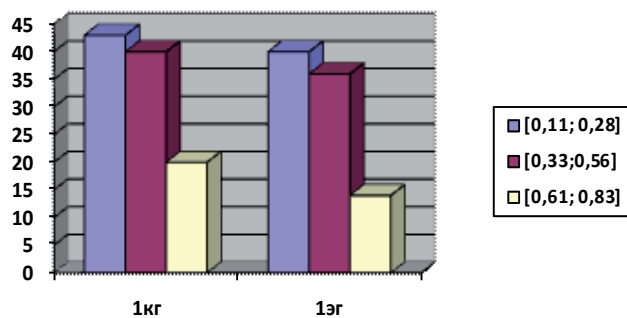

Рис. 4. Соотношение количества студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (деятельностный критерий).

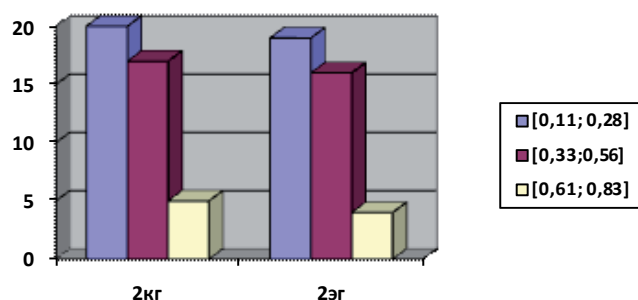

Рис. 5. Соотношение количество студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (деятельностный критерий).

Для определения степени выраженности мотивационного критерия студентам предлагалось принять участие в анкетировании, по которому определялась степень проявления мотивации и интереса к обучению картографическим дисциплинам, наличие потребности в получении и расширении знаний в области картографии, топографии, геодезии.

Для каждого студента определялась доля набранных баллов:

$$r_3 = \frac{c_3}{n_3} + \frac{\tilde{n}_4}{n_4},$$

где c_3 – количество баллов, набранных студентом по первой части анкеты, $n_3=40$ – максимально возможное количество баллов; c_4 – уровень мотивации студента, определяемый по второй части анкеты, $n_4=4$ – наивысший уровень мотивации.

В первой, второй контрольных и первой, второй экспериментальных группах определялось максимальное ($\max=1,88$) и минимальное ($\min=0,45$) значение, принимаемое по заданному критерию.

Для удобства вычислений промежутков $[0,45; 1,88]$ разбили на три интервала: $[0,45; 0,93]$, $[0,93; 1,41]$, $[1,41; 1,88]$. Затем определили, какое количество студен-

тов попало в тот или иной интервал (рис. 6, 7).

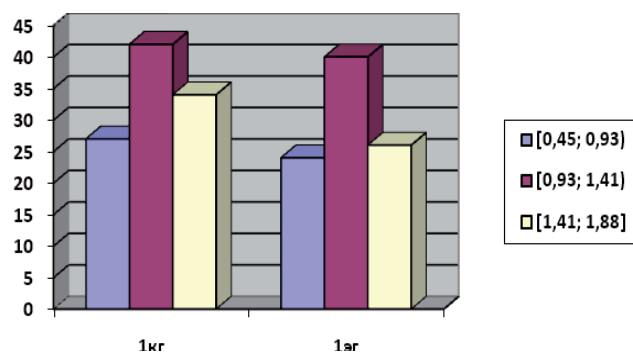

Рис. 6. Соотношение количества студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (мотивационный критерий).

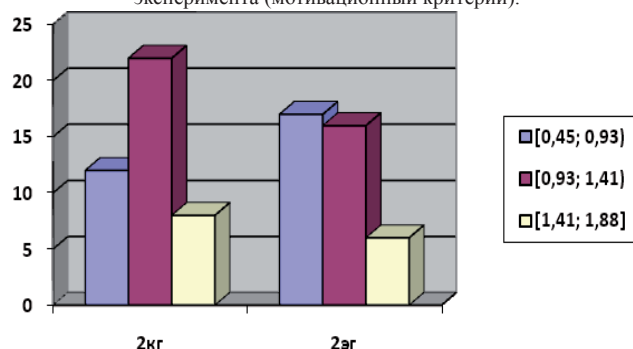

Рис. 7. Соотношение количество студентов до проведения формирующего этапа эксперимента (мотивационный критерий).

Результаты проверки всех критериев исходного уровня сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза с помощью метода идеальной точки [2] были сведены к одному критерию. Пусть

$r = \sqrt{(\mu_{ид1} - \mu_1)^2 + (\mu_{ид2} - \mu_2)^2 + (\mu_{ид3} - \mu_3)^2}$ – расстояние, показывающее, насколько точка X удалена от точки $X_{ид}$. Чем меньше это расстояние, тем выше исходный уровень. Таким образом, исходный уровень сформированности картографической компетентности каждого студента определяется числом r из промежутка $[0,24; 1,95]$. Соответственно, обучающийся имеет высокий уровень сформированности картографической компетентности, если $0,24 \leq r < 0,81$; достаточный – $0,81 \leq r < 1,38$; недостаточный – $1,38 \leq r \leq 1,95$.

Результаты обработки комплексного тестирования и анкетирования, проведенных с целью определения исходного уровня сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза, представлены в таблице 1.

Более наглядно данные, полученные в результате выявления исходного уровня сформированности картографической компетентности респондентов контрольных и экспериментальных групп, представлены на рисунках 8, 9.

На первом этапе сравнительного эксперимента по результатам тестирования и анкетирования производился выбор и выравнивание контрольных и экспериментальных групп, а также определение варьируемых и не варьируемых условий эксперимента.

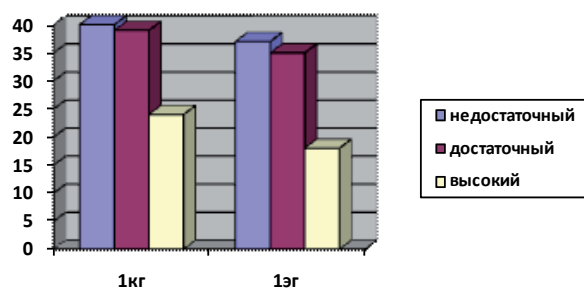

Рис. 8. Исходный уровень сформированности картографической компетентности студентов вуза.

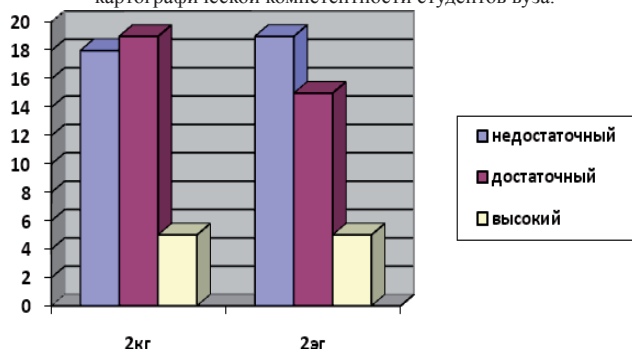

Рис. 9. Исходный уровень сформированности картографической компетентности студентов вуза.

Исходя из того, что обучение и проведение экзаменов и зачетов осуществлялось одним и тем же преподавателем, подходы к оценочной деятельности которого оставались неизменным, возможно провести сравнение выбранных для экспериментального исследования групп.

Для обоснования достоверности принятого решения и определения, что выборки обучающихся обоих этапов относятся к одной генеральной совокупности, была проведена проверка их однородности. Она осуществлялась на основе статистического анализа результатов входного контроля групп обоих этапов с использованием t -критерия Стьюдента.

В качестве нулевой гипотезы H_0 выдвинуто предположение, что уровни различия сформированности картографической компетентности студентов недостаточно значительны и выборки контрольного и экспериментального этапов относятся к одной генеральной совокупности. В качестве альтернативной (H_1) – то, что подготовленность студентов существенно отличается и выборки относятся к различным генеральным совокупностям.

Проверка однородности групп контрольного и формирующего этапов и тем самым правильность выборки производилась по формуле

$$t = \frac{\bar{X}_1 - \bar{X}_2}{\sqrt{\frac{S_1^2}{n_1} + \frac{S_2^2}{n_2}}}, \quad (1)$$

где M_1 и M_2 – математическое ожидание (среднее значение) первой и второй выборок; S_1 и S_2 – дисперсия (среднее квадратическое отклонение) соответственно для первой и второй выборок; n_1 и n_2 – количество оценок в первой и второй выборках.

Для 1ЭГ и 1КГ $t=0,68$, а для 2ЭГ и 2КГ $t=0,54$. Вычислив величину t -критерия, по специальной таблице определялся уровень статистической значимости между средними показателями эффективности деятельности в экспериментальной и контрольных группах. Чем выше значение t -критерия, тем выше значимость различий.

Для этого t сравниваем со значением $t_{\text{табл}}$. Табличное значение выбирается с учетом выбранного уровня достоверности, а также в зависимости от числа степеней свободы. Из таблицы значений критерия Стьюдента находим $t_{\text{табл}1}=1,984$ и $t_{\text{табл}2}=2,021$. Таким образом, в двух случаях $t_{\text{табл}} > t$. Следовательно, нулевая гипотеза не отвергается и обе выборки (в первых и вторых группах) относятся к одной генеральной совокупности, то есть они однородны для уровня достоверности 0,05 (вероятность 5 %) [3].

Далее были уточнены варьируемые (подлежащие изменению) и не варьируемые условия проведения эксперимента.

В качестве варьируемых условий эксперимента были предложены следующие:

- в экспериментальных группах основой для проведения занятий выступает профессионально-ориентированная технология обучения, а в контрольных группах – традиционные методы обучения, используемые ранее;
- в экспериментальных группах студенты имеют возможность провести текущий контроль уровня сформированности картографической компетентности с помощью тестов балльно-рейтинговой системы, а в контрольных группах такая возможность не предусмотрена;
- в экспериментальных группах студенты имеют вопросы для самоконтроля по каждому из разделов курса, а в контрольной группе нет;
- в экспериментальных группах студенты обеспечены технологической картой, позволяющей им самостоятельно сформировать ориентировочную основу своей деятельности и управлять познавательным процессом;

Таблица 1.

Показатели исходного уровня сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза

Группы	Количество учащихся	Недостаточный уровень		Достаточный уровень		Высокий уровень	
		Количество	%	Количество	%	Количество	%
1КГ	103	40	38,8	39	37,9	24	23,3
1ЭГ	90	37	41,1	35	38,9	18	20,0
2КГ	42	18	42,9	19	45,2	5	11,9
2ЭГ	39	19	48,7	15	38,5	5	12,8

– проведение в экспериментальных группах занятий на повышение мотивации к формированию картографической компетентности.

К неварьируемым условиям эксперимента отнесены:

- изучение одинаковой для контрольных и экспериментальных групп дозы учебной информации;
- постановка одинаковых диагностических задач, решаемых в ходе учебных занятий;
- одинаковое время длительности обучения;
- одинаковые формы и виды пред- и постэкспериментального контроля;
- один и тот же преподаватель в контрольных и экспериментальных группах.

На втором этапе осуществлялась апробация разработанной модели формирования картографической компетентности студентов вуза, в основе которой лежит проектирование профессионально-ориентированной технологии обучения. В ходе эксперимента обучение в контрольных группах проводилось с применением традиционных методик, а в экспериментальных – с использованием разработанной технологии обучения.

На каждом этапе сравнительного эксперимента проводился сбор эмпирического материала, его статистическая обработка и анализ полученных результатов. На завершающих этапах по разности результатов предварительного и итогового педагогического тестирования определялась сравнительная эффективность применения технологии, способствующей формированию картографической компетентности студентов вуза, и традиционной технологии обучения. В этом случае измерение и оценка дидактической эффективности с достаточной степенью достоверности производилась по количественно-качественным показателям учебного процесса путем обобщения и сравнения одних статистических данных с другими. Такими показателями выступали выбранные и обоснованные критерии, которые позволяют судить о результативности учебного процесса с применением модели формирования картографической компетентности студентов вуза.

При этом эффективность обучения на формирующем этапе опытно-экспериментальной работы (экспериментальные группы) сравнивалась с эффективностью обучения на ее констатирующем этапе (контрольные группы).

Третий этап включал выходное тестирование, анкетирование и экспертную оценку с целью определения достигнутого уровня сформированности картографической компетентности студентов, который должен соответствовать изначально заданным дидактическим целям.

Для проверки достигнутого уровня сформированности картографической компетентности были проведены замеры по трем критериям – когнитивному, деятельностному и мотивационному.

Чтобы определить уровень сформированности по когнитивному критерию, применялись итоговые тестовые задания (5 блоков по 10 вопросов). Максимальное количество баллов, которое возможно было набрать, – 50. Для каждого студента определялась доля выполненных

тестовых заданий:

$$\mu_1 = \frac{c_1}{n_1},$$

где c_1 – количество заданий, выполненных обучающимся, $n_1=50$ – общее количество заданий.

В таблице 2 и на рисунке 10 представлены результаты тестирования.

Таблица 2.

Результаты итогового тестирования по когнитивному критерию в контрольных и экспериментальных группах

группы	Количество баллов		
	0-0,33	0,34-0,66	0,67-1
1КГ	12 (11,7%)	58 (56,3%)	33 (32,0%)
1ЭГ	5 (5,5%)	35 (38,9%)	50 (55,6%)
2КГ	15 (35,7%)	18 (42,9%)	9 (21,4%)
2ЭГ	8 (20,5%)	12 (30,8%)	19 (48,7%)

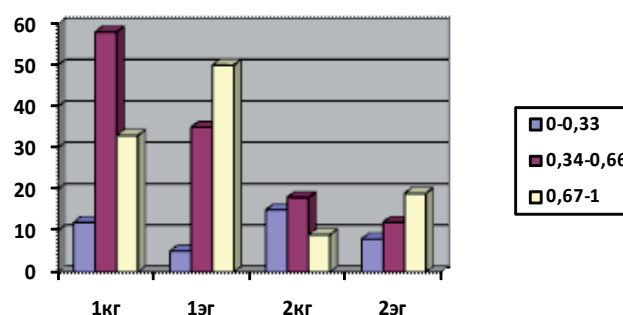

Рис. 10. Соотношение количества студентов после проведения формирующего этапа эксперимента (когнитивный критерий).

Для проверки уровня сформированности картографической компетентности по деятельностному критерию применялся метод экспертной оценки уровня сформированности умений (50 пунктов) по 9-ти балльной шкале. В качестве экспертов выступали сами студенты и преподаватели, ведущие смежные дисциплины. Для каждого обучающегося вычислялся средний балл из собственной оценки себя и оценок его преподавателями. Максимально возможное количество баллов – 450. Для каждого обучающегося определялась доля выполненных заданий:

$$\mu_2 = \frac{c_2}{n_2},$$

где c_2 – количество баллов, набранных каждым обучающимся, $n_2=450$ – максимально возможное количество баллов. Результаты представлены в таблице 3 и на рис. 11.

Таблица 3.

Результаты итоговой проверки по деятельностному критерию в контрольных и экспериментальных группах

группы	Количество баллов		
	0-0,33	0,34-0,66	0,67-1
1КГ	12 (11,7%)	48 (46,6%)	43 (41,7%)
1ЭГ	2 (2,2%)	35 (38,9%)	53 (58,9%)
2КГ	13 (31,0%)	16 (38,0%)	13 (31,0%)
2ЭГ	6 (15,4%)	13 (33,3%)	20 (51,3%)

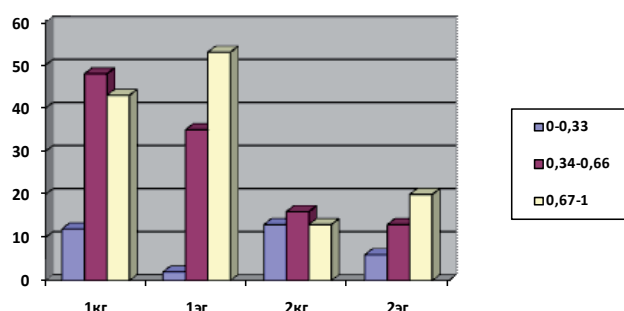

Рис. 11. Соотношение количества студентов после проведения формирующего этапа эксперимента (деятельностный критерий).

Для оценки мотивационного критерия студентам предлагались те же анкеты, что и для диагностики исходного уровня обученности. Расчеты производились по той же схеме.

Для каждого студента определялась доля набранных баллов:

$$\mu_3 = \frac{c_3}{n_3} + \frac{n_4}{n_4},$$

где c_3 – количество баллов, набранных студентом по 1-ой анкете, $n_3=40$ – максимально возможное количество баллов; c_4 – уровень мотивации студента, определяемый по второй анкете, $n_4=4$ – наивысший уровень мотивации. Результаты представлены в таблице 4 и на рис. 12.

Таблица 4.

Результаты итогового анкетирования по мотивационному критерию в контрольных и экспериментальных группах

группы	Количество баллов		
	0,7-1,14	1,15-1,54	1,55-1,95
1КГ	20 (19,4%)	36 (35,0%)	47 (45,6%)
1ЭГ	9 (10,0%)	25 (27,8%)	56 (62,2%)
2КГ	8 (19,0%)	16 (38,1%)	18 (42,9%)
2ЭГ	5 (12,8%)	10 (25,6%)	24 (61,5%)

Результаты проверки всех критериев сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза с помощью метода идеальной точки [2] были сведены к одному критерию. При осуществлении этого подхода подразумевается, что все три критерия являются значимыми для формирования картографической компетентности студентов вуза. Пусть $r = \sqrt{(\mu_{ид1} - \mu_1)^2 + (\mu_{ид2} - \mu_2)^2 + (\mu_{ид3} - \mu_3)^2}$ – расстояние, показывающее, насколько точка X удалена от точки $X_{ид}$. Чем меньше это расстояние, тем лучший результат получен в процессе обучения. Таким образом, уровень сформированности картографической компетентности каждого студента определяется числом r из промежутка $[0,13; 1,68]$. Соответственно, обучающийся имеет высокий уровень сформированности картографической компетентности, если $0,13 \leq r < 0,65$; достаточный – $0,65 \leq r < 1,17$; недостаточный – $1,17 \leq r \leq 1,68$.

Результаты определения достигнутого уровня сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза представлены в таблице 5.

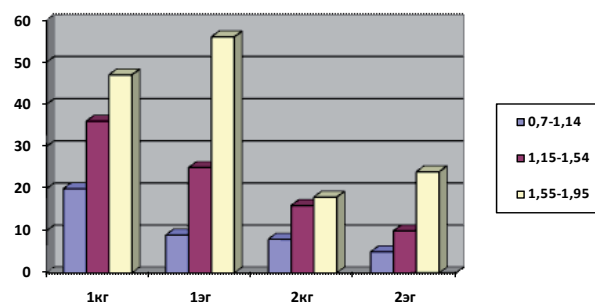

Рис. 12. Соотношение количества студентов после проведения формирующего этапа эксперимента (мотивационный критерий).

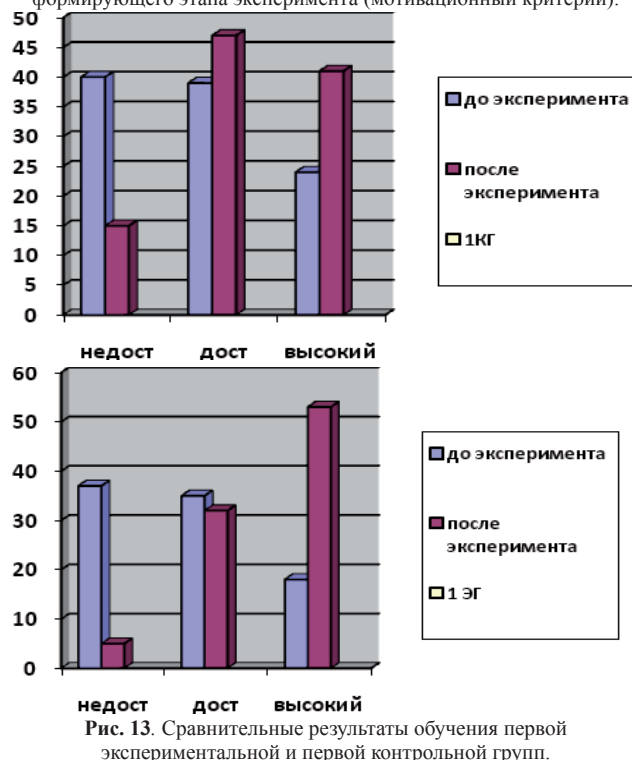

Рис. 13. Сравнительные результаты обучения первой экспериментальной и первой контрольной групп.

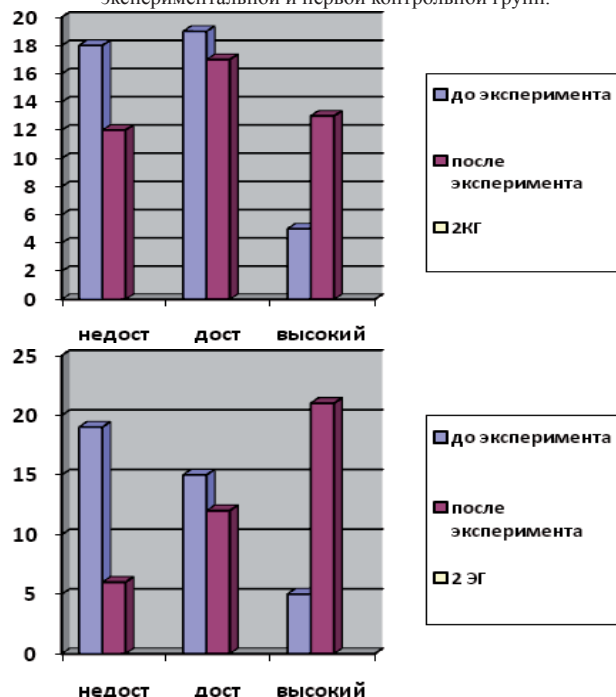

Рис. 14. Сравнительные результаты обучения второй экспериментальной и второй контрольной групп.

Таблица 5.

Показатели достигнутого уровня сформированности картографической компетентности студентов факультета естественных наук вуза

Группы	Количество учащихся	Недостаточный уровень		Достаточный уровень		Высокий уровень	
		Количество	%	Количество	%	Количество	%
1КГ	103	15	14,6	47	45,6	41	39,8
1ЭГ	90	5	5,5	32	35,6	53	58,9
2КГ	42	12	28,6	17	40,4	13	31,0
2ЭГ	39	6	15,4	12	30,8	21	53,8

Таблица 6.

Сравнительные результаты уровней сформированности картографической компетентности студентов вуза до и после проведения эксперимента

Группа	Кол-во студентов	Недостаточный уровень				Достаточный уровень				Высокий уровень			
		До		После		До		После		До		После	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1КГ	103	40	38,8	15	14,6	39	37,9	47	45,6	24	23,3	41	39,8
1ЭГ	90	37	41,1	5	5,5	35	38,9	32	35,6	18	20,0	53	58,9
2КГ	42	18	42,9	12	28,6	19	45,2	17	40,4	5	11,9	13	31,0
2ЭГ	39	19	48,7	6	15,4	15	38,5	12	30,8	5	12,8	21	53,8

Полученные результаты свидетельствуют о том, что разработанная модель формирования картографической компетентности эффективна при обучении студентов и дневного, и заочного отделений вуза.

После проведения экспериментального обучения было произведено сравнение его результатов. Полученные данные представлены в таблице 6.

Опираясь на данный вывод, по итогам изучения

студентами учебного материала было произведено сравнение результатов обучения (рис. 13, 14)

На основе анализа опытно-экспериментальной работы можно утверждать, что применение разработанной профессионально-ориентированной технологии обучения картографическим дисциплинам обеспечивает формирование картографической компетентности студентов вуза.

Библиографический список

1. *Ермолаев О.Ю.* Математическая статистика для психологов: Учебник. Под ред. Т.М. Марютиной. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2002.
2. *Козырева А.В.* Педагогические условия формирования информационной компетентности учащихся профильных классов средней школы: автореф. дис. ... к.п.н. Курск, 2010.
3. *Нейман Ю.М., Хлебников В.А.* Введение в теорию моделирования и параметризации педагогических тестов. М.: Прометей, 2000.
4. *Образцов П.И.* Методы и методология психолого-педагогического исследования. СПб.: Питер, 2004.

References

1. *Ermolayev O.Yu.* Mathematical Statistics for psychologists: manual / Ed. By T.M. Maryutina. M.: Moscow psychological and social institute: Flinta, 2002.
2. *Kozyreva A.V.* Pedagogical conditions for forming information competence of students of profile classes of schools: Author's abstract, Candidate dissertation in Pedagogics. Kursk, 2010.
3. *Neiman Yu. M.* Introduction to the theory of modeling and parametrization of pedagogical texts. M.: Prometei, 2000.
4. *Obratsov P.I.* Methods and methodology of the psychological and pedagogical investigation. St. Petersburg: Piter, 2003.

УДК: 378.14.026.9

УДК: 378.14.026.9

Т.И. СМАГИНА

T.I. SMAGINA

старший преподаватель кафедры романской филологии
Орловского государственного университета
E-mail: smagina.tat@mail.ru

Senior lecturer of the department of Romance philology,
Orel State University
E-mail: smagina.tat@mail.ru

**КОНТЕКСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ
БАКАЛАВРА-БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К РАЗВИВАЮЩЕМУ ОБУЧЕНИЮ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

**CONTEXT-OPERATING TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL READINESS OF A BACHELOR – A FUTURE TEACHER
FOR THE DEVELOPING TEACHING OF YOUNG SCHOOL-CHILDREN A FOREIGN LANGUAGE**

В статье рассматриваются оптимальные условия формирования готовности бакалавра по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профиль «Иностранный язык») к профессиональной деятельности в системе развивающего обучения. Дается обоснование необходимости реализации развивающего обучения студентов в вузе. Контекстно-деятельностная технология исследуется как способ формирования специальных компетенций, владение которыми определяет готовность бакалавра-будущего учителя к развивающему обучению младших школьников иностранному языку.

Ключевые слова: контекстно-деятельностная технология, активные методы обучения, развивающее обучение студентов, готовность учителя к развивающему обучению младших школьников, иностранный язык.

The article touches upon optimal conditions in the formation of readiness of a bachelor (Pedagogical Education, Foreign Languages) for his/her professional activities in the system of developing teaching. The article stresses the necessity to put into practice the developing teaching of students in a higher educational institution. The context-operating technology is used as a means to form special competences, the proper handling of which makes a bachelor – a future teacher ready to implement the developing teaching of young school-children a foreign language.

Keywords: context-operating technology, active methods of teaching, the developing teaching of students, the teacher's readiness to implement the developing teaching of young school-children, a foreign language.

В контексте изучения проблемы формирования готовности бакалавра по направлению «Педагогическое образование» к развивающему обучению (далее по тексту – РО) младших школьников иностранному языку нами было обосновано, что профессиональная компетентность учителя в системе развивающего обучения характеризуется высоким уровнем освоения психолого-педагогических и методических знаний по теории и практике развивающего обучения; высоким уровнем владения преподаваемой дисциплиной «иностранному языку»; владением обобщенными способами выполнения профессиональных действий по организации учебной деятельности младших школьников; способностью проектировать собственную педагогическую деятельность в учебно-воспитательном процессе; совокупностью профессионально-ценностных отношений (в том числе, к собственной деятельности и к учебной деятельности школьников); способностью к рефлексии своей профессиональной деятельности и ответственностью за ее результаты.

Основываясь на требованиях стандартов нового поколения (ФГОС ВПО и ФГОС НОО), на положениях концепции деятельностного подхода и на принципах РО мы пришли к выводу, что смыслообразующей функцией педагогической деятельности бакалавра –

будущего учителя иностранного языка – становится идея развития школьников в учебно-познавательной деятельности; и поскольку деятельность является связующим звеном между педагогическим воздействием и развитием ребенка, следовательно, дидактический процесс в вузе также необходимо строить как процесс деятельности, чтобы РО было таковым не только для школьников, но и для будущего учителя.

В связи с этим представляется целесообразным определение оптимальной с позиции деятельности и компетентностного подходов технологии развивающего обучения студентов в вузе.

Необходимо отметить, что при развивающем обучении в вузе меняется характер деятельности преподавателя и студента. Основными задачами преподавателя становятся включение студентов в педагогическую проблему, организация их самостоятельной поисковой деятельности и управление ею. Студенты овладевают способами усвоения знаний, способами мышления, т.е. учебно-познавательной деятельностью, которая приобретает активный, самостоятельный характер. При этом большую роль играют технологии обучения и их адаптация к новым целям и задачам профессиональной подготовки бакалавра к развивающему обучению младших школьников.

Изучение и обобщение исследований, посвященных разработке проблемы педагогических технологий (В.П. Беспалько, В.И. Боголюбов, Т.А. Ильина, М.В. Кларин, П.И. Образцов, Г.К. Селевко, А.И. Уман и др.), позволяет рассматривать педагогическую технологию не только как совокупность правил и соответствующих им педагогических приемов и способов воздействия на развитие, обучение и воспитание обучаемых, но и как элемент содержания профессиональной подготовки будущего учителя и способ ее организации; как систему, которая развивается в логике освоения задач будущей профессиональной деятельности; как способ активизации позиции студента в процессе формирования его готовности к РО младших школьников иностранному языку.

Студент-бакалавр состоит в будущем как профессионал, если в вузе его поставить в такие условия, в которых, овладевая своей профессиональной деятельностью, он будет способен осуществлять ее уже в процессе обучения. Следовательно, познавательная деятельность студентов должна быть адекватной их будущей профессиональной деятельности, т.е. должна воспроизводить в себе особенности той деятельности, к которой они готовятся. Это приводит к необходимости использования в учебном процессе технологий обучения, имитирующих будущую профессиональную деятельность. А это осуществимо при организации контекстного обучения. Контекстный подход (А.А. Вербицкий) позволяет создать условия взаимопроникновения учебной и профессиональной деятельности, т.е. предполагает обучение студентов через «погружение» в контекст профессиональной деятельности. Другими словами, в контекстном обучении с помощью системы дидактических форм, методов и средств моделируется предметное и социальное содержание будущей профессиональной деятельности учителя, а усвоение студентом знаний, приобретение умений, навыков и способов деятельности как бы накладывается на канву этой деятельности. Учение в данном случае выступает такой формой личностной активности, которая обеспечивает формирование и развитие необходимых предметно-профессиональных и социальных качеств личности будущего учителя.

Анализ подходов к высшему профессиональному педагогическому образованию показал, что компетентностный подход интегрирует принципы деятельностного подхода, т.к. компетентность проявляется непосредственно в деятельности и связана с постановкой и решением проблемных ситуаций и задач, а также контекстного подхода, позволяющего обеспечить «погружение» студентов в контекст профессиональной деятельности в процессе их обучения, что способствует формированию и развитию профессиональных компетенций, необходимых для реализации РО младших школьников иностранному языку.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным строить технологию РО студентов-бакалавров на основе трех названных подходов с учетом наиболее значимых для нашего исследования принципов:

- *обучение в сотрудничестве* (коммуникативная направленность, сотрудничество студентов в групповых формах взаимодействия, необходимость коллективного анализа учебных ситуаций и принятие совместных решений, взаимообучение в процессе коллективно-распределенной деятельности; роль преподавателя – консультант);

- *когнитивно-деятельностная основа обучения* (развитие учебно-познавательной деятельности, субъектности, интеллектуальных способностей, наблюдательности, критического мышления, общепедагогических умений, таких как: прогностические, аналитико-диагностические, конструктивные, организаторские, коммуникативные, когнитивные, рефлексивные, учебно-исследовательские и др.);

- *использование активных методов обучения* (направленность на формирование умений и навыков коллективно-распределенной деятельности; на развитие креативного мышления, поисковой деятельности и навыков разрешения реальных и моделируемых проблемных ситуаций).

Таким образом, основываясь на выделенных подходах и принципах, контекстно-деятельностную технологию развивающего обучения студентов рассматриваем как составную часть и способ организации содержания профессиональной подготовки бакалавра-будущего учителя, как способ активизации его «квазипрофессиональной» деятельности и личностной позиции в процессе формирования готовности к РО младших школьников иностранному языку.

Контекстно-деятельностная технология была апробирована в экспериментальном обучении студентов факультета иностранных языков ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» в течение седьмого семестра в процессе преподавания курса «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку».

Согласно ФГОС ВПО в основной образовательной программе бакалавриата по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» (профиль «Иностранный язык») курс «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку» может быть отнесен к вариативной части базового блока Б.1 (Гуманитарный, социальный и экономический цикл) и является дисциплиной по выбору. В то же время по своему фактологическому и проблемному содержанию он неразрывно связан с дисциплинами базовой (обязательной) части профессионального цикла Б.3: «Психология», «Педагогика», «Методика обучения иностранному языку». Однако в сложившейся системе подготовки бакалавров формирование знаний и умений студентов по организации учебной деятельности младших школьников в системе развивающего обучения не нашло должного места и представлено в содержании изучаемых дисциплин фрагментарно и непоследовательно. Проблема развивающего обучения иностранному языку практически не затрагивается, к тому же она не отражена в учебниках по названным дисциплинам. Курс является необходимым связующим звеном между этими дисциплинами, выполняет интегрирующую и координирующую функцию.

нирующую функции подготовки студентов к развивающему обучению младших школьников иностранному языку, не только дает теоретические знания, но и формирует практические умения студентов в ходе выполнения аудиторных практических заданий и во время педагогической практики. Курс вносит непосредственный вклад в подготовку бакалавров тем, что способствует формированию тех же компетенций, обозначенных в ФГОС ВПО (раздел V), что и указанные дисциплины блоков Б.1 и Б.3, а также специальных компетенций, разработанных автором программы курса, как необходимых выпускнику для реализации РО младших школьников иностранному языку.

Требования к усвоению содержания курса «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку» представлены нами как достижения ожидаемых результатов профессиональной подготовки в разделе программы «Студент должен знать / уметь».

В результате освоения содержания дисциплины студент должен **знать:**

современную стратегию образования; основные идеи и понятия, характеризующие учебно-познавательную деятельность в современной школе; требования к подготовке учителя-профессионала в контексте современной парадигмы образования; современные образовательные технологии; концепции развивающего обучения; формы педагогического воздействия на познавательную деятельность учащихся; педагогический аспект проектирования учебного процесса, связанный с выбором методов, форм, средств обучения, затрагивающих мотивационную, эмоциональную, когнитивную и творческую сферы личности каждого ученика; психолого-педагогические особенности младших школьников; психолого-педагогические особенности формирования учебной деятельности у младших школьников; содержание учебного предмета «иностраный язык» и логику развертывания предметного материала в парадигме развивающего обучения; систему учебных задач в предметном содержании; структуру учебной деятельности в условиях развивающего обучения и формы ее организации; содержание понятия «общеучебные умения» (или УУД – универсальные учебные действия), виды УУД, обобщенные планы и условия формирования УУД; структуру уроков в парадигме развивающего обучения и методику их организации.

Студент по окончании курса должен **уметь:**

управлять своим морально-психологическим состоянием в различных ситуациях; выстраивать учебный материал по предмету в соответствии с логикой учебной деятельности и требованиями к структуре уроков в системе развивающего обучения; организовывать учебную деятельность младших школьников на этапах постановки и решения учебной задачи, решения частных задач; формировать общеучебные умения (УУД) у младших школьников; выделять критерии оценки сформированности общеучебных умений (УУД) у младших школьников; организовывать и вести учебный диалог (полилог), учебную дискуссию; организо-

вывать учебное сотрудничество в соответствии с компонентами учебной деятельности; осуществлять субъект-субъектные отношения в учебном процессе; корректировать собственную деятельность в процессе организации учебной деятельности школьников; осуществлять рефлексию собственной педагогической деятельности.

Достижения ожидаемых результатов рассматриваются нами как сформированные специальные компетенции, определяющие готовность бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников иностранному языку.

Формы работы планируются с учетом принципов, обозначенных в данной статье: обучение в сотрудничестве, когнитивно-деятельностная основа обучения, использование активных методов обучения.

Лекционные занятия проводятся в интерактивной (диалоговой) форме, с элементами коллективно-распределенной деятельности студентов в творческих группах (в том числе с использованием ноутбуков для работы в группах над отдельными фрагментами лекции). Студентам предлагаются заранее заготовленные преподавателем тезисы фрагментов лекций, что дает возможность более плотной подачи материала и оставляет время для обсуждения в группах наиболее важных положений содержания темы, для выработки коллективного или индивидуального суждения по конкретным вопросам, для конструктивного учебного диалога преподавателя и студентов. Кроме того, студентам предлагается глоссарий к каждой изучаемой теме, а также контрольные вопросы для устного обсуждения в аудитории на текущем занятии или для домашней подготовки к промежуточному и итоговому тестированию.

В конце каждого лекционного занятия студенты получают контрольные вопросы по содержанию данной лекции, прорабатывают материал дома, чтобы ответить на них на следующем занятии. В начале каждой следующей лекции осуществляется входной контроль (5-10 минут) по усвоению студентами основного содержания предыдущей лекции. Студенты заранее не знают, будет проходить контроль в устной или письменной форме. Устный опрос проходит в быстром темпе, каждый из студентов готов быть опрошенным, т.к. преподаватель держит всех в поле зрения, постоянно меняет тактику, изменяя формулировку вопроса, например, «ответьте, пожалуйста, Вы», «не могли бы Вы дополнить ...», «а как считаете Вы?», «Вы согласны с мнением студента Н. ...?» и т.д. Письменный опрос проводится, как правило, в форме тестирования по тем же вопросам, но обязательно на множественный выбор ответов.

На аудиторных практических (семинарских) занятиях закрепляются теоретические знания, изложенные в лекциях, через практическую учебно-познавательную деятельность студентов. Занятия проводятся в активных формах: дискуссия, викторина, круглый стол, деловая игра, обсуждение проблемных вопросов в группах с последующим анализом решенной проблемы перед всеми студентами.

Наибольший интерес представляет деловая игра: она

имеет прямую профессиональную направленность, поскольку строится, как правило, по принципам контекстного обучения, сформулированным А.А. Вербицким. Деловая игра является эффективным средством формирования профессиональных умений и практических навыков, т.к. характеризуется многоплановостью, комплексным характером, обеспечивающим синхронное решение учебных и моделируемых профессиональных задач, а также приобретение опыта решения этих задач в нестандартных ситуациях. Данная форма работы создает условия для глубокого усвоения учебного материала на основе активизации учебной деятельности студентов, способствует развитию мотивации их познавательной деятельности, креативности, осознанию своих актуальных и потенциальных возможностей.

Семинарские и практические занятия, построенные на основе активных методов обучения, способствуют развитию у студентов самостоятельности в принятии решений, ответственности за свою деятельность и работу всего коллектива, культуры общения и других качеств, необходимых будущему учителю в системе РО.

Самостоятельная работа студентов осуществляется в форме подготовки докладов, рефератов; ознакомления с дополнительными материалами, предложенными преподавателем для индивидуального самостоятельного изучения дома и творческого представления их в наглядной форме на следующем занятии; выполнения творческих домашних заданий в малых группах (в том числе схем, таблиц и диаграмм по содержанию курса для демонстрации посредством проектора для всех студентов в аудитории). При подготовке докладов, рефератов, курсовых квалификационных работ используются компьютерные и Интернет-технологии. На итоговом занятии студентам предлагается написать эссе, в котором они выражают свое отношение к развивающему обучению, высказывают пожелания и замечания по содержанию и организации изученного курса «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку».

Закрепление практических навыков студентов осуществляется в ходе педагогической практики, которая согласно учебному плану факультета состоится в восьмом семестре, т.е. после прохождения названного курса. По форме, разработанной вместе с преподавателем на практических занятиях, студенты выполняют наблюдение за уроком иностранного языка в начальной школе с точки зрения совокупности целей, содержания, средств и методов организации развивающего обучения, оценивают, был ли урок проведен по системе развивающего или традиционного обучения, а также сами проводят уроки иностранного языка во 2-4-х классах, опираясь на приобретенные в ходе изучения курса знания, умения, навыки организации учебно-познавательной деятельности.

Напомним, что достижение ожидаемых результатов усвоения содержания курса, заложенных в программе как требования к студенту («знать», «уметь»), рассматриваются нами как сформированные специальные компетенции, определяющие готовность бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников

иностранному языку. Необходимость диагностирования динамики становления компетенций требует осуществления систематического контроля, при этом используются различные его виды: текущий, промежуточный, итоговый, взаимоконтроль и самоконтроль. Контроль со стороны преподавателя осуществляется по рейтинговой системе оценивания. Система рейтингового контроля практически снимает вопрос о необходимости зачета, т.к. складывается достаточно полная и всесторонняя оценка не только уровня усвоенных по предмету знаний, но и уровня владения обобщенными способами выполнения профессиональных действий по организации учебно-познавательной деятельности младших школьников, уровня способности проектировать собственную педагогическую деятельность. Тем не менее, зачет проводится. Отведенное для него время используется для итогового тестирования с целью выявления эффективности проведенного курса, а также с целью дать дополнительную возможность студентам, желающим повысить свою итоговую оценку, осуществить добор баллов за счет выполнения письменных работ или тестов по темам, которые были ими пропущены или по которым был получен низкий балл.

Для осуществления контроля разработаны разноуровневые задания: терминологические диктанты, письменные экспресс-опросы, микроисследования, практические разработки, творческие работы по актуальным проблемам. Текущий контроль осуществляется на каждом занятии: на лекциях – 5-10 минутные фронтальные беседы или тестовые опросы: на выбор одного ответа, на множественный выбор ответов, на выбор правильного решения педагогической задачи по материалам предыдущей лекции и др.

Постепенно контроль преподавателя способствует формированию у студентов навыков самоконтроля и взаимоконтроля, что несет в себе огромный воспитательный и образовательный потенциал.

Обобщение результатов экспериментального обучения студентов в процессе преподавания курса «Развивающее обучение младших школьников иностранному языку» свидетельствует о том, что контекстно-деятельностная технология носит продуктивный характер, позволяет более эффективно, чем традиционные технологии, организовать учебный процесс, значительно увеличить плотность подачи и объем усвоения студентами учебного материала, существенно повысить результаты обучения, способствует эффективному формированию специальных компетенций, определяющих готовность бакалавра – будущего учителя к РО младших школьников иностранному языку.

Таким образом, процесс формирования профессиональной готовности бакалавра по направлению «Педагогическое образование» (профиль «Иностранный язык») целесообразно, по нашему мнению, строить как развивающее вузовское обучение на основе интеграции компетентностного, деятельностного и контекстного подходов, а также на основе контекстно-деятельностной технологии, базирующейся на активных методах обучения.

Библиографический список

1. Бубнова С.Ю. Практика организации контроля качества профессиональной подготовки студентов в вузе. Ученые записки Орловского государственного университета. Орел: Изд-во ОГУ, 2013. №2 (52). С. 282-285.
2. Вербицкий А.А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. Методическое пособие. М.: Высшая школа, 1991.
3. Образцов П.И. Научно-методические основы проектирования и конструирования критериально-ориентированных педагогических тестов. Ученые записки Орловского государственного университета. Орел: Изд-во ОГУ, 2013. №2 (52). С. 314-320.
4. Технологии подготовки специалистов в системе профессионального образования. Монография // Под ред. П.И. Образцова. Орел: ОГУ, 2011. 338 с.

References

1. Bubnova S.U. The Practical organization of a quality control in the professional training of university students. – Scientific Notes of Orel State University. Orel, 2013. V. 2. No. 52. Pp. 282 – 285.
2. Verbitskiy A.A. Active teaching in a higher school: Context approach. – A manual. M.: Vysshaya Shkola, 1991.
3. Obraztsov P.I. Scientific and Methodological Bases of Projecting and Constructing Criterion-Oriented Pedagogical Tests. - Scientific Notes of Orel State University. Orel, 2013. V. 2 No. 52. Pp. 314-320.
4. The Technology of Training specialists in the system of professional education. – A monograph. / P.I. Obraztsov (ed.). Orel: Orel State University, 2011. 338 p.

УДК [61:796.011.1:13]-053.8

UDC [61:796.011.1:13]-053.8

Л.А. СЫСОВЕВА

кандидат биологических наук, доцент Орловского государственного университета
E-mail: ogu-fk@ya.ru

А.С. НОСКОВА

тренер фитнес-центра «Новое время»
E-mail: a.s.noskova@yandex.ru

L.A. SYSOEVA

candidate of Biological sciences, associate professor, Orel State University
E-mail: ogu-fk@ya.ru

A.C. NOSKOVA

coach salon "New Time"
E-mail: a.s.noskova@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

MODERN PROBLEMS OF FORMATION OF PHYSICAL-HEALTH-IMPROVING TECHNOLOGY FOR ADULTS

В статье обосновывается необходимость формирования физкультурно-оздоровительных технологий для взрослых с учетом понимания категории «здоровье» согласно Уставу ВОЗ. Актуализирована необходимость формирования физкультурно-оздоровительных технологий в рамках современной научной парадигмы.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительная технология, взрослый человек, физическое здоровье, психическое здоровье, социальное здоровье, постиндустриальная парадигма.

The article substantiates the necessity of formation of physical-health-improving technology for adults with the understanding category of «health» in accordance with the WHO Constitution. The necessity of formation of physical-health-improving technology within the framework of the modern scientific paradigm was actualized.

Keywords: physical-health-improving technology, adult, physical health, mental health, social health, post-industrial paradigm.

Двигательная активность является необходимым условием поддержания нормального функционального состояния человека. Тренировка в физкультурно-оздоровительном режиме преследует цель оздоровления. Основным ее методом является использование разного характера и направленности двигательной деятельности как средства для повышения и сохранения высокого уровня функционального состояния человека. Развитие функциональных качеств обеспечивается согласованной деятель-

ностью нервной, эндокринной и иммунной систем. Количественным показателем достижения цели считается устойчивая долговременная адаптация к физическим нагрузкам. Качественным показателем является субъективная оценка и ощущение хорошего самочувствия, осанки, большей устойчивости эмоциональной, психической и физической [6].

Таким образом, главной сущностной и целевой характеристикой физкультурно-оздоровительной тех-

нологии (ФОТ) является обеспечение физического здоровья человека. Т.е. состояния организма человека, характеризующегося возможностями адаптироваться к различным факторам среды обитания, уровнем физического развития, физической и функциональной подготовленностью организма к выполнению физических нагрузок [5, с.71].

Однако, категория «здоровье» не ограничивается только физическими характеристиками. Это системное и человекомерное понятие. Согласно Уставу ВОЗ здоровье – «это не отсутствие болезни как таковой или физических недостатков, а состояние полного физического, душевного и социального благополучия» [10]. Академик В. П. Казначеев дает определение, согласно которому здоровье индивида «есть динамическое состояние, процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни» [1]. Т.е. в современной науке категория физического здоровья может рассматриваться только в контексте психологического и социального здоровья.

Вот здесь и возникает вопрос. Если проблемы профилактики здоровья, укрепления защитных сил организма и лечение болезней с давних пор находятся в предметном поле научных исследований о человеке, то современные представления о сущности и путях обеспечения здоровья, связанного с психологическим и социальным уровнем, пока еще далеки от однозначной научной ясности и в целом признаются дискуссионными. Такое положение дел обусловлено сложной организацией психического и социального мира человека, а также относительно недавним включением данных уровней в сугубо научную сферу исследования здоровья человека [5, с.47].

Вопросы здоровья, относящиеся к психологическому уровню, связаны с личностным контекстом рассмотрения индивида, в рамках которого он предстает как психическое целое. Личность на всем протяжении жизни подвергается временным и стойким изменениям различного рода. Чем более гармонично соединены все существенные свойства, составляющие личность, тем она более устойчива, уравновешена и способна противодействовать влияниям, стремящимся нарушить ее цельность [2].

Современная официальная медицина относит к числу психосоматических, т. е. берущих начало в психической дисгармонии, примерно 80% всех заболеваний. Древневосточная (прежде всего индийская и китайская) медицина, чей уникальный опыт в настоящее время все чаще переносится в практику западных стран, исходит из следующего кардинального тезиса: духовное здоровье есть главная основа здорового тела; в основе здоровой психики лежит равновесие духа, которое в сочетании со здоровьем тела надо ценить и охранять превыше всего. Активное содействие человеку в достижении гармонии психического и телесного здоровья как раз и является одной из главных задач, которую ставит перед наукой современное общество, в

т.ч. и через реализацию различного рода ФОТ.

Современные западные психологи считают, что самоуважение и степень выраженности тревожности относятся к самым информативным показателям психического здоровья. Позитивно настроенные люди, которые имеют ясные цели в жизни и, соответственно, не склонны мучить себя вечными сомнениями, неуверенностью, дурными предчувствиями и пессимизмом, имеют хорошие перспективы на укрепление и поддержание собственного здоровья [4, с.92].

Но самым важным из известных критериев психического здоровья человека, по мнению российских специалистов, является психическое равновесие [5], т.к. с его помощью можно судить о характере функционирования психической сферы человека с различных сторон (познавательной, эмоциональной, волевой), более того, этот критерий органично связан с гармоничностью организации психики и ее адаптивными возможностями. Для психически здорового человека неприемлемы идеи заброшенности, одиночества, пессимистические настроения. Он обладает достаточным запасом жизненных сил, позволяющих ему поддерживать духовную бодрость и придерживаться оптимистических идеалов [8].

Здоровый человек – это человек гармоничный. В общем смысле под гармонией понимается согласованность, стройность в сочетании. Известный немецкий ученый Р. Вирхов сделал следующее пояснение: «мы можем вместо слова «гармония» сказать равновесие, а вместо «дисгармония» – нарушение равновесия» [3, с.275]. Соответственно аномалии в развитии личности наиболее ярко заявляют о себе в проявлениях ее дисгармонии, утрате равновесия с социальным окружением – в нарушении процессов социальной адаптации. Уравновешенность человека и адекватность его реакций на внешние воздействия имеют большое значение в плане разграничения нормы и патологии. У неуравновешенного, неустойчивого человека фактически нарушено равновесие, гармоничное взаимодействие между свойствами, лежащими в основе его личностного статуса. И, наоборот, только у психически здорового, т. е. уравновешенного, человека мы наблюдаем проявления относительного постоянства поведения и адекватности его внешним условиям.

Уровень социального здоровья, как и два предыдущих, имеет свою специфику рассмотрения. Здесь основной акцент делается на полноценном выполнении человеком своих социальных функций. Соответственно социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества. Среди факторов, оказывающих особенно заметное влияние на состояние социального здоровья, ведущая роль отводится профессиональной деятельности и семейным отношениям.

Среди других факторов социального уровня, оказывающих влияние на здоровье человека, следует отметить умение оберегать и поддерживать контакты с друзьями, не замыкаясь на себе, и умение налаживать в целом социальные связи, хорошие взаимоотношения с другими людьми. Наконец, это вдумчиво организо-

ванный, разносторонний, познавательный и эмоционально насыщенный досуг с разумной оздоровительной практикой.

К сожалению, на сегодняшний день общая методика формирования ФОТ для взрослых людей включает в себя работу исключительно над одним аспектом человеческого здоровья – физическим. В общих чертах методологию построения ФОТ можно разделить на 3 части [7].

Первая часть – подготовительная. Включает в себя диагностику или определение исходного (этапного) уровня занимающихся, а также проектирование. Диагностика проводится при помощи тестирования двигательной подготовленности человека. На практике для многомерной оценки общего состояния занимающегося и состояния его основных двигательных качеств обычно используются комплексы тестов. Полученные результаты могут оцениваться несколькими способами: 1) расчет интегральной оценки – т.е. результаты самых разных тестов приводятся к единой системе и выражаются в баллах, условных коэффициентах; 2) рассмотрение прироста результатов; 3) сравнение абсолютных величин с научно обоснованными нормами и модельными характеристиками (именно эти показатели должны определять необходимый и достаточный уровень развития двигательных качеств).

Проектирование заключается в подборе стратегии (целей) занятий, которая подразумевает четкую иерархию целей. Цель определяет объем, интенсивность, направленность, специализацию занятий. Уровень начальной физической нагрузки, ее динамика, качественная и количественная направленность, цели занятия, используемые в методике и средствах тренировки ограничения – все эти аспекты базируются на результатах тестирования.

Цели физической тренировки имеют различный характер и длительность, но в любом случае они относятся к 4 направлениям: восстановление, сохранение, развитие, поддержание достигнутого уровня подготовленности.

Первый этап – восстановительный – имеет своей задачей восстановление уровня физической подготовленности до какой-либо нормативной или средней по выборке величины. На данном этапе целесообразно постепенно увеличивать объем физических нагрузок при сохранении постоянной интенсивности занятий.

Второй этап – сохранение – имеет своей задачей сохранение уровня физического состояния, т.е. достигнутые показатели не изменяются и темпы тренировок тоже.

Третий этап – развитие – ставит задачу дальнейшего повышения уровня физической подготовленности. На данном этапе постепенно увеличивается интенсивность нагрузки при сохранении или периодическом, не-

значительном увеличении достигнутых ранее объемов.

Четвертый этап – поддержание – имеет задачей поддержание относительно высокого уровня физической подготовленности. На этом этапе методы развития основных двигательных качеств комбинируются и чередуются при сохранении достигнутых ранее средних объемов и среднего уровня интенсивности нагрузки.

Задачи данных этапов лежат в основе четырех стратегий оздоровительной тренировки и одновременно согласуются с характеристиками четырех групп двигательных режимов: реабилитационным, общей физической подготовки, тренировочным и режимом поддержания спортивного долголетия [7].

Вторая часть включает в себя непосредственно реализацию технологии на практике, оперативное управление ею и контроль. Методическая часть любого из предусмотренных ФОТ занятий базируется на основных педагогических принципах, содержит описание методики в процентных соотношениях объемов нагрузки и отдыха в определенном цикле занятий, периодичность и степень обновления упражнений, конкретные примеры занятий и комплексов. Управление процессом реализации ФОТ подразумевает в первую очередь контроль за уровнем физической нагрузки и реакцией организма занимающихся на нее. Реализуется в основном через проведение педагогических наблюдений (контроля), хронометража занятий и т.п.

Третья часть – заключительная. Она реализует механизм обратной связи ФОТ и заключается в аналитической и корректировочной деятельности. Данная часть является основным способом определения эффективности/неэффективности занятий, что в свою очередь позволяет вносить продуктивные изменения в ФОТ.

Таким образом, современная теория и методика физической культуры рассматривает ФОТ как систему и позволяет формировать ее с учетом всех системных требований и характеристик. Однако, направленность ФОТ для людей зрелого возраста с ее усредненными нормативами без учета индивидуальных психологических и социальных аспектов здоровья занимающихся, с ее редуцированным пониманием управления процессами и редуцированными целями ее реализации делает невозможным применение данной методики формирования ФОТ на современном этапе развития общества – постиндустрии.

Из вышесказанного следует, что для формирования ФОТ, отвечающей современным цивилизационным требованиям, необходим фундамент – формулировка общих принципов формирования ФОТ для взрослых. Именно рассмотрение процессов в контексте современной научной парадигмы определит сущностные характеристики предмета и методы исследования.

Библиографический список

1. Казначеев В.П., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Донозологическая диагностика в практике массовых обследований населения. Л.: Медицина, 1980.
2. Корсаков С.С. Курс психиатрии. М.: Типо-литография В.Рихтера, 1901. Т.1-2.
3. Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ТЦ «Сфера», 2001.

4. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. Калуга: Духовное познание, 1994.
5. Ниємеля П. Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982.
6. Покровский В.М. Физиология человека. М.: Медицина, 1997.
7. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физического воспитания и спорта. М.: ИЦ «Академия», 2000.
8. Кривошеков С.Г., Диверт Г.М. Принципы физиологической регуляции функций организма при незавершенной адаптации. Физиология человека 2001; Т.27. №1: С.127-130.
9. URL: <http://www.who.int/>

References

1. Kaznacheev V.P., Baevskij R.M., Berseneva A.P. Prenosological diagnostics in the practice of mass surveys. L.: Medicina, 1980.
2. Korsakov S.S. The course of psychiatry. M.: Tipo-litografiya V.Rihtera, 1901. Vol.1-2.
3. Kulagina I.YU., Kolyuckij V.N. Age psychology: The complete life cycle of human development: a manual for students. M.: TTs «Sfera», 2001.
4. Livexud B. The crises of life - the chances of life. Kaluga: Duhovnoe poznanie, 1994.
5. Niemelya P. Problems of personality psychology. M.: Nauka, 1982.
6. Pokrovskij V.M. Human Physiology. M.: Medicina, 1997.
7. Holodov ZH.K., Kuznecov V.S. Theory and Methodology of Physical Education and Sports. M.: IC «Akademiya», 2000.
8. Krivoshhyokov S.G., Divert G.M. Principles of physiological regulation of body functions in incomplete adaptation. Human Physiology 2001; Vol.27. №1: Pp.127-130.
9. URL: <http://www.who.int/>

УДК 51:004.738.5

UDC 51:004.738.5

М.Н. УВАРОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры математики Орловского государственного аграрного университета

E-mail: uvarovamn@mail.ru

Т.А. ПАВЛОВА

кандидат технических наук, доцент кафедры математики Орловского государственного аграрного университета

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

M.N. UVAROVA

candidate of Economic Sciences, associate professor of mathematics, Orel State Agrarian University

E-mail: uvarovamn@mail.ru

T.A. PAVLOVA

candidate of Technical Sciences, associate professor of mathematics, Orel State Agrarian University

E-mail: pavlova-tatyana@mail.ru

ИНТЕРНЕТ-ТЕСТИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТА

INTERNET TESTING AS MEANS OF PREPARATION OF THE EXPERT

В статье рассматривается проблема подготовки студентов к успешному прохождению интернет-тестирования. Анализируются его результаты. Предлагаются пути решения названных проблем и общая стратегия для успешного прохождения тестирования. Приведены сравнительные результаты итоговых тестирований последних лет.

Ключевые слова: интернет-тестирование, интернет-экзамен, оценка знаний, контроль знаний, самоконтроль.

In the article the problem of preparation of students to successful passing of Internet testing is considered. Its results are analyzed. Solutions of the named problems and the general strategy for successful passing of testing are offered. Comparative results of total testings of the last years are given.

Keywords: Internet testing, Internet examination, assessment of knowledge, control of knowledge, self-checking.

В современной ситуации для повышения качества обучения и обеспечения условий для прогнозирования потребности в специалистах российские вузы нуждаются в эффективном управлении и планировании своей деятельности. В связи с этим все большего развития достигает процесс информатизации общества, процесс

ускоренной автоматизации всех сфер и отраслей производства и управления, что приводит к предъявлению высоких требований к качеству подготовки специалиста, их профессионализму, наличию творческого отношения к своей профессиональной деятельности.

Всестороннее использование информационных

технологий в самых различных сферах деятельности человека диктует целесообразность ознакомления уже на ранних этапах обучения. Одним из таких методов является компьютерное тестирование, в частности интернет-тестирование, позволяющее на различных стадиях обучения контролировать процесс усвоения материала. Это целесообразно еще и потому, что при изучении математики часто возникает психологический барьер, препятствующий пониманию и усвоению материала, обусловленный недостаточно развитым абстрактным мышлением и логическим воображением. Но в связи с интенсивным развитием компьютерной техники и внедрением новых информационных технологий в образовательный процесс появляются широкие возможности решения многих проблем математического образования, в том числе повышения его качества:

а) средства компьютерного моделирования и мультимедиа позволяют наглядно демонстрировать достижения математики, ее значимость на современном этапе развития, эффективно стимулировать познавательный интерес к математике;

б) сопровождение занятий имитационными моделями и интерактивными иллюстрациями значительно облегчает и углубляет проникновение в сущность математических понятий;

в) учебно-методические комплексы, включающие обучение и контролирующие программы, предоставляют возможность для организации самостоятельной работы студентов, с их помощью можно организовать изучение различных разделов математики в соответствии с пожеланиями и наклонностями обучающихся;

г) средства компьютерного тестирования позволяют осуществлять контроль знаний и умений студентов на всех этапах учебного процесса, следить за их развитием и при этом значительно экономить время преподавателя;

д) обучающие программы дают возможность наглядно работать с большим объемом данных и логическими связями между данными, они могут послужить основой для построения новых траекторий учебного процесса, исключая последовательное «линейное» усвоение материала и включающих многообразие межпредметных связей и междисциплинарных вопросов и проблем.

Учебный процесс должен характеризоваться ориентированностью на общественные потребности, обуславливаться экономическими отношениями, а также состоянием техники, науки и педагогическими подходами к осуществлению этого процесса.

При формировании профессиональной направленности весь учебный процесс необходимо построить таким образом, чтобы будущие специалисты могли имитировать профессиональную деятельность с использованием полученных знаний, умений и навыков на различных этапах подготовки. Вот почему целесообразно внедрение в образовательный процесс разнообразных педагогических технологий, в том числе информационных, усиление межпредметных связей, использование современных достижений науки.

В целях объективной оценки полученных студентами знаний в университете регулярно проводится Интернет-тестирование, что позволяет провести объективную проверку уровня освоения дисциплин студентами, дает возможность сравнить с другими вузами, позволяет проанализировать результаты освоения дисциплин на уровне дидактических единиц, приводит к минимизации средств для получения статистических данных [1]. Предложенные тесты охватывают весь изучаемый курс математики и включают следующие разделы: линейная и векторная алгебра, аналитическая геометрия, предел и производная функции, неопределенный и определенный интеграл, ряды, дифференциальные уравнения, теория вероятностей, математическая статистика и экономические задачи. Первоначально наибольшее затруднение у студентов вызывали прикладные задачи в связи с тем, что на изучение данных тем отводился минимальное число часов или эти темы предлагались для самостоятельного изучения. Ряд задач, предложенных в тестах в связи с уменьшением числа часов, рассматриваются в других дисциплинах (например, вопросы, связанные с математической статистикой, транспортная задача, симплекс-метод). В связи с этим были проведены дополнительные занятия, на которых были рассмотрены указанные тесты и выявлены основные моменты, на которые нужно обратить внимание. Студентам предлагалось пройти самостоятельно, в удобное для них время, тестирование в режиме самоконтроля. Количество попыток не ограничивалось. В тех группах, где студенты ответственно подходили к этому вопросу, процент правильно решенных заданий выше и колеблется от 25 до 38% (это связано с тем, что повторно проходят тестирование только студенты, которые хорошо успевают). Результаты 2010-2011 г.г. показывают, что число студентов, принявших участие в сеансе тестирования, изменяется от 4 до 18 (рис. 1).

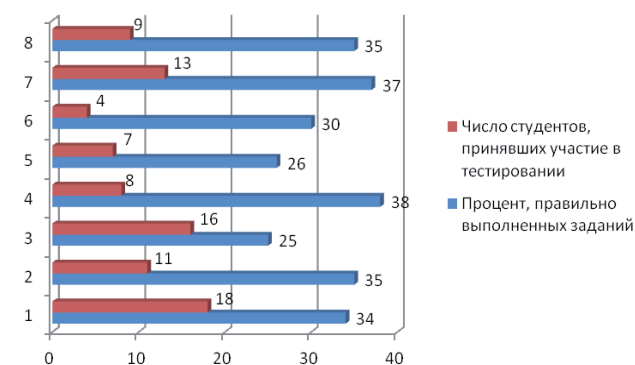

Рис.1. Результаты тестирования студентов в 2010-2011 гг.

Оценивая предыдущие результаты, на кафедре было принято решение о проведении регулярного тестирования как в конце семестра так и после изучения всего курса. Поскольку тестирование студентов проводится не в первый раз, преподавателями кафедры математики было разработано методическое пособие для подготовки к интернет-экзамену [2], которое предназначено

в помощь студентам при самостоятельной подготовке к тестированию и позволяет систематизировать знания, полученные при изучении курса математики в вузе.

Перед проведением контрольного тестирования студенты заходят на сайт www.i-exam.ru и в режиме самоконтроля проходят тестирование. Данные меры помогают выявить те вопросы, на которые студенты затрудняются ответить (иногда проблема состоит в формулировке вопроса). Тестирование среди студентов 2-го курса экономического факультета показывает, что число студентов в группе, прошедших тестирование, возросло с 11 до 26 человек. Процент правильно выполненных заданий тоже возрос с 21 до 40% (рис. 2).

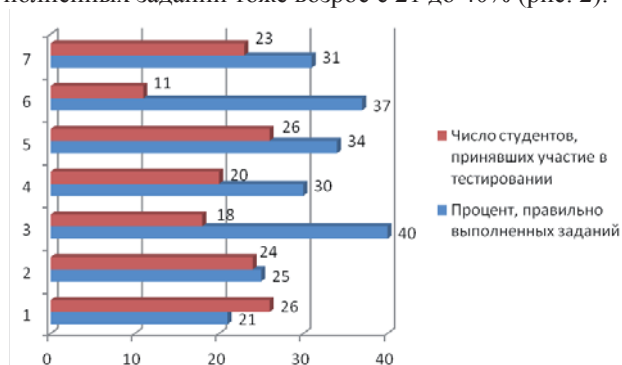

Рис.2. Результаты тестирования студентов в 2012 г.

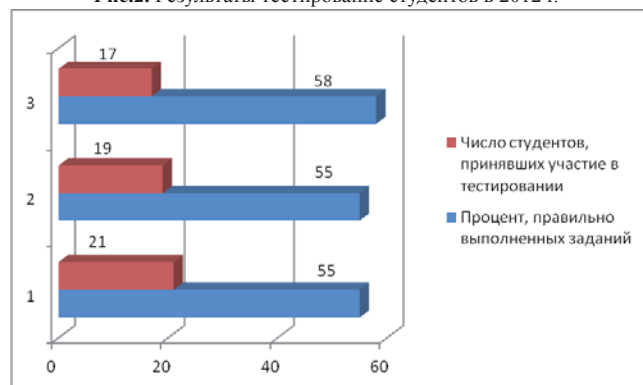

Рис. 3. Результаты тестирования специальности «Бакалавры менеджмента» по теме «Линейная и векторная алгебра».

Лучших результатов можно достичь, если проводить тестирование после каждой пройденной темы (рис. 3). Так, например, студентам специальности «Бакалавры менеджмента» было предложено 5 вопросов по теме «Линейная и векторная алгебра». В группе БМ-111 число принявших в тестировании составило 21 человек, или 84% от численности группы, для групп БМ-112 и БМ-113 эти показатели соответственно 19 и 17 человек (76 и 68% соответственно). Процент правильно решенных заданий изменяется от 55 до 58%. Среди студентов рассматриваемых групп освоили 40% изученного материала, соответственно – 23,8%, 10,5%, 29,4%. В группах БМ-111 и БМ-112 по два человека не освоили материал. Все это свидетельствует о несерьезном отношении этих студентов к изучению математики, слабой подготовке. Средний балл у многих из них по ЕГЭ находится в границах от 28 до 46.

Для проведения промежуточной аттестации студентам предлагается самостоятельно оценить степень освоения материала. Тестирование проводилось среди

студентов экономического факультета и факультета биотехнологии и ветеринарной медицины (рис. 4 и рис.5).

На рисунке 4 приведены результаты тестирования остаточных знаний по математике у студентов одной из групп 3 курса специальности «Биотехнология», проведенного 10.12.2012г – сектор 1 и 27.12.2012г. – сектор 2 (ось у – процент правильно решенных заданий).

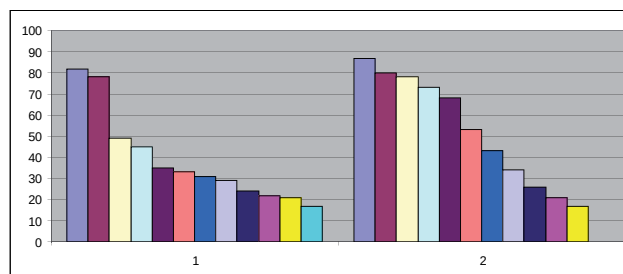

Рис. 4. Результаты тестирования остаточных знаний для специальности «Биотехнология».

На рисунке 5 – результаты промежуточного тестирования знаний по математике у студентов одной из групп 2 курса экономического факультета проведенного 10.12.2012г – сектор 1 и 27.12.2012г. – сектор 2 (ось у – процент правильно решенных заданий).

Следует обратить внимание на то, что студенты специальности «Биотехнология» проходили тестирование по остаточным знаниям спустя год после окончания изучения математики.

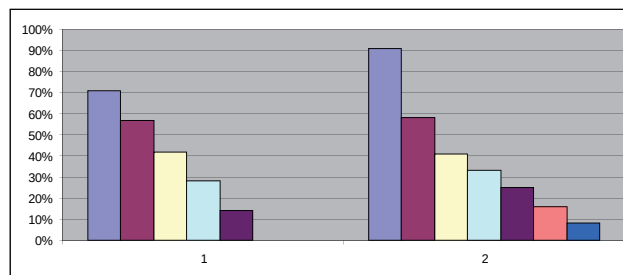

Рис. 5. Результаты промежуточного тестирования для специальности «Бакалавры экономики и менеджмента».

После первого тестирования со студентами был проведен анализ допущенных ошибок и выработана общая стратегия для успешного прохождения следующего тестирования. Так, например, были сделаны следующие выводы:

- предварительно пройти тестирование в режимах «Обучение» и «Самоконтроль», что позволит обратить внимание на подзабытые темы;
- следует пропускать трудные задания и малопривлекательные, на первый взгляд, вопросы, а после ответа на более легкие вернуться к их решению [2];
- ни в коем случае не оставлять без ответа ни одного вопроса.

Кроме того, были разобраны задания, которые вызвали у студентов затруднения в решении.

Из представленных диаграмм видно, что за довольно короткий срок результаты интернет-тестирования значительно улучшились. В частности увеличился процент правильно решенных заданий и количество студентов, давших более половины правильных ответов. А также нет студентов, которые неправильно ответили на все вопросы.

Таблица 1.

Распределение % правильно решенных заданий по интервалам	Число студентов, правильно решивших задание в 2010 г.	Число студентов, правильно решивших задание в 2011 г.	Число студентов, правильно решивших задание в 2012 г.
[0;10]	2	0	16
[11;20]	13	1	28
[21;30]	35	5	43
[31;40]	24	10	18
[41;50]	3	2	25
[51;60]	2	2	9
[61;70]	3	0	1
[71;80]	1	1	2
[81;90]	0	0	4
[91;100]	0	0	2

Для получения более объективной оценки мы сравнили результаты итогового тестирования за 2010-2012 г.г. Полученные результаты распределили по интервалам от 0% до 100% с шагом в 10% и соотнесли результаты, полученные студентами к соответствующим интервалам. Для вычисления математического ожидания середину интервала умножили на вероятность попадания того или иного результата в соответствующий интервал. Математическое ожидание числа правильно выполненных заданий в 2010 г. составило 29,3 в 2011 и 2012 г.г. соответственно 36,4 и 30,9.

Проведение тестирований способствует адаптации будущего специалиста и в сфере трудоустройства. Так, например, в компании Procter&Gamble все соискатели подвергаются проверке на оперативность мышления. Problem Solving Test (PST) – это 65-минутный тест, состоящий из 50 вопросов с вариантами ответов. В него включены как задания на анализ текста и информации, представленной в виде графиков и таблиц, так и математические задачи. Например: «Грузовик движется со скоростью 80 км/час. Какое расстояние он проедет за 30 минут?». Варианты ответов: «а) 80 км, б) 240 км, в) 40

км, г) 30 км, д) ни один из вышеперечисленных ответов не подходит». Подобные тесты помогают оценить способность соискателей быстро справляться с проблемами в условиях ограниченного времени. По результатам проверки эйчары делают выводы об уровне логического мышления кандидата, его умении самостоятельно принимать решения и работать в команде.[4]

Итак, тестирование прочно вошло в систему образования. Оно помогает решить многие организационные проблемы, но не может быть использовано как единственный критерий оценивания знаний. Для успешного его прохождения необходимо следующее:

- регулярно на занятиях тестировать студентов по изучаемой теме;
- проводить тестирование после каждой пройденной темы, в том числе, в режимах «Обучение» и «Самоконтроль»;
- иметь в наличии методические разработки в помощь студентам при самоподготовке;
- проводить дополнительные занятия консультативного характера по устранению возникших вопросов.

Библиографический список

1. Тарануха С.Н. Инструменты повышения качества образования в вузе / С.Н. Тарануха, Н.Ф. Пижурина. - Высшее образование в России №11, 2009г. С.120-125.
2. Уварова М.Н. Интернет-экзамен / М.Н. Уварова, Т.А. Павлова, Т.В. Карнюшкина Орел. 2010. с. 164.
3. Филиппов Г.Г. Методика подготовки студентов к правильным ответам на тесты, или как обучить студентов удачно отвечать на тесты с. 194-201.
4. <http://planetahr.ru/publication/1566>

References

1. Taranukha S.N. Tools to improve the quality of education in the university / S. Taranukha, N.F. Pizhurina. - Higher education in Russia № 11, 2009. Pp.120-125.
2. Uvarova M.N. Online exam / M.N. Uvarova, T.A. Pavlova, T.V. Karnyushkina Orel. - 2010. P.164.
3. Filippov G.G. Methods of preparing the students for correct answers on tests, or how to teach students to respond to successful tests. Pp. 194-201.
4. <http://planetahr.ru/publication/1566>

УДК 378.12:378.048.4+378.398+378.3

UDC 378.12:378.048.4+378.398+378.3

Е.А. ХОВАНСКАЯ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

Т.И. ЕРАТОВА

младший научный сотрудник Орловского государственного университета

E.A. KHOVANSKAYA

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the chair "Theory and techniques of training in Russian and literature", Orel state university
E-mail: l.hovanskaja@yandex.ru

T.I. ERATOVA

junior researcher, Orel state University

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРИОКСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО
МНОГОПРОФИЛЬНОГО БИЗНЕС-ИНКУБАТОРА ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА***

**SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT PRIOKSKO REGIONAL DEVELOPMENT
MULTI-SERVICE BUSINESS INCUBATOR ORLOVSKI GOSUDASRTVENNOGO UNIVNRSITA**

В статье рассматриваются вопросы научно-методического обеспечения развития Приокского регионального многопрофильного бизнес-инкубатора Орловского государственного университета, обеспечивающего интеграцию процессов образования, науки и бизнеса. Деятельность бизнес-инкубатора осуществляется соответствующими руководящими органами, регламентируется рядом нормативных документов, в соответствии с которыми производится отбор участников БИ, создание и развитие объектов малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: бизнес-инкубатор, вуз, образование, наука, малое инновационное предприятие, услуги, руководство.

The article deals with the scientific support of the development of a multi-Oka regional business incubator, Orel State University for integrating the processes of education, science and business. The activities of a business incubator is determined by the relevant governing bodies, is subjected to a number of regulations, according to which the selection of BEE participants is made, as well as the creation and development of small and medium businesses.

Keywords: business incubator, school, education, science, small innovative enterprise, services, management.

Современная ситуация в области развития образования, формирования рынка наиболее востребованных товаров и услуг предопределила возникновение совершенно новой, экономически целесообразной структуры вуза – бизнес-инкубатор.

Бизнес-инкубатор является организацией, которая создаёт наиболее благоприятные условия для стартового развития малых предприятий путём предоставления комплекса услуг и ресурсов, включающего: обеспечение предприятий площадью на льготных условиях, средства связи, оргтехнику, необходимое оборудование, проводит обучение персонала, консалтинг и т.д. [4].

Приокский региональный многопрофильный бизнес-инкубатор Орловского государственного университета создан приказом ректора в 2010 году (приказ № 101 от 30.10.2010 г.) в соответствии с государственной научно-технологической политикой государства на период до 2010 года и по сей день является одним из перспективных и приоритетных направлений в развитии вуза и Орловской области в целом.

Мониторинг имеющихся в регионе ресурсов, потребностей населения определил назначение

Приокского регионального многопрофильного бизнес-инкубатора Орловского государственного университета (ПРМ БИ ОГУ) как объекта инфраструктуры, осуществляющего поддержку малого предпринимательства на ранней стадии деятельности, путем предоставления на льготной основе аренды нежилых помещений и оказания консультативных, бухгалтерских, юридических, информационных, маркетинговых, образовательных и прочих услуг.

Деятельность Приокского бизнес-инкубатора при университете оказывает поддержку бизнес-командам и малым предприятиям в период их стартового развития до выхода на устойчивое самостоятельное функционирование как коммерческого предприятия в течение не более трех лет.

Целями создания Приокского многопрофильного бизнес-инкубатора Орловского государственного университета являются:

- организация процесса взаимодействия науки с бизнесом на начальном этапе, популяризация инновационного предпринимательства в образовательной среде;

* Научно-исследовательская работа проводится в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ на 2012-2013 годы (номер: 6.5355.2011, прикладные научные исследования)

- содействие коммерциализации результатов научных исследований университета, направленных на создание продукции и технологий для наукоемкого бизнеса посредством создания малых инновационных предприятий;

- формирование предпринимательских компетенций для бизнеса у студентов, аспирантов и научных сотрудников, а также способности грамотно формулировать научно-исследовательские, конструкторские и технологические, организаторские задачи;

- содействие студентам, слушателям, аспирантам, докторантам научным и другим работникам вузов и научно-исследовательских организаций в реализации инновационных проектов, разработке и освоении новых товаров (изделий, технологий, услуг);

- создание в университете системы организации и поддержки субъектов малого предпринимательства (СМП), занимающихся инновационной деятельностью и имеющих перспективные для бизнеса инновационные проекты;

- привлечение студентов и аспирантов к процессу создания, разработки и реализации наукоемкой продукции или технологий;

- обучение студентов, аспирантов и молодых ученых вузов управлению малым предприятием;

- формирование базового звена цепочки технологического трансфера «наука/образование – бизнес»;

- содействие развитию инновационной деятельности региона.

Основными направления деятельности ПРМ БИ ОГУ являются:

- ✓ проведение экспертизы и конкурсный отбор инновационных проектов;

- ✓ предоставление на льготных условиях начинающим субъектам малого предпринимательства (участникам БИ) на срок до 3-х лет площадей и коммуникаций бизнес-инкубатора;

- ✓ обеспечение участников БИ комплексом инфраструктурных и технических услуг (обеспечение доступа к средствам телекоммуникаций, обслуживание и эксплуатация технических средств, уборка помещений и др.);

- ✓ обеспечение участников БИ комплексом бизнес-услуг, включая консалтинговые, юридические, маркетинговые, бухгалтерские, рекрутинговые, образовательные и другие;

- ✓ содействие участникам БИ в поиске инвесторов;
- ✓ содействие участникам БИ в повышении качества менеджмента;

- ✓ организация ориентированных на предпринимательскую деятельность учебных курсов и семинаров для студентов, аспирантов, молодых ученых по бухгалтерскому учету, маркетингу, бизнес-планированию, финансовому менеджменту и другим аспектам деятельности в сфере малого инновационного бизнеса;

- ✓ предоставление участникам БИ нормативной документации, деловой информации, обеспечение справочниками и каталогами;

- ✓ предоставление участникам БИ программных

средств для бизнес-проектирования;

- ✓ создание и поддержка информационного банка выпускников ПРМ БИ ОГУ;

- ✓ создание базы данных о студентах, аспирантах, преподавателях, научных сотрудниках, заинтересованных в реализации своего творческого потенциала в рамках малого инновационного предприятия;

- ✓ организация ежегодного регионального конкурса инновационных разработок студентов, аспирантов и научных работников вузов и научных учреждений;

- ✓ помощь СМП и победителям ежегодного регионального конкурса инновационных разработок в подготовке конкурсных заявок для участия в грантовых программах региональных и федеральных фондов поддержки малых инновационных предприятий в научно-технической сфере, инвестиционных и венчурных фондов;

- ✓ регулярное информирование общественности о текущей и планируемой деятельности ПРМ БИ ОГУ при помощи университетских, городских и областных электронных и печатных средств массовой информации;

- ✓ разработка учебно-методической документации по вопросам инновационного и интеллектуального бизнеса;

- ✓ проведение конференций, выставок, семинаров по организационным, экономическим и правовым вопросам предпринимательства в научно-технической сфере, в том числе с международным участием;

- ✓ осуществление оперативного взаимодействия с областной и городской администрациями, Орловским областным фондом поддержки малого предпринимательства, другими российскими и международными организациями с целью привлечения дополнительных ресурсов для реализации проектов ПРМ БИ ОГУ;

- ✓ разработка и апробация механизмов последующего взаимодействия ПРМ БИ ОГУ с предпринимателями, успешно прошедшими подготовку в ПРМ БИ ОГУ и реализовавшими свои проекты;

- ✓ организация прохождения практики студентами Университета на базе ПРМ БИ ОГУ;

- ✓ организация стажировок предпринимателей;

- ✓ проведение инновационных, научно-исследовательских, опытно-конструкторских, технологических, проектных работ по созданию научно-технической продукции, в том числе создание новых материалов, технологических процессов, «ноу-хау», приборов, средств программного обеспечения;

- ✓ изучение и прогнозирование внутреннего и внешнего рынков объектов интеллектуальной и промышленной собственности, сырья и продукции.

Значимость бизнес-инкубатора как структурного подразделения вуза заключается в обеспечении возможности проведения образовательных мероприятий (лекции, семинары, мастер-классы, выездные школы, деловые игры), направленных на предоставление студентам необходимых предпринимательских знаний, мотивацию их предпринимательской деятельности; организации гостевых встреч с успешными предприни-

мателями, представителями инвестиционных фондов; консультировании (обучении) по созданию бизнес-планов, проектов, анализу потребительского рынка; предоставлении возможности для обучающихся проходить стажировку на предприятиях, других организациях предпринимательского сектора; разработке совместных образовательных и других мероприятий, направленных на развитие и поддержку предпринимательства в университете и других внешних организациях.

Помещения и услуги ПРМ БИ ОГУ предоставляются отдельным лицам, коллективам, включающим студентов, слушателей, аспирантов, соискателей, докторантов, научно-педагогических и других работников университета и других вузов, научно-исследовательских организаций, имеющих целью реализацию инновационного проекта по одному из профилей ПРМ БИ ОГУ посредством создания малого предприятия; субъектам малого предпринимательства, разрабатывающим и осваивающим новые товары (технологии, услуги) и имеющие перспективные для бизнеса инновационные проекты по профилю ПРМ БИ ОГУ.

Целью отбора претендентов для размещения проекта на территории бизнес-инкубатора является выявление среди проектов претендентов, обладающих наибольшим инновационным потенциалом.

Основанием для предоставления нежилых помещений ПРМ БИ ОГУ в аренду начинающим субъектам малого предпринимательства являются результаты конкурсного отбора, который проводится в соответствии с Положением о порядке отбора субъектов малого предпринимательства для предоставления нежилых помещений, порядке предоставления нежилых помещений и оказания услуг субъектам малого предпринимательства в Приокском региональном многопрофильном бизнес-инкубаторе Орловского государственного университета.

В рамках бизнес-инкубатора реализуются следующие этапы создания и развития участников БИ:

- формирование группы желающих реализовать свою бизнес-идею и создать собственное предприятие;
- обучение и развитие предпринимательских навыков;
- подготовка в процессе обучения бизнес-плана, отражающего перспективную инновационную идею, и его экспертиза;
- при положительном результате экспертизы – регистрация СМП для практической реализации проекта;
- развитие участника БИ и выход СМП из бизнес-инкубатора.

Результатом пребывания участника БИ в бизнес-инкубаторе является создание самостоятельного хозяйствующего объекта, хорошо адаптированного к функционированию в специфических условиях внешней рыночной среды, активно развивающегося после реализации бизнес-идеи. В решении о создании хозяйствующего общества должны быть отражены основные вопросы: «создание хозяйственного общества определенной организационно-правовой формы и с определенным названием, определение местонахождения общества, определение уставного капитала хозяйствен-

ного общества и размера доли каждого участника в уставном капитале хозяйственного общества, определение порядка долей участникам общества, утверждение устава хозяйственного общества, назначение единоличного исполнительного органа...» [3, 32].

Бизнес-инкубатор оказывает платные и бесплатные услуги по бизнес-инкубированию, что может включать в себя предоставление помещений, рабочих мест, мебели и компьютерной техники, средств связи, использование службы секретаря, ведение бухгалтерского учета, охрану, уборку помещений, консультирование, информационные, образовательные услуги.

Инкубатор оказывает участникам ПРМ БИ ОГУ следующие услуги:

- осуществление технической эксплуатации зданий БИ;
- предоставление производственных и офисных помещений;
- предоставление доступа к информационным базам данных;
- предоставление почтово-секретарских услуг;
- предоставление телефонии, офиса коллективного пользования (факс, копировальный аппарат, сканер, цветной принтер);
- предоставление издательско-типографских услуг;
- консультационные услуги по вопросам налогообложения, бухгалтерского учета, кредитования, правовой защиты и развития СМИ, бизнес-планирования;
- образовательные мероприятия (лекции, мастер-классы, семинары, выездные школы, деловые игры), направленные на предоставление необходимых практических знаний, навыков управления малым инновационным предприятием;
- повышение квалификации и переподготовка субъектов малого предпринимательства;
- организация семинаров, выставок, приема делегаций и прочее.

Дополнительными (платными) услугами, предоставляемыми БИ, являются:

- подготовка учредительных документов и помощь в регистрации юридических лиц;
- централизованная бухгалтерия для начинающих предпринимателей;
- помощь в проведении маркетинговых исследований (проведение маркетинговых акций по продвижению товаров и услуг на рынке; организация публикаций в СМИ информации о качестве продукции и стабильности его обеспечения в производстве);
- реклама и продвижение продукции (создание рекламных постеров, печатной рекламы, художественно-графических эмблем и товарных знаков, создание баннеров для электронной рекламы, e-mail рассылка электронной рекламы);
- поддержка при решении административных и правовых проблем (составление договоров, претензий и прочих документов), юридические консультации;
- предоставление информации по актуальным вопросам (предоставление аналитических справок по выделенным в заявках вопросам, подбор литерату-

ры и интернет-источников по выделенным в заявках вопросам;

- повышение образовательного уровня в рамках осуществляемой деятельности (проведение курсов повышения квалификации управленческого персонала малого предпринимательства, проведение семинаров, круглых столов по актуальным проблемам маркетинга, налогообложения, менеджмента);

- информационно-ресурсное обеспечение процессов внедрения новых технологий, расчет экологической безопасности организации производства; представление экологической характеристики территории, предназначенной для организации производства; расчет и планирование размещения элементов локальной сети; установка и настройка программного обеспечения; создание программных сайтов; создание банков и баз данных по предприятию;

- методическая помощь по организации деятельности участников инкубатора;

- трансфер технологий;

- поиск потенциальных инвесторов и партнеров;

- организация социологических исследований по продвижению товаров и услуг на рынке; предоставление отчетов о данных социологических исследованиях; проведение социологических опросов о необходимости внедрения новых услуг или продвижения новых товаров на рынке; представление аналитического отчета о результатах социологических опросов о необходимости внедрения новых услуг или продвижения новых товаров на рынке;

- оказание услуг Event-менеджера (планирование событий и мероприятий компании, малого предприятия, связанных с организацией досуга его работников, маркетинговых акций и рекламной компании;

- организация социальных проектов;

- организация психологического консультирования.

Руководящими органами бизнес-инкубатора являются: Ученый совет университета, ректорат в лице ректора, научно-технический совет университета, отборочная комиссия бизнес-инкубатора, Координационный совет ПРМ БИ ОГУ и директор ПРМ БИ ОГУ.

Ректор обеспечивает хозяйственную деятельность бизнес-инкубатора, в том числе:

- подписывает все финансовые документы, касающиеся деятельности бизнес-инкубатора;

- принимает на работу и увольняет сотрудников бизнес-инкубатора, выносит решения о поощрениях и наложении взысканий;

- утверждает штаты, численность и порядок оплаты труда сотрудников бизнес-инкубатора;

- контролирует исполнение решений отборочных комиссии бизнес-инкубатора.

Научно-технический совет Университета рекомендует приоритетные направления развития бизнес-инкубатора, устанавливает отраслевые приоритеты развития бизнес-инкубатора на основе нормативных документов поведения отбора бизнес-команд и малых предприятий для бизнес-инкубирования; принимает решения, касающиеся взаимоотношения

бизнес-инкубатора с организациями, предприятиями, учреждениями.

Отборочная комиссия бизнес-инкубатора является общественным органом управления. Ее состав утверждается решением научно-технического совета. В состав отборочной комиссии БИ входят по должности ректор и проректор по научной работе.

Отборочная комиссия БИ готовит и утверждает на научно-техническом совете состав отборочных документов, назначает сроки проведения отбора проектов; принимает решение о размещении в БИ проектов, дает заключение на участие малых предприятий в конкурсе по заключению договоров аренды нежилых помещений; совместно с управлением бухгалтерского учета и контроля определяет стоимость услуг БИ.

Отборочная комиссия бизнес-инкубатора заседает не реже 1 раза в квартал по мере поступления проектов от студентов, аспирантов, преподавателей.

При бизнес-инкубаторе ежегодно формируется совещательный орган управления – Координационный совет.

В состав Координационного совета входят ректор университета, проректор по научной работе, проректор по экономике и капитальному строительству, руководители ведущих компаний – участников и выпускников БИ, представители региональных отделений общероссийских объединений предпринимателей, представители органов управления администраций г. Орла и Орловской области, занимающихся вопросами развития малого предпринимательства.

Состав Координационного совета утверждается приказом ректора университета. Координационный совет определяет стратегические направления развития ПРМ БИ ОГУ, осуществляет контроль и подводит итоги деятельности ПРМ БИ ОГУ, решает вопросы досрочного расторжения договора аренды с участником БИ в случае его ненадлежащего исполнения или неисполнения условий договора.

Собрания Координационного совета проводятся по мере необходимости, но не реже двух раз в год.

Директором осуществляется непосредственное руководство ПРМ БИ ОГУ, формируется его организационная структура, направляются предложения ректору университета о кандидатурах на замещение должностей в БИ с определением круга их должностных обязанностей; вносятся представления ректору по вопросам увольнения, поощрения, привлечения к ответственности в случаях, предусмотренных законодательством РФ; контролируется предварительная экспертиза заявок на конкурс по отбору СМП для размещения их в бизнес-инкубаторе, формируется проект перечня компаний-участников БИ с вынесением его на согласование с Координационным советом и ректором университета; осуществляется текущий контроль выполнения условий договоров аренды и иных договоров, заключаемых в процессе деятельности БИ.

Источниками финансирования деятельности бизнес-инкубатора являются средства федерального бюджета, выделяемые целевым образом на его развитие;

целевые средства организаций и предприятий, заинтересованных в выполнении конкретных инновационных программ и проектов, а также средства муниципальных структур; централизованные средства университета, выделяемые для организации работы ПРМ БИ ОГУ; инвестиции венчурных фондов и других организаций, заинтересованных в развитии данного подразделения вуза; доходы от реализации продукции, работ, услуг, полученные в результате учебной, научной, методической и иной деятельности БИ в соответствии с действующим законодательством; благотворительные взносы, пожертвования организаций, предприятий, учреждений

и граждан, а также иные поступления, не противоречащие действующему законодательству РФ.

Таким образом, создание и развитие бизнес-инкубатора при вузе является не только важным, стратегически целесообразным шагом к установлению экономически благоприятного партнерства с организациями малого и среднего бизнеса, а также структурным образованием, деятельность которого способствует повышению качества предоставляемых услуг в различных областях знания, предусмотренных Положением о Приокском региональном многопрофильном бизнес-инкубаторе Орловского государственного университета.

Библиографический список

1. Положение о Приокском региональном многопрофильном бизнес-инкубаторе Орловского государственного университета (Протокол заседания Ученого совета ОГУ №1 от 1 ноября 2010 года).
2. Создание бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности в соответствии с Федеральным законом № 217-ФЗ / Методические материалы для слушателей курсов повышения квалификации. М., 2009. 72 с.
3. *Хованская Е.А.* Основные механизмы создания бюджетными образовательными учреждениями хозяйственных обществ. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». Орел: Изд-во ОГУ. 2012. №5 (49). С. 31-34
4. http://www.nisse.ru/business/article/article_373.html?effort=
5. http://www.nisse.ru/business/article/article_1604.html?effort=

References

1. Regulations on the Prioksk regional multi-profile business incubator of the Orel state university (The minutes of the Academic council of regional public institution No. 1 of November 1, 2010).
 2. Creation by budget scientific and educational institutions of economic societies for the purpose of practical application (implementation) of results of intellectual activities according to the Federal law No. 217-FZ / Methodical materials for students of advanced training. M, 2009. 72 pages.
 3. *Khovanskaya EA* The main mechanisms for creating budget educational institution of business entities. // Scientific notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences.» – Orel Publishing House of OSU. - 2012. - № 5 (49). - Pp. 31-34
 4. http://www.nisse.ru/business/article/article_373.html?effort=
 5. http://www.nisse.ru/business/article/article_1604.html?effort=
-

УДК 373

UDC 373

Л.А. ХОДЯКОВА

доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка Московского государственного педагогического университета
E-mail: h.lia@akado.ru

L.A. HODYAKOVA
doctor of pedagogical sciences, professor of the chair "Methods of teaching of Russian", Moscow state pedagogical university
E-mail: h.lia@akado.ru

И.К. ГЕРО

аспирант кафедры методики преподавания русского языка Московского государственного педагогического университета

I.K. GERO
graduate student, the chair "Methods of teaching of Russian", Moscow state pedagogical university

УЧЕБНЫЙ ПРОЕКТ КАК МЕТОД АКТИВИЗАЦИИ ВИДОВ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДСТВАМИ ЖИВОПИСИ И МУЗЫКИ

EDUCATIONAL PROJECT AS METHOD OF ACTIVIZATION OF TYPES THE SPEECH ACTIVITY OF PUPILS BY MEANS OF PAINTING AND MUSIC

В статье рассматривается учебный проект как метод активизации видов речевой деятельности на материале живописи и музыки по учебнику «Русский язык» для 7 класса под ред. С.И. Львовой, подчеркиваются предметные и метапредметные функции русского языка, показываются способы и средства активизации видов речевой деятельности на примере урока-проекта по созданию Школьной мини-энциклопедии музыкальных инструментов.

Ключевые слова: метод проектов, учебный проект, структура речевой деятельности, средства изобразительной наглядности, музыка, живопись, активизация видов речевой деятельности, метапредметные функции русского языка, УУД (универсальные учебные действия), личностные достижения.

In article the educational project as a method of activization of types of speech activity on a painting and music material according to the textbook «Russian» for the 7th class under the editorship of S.I.Lvova is considered, subject and metasubject functions of Russian are emphasized, ways and means of activization of types of speech activity on the example of a lesson project of creation of the School mini-encyclopedia of musical instruments are shown.

Keywords: method of projects, educational project, structure of speech activity, means of graphic presentation, music, painting, activization of types of speech activity, metasubject functions of Russian, UEA (universal educational actions), personal achievements.

В современном обществе востребован человек, самостоятелен, творчески мыслящий, способный к самореализации, разносторонне развитый, умеющий решать возникающие проблемы в различных жизненных ситуациях, духовно богатый и культурный. Школьное образование призвано соответствовать общественным запросам, кардинально обновляя не только содержание, но и методы, формы обучения. Одним из путей реализации творческого потенциала личности в условиях модернизации российского образования, направленного на развитие познавательных и созидательных способностей учащихся, на воспитание у них духовности, культуры, инициативности и самостоятельности, является метод проектов.

Метод проектов – это не только способ взаимосвязанной деятельности учителя и ученика, но и способ взаимодействия и сотрудничества учащихся между собой. Он предусматривает организацию целевых актов, когда школьники в процессе учебной деятельности ставят и решают конкретные практические цели и задачи для достижения определенных конечных результатов и

на этой основе теоретически осмысливают изучаемый материал, опираясь на свой жизненный опыт, собственный путь искания, преодоления неудач и трудностей. Метод проектов позволяет реализовать личностно-ориентированное обучение, обеспечивающее личностную самореализацию учащихся, личностные смыслы образования путем постановки целей (целеполагания) предстоящей работы, отбора ее индивидуального содержания, технологий и форм, а также рефлексии и оценки конечного продукта деятельности ученика.

Метод проектов, как и любой другой метод обучения, имеет свои приемы: поиск проблемы исследования, формулирование цели и задач, определение и обоснование темы проекта, планирование предстоящей деятельности, распределение ролей и заданий между участниками проекта, сбор информации, ее структурное моделирование, анализ собранного материала; анализ и оценка деятельности своего товарища, консультирование ученика учителем (научным руководителем), самоанализ, самокоррекция, самооценка. В конкретной работе могут использоваться не все из указанных приемов.

В школьной практике последних лет на уроках русского языка получает распространение учебный проект, позволяющий создать более благоприятные условия для личной заинтересованности учащегося не только в конечном продукте, но и в самом процессе его деятельности, которая становится личностно значимой для школьника. Учебный проект, как правило связанный с программным материалом, решает конкретные учебные задачи, формирует УУД (универсальные учебные действия): развивает мышление (способность логически мыслить на заданную тему, анализировать, сопоставлять), воспитывает волевую сферу, обучает самостоятельному целеполаганию; вырабатывает умение корректировать свои действия в процессе доведения работы до намеченного в планировании результата.

Специфика учебного проекта состоит в его творческом характере, в повышении творческой составляющей деятельности учащегося, которая проявляется прежде всего в процессе мышления и речи, поскольку, как отмечал С.Л. Рубинштейн, «Речь не просто внешняя одежда мысли, в речи мы формулируем мысль, но, формулируя ее, мы сплошь и рядом ее формируем. Речь нечто большее, чем внешнее орудие мысли; она включается в самый процесс мышления как форма, связанная с его содержанием» [1, 458]. Речь является способом реализации речевой деятельности, или психофизиологическим процессом порождения и восприятия речевых высказываний, поводом для которых становится окружающая человека действительность. Поэтому между речевой деятельностью и неречевой существует органическая связь, обусловленная потребностями и целями жизни человека и человеческого общества в целом. Речь не только обслуживает другие формы деятельности человека, но и обладает самоценностью. По мнению А.А. Леонтьева, речевая деятельность «в форме отдельных речевых действий обслуживает все виды деятельности, входя в состав актов трудовой, игровой, познавательной деятельности. Речевая деятельность как таковая имеет место лишь тогда, когда речь самоценна, когда лежащий в ее основе побуждающий ее мотив не может быть удовлетворен другим способом, кроме речевого» [2, 33].

По определению психологов, структура речевой деятельности состоит из мотивационной, целевой и исполнительской сторон. Речь, устная или письменная, не возникает из пустоты, а имеет скрытый этап планирования, когда, «мысль еще не выражена в словах, а программа высказывания формируется во внутренней речи и существует в виде «образов-мыслей» [3, 96]. Далее она реализуется в языковом коде, находит выражение в видах речевой деятельности, одним из способов активизации которых являются средства изобразительной наглядности. К средствам изобразительной наглядности относятся не только схемы, таблицы, учебные картинки, но прежде всего живописные полотна, тесно связанные с воображением ребенка и рождающие яркие, эмоциональные зрительные образы в его сознании. Кроме того, картина «выполняет роль стимула, поскольку она, непосредственно воздействуя на органы чувств

своими яркими изобразительными средствами, стимулирует коммуникативно-познавательные потребности учащихся, создает мотивацию к речевому действию, ориентирует высказывание обучаемых на адекватную передачу языковыми средствами содержания картины» [3, 96].

Средством изобразительной наглядности может быть и музыка. Композитор тоже рисует картины – рисует звуками, передает эмоциональное состояние людей через музыкальные образы, создает особый – звучащий – мир. Правильно организованное слушание музыки способствует развитию такого сложного для современного школьника вида речевой деятельности, как аудирование. Для этого важно, чтобы дети не только подмечали эмоции или зрительные образы, возникающие у них при звучании пьесы, но и вслушивались в мелодические линии, сочетания аккордов, динамику силы звука, разницу темпов в разных частях пьесы, выхода на знаковый и значимый уровень – на уровень замысла композитора. Тогда-то и развивается слушание, то есть не фантазирование по поводу услышанного, а приближенное к адекватному восприятие произведения. Внимательное и целенаправленное слушание музыки (метатекста) развивает и слушание речи (текста), которое традиционно определяется как вид речевой деятельности.

Музыка «пробуждает фантазию детей, помогает им осознать свое место в этом мире и вызывает желание выразить музыкальные впечатления в форме высказывания, поделиться своими чувствами и мыслями», – пишет Г.Б. Вершинина [4, 3]. Следовательно, наличие мотивация к развитию говорения и письма, ибо необходимость сказать и написать так, чтобы быть понятым, найти отклик, пережить радость разделенного эмоционального состояния, стимулирует школьника к совершенствованию своей устной и письменной речи, формирует коммуникативную компетенцию.

Живопись и музыка по-разному изображают мир в его пространственной и временной ипостасях: картина передает прежде всего бытийное пространство, а музыка – его разворачивание во времени. Однако, несмотря на внешние различия, живопись и музыка имеют те же психо-физиологические механизмы воздействия на зрителя или слушателя: произведения искусства затрагивают эмоциональную, образную, творческую стороны личности человека. Таким образом, обращение к произведениям и живописи, и музыки на одном уроке не только возможно, но и необходимо, поскольку создает новую, особую ситуацию, в которой ребенок одновременно видит, слышит, переживает и думает. Значение таких уроков подчеркивал В.А. Сухомлинский: «Благодаря одновременности видения, слухового восприятия, переживания и мышления в сознании ребенка формируется то, что в психологии называется эмоциональной памятью» [5, 473]. Другими словами, комплексное воздействие образов из разных сфер жизни создает целостную систему внешнего мира во внутреннем восприятии ребенка, что является первоочередной задачей современного образования.

Живопись и музыка воздействуют на эмоционально-ценностную сферу зрителя и слушателя с помощью си-

стемы изобразительно-выразительных средств, сходных с речевыми. Важно использовать живопись и музыку именно на уроках русского языка, соединяя постижение различных видов искусства и языковые темы, так как на подобных уроках происходит не просто разговор о прекрасном или изучение явлений художественной действительности, а подбор лексики, адекватно выражающей мысли и чувства, вызванные произведением искусства. Работа учащегося над составлением собственного текста развивает и мыслительные, и речевые способности ребенка, так как ставит перед необходимостью перевести ощущения в мысли, а мысли в слова, выстроить их в строгой логической последовательности, соблюдая композицию, что и является в итоге возможностью научиться выражать собственное мнение, активизировать развитие видов речевой деятельности.

Таким образом, одним из эффективных способов активизации видов речевой деятельности являются произведения искусства (живописи, музыки, архитектуры), а также сочетание разных видов искусства, объединенных одной темой, что усиливает эмоциональное воздействие на учащихся, стимулирует их речевую деятельность, создавая двойную мотивацию. Приведем пример подобного урока на основе упражнения 44 учебника для 7 класса С.И. Львовой. С целью повышения интереса к познавательной деятельности и самостоятельности учащихся урок проведен в форме учебного проекта, направленного на получение практического результата – создания виртуальной «Школьной мини-энциклопедии музыкальных инструментов», в которой можно одновременно увидеть, как выглядит музыкальный инструмент, услышать, как он звучит, прочесть стихотворение, образно выражающее отношение к музыке, к самому инструменту, познакомиться с информационной заметкой, содержащей сведения по этимологии названия инструмента, его истории, использующей материал раздела «Словообразование» из учебника русского языка. В дальнейшем эту энциклопедию можно использовать в школьной медиатеке, на сайте школы и класса, дополнять, расширяя свой кругозор и развивая себя как языковую личность.

Метод учебного проекта предполагает активность ученика в учебной работе, тесное сотрудничество как ученика и учителя, так и учащихся между собой, что позволяет снять сложность взятого для работы объемного материала, разделить его по частям между группами, на которые поделен класс, а внутри группы дети сами распределяют его между собой, помогая друг другу. С одной стороны, каждый реализует свою творческую задачу, с другой стороны, вовлекаются в процесс все обучающиеся класса, таким образом, повышается активизация их мыслительной и, следовательно, речевой деятельности, так как мыслительная и речевая деятельность неразделимы.

Работа над учебным проектом проходит в нескольких этапах: подготовительный этап, на котором «формируются идеи, цели», подбирается материал, создаются микрогруппы, распределяются задания между членами группы, осуществляется поисковая деятельность; вто-

рой этап – мастерская – практическая деятельность в рамках проекта, являющаяся основной по анализу и синтезу информации; третий этап – завершающий – создание и презентация готового продукта, рефлексия и его оценка. На каждом этапе используются соответствующие приемы (см. выше).

Учебный проект, имеющий целью создание сложного продукта – речевого высказывания на основе сопоставления произведений искусства и использования разнообразного лингвистического материала, – требует значительной подготовки и от учителя, и от учеников. Прежде всего подбираем музыкальные произведения, в которых ведущую роль играет тот инструмент, который изображен на рисунке в учебнике. Их семь: арфа, баян, гитара, пианино, саксофон, скрипка, труба, – поэтому на семь групп делится класс. Чтобы усилить воздействие музыки на учащихся, находим картины, на которых изображаются музыкальные инструменты. Полотна художников не только знакомят учеников с шедеврами живописи, но и показывают отношение к музыке людей разных эпох, представляют размышления человека о музыке. Подбор произведений живописи, в которых есть изображения перечисленных музыкальных инструментов, должен быть доверен ученикам. Роль учителя при этом направляющая и организующая: предлагаем сайт (<http://www.liveinternet.ru/users/2010239/gubric/852610/>) и на этапе подготовки принимаем все, что найдут дети. В условиях внеурочной деятельности учащиеся отбирают картины, наиболее точно отражающие характер музыкального инструмента, подготавливают справочный материал, включающий этимологию названия музыкального инструмента, его историю, краткую информацию о композиторе, о художнике, то есть работают с Музыкальной энциклопедией, Энциклопедией русских художников, «Толковым словарем иноязычных слов» Л.П. Крысина.

Тема урока-учебного проекта: «Энциклопедическая статья».

Ход урока

Оборудование урока

Столы поставлены заранее по два полукругом по отношению к доске и экрану. На слайдах презентации представлены картины с изображением музыкальных инструментов, звучат записи музыкальных отрывков. У каждой группы на столе лежат репродукции, учебник русского языка для 7 класса С.И. Львовой с упражнением 44, «Этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского, «Толковый словарь иноязычных слов» Л.П. Крысина, карточки-выписки из Музыкальной энциклопедии, из Энциклопедии русских художников, цветные репродукции картин, распечатанные из Интернета. На доске написан эпиграф («Музыка побуждает нас красноречиво мыслить». Р.У. Эмерсон).

I. Подготовительный этап.

Подготовка к восприятию. Слово учителя.

Настраиваем учащихся на встречу с шедеврами искусства. Для этого начинаем со слушания торжественного, взволнованного звучания Первого концерта для

фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского на фоне презентации с репродукцией романтической картины современной русской художницы Марии Щербининой «Интерьер», изображающей зал с роялем, что настраивает чувства детей на эмоционально приподнятое восприятие материалов урока. Учитель ориентирует на самостоятельное целеполагание, используя на данном этапе урока диалоговую технологию обучения русскому языку:

– Ребята, дома вы знакомились с заданиями к упражнению 44, готовили обширный словарный материал, повторяли теорию по теме «Словообразование», к рисункам подбирали картины, собирали сведения о художниках и композиторах. Как вы думаете, каков конечный продукт нашей деятельности? Какую цель мы поставим перед собой на предстоящем уроке? (*Результатом нашего урока должно стать написание силами представителей каждой группы статьи для задуманной «Школьной мини-энциклопедии музыкальных инструментов» и создание электронного продукта.*)

– Понятие «энциклопедия» в Современной энциклопедии определяется как «научное или научно-популярное справочное издание, содержащее систематизированную информацию по различным областям знаний и практической деятельности» [6]. Область знаний – это музыкальные инструменты в культурном и лингвистическом контексте. Система, по которой располагается информация в энциклопедии, обычно алфавитная. Обозначим цель создания нашей энциклопедии – она просветительская, потому что мы хотим поделиться теми знаниями, которые приобретем в процессе создания проекта, с другими учениками через школьную медиатеку и со всеми интересующимися искусством и русским языком через сайт нашей школы.

В определении слова «энциклопедия» есть указание на стиль – научный или научно-популярный. Вспомним определения стилей, какой стиль выберем мы? (*Научный стиль предполагает использование терминологии, строгость в композиции письменного высказывания, сдержанность в применении художественных языковых средств, поэтому мы выберем научно-популярный стиль изложения, позволяющий более свободно излагать достоверную научную информацию, выражать свои эмоции и впечатления.*)

– Произведение какого жанра будем мы создавать? Для научно-популярного стиля характерны очерк и статья. Мы уже знакомы с одним из публицистических жанров – заметкой, которую «Современный толковый словарь русского языка» определяет как «небольшую статью, краткое сообщение в печати» [7]. Энциклопедическая статья должна иметь строгий план, чтобы логично передать на письме отобранную информацию:

1. Вступление: название инструмента с этимологическим комментарием.
2. Описание внешнего вида инструмента.
3. Описание картины с изображением этого инструмента.
4. Описание музыкального фрагмента.

5. Вывод: свои впечатления от музыки и партии музыкального инструмента.

– Пусть ответственные из каждой группы напишут слово, называющее музыканта, играющего на данном инструменте; определяют способ словообразования. (*Скрипка – скрипач – скрипачка; флейта – флейтист – флейтистка. Суффиксальный способ, в русском языке могут быть разные суффиксы, образующие название исполнителя, а вот суффикс, называющий исполнительницу, – обций – к.*)

– В учебнике нарисованы музыкальные инструменты. Мы постоянно слушаем музыку, у каждого человека есть любимые произведения, мелодии, песни или композиции. Но часто ли мы задумываемся, какой инструмент исполняет ту или иную партию, почему в какой-то момент нам стало весело, в какой-то грустно, а порой и страшно? Композиторы знают особенности звучания и выразительные возможности разных музыкальных инструментов и виртуозно их используют.

– Дома вы, ребята, подбирали картины, на которых художники изобразили скрипку, флейту, фортепиано, баян... Сколько вы нашли картин, легко ли вам было выбирать? (*Картин очень много, причем самых разных времен и народов, потому что музыка является очень важной частью окружающего нас мира.*)

– Почему мы не ограничились рисунками в учебнике, почему обратились к живописи? (*Рисунок не передает отношения автора, он просто констатирует факт, что такой-то музыкальный инструмент выглядит так-то. А на картине инструмент живет и если не звучит, то вызывает воспоминание о музыке, вступает во взаимоотношение со зрителем, ведь «живопись и музыка – сестры».*)

II. Мастерская

На втором этапе группы представляют подготовленный материал для проекта: выписки из этимологического словаря и Музыкальной энциклопедии, проводится аналитическая беседа.

– Прочитайте выписки об арфе из словарей.

«**Арфа** – (нем. Harfe) – струнный щипковый музыкальный инструмент в виде большой треугольной рамы». [8]

«**Арфа** – (итал. агра, франц. harpe, нем. Harfe) – тип многострунного щипкового инструмента. Состоит из резонансного корпуса и шейки, между которыми натянуты струны (вертикально). [9]

«**Арфа** – стоячие гусли; музыкальное струнное орудие треугольником, с ножкою на долгом углу; объем арфы в шесть октав, для полутонов есть подножки; струны (металлические и кишечные) перебирают пальцами». [10]

Аналитическая работа по сопоставлению картины и музыки

Арфа

Звучит «Интродукция и аллегро для арфы, флейты, кларнета и струнного квартета». Мориса Равеля, французского композитора конца XIX–начала XX века.

– Что напоминают вам звуки арфы? (*Плеск волны, игру лунного света.*)

– Как соотносится музыка Равеля с картиной современной английской художницы Жозефины Уолл? (*Картина как будто рисует волшебство звуков арфы. Внешний вид инструмента соответствует тому образу, который он наиболее полно воспроизводит, – волны, устремленность вдаль.*)

– А теперь обратимся к гуслим, изображенным Виктором Михайловичем Васнецовым на жанровой картине «Баян». Расскажите, что вы видите, опишите сюжет. (*На картине изображен курган, на нем сидят воины и среди них юноша, почти мальчик. Седовласый старец вдохновенно поет, аккомпанируя себе на гуслих.*)

– О чем поёт старец? Почему воины сидят на кургане, кому он посвящён? (*У Александра Сергеевича Пушкина есть подсказка в «Песни о вещем Олеге», которую мы изучали в 6 классе: «...Бойцы поминают минувшие дни / И битвы, где вместе рубились они» [11, 145]. В 9 классе вы будете изучать «Слово о полку Игореве», в котором древний автор говорит о гуслих: «Боян же, братие, не 10 соколов на стадо лебедей пущаше, но своя веща персты на живая струны воскладе; они же сами князем славу рокотаху» [12, 87].*)

– Кто этот отрок в белой рубашке, почему он так внимательно и скорбно слушает песнь Баяна, почему взор его устремлен куда-то вдаль? (*Возможно, он узнаёт о подвигах отца, в душе принимает решение быть достойным его памяти, продолжить его дело.*)

– На что он реагирует? (*На песнь Баяна – на музыку и слова.*)

– Сделайте вывод самостоятельно: каково воздействие музыки на человека? (*Музыка способна вдохновить на подвиг.*)

– Послушаем отрывок из симфонии для арфы с оркестром «Фрески Святой Софии», созданной Валерием Киктой, современным русским композитором. Что мы слышим в музыке? (*Слышим широкие мелодии, как будто передающие речь человека, арфа в оркестре рисует звучание древних гуслей, слышен колокольный звон.*)

– Что мы представляем, слушая музыку? (*Произведение необыкновенно изобразительно: взволнованные интонации рисуют богатырский поскок конницы, показывают мужество воинов на поле брани.*)

– Музыка не может рассказать словами о событиях, но может воссоздать атмосферу времени, используя эпические торжественные музыкальные интонации. А что может передать арфа? (*Она напоминает звучание древних гуслей Баяна. Оказывается, арфа может передавать и течение времени, создавать исторический колорит.*)

– Для чего художник и композитор обратились к теме музыки в ее историческом преломлении – вспомнили гусли? (*Это еще одно значение музыки – соединять поколения, напоминать о лучшем, об идеале.*)

Перед составлением сначала устного, а потом письменного высказывания по картине и музыке повторяем типы речи, выясняем, какие из них понадобятся в большей степени: при сопоставлении разных произведений целесообразно использовать рассуждение, при передаче впечатлений от звучания инструмента, от его

изображения на полотне художника – описание. Важно напомнить, что, высказывая мысль, необходимо подкреплять ее доказательствами, которыми могут быть описания деталей произведений искусства, дополненные эмоциональными и оценочными словами.

– А теперь, ребята, составьте устное сочинение об арфе на основе живописи и музыки, используя разные типы речи.

На уроке каждая группа защищает свою часть исследовательской работы, остальные учащиеся слушают, делятся впечатлениями, дают советы.

Флейта

– В следующем музыкальном произведении будет звучать флейта. Прочитайте выписки об этом инструменте из «Толкового словаря иноязычных слов» и Музыкальной энциклопедии.

«Флейта – (нем. Flöte – от старофранцузского flaute). Деревянный духовой музыкальный инструмент высокого тона в виде прямой трубки с отверстиями и клапанами». [8]

«Флейта – (нем. Flöte; итал. flauto, франц. flûte) – деревянный духовой инструмент. Изготавливалась из дерева, ныне из металла. Звук извлекается с помощью вдвигания струи воздуха по касательной к дульцу». [9]

– Прочитайте фрагмент учебника «Музыкальная литература зарубежных стран» о «Мелодии» К.В. Глюка из оперы «Орфей и Эвридика»: «Мелодии и гармонии [картины второго действия – в полях Элизима] отличаются удивительной чистотой и ясностью, подобно античной скульптуре. Проникновенно сказал об этой сцене Г. Берлиоз: «А как чудесна музыка Елисейских полей! – это словно улетающие в небеса гармонии, эти мелодии, меланхоличные, как счастье, эта инструментовка, нежная и прозрачная, так хорошо передающая ощущение бесконечного покоя!» [14] Наиболее популярным эпизодом в балете блаженных теней является знаменитое, введенное Глюком... соло флейты, известное под названием «Мелодия». На фоне колышущегося сопровождения льется вдохновенная мелодия флейты» [13]

Музыка взята из оперы на сюжет знаменитого древнегреческого мифа, поэтому уместно начать работу группы с актуализации знаний по литературе и истории.

– Опера называется «Орфей и Эвридика». Вспомните миф, сюжет которого лежит в основе произведения Глюка. (*Музыкант Орфей воздействием своего искусства смягчил даже каменное сердце владыки Аида – и тот отпустил любимую жену Орфея Эвридику из бездн смерти с условием не смотреть на нее по дороге, но Орфей оглянулся и потерял Эвридику навсегда.*)

– Этот миф вдохновлял и древних авторов, и современных, о чём свидетельствует картина французского символиста XX века Мориса Дени. Давайте рассмотрим картину, вы уже знаете, как называются картины, изображающие событие, сюжет – жанровые. Что вы видите? (*Елисейские поля, где обрели покой светлые души.*)

– Как это нам помогает понять колорит картины, цвета одежды персонажей? (*Светло-зеленый цвет символизирует жизнь, а пастельный, неяркий колорит напоминает о том, что это не настоящая жизнь, полная*

эмоций, а, скорее, воспоминание о жизни. Белые одежды персонажей символизируют чистую жизнь, доброту души.)

– Как мы отличаем Орфея и Эвридику от других героев картины? (Только они одни совершают энергичные движения, о которых мы догадываемся по позам персонажей.)

– Как флейта передает магическое искусство Орфея? (Волшебная, нежная и печальная мелодия завораживает, навевает мечты, передает светлые воспоминания героев, их чувства, любовь. Действительно, можно поверить, что, слушая подобную музыку, животные становились кроткими и послушными музыканту, как о том повествует миф.)

– Как в живописи показана древность и современность флейты? (Изображения флейты сохранились на античных вазах, найденных в археологических раскопках, на флейтах играют ангелы европейских мастеров средневековья и Возрождения, флейта создает фантастический мир картин современной английской художницы Жозефины Уолл и русского художника Юрия Дубинина.)

– Как показала художница творящую, волшебную силу флейты? (Девочка едва касается губами флейты, мы видим, как дыхание вырывается из трубочки космическими мирами планет, эльфов, цветов и сказок. И все эти чудеса – часть мира, прячущегося в глубоком, сосредоточенном взгляде героини картины – в душе человека.)

III. Завершающий этап.

Учащиеся подводят итоги своей поисковой и аналитической деятельности по созданию мини-энциклопедии музыкальных инструментов, проводят рефлексию полученных в процессе исследовательской деятельности знаний и умений, составляют текст статьи. Затем группы обмениваются между собой созданным продуктом, анализируют, корректируют и оценивают его.

Арфа (Кузнецова Ксения, Князев Даниэль, Жигарев Максим)

Арфа – струнный щипковый инструмент в виде треугольной рамы. Это очень древний инструмент: изображения арфы встречаются даже на античных греческих вазах.

Арфа поистине волшебный инструмент. Всё в ней, даже внешний вид, завораживает и уводит из реальности. Волнообразный изгиб деки, как волна, плывущая в самое небо. Обычно нежные женские ручки перебирают струны арфы, уводя слушателя в невидимый сказочный мир музыки. Инструмент заставляет задуматься в первую очередь о себе и своей жизни: а похожа ли она на тот идеал, к которому стремится человек...

Художница Жозефина Уолл изобразила свою фантазию в образе прекрасной девы, сидящей в лодке и играющей на арфе. Лодка плывёт по реке, вода в ней играет всеми цветами радуги. Картину дополняют свечи, создающие обстановку умиротворенности. Лунный свет завораживает, он как будто светит из таинственного мира.

Арфистка исполняет «Интродукцию» Морис Равель, передавая своим инструментом журчание волн и плеск лунного света. И действительно, без человека, вкладывающего душу в своё произведение, ни один инструмент не заговорит, не запоёт. Именно человек учит инструмент очаровывать слушателя.

Нежные переливы звуков, издаваемых арфой, переносят нас в идеальный, ни на что не похожий мир фантазии и загадок.

Флейта (Комарова Кристина, Савватеев Даниил, Павлов Илья)

Флейта – один из самых древних инструментов. Родилась флейта в Древней Греции, но название заимствовано из французского языка – *flûte*. Флейта состоит из трубочки с отверстиями и клапанами. Родственницей флейты являются наша русская дудочка и рожок.

Звук из флейты появляется с помощью дыхания флейтиста. Без любви и уважения к инструменту не будет хорошей музыки. Флейтист оживляет инструмент, он управляет флейтой, учит её, передаёт своё настроение, чувства. Музыка идёт от души, из сердца.

Художники часто хотели передать музыку на своих беззвучных полотнах, поэтому изображали музыкальные инструменты. Ведь музыка идет из души и проникает прямо в сердце. Художница Жозефина Уолл нарисовала картину «Зачарованный мир». В ней она изобразила мир музыки, фантазии. Французский символист Морис Дени вспомнил миф об Орфее и Эвридике, возможно, ему напомнила об этом музыка К. Глюка.

Кристоф Виллибальд Глюк, композитор XVIII века, сделал именно флейту главным инструментом в номере «Мелодия» из оперы «Орфей и Эвридика». Флейта звучит в момент, когда Орфей проходит через Елисейские поля и встречает любимую Эвридику. Музыка выражает нежность и печаль. Она так прекрасна, что даже спасает душу из Аида.

Слушая флейту, поющую эту чудесную песню без слов, мы чувствуем блаженство.

Учитель демонстрирует, каким должен быть титульный слайд электронной энциклопедии, содержащий название, выходные данные, год; напоминает о культуре ссылок на источники, дополнительную литературу. Правка материалов, набор и включение их в электронный документ происходит во внеурочной деятельности.

Учебный проект дает возможность решить обширные образовательные задачи, добиться метапредметных результатов. Среди них – умение управлять своей деятельностью и работой товарищей. При этом формируются инициативность и самостоятельность, коммуникативная компетенция – речевая деятельность, навыки сотрудничества. В познавательном плане школьники учатся работать с информацией, выполнять логические операции сравнения, анализа, обобщения, классификации; устанавливать аналогии. Работа над проектом имеет личностные мировоззренческие результаты: способствует формированию российской идентичности, личному самоопределению, обретению смысла жизни (с помощью произведений искусства).

В процессе исследования культуроведческого материала и написания энциклопедической статьи приобретаются метапредметные умения, которые неразрывно

связаны с развитием творческого потенциала ребенка. Эти умения развиваются в процессе активизации видов речевой деятельности средствами живописи и музыки.

Библиографический список

1. Рубинштейн С.Л.: Основы общей психологии. М.: 1989, с. 458.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969, с. 33.
3. Ходякова Л.А. Использование репродукций в свете теории речевой деятельности. //Учим и учимся. Эффективные приемы работы на занятиях по методике преподавания русского языка. Учебно-методическое пособие. М: Прометей, 1994, с.93-100.
4. Вершинина Г.Б. Вольна о музыке глаголить. Музыка на уроках развития речи. М: Новая школа, 1996. 191 с.
5. Сухомлинский В.А. Наглядность – тропинка познания и свет, озаряющий эту тропинку.//100 советов учителю.//Собрание сочинений в 5 т. Киев: 1979, 2 т., С. 473.
6. Современная энциклопедия. 2000. <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p/>
7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. 2000.<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1998. 848 с. (Библиотека словарей рус.яз.)
9. Музыкальный энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт.: А 3. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
11. Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге. // Собрание сочинений, М.: Художественная литература, 1974, с. 145.
12. Слово о полку Игореве. / Памятники литературы Древней Руси. 2 выпуск. М.: Художественная литература, 1980, с. 87. Или: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941>
13. Левик Б.В. Музыкальная литература зарубежных стран. Вып.2. М.: Издательство «Музыка», 1975. 302 с.
14. Ходякова Л.А. Использование технологии проектов в рамках культуроориентированного элективного курса для студентов-филологов./Сб. научных трудов МПГУ, серия «Гуманитарные науки». М., Прометей, 2006, с. 33-36.

References

1. Rubenstein S. L. Bases of the general psychology. M: 1989, page 458.
2. Leontyev A.A. Language, speech, speech activity. M: Prosveschenie, 1969, page 33.
3. Hodyakova L.A. Use of reproductions in the light of the theory of speech activity. // We learn and study. Effective working methods on classes in a technique of teaching of Russian. Educational and methodical grant. M: Prometheus, 1994, page 93-100.
4. Vershinina G. B. It is free to speak about music. Music at lessons of development of speech. M: New school, 1996.191 pages.
5. Sukhomlinsky V.A. Naglyadnost – a footpath of knowledge and light which is lighting up these тропинку.//100 councils учителю.//Collected works in 5 t. Kiev: 1979, 2 t. page 473.
6. Modern encyclopedia. 2000 . <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc1p/>
7. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of Russian. 2000.<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova>
8. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign-language words. M: Russian language, 1998. 848 pages (Library of dictionaries of a Russian language)
9. Musical encyclopedic dictionary. M: «The Soviet encyclopedia», 1990.
10. Distance of Century. And. Explanatory dictionary of living great Russian language. In 4 vol.: And – Z. M: OLMA-PRESS, 2002.
11. Pushkin A.S. Song about prophetic Oleg. // Collected works, M: Khudozhestvennaya literature , 1974, page 145.
12. Tale of Igor's Campaign. / Monuments of literature of Ancient Russia. 2nd release. M: Fiction, 1980, page 87. Or: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941>
13. Levik B. V. Musical literature of foreign countries. Вып.2. M: Muzyka publishing house, 1975. 302 pages.
14. Hodyakova L.A. Use of technology of projects within a kulturooriyentirovanny elective course for students-filologov./Sb. scientific works of MPGU, Humanities series. M, Prometheus, 2006, Pp. 33-36.

УДК 159.9:355 (075)

UDK 159.9:355 (075)

И.Е. ШЕМЯКИНА

старший преподаватель кафедры естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
E-mail: iri@mail.ru

I.E. SHEMYAKINA

senior lecturer of the chair "Natural and general professional sciences", Tyumen Higher Military Engineer Command School named after Marshal of Engineering troops A.I. Proshlyakov
E-mail: iri@mail.ru

**САМООБРАЗОВАНИЕ – ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ КУРСАНТОВ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ**

**SELF – EDUCATION IS A BASE OF DEVELOPMENT OF SUBJECTIVITY OF CADETS IN MODERN CONDITIONS
OF SOCIAL PEDAGOGICAL CHANGES OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT
OF HIGHER MILITARY EDUCATIONAL INSTITUTION**

В статье с позиции компетентностного подхода в современных условиях социально-педагогических изменений образовательной среды высшего военного учебного заведения рассматриваются этапы педагогической методики создания субъект-субъектных отношений между преподавателем и курсантом на основе формирования и развития навыков самообразования у курсантов.

Ключевые слова: образовательный процесс, компетентностный подход, компетенция, самостоятельность, субъектность, становление субъектности, субъект-субъектные отношения, самообразование, навыки самообразования.

In the article the stages of the pedagogical methodology for the creation of subject-subject relations between teacher and cadet on the base of formation and development of skills of self-education of cadets are discussed from the position of the competency approach in modern conditions of social pedagogical changes of educational environment of a higher military educational institution..

Keywords: competency approach, independence, subjectivity, development of subjectivity, self-education.

Современные условия развития российского общества, в том числе и российского образования, диктуют необходимость качественной подготовки специалистов любой сферы деятельности: профессионализма и гражданственности. Ценность образования сегодня в том, что образовательный процесс рассматривается как человекоформирующий, помогающий учащемуся становиться социализированной личностью, приобретая статус субъектности и в то же время защищенности в постоянно меняющемся современном мире.

В военном профессиональном образовании, являющемся частью общего непрерывного образования, подготовка компетентностного специалиста в военной деятельности предполагает получение результата как минимум в двух направлениях – военное и гражданское образование.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования обозначили потребности нашего общества при подготовке специалиста в общекультурных и профессиональных компетенциях, причем самым потребностным во всех компетенциях обозначено такое личностное и профессиональное свойство, как самостоятельность. Целевой функцией обучения в высшем военном учебном заведении автор А. Письменский в своей статье

«Каким быть военно-инженерному образованию?» [4, с. 55] видит развитие мотивации обучения у курсантов-будущих офицеров российской армии в основном на самостоятельном труде, формирование у них цельного мировоззрения и стремления к самообразованию на протяжении всей жизни.

Самостоятельность в нашей работе определяется как обобщенное свойство личности курсанта, проявляющееся в его инициативности, критичности, адекватной самооценке, чувстве личной ответственности за свою деятельность и личное поведение. Ученые рассматривают самостоятельность как этап становления личности человека в процессе своей жизнедеятельности. Образовательный процесс, занимая в жизни курсанта большую часть времени, что соответствует специфике образовательной среды высшего военного учебного заведения, характеризуется на современном этапе внедрения новых стандартов выделением большего времени на самостоятельную работу курсантов. Такое изменение образовательной среды приводит к противоречиям, например, недостаточно разработанных педагогических методик, ориентированных на формирование и развитие у курсантов навыков самообразования. По мнению ученых, именно самостоятельность выполнения какого-либо действия имеет связь с

активной работой мысли, чувств и воли. В определении самостоятельности личности указано, что только когда развиваются мыслительные, эмоциональные и волевые процессы в человеке, только тогда развиваются самостоятельные суждения и действия. Развитие последних в свою очередь укрепляет и формирует способность личности принимать сознательно мотивированные решения, добиваться успешного выполнения этих решений, не зависимо от трудностей, с которыми человеку придется на своем пути встретиться [10].

Таким образом, связь между мыслью о деятельности и выполнением этой деятельности двусторонняя и развивается только благодаря развитию самостоятельности курсантов. Развитию самостоятельности курсантов способствуют следующие виды учебной деятельности: выполнение самостоятельных, лабораторных и контрольных работ, участие в научной и рационализаторской деятельности. Особенно необходимо выделить выполнение курсантами военно-профессиональных обязанностей на протяжении всего обучения, прохождение учебной практики в виде военно-полевых работ или стажировки в войсках. Преподаватели кафедры отмечают, что когда курсант начинает интересоваться опытом преподавателя и делиться собственным опытом, то возрастает его активность к изучению учебного материала, в том числе и самостоятельно. И все же современная классно-урочная система обучения общепрофессиональным дисциплинам в высшем военном учебном заведении не обеспечивает индивидуального проявления каждого из обучающихся курсантов. Это происходит по причине, например, ограниченности времени или индивидуальных характеристик курсанта и др. Уже на первом году обучения преподавателям приходится наблюдать понижение мотивации к приобретению общепрофессиональных знаний и практически полный отказ от самостоятельности тех курсантов, кто слабо подготовлен к обучению в высшем военном учебном заведении.

Совершенствование образовательного процесса в высших военных учебных заведениях характеризуется совмещением гражданского и военного образования, на современном этапе решается проблема перехода субъект-объектных отношений в субъект-субъектные отношения между преподавателем и курсантом. Решение проблемы требует от преподавателей дополнительной подготовки к восприятию современных социально-педагогических изменений образовательной среды высшего военного учебного заведения, применения дифференцированного подхода к личности курсанта при помощи межпредметной интеграции, способствующей самопознанию и самопринятию курсантом себя. Автор Соснин Н.В. в своем труде «О структуре содержания обучения в компетентностной модели» отмечает, что «компетентностный подход предполагает новое видение содержания обучения, методов и технологий, позволяющее преодолеть традиционную дисциплинарность высшего образования. Компетенция – категория интегральная, междисциплинарная и надпредметная; на ее освоение должен работать большой спектр дис-

циплин разного свойства и из разных циклов, личный опыт, неформальное образование, условия процесса и др.» [5, с. 21-22]. Вместе с этим каждому преподавателю в своей практической деятельности необходимо ориентироваться на постулат философа Эммануила Канта: «Надо не мыслям учить, а учить мыслить». По мнению Косова Б.Б., переход на идеологию методологической направленности обучения поможет «студенту перейти от содержательно-отражательного получения научных знаний к конструктивно-деятельностному».

Автор Медведева Е.В. в своей научной статье «Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза» [3, с. 83-86], анализируя работы ряда исследователей, отмечает, что субъектность личности является ее интегральным качеством; благодаря которому человек стремится к своему совершенствованию. Основой же формирования субъектности личности автор считает активность личности, ее способность к организации времени собственной жизни. Проектируя педагогическую методику формирования и развития навыков самообразования у курсантов, мы придерживались мнения автора Медведевой Е.В. о представлении личностно-профессионального развития студентов последовательностью следующих стадий: адаптация к условиям вуза, принятие нового социального статуса; идентификация с требованиями учебной, учебно-профессиональной деятельности; самореализация в образовательном процессе; самопроектирование профессионального становления. Перечисленные стадии диалектически связаны с этапами преподавательской деятельности: мотивационно-установочный; формирования первичных навыков и умений; формирования профессиональной компетентности и преобразовательно-практический. Анализируя сущностные характеристики субъекта и субъектности, автор в качестве основных функций студента как субъекта деятельности выделяет следующие: самопознание, самореализация, самоутверждение, самооценка, саморегуляция, самодетерминация, самоактуализация.

Особенность современного образования состоит в формировании и развитии самообразовательной практики каждого учащегося. Понятие «самообразование» формулируется учеными (В.И. Загвязинский, А.Ф. Закирова, Т.А. Строкова, С.И. Ожегов, Е. Комаров и др.) с разных позиций (процесс, система, и др.) и приобретает в настоящее время различное содержательное и процессуальное наполнение, связанное с получением и усвоением знаний самостоятельно.

Мы же будем придерживаться позиции словообразования и рассматривать «самообразование» как «сам образую» себя, становлюсь гражданином и профессионалом. Такой подход к понятию «самообразование» позволяет ученым рассматривать самообразовательный процесс шире: самостоятельное приобретение знаний плюс формирование себя с помощью собственного образа. Учащемуся самообразование позволяет «строить мостик» в свое будущее и создает возможность увидеть смысл своих действий, поступков сейчас. Профессионально реализовать себя в будущем

возможно, если осознанно и осмысленно представлять себя, свой идеал профессионала и строить стратегию своего профессионального будущего роста. Именно об этом автор Малиновский А.В. пишет в своей работе «Психологические аспекты развития профессионального самосознания личности студента» [2, с. 18-19]. Автор заключает, что «строение профессионального самосознания образует трехуровневую структуру, динамику трех образов «Я»: «Я-реальное (настоящее)», «Я-идеальное (профессиональное)» и «Я-будущее (развивающийся профессионал)».

Каждый из трех образов Малиновский А.В. рассматривает в следующем виде:

- «Я-реальное» – это комплекс представлений о себе, формируется во взаимодействии со сложившейся у студента Я-концепцией, а также со сложившимся у него идеалом своего будущего;
- «Я-идеальное (профессиональное)» – это комплекс представлений студента об идеальном профессионале;
- «Я-будущее (развивающийся профессионал)» – это комплекс представлений студента о перспективах своего развития и самосовершенствования на профессиональном пути, выход на смысложизненное самоопределение.

А.В. Малиновский предлагает решать проблему «развития профессионального самосознания исходя из базовых утверждений:

1. Профессиональное самосознание формируется как системный процесс становления Я-образов студента в развитии элементов профессиональной деятельности.

2. Профессиональное самосознание студента выступает продуктом осознания и осмысления себя в настоящем, образа идеального профессионального, к которому учащийся будет стремиться, и образа себя в будущем, как развивающегося профессионала, обладающего ресурсами для дальнейшего развития себя в профессии.

3. В деятельностном плане профессиональное самосознание включает в себя когнитивный, эмоционально-ценностный, мотивационно-целевой и операционный компоненты.

4. Развитие профессионального самосознания студента неразрывно связано с развитием компетенций самоорганизации учебного процесса».

Автор А.М. Столяренко в [6, с. 331-334] к учебно-педагогическим факторам лично-формирующего пространства вуза относит руководство учением обучающихся и самоорганизацию учения обучающихся, которая зависит от самих студентов, от благоприятного влияния всех других групп факторов, от специальной работы преподавателей, от студенческих общественных формирований по стимулированию, от обучения способам эффективного образования. Под руководством учением обучающихся подразумевается постоянное побуждение обучающихся к самооценке своего выполненного труда, учение умению правильно делать ее, мотивировать, направлять и помогать в самореализации – самовоспитании, самообразовании, самообучении и саморазвитии.

зации – самовоспитании, самообразовании, самообучении и саморазвитии.

Авторы в своей работе «Что такое самообразование?» [11] рассматривают два вида самообразования: автономное и системное. Мы в своей статье опираемся на системное самообразование курсантов, способствующее формированию и развитию навыков самообразования, тем самым мотивации к самостоятельному приобретению учебно-профессиональных и гражданских знаний. Под навыками самообразования студентов авторы понимают следующие умения: «научиться анализировать, планировать и оценивать собственную учебную деятельность». Считают основополагающими самоанализ и самооценку, потому что с их помощью учащийся учится определять успешность своих учебных действий и направлять в дальнейшем свои усилия на учебное самосовершенствование, «умение оценить себя – сильный фактор активации самостоятельной учебной деятельности».

Таким образом, ученые выделяют необходимость самостоятельной работы по самообразованию и в то же время предлагают рекомендации, памятки и др. по самообразованию. Считают необходимым правильную организацию [12], потребности, интересы [13], мотивацию (самотивацию) человека, используемые технологии по получению новых знаний, общение с другими людьми [14] и целые методические системы [15] важными условиями формирования и развития навыков самообразования личности.

С целью выявления социальных изменений образовательной среды высшего военного учебного заведения было проведено обследование группы курсантов первого (73 человека) и второго (30 человек) годов обучения (возраст от 17 до 21 года). Одним из рассмотренных социальных проявлений группы курсантов стала степень их самостоятельности (рис. 1). Использована методика-тест на определение степени самостоятельности [16].

Рис.1. Степень самостоятельности курсантов.

На рисунке 1 можно наблюдать, что

- 90% курсантов имеют высокую степень самостоятельности, которая характеризует их как самостоятельными во всех отношениях, не терпящих какого-либо вмешательства в свои дела, не прислушивающихся к чужому мнению, излишне упрямыми, не всегда точно умеющих оценивать плюсы и минусы какого-либо решения, самоуверенными не в меру,
- 10% курсантов имеют среднюю степень самостоятельности, которая характеризует их как имеющих сильный характер, неплохо переносящих стрессы, надежными в дружбе, имеющими уверенность в себе, обоснованную в будущем, независимыми, но всегда

прислушивающимися к мнению окружающих, которые за это ценят их.

Следующим рассмотренным социальным проявлением группы испытуемых курсантов стала их самооценка уровня притязаний по методике Шварцландера [9]. Результаты исследования представлены на рисунке 2.

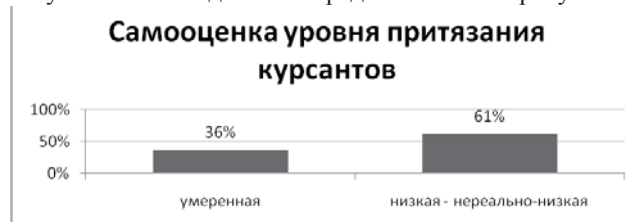

Рис. 2. Самооценка уровня притязания курсантов.

На рисунке 2 можно наблюдать результаты исследования самооценки уровня притязаний курсантов первого и второго годов обучения:

- 36% курсантов имеют умеренную самооценку уровня притязания, которая характеризует их как стабильно и успешно решающих круг задач средней сложности, не стремящихся улучшить свои достижения, способности и перейти к более трудным целям,
- 61% курсантов имеют низкую и нереально-низкую самооценку уровня притязания, которая характеризует их как выбирающих слишком легкие и простые цели.

Результаты исследования факторов, помогающих и мешающих курсантам изучать общепрофессиональные дисциплины, показали, что рейтинг в группах помогающих и мешающих факторов выстроился следующим образом: на 1-е место среди помогающих – личностные курсантские, а среди мешающих – профессиональные [7, с. 136-141].

Лонгитюдные исследования курсантской среды высшего военного учебного заведения подтверждают высокие результаты исследования уровня профессиональной направленности курсантов первого и второго годов обучения [8, с. 141-143].

Описывая социальные изменения, происходящие в образовательной среде высшего военного учебного заведения, мы обязаны учитывать результаты психологических исследований по России. Они показывают: падение мотивации молодых людей к труду, падение к соблюдению дисциплины, индивидуализм выше коллективизма, все меньшее сострадание и взаимопомощь, все большее проявление душевной черствости, жестокости, желания подавить на пути тех, кто мешает личному успеху. А.С. Запесоцкий характеризует современную студенческую молодежь так: только 30% обучающихся могут работать под руководством педагога, остальные 70% в лучшем случае могут пересказать информацию, полученную от преподавателя или из учебника, не способны подвергать анализу текст, хотя его легко достанут с помощью интернета [1, с.6].

Проведенное нами исследование интеллектуально-го уровня обучающихся в вузе курсантов подтверждает эти выводы.

Учитывая социально-педагогические изменения, происходящие в образовательной среде высшего воен-

ного учебного заведения и опираясь на представленные в данной научной статье важные подходы и понятия, мы предлагаем к рассмотрению педагогическую методику по изучению одной из общепрофессиональных дисциплин (например, математика). Данная методика должна способствовать становлению субъект-субъектных отношений между преподавателем и курсантом на основе формирования и развития навыков самообразования у курсантов и содержать следующие этапы:

1. мотивационный (направленность на самообразование), содержащий:

а. собственное представление образа российского офицера;

б. выписки из нормативных документов: ФГОС ВПО (виды профессиональной деятельности, по которым ведется подготовка по специальности и требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки специалиста), характеристики на выпускника вуза (отзыв из военной части после года службы)

2. когнитивный (понимание сущности самообразования как личностной и профессиональной ценности), содержащий:

а. социально-психологические методики изучения своей личности;

б. методики изучения мотивов своей учебной деятельности

3. деятельностный (умение планировать, осуществлять и управлять самообразованием), содержащий:

а. анкету целей и планов изучения дисциплины;

б. перечень контрольных точек с заданиями обязательного уровня, списком литературы по изучению учебного материала, датами выполнения контрольных точек и предложениями к курсантам спланировать свою оценку за выполнение контрольной точки;

4. оценочный (умение оценивать свои результаты), содержащий:

а. диагностические шкалы для самодиагностики по выполнению требований к результатам освоения дисциплины (знаю, умею, владею) по каждой изученной теме;

б. диагностические шкалы для самодиагностики по выполнению требований к результатам освоения дисциплины (знаю, умею, владею) по компетенциям из ФГОС ВПО соответствующей специальности.

Считаем, что предлагаемая педагогическая методика имеет гуманистическую направленность, обеспечивает личностно-дифференцированное ориентирование на индивидуальность курсанта, интегрирует в себе разные дисциплины с нормативными документами в высшем профессиональном образовании. Общая цель проектируемой методики заключается в обучении курсантов навыкам самообразования, тем самым становления их субъектности посредством идеологии методологической направленности.

Таким образом, социально-педагогические изменения образовательной среды высшего военного учебного заведения диктуют необходимость становления субъектности курсантов и перехода к субъект-субъектным

отношениям между курсантом и преподавателем. Субъектность курсанта формируется в его самостоятельности суждений, поступков, субъект-субъектные отношения между преподавателем и курсантом могут быть выстроены только в организованном (организация со стороны преподавателей и самоорганизация курсанта) образовательном процессе высшего военного учебного заведения. Сам же курсант в нашем понимании является субъектом, т.е. самоутверждающейся, самореализующейся в образовательном процессе вуза социализированной личностью, обладающей навыками самообразования: самоанализ, самопроектирование, самооценка. С позиции компетентностного подхода

нами рассмотрены этапы педагогической методики для использования в организации образовательного процесса высшего военного учебного заведения с целью становления субъект-субъектных отношений между преподавателем и курсантом на основе формирования и развития навыков самообразования у курсантов. Разработка и внедрение проектируемой педагогической методики, способствующей формированию и развитию навыков самообразования у курсантов, позволит расширить банк педагогических технологий взаимосвязи между преподавателями и курсантами по достижению целей образования.

Библиографический список

1. *Запесоцкий А.С.* Проблемы деятельности институтов социализации в современной России. Научно-теоретический журнал Российской академии образования «Педагогика», 2011. № 9. С.6.
2. *Малиновский А.В.* Психологические аспекты развития профессионального самосознания личности студента. Теоретические и прикладные аспекты личностно-профессионального развития: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть 2. Омск, 2011. С.18-19.
3. *Медведева Е.В.* Становление субъектности студента в образовательном процессе вуза. Высшее образование в России, 2013, № 1. С.83-86.
4. *Письменский А.* Каким быть военно-инженерному образованию?. Армейский сборник, 2012, февраль. С.53-56.
5. *Соснин Н.В.* О структуре содержания обучения в компетентностной модели. Высшее образование в России, 2013, № 1. С.20-23.
6. *Столяренко А.М.* Психология и педагогика: М.: ЮНИТИ, 2006, 527 с.
7. *Шемякина И.Е.* Выявление факторов, влияющих на уровень усвоения курсантами дисциплин математика и теоретическая механика. Образование в эпоху перемен: Сборник научных трудов. Выпуск 7. СПб.: Экспресс, 2011. С. 136-141.
8. *Шемякина И.Е.* Изучение уровня профессиональной направленности курсантов военных ВУЗов (на примере ТВВИКУ). Теоретические и прикладные аспекты личностно-профессионального развития: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях. Часть 2. Омск, 2011. С. 141-143
9. <http://conflictologiy.narod.ru/test/shv/shv.htm>
10. <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/samostojatelnost.html>
11. <http://gekkon12.livejournal.com/4597.html>
12. <http://aleksedt.narod.ru/samooobrazovanie.html>
13. <http://allydota.ru/item/items45541.html>
14. <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/19/876/>
15. <http://www.lib.podelise.ru/docs/1050/index-4660.html>
16. <http://nashol.com/20100426412/bolshaya-enciklopediya-psihologicheskikh-testov.html>

References

1. *Zapesotsky AS* Problems of social institutions in contemporary Russia [Text] / A. Zapesotsky // Scientific and theoretical journal of the Russian Academy of Education, "Education", 2011. № 9. P.6.
2. *Malinowski A.* Psychological aspects of the development of professional self-consciousness of the student [Text] / A. Malinowski // Theoretical and applied aspects of personal and professional development: Proceedings of IV All-Russian scientific-practical conference with international participation. In two parts. Part 2. Omsk, 2011. P.18-19.
3. *Medvedev E.V.* The formation of subjectivity student in the educational process of high school. Higher Education in Russia, in 2013, № 1. Pp.83-86.
4. *Pismensky A.* What should be the military engineering education? Military Collection, 2012. February. Pp.53-56.
5. *Sosnin NV* The structure of the learning content in komptentnostnoy model [Text] / NV Sosnin // Higher Education in Russia, in 2013, № 1. Pp.20-23.
6. *Stolyarenko AM* Psychology and Pedagogy: M: UNITY, 2006, 527 p.
7. *Shemyakina I.E.* Identify factors affecting the level of assimilation of cadets disciplines of mathematics and theoretical mechanics [Text] / I.E. Shemyakina // Education in Times of Change: Proceedings. Issue 7. - St. Petersburg.: Express, 2011. - P. 136-141.
8. *Shemyakina I.E.* The study of the professional orientation of students of military universities (for example TVVIKU) [Text] / I.E. Shemyakina // Theoretical and applied aspects of personal and professional development: Proceedings of IV All-Russian scientific-practical conference with international participation. In two parts. Part 2. - Omsk, 2011. - Pp. 141-143
9. <http://conflictologiy.narod.ru/test/shv/shv.htm>
10. <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/s/samostojatelnost.html>
11. <http://gekkon12.livejournal.com/4597.html>
12. <http://aleksedt.narod.ru/samooobrazovanie.html>
13. <http://allydota.ru/item/items45541.html>
14. <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/19/876/>
15. <http://www.lib.podelise.ru/docs/1050/index-4660.html>
16. <http://nashol.com/20100426412/bolshaya-enciklopediya-psihologicheskikh-testov.html>

УДК 005.1

UDC 005.1

Д. В. ШЕПЕТЬКО

кандидат педагогических наук, преподаватель Академии ФСО России
E-mail: shepetko_den@mail.ru

D. V. SHEPETKO

candidate of pedagogical sciences, teacher of Academy of FSS of Russia
E-mail: shepetko_den@mail.ru

РОЛЬ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА В ПРИНЯТИИ ЭФФЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

THE ROLE OF THE SYSTEM ANALYSIS IN EFFECTIVE ADMINISTRATIVE DECISION-MAKING

В статье рассматривается вопрос принятия эффективного управленческого решения руководителем при опоре на системный анализ, научную организацию процесса управления.

Автором выделяются требования, предъявляемые к управленцу, этапы принятия эффективного управленческого решения и уровень его управленческой ответственности.

Ключевые слова: руководитель, эффективное управленческое решение, системный анализ, этапы принятия эффективного управленческого решения, управленческая ответственность.

The article discusses the problem of taking effective administrative decision by an administrator on the basis of the system analysis and scientific organization of administration process.

The author describes the requirements to an administrator, the stages of taking effective administrative decision and the level of his administration responsibility.

Keywords: manager, systems analysis, managerial responsibility, effective management decisions, stages of the adoption of effective management decision.

Вопросы эффективного руководства вызывали интерес человечества с давних времен, однако, систематическое и целенаправленное их изучение началось только во второй половине XX века. Знания в области принятия управленческих решений возникли на стыке таких наук, как этика, психология, лингвистика, социальная педагогика, менеджмент, риторика, и получили свое развитие в трудах Б.Г. Ананьева, А.Л. Журавлева, Д.Н. Завалишина, А.Ф. Иоффе, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, Д. Мартина, А.В. Филиппова и других российских и зарубежных исследователей [4]. Совокупность этих знаний и накопленного положительного и отрицательного опыта предыдущих поколений помогает начинающему руководителю овладеть навыками делового общения и добиться эффективного взаимодействия с коллегами и подчиненными.

Современное общество находится под влиянием научно-технической революции, вступило в новую фазу активного развития. Наблюдается качественный сдвиг в области технологических процессов, ускоренное использование последних достижений науки и техники, что существенно влияет на деятельность современного руководителя, базирующуюся на багаже научных знаний. Опыт руководителей прошлого в значительной мере теряет актуальность и отличается от настоящего не только в информационно-аналитическом, логическом, но и практическом смысле.

Кризисные ситуации, которые складываются в социальной, политической и экономической жизни общества, можно охарактеризовать как достаточно сложные, и мировая научная общественность как производи-

тельная сила заняла особое место в стимулировании и совершенствовании научно-технического прогресса, выдвигая на первый план концепции, объясняющие сложные явления в системе управления персоналом, вырабатывая конкретные методы и формы управления этими процессами. Перспективный руководитель настоящего, специалист в управленческой деятельности должен не только обладать знаниями, умениями и навыками, позволяющими ему оперативно и адекватно реагировать на изменения рабочих ситуаций, но и предвидеть их, строить долгосрочные прогнозы, опираясь на знания системного анализа.

Системный анализ – это особый научный подход, объединяющий совокупность определенных научных методов и практических приемов решения разнообразных проблем, возникающих во всех сферах целенаправленной деятельности общества, на основе системного подхода и представления объекта исследования в виде системы. Характеризуется главным образом упорядоченным, логически обоснованным подходом к исследованию проблем и использованию существующих методов их решения, которые могут быть разработаны в рамках других наук [2].

Вместе с тем, в структуру профессиональной подготовки управленца будущего должно быть включено формирование как общепрофессиональных, так и специфических компетенций, диктуемых вопросами конкретной профессиональной деятельности и требованиями, предъявляемыми современным обществом.

Сущность системного подхода заключается в том, что относительно самостоятельные компоненты рас-

считаются не изолированно, а в их взаимосвязи и развитии. Такой подход позволяет выявить интегративные (целостные) системные свойства и качественные характеристики процесса принятия управленческого решения.

Характерной особенностью системы является то, что поиск лучшего решения проблемы начинается с определения и упорядочения целей деятельности системы, при функционировании которой возникла данная проблема. При этом устанавливается соответствие между этими целями, возможными путями решения возникшей проблемы и необходимыми для этого ресурсами.

Иными словами, системный анализ – это совокупность систематизированных методов оказания лицу, принимающему решение, помощи при выборе последовательности действий путем изучения всей проблемы в целом, определения конечных целей и различных путей их достижения с учетом возможных последствий. Используются аналитические прогнозы, предназначенные для решения в первую очередь слабоструктурированных проблем, то есть проблем, состав элементов и взаимосвязей которых установлен только частично, а также задач, возникающих, как правило, в ситуациях, характеризующихся наличием фактора неопределенности и содержащих неформализуемые элементы, неперево-димые на язык математики.

Основная цель системного анализа – это полная и всесторонняя проверка различных вариантов действий с точки зрения количественного и качественного сопоставления затраченных ресурсов с получаемым эффектом. Системный анализ выступает средством установления рамок для систематизированного и более эффективного использования накопленных знаний, суждений и интуиции специалистов, склоняя их к определенной дисциплине мышления.

Ведущая задача системного анализа заключается в раскрытии содержания проблем, стоящих перед управленцем, с тем, чтобы стали очевидны все основные последствия решения и их можно было бы учитывать, в сознательном систематизированном применении всей совокупности методов анализа, уделяя наибольшее внимание вопросам неопределенности и проверки полученных результатов на чувствительность к изменению показателей и факторов, определяющих функционирование системы. Степень чувствительности системы к изменению этих показателей и факторов указывает, на какие из них следует обратить особое внимание, а какими можно пренебречь.

Данный подход в управлении персоналом позволяет более строго подойти к оценке возможных вариантов действий и выбрать наилучший из них с учетом дополнительных, неформализуемых факторов и моментов, которые могут быть неизвестны руководителю. В условиях кризисного социума управление необходимо рассматривать не в качестве набора отдельных управленческих методов и приёмов, применяемых в различных областях профессиональной деятельности, а как явление их объединяющее.

Профессиональный управленец должен владеть технологиями выработки, принятия, реализации управленческих решений, без которых эффективное управление организацией в сложной обстановке практически невозможно [3].

Разработка эффективных управленческих решений является важным процессом, связывающим основные функции управления: планирование, организацию, мотивацию, контроль. Именно решения, принимаемые руководителями любой организации, определяют не только эффективность его деятельности, но и возможность устойчивого развития, выживаемость организации в быстро изменяющемся мире.

Следовательно, принятие эффективных управленческих решений – одно из наиболее важных условий эффективного существования и развития организации [1].

Деятельность по принятию эффективных управленческих решений можно условно разделить на следующие этапы:

Во-первых, обоснование замысла, предполагающее анализ и оценку обстановки, целей деятельности, средств и ресурсов реализации таковой.

Во-вторых, принятие решения.

В-третьих, выполнение подготовительного этапа, предполагающего поступление дополнительной информации и корректировку замысла.

В-четвертых, выполнение основного этапа, в ходе которого по данным о текущей обстановке уточняются детали действий.

В-пятых, оценка результатов [6].

В процессе принятия управленческого решения выделяют следующие основные функции руководителя.

1. Управлять процессом выработки решения.
2. Выдвигать задачу для решения, участвуя в ее конкретизации и выборе оценочных критериев. При этом необходимо правильно определить и поставить задачу в чрезвычайно сложной и противоречивой ситуации в кратчайшие сроки, что является существенной обязанностью руководителя, главной творческой частью его работы.
3. Выполнять работу по принятию эффективного и ответственного решения.
4. Возглавлять работы на этапе реализации принятого решения.

Управленческое решение является непосредственным продуктом труда руководителя любого уровня и ранга. Формирование эффективных управленческих решений всегда предполагает проявление инициативы как руководителя, так и исполнителя. В современных условиях при принятии решений у руководителей значительно расширяются самостоятельность и возможность поиска эффективных решений, но и повышается ответственность за последствия принятых решений [2].

Управленческая ответственность – это готовность и способность руководителя нести личную ответственность за принятые решения, а также и за их последствия. Выделяют общую управленческую ответственность, которую несет руководитель за создание необходимых

условий работы, и функциональную ответственность исполнителя за конкретный результат. С увеличением количества решаемых задач, полномочий руководителя возрастает его управленческая ответственность.

Определяющим в развитии ответственности управленца выступает, с одной стороны, система социальных задач и целей, которые ставит перед собой руководитель в деятельности в различных сообществах (учебном, трудовом), а с другой стороны, обусловлено требованиями и задачами, решаемыми в обществе различными социальными институтами системы образования (образование, воспитание, социализация человека).

Ответственность выступает как важнейшая базовая нравственная категория, она определяет моральное сознание человека, нормы его поведения в социуме с позиции существующих нравственных норм и культурных традиций, организации бытовой, трудовой, коллективной и иной сфер социальной жизнедеятельности. От конкретного содержания нравственных норм, усвоенных человеком, зависит то, в чем он будет усматривать свой долг, являющийся составной частью любого поступка личности. Долг выполняет конкретную функцию нравственного сознания и играет важнейшую роль в социальной самореализации поведения человека. Именно чувство долга помогает личности противостоять тем желаниям, которые противоречат требованиям общества, и способствует профессиональному росту

личности.

Так решение проблемы принятия эффективного управленческого решения можно охарактеризовать как аккумулированные и по определенным правилам логически упорядоченные знания, представляющие собой систему принципов, методов и технологий управления, разработанных на основе информации, полученной как эмпирическим путем, так и в результате использования достижений системного анализа.

Системный анализ в большей степени сосредоточен на методологии принятия и обоснования управленческих решений, знаменует переход от решения хорошо структурированных, формализуемых проблем, когда четко определены цели, пути их реализации и критерии, что достигается на основе методов исследования операций, к решению проблем слабоструктурированных, возникающих в условиях неопределенности и содержащих неформализуемые элементы. Организация работы коллектива исполнителей, разработка, принятие и реализации обоснованных эффективных управленческих решений при наличии различных мнений, лимита времени, нахождении компромисса между различными сценариями решения задач как при долгосрочном, так и при краткосрочном планировании – основная составляющая управленческой деятельности востребованного эффективного современного руководителя, успех выполнения всего комплекса возложенных на него задач.

Библиографический список

1. Башкатова Ю.И. Управленческие решения: Учебное пособие по изучению дисциплины, руководство, практикум, тесты и учебная программа. // Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М.: МЭСИ, 2005. 184 с.
2. Величко С.В., Сергеев, Н.Е. Принятие решений: анализ процессов представления информации. Ч. 1. Таганрог, 2008.
3. Злобина Н.В. Управленческие решения: учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 80 с.
4. Кошелева А.О., Дрягин С.В. Управленческая компетентность военного специалиста: монография. Под общей редакцией А. О. Кошелевой. Орел: Академия ФСО России, 2010. 98 с.
5. Полякова Л.В. Модернизация двухуровневой системы подготовки управленческих кадров. Профессиональное образование. М.: Столица, 2009. № 2.
6. Суботина И.В. Проблема принятия управленческих решений в контексте культуры информационного общества.: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. 09.00.11 / Субботина, Ирина Владимировна Тверь: ТГУ, 2005.

References

1. Bashkatova YU.I. Administrative decisions: The manual on discipline studying, the management, a practical work, tests and the training program / Yu.I.Bashkatova//the Moscow state university of economy, statistics and informatics. M: MESI, 2005. 184 pages.
2. Velichko S.V. Sergeev N.E. Decision taking: analysis of processes of information submission. P.1. [Text] / S.V. Velichko, N.E.Sergeev. – Taganrog, 2008.
3. Zlobina N.V. Administrative decisions: manual. Tambov: Publishing house of tambov state texnical university, 2007. 80 pages.
4. Kosheleva A.O., Dryagin S.V. Administrative competence of the military expert: monograph/ under A.O. Kosheleva's general edition. – OREL: Academy of FSS of Russia, 2010. 98 p.
5. Polyakova L.V. Modernization of two-level system of preparation of administrative shots.//Professional education. M: STOLITSA, 2009. No. 2.
6. Subotina I.V. Problema of adoption of administrative decisions in a context of culture of information society: author's abstract, cand.Dis., Philosophical sciences. 09.00.11 / Subbotina, Irina Vladimirovna Tver: TGU, 2005.

М.В. ЯКУШЕВ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка Орловского государственного университета
E-mail: yamax@orel.ru

M.V. JAKUSCHEV

candidate of pedagogical sciences, associate professor of German department, Orel state university
E-mail: yamax@orel.ru

**КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ:
О ЦЕЛЯХ И ПРЕЕМСТВЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**COMPETENCES AND COMPETENCE:
ABOUT THE GOALS AND CONTINUITY OF MODERN EDUCATION**

Компетентностный подход составляет основу проектирования современного образовательного процесса. Классификация ключевых компетенций, описание предметных компетенций, структуры и состава профессиональной компетентности обеспечат преемственность среднего общего (полного) и высшего профессионального образования, адекватную постановку целей, отбор содержания и организацию учебного материала, объективную оценку результатов учебной деятельности.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, компетенция, ключевые компетенции, содержание и структура компетенций.

The competence approach is the basis of the project of modern educational process. The classification of key competencies, the description of subject-specific competences, structure and composition of professional competence would ensure continuity of secondary and higher professional education, adequate setting of objectives, selection of content and organization of educational material, objective assessment of the results of educational activity.

Keywords: competence approach, competence, competence, key competences, content and structure of competencies.

Основой современной образовательной системы является компетентностный подход к целеполаганию, отбору содержания и организации учебной деятельности, оценке ее результатов. Его преимущество заключается в том, что компетенции носят интегративный характер, объединяют знания – интеллектуальную и умения – деятельностьную составляющую образования, позволяя тем самым характеризовать степень готовности к осуществлению той или иной деятельности. Компетенция может включать в себя однородные и близкородственные знания и умения, которые относятся, в свою очередь, к широким сферам жизни и разнообразным видам деятельности, поэтому классификация компетенций имеет решающее значение проектирования учебного процесса.

Серьезным препятствием в реализации целей и преемственности отечественного образования становятся, на наш взгляд, различные подходы к описанию в нормативных документах результативно-целевых характеристик среднего и высшего образования. Так, в основе Федеральных государственных образовательных стандартов *среднего образования* лежит системно-деятельностный подход, который устанавливает требования к личностным, метапредметным и предметным результатам освоения обучающимися основной образовательной программы [10]. «Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения» также оперирует терминами «способность», «готовность», «умение» и

достаточно осторожно отмечает: «В результате изучения всех без исключения предметов основной школы получают дальнейшее развитие личностные, регулятивные, коммуникативные и познавательные универсальные учебные действия, учебная (общая и предметная) и общепользовательская ИКТ-компетентность обучающихся» [9, с. 17].

С другой стороны, российскими учеными (В.А. Адольф, И.А. Зимняя, А.Р. Камалеева, Н.В. Кузьмина, Р.П. Мильруд, А.А. Рыбакова, А.В. Хуторской и др.) успешно разрабатывается компетентностный подход, в рамках которого предложены классификации компетенций, описана структура компетентности, дана всеобъемлющая характеристика ключевых компетенций. Федеральные государственные образовательные стандарты *высшего профессионального образования* закрепили, в свою очередь, употребление терминов «компетентность» и «компетенция» в отечественном образовании.

В данной статье предпринята очередная попытка рассмотреть объем понятий «компетентность» и «компетенция» и продемонстрировать не только возможности, но и целесообразность использования данных терминов при проектировании учебного процесса на разных уровнях образования.

Постановка данной проблемы в области обучения иностранным языкам уже имеет свою историю и относится к 60-м годам прошлого столетия. Исследователи указывают на следующие причины широкомасштаб-

ного продвижения компетентностного подхода в образовании:

- общеевропейские, мировые тенденции интеграции, глобализация мировой экономики;
- смена образовательных парадигм (знаниевая, гуманитарная, личностно-ориентированная, индивидуально-ориентированная, личностно-центрированная, коммуникативная), основанная на смене образовательных ценностей и технологий;
- предписания официальных документов – «общеобразовательная школа должна формировать новую систему универсальных знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся – ключевых компетенций» [1, с. 13; 2, с. 8].

В зарубежной традиции компетенции определяются как сочетание знаний, навыков и умений в определенном контексте. В. Хутмахер разделяет мнение Джона Колахана о том, что компетенции не могут быть сведены к практическим знаниям и репродуктивной деятельности (традиционной практике). Они полагают, что эта характеристика может быть выведена только в ходе наблюдения за выполняемой деятельностью и обеспечивает эту деятельность, позволяет сделать ее эффективной, повысить производительность. В. Хутмахер предлагает рассматривать компетенцию как «общую способность, основанную на знаниях, опыте, ценностях, склонностях, которые человек приобрел и развил в процессе всесторонней образовательной практики» [14, с. 4]

Новые вызовы современного общества требуют от гражданина владение широким диапазоном ключевых компетенций, обеспечивающих успешную социализацию, позволяющих гибко адаптироваться к быстро меняющейся ситуации и адекватно реагировать на подобные изменения. В этом контексте для образовательной политики Совета Европы крайне важно:

- выявить и определить ключевые компетенции, необходимые для самореализации личности, активной гражданской позиции, обеспечения социальной сплоченности и трудоустройства в обществе;
- оказать поддержку государствам в разработке ключевых компетенций уже на уровне начального образования, которое готовит молодых людей к взрослой жизни, формирует основу для профессиональной деятельности и обучения на протяжении всей их жизни;
- обеспечить образовательные учреждения и работодателей справочными пособиями, чтобы содействовать на национальном и Европейском уровне консолидации усилий по достижению согласованных целей образования, заложив тем самым основу для реализации соответствующих программ обучения. [15, с. 2]

Очевидно, что образование должно реагировать на личные запросы, социальные изменения, культурные или экономические обстоятельства и нуждается в этом смысле в особой поддержке. Именно поэтому Совет Европы определил 5 групп ключевых компетенций, формированию которых придается особое значение в подготовке специалистов:

1. Политические и социальные компетенции, такие как способность брать на себя ответственность, участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственным, участвовать в поддержании и улучшении демократических институтов.

2. Компетенции, связанные с жизнью в многокультурном обществе. Для того чтобы контролировать проявление расизма и ксенофобии и развития климата нетолерантности, образование должно «оснастить» молодых людей межкультурными компетенциями, такими как принятие различий, уважение других и способность жить с людьми других культур, языков и религий.

3. Компетенции, относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией, которые особенно важны для работы и социальной жизни, с акцентом на то, что тем людям, которые не владеют ими, угрожает социальная изоляция. В этом же контексте коммуникации все большую важность приобретает владение более чем одним языком.

4. Компетенции, связанные с информатизацией общества. Владение информационно-коммуникационными технологиями, понимание возможностей их применения, слабых и сильных сторон, овладение способами критического суждения в отношении информации, распространяемой массмедийными средствами и рекламой.

5. Способность учиться на протяжении всей жизни, непрерывного обучения и саморазвития в контексте как личной профессиональной, так и социальной жизни. [14, с. 11] (перевод автора).

Основу Европейской платформы ключевых компетенций составляют 8 компетенций, включенных в рекомендации Совета Европы от 18 декабря 2006 года:

- коммуникативная компетенция в родном языке;
- коммуникативная компетенция в иностранных языках;
- математическая компетенция и основные компетенции в области науки и техники;
- цифровая компетенция (икт-компетенция);
- умение учиться;
- социальная и гражданская компетенции;
- чувство инициативы и предпринимательства;
- культурное самосознание и самовыражение. [15, с. 3]

В документе сказано, что образовательные системы должны всесторонне поддерживать развитие данных компетенций, ибо они необходимы гражданам Европы для самореализации, социальной интеграции, формирования активной гражданской позиции и повышения потенциальных возможностей трудоустройства.

Авторы инициативы Intel® «Обучение для будущего», разработанной в США в 2000 году, относят компетентности к ключевым, если овладение ими позволяет решать различные проблемы в повседневной, профессиональной или социальной жизни. По их мнению, к ключевым компетентностям относятся:

- ✓ компетентность в сфере самостоятельной позна-

вательной деятельности, основанная на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в том числе внешкольных;

✓ компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, избирателя, потребителя);

✓ компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (умение анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные профессиональные возможности, ориентироваться в нормах и этике трудовых взаимоотношений, навыки самоорганизации);

✓ компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и проч.);

✓ компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности, (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность). [13, с. 23]

Несмотря на то, что перечень компетенций, составленный Жан-Франсуа Перре, состоит из 38 наименований, а состав ключевых компетенций колеблется от пяти до восьми [13; 14; 15], их сквозными характеристиками, основой являются: языковая грамотность, грамотность в области информационных и коммуникационных технологий, критическое мышление, творчество, инициативность, владение способами решения проблем и оценки рисков, принятие конструктивных решений [13, с. 3].

Все ключевые компетенции, определяемые через основные знания, навыки, умения и виды деятельности, считаются одинаково важными, поскольку каждая из них способствует успешной жизни в обществе знаний, готовит к «обучению на протяжении всей жизни». Можно сделать вывод, что ключевые компетенции носят общий универсальный характер и адресованы всем школам, воспитывающим новое поколение «молодых европейцев». Многие компетенции перекрываются и взаимосвязаны, состав одних оказывает существенное влияние на другие, но приобретение компетенции осуществляется по принципу «learning by doing» – «обучение в деятельности».

Существенно отметить, что ключевые компетенции – полезный инструмент для разработчиков национальной образовательной политики и распространения компетентностного подхода. Состав и содержание компетенций может уточняться с трансформацией взглядов на профессиональную компетенцию, изменением личных потребностей и потребностей общества и определяется исследователями через основные знания, навыки, умения и виды деятельности. Выражения «знать», «уметь», «владеть», «быть способным», «быть готовым» выступают, согласно И.А. Зимней, «дескрипторами» компетенций [3, с. 4]. По замечанию Л.Г. Махмутовой, «специфика компетентностного обучения состоит в том, что усваивается не «готовое знание», кем-то предложенное к усвоению, а прослеживаются условия происхождения данного знания» [5, с. 19].

Для И.А. Зимней компетентностный подход есть «результативно-целевая основа развития и формирова-

ния разноуровневых и разнопорядковых компетенций», а само понятие «компетенция» может трактоваться с трех позиций [3, с. 4] :

– Собственно педагогической – это задаваемое и подлежащее освоению содержание обучения (заказ общества, качества личности для продуктивной деятельности).

– Психологической: компетенция – дополнительные к знаниям и умениям психологические условия, характеристики людей, позволяющие достигать личностно значимых целей (инструментальные, межличностные и системные компетенции).

– Лингво-психологической: компетенция – внутреннее, психическое образование.

Здесь следует указать, что в отечественной науке особое значение придается прочтению понятий «компетентность» и «компетенция». Мы разделяем точку зрения отечественных исследователей (И.А. Зимняя, Р.П. Мильруд, А.В. Хуторской, Н.В. Языкова), указывающих на разную природу данных понятий и, следовательно, отрицающих их синонимическое использование. В соответствии с их взглядами компетентность основывается на том, что многими определяется как компетенции и включает их в себя, поэтому компетенция и компетентность связанные, но «феноменологически разные данности», где компетентность – «интегративное воплощение» компетенций, «результат образовательного процесса» [3, с. 6], основывающаяся на знаниях, интеллектуально- и личностно-обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека [2, с. 13].

И.А. Зимняя уделяет весьма серьезное внимание изучению психологической природы компетенции и компетентности. Ученым опубликован ряд работ, в которых детально рассматривается сущность данных понятий, анализируется их содержание, выделяются ключевые компетенции. Исследователь подчеркивает, что компетентностный подход в его первоначальном варианте, предложенном разработчиками ключевых компетенций для молодых европейцев, лишь усиливает практикоориентированность образования, расставляя акценты на операциональную, навыковую сторону результата. В отечественной психолого-педагогической науке компетентностный подход, ориентированный преимущественно на ценностно-смысловую, содержательную, личностную составляющие образования, не противопоставляется традиционному знаниевому или точнее «ЗУНовскому», а существенно расширяет его содержание практической значимостью и гуманистической направленностью образования [2].

Это означает, что компетенции, проявляясь в поведении, деятельности человека, становятся его личностными качествами, свойствами – «компетентностями», которые характеризуются и мотивационными, и смысловыми, и отношенческими, и регуляторными составляющими, наряду с когнитивными (знанием) и опытом» [2, с. 25]. Компетенция в понимании И.А. Зимней - внутреннее когнитивное образование, актуализируемое затем в деятельности, предпосылка, основа форми-

рования «компетентности как актуализированного, интегративного, базирующегося на знаниях, интеллектуально и социокультурно обусловленного личностного качества, проявляющегося в деятельности, поведении человека в его взаимодействии с другими людьми в процессе решения разнообразных задач» [3, с. 6].

Компетентность, по мнению И.А. Зимней, имеет уровневую структуру, а компонентный состав ее содержания представляется следующим образом:

а) знание содержания компетентности (когнитивный аспект);

б) умение, опыт проявления компетентности в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях (поведенческий аспект);

в) ценностное отношение к содержанию, процессу и результату актуализации компетентности (ценностно-смысловой аспект);

г) эмоционально-волевая регуляция процесса и результата проявления компетентности (регулятивный аспект);

д) готовность к актуализации проявления компетентности в разнообразных ситуациях решения социальных и профессиональных задач (мотивационный аспект) [3, с. 8].

С этих позиций ученым выделены 10 ключевых компетенций, которые разбиты на три основные группы компетентностей:

✓ компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности (компетенции здоровьесбережения, компетенции ценностно-смысловой ориентации в мире, компетенции интеграции (знаний), компетенции гражданственности, компетенции самосовершенствования, саморегулирования, саморазвития, личностной и предметной рефлексии);

✓ компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми (компетенции социального взаимодействия с обществом и принятие другого, социальная мобильность; компетенции в общении);

✓ компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах (компетенция познавательной деятельности, компетенции деятельности. компетенции информационных технологий). [2, с. 23].

В духе отечественного образования А.В. Хуторской выделяет в компетенции ее инструментальный, операциональный, прагматичный характер и рассматривает компетенцию как «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним». Компетентность же относится к компетенции как общее к индивидуальному, представляя собой «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности» [11].

Как отмечает А.В. Хуторской, принципиальное отличие стандартов нового поколения состоит в попытке реализовать личностную ориентацию об-

разования, его деятельностно-практическую и культурологическую составляющую, сохранив традиционную фундаментальность и универсальность. В соответствии с разделением содержания образования на общее метапредметное (для всех предметов), межпредметное (для цикла предметов или образовательных областей) и предметное (для каждого учебного предмета), ученый предлагает **трехуровневую иерархию компетенций** [11]:

1. **ключевые компетенции** – относятся к общему (метапредметному) содержанию образования;

2. **общепредметные компетенции** – относятся к определенному кругу учебных предметов и образовательных областей;

3. **предметные компетенции** – частные по отношению к двум предыдущим уровням компетенции, имеющие конкретное описание и возможность формирования в рамках учебных предметов.

Исходя из предлагаемой классификации и европейского опыта описания компетенций, ключевые образовательные компетенции конкретизируются ученым на уровне образовательных областей и учебных предметов для каждой ступени обучения. Можно констатировать, что развитие функциональной грамотности личности, определяемой как овладение социальным опытом и основными навыками практической деятельности, обеспечивается, согласно концепции А.В. Хуторского, формированием следующих ключевых образовательных компетенций, состав которых исчерпывающе описан в работах автора: ценностно-смысловой, общекультурной, учебно-познавательной, информационной, коммуникативной, социально-трудовой и компетенций личностного самосовершенствования [12].

Несмотря на то, что рассмотренные классификации не нашли еще своего отражения в школьных стандартах, их детальное рассмотрение позволяет очертить то содержание, которое необходимо освоить обучающемуся для становления личности, успешной социализации и продолжения образования. Составители программ и авторы учебников, несомненно, должны задаваться вопросом, какой вклад вносит тот или иной предметный материал, предлагаемые способы его усвоения и деятельности в целом в формирование комплекса ключевых компетенций.

В дидактических целях А.В. Хуторской предлагает ввести понятие «образовательная компетенция», отражающее суть личностно-деятельностного подхода к образованию, относящееся исключительно к личности ученика и определяемое как «совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально-значимой продуктивной деятельности» [11].

Таким образом, для А.В. Хуторского компетенция задается извне, это «отчужденное, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере»,

а компетентность – уже состоявшееся качество, «совокупность личностных качеств ученика (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социально и личностно-значимой сфере» [12].

Подобной точки зрения придерживается и А.А. Рыбакова, подвергая сущностному анализу различные позиции по трактованию базовых категорий компетентностного подхода: «компетентность – есть совокупность личностных характеристик индивида, владение определенными знаниями, умениями и навыками, способностями и мотивационно-ценностными установками, обеспечивающими возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром, а также соответствие личности предъявляемым требованиям, критериям и стандартам в соответствующих областях профессиональной деятельности, которые задаются соответствующими компетенциями, как проектируемыми характеристиками и свойствами, обеспечивающими продуктивное выполнение профессиональной деятельности» [9, с. 56].

А.Р. Камалеева группирует общеучебные умения, навыки и способы деятельности в блоки соответствующих личностных качеств (ср. ключевых компетенций), подлежащих развитию [4, с. 63]:

1. когнитивные (познавательные) качества – умение чувствовать окружающий мир, задавать вопросы, отыскивать причины явлений, обозначать свое понимание или непонимание вопроса и др.;

2. креативные (творческие) качества – вдохновенность, фантазия, гибкость ума, чуткость к противоречиям; раскованность мыслей, чувств, движений; прогностичность; критичность; наличие своего мнения и др.;

3. оргдеятельностные (методологические) качества – способность осознания целей учебной деятельности и умение их пояснить; умение поставить цель и организовать её достижение; способность к нормотворчеству; рефлексивное мышление, самоанализ и самооценка и др.;

4. коммуникативные качества, обусловленные необходимостью взаимодействовать с другими людьми, с объектами окружающего мира и его информационными потоками; умение отыскивать, преобразовывать и передавать информацию; выполнять различные социальные роли в группе и коллективе, использовать современные телекоммуникационные технологии (электронная почта, Интернет) и др.

5. мировоззренческие качества, определяющие эмоционально-ценностные установки обучаемого, его способность к самопознанию и самодвижению, умения определять свое место и роль в окружающем мире, в семье, в коллективе, в природе, государстве, национальные и общечеловеческие устремления, патриотические и толерантные качества личности и т.п.

Являясь приобретаемым качеством, компетенция и компетентность составляют интегральную характеристику личности. «Компетентность – это комплексный

личностный ресурс, обеспечивающий возможность эффективного взаимодействия с окружающим миром в той или иной области и зависящий от необходимых для этого компетенций, – пишет А.Р. Камалеева. – Компетенция является сферой отношений, существующих между знанием и действием в человеческой практике. Без знаний нет компетенции, но не всякое знание и не во всякой ситуации проявляет себя как компетенция» [4, с. 61].

Решая вопрос о соотношении ЗУНов и компетенций, Р.П. Мильруд разъясняет, что «знания, умения и навыки составляют парадигму учебного процесса, выражают последовательность овладения содержанием обучения» и представляют собой классическую схему усвоения содержания обучения: от знаний к умениям (осознанному способу применения знаний) и навыкам (более высокий автоматизированный уровень овладения знаниями) [6, с. 12]. «Вторичные умения» трактуются как объединение автоматизированных действий в более сложные комплексы, которые позволяют осуществлять более сложную деятельность на основе сочетания расширенных знаний, навыков и умений. Рассматривая взаимоотношения между компетентностью и компетенцией, Р.П. Мильруд приходит к следующим формулировкам: «компетентность представляет собой интегративный ресурс, обеспечивающий успешную деятельность за счет усвоенных теоретических и практических знаний, способствующих в целом достижению конечных целей осуществляемой деятельности в той или иной социально значимой сфере»; «компетенции представляют собой более узкие и конкретные компоненты теоретических и практических знаний, а также усвоенные конкретные стратегии, накопленные всем имеющимся опытом решения частных задач, преодоления возникающих препятствий и достижения промежуточных целей деятельности и относятся к компетентности так же, как части относятся к целому» [6, с. 12].

Таким образом, навыки и умения обеспечивают усвоение и применение знаний, овладение способами деятельности, а «формирование компетенций составляет практический смысл этих знаний для обучающихся», они позволяют осуществлять практическую деятельность.

Отрадно отметить согласованность позиции ученых и разработчиков нормативных документов, регламентирующих образовательную деятельность в описании рассматриваемых категорий.

В «Профессиональном стандарте педагога» – документе, на основе которого дается оценка педагогической деятельности, под **компетентностью** понимается новообразование субъекта деятельности, формирующееся в процессе профессиональной подготовки, представляющее собой системное проявление знаний, умений, способностей и личностных качеств, позволяющее успешно решать функциональные задачи, составляющие сущность профессиональной деятельности [8].

«Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения» трактует **компетент-**

ность как качественную характеристику реализации человеком сформированных в образовательном процессе знаний, обобщённых способов деятельности, познавательных и практических умений, компетенций, отражающих способность (готовность) человека активно и творчески использовать полученное образование для решения лично и социально значимых образовательных и практических задач, эффективного достижения жизненных целей.

Компетенция рассматривается авторами как актуализированная в освоенных областях образования система ценностей, знаний и умений (навыков), способная адекватно воплощаться в деятельности человека при решении возникающих проблем [7].

Итак, большинство исследователей единодушно в том, что компетенции являются составными элементами компетентности, проявляются в деятельности, а компетентность личности – как готовность эффективно осуществлять всю деятельность в определенной сфере – определяется на основе наблюдаемых и демонстрируемых в деятельности компетенций. Дополнительно отметим, что компетентность отличает личностная составляющая, ценностно-смысловая компонента и приобретенный опыт в значимой сфере деятельности.

Исходя из задач исследования, нам предстоит дать авторскую интерпретацию указанных понятий и предложить рабочие определения, не перегруженные дополнительными характеристиками, вторичными признаками, но отражающие суть и взаимосвязь понятий:

способность – заданная индивидуально-психологическая характеристика личности, предпосылка, способствующая более качественному выполнению деятельности;

умение – усвоенный личностью эффективный способ выполнения действия, целенаправленно формируемый в процессе профессиональной подготовки и обеспечивающий качественное выполнение той или иной деятельности в реальных условиях.

компетенция – интегративная комплексная характеристика, совокупность личностных качеств и умений в той или иной области, приобретенных в процессе профессиональной подготовки и обеспечивающих успешность деятельности.

компетентность – личностно-профессиональная характеристика, реализация компетенций в деятельности, результат профессиональной подготовки.

Анализ ключевых понятий компетентностного подхода и опыта их описания в зарубежных и отечественных исследованиях позволяет сделать следующие выводы:

1. В настоящее время назрела потребность в системном описании структуры и состава компетенций в программных документах на уровне школьного образования. Если принять за исходное, что компетентность – приобретаемое качество, а компетенция – заданное извне норма, то в школьном образовании уместно говорить об универсальности, по крайней мере, общеучебной (метапредметной) компетентности – умения учиться, способности к саморазвитию и самосовершенствованию, ибо она характеризует основной вид деятельности школьников – учебную.

2. Компетентностный подход к проектированию образовательного процесса и развитие ключевых компетенций будут способствовать преемственности образования. Уровневый характер формирования содержания обучения на основе принципа цикличности обеспечит готовность к продолжению образования.

3. Компетентность представляет собой результат профессиональной подготовки, актуальное проявление, реализацию компетенций в определенной сфере. Каждая образовательная область (а затем и предмет) нуждаются в конкретизации целевых предметных компетенций, отражающих специфику содержания и ведущих видов деятельности субъектов образовательного процесса.

4. Предметный учебник должен стать средством формирования ключевых и предметных компетенций, планомерно развивать соответствующие умения и демонстрировать способы решения наиболее значимых задач, готовить обучающихся к самостоятельной творческой и поисково-познавательной деятельности. Перечень компетенций должен стать ориентиром для авторов учебников и учебных программ в области целеполагания, отбора содержания и организации его усвоения, контроля результатов учебной деятельности.

5. Образовательная цель должна носить двуединый характер: формирование компетентности в той или иной сфере общественной деятельности посредством развития ключевых и предметных компетенций. Основанный на компетентности (а не на компетенции) подход характеризуется усилением как собственно прагматической, так и гуманистической направленности образовательного процесса. Реализация компетенций, имеющих инструментальное, операциональное начало, на основе ценностно-смыслового содержания и лично значимых действий обеспечат в дальнейшем развитие компетентности.

Библиографический список

1. Адольф В.А., Степанова И.Ю. Профессиональное становление педагога: компетентностный подход // Профессиональное становление педагога в ходе реализации проектов модернизации образования: Сборник материалов региональной научно-практической конференции / Под ред. Гуртовенко Г.А., Ильиной Н.Ф. Красноярск, 2008. С. 13-16.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
3. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. 2012. № 6. С. 2-10.

4. Камалеева А.Р., Григорьева Э.Р. Компетентность как результат образовательного процесса // Образование и саморазвитие. 2009 г. № 4(14). С. 59-65.
5. Махмутова Л.Г. Учебник как средство формирования предметных образовательных компетенций младшего школьника: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 240 с.
6. Мильруд Р.П., Карамнов А.С. Компетентность учителя иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2012. № 1. С. 11-17.
7. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа / [сост. Е. С. Савинов]. М.: Просвещение, 2011. 342 с.
8. Профессиональный стандарт педагога. Проект. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/3071> свободный. (дата обращения: 21.04.2013)
9. Рыбакова А. А. Сущность понятий «компетенция» и «компетентность»: от количественного измерения к качественному наполнению // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. № 61. С. 51-57.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования. (утвержден приказом Минобрнауки России № 413 от 17 мая 2012 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/документы/2365>, свободный. (дата обращения: 25.01.2013).
11. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». – 2002. – 23 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>, свободный. (дата обращения 25.04.2013).
12. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 12 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eidos.ru/journal/2005/1212.htm>, свободный. (дата обращения 25.04.13)
13. Intel® «Обучение для будущего»: Учеб. пособие – 9-е изд., исправленное и дополненное. М.: Интернет-Университет Информационных Технологий, 2007. 144 с.
14. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strasbourg, 1997. 67 p.
15. Key competences for lifelong learning. European Reference Framework. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 2007. 12 p.

References

1. Adolf V. A., Stepanova, I.YU. Professional development of the teacher: the competence approach // Professional development of the teacher in the course of implementation of projects of modernization of education: Collection of materials of regional scientific-practical conference / Ed. Gurtovenko G.A., Il'ina N.F. Krasnoyarsk, 2008. Pp. 13-16.
2. Zimnaya I.A. Key competences as a effectively target basis of competence approach in education. Author's version. M: Research center of problems of quality of specialists' training, 2004. 42 p.
3. Zimnaya I.A. Competence and competence in the context of the competence approach in education // Foreign languages at school. 2012. № 6. Pp. 2-10.
4. Kamaleeva A.R., Grigorieva E.R. Competence as a result of the educational process // Education and self-development. 2009, № 4(14). Pp. 59-65.
5. Makhmutova L.G. Textbook as a means of forming the subject of educational competencies of primary school children: Diss. ... Candidate of Pedagogical Sciences. Orenburg, 2007. 240 p.
6. Mil'rud R.P., Karamnov A.S. Competence of teachers of foreign languages // Foreign languages at school. 2012. № 1. Pp. 11-17.
7. Exemplary basic educational program of the educational institution. Basic school / [comp. E. C. Savinov]. M.: Education, 2011. 342 p.
8. Professional standard of the teacher. Project. [Electronic resource]. Mode of access: <http://минобрнауки.рф/документы/3071> free. (date of access: 21.04.2013)
9. Rybakova A. A. The essence of the concepts of «competence» and «competency»: from the quantitative measurement of the qualitative content of the ' // Bulletin of the Stavropol state University. 2009. № 61. Pp. 51-57.
10. Federal state educational standard of secondary (complete) General education. (approved by the order of Ministry of education of Russia № 413 on 17 may 2012) [Electronic resource]. Mode of access: <http://минобрнауки.рф/документы/2365> free. (date of access: 25.01.2013).
11. Khutorskoy A.V. Core competencies and educational standards // Internet-journal «Eidos». - 2002. - 23 April. [Electronic resource]. Mode of access: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> free. (reference date 25.04.2013).
12. Khutorskoy A.V. Technology of designing of key and subject-specific competences // Internet-journal «Eidos». - 2005. - 12 December. [Electronic resource]. Mode of access: <http://eidos.ru/journal/2005/1212.htm> free. (reference date 25.04.13)
13. «Education for the future»: Textbook. Manual, 9th edition, revised and expanded. M.: Internet-University of Information Technologies, 2007.144 p.
14. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe // Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) a // Secondary Education for Europe Strasbourg, 1997. 67 p.
15. Key competences for lifelong learning. European Reference Framework. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. 2007. 12 p.

УДК 75.047

UDC 75.047

В.Н. БУБЕНЦОВ

заслуженный художник России, доцент Мурманского
государственного гуманитарного университета
E-mail: bubentsov44@mail.ru

V.N. BUBENTSOV

deserved artist of Russia, associate professor of the
Murmansk state humanities university
E-mail: bubentsov44@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЛЕНЭРНОЙ ЖИВОПИСИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (АРКТИКА И МУРМАНСКИЙ РЕГИОН) XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ

PECULIARITIES OF THE OPEN AIR PAINTING ON THE NORTH OF RUSSIA (THE ARCTIC AND MURMANSK REGION) XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES

Учитывая, что значительная часть территории России занимает Север, актуальность изучения специфики северного пленэра несомненна. Теоретические разработки учёных и художников-педагогов в области северного пленэра недостаточно сфокусированы и в основном сосредоточены на общем изучении понятия «пленэр» с XIII века.

Ключевые слова: пленэр, северный пленэр, Арктика, север России, пейзаж, северный пейзаж, Мурманск, Мурманский регион.

Considering that a very significant part of Russia is Arctic and Subarctic North, the urgency of studying the Northern open air is unquestionable. Theoretical studies of the researchers and teacher-artists in the field of the Northern open air are not adequately focused on the Northern open air, but instead are more concentrated on studying the general concept of the «open-air» since XIX century.

Keywords: open air, Northern open air, the Arctic, the North of Russia, landscape, Northern landscape, Murmansk, Murmansk region.

Цель данной статьи – выявить специфические черты северного пленэра на фоне пейзажной живописи Русского Севера в Мурманском регионе и прилегающей территории Арктики.

Исторически сложившееся географическое деление северной части России по меридиальному или широтному признаку вносит многозначность в понятие «Русский Север». Оно в срезе истории культуры и искусства возникло в связи с уникальным древнерусским деревянным зодчеством северо-запада России с фресковой живописью, иконописью. Необычайное богатство средневековой культуры пришло на Кольский Север с новгородских, псковских земель и северного Поволжья. Всё это помогло зарождению пейзажной живописи и пленэра на Севере в 19 столетии. Профессиональные художники начали работать над северным пленэром в составе арктических экспедиций. Появились необычные, невиданные никем ранее реалистические этюды и колоритные полотна неведомых земель. Первые художники, появившиеся в Арктике: на Новой Земле в составе экспедиции К. Бэра в 1837 году находился художник Х.Д. Редер, написавший картину «У входа в Маточкин Шар»; ученик Академии Художеств Е.И. Столица участвовал в походе «Ермака» в Северный Ледовитый Океан. Московские художники: В.В. Переплётчиков знал Кемь и Кандалакшу, а А.Е. Архипов писал свои любимые места – деревеньки на Беломорье, в Архангельской губернии на Северной Двине. По ходатайству министра финансов России С.Ю. Витте русские художники

А.А. Борисов, В.А. Серов и К.А. Коровин побывали на Кольской земле и в Норвегии, поработали на побережьях Белого, Баренцева и Норвежского морей в августе 1894 г. По материалам этой поездки К.А. Коровин создал колоритные пейзажи: «Святой Нос», «Полночное солнце на Мурмане», «Становище Териберка», Екатерининская гавань», «Трифонов ручей», «Церковь Бориса и Глеба», «Трифано-Печенгский монастырь» и др., хранящиеся сейчас в Третьяковской галерее. В 1896г. его работы составили экспозицию павильона «Крайний Север» Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде, а в 1904 году на Всемирной Парижской выставке.

Ф.М. Достоевский говорил, что нет ничего фантастичнее реальности. Особенно эти слова относятся к Северу. Загадочность новых мест, их световая и цветовая необычность манила многих живописцев-романтиков в эти уникальные земли с неправдоподобным и фантастичным ландшафтом, где привычные для нас натуральные цвета превращаются в нереальные, можно сказать, театрально оформленные самой природой. Усиливает это и уникальное естественное освещение Крайнего Севера, которое значительно отличается от более южных областей России. В северных широтах суточный путь солнца идёт косо к горизонту. Наступление ночи и появление рассвета наступают постепенно через сумеречный свет, что создаёт особый заполярный эффект освещения. В это время снег, как белый экран, получает достаточно сильный цветовой поток с неба и тени приобретают различные оттен-

ки голубого, синего, фиолетового. Косые лучи солнца усиливают тёплые оттенки, проходя путь через толщу атмосферы, где теряется коротковолновая часть излучения (все холодные оттенки). Что касается чисто образной выразительности северных пейзажей, то в первую очередь обращает на себя внимание их своеобразная романтическая окрашенность. Миссия северного художника – открытие уникальной красоты, изменение мнения о природе Севера как о «крае снега и льда», вечной мерзлоты и темноты, серости и неяркости живописного колорита.

Заполярный живописец А.А. Борисов, всю свою творческую жизнь отдавший Арктике, на практике превосходно передавал в своих полотнах белый снег, с виду монотонный и однообразный, в действительности же искрящийся мириадами всевозможных световых эффектов. Эту игру тонов, суровую поэзию северного снега, приведённую в одну общую гамму, художник сумел почувствовать и передать.

Другой художник, А.И. Куинджи, хотя и не побывал на Крайнем севере, но уделил в своём творчестве много внимания изучению световоздушной и цветовой среды зимних мотивов. Он соизмеряет приём перламутрового мерцания цвета с импрессионистической вибрацией воздушной среды, достигнутой разделением цветового мазка. Он отвергает тональную живопись романтизма и применяет яркую палитру дополнительных цветов. При таком понимании живописи спектр «тональности» стал богаче и сдвинулся к холодному спектру палитры мастера. Появился не используемый ранее в русской живописи цветовой регистр: сиреневый, фиолетовый, жёлтый, карминный, бирюзовый, лиловый – гамма цветовых сочетаний, привлёкших художников модерна конца XIX – начала XX веков.

Анализируя технику живописи при передаче мотивов северного пленэра, нельзя не вспомнить слова А.Н. Бенуа об ученике А.И. Куинджи художнике И.Э. Грабаре, у которого особенно хороши его солнечные «Зимы» и передача волшебного эффекта инея на деревьях. Корпусность его письма напоминает технику живописи К.Моне в его серии «соборов».

Замечено многими, что преодоление трудностей в работе часто заставляет организм концентрировать свои силы и внимание. Таких препятствий на севере предостаточно. Художники, способные преодолевать их, и становятся мастерами северного пленэра, когда необходимо выплеснуть в сжатое время поразивший тебя мотив, такой скоротечный в полярных условиях. Этот творчески изображённый разряд и действует на зрителя, эмоционально воспринимающего преподнесённые живописцем в экспозиции эти загадочные северные полотна.

Трудно уловить некоторые закономерности северного пленэра пейзажистам, приезжающим на короткое время. И всё же за это время опытный мастер заметит уникальную контрастность освещённости неба. В то время, когда при восходе небо над горизонтом высвечивается тёплыми светлыми валёрами, в то же время на западе холодный колорит неба у горизонта мно-

го темнее. Можно написать два этюда, повернувшись на 180 градусов, и они будут контрастными по свету и цвету. Такого не бывает в более южных широтах, где солнце находится в зените, а не под острым углом, как на севере. Тонко чувствующий северные состояния А.А. Борисов делился своими наблюдениями: «...между землёй и небом устанавливается связь, и земля, одетая в белоснежный покров, повторяет то, что говорит ей небо. В свою очередь и на облаках, парящих на далёком небосклоне, опытный взор видит отражение того, что находится на земле или на воде, далеко за пределами горизонта...» [3, С. 87].

Для того чтобы написать ахроматический белый цвет, нужно было увидеть на его поверхности хроматические рефлексы и тени, преломлённые и отражённые света. Цветные тени на снегу – явление до некоторой степени психологическое. Днём при голубом небе тени кажутся ещё более синими, и приходится с трудом сознавать, что это снег. Экологически чистый снег вокруг и незамерзающее, благодаря «тёплому» течению Гольфстриму море, ещё больше усиливает эффект атмосферного отражения: небо – море, море – небо; небо – снег, снег – небо и в результате всё это создаёт уникальную живописность в пленэрной работе. Как ни неожиданно это сравнение, но примерно тоже приходится наблюдать в Средней Азии, в Туркмении в пустыне Кара-Кумы, когда жаркое высокое солнце расплавляет всё и даже тени тают в южном мареве.

Эти мысли нашли подтверждение в воспоминаниях А.А. Борисова об акварельных работах известного немецкого художника Б. Рихтера, написанные им в путешествии по Марокко в 1903 году: «...некоторые из них прямо поразили меня сходством эффектов с хорошо знакомой мне природой севера: сильное полуденное солнце юга среди белых построек арабских городов даёт отражённому свету такую силу, что тени как-то тают, расплываются и получают совершенно невероятные оттенки, – как это похоже на отражение света в летние солнечные дни где-нибудь на снежных скалах Новой Земли!» [3, С. 88].

Северной пленэрной живописи свойственны характерные для неё качества. Во-первых, пейзажисты не должны забывать о самых утончённых и самых необходимых средствах выражения – применение в технике живописи валёров. Под этим понятием подразумевают количество света или тени, содержащееся в данном тоне. При внимательном анализе некоторых северных пейзажей можно видеть, что с помощью его, почти бесцветного и бесконечно утончённого, и рождаются чаще всего самые колоритные полотна. Если нашу обычную природу Средней России можно изобразить тонами и полутонами, то даже для приблизительного изображения Крайнего Севера необходимо нюансировать до одной десятой тона.

Во-вторых, на севере при изображении больших снежных ледовых пространств, бескрайней тундры, бесконечных полей припаев по берегам Ледовитого океана рисунок может быть только обозначен. Но есть места на нашем арктическом севере, где из недр при-

брежной земли вздымаются скалы, поражающие не столько высотой, сколько выразительностью рисунка, придающего пейзажу совершенно особый характер. Удивительное многоцветие приземистой северной растительности, создающей колоритную и гобеленную по фактуре живописную поверхность, отличается от летнего «многозеленья» в средней полосе России. Здесь, на севере наблюдаем бесконечное разнообразие оттенков, которые даже трудно назвать определённым цветовым тоном.

В-третьих, своеобразие северного пленэра заключается и в том, что дальние планы подчас бывают такими же ясными и чёткими, как ближние. Поражает различная игра света на поверхности льда и снега в лучах бокового солнечного освещения с богатством и разнообразием цветовых оттенков. Передача этого эффекта видна в полярных этюдах А.А. Борисова и Н.В. Пинегина. Стремясь правдиво передать суровый и мужественный характер природы Арктики, они прибегали к очень скупым и лаконичным средствам художественного выражения. Особенно этого трудно добиться при рассеянном северном освещении. Н.В. Пинегину, постоянно работавшему на севере, удалось донести до зрителя еле уловимые переливы тончайших серебристых северных валёров. Его работы очень лиричны и камерны, несколько ограничены в сюжетных мотивах, но индивидуальны по стилю. Зимние пейзажи другого заполярного пейзажиста С.Г. Писахова создают особенно лиричный образ заполярной русской зимы. Наиболее сильно это передано им на Соловецких островах, в работах на Кий-острове – «Берег Белого моря. Восход солнца». С удивительной точностью он передал строгие краски скупого северного цветения. Бледно-голубой цвет моря переходит на горизонте в нежно-розовый цвет зари на белесом небе. И на этом фоне стройные сосны с тонким кружевным рисунком ветвей, как черные клавиши, рождают звонкие и чистые звуки, тающие в тишине белой ночи.

Известный русский пейзажист К.А. Коровин написал несколько удивительных очерков о своем путешествии на Кольскую землю и Норвегию, в которых неоднократно подчеркивал, насколько его и В.А. Серова поразила северная природа, ее особые краски и, главное, – непривычный свет [4]. Писали они светлыми ночами; вследствие этого палитра обоих мастеров становится более приглушённой, лишенной интенсивных цветовых сочетаний. Такая перемена была особенно разительна для Коровина. Именно на Севере в его стиле произошел перелом: от южных ярких, легких солнечных видов, исполненных в импрессионистичной манере, художник переходит к более строгой палитре, лапидарным формам.

Художников рубежа XIX–XX столетий отличает романтическое, восторженное восприятие Севера. Их неудержимо влечет очаровательная таинственность, загадочность и бесконечная красота этих мест. Это отношение к Северу нашло свое отражение как в их мемуарах и очерках, так и в стилистике их произведений. Многие отмечали северный серебристый колорит, при изобра-

жении которого некоторые художники всё же впадали в однообразную цветовую передачу в своих произведениях. Сказывалась всё ещё академическая школа с её готовыми «рецептами» натурального изображения. К простым мотивам реалистического пейзажа середины XIX столетия применимы слова В.Г. Белинского, который говорил, что всё так и дышит русскою природою, серенькими красками русского деревенского быта. Выражено верно за исключением внутреннего содержания слова «серенькими». А.Н. Бенуа в одной из своих книг о цветонаименовании «серый» подчёркивает его дополнительное оценочное значение «правдивый», «истинный», передающий монохромной палитрой в отличие от чужеземного блеска тонкий колорит Севера. Речь идёт о новом способе передачи жизненного образа и силе эмоционального воздействия. Простой мотив становился в то же время торжественно-праздничным [1].

Немецкий философ А.Шопенгауэр считал, что только через чувство может быть достигнуто художественно-истинное. Никогда, даже при точнейших пропорциях, при вернейших весах и подвесках, не создаётся истинный результат от головной работы и дедуктивного взвешивания. Таких пропорций нельзя вычислить и таких весов не найти готовыми. Пропорции и веса не вне художника, а в нём самом, они – то, что можно также назвать чувством границы, художественным тактом – качества, прирождённые художнику и возносимые вдохновением до гениальных откровений.

Кому из художников удалось увидеть и передать Север, у кого это «вечное» особенно ощущаешь? У тех, кто регулярно проводил время, работая в условиях Крайнего севера, почувствовал, как северный пленэр отличается от других мест с его постоянной контрастной изменчивостью, которую трудно поймать при случайных наездах. К таким мастерам кисти с полным правом отнести А. Борисова, постоянно работавшего в условиях Арктики. Особенно останавливают внимание его арктические натурные этюды, передающие всю тонкость заполярного колорита, а его большие эпические холсты отражают космичность заполярных мотивов, которые так поражали зрителей России и других стран. Названия его северных полотен порой пугали зрителей, и такое восприятие нарушало обыденность многих сюжетов. Фантастика и суровая реальность правдиво передавали «область вечного льда».

Талантливый ученик А.И. Куинджи, он любил передавать эффекты освещения, смелые цветовые контрасты. В своём дневнике он пишет: «... на северо-западе всё небо было залито золотистою зарёй и напоминало глазам тёплый летний вечер юга. Только снег разбивал всю эту иллюзию и составлял полный контраст с небом. Он настолько казался голубым, что, если бы художник написал такую картину, сказали бы: «Это не естественно и красочно!» Какое-то непонятное, приятное чувство наполняет душу: вместе и нежность, и грусть, и покорность, и любовь, и непреклонная воля и сила – всё сливается в одно»!!! [2, С. 32-33].

Нельзя не вспомнить и самодеятельного художника, «президента Новой Земли» Тыко Вылко, участни-

ка многих арктических экспедиций. Познакомившись впервые с техникой живописи, прекрасно чувствуя свой край, он смог достаточно грамотно и искренне передать родной ему окружающий северный мир, несмотря на отсутствие специального художественного образования.

Московскому художнику В.В. Крайневу, регулярно приезжающему на Кольский север, удалось также создать свой запоминающийся образ Кольского севера. Его пейзажи прибрежных мотивов Баренцева моря подчёркивают суровость этих мест. В творчестве Крайнева обозначилось образное восприятие северной природы с использованием выверенной определённой палитры, невзирая на всю «невыгоду» такой приглушённой живописи. Он почти не писал зимних пейзажей Севера, а тон земли, скал при низком освещении в нечастые солнечные дни был очень плотным. Художник настойчиво ловил неповторимое, тусклое, холодное сияние полярного солнца, избегая прямых, ярких эффектов освещения.

Нельзя не почувствовать ритмический строй полотен ленинградского живописца Л.К. Богомольца, интенсивность его чувств, в том числе и в работах над северными мотивами. Живописные произведения по своей природе статичны, однако мы ощущаем в них проявление ритма: неподвижное движется, молчаливое говорит языком пропорций, разнообразием контрастов и цвета, интервалов и ритмов. Здесь важен не столько результат движения, сколько процесс движения. Одна из самых больших его темпераментных марин, выполненная в этой технике, «Полярный день» – 225 x 440.

В его северных полотнах ощущается ещё большая экспрессия живописной поверхности. Его динамичные панорамные вытянутые холсты огромных размеров втягивают нас в стихию северного морского пленэра.

Нельзя не остановиться на том, что взгляд на живопись сквозь призму другого вида искусства, особенно музыки, расширяет границы духовного зрения, чувствования, понимания произведений живописи, особенно пейзажной. Изучение «музыкальности» как свойства живописи берёт своё начало в античности. И. Кеплер, а позже И. Ньютон строили свои эксперименты, опираясь на выводы Пифагора, результатом чего стала общность в температуре звука и цвета. В трудах А.Ф. Лосева «Музыка как предмет логики», П.А. Флоренского «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительном искусстве» прослежены вопросы родственности двух видов искусства – музыки и живописи. Проблема музыкальности живописи затрагивалась в мемуарах, статьях, дневниках зарубежных и отечественных живописцев: Э. Делакруа, Ж. Сёра, А. Матисса, К.А. Коровина, С.А. Чуйкова, В.В. Кандинского, М.К. Чурлениса и др. Уместно провести параллель с цвето-звуковыми поисками А.Н. Скрябина и А. Шёнберга. Проблема тождественности колористического решения пейзажа и звуковой ткани музыкального произведения отражена и в работах Н.Н. Волкова «Цвет в живописи», «Композиция в живописи»; В.В. Ванслова «Изобразительное искусство и музыка». Все эти труды построены на анали-

зе произведений мировой и столичной отечественной живописи. Региональное искусство северного пленэра осталось вне поля зрения исследователей. Целый пласт «музыкального» северного пленэра окраин России, вне всякого сомнения, представляет уникальный материал для дальнейших исследований.

Фактор новизны северного пленэра порождает иные установки на восприятие и создаёт иные ориентиры, иную методику для воображения и цепочки зрительных ассоциаций. Для удовлетворения потребности познания предмет, который мы оцениваем как красивый, должен содержать в себе элементы новизны, неожиданности, необычности и выделяться на фоне среднего уровня признаков. Это так характерно в данном случае для арктических мотивов. «Почему нам случается иногда «удивляться», притом совершенно, спонтанно, тому или иному восприятию? Этот «акт удивления» наступает тогда, когда восприятие вступает в конфликт с достаточно установившимся в нас миром понятий. В тех случаях, когда такой конфликт переживается остро и интенсивно, он в свою очередь оказывает сильное влияние на наш умственный мир. Развитие этого умственного мира представляет собой в известном смысле преодоление чувства удивления – непрерывное бегство от «удивительного», от «чуда». [5, С. 261].

Внутренняя потребность творчества, художественное чутье оказываются гораздо сильнее многих внешних факторов, оказывающих давление на художника севера. Устройство художника таково, что его психический аппарат должен прежде справиться не с внешними, а с внутренними импульсами, от которых нельзя уклониться. Художникам, впервые пришедшим на Север с традиционным живописным багажом, надо было творчески изменить подход к изображению такой необычной, уникальной природы. Необходимо было воспринимать её в живописной гармонии целого, в разнообразии красок, в постоянной изменчивости северного состояния, развивать наблюдательность и остроту зрения. Можно назвать целый ряд художников, работавших на севере и в меру своего таланта внесших свой вклад в художественную историю северного пленэра, но в силу традиций русской живописи немногие смогли творчески перестроиться на конкретный материал северной природы.

Работая на пленэре в Арктике или на севере при отрицательной температуре, художник создаёт уникальные пленэрные работы, которые возможно написать только в такой экстремальной природной обстановке. Перечислим некоторые факторы. Во-первых, писать в таких условиях приходится быстро из-за «некомфортной» обстановки (холод, ветер, мгновенная смена погодных условий); во-вторых, консистенция краски, которую в почти замороженном состоянии приходится переносить с палитры на холст и вследствие этого часто составлять колера прямо на живописной поверхности; в-третьих, фактура красочного слоя становится своеобразной: очень пастозной, краски, с трудом смешанные, создают своеобразную импрессионистическую поверхность; в-четвёртых, работу, сделанную в таких

условиях, трудно повторить в комфортных условиях мастерской. Все эти ситуации или закаляют полярного живописца, или навсегда отлучают от «подобного» пленэра.

Проанализировать весь путь развития «в отече-

стве» северного пленэра с начала XIX века крайне важно и актуально, так как специфические особенности возможностей техники и технологии северного пленэра помогают раздвинуть рамки понятия «живопись», расширить диапазон палитры.

Библиографический список

1. Бенуа А. История русской живописи в 19 веке. СПб.: Знание, 1999. 448 с.
2. Борисов А.А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря: путевые очерки художника А.А.Борисова. СПб: Изд. А. Ф. Девриера, 1907. 104 с.
3. Борисов Н.П. Художник вечных льдов. Л.: Художник РСФСР, 1983. 267 с.
4. Коровин К. Жизнь и творчество. М.: Изд. Академия художеств СССР, 1963. 563с.
5. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М.: Наука, 1967. 878 с.

References

1. Benois A. History of the Russian painting in the 19th century. SPb. : Znaniye, 1999. 448 p.
2. Borisov A.A. At Samoyeds. From Pinega to the Kara Sea: traveling sketches of artist A.A.Borisov. SPb: Prod. A.F.Devriyera, 1907. 104 p.
3. Borisov N.P. Hudozhnik of eternal ices. L. : Artist of RFSR, 1983. 267 p.
4. Korovin K. Life and creativity. M: Prod. Academy of Arts of the USSR, 1963. 563 p.
5. Eynstein A. Collection of scientific works. M: Nauka, 1967. 878 p.

УДК 747.012

Н.В. ЕГУПОВА

кандидат педагогический наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета
E-mail: egupova_natasha@mail.ru

UDC 747.012

N.V. EGUPOVA

candidate of pedagogical sciences, associate professor ,
Chairs of design, sculpture and theory of arts, Orel state university
E-mail: egupova_natasha@mail.ru

ДИЗАЙН КАК ВИД ПРОЕКТНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DESIGN AS A TYPE OF PROJECT-ARTISTIC ACTIVITY

В статье изложены основные этапы развития дизайна как вида проектно-художественной деятельности. Рассмотрены современные тенденции дизайна, стили и стилевые направления в искусстве и дизайне XXI века. В статье раскрыто общее положение дизайна в современном мире. Анализируются особенности применения информационных технологий в дизайне. Разбираются особенности формирования творческой позиции дизайнера.

Ключевые слова: дизайн, проектно-художественная деятельность, конструирование, формообразование, эргономика.

The main steps of the design's development as a type of project-artistic activity are stated in the article. The modern trends of design, styles and style directions are considered in the art of the 21-th century. The general position of the design in the modern world is given in the article. The features of using the information technology are analysed. The features of forming designer's creative position are looked through.

Keywords: Design, design art work, design, shape, ergonomics.

Слово «дизайн» используется сегодня почти повсеместно: от дизайна прически – до инженерного дизайна, от дизайна кинодекораций – до дизайна кондитерских изделий, от фитодизайна и ландшафтного дизайна – до дизайна среды и даже ТВ-дизайна. Встречаются словосочетания: «дизайнерская одежда», «дизайнерская мебель», «дизайнерский светильник» и т.д. Сама про-

фессия дизайнера начинает терять свои очертания и растворяться в разных видах деятельности.

Подобная экспансия дизайна – естественный процесс. Культуре внутренне присуща проектность. Во всех видах деятельности содержатся элементы планирования и организации, структуры, последовательности действий, так или иначе характеризующие дизайн. Зна-

ние истории дизайна может способствовать не только осознанию профессии, но и внедрению методов образного моделирования, планирования, рационализации в другие области профессиональной деятельности.

Дизайн стал модной профессией, поскольку ряд поколений творческих личностей сделали его привлекательным, продемонстрировали возможности дизайнеров в организации жизни, развитии культуры.

Есть традиционно дизайн-ориентированные страны – Германия, Италия, США, Япония. Производство или торговля здесь являются постоянными заказчиками дизайна. Есть страны, в которых дизайн буквально пронизывает все виды деятельности. Среди них – страны Скандинавии, Япония, Италия. Есть страны с богатой и развитой культурой художественного, предметного, научно-технического творчества, например Великобритания, Франция, Россия.

Дизайн – вид проектно-художественной деятельности, связанный с разработкой предметного окружения человека, систем визуальной коммуникации и информации, организацией жизни и деятельности человека на функциональных, рациональных началах. В своей работе дизайнер пользуется всем арсеналом проектных средств: от технического конструирования, компоновки – до композиционного формообразования, стилизации; от функционального анализа – до организационных, концептуальных моделей предметной среды. Однако все эти средства подчинены выявлению общекультурного, художественно-образного понимания дизайнером всего комплекса проблем предметного мира и мира коммуникации. Разработка этой «второй природы» базируется на ряде принципиальных методов – функциональном анализе, компоновке, создании пространственной или графической композиционной структуры, стилизации и т.д. Цель дизайна – удовлетворение разнообразных потребностей человека, включая потребность в культурной идентификации, эффективная организация предметной и информационной среды жизни и деятельности на основе художественно-образных моделей. Это работа художника с формой, и потому процессы формообразования здесь принципиальны. Форма интегрирует понимание дизайнером всего круга стоящих перед ним задач: и утилитарных, и социокультурных, и художественных, и технологических. Через форму дизайнер общается с потребителем (понимая под формой не только оболочку или конструкцию материальных предметов, но и структуры, сценарии действия, те или иные правила и условия).

Зарождение дизайна как самостоятельной профессиональной деятельности связано с развитием массового производства, технологий, прикладных наук. Хотя его история многогранна и включает факты из области архитектуры, техники, изобразительного искусства, теории знаковых систем, социологии, культурологии, проблем коммуникации, рекламы и маркетинга, функционального анализа и эргономики, тем не менее XX век дал ряд фундаментальных исторических исследований, посвященных именно этой профессии. Первая книга в этом ряду – «Пионеры современного движения. От

Морриса до Гропиуса» Николауса Певзнера – была издана в 1936 г. История дизайна представлена в ней как история современности – стилей, мышления, как история актуальных направлений и идей в культуре. Модернизм, художественный авангард первой трети XX в., надолго стал ассоциироваться с дизайном.

История дизайна, так же как и сам дизайн, имеет свои внутренние жанры, области. Отдельно пишется история моды и костюма, отдельно – история графического дизайна и рекламы, история интерьера и выставочного дизайна, история посуды и мебели, ткани и бытовых приборов. Однако во всех этих областях, несмотря на узкую специализацию и свои проблемы, есть нечто, что их объединяет, а именно проектный подход, проектная культура, визуальная культура, функциональные, технологические и художественные проблемы.

В истории дизайна чаще обращаются к конкретным личностям, поскольку проектная культура развивается благодаря авторским творческим концепциям. До сих пор жива традиция, заложенная Певзнером, представлять историю как движение к модернизму, показывая в художественной эволюции дизайна роль тех или иных концепций формообразования, идущих от искусства. Искусство для дизайна играло роль своеобразного разведывательного отряда, осваивающего новые творческие технологии и приемы выразительности.

Есть и другой подход. Объектом изучения становится анонимный дизайн, впервые рассмотренный исследователем дизайна и архитектором Зигфридом Гидеоном в книге «Механизация слушается». Другая его книга была целиком посвящена анонимным проектам стульев, находившихся в одном «из американских патентных бюро. Повседневная, банальная часть предметного мира часто поражает нас своей непривычной красотой. Это то, что можно назвать техническим, проектным, дизайнерским фольклором. Фольклор, наряду с вершинами искусства, всегда питал культуру, в том числе предметно-художественную.

История дизайна как вида проектно-художественной деятельности разворачивается во взаимодействии с научно-технической и визуальной, художественной культурой, поэтому она обязательно отражает влияние новаций и изобретений в технике, инженерном и художественном творчестве. Дизайн – это одновременно и продукт культуры, инструмент культурного строительства, и фактор, активно формирующий культуру.

Трудно исследовать динамику развития, когда конечная точка находится в бесконечности. История дизайна – лишь фрагмент обозримого исторического периода.

Особенно сложно рассматривать материал актуальный, да еще в такой период, как перелом тысячелетий.

В конце 1980-х гг. в мировом дизайне складывалась установка на инновационность. Дизайн становился генератором инноваций, в том числе и технико-технологических. Новизна, формально-композиционное или технологическое отличие каждой следующей разработки, наличие философского подтекста рассматривались как условие полноценного функционирования дизайна.

Все дизайнерские инновации имели социальную природу, считает К. Леман, оценивая учреждение в 1987 г. Европейской премии в области дизайна. Изделие дизайна – лишь конечный продукт, базирующийся на историческом развитии идей. В том числе и идей формально-композиционных. По образу вещи мы часто определяем ее временную принадлежность.

В 1990-х гг. в ряде изданий и устройстве выставок был использован принцип группировки материала по формально четко различимым стилям и направлениям, как когда-то это делал Эль Лисицкий. Подобное выделение микростилей позволяет не придерживаться одной концепции, а разнообразить культурный ландшафт дизайна.

В ежегоднике 2003 г., составленном участником выставок группы «Мемфис» Каримом Рашидом (Лондон), снова представлен веер стилей и направлений. На сей раз предложены такие «этикетки»: «Футу-ретро», «Неокич», «Феномены», «Органика», «Приукрашивание», «Многосложность», «Минимум», «Техно».

Ежегодник насыщен довольно странными вещами, само назначение которых нередко можно прояснить, только прочитав подпись. Пластиковая объемная форма, что-то вроде подлокотника, – для более удобного лежания на траве. Белый угловатый объект размером с квадратный диван, но треугольной формы с тремя углублениями – своеобразный шезлонг для троих. К многим предельно простым креслам или сиденьям пристроены небольшие столики для портативного компьютера. Появилось гораздо больше вещей самодостаточных, самостоятельных, вещей-технологий.

Англичанин Том Диксон экспериментирует с нитями расплавленного пластика. В зависимости от цвета и толщины пластикового шнура получается то блюдо для фруктов, то стул. Подвесной светильник над обеденным столом Карла Отто Платца из Германии совсем непохож на люстру. Фактически это горизонтально подвешенный лист толстого прозрачного пластика с впаянными внутрь маленькими светодиодами. Динамики стереосистемы, придуманные японским дизайнером Хироюки Мацусима, раскачиваются, как травинки на тонких ножках, прикрепленные к полусферической подставке. Появились предметы, облик которых напоминает коллаж, комбинацию из уже готовых технических элементов-заготовок. В них нет ни корпуса, ни начинки, иногда отсутствуют даже органы управления – лишь дистанционный пульт с кнопками.

Кажется, что дизайнеры состязаются с декораторами научно-фантастических фильмов.

Какие-то вещи напоминают изделия Филиппа Старка. Получается, что его дизайн, когда-то воспринимавшийся как отказ от дизайна и проповедь не вещей для не потребления, радостно привился как новая стилевая органическая система. На основе некоторых модных тенденций сформировался своеобразный канон дизайна начала 3-го тысячелетия, дизайна, отбросившего узнаваемость родовой принадлежности вещей.

Основным формообразующим элементом во многих изделиях становится плоскость, поверхность,

структура, даже ткань. Однако эти ткани обладают необычными свойствами: они жесткие, полупрозрачные, термостойкие, эластичные и необыкновенно прочные. От угловатости интернационального стиля мы приходим к почти повсеместной антропоморфности, биоморфности форм-оболочек.

Эксперименты в дизайне 1960-х гг. уже были интернациональными. Вернер Пантон, датский дизайнер-мебельщик, экспериментировал с мягкими, текучими формами. Раковинообразный стул, спроектированный Пантоном, выполнен из пластмассы методом экструзии, поскольку такую форму можно изготовить с помощью только такой технологии и только из такого материала. Подобные раковинообразные формы встречались в мебели Гарри Бертойя, выполненной из металлической сетки.

В конце 1950-х Эро Сааринен экспериментирует с бионическими формами – стул «151» из стеклопластика налитой алюминиевой подставке, стул как раскрывшийся цветок. Продолжение темы – детские стулья «Kartell» Саппера и Занузо. Во всех перечисленных проектах сиденье и опора представляют две отдельные детали. У Пантона это всегда единая форма.

Текущие формы пластмасс ассоциировались у многих с будущим. Крупные формы-оболочки использовали, например, в декорациях к фильму Стэнли Кубрика 1968 г. «2001: Космическая одиссея». Для создания необычной атмосферы он использовал мягкую мебель Оливье Мурга.

Все эти примеры воплощали эстетику «softline»: скругленные углы, единая форма, образующая и сиденье, и опору. Уже в 1968 г. на выставке «Визиона» в Кельне демонстрировался революционный интерьер Пантона, в котором не было ни мебели, ни стен как таковых, но единая мягкая поверхность, своими изгибами формировавшая сиденья, полки, столы и т.д.

Деление на национальные модели было весьма условным уже в конце XX в. Любой журнал благодаря Интернету имеет выход на неограниченное число читателей. Любая дизайн-идея мгновенно становится достоянием дизайн-сообщества. Национальный контекст то исчезает, то вновь возникает на интернациональном уровне как оригинальный художественный опыт всех стран.

Недавно вышедшая книга под редакцией А. Матвеева и В. Самойлова, выпускников Уральской школы дизайна, посвященная русскому промышленному дизайну, целиком составлена из созданных при помощи компьютера проектов. Эти проекты близки друг другу безукоризненностью техники, моделировкой и сложной геометрией поверхностей, плавной скругленностью и пластичностью форм.

Дизайн начала 3-го тысячелетия более чем когда-либо опирается на художественное творчество, на опыт современного искусства, на развитие эмоционально-образной составляющей. Современным технологиям доступно практически все. Ткань превращается в экран для меняющегося орнамента или информационных сообщений; объем и вес вещи исчезают, и остаются лишь полезные эффекты; вслед за модой, которая ста-

ла уже частью того или иного стиля жизни, а не только одеждой, дизайн активно вторгается в манеры и формы поведения людей. Поворот современного искусства

в сторону видеоарта и видеоинсталляций сказывается на интересе дизайнеров к соединению вещественного, предметного и виртуального.

Библиографический список

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М.: Прогресс, 1974.
2. Аронов В.Р. Художник и предметное творчество. М.: Советский художник, 1987.
3. Архитектура Запада. Модернизм и постмодернизм, критика концепций. М.: Стройиздат, 1987.
4. Архитектура и эмоциональный мир человека (Забельшанский Б.А., Минервин Г.Б. и др.). М.: Стройиздат, 1985.
5. Барташевич А.А., Богущ В.Д. Конструирование мебели: Учебник. Мн.: Выш.шк., 1988.
6. Беляева Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект -зрительного восприятия. — М., 1977.
7. Величковский Б.М., Зинченко В.П. Психология восприятия. М.: Изд. Московского университета., 1973.
8. Гибсон Дж Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
9. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. М., 1924.
10. Глазычев В. О дизайне. М.: Искусство, 1970.
11. Зинченко В., Мунипов В. Эргономические основы организации труда. М.: Экономика, 1974.

References

1. Arnkheym R. Art and visual perception. M: Progress, 1974.
2. Aronov V. R. Artist and subject creativity. M: Sovetskii khudoznik, 1987.
3. Architecture of the West. Modernism and postmodernism, criticism of concepts. M: Stroyizdat, 1987.
4. Architecture and emotional world of the person (Zabelshansky B.A., Minervin G. B., etc.). M: Stroyizdat, 1985.
5. Bartashevich A.A. Bogush V.D. Furniture designing: Textbook. Minsk : Vysh.Shk. 1988 .
6. Belyaeva E.L. The architectural and spatial environment of the city as object - visual perception. M, 1977.
7. Velichkovsky B.M., Zinchenko V.P. Perception psychology. M: Moscow university. 1973 .
8. Gibson Dzh Ecological approach to visual perception. M: Progress, 1988.
9. Ginzburg M. Ya. Style and era. M, 1924.
10. Glazychev V. About design. M: Iskusstvo, 1970.
11. Zinchenko V., Munipov V. Ergonomic bases of the organization of work. M: Ekonomika, 1974.

УДК 745

Л.А. КУЗНЕЦОВА

кандидат педагогических наук, доцент Орловского государственного университета

UDC 745

L.A. KUZNETSOVA

candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Orel state university

САМОБИТНОСТЬ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

THE IDENTITY OF FOLK CRAFTS

В статье рассматривается самобытность народных промыслов на примере народных глиняных игрушек Орловской области: плешковской и чернышинской. Также в статье даётся обзор нынешнего состояния народных промыслов Орловщины и возможности их возрождения и развития.

Ключевые слова: самобытность, народные промыслы, традиционное искусство, народный мастер.

The article deals with the identity, otherness of folk crafts on the example of folk clay toys in Orel region: Pleshkovsky and Chernyshinsky toys. An overview of the current state of folk crafts in Orel region and their possible revival and development is given in the article as well.

Keywords: identity, folk crafts, traditional art, folk master.

Самобытность каждого народа – в его творческом потенциале, отраженном в материальной и духовной культуре. Особое место в этой культуре занимают народные промыслы. Слово «самобытный» словари толкуют как своеобразный, идущий своими путями,

самостоятельный в своём развитии. Народные промыслы по своей сути все самобытны, они не похожи друг на друга, даже если зародились территориально очень близко. Например, в Орловской области существуют плешковский и чернышинский промыслы глиняных

игрушек. Возникли они в разное время, на расстоянии примерно ста километров, но всё же мастера этих деревень смогли создать непохожие, самобытные игрушки, создать индивидуальные образы.

Плешковский промысел – один из древнейших промыслов центра России. Плешковская игрушка по сравнению с народной игрушкой других гончарных центров России имеет довольно бедный круг сюжетов. Конь, корова, коза, собака, утка, курица, петух, всадник на коне, солдат (деревенский парень), кукла – вот и все традиционные персонажи. Из новых явно нетрадиционных сюжетов встречаются только заяц и белка. Возможно, сюжетная бедность обусловлена тем, что плешковские мастера верны древнейшим традициям, консервативны и не стремятся к расширению круга образов за счет новых мотивов. Любопытно также, что в пределах узкого традиционного круга образов почти нет вариаций, игрушки одной мастерицы практически невозможно отличить от игрушек ее односельчан.

Чтобы постичь прелесть плешковских свистулек, нужно обладать известной утонченностью вкуса, необходима определенная подготовленность, культура эстетического восприятия. Иначе зритель может увидеть лишь явную грубость.

Плешковская пластика занимает особое место в ряду многообразных проявлений русской декоративной скульптуры. Она скорее сродни глиняным фигуркам, найденным при археологических раскопках, нежели нынешней игрушке какой-либо из областей нашей страны. Звери и птицы из Плешково приземисты в высшей степени статичны, примитивны, стоящие на узком колоколе юбки куклы торжественны, величавы. Они словно позируют в мастерской живописца-портретиста, будто замерли в позе, исполненной чувства собственного достоинства. Иногда кукла изображает женщину с ребенком на руках. Почти всегда одна рука в виде небольшого бугорка приподнята и отведена в решительном жесте. Именно эта рука и является свистком. В ней палочкой сделаны каналы с отверстиями.

В Орловской области в 60-х годах было широко известно имя мастерицы-игрушечницы Ольги Даниловны Матюхиной (1885–1974), которая лепила замечательные, архаичные свистульки. Местная плешковская глина, белая после обжига, переливается маленькими искорками слюдяных пылинков – чешуек. В результате слабого обжига в небольшой печурке поверхность многих игрушек приобретает сиренево-синий оттенок. Обожженная глина, словно губка, поглощает краску, и роспись становится приглушенной. Пастельные тона орнаментирования прекрасно уживаются с белесо-матовыми, местами слегка сиреневым полем обожженной глины.

В прежние времена плешковцы расписывали глиняные фигурки самодельными красками: тертым в порошок кирпичом на клейстере из муки, соком растений. Иногда использовали синьку. Неспроста и в наши дни, когда здешние мастерицы, как и во многих здешних центрах производства глиняной игрушки, перешли на роспись анилиновыми фабричными красками, предпочтение отдается красному, зеленому, синему цветам.

Роспись наносится округлыми, овальными или бесформенными пятнами. Несколько реже встречаются «запятые», параллельные полосы («ребра» на груди коня), скромные блеклые цветочки.

На плешковской скульптуре почти никогда не увидишь орнаменту, заимствованную у ткачей, набойщиков и вышивальщиц, которая весьма характерна для росписи игрушек многих других промыслов. Быть может, это говорит о древнем происхождении стилистических особенностей декора фигурок Орловской области. О том же свидетельствует и характер лепки, архаичной и строгой, и тот факт, что в «костюме» плешковской куклы никак не угадаешь моду 19 столетия, тем более – городскую, которая улавливается в «одежде» липецкой (романовской) или пензенской (абашевской) народной скульптуры. Помимо росписи широко используется рельефный орнамент, нанесенный остриём тонкой палочки, точеные ямки или же выполненные зажимами пальцев фестончики.

В наше время возрождение плешковского промысла в городе Ливны связано с именем Натальи Николаевны Фроловой. Вместе с мужем Александром Викторовичем они брали уроки мастерства у Александры Михайловны Иваниловой, плешковской мастерицы. Фроловым удалось постичь тайны старинного промысла. Наталья Николаевна создает игрушки самых разных форм и размеров, перетирает листья лопуха, чтобы получить зеленую краску, трением одного кирпича о другой розовую – в виде порошка, размешанного с водой. Синей краской служат чернила. Ее роспись приобретает нежную пастельную тональность. От старой игрушки осталось точное следование формам. Сильно расширился круг сюжетов, появились свои собственные, такие как русалка, птица. Роспись женских фигурок состоит из знаков – двойной крест, пятка с мелкими точками. Иногда появляются вертикальные линии – (знаки дождя) и волнистые – земля, наполненная дождевой водой. Старинная игрушка ожила в руках мастера [3. С. 107].

Чернышинская игрушка – родом из деревни Чернышино Новосильского района Орловской области. Старинная их мастерица П.П. Каленина следовала приемам лепки, принятым в деревне Плешково – форма вытягивалась из единого куска глины. Анна Харитоновна Афанасова, народный мастер из этого же села, «ладит» форму с помощью палочки и ножа. У чернышинских кукол – крупно обозначенная грудь, у животных и птиц – наклонная постанова или удлинненное туловище. В росписи преобладают горизонтальные полосы и точки (пятнышки). Для обжига Афанасьева сама сложила печь из камня. Из Чернышино она переселилась в Новосиль и за последние годы успела обучить ремеслу немало ребят. Теперь воспитатели детских садов не пользуются пластилином. Для занятий с детьми они берут глину из оврагов. Богатые залежи глины способствовали развитию гончарного производства в Чернышине, начало которому положили казаки, заселившие эти места еще в 16 веке. Именно от них чернышинские крепостные переняли искусство обжига глины. От гончарного производства жители перешли к игрушке. Занимались

ею только женщины. Характер промысла не требовал особых приспособлений. По весне из оврагов привозили очень вязкую белую глину. Хранили ее с год в погребке, затем в открытой яме оборудовали горн, обжигали игрушку. Раскрашивали минеральными красками.

В начале 30-х годов в Чернышино остались 4 женщины, занимавшиеся производством игрушек. В колхозе организовали мастерскую, Чернышинская игрушка пошла в потребкооперацию. Дело дошло до того, что игрушка стала попадать в зарубежные музеи [2].

Образ кукушки тесно связан с обычаями и поверьями новосильских крестьян. Кукушка – вещая птица, предвещала сроки жизни и смерти, а также судьбу. Кукушка – птица-оборотень, это женщина с несчастной судьбой (нарушившая нормы жизни), превращенная в кукушку, носитель таинственной силы, защищает скот и покровительствует хозяйственным занятиям. Чернышинские игрушки тесно связаны с культом кукушки. Роспись игрушек напоминает оперение этой птицы – чередующиеся полосы украшают также коньков-свистунков и кукол. Женский образ, несмотря на одежду, напоминающую костюмы прошлого века, сохранил древний символ, связанный с плодородием – питающие груди, корни которых в древнем матриархате и в славянском почитании Рожаниц [1, 177].

Народное творчество никогда не прекращалось, продолжали развиваться традиционные промыслы, появлялись новые. На Орловщине сегодня можно найти такие промыслы, как гончарное производство, резьба по дереву, плетение из соломки, рогоза и лозы, изготовление традиционных русских народных музыкальных инструментов – свирелей, жалеек разного строя, трещоток, бубнов, звончалок, трензелей, рубелей, бубенцов, коробочек вертушек и др.

Двадцать семь мастеров Орловщины, занимающихся народными промыслами, имеют звание «Народный мастер России». Работает ОАО «Орелкерамика», выпускающее сувенирную продукцию в орловских народных традициях. В Орле действует детская школа

изобразительных искусств и народных ремесел, где народные мастера преподают традиционные ремесла.

Сохранение народных промыслов, сохранение своих корней, национальной самобытности – все чаще озвучиваются эти лозунги. В России сейчас на самых разных уровнях ставку делают на развитие внутреннего туризма, неотъемлемой частью которого становится сувенирная продукция, в том числе народные промыслы. Во многих странах, где пытаются сохранить национальную культуру, существует государственная поддержка народных промыслов. В Японии есть титул «живое национальное достояние», удостоивается его мастер, занимающийся старинным ремеслом (шёлкоткачество, ковка мечей, изготовление бумаги, фарфора...). Король Марокко освободил ремесленников от налогов: развивая сувенирную составляющую туризма, они укрепляют государство. У нас интереснейшие проекты часто реализуются благодаря инициативе снизу. Многие промыслы существуют только благодаря смекалке и активности местных мастеров. Они не только сохраняют промыслы на его историческом месте, но и активно продвигают свою продукцию.

В наши дни, в период возврата к экологически чистым предметам быта, народные промыслы заслуживают того, чтобы стать новыми экономическими отраслями на базе местного сырья (продуктов сельского хозяйства, природных ресурсов) и рабочих рук. Развитие народных промыслов можно сочетать с туризмом. В этом плане весьма перспективно развитие художественных промыслов по производству изделий традиционного искусства.

Всплеск интереса к народному творчеству обоснован не только объективным отношением к жизненно важным эстетическим и этическим ценностям, но и стремлением народа к духовному возрождению, к творчеству, стремлением людей создать условия для преемственности поколений. Будущее нашего народа, судьба его национальной культуры зависит от того, насколько нам удастся возродить этнокультурные ценности.

Библиографический список.

1. Богуславская И.Я. Народное искусство или ширпотреб? -Декоративное искусство СССР, 1976, №6, С. 22.
2. Богуславская И.Я. Традиции народных художественных промыслов и проблемы сувениров. Советское декоративное искусство 77/78, М., 1980, с. 116-122.
3. Народное творчество Орловской области. Вып.1. / Сост. и общ. ред. Л.С. Афанасьева. Орел, 1988. 277 с.
4. Некрасова М.А. Традиции и проблемы индивидуального в народном искусстве. Декоративное искусство СССР. 1974, №5, С. 15-16
5. Обласова Г. Тетерешники // Орловский вестник. 1998. 26 февр. С.12
6. Салтыков А.Б. Самое близкое искусство. М., 1969.
7. Славянский мир. Воронеж. 2001. С. 103-110.

References

1. Boguslavskaya I.Ya. Folk art and consumer goods? – Decorative Arts of the USSR, 1976, № 6. – P. 22.
2. Boguslavskaya I.Ya. Tradition of folk crafts and souvenirs' problems. – Soviet decorative art 77/78, Moscow, 1980. – Pp. 116-122.
3. Folk art Orel. Issue 1. / Compiled by Ed. L.S Afanasyev. – Orel, 1988. – 277 p.
4. Nekrasova M.A. Traditions and problems of the individual in the folk art. –Decorative Arts of the USSR. 1974, № 5. – Pp. 15-16.
5. Oblasova G. Tetereshniki // Orel Bulletin . – 1998. – 26 February. – P.12
6. Saltykov A.B. The closest art. Moscow, 1969.
7. Slavic world. Voronezh. 2001.– Pp. 103-110.

УДК 378.311.1

UDC 378.311.1

Н.И. РАДВИЛ

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета
E-mail: radwil@yandex.ru

N.I. RADVIL

candidate of pedagogical sciences, associate professor of design, sculpture and theory of arts, Orel state university
E-mail: radwil@yandex.ru

Тьюторство в непрерывном дизайн-образовании

TUTORSHIP IN THE CONTINUOUS DESIGN EDUCATION

В статье рассматриваются основные параметры теоретической концепции тьюторства и тьюторских практик в контексте непрерывного профессионального образования дизайнера. Проводится анализ возможностей применения тьюторских технологий в современном дизайн-образовании с целью наиболее рационального и плодотворного проектирования профессионально-личностного роста дизайнера. В ряду исследований и публикаций, отражающих основные направления тьюторства, данная статья сосредоточена на рассмотрении их специфики в контексте профессионального образования дизайнера.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория, он-лайн тьюторство, студенческое тьюторство, групповое проектное обучение, личностно-ресурсная карта.

This article discusses the basic parameters of theoretical tutorial concepts and practices in the context of continuing professional education. The application of technology in today's tutorials design education aiming at the most efficient and effective design of vocational and personal growth is analyzed. In a number of studies and publications, reflecting the main areas of tutoring, this article focuses on the examination of their specificity in the context of vocational education.

Keywords: individual educational trajectory, online tutoring, student tutoring, group project-based learning, personality-resource map.

Сегодняшняя система дизайн-образования претерпевает колоссальные изменения, связанные не только с логикой своего развития, но и с общественными инновациями. Среди самых насущных проблем – несоответствие выпускаемых специальностей запросам рынка и постоянная потребность в оформлении новых видов деятельности. Вследствие этого интенсивное самообразование стало сегодня среди дизайнеров повсеместной нормой. При обилии дизайн-образовательных ресурсов профессионализм стал предметом собственного управления и проектирования, что предполагает отрицание перегруженности информационным и фактологическим материалом, не связанным непосредственно ни с запросами самого учащегося, ни с нуждами общества. Применение в профессиональной деятельности полученных в процессе обучения знаний, умений и навыков стало творческой задачей, решаемой каждый раз в непредсказуемой ситуации, что само по себе уже изначально предполагает отсутствие готовых решений. «Частью парадигмального кризиса образования является проблема характера социальных взаимодействий и отношений между учителем и учеником... Педагог императивного склада уже не отвечает духу нашего времени и современной культуре», – подчёркивают исследователи [1,23]. При этом особенно остро стоит проблема слияния образовательного, личностного, профессионального движения в единую целостную картину. Одним из возможных решений в данной ситуации

в системе непрерывного профессионального образования дизайнера является, на наш взгляд, включение в образовательный процесс тьюторских технологий.

Теоретическую разработку тьюторства в России начала осуществлять ещё в 1990 году Т.М. Ковалёва в Школе культурной политики (Москва), определив тьюторство как особый педагогический способ работы, который сопровождает выход самого ребенка на индивидуальную образовательную программу и реализует тем самым индивидуализацию в образовании. Были выделены этапы тьюторского сопровождения: проявление и фиксация (активность, познавательный процесс, инициатива), поддержка, развитие (момент качественного изменения), разработана структура индивидуальных карт. Было обращено внимание на то, что создание «избыточной образовательной среды» имеет три вектора развития: культурно-предметный, социальный, антропологический [3].

С тех пор было проведено множество научно-практических тьюторских конференций, где прорабатывалась концепция тьюторства в условиях российского образования. В результате тьюторство было введено в дошкольное и школьное образование, во многих школах была введена ставка тьютора. В 2007 году была основана «Тьюторская Ассоциация», объединившая представителей 17 регионов России. В настоящее время разработкой и апробацией программ по тьюторству занимаются Центр тьюторского сопровождения при Академии по-

вышения квалификации и переподготовки работников образования РФ в Москве, Центр тьюторского сопровождения образовательного процесса при Московском институте открытого образования, Ассоциация тьюторов в Томске, Центр тьюторства в Волгоградской академии повышения квалификации, Челябинский государственный педагогический университет.

Тьюторская группа в ТУСУРе под руководством Л.В. Кобзевой в настоящее время работает над проектированием технологий тьюторства в высшей школе, в частности, в техническом вузе [2]. В настоящее время МОО Межрегиональная тьюторская ассоциация, ФГАУ Федеральный институт развития образования выносят на внешнюю общественную экспертизу проект профессионального стандарта «Тьюторское сопровождение индивидуальной образовательной программы (ИОП)» (от 07.03.2012 г.). К проведению экспертизы приглашаются образовательные и общественные организации, а также ученые и специалисты. Формируется банк данных о модулях и программах ПК по направлению «Тьюторство». На сегодняшний день в банке уже собрана информация от групп-разработчиков из Томска, Москвы, Ижевска, Костромы, Башкортостана, Междуреченска [6].

На сегодняшний день тьюторство определяется как «система индивидуального учения, сопровождения и поддержки учащихся, основанная на идее педагогического поиска, нацеленная на становление субъектности, академический и философский рост учащихся и развитие умений самостоятельно приобретать нужные знания и саморазвиваться» [6]. Понимая под тьюторством содействие, поддержку, посредничество, исследователи выделили основные функции тьютора: помощь в самоопределении, посредническое действие, создание условий для поиска своего предназначения, планирование и организация деятельности учащихся, организация самостоятельной работы, сопровождение жизни учащегося в учебном заведении. Основными технологиями тьюторского сопровождения являются: проектирование индивидуального образовательного маршрута, организация рефлексии учащегося относительно своей деятельности, ведение портфолио, процесс постановки вопроса и ответа на него, проектная деятельность. Аналогично зарубежному опыту данная система применяется в начальной, средней школе, высших учебных заведениях, дистанционном и открытом образовании, системе дополнительного образования, сопровождении начинающих специалистов, повышении квалификации работников образования, а также во внеурочной деятельности, профессиональном самоопределении обучающихся. Наиболее перспективными видами сегодня являются *онлайн-тьюторство*, которое основывается на компьютерных и интернет-технологиях и считается одним из направлений развития науки и общества в настоящее время, а также *студенческое тьюторство*, залогом эффективности которого выступает взаимодействие сверстников в образовательном процессе.

Появление тьюторства в российской системе непрерывного дизайн-образования связано, прежде всего, с распространением открытого дистанционного профес-

сионального образования. Именно тьютор, как наставник, советник, куратор информационно-проектного обмена, основанного на ресурсах сети, созданной в образовательных целях, организует условия для складывания и реализации индивидуальной образовательной траектории студента в условиях дистанционного дизайн-образования. Используется тьюторинг-базовый, в который входят обучение и обратная связь, и вспомогательный, призванный поддерживать студентов в учёбе и решать возникающие в процессе обучения проблемы. Примером здесь может служить факультет дизайна Института УНИК [4], где впервые в России разработана такая технология обучения по двум направлениям – графический и digital дизайн. Тьюторские технологии в профессиональном дизайн-обучении здесь реализует куратор, который есть у каждого студента. Именно он **создает образовательную среду**, позволяющую студенту не только получать знания и навыки, но и решать реальные проблемы в своей деятельности, обучаясь в удобном режиме. При этом собственный куратор помогает максимально эффективно использовать разнообразные учебные материалы, Интернет-ресурсы, проектный опыт успешных дизайнеров. Разновидностью студенческого тьюторства – определённого вида помощи, оказываемой более осведомлёнными в определённых областях дизайна сверстниками, является возможность задавать вопросы своим сокурсникам на форуме факультета, сообществах УНИК «ВКонтакте» и «Facebook», где господствует уникальная атмосфера сотрудничества и коллегиальности. Студенческое тьюторство обладает существенными преимуществами для всех сторон: кураторов, учащихся, преподавателей и учебного заведения в целом. Исполнение студентом роли тьютора обеспечивает необходимые условия для собственного учения и возможность использовать полученные знания более значимым и эффективным способом, воспитывать ответственность, чувствовать себя оцененным, необходимым, уважаемым и воспринимаемым как компетентный специалист в определенной области.

Важным объектом тьюторского обеспечения дизайн-образования может стать *групповое проектное обучение*, основы которого применительно к техническим специальностям уже разработаны и являются на сегодняшний день базовыми технологиями в ТУСУРе, когда студенты объединяются не для освоения учебного предмета, а сразу для создания и коммерциализации продукта. Групповое проектное обучение как новая образовательная технология противопоставляется прежней системе, основанной на курсах, предметах и лабораторных, т.е. предметно-дисциплинарной модели. Такая технология подразумевает, что профессионализация задается не системой предметов, а через проектирование и освоение норм дизайнерской деятельности. Эта технология позволяет соединить в одной проектной группе носителей знаний из разных предметных областей и осуществлять совместно управление проектом, и такой подход позволяет построить не только дизайнерский проект, но и предпринимательский. В групповом

проектном обучении появляется запрос на построение индивидуальной образовательной траектории, использование образовательного и научного ресурса университета и внешней среды для решения поставленной задачи в проекте. Ориентирование в существующих ресурсах может являться функцией тьютора. Для тьютора сопровождение в таком случае будет означать содействие обращению к культуре дизайнерской деятельности, сопровождение процессов складывания и движения команды проекте, инициирование процессов самоопределения, предъявления оснований нахождения в проекте, формулирования личных целей и их согласования и постановки общей для всех участников цели проекта.

В структуре среднего специального дизайнерского образования большой интерес представляет на сегодняшний день опыт разработки и успешной реализации целостной тьюторской программы на отделении дизайна ГБОУ СПО Строительный колледж №26 г. Москвы. Проект «Тьюторство» в 2012/2013 учебном году является внутренним экспериментом колледжа, который направлен, прежде всего, на повышение качества образования. Куратор проекта «Тьюторство» есть в каждом структурном подразделении колледжа. В качестве общих функций тьюторского сопровождения Уставом колледжа определяются диагностическая, проектировочная, реализационная и аналитическая. Соответственно деятельность тьюторов реализуется с помощью технологий консультирования, проектных технологий, технологий работы с *портфолио*.

Разработка технологической карты начинается с определения смыслов, которые заложены в программу по специальности, и только затем набрасывается предметный материал, именно технологическая карта регулирует отношения между тьюторами преподавателями. При этом отсутствует разделение на проектную деятельность и обучающий процесс, тьютор определяет студентов в проектные группы «по способностям». Возникает потребность индивидуального учебного плана, предполагающая и взаимодействие с работодателем студента. Начиная с ноября 2011 года, колледж ежемесячно публикует на сайте новости по реализуемому экспериментальному проекту «Тьюторство». Для обеспечения непрерывного образования колледж сотрудничает с вузами города Москвы, в частности с Национальным институтом дизайна (союз дизайнеров России), Национальным институтом современного дизайна, Московским городским педагогическим университетом, Московским архитектурным институтом, Российским государственным гуманитарным университетом (РГГУ), проводятся традиционные встречи сотрудников колледжа с членами Межрегиональной тьюторской ассоциации[9].

Практический интерес представляет в настоящее время и опыт тьюторской работы в Колледже сервиса и дизайна ВГУЭС. Основная задача – помочь студентам выстроить собственную образовательную траекторию, при этом основным инструментом работы тьютора в Колледже является составление *лично-ресурсной карты*[5].

В сфере дошкольного и начального дизайнерского образования актуальными формами использования тьюторских технологий могли бы, на наш взгляд, стать частные занятия, а также система тьюторского сопровождения в системе дополнительного образования, предполагающие четкую индивидуальную направленность образовательного маршрута ребёнка, подразумевающие систему индивидуального учения, поддержки детей, основанную на идее педагогического поиска, нацеленную на становление субъектности. Детское он-лайн тьюторство может стать актуальной профессионально-педагогической основой таких программ, как, например, учебный он-лайн курс «Юный дизайнер» Открытого педагогического объединения «Интер Ника»[8].

Инновационные процессы в современном дизайнерском образовании обострили проблему несоответствия уровня выпускаемых специальностей меняющимся запросам рынка, следствием чего явилось интенсивное самообразование, ставшее сегодня в дизайнерском сообществе повсеместной нормой. Творческое применение собственных знаний, умений и навыков, изначальное отсутствие готовых решений во всех сферах современной профессиональной деятельности дизайнера обусловили и кардинальное изменение подхода к самим взаимоотношениям преподавателя и учащегося, ставящим сегодня своей главной целью слияние образовательного, личностного, профессионального движения в единую целостную картину. Степень современной теоретической разработанности и практического применения тьюторства как одного из самых продуктивных в данном контексте образовательных направлений позволяет говорить о его внедрении в систему непрерывного профессионального образования дизайнера. Наиболее перспективными видами в дизайн-образовании являются онлайн-тьюторство, которое основывается на компьютерных и интернет-технологиях, а также студенческое тьюторство, залогом эффективности которого выступает взаимодействие сверстников в образовательном процессе. Важным объектом тьюторского обеспечения дизайн-образования может стать групповое проектное обучение, задачей тьютора в котором будет выявление индивидуальной образовательной траектории студента-дизайнера, инициирование процессов самоопределения, предъявления оснований нахождения в проекте, формулирования личных целей и их согласования и постановки общей для всех участников цели проекта, сопровождение процессов складывания и движения команды проекте. Соответственно деятельность тьюторов реализуется с помощью технологий консультирования, проектных технологий, технологий работы с портфолио и лично-ресурсной картой. Возникает потребность индивидуального учебного плана, предполагающая взаимодействие с работодателем студента.

Библиографический список

1. *Аношкина В.Л., Резванов С.В.* Образование. Инновация. Будущее (Методологические и социокультурные проблемы). Ростов на Дону: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001.
2. *Кобзева Л.В., Клымчук Е.А., Грибов Е.Н., Кузнецов И.А.* Круглый стол «Концептуальные основания деятельности тьютора». Выступления участников инициативного образовательного движения «Нужное действие» на XI Тьюторской конференции. Февраль 2007г. <http://www.tusur.ru/ru/centers/ckr/project/tuit-vo>
3. *Ковалева Т.М.* Выступление на XI Международной тьюторской конференции "Сопровождение процессов индивидуализации в образовании и управлении". Секция "Практики тьюторского сопровождения в высшей школе". Томск 5-7 февраля 2007г. <http://www.tusur.ru>
4. Сайт Института УНИК[Электронный ресурс]. unic.edu.ru
5. Сайт Колледжа сервиса и дизайна Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. <http://ksd.vvsu.ru>
6. Сайт Межрегиональной тьюторской ассоциации: <http://www.thetutor.ru/>
7. *Теров А.А.* Поливариантная обогащающая образовательная среда как необходимое условие подготовки тьюторов // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: разработка стандартов тьюторской деятельности/ Материалы третьей международной научно-практической конференции / Ред.: Т.М. Ковалева . М.: Прометей, 2011. С. 235-241.
8. Учебный курс «Юный дизайнер». Открытое педагогическое объединение «Интер Ника». <http://internika.org/umk-unij-dizajner>
9. 26KADR.ru. Строительный колледж № 26. <http://26kadr.ru>

References

1. *Anoshkina V.L., Rezvanov S.V.* Education. The innovation. The future (Methodological and socio-cultural problems). Rostov-on-don, 2001.
 2. *Kobzeva L.V., Klimchuk E.A., Gribov E.N., Kuznetsov I.A.* Round table «The Conceptual foundations of the activities of Tutoring». Speeches of the participants of the educational movement «Required action» at the XI Tutoring conference. February, 2007. <http://www.tusur.ru/ru/centers/ckr/project/tuit-vo>
 3. *Kovaleva T.M.* Speech at the XI International tutoring conference "Support of processes of individualization in education and management". Section "Practicetutoringsupportinthehigherschool". Tomsk, February, 2007. <http://www.tusur.ru>
 4. Site of the University history of culture. unic.edu.ru
 5. Site of the College of service and design of the Vladivostok state University of Economics and service. <http://ksd.vvsu.ru>
 6. The site of the Interregional Tutoring Association: <http://www.thetutor.ru/>
 7. *Terov A.A.* Multivariant enriching educational environment as a necessary condition for the preparation of Tutors // Tutoring on the open educational space: the development of standards tutoring activities/ Materials of the third international scientific-practical conference / Ed.: T.M. Kovaleva . M.: Prometheus, 2011. P. 235-241.
 8. Training course «Young designer». Open pedagogical Association «Inter Nika». <http://internika.org/umk-unij-dizajner>
 9. 26KADR.ru. Construction College № 26. <http://26kadr.ru>
-

УДК 378.214.116

UDC 378.214.116

Е.А. ЧЕРТЫКОВЦЕВА

кандидат искусствоведения, профессор кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета

E.A. CHERTYKOVITSEVA

candidate of Arts, professor of the department of design, sculptures and theory of arts, Orel state university

ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ РАЗРАБОТКЕ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРОВ ХУДОЖЕСТВЕННО-ГРАФИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ ВУЗОВ

PECULIARITIES OF PLANNING STUDY OF ART MATERIAL WHILE WORKING OUT THE PROGRAMS FOR BACHELORS OF GRAPHIC ARTS FACULTIES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Образовательные задачи бакалавриата, рассматриваемого как полноценное высшее образование. Искусство как способ целостного общественного воспитания индивида. История искусства как теоретическая база обучения будущих художников-педагогов основам специального мастерства. Процесс усвоения информации по истории искусства и соединение ее с усвоением способов практической деятельности на занятиях по рисунку, живописи и композиции. Принцип интеграции педагогики искусства, методики обучения и художественного творчества в образовательном процессе. Формирование базовых основ профессиональной культуры и основных компетенций.

Ключевые слова: искусство, художник-педагог, бакалавр, компетенции, интеграция.

Educational task of bachelor regarded as valuable higher education. Art as a method of integral public education of individual. History of art as a theoretical base of educating of future artists-teachers to bases of the special trade. The process of mastering the information for histories of art and connecting it with mastering the methods of practical activity during classes on picture, painting and compositions. The Principle of integration of pedagogics of art, methodologies of educating and artistic work, is in an educational process. Forming of base bases of professional culture and basic competences.

Keywords: art, artist-teacher, bachelor, competences, integration.

В настоящее время в образовании в связи с введением бакалавриата происходит сложный переход от пятилетнего срока обучения к четырехлетнему. За четыре года необходимо подготовить профессионалов, которые бы не уступали по уровню тем, кто раньше учился на специалитете в течение пяти лет. Основная задача преподавателей при разработке новых программ – не потерять накопленный положительный уровень подготовки выпускников и использовать его в программах для бакалавров. Особенно сложным данный процесс представляется для творческих специальностей, связанных с постижением искусства и обучением ему.

Искусство – это специфический вид духовного отражения и освоения действительности, оно имеет настолько большое значение в жизни общества, что может рассматриваться как одна из жизненных его функций. Искусство – это культурный феномен, который создан человеком для познания, прежде всего, самого себя, собственной человеческой природы, собственной души, для познания своего собственного внутреннего мира и его формирования и развития.

Искусство является особым способом познания и отражения действительности посредством художественных образов. В отличие от науки, языка и других форм специализированной общественной деятельности, призванных удовлетворять различные потребности

людей, искусство оказалось нужным человечеству как способ целостного общественного воспитания индивида, его эмоционального и интеллектуального развития, его приобщения к накопленному человечеством коллективному опыту, к вековой мудрости, к конкретным общественно-историческим интересам, устремлениям, идеалам.

Таким образом, искусство как специфическое общественное явление представляет собой сложную систему качеств, структура которой характеризуется сопряжением познавательной, оценочной, созидательной и знаково-коммуникативной граней. Благодаря этому искусство выступает и как средство общения людей, и как орудие их просвещения, обогащения их знаний о мире и о самих себе, и как способ воспитания человека на основе той или иной системы ценностей, и как источник высоких эстетических радостей. Хотя все эти функции искусства, слитые воедино, являются лишь разными сторонами одного целого – художественного воздействия искусства на человека – их соотношение бывает весьма различным, и иногда одна из функций выходит на первый план и приобретает главенствующее значение.

История искусства, будучи гуманитарной наукой, исследует художественную культуру как исторически развивающееся, многогранное, сложное общественное

явление, как способ жизни человека. Она формирует знания о культурном наследии, о поисках и открытиях, о памятниках художественной культуры, о ценностях и нормах жизни, идеалах и символах разных народов, исследует происхождение, истоки культурных явлений, процесс их распространения.

История искусства помогает познавать мир, формирует духовный образ человека, чувства и мысли, воспитывает личность, расширяет кругозор, пробуждает творческие способности.

В учебном процессе подготовки учителей изобразительного искусства на художественно-графическом факультете одной из основных, ведущих дисциплин является история изобразительного искусства. Предмет «История изобразительного искусства» присутствует в учебных планах художественно-графических факультетов с первых дней их существования. Он является теоретической базой обучения будущих художников-педагогов основам специального мастерства. Но это только одна из функций данной дисциплины. Как никакой другой предмет, история искусства в силу своей специфики формирует личность человека, играет важнейшую роль в воспитании, расширяет кругозор и формирует нравственные устои.

При обучении истории искусств перед педагогами встает вопрос соотношения репродуктивных и творческих аспектов, а также соотношения и взаимосвязи интеллектуального и духовного в развитии личности студента и профессионального становления бакалавра на основе идей гуманизации и гуманитаризации.

Образование, как мощный фактор культуры, должно быть направлено на все более полную реализацию потенциальных способностей будущего учителя. Применительно к обучению истории искусства из этого вытекает вывод о том, что усвоение основ истории искусства дает студенту-педагогу ту фундаментальную базу, на основе которой смогут в дальнейшем определиться и познавательные, и творческие подходы художника и учителя к окружающему миру.

При изучении истории искусств очень важным является взаимосвязь между восприятием и обучением, чувственным восприятием и логическим мышлением.

Восприятие является одной из сторон познания человеком мира. Оно представляет собой достаточно сложный процесс отражения объективного мира в сознании человека. Это отражение может быть непосредственным и опосредованным. В зависимости от этого в познании выделяют две тесно связанные между собой ступени – чувственное познание и логическое познание, называемое также абстрактным мышлением. Всякое познание начинается с живого созерцания, с ощущений, чувственных восприятий, непосредственно воздействующих на органы чувств. Восприятие есть целостное отражение внешнего материального предмета.

Одной из важнейших характеристик образа восприятия является его предметность. Предметность имеет множество свойств, в том числе такие как реальность, объективность, означенность, константность и др.

Выполнение различных заданий по истории искус-

ства дает студенту возможность мыслить средствами искусства, что может служить источником вторичной фантазии и эстетического удовольствия, активизировать творческое воображение. Кроме того, различные типы заданий, которые предлагает педагог, постепенно формируют умение воспринимать и анализировать произведения искусства, соотносить полученные знания со своим внутренним опытом.

Процесс познания окружающего мира включает непосредственное, или чувственное познание и опосредованное, или логическое познание. Формирование логического мышления предполагает познание мира на уровне понятий, суждений и умозаключений. Таким образом, чтобы сформировать логическую мыслительную деятельность при обучении истории искусства студент должен научиться мыслить понятиями данного предмета. Мышление на понятийном уровне предполагает их осознание, то есть выделение существенных признаков.

Кроме того, необходимо научиться мыслительному анализу как приему, используемому при образовании понятий, который включает следующие мыслительные операции: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, конкретизация.

Выполнение практических работ по анализу произведений искусства предполагает соединение как чувственного восприятия, так и абстрактного мышления на основе понятийного аппарата истории искусств, анализа существенных признаков конкретного произведения и определения (на их основе) принадлежности данного произведения к той или иной школе или направлению.

Обучение истории искусств должно преследовать прежде всего учебные цели, а для этого необходима методически продуманная организация учебного процесса. Прежде всего, это систематическое и последовательное решение учебных задач. Решая задачи усвоения информации по истории искусства и соединения ее с усвоением способов практической деятельности на занятиях по рисунку, живописи и композиции, студент должен постоянно закреплять свои знания и навыки путем выполнения специальных упражнений, внимательно анализировать произведение искусства по предлагаемым или самостоятельно составленным алгоритмам. Для плодотворного изучения изобразительной грамоты необходимо изучать работы больших мастеров прошлых эпох, поскольку это активное восприятие формирует основы дальнейшего профессионализма специалиста, развивает чувство прекрасного и художественный вкус.

Велика роль в процессе подготовки бакалавров в вузе и самостоятельной познавательной деятельности студентов, посредством которой они познают и преобразуют окружающий мир.

При построении учебной программы обучения истории искусств важен учет взаимосвязей между процессом восприятия и аналитико-синтетической деятельностью при анализе произведений искусства, между мотивами познавательной деятельности студентов и отношением к произведениям искусства. Анализ соотношения репродуктивных и творческих факторов показывает, что при выходе на творческий уровень усвоение информа-

ции и способов деятельности происходит на фоне положительной мотивации к процессу научного познания, что позволяет прогнозировать позитивные изменения в развитии личности студента. Задача педагога – смоделировать систему обучения истории искусства так, чтобы она функционировала синхронно с системой восприятия произведений искусства личностью студента на основе принципов дополнительности и комплиментарности. Уметь видеть красоту, научность, профессионализм, «почерк» художников и скульпторов, графиков и архитекторов, великих мыслителей, уметь соотносить автора того или иного произведения и эпоху, в которую он творил; уметь дать анализ по необходимости различных видов искусств, понимать художественный процесс «изнутри» – вот то основное, что должен усвоить студент при изучении истории искусства. Поэтому объектами внимания в преподавании искусства должны стать: во-первых, художественное произведение, его структура, связанный с ней эмоционально-эстетический смысл и содержание, анализ выразительных средств художника, во-вторых, методы работы со студентами, способствующие творческому восприятию произведений.

Теория и практика художественно-педагогического образования свидетельствует, что в области преподавания изобразительного искусства до сих пор не реализуется вся полнота средств и возможностей этого вида искусства в творческом развитии студентов-бакалавров. Не определены место и роль теории и истории искусства в системе подготовки художника-педагога, не разработаны формы и методы обучения, направленные на формирование навыков художественного восприятия как профессионально значимой деятельности будущего учителя изобразительного искусства.

Курс «История изобразительного искусства» входит в состав дисциплин предметной подготовки ГОС ВПО по специальности «Изобразительное искусство» и является частью структуры дисциплин художественно-творческого, культурологического и психолого-педагогического направлений. Программа курса предусматривает последовательное изучение мирового и отечественного искусства, начиная с древнейших времен и до конца двадцатого столетия.

Трудоемкость дисциплины «История изобразительного искусства» определяется государственным образовательным стандартом по дисциплине предметной подготовки.

Курс «История изобразительного искусства» традиционно состоит из двух частей – истории зарубежного изобразительного искусства, которая предусматривает изучение следующих разделов: Введение в искусствоведение. Искусство Древнего мира. Античное искусство. Искусство Средневековья. Западноевропейское искусство эпохи Возрождения. Западноевропейское искусство конца XVII – начала XVIII вв. Основные направления западноевропейского искусства конца XVII – середины XIX в. Основные тенденции развития зарубежного искусства XX в. И истории отечественного изобразительного искусства, изучающего: Древнерусское искусство. Русское искусство XVII в. Русское искус-

ство XVIII – первой половины XIX в. Русское искусство конца XIX – начала XX в. Основные тенденции развития отечественного искусства XX в. Искусство в годы революции 1905-1907 гг. Искусство советского периода. Современные тенденции в развитии искусства.

При подготовке бакалавров на ХГФ на первое место выдвигаются следующие цели: дать целостное представление об искусстве, его сущности и особенностях, видах, жанрах, месте и роли в жизни человека и общества, тенденциях и проблемах его исторической эволюции; систематизировать и обобщить теоретический материал, очерки, воспоминания и т.д., выявить причинно-следственные связи между мировой историей и развитием искусства; раскрыть религиозно-нравственные и духовные основы русского искусства, его взаимодействие с мировой художественной культурой, традиционным и современным художественным процессом; раскрыть взаимосвязи изобразительного искусства с мировой художественной культурой – религией, философией, литературой, психологией, театром; научить студентов оценивать достижения искусства, анализировать основные памятники художественной культуры.

В ходе изучения истории изобразительного искусства студент должен овладеть знаниями основных этапов художественно-духовного и культурного развития мирового искусства, эстетической специфики стилей, течений, искусствоведческих названий, терминов; приобрести умения извлекать информацию из искусствоведческих источников, применять ее для решения познавательных задач; овладеть приемами описания, рассказа об основных направлениях, стилях, художественном творчестве их представителей и объяснения, где идет раскрытие закономерностей развития искусства, причин и следствий возникновения того или иного вида и жанра искусства, стилей и направлений в ту или иную эпоху, выявление в них общего и различного, определение их характера, классификация др.

Важно показывать эволюцию художественного процесса в контексте традиций современного искусства и искусства прошлого: мифологии образов и архетипы сюжетов, теории пространства и времени; различать этногеографические особенности искусства; понимать и уметь объяснить роль искусства в человеческой жизнедеятельности, иметь представление о способах приобретения, хранения и передачи социального опыта, основных ценностях культуры и искусства в частности.

Изучение истории изобразительного искусства в вузе направлено на достижение следующих задач:

- развитие нравственного и эстетического чувства, обогащение и углубление внутреннего духовного мира студентов, пробуждение интереса к самостоятельному творческому освоению многовекового наследия мирового и отечественного искусства.
- освоение систематизированных знаний об искусстве, его сущности и особенностях, месте и роли в жизни человека и общества, тенденциях и проблемах его исторической эволюции.
- овладение умениями и навыками комплексной работы с различными типами искусствоведческих ис-

точников, поиска и систематизации информации, навыками анализа памятников культуры и произведений искусства.

- формирование способности понимать историческую и этническую обусловленность развития мирового искусства, определять собственную позицию по отношению к ряду традиционных и современных направлений художественного творчества.

Учебная дисциплина «История изобразительного искусства» позволяет выпускнику приобрести следующие виды компетенций:

а) универсальные – общенаучные компетенции: 1) способность использовать в познавательной и профессиональной деятельности базовые знания в области истории и теории искусства; 2) способность использовать знания основ художественного языка различных видов искусства для исследования и освоения других знаковых систем; 3) способность формировать наглядные образы с целью обобщения, систематизации, моделирования и представления любых явлений и связей между ними; (ОК-1); 4) способность приобретать новые знания, используя современные образовательные и информационные технологии 5) собирать, обрабатывать и интерпретировать с использованием современных информационных технологий данные, необходимые для формирования суждений по соответствующим художественным, научным и эстетическим проблемам (ОК-15);

– общекультурные и социально-личностные компетенции: 1) способность выстраивать и реализовывать перспективные линии интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального саморазвития и самосовершенствования (ОК-6); 2) способность критически переосмысливать накопленный опыт, изменять при необходимости профиль своей профессиональной деятельности (ОК-2); 4) способность к социальной адаптации; умение работать самостоятельно и в коллективе (ОК-3); 5) навыки культуры социальных отношений, умение критически переосмысливать свой социальный опыт (ОК-8);

– инструментальные: 1) способность использовать навыки работы с информацией из различных источников, включая древние, классические и современные источники, для решения социальных и профессиональных задач (ОК-14); 2) способность к письменной и устной межкультурной коммуникации в специальной и профессиональной деятельности (ОК-2); 3) использование навыков работы с произведением искусства как с источником визуальной информации для успешной коммуникации в социальной и профессиональной сферах (ОК-3); 4) умение использовать ресурсы ИНТЕРНЕТ по истории и теории русского искусства в научных и образовательных целях (ОК-6);

б) специальные – концептуальные (теоретические): 1) освоение понятийного аппарата, принципов и методов подхода к анализу истории искусства; 2) овладение спецификой периодизации искусства, своеобразием художественных языков различных видов русского и зарубежного искусства, творчества выдающихся мастеров, особенностями основных памятников мирового

искусства; 3) приобретение опыта формирования художественного образа как диалога произведения и зрителя на основе взаимодействия с памятниками искусства; 4) освоение закономерностей проявления исторических и авторских стилей искусства в конкретных формальных чертах памятников; (ОК- 9)

– технологические (практические): 1) способность оценки уникального синтетического качества национальной культуры и умение представить ее целостность; 2) умение ориентироваться в явлениях художественной культуры, определять диспозицию памятников, стилей, мастеров в истории русского и зарубежного искусства; 3) умение провести стилистический анализ памятника и определить его принадлежность к тому или иному стилю, периоду, автору; 4) умение проводить философско-искусствоведческий анализ произведений искусства, используя соответствующие научные методы; 5) умение смоделировать диалог произведения искусства и зрителя на основе формирования художественного образа; 6) умение анализировать и ориентироваться в современной художественной среде. (ОК-1, ОК-2, ПК-6)

История искусства как гуманитарный предмет отвечает за мышление будущих бакалавров. И поэтому необходимо использование форм обучения, которые помимо специальных формируют и необходимые гуманитарные и социальные навыки ведения диалога, дискуссии, коммуникативную и речевую компетентность и т.д., необходимо использовать в своей практике гибкие формы коллективной и групповой работы, игры, тренинги, практику рефлексивной и проективной работы. От этого зависят такие навыки, как умение слушать и слышать, понимать, строить рефлексию, проектировать, вести переговоры, вступать в диалог, вести дискуссию, участвовать в ролевом обсуждении, уметь переносить знания из одного предмета в другой. Подобный блок умений и навыков составляет базу гуманитарного образования.

Образовательная задача бакалавриата, рассматриваемого как полноценное высшее образование, состоит в формировании базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций.

Болонский процесс главным образом декларирует сдвиг от получения просто знаний к умению применить эти знания на практике. Вот почему важно так продумать и построить учебный материал по истории изобразительного искусства, чтобы он не был оторван, изолирован от общего процесса обучения изобразительному искусству, художественной практике и эстетического воспитания.

Высшее художественно-педагогическое образование со свойственной ему организационно-педагогической структурой и возможностями в реализации большого количества образовательных программ позволяет осуществить принцип интеграции педагогики искусства, методики обучения и художественного творчества в образовательном процессе, обеспечить целостность и гармоничность профессионального становления художника-педагога.

УДК 78

UDC 78

Н.Е. ШИЛОВА

аспирант кафедры истории и теории музыки и музыкального образования Московского городского педагогического университета
E-mail: dmitrienko_ne24@mail.ru

N.E. SHILOVA

graduate student of chair of history and music theory and music education Moscow pedagogical university
E-mail: dmitrienko_ne24@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА «ЦЕРКОВНО-ХОРОВОЕ ПЕНИЕ»

EDUCATIONAL PROGRAM «CHURCH-CHORAL SINGING»

Основной целью программы является приобщение детей к основам отечественной музыкальной и духовной культуры, организация певческой деятельности на основе православных традиций, развитие музыкально-эстетического вкуса, формирования вокально-исполнительских умений и навыков. Программа имеет духовную направленность. Наряду с музыкально-хоровым обучением она предполагает воспитание детей через церковные песнопения, а также произведения народного песенного творчества в духовно-нравственных православных традициях русской культуры. Подробно разработан учебно-тематический план, описаны образовательные технологии, а также результаты образовательного процесса, способы отслеживания и фиксации.

Ключевые слова: образовательная программа, хоровое пение, духовная музыка, церковное пение, народное песенное творчество.

The main objective of the programme is children's initiation to the basics of patriotic music and spiritual culture, organization of singing based on Orthodox traditions and the development of their musical and aesthetic taste, shaping their vocal performance and skills. The program has a spiritual focus. Along with the musical and choral training it is expected to educate children through Church hymns, as well as works of folk song of creativity in the spiritually-moral Orthodox traditions of the Russian culture. The training-thematic plan is worked out, the educational technology are described, as well as the results of educational process, the ways of their tracking and fixing.

Keywords: the educational program, choral singing, sacred music, church singing, folk songs.

При создании программы учитывался возрастающий интерес современного российского общества к непреходящим духовным ценностям и, в частности, к русской духовной музыке. Русская духовная музыка – величайшее национальное наследие русского народа. В ней скрыты глубокие национальные корни, это живой родник духовности, нравственности. На протяжении многих веков духовная музыка рассматривалась в отечественной музыкальной педагогике как действенное средство воспитания подрастающего поколения.

Отличительной особенностью настоящей программы от аналогичных по профилю является введение в программу произведений народного песенного творчества, творчества бардов и современный детский песенный репертуар.

Песне принадлежит главное место в музыкальном фольклоре. Именно в народной песне отражена жизнь человека, стремление к добру, к счастью. С помощью песенного фольклора можно и нужно приобщать обучающихся к истории и культуре своего народа, стимулировать рост духовности. Через фольклор ребенок получает эстетическое, нравственное и патриотическое воспитание. В этой связи изучение народной музыки и песен приобретает особую актуальность. Фольклор как художественная форма отражения нравственно-эстетических идеалов народа активно

использовался и используется в народной педагогике. Народные песни составляют питательную почву для нравственно-эстетического развития детей. Закладывая в школе знания народно-художественных традиций, мы закладываем фундамент национального мышления, которое формирует основы культуры. Чем культурнее человек, тем осознаннее он относится к историческим памятникам.

Церковно-хоровая и народно-песенная культуры несут в себе не только художественно-эстетическое начало, но и являются фундаментальным биогенетическим механизмом, формирующим в человеке его человеческую сущность. Они открывают человеку законы гармонии мира, и только с их помощью можно воспитать чувства истинной красоты, любви, сопереживания.

Использование в программе произведений творчества бардов и современного детского песенного репертуара помогает расширить кругозор учащихся. В этих песнях воспевается родина, семья, материнство, природа. Они развивают в детях патриотизм, эстетические и моральные качества.

Таким образом, эффективное использование разнообразного музыкального репертуара способствует углублению духовно-нравственного воспитания учащихся, становлению и развитию их личности, национального самосознания и музыкальной культуры.

Актуальность и востребованность данной программы продиктована острой необходимостью воспитания цельной и нравственно здоровой личности, защиты и развития ее духовности.

Программа опирается на закономерности, лежащие в основе православного календаря, а также календаря государственных праздников и праздников России, которые в своем единстве формируют ее содержательную и методическую части.

Образовательная программа рекомендована для обучения детей в воскресных школах, православных гимназиях, а также других детских учебных заведениях в системе дополнительного образования.

Цели и задачи образовательной программы

Программа эффективно реализует многоцелевую направленность:

- способствует овладению традицией духовных песнопений, их видами и жанрами, воспитанию уважения к истории и традиции музыкальной культуры России;
- способствует формированию художественного вкуса, развитию музыкальных и творческих способностей, формирует нравственные и эстетические качества;
- обеспечивает приобретение социального опыта через календарные праздники, концерты, различные мероприятия;
- развивает навыки познавательной и творческой деятельности.

Концептуальные основы программы включают идеи:

- привития детям любви к православной и народной культуре;
- пробуждения генетической памяти ребенка к своим историко-культурным корням;
- развития вокальных, слуховых, интонационных и других навыков для успешной реализации развития духовной культуры учащихся;
- формирования фундаментальных основ духовно-нравственного развития личности ребенка в перспективе его жизненного самоосуществления.

Для достижения поставленных целей в процессе освоения программы необходимо решать следующие задачи.

Образовательные:

- обучение детей навыку исполнения духовных произведений, а также песенных образцов народного творчества;
- обучение навыкам пения без сопровождения;
- пониманию и правильному произношению церковно-славянского языка, а также других языков в разбираемых произведениях;
- развитие умения сольфеджировать и навыков интонирования в ансамблевом исполнении;
- обучение вокально-хоровой технике;
- формирование представлений о разнообразных распевах, видах, жанрах духовных произведений, а также жанрах видах народно-песенного творчества.

Развивающие:

- развитие голоса и его регистров, диапазона, тембра;

- развитие слуха музыкальной памяти и мышления;
- формирование эстетического вкуса, познавательного интереса.

Воспитательные:

- воспитание чувства принадлежности к истории, культуре своего народа, формирование гуманистических нравственных норм жизни и поведения;
- формирование умения организовывать свой труд;
- формирование умения общаться, понимать интересы коллектива в стремлении к достижению общих образовательных целей.

Содержание программы

Настоящая программа представляет базовый период певческого развития. Она предназначена для детей 7-16 лет и рассчитана на 3 года обучения. В программе разработан тематический план, а также подобран нотный материал. Занятия должны проводиться 2 раза в неделю по 2 академических часа, из которых 3 часа рассчитаны на объяснение темы, прохождение духовно-хорового материала, его разучивание, доработку и повторение пройденного и 1 час на разучивание произведений народного песенного творчества, творчества бардов и современных детских песен. Итого 4 часа в неделю (162 учебных часов в год).

Вся программа построена по дидактическому принципу «от простого к сложному». Основными темами курса являются: история богослужебного пения, история нотации, история гласовой системы, систематика жанров, основные песнопения, песнописцы церкви, церковные богослужения. Второй и третий год предполагает более глубокое рассмотрение указанных в программе тем. В изучении духовных песнопений соблюдена определенная последовательность не только в отношении музыкального материала, но и постепенного перехода от одноголосного к многоголосному пению (1 год обучения – одноголосие, 2 год обучения – однодвухголосие, третий год обучения – двух-трехголосие). Сначала напевы изучаются детьми по слуху с использованием руки одноголосно. Затем песнопения необходимо интонационно осмыслить, следя по нотам при исполнении. На следующем этапе работы учащиеся будут готовы к пению на два и три голоса.

Помимо практического освоения певческого материала на каждом уроке предполагается разъяснение текста исполняемых песнопений с тем, чтобы каждый учащийся мог по-русски передать его смысл.

Для более успешного музыкального развития детей рекомендуем проводить индивидуальные занятия по закреплению разученных произведений. Для полного осмысления проблем певческого искусства необходимо практическое участие в клиросной практике: лишь опытное знание может стать сердечным, позволит взойти к духовным высотам, скрывающимся в богослужебных молитвах.

Особое внимание следует уделить подбору фонотеки для прослушивания образцов песнопений на занятиях (как изучаемого обихода и осмогласия, так и

«золотого фонда» образцов духовной музыки), а также образцов народно-песенного материала. Прослушивая записи с правильной манерой исполнения произведений, дети более точно и правдиво достигнут поставленных задач в обучении и работе над репертуаром.

Нотный материал используемый в программе:

- песнопения разных распевов (киевский, болгарский, греческий, знаменный и др.), напевов (обиходный, обычный, оптинской пустыни и др.), песнопения на церковные гласы, духовные произведения на разных языках (церковно-славянский, греческий, латинский, украинский), произведения русских композиторов (С.В. Рахманинова, П.И. Чайковского, Н.П. Дилецкого, Д.С. Бортнянского, А.С. Дегтярева и др.)

- духовные песни (канты, колядки)
- русские народные песни
- детские песни
- песни к праздникам (Новый год, Рождество Христово, День защитника отечества, День победы, День России, День семьи, День матери)

- бардовские песни (Жанна Бичевская, иеромонах Роман, солнечные барды и др.)

Учебно-тематический план

Тема занятия	Кол-во часов
1. Церковно-певческое искусство.	4
2. Общее понятие об осмогласии.	4
3. Церковное пение в период с 5 по 8 века. Авторы песнопений.	4
4. Певческое искусство Киевской Руси. Древнерусский канон.	4
5. Основные распевы Русской православной церкви. Песнотворцы.	8
6. Развитие многоголосия на Руси 15-18 вв. Строчное и партесное пение.	4
7. Духовные песнопения русских композиторов 19-20 вв.	4
8. Общее понятие о церковно-певческом обиходе. Обиходный звукоряд. Ектеньи (виды).	8
9. Виды песнопений. Приемы построений. Ритм богослужебных распевов.	4
10. Знаменный распев. Знаменное пение.	4
11. Колокольные звоны.	4
12. Жанры богослужебных песнопений.	8
13. Песнопения праздника Рождества Христова.	12
14. Концертное выступление посвященное празднику Рождества.	2
15. Духовные песни.	8
16. Песнопения на греческом языке.	12
17. Песнопения, звучащие в свободной части литургии.	12
18. Особенности великопостного богослужения. Богослужение страстной седмицы.	4
19. Песнопения праздника Пасхи.	16
20. Концертное выступление, посвященное празднику Пасхи.	2
21. Церковные службы. Песнопения вечерни.	8
22. Песнопения из служб воскресных восьми гласов. Воскресные тропари гласов. Богородичны.	4
23. Песнопения утрени.	12
24. Песнопения Божественной литургии.	20

Итого 162 ч.

Образовательные технологии

Принципы обучения

1. Принцип единства образования, развития и воспитания. Обучение направлено на цели всестороннего развития личности, на формирование не только знаний и умений, но и нравственных и эстетических качеств.

2. Систематичности и последовательности. Занятия по программе проводятся два раза в неделю в течение учебного года. Изучение тематического и музыкального материалов подчинено определенной последовательности, а также переходу от одноголосного к многоголосному пению произведений. Произведения первоначально изучаются на слух по руке одноголосно. Затем по нотам, и далее постепенно осуществляется переход к многоголосному пению.

3. Сознательности и активности. Развитие у детей сознательного отношения к содержанию разучиваемого материала, технике исполнения. В программе используются методы обучения и виды деятельности, которые помогают привлекать такие мыслительные операции, как: сравнение, обобщение, анализ и синтез. Так ребенок принимает активное участие в уроке.

4. Прочности. Повторение пройденного материала для полного его закрепления.

5. Наглядности. Использование нотного и текстового материалов для разучивания произведений, а также аудио- и видеозаписей для правильного восприятия изучаемого материала. Исполнение голосом для показа правильной манеры пения. Использование фортепиано для ознакомления с произведением.

6. Доступности. Тематический план и музыкальный репертуар разработан с учетом возрастных особенностей учащихся.

7. Принцип интереса, увлеченности, положительного отношения к уроку.

8. Связи музыкального обучения с жизнью. Разучивание произведений духовного содержания, а также образцов народно-песенного творчества и творчества бардов способствует духовно-нравственному и эстетическому развитию детей, что необходимо для становления их личности.

9. Принцип оптимизации процесса обучения, который характеризует деятельность учителя на уроке и обращен к процессу обучения с выявлением особенностей каждого учащегося, фиксацией их музыкальных способностей, наблюдением за усвоением программы и т.д.;

Методика проведения занятий на всех этапах обучения состоит из:

- развития навыков правильного понимания, осмысления и исполнения изучаемого материала;
- работа над певческими навыками. Необходим точный показ голосом;
- развитие умений и навыков сольного и ансамблевого исполнения;
- развития специальных данных: музыкального

слуха, чувства ритма, музыкальной памяти, музыкального воображения. При этом мы учли все возрастные особенности детей, базируем все воспитание на доступном дидактическом и методическом материале;

- развития навыков быстрого чтения партитур и чтение текстов на церковно-славянском языке;
- прохождение практики на клиросе, участие в концертных мероприятиях.

Формы проведения занятий:

1. Практические занятия, на которых происходит разучивание духовного и песенного хорового материала.

2. Учебное занятие – репетиция, на котором отрабаты-ваются концертные номера.

3. Учебное занятие – концерт.

Методы, способствующие успешному усвоению хорового материала, правильному пониманию, осмыслению и исполнению:

- приучение к специфике тембра и звукоизвлечения, мелодического и ритмического интонирования;
- воспроизведение молитвенного текста на разных языках;
- комплексного подхода, основанного на одновременном изучении сольфеджио и церковных песнопений;
- развития традиционных навыков артикуляции в процессе хорового пения;
- дифференцированного освоения гласов и характерного их исполнения.

Виды деятельности, применяемые на уроках по разучиванию хорового материала:

- пение произведения по руке;
- чтение с листа хорового произведения;
- анализирование произведения;
- разучивание хорового произведения;
- слушание в записи разучиваемого произведения;
- пение с использованием фортепианного дублирования голосов партитур;
- пение голосов по отдельности, а также в сочетании двух, трех или четырех голосов;
- пение текста молитвы на разученный глас;
- пение произведения на разных языках;
- транспонирование хорового произведения.

Структура урока

Нами разработана 2 структуры комплексного урока. Так как занятия по программе проводятся 2 раза в неделю по 2 академических часа, то 1 занятие проводится по структуре урока №1, а второе занятие по структуре №2а или 2б, далее структуры уроков чередуются.

Структура урока №1

- распевка;
- объяснение темы урока (с прослушиванием записей и без);
- показ и разучивание духовно-хоровых произведений с объяснением и анализированием;
- прослушивание в записи разучиваемых произведений;
- чтение с листа нотного материала;
- исполнение молитвы после занятия.

Структура урока №2

- а) – распевка;
- продолжение объяснение темы урока (с прослушиванием записей и без);
- продолжение работы над духовно-хоровыми произведениями;
- повторение пройденных песнопений;
- разучивание песенного репертуара (с прослушивание записей);
- повторение пройденного песенного репертуара;
- исполнение молитвы после занятия.
- б) – распевка;
- продолжение объяснения темы урока (с прослушиванием записей);
- показ и разучивание новых духовно-хоровых произведений с объяснением и анализированием;
- повторение пройденных песнопений;
- разучивание песенного репертуара (с прослушиванием записей);
- повторение пройденного песенного репертуара;
- исполнение молитвы после занятия.

Результаты образовательного процесса

Личностные результаты должны отражать:

- наличие исторической памяти как чувства сопричастия с Отечеством;
- уважительное отношение к культурному наследию;
- укорененность в православной и народной традиции;
- ответственность и прилежание в учебе, усвоение таких качеств, как добросовестность, трудолюбие, долг, доброжелательность;
- наличие и практическая реализация навыков совместного творчества через участие в хоровом пении;
- развитие музыкально-эстетического чувства, умение видеть красоту.

Метапредметные результаты характеризуют:

- правильное понимание отношений знания и веры;
- совершенствование умственных способностей через опыт учебы, труда, творческой деятельности;
- умение извлекать духовный и нравственный смысл из полученных знаний;
- умение сотрудничать со сверстниками при решении творческих задач;
- овладение логическими действиями в процессе анализа церковно-музыкальных произведений.

Предметные результаты должны отражать:

- формирование представления о значении церковного пения в духовно-нравственном становлении и развитии человека;
- овладение певческими основами осмогласия и основных неизменяемых песнопений;
- развитие вокально-хоровых навыков, музыкального слуха и певческого голоса;
- наличие навыков клиросного пения через осознанное участие в богослужении.

Предметом итоговой оценки учащихся должно

быть достижение личностных, предметных и метапредметных результатов.

Способы отслеживания и фиксации результатов

Отслеживание результата – это видение того, насколько идет продвижение к цели. Оценивание результата – это сопоставление полученного результата с предполагаемым или заданным; соотношение результатов отслеживания с критериями; качественный анализ деятельности относительно целей. Задачи, поставленные в программе, ориентированы на развитие духовной культуры учащихся. С каждым этапом занятий у обучающихся появляется потребность в познании религиозно-духовного, культурного наследия нашей страны.

При работе по данной программе вводный (первичный) контроль проводится на первых занятиях с целью выявления уровня развития духовной культуры учащихся, развития музыкального уровня, а также воздействия духовных произведений на становление характера учеников. Он может быть в форме собеседования или анкетирования. Текущий контроль проводится для определения уровня усвоения содержания программы. Форма контроля может быть традиционная (концертные выступления) и нетрадиционная (пение на клиросе). При такой форме контроля можно проследить степень интереса ребенка к деятельности. Оптимальным вариантом итогового контроля может стать повторное анкетирование, а также анализирование концертного выступления, проходящее в форме беседы.

Библиографический список

1. Абдуллин Э. Б. Теория и практика музыкального обучения в общеобразовательной школе. М.: Просвещение, 1983.
2. Апраксина О.А. Методика музыкального воспитания в школе. М.: Просвещение, 1983.
3. Багадуров В.А. Вокальное воспитание детей. М: АПН РСФСР, 1953.
4. Володина Е.Е. Совершенствование учебно-воспитательного процесса в православных учебных заведениях (на материале преподавания музыкально-теоретических дисциплин). Автореф. дис.канд.пед.наук. М., 2000.
5. Кошмина И.В. Возрождение традиции преподавания духовной музыки в начальной школе: Автореф. дис. канд.пед.наук. М., 1994.
6. Осенева М.С., Самарин В.А., Уколова Л.И. Методика работы с детским вокально-хоровым коллективом: Учеб. пособие для студ. муз.-пед. отд. и фак. сред. и высш. пед.учеб. заведений. -М.: Академия, 1999.
7. Педагогика / Под ред. П.И. Пидкасистого. М., 2002.
8. Руднева А. Русское народное музыкальное творчество. М.:Композитор, 1994.
9. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Общая педагогика. В 2 ч. М., 2002.
10. Шамина Л.В. Теоретико-методические основы обучения русскому народно-певческому искусству: Автореф. дис. докт. пед.наук. М.,1996.
11. Шерстнева О.А. Музыкально-эстетическое воспитание личности.// Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4. 1998.

References

1. Abdullin E. B. Theory and practice of music education in secondary school. -M.: Prosveschenie, 1983
2. Apraksina O.A. Methodology of musical education in school. -M.: Prosveschenie, 1983
3. Bagadurov V.A. Vocal education of children.- M.: APN RSFSR, 1953
4. Volodina E.E.Improvement of the educational process in Orthodox schools (based on the teaching of music-theoretical subjects). Aurhor's abstract, cand. dis.on pedagogical sciences.-M., 2000
5. Koshmina I.V. Revival of traditions of sacred music teaching in the primary school: aurhor's abstract, candidate dissertation on pedagogical sciences.- M., 1994
6. Oseneva M.S., Samarin V.A., Ukolova L.I. The methods of working with children's vocal-choral collective psychology. -M.: AKademiya, 1999
7. Education/ed. P.I. Pidkasisty.- M., 2002
8. Rudneva A. Russian folk music. -M.: Kompozitor, 1994
9. Slastenin V.A. Isayev I.F., Shiyanov E.N. General pedagogy. In 2.-M., 2002
10. Shamina L.V. Theoretical-methodical bases of Russian peoples vocal art: aurhor's abstract, doctoral dissertation on pedagogical sciences. - M., 1996
11. Sherstneva O.A. Musical and aesthetic education of personality// Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. No. 4. 1998

Е.А.МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета

К 80-ЛЕТИЮ ПРИСУЖДЕНИЯ И.А. БУНИНУ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

3-5 октября состоялась Всероссийская научная конференция «Бунинские чтения-2013», посвященная 80-летию присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии. Ее организаторами стали кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета и Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева.

Судьба русских эмигрантов, вынужденных после событий октября семнадцатого года покинуть родину, была бы еще более безысходной, если бы не память о России, которую они хранили в своих сердцах и которой посвящали свои произведения. «Они унесли с собой Россию» – так назвал свою книгу о русской эмиграции французский исследователь Р. Герра.

Иван Бунин был «лицом» русской эмиграции: он был самым известным и самым титулованным (три Пушкинские премии и звание Почетного академика Российской Академии Наук) писателем-эмигрантом, занявшим твердую позицию непримиримого борца с большевиками и с писателями, которые, по его мнению, приняли сторону Советской власти. В 1933 году первым из русских писателей Бунин стал лауреатом Нобелевской премии в области литературы, полученной (согласно записи в дипломе Шведской академии) «за художественное мастерство, благодаря которому он продолжил традиции русской классики в лирической прозе».

Бунин писал о России, о молодости, о любви: «Солнечный удар», «Грамматика любви», «Митина любовь», «Темные аллеи», «Жизнь Арсеньева» – в этих книгах запечатлена молодость его поколения, та Россия, которую он помнил и любил.

С особой теплотой Бунин вспоминал Орел. «Когда я думаю о родине, передо мной прежде всего встает Орел, Москва, великий город на Неве, а за ними вся Россия», – писал Бунин. В Орле он был сотрудником газеты «Орловский вестник», опубликовал первую книгу стихов (1891), перевод «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло. В Орле он узнал радость и боль первой любви.

В Орле чтят память своего великого земляка. Вот уже много лет подряд в Орле проводятся научные конференции, посвященные жизни и творчеству Ивана Алексеевича Бунина.

В этом году «Бунинские чтения» проходили в теплом и гостеприимном музее И.А. Бунина. «Теплота» дома создавалась любовью и заботой ко всему тому, что было связано с Буниным, с его творчеством. Экспозиция, библиотека музея, интерьер парижского кабинета писателя, бело-голубая гостиная, где проходили «чтения» – все это воссоздавало атмосферу бунинской эпохи.

Участниками конференции стали ученые из разных городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Чебоксар, Йошкар-Олы, Белгорода, Саранска, Орла. С приветственным словом к собравшимся обратилась Е.Н. Пузанкова, проректор по научной работе Орловского государственного университета.

С докладами выступили как известные ученые, так и начинающие исследователи творчества И.А. Бунина.

Актуальное сегодня направление «буниноведения» – изучение архивов писателя и на их основе уточнение фактов его биографии и творчества. А.В. Бакунцев, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына» (Москва), кандидат филологических наук, опираясь на материалы Русского архива в Лидском университете (Великобритания), по-новому представил историю создания и публикаций знаменитой речи И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции». Долгую историю борьбы советских «буниноведов», прежде всего, А.К. Бабореко, за возвращение бунинского архива в Россию рассказала заведующая музеем писателя – И.А. Костомарова. С материалами бунинской коллекции в фондах Орловского литературного музея участники конференции познакомили научные сотрудники Е.Н. Филатова, И.В. Корнеева, Е.Г. Аркатова.

Глубокий научный анализ прозы и поэзии И.А. Бунина был представлен в докладах доктора филологических наук Т.В.Ковалевой (Орел) «Пятистопный хорей И.А.Бунина: к проблеме семантики метра», кандидатов филологических наук Т.Ю. Яровой (Воронеж) «Характеристическая роль антропонимов в реалистическом творчестве И.А. Бунина», Н.Н. Смоголь (Орел) «Остров нелюбви» (по повести И.А. Бунина «Деревня»), Н.В. Степиной (Орел) «Профессия журналиста в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» и других исследователей.

Среди выступавших особенно следует выделить глубоко научные доклады начинающих исследователей: С.В. Зеленцовой (Орел) «Психологический пейзаж в текстах И.А. Бунина 1910-х годов», И.А. Малишевского (Воронеж) «Морской комплекс» в лирическом творчестве И.А. Бунина», Н.А. Ивановой (Чебоксары) «Музыкальный код в рассказе И. Бунина «Танька» и Б. Зайцева «Соседи».

Проблеме влияния И.А.Бунина на творчество других художников была посвящена целая серия докладов: доктора филологических наук В.П. Изотова (Орел) «Бунин и Высоцкий. Опыт типологии», кандидатов филологических наук С.Р. Тумановой (Москва) «Обостренной чувство жизни... (И.А. Бунин – А.Т. Твардовский), Е.А. Казеевой (Саранск) «И.А.Бунин и А.И.Тиняков (Одинокий)», М.К. Лопачевой (Санкт-Петербург) «Жорж мил и уныл... (И. Бунин и Г. Иванов), Ю.А. Драгуновой (Орел) «Судьба человека в эмиграции (Б.Зайцев «Повесть о вере», «Другая вера»)» и др.

Т.Н. ГЕЛЛА

доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Орловского государственного университета

ГРАНОВСКИЙ ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – «ПУШКИН ИСТОРИИ»

26-27 сентября 2013 г. на базе исторического факультета Орловского государственного университета состоялась Международная научная конференция «Опыт мировой истории и проекты будущего в общественной мысли России и Запада в XIX – начале XXI века», посвященная 200-летию Т.Н. Грановского. Инициаторами ее проведения выступили Институт всеобщей истории РАН, Российское Общество интеллектуальной истории, Правительство Орловской области, Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева, Дом Т.Н. Грановского.

В конференции приняли участие ученые Москвы, Киева, Перми, Челябинска, Новосибирска, Тамбова, Ставрополя, Самары, Саратова, Чебоксар, Новокузнецка, Иркутска, Орла и др.

На конференции работали пять секций: 1. Т.Н. Грановский – ученый, педагог, общественный деятель; 2. Проблемы всеобщей истории и истории России в творчестве Т.Н. Грановского; 3. Грановский и его современники; 4. Исторический опыт и общественная мысль России и Запада в XIX- начале XX в.; 5. Грановский и университетская культура и наука в Германии и России. Представленные на конференции материалы позволили рассмотреть с современных позиций основные итоги многогранной деятельности ученого, проследить его влияние на развитие социогуманитарного знания, прежде всего, в области всеобщей истории, обсудить проблему судеб исторической науки,

перспектив ее развития в современных условиях.

К началу работы конференции был подготовлен и издан сборник тезисов докладов. Культурная программа конференции включала в себя посещение музея И.С. Тургенева и родового имения Грановских в с. Погорелец, экскурсию по гг. Орел и Болхов.

Во время работы конференции была организована выставка книг, посвященных жизни и общественно-педагогической деятельности Т.Н. Грановского, представленных библиотекой Орловского государственного университета, Орловской областной публичной библиотекой им. И.А. Бунина, музеем И.С. Тургенева.

Конференция заложила основы для развития новых направлений в исследовании разносторонней деятельности Т.Н. Грановского как ученого, педагога и общественного деятеля XIX в., и его вклада в историческую науку для будущих поколений.

М.А. КИРСАНОВ

аспирант Орловского государственного университета

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПРОБЛЕМАМ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛЕ

17-18 октября в стенах Орловского государственного университета состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция. Участники конференции обсудили важнейшие проблемы обеспечения качества дошкольного образования при введении федеральных государственных образовательных стандартов.

Наш город для проведения столь масштабного мероприятия был выбран неслучайно. Как подчеркнула профессор кафедры начального и дошкольного образования Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Ольга Чиндилова, на базе ОГУ хорошо развита система подготовки кадров для образования, в том числе дошкольного. «В Орловском государственном университете достаточно единомышленников, которые многое знают, умеют и могут поделиться накопленным опытом, – отметила Ольга Васильевна. – Кроме того, Орел имеет выгодное местоположение, что позволило приехать сюда большому количеству участников из разных городов. Обсуждать будем проблемы дошкольного образования, новые стандарты в этой сфере. Сегодня отрасль столкнулась с рядом проблем. Одна из них – нехватка мест в детских садах».

Свое мнение о данном мероприятии выразила декан факультета педагогики и психологии ОГУ Марина Алдошина: «Очень отраднo, что конференция проходит на базе нашего университета. Университету более 80 лет, а нашему факультету – свыше 50. Все эти годы профессорско-преподавательский состав готовит кадры, которые успешно реализуют свои знания в системе дошкольного образования. На факультете готовят специалистов разного профиля, но в основе совместной деятельности – задача подготовить педагога, который сможет работать по новым государственным стандартам дошкольного образования. Сегодня государство четко указывает ориентиры, которых нужно придерживаться в работе с дошкольниками.

Наши выпускники востребованы не только в Орловской области, но и в других регионах страны, и даже за рубежом».

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи указывается универсальная десятичная классификация (УДК), имя, отчество и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском и английском языках. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А.* Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. *Goldman S.M., Tanner C.* Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al.* Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al.* The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/> *

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

*Библиографический список также переводится на английский язык (**References**)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. – (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, руководитель НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета; академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, зав. отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук.

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета; действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член международной ассоциации изобразительных искусств им. И.А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – доктор юридических наук, профессор Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических

наук, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета, директор НИИ правовых проблем Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета дополнительного профессионального образования и повышения квалификации, зав. кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков Института языкознания РАН;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2013. – №5(55). – 336 с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.10.2013 г. Формат 60х80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 41,75 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 40
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30